



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



P Star 236'4



HARVARD  
COLLEGE  
LIBRARY









ДЕКАБРЬ

1877

# ДѢЛО

ГОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ

№ 12.

## СОДЕРЖАНИЕ.

1. **ВАРХАТНЫЕ КОГИ.** Романъ. (Окончаніе.) . . . . . И. АРТИКЪ.
2. **ВДВОЕМЪ.** Стихотвореніе. (Три картинки.) . . . . .
3. **ПОГИВАЮЩІЯ ВЪ ДѢТСТВѢ СИЛЫ.** Очерки общественной жизни. (Окончаніе.) . . . . . А. МИХАЙЛОВА.
4. **ТРУЖЕНИКЪ.** Стихотвореніе. (Съ французскаго.) . . . . . А. ГУСАЧЕВА.
5. **СФИНКСЪ,** Романъ. (Окончаніе.) . . . . . В. О. ЛУБРОВИЧЪ.
6. **КАЛѢКА.** Стихотвореніе. . . . . С. А.
7. **ДЕНИСЪ ДИДРО.** (Окончаніе.) . . . . . С. С. ШАШКОВА.
8. **НАБОБЪ.** Очерки парижскихъ нравовъ. Романъ. (Окончаніе.) . . . . . АЛЬФОНСА ДОТЪ.

(См. на оборотѣ.)



9. ВЪ НѢДРАХЪ РОДНОЙ ЗЕМЛИ.  
(Итоги горной промышленности Россіи.)  
(Окончаніе.) . . . . . Л. ИВЧИКОВА.
10. ДУМА. Стихотвореніе. (Посвящается  
Н. В. Чечесову.) . . . . . С. А.

## СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

11. ПРОДУКТЪ ПОЛИТИКИ XIX  
ВѢКА. (Окончаніе.) . . . . . П. У—ВА.  
(Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield, vol. I. London, 1877.)
12. ЧЕГО ОЖИДАТЬ ОТЪ ВОСПИТА-  
НІЯ? . . . . . Н. ЯЗЫКОВА.  
(Воспитаніе умственное, нравственное и физическое, соч. Герберта Спен-  
сера, изданіе Карбасникова. Спб., 1877 г.)
13. НОВЫЯ КНИГИ . . . . .  
Русскій среди американцевъ. Н. Владимірова. Спб., 1877 г. — Плачь  
С.-Петербурга въ санитарномъ отношеніи. Докт. мед. Ю. Губнера.  
Спб., 1877 г.—Рашъ. Черногорія. Очерки, картины и рассказы. Перев.  
съ нѣмецкаго. М. 1877 г.
14. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ  
ЖИЗНИ . . . . . ОТРОВЕННАГО ПИСАТЕЛЯ.  
„Итакъ, свершилось“—Публицисты-чревоушители.—Картины будущего и  
моя къ ней поправка.—Что намъ дѣлать съ Константинополемъ?—Проекты  
мира.—Праведные судьи.—Г. Сологубъ, оберегающій „семейныя основы“.  
Наказаніе, постигшее г. Сологуба.—Наказаніе отставнаго солдата, насту-  
пившаго одесской дамѣ на шлейфъ.—Васильсурскій баронъ и васильсур-  
скій судья.—Старобѣльскій судья г. Гапоповъ и его исполнительные листы.—  
Помѣщикъ Мариновъ, заключающій „добровольныя“ условія съ крестья-  
нами и взскивающій съ крестьянъ на сумму иска въ 93 руб. 1,064 руб.  
неустойки.—Рѣшеніе маленькой задачи.—Сцены выборовъ.—Права города  
Одессы.—„Пускай я буду воромъ, я все-таки вора выберу!“—Выборы въ  
Тамбовѣ.—„Кто первый палку взялъ, тотъ и капралъ“.—Робость въ обще-  
ственныхъ дѣлахъ.—Общественная жилка въ народѣ.—„Воровскія“ теле-  
граммы.—Равнодушіе читателя.—„Телефонъ“ въ видѣ преміи.—Учетъ до-  
ходовъ г. Варшавскаго.—Трогаешь-ли это его?—Русскіе и англійскіе ко-  
рреспонденты.—Интересный процессъ въ Тифлисѣ.—Тифліскіе педагоги,  
предлагающіе надѣть намордникъ на мѣстную печать.—Выпускной экза-  
мень на женскихъ медицинскихъ курсахъ.—Письмо профессора Тарханова.
15. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. . . . . П. Ш.  
Дорого-стоящія современныя войны.—Что значить для нихъ частная  
благотворительность?—Литература „Краснаго Креста“.—Факты порица-  
тельные, факты хвалебныя, факты оправдательныя, факты организаціон-  
ныя.—На-сколько справедливо обвиненіе Краснаго Креста?—Вина его въ

БИБЛИОТЕКА  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО  
УНИВЕРСИТЕТА

О ПОДПИСКѢ  
НА  
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ  
„ДѢЛО“  
въ 1878 году.

Журналь «ДѢЛО» будетъ издаваться въ 1878 году, при постоянномъ участіи прежнихъ его согрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же програмѣ, какъ и въ прошлыя ОДИНАДЦАТЬ лѣтъ.

Годовое изданіе журнала „ДѢЛО“ состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая, большого формата.

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:**

- безъ пересылки и доставки . . . . 14 р. 50 к.
- съ дост. въ Петербургъ . . . . . 15 р. 50 к.
- съ пересылкой иногороднимъ . . . . 16 р. „

---

ЗА-ГРАНИЦУ ВО ВСѢ ГОСУДАРСТВА. . 19 р.

---

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „ДѢЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39.



## СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Бархатные когти. Романъ. (Окончаніе.) . . . . .	<i>П. Лытцева.</i>
Вдвоємъ. Стихотвореніе. (Три картинки.) . . . . .	<i>С. А.</i>
Погибающія въ дѣтствѣ силы. Очерки общественной жизни. (Окончаніе.) . . . . .	<i>А. Михайлова.</i>
Труженикъ. Стихотвореніе. (Съ французскаго.) . . . . .	<i>Ал. Гусачева.</i>
Сфинексъ. (Окончаніе.) . . . . .	<i>Е. О. Дубровиной.</i>
Калѣба. Стихотвореніе . . . . .	<i>С. А.</i>
Денисъ Дидро. (Окончаніе.) . . . . .	<i>С. С. Пашкова.</i>
Набобъ. Очерки парижскихъ нравовъ. Романъ. (Окончаніе.) . . . . .	<i>Альфонса Додэ.</i>
Въ нѣдрахъ родной земли. (Итоги горной промышленности Россіи.) (Окончаніе.) . . . . .	<i>Л. Мечникова.</i>
Дума. Стихотвореніе. (Посвящается Н. В. Чемесову.) . . . . .	<i>С. А.</i>

## СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Продуктъ политики XIX вѣка. (Окончаніе.) . . . . .	<i>П. У—ва.</i>
Чего ожидать отъ воспитанія? . . . . .	<i>Н. Язлкова.</i>
Новыя книги. . . . .	
Картинки общественной жизни . . . . .	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
Внутреннее обозрѣніе. . . . .	<i>Н. Ш.</i>
Военная хроника.	
Г. Миѣшинъ — не въ своихъ са- няхъ . . . . .	<i>По порученію „Все то-же“.</i>

# ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

№ 12. ✓

---

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Г. Е. ВЛАГОСЪТЛОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1877.

L

P Slav 236.4 (11, NO. 12)

✓



4542

**Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 декабря 1877 года.**

# ВАРХАТНЫЕ КОТЧИ.

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

Какъ-бы то ни было и какіе-бы червячки ни точили сердца присутствующихъ, все мало по-малу уладилось, оживилось, явилось еще два три знакомыхъ, и обѣдъ былъ очень весель. Аграфена Николаевна и Валентина поспорили было изъ-за Березина, желая посадить его каждая по свою сторону, но молодой чловѣкъ показалъ неожиданную самостоятельность и, уйдя отъ нихъ на другой край стола, сѣлъ возлѣ Евгеніи. По другую сторону ея поживился Актаровъ, и Евгенія вся засіяла и заблестѣла отъ удовлетвореннаго самолюбія; и, при этомъ блескѣ, всѣ вдругъ увидали, что на ней было прелестное блѣдно-зеленое баржевое платье, и начали хвалить его. Агрипинѣ стало завидно, что никто не хвалитъ ея синій клѣтчатый костюмъ, и она сказала:

— А это платье у тебя ужъ очень старо, Евгеша.

Чтобъ унизить Евгенію, она придумала называть ее Евгешей. Красавица не удостоила обратить на нее вниманія и тихо говорила съ Березинимъ, который терялъ голову.

— Вамъ сегодня особенно весело, говорила Валентина черезъ столъ Березину.

— Не знаю, почему вы мнѣ это замѣчаете, возражалъ онъ не совсѣмъ довольнымъ тономъ.

— Потому, что вы особенно разговорчивы; что васъ такъ оживляетъ: рюмка портвейна или... другое что-нибудь?

— Это ужъ я предоставляю вамъ угадывать, если это васъ интересуесть.

Агрипина громко засмѣялась и начала приставать къ Валентинѣ: „А это очень васъ интересуесть? Скажите: очень? Не конфузьтесь!“

— Евгенія Леонтьевна, говорилъ въ это время Актаровъ,— удостоите-ли вы, наконецъ, отвѣчать мнѣ? Я давно уже взываю къ вамъ, какъ къ глухому идолу!

— Ну, что вамъ надо? проговорила Евгенія тихо, медленно. и съ какой-то нѣгой вскинула глаза на своего сосѣда.

— Что мнѣ надо? Чтобъ вы не такъ исключительно занялись своимъ лѣвымъ сосѣдомъ, чтобъ даже не слышать того, что я говорю.

— Я слышала все, сказала она.

— И не отвѣчали?

— И не отвѣчала.

Она засмѣялась и кокетливо поправила волосы. Взглядъ ея нечаянно встрѣтился съ взглядомъ Дины, и Актаровъ никакъ не могъ понять, почему въ глазахъ Евгении свернулся вдругъ такой злой огонекъ.

— Вы сердиты на меня? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; но если-бъ я увлеклась въ разговоръ съ вами, бѣдному мальчику не досталось-бы уже ничего. Зачѣмъ отбивать у него крохи, которыя падаютъ на его долю!

— Почему-же я долженъ жертвовать собою для него?

— Потому, что онъ довольствуется этими крохами, а вы...

— Что-же я?... спросилъ Актаровъ, наклоняясь.

Она покраснѣла и молчала, чертя вилкой по тарелкѣ.

— Вы хотите сказать, что я не довольствуюсь, продолжалъ онъ,—но развѣ я отъ васъ видѣлъ что-нибудь больше?

— Не хотѣли видѣть, стало быть.

— Какъ не хотѣлъ?... Когда?

— Хоть-бы сегодня.

— Что же сегодня? Вы и вниманія на меня не обращали.

— Одинъ французъ - мыслитель сказалъ: *Souvent, quand le regard du corps est ici. le regard du coeur est la bas.*

Актаровъ собирався, послѣ довольно долгаго молчанія, сказать что-то, когда Евгенія перебила его.

— Я не могу говорить теперь, не могу, шепнула она.

— Отчего? спросилъ Актаровъ тоже шопотомъ.

— Ваша сестра не сводитъ съ меня глазъ и вслушивается въ каждое мое слово.

— Валентина? О, помяните, ей не до другихъ.

— Я говорю не о Валентинѣ; развѣ у васъ нѣтъ другой сестры?

— А!... Дина? Но она такъ занялась съ Бахметьевымъ, что ей тоже не до насъ. Видите, онъ ей что-то повѣряетъ.

— Вамъ кажется, она внимательно его слушаетъ. Я васъ увѣряю, что она слушаетъ *насъ*.

Она выговорила это слово *насъ* съ такой особенной лаской, что по Актарову пробѣжалъ трепеть удовольствія, что этимъ словомъ она соединила его съ собою.

— Можетъ быть, сказалъ онъ,—но какой же интересъ...

— Незамужнія сестры, у которыхъ нѣтъ цѣли въ жизни, всегда интересуются всякими мелочами, касающимися братьевъ, сказала Евгенія съ наивной, очаровательной улыбкой;—онъ боится, чтобъ не поколебалось ихъ вліяніе. Вѣдь Дина имѣетъ на васъ большое вліяніе, признайтесь?...

— Не во всемъ, уклончиво отвѣчалъ Актаровъ.

— А именно, въ чемъ-же она *не* имѣетъ?

— Сергѣй Кириловичъ! Сергѣй Кириловичъ! раздался рѣзкій голосъ Агриппины, раскраснѣвшей отъ досады:—можно-ли быть такъ разсѣяннымъ? Тебя спрашиваютъ, когда будетъ разбирательство дѣла о пображѣ соломы.

— Въ четвергъ, отвѣчалъ Актаровъ спрашивавшему господину, замѣчая въ то-же время съ неудовольствіемъ, что Евгенія опять разговорила съ Березиннымъ.

Послѣ обѣда мужчины пошли курить въ кабинетъ. Вдругъ вошла Валентина, призывая Березина: Агриппинѣ сдѣлалось дурно. Выпитое ею вино произвело головокруженіе и тошноту; она полулежала на диванѣ, запрокинувъ голову и охая.

— Что вы чувствуете? спросилъ Березинъ.

— Все... вездѣ... боль, тяжесть... И въ головѣ, и въ груди,



стонала она.—Меня еще дорогой растрясло... а тутъ ни лечь, ни отдохнуть негдѣ... Я черезъ силу... Къ тому-же обѣдъ самый нездоровый... все жирно, все не дожарено... А не ѣсть нельзя: подчуютъ, обижаются... Ахъ! знала-бы — не ѣдила. Охъ, Боже мой! Да дайте-же мнѣ чего-нибудь, Владиміръ Ивановичъ!

Она заплакала болѣзненными, нервными, жалобными слезами. Всѣ засуетились вокругъ.

— Капли надо ей дать? вопросительно обратилась Валентина къ Березину;— у меня есть аптечка, пойдемте, я вамъ покажу.

Она повела его въ свою комнату—самую лучшую и красивую въ домѣ—и достала изъ шкафа нѣсколько стеклянокъ, которыя Березинъ началъ добросовѣстно нюхать, откупоривать, брать на языкъ и читать ярлыки, изумляясь, что въ каждой стеклянкѣ было не то, что на ней подписано.

— Садитесь сюда, сказала Валентина, указывая мѣсто возлѣ себя на мягкомъ диванѣ и подавая папиросы;—закуривайте; я никогда не курю, но для компаніи вамъ...

— Нѣтъ, благодарю, я сейчасъ пойду къ Аграфенѣ Николаевнѣ, отвѣчалъ онъ, разсматривая на свѣтъ стеклянку и хмурия брови съ видомъ серьезнаго и опытнаго доктора. За обѣдомъ Евгенія лукаво подсмѣивалась надъ нимъ, что онъ сдѣлался предметомъ страсти двухъ перерѣзанныхъ дамъ, и Березинъ, по молодости своей, боялся попасть въ смѣшное положеніе.

— Сядьте, настаивала Валентина:—попробуйте, какъ здѣсь покойно и мягко... Ну, что хорошо вѣдь?

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, садясь и опять вскакивая.

— Вы не спѣшите идти къ Агрипинѣ, сказала Валентина съ смущенной улыбкой:—я отъ нея васъ увела. Ее будутъ раздѣвать, растирать спиртомъ. А мы съ вами посидимъ пока здѣсь. Здѣсь вѣдь не дурно, не правда-ли?

— У васъ тутъ нѣтъ даже гофманскихъ капель, возразилъ Березинъ, продолжая для вида вертѣть стеклянки.

— Нѣтъ, есть; онѣ на туалетномъ столѣ въ флаконѣ для духовъ. Хотите посмотреть мой туалетный столъ?

— А что у васъ тамъ? наивно спросилъ Березинъ, думая, что ему покажутъ диковину.

— Вотъ карточка... узнаете, кто? говорила Валентина, пригласивъ его къ столу и усадивъ.

— Это—вы? нерѣшительно сказалъ онъ, глядя на расфранченную фигуру, сидѣвшую съ гордымъ видомъ на карточкѣ.

— Ну что—похожа?

— Нѣтъ, не похожи.

— Чѣмъ-же? На васъ не угодишь. Ну вотъ посмотрите еще: вотъ моя карточка, когда я была невѣстой перваго мужа—въ шестнадцать лѣтъ; а вотъ эта—я уже замужемъ за вторымъ; это—я въ маскарадномъ костюмѣ дебардера; это—я играла на театрѣ въ роли „невѣсты“ Гоголя. Которая вамъ больше нравится?

Березинъ, молча, перебиралъ карточки, поднося ихъ къ глазамъ, оборачивая на изнанку и прилежно читая адреса фотографіи.

— Рѣшайтесь-же, проговорила Валентина какъ-то таинственно.

— На что мнѣ рѣшаться? испугался Березинъ.

— Которая вамъ понравилась—вы можете оставить у себя... Только не всѣ!... всѣхъ я не дамъ...

Она игриво протянула руки, чтобъ отнять у него карточки, и въ эту минуту вошелъ Актаровъ. Березинъ вспыхнулъ, какъ пойманный на мѣстѣ школьникъ, отдернулъ руки отъ карточекъ и пошелъ къ двери.

— Куда-же вы? Владиміръ Ивановичъ, оставайтесь, говорила Валентина такимъ тономъ, который означалъ: „Чего вы испугались? Зачѣмъ намъ прятаться,—мы ничего дурного не дѣлали“.

Но юноша бѣжалъ безъ оглядки, какъ прекрасный Іосифъ. Валентина обратилась къ брату съ той-же выдѣланной улыбкой, означавшей: „Я не скрываюсь ни отъ кого, моя совѣсть покойна, я знаю, что про меня нельзя ничего сказать“.

Но Актаровъ, казалось, вовсе не раздѣлялъ такого мнѣнія; на лицѣ его ясно выразились досада и гнѣвъ.

— Ты просила меня говорить съ твоимъ мужемъ, сказалъ онъ сурово; — я говорилъ; гости уѣхали и мы все время сидѣли вдвоемъ.

— Ну... и что-же?

— Онъ говоритъ, что не можетъ жить съ тобой, что если ты не уѣдешь, онъ броситъ службу и наймется куда-нибудь такъ, чтобъ получать не больше пятидесяти рублей въ мѣсяцъ.

— Вотъ какъ! сказала Валентина, стараясь непринужденно

смияться;—это значить, онъ подозрѣваетъ, что я потому только не хочу съ нимъ разстаться, что онъ доставляетъ мнѣ извѣстный комфортъ?

— Но вѣдь не изъ любви-же ты за него держишься.

— Какъ! вскричала Валентина съ пылающимъ лицомъ: —такъ ты находишь, что я дурно дѣлаю, что мужественно борюсь за мое женское достоинство, за мои гражданскія права, за ненарушимость брака, какъ нравственнаго учрежденія? Съ какой стати я уѣду, какъ какая-нибудь виновная, когда другія женщины живутъ съ мужьями да еще все себѣ позволяютъ!... По крайней мѣрѣ, что онъ говорилъ тебѣ про меня—я хочу знать.

Актаровъ все время задумчиво поглаживалъ бороду и отвѣчалъ не вдругъ.

— Если-бъ онъ приводилъ причины, факты и обвиненія, сказалъ онъ,—то я могъ-бы оспаривать его взглядъ на твои дѣйствія и вообще заступаться за тебя; но когда человѣкъ блѣднѣетъ при одномъ произнесеніи твоего имени, и, не обвиняя тебя ни въ чемъ, говоритъ только, что онъ *не можетъ* выносить дольше—я не знаю, что мнѣ сказать ему.

— *Не можетъ!* возразила Валентина съ негодованіемъ;—развѣ это не баловство, не блажь? Всѣ выносить, а онъ не можетъ! Ты имѣлъ-бы полное право поставить ему въ примѣръ себя: ты дѣйствительно терпишь отъ характера жены, отъ ея болѣзненности, скупости, и, однакожь...

— Этотъ примѣръ никуда не годится, перебилъ Актаровъ:—я женился вслѣдствіе одному мнѣ извѣстныхъ обстоятельствъ; и не любилъ моей жены; я зналъ и про ея характеръ, и про болѣзненность, и про скупость. Я не былъ обманутъ ею; но она была обманута мною, и я былъ-бы очень дурной человѣкъ, если-бъ сталъ вымещать на ней свою собственную вину. Я далъ себѣ слово сдѣлать жену мою на-столько счастливою, сколько это возможно безъ любви и симпатіи. Ну, и исполняю это, какъ умѣю.

Актаровъ невольно вздохнулъ при этихъ словахъ.

— Если такъ, то Александръ еще меньше имѣетъ права меня отвергать, сказала Валентина: — онъ меня увлекъ, онъ влялся мнѣ въ любви, чуть не стрѣлялся хотѣлъ; а теперь вдругъ жена надоѣла, такъ и по боку ее... Ну нѣтъ!

— Но онъ просить только уступки; онъ желалъ-бы, чтобъ ты

на это лѣто поѣхала пожить въ рязанское имѣніе. Подумай, какой отличный предлогъ: имѣніе принадлежит твоимъ дочерямъ, ты надъ ними опекуна, и ни разу не заглядывала туда послѣ смерти перваго мужа. Это почти обязанность.

— Это было-бы прекрасно, если-бъ Александръ со мной поѣхалъ и всѣмъ занялся, возразила она.—А то что-же я одна съ двумя дѣвочками! Я тамъ какъ въ лѣсу, никого не знаю; тамъ ни общества, ни книгъ. И почему я знаю, какъ вести хозяйство? Здѣсь ужъ все устроено, а тамъ заводись всѣмъ, входи во всякія дразги съ мужиками. Странно, что отъ меня требуютъ такой жертвы, тогда какъ сами не хотятъ ничѣмъ для меня пожертвовать!

— Я думаю, усмѣхнулся Актаровъ,—что если-бъ отпустить съ тобой—въ видѣ жертвы искупленія—Березина, то ты-бы охотно поѣхала.

Валентина смутилась и въ то-же время почувствовала тайную радость, что ее попрекаютъ Березинимъ.

— Что это значить? ненатурально спросила она,—къ чему тутъ Березинъ?

— Ни къ чему особенно; но, признаюсь, меня удивило, что при такомъ грустномъ положеніи дѣлъ, при ожиданіи какого-нибудь взрыва со стороны мужа, ты можешь находить удовольствіе разыгрывать идиліи.

— Какія-же идиліи? повторила Валентина, и обижаясь, и опять-таки радуясь, что замѣтили ея непростое отношеніе къ Березину.

— Да вотъ пребываніе съ нимъ вдвоемъ въ спальнѣ, карточки и вообще весь видъ!

— Неужели это предосудительно? спросила она съ оскорбленнымъ видомъ;—неужели я должна отказать себѣ даже въ простомъ разговорѣ съ знакомымъ, который мнѣ симпатиченъ? Это ужъ слишкомъ. Это просто *хотѣть* видѣть то, чего нѣтъ.

Вошла горничная и прервала ихъ, сказавъ Актарову, что къ нему пріѣхалъ посланный изъ Сосновки. Предполагая, что случилось что-нибудь важное, Актаровъ, слегка обезпокоенный, поспѣшилъ выйти въ переднюю, гдѣ дождался его сынъ приказчика. Въ самомъ дѣлѣ, случилась бѣда. Утромъ, вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда, прислуживавшая въ домѣ тринадцатилѣтняя дѣвочка

Настя прибирала что-то въ каморѣ, отведенной ей наверху. Вдругъ подъ нею проломились ветхія доски пола, служившаго потолкомъ одной изъ кладовыхъ Аграфены, Николаевны, и бѣдняжка полетѣла туда внизъ головою. Къ счастью, остальная прислуга услышала страшный стукъ и трескъ досокъ и прибѣжала на помощь. Люди спустились съ потолка внизъ, прыгая по нагроможденнымъ въ кладовой сундукамъ, и вытащили дѣвочку почти за мертво. Все это произошло оттого, что Аграфена Николаевна не позволяла, несмотря ни на какіе доводы, поправлять полъ надъ кладовой, потому что тогда неминуемо раскрыли-бы доски и посторонніе глаза увидали-бы, что заключается въ ея тайникахъ. Объявить ей объ этомъ случаѣ нельзя было и думать, если только не желать нарочно уморить ее. Мысль, что ея кладовая была теперь раскрыта, что въ нее спускались люди, трогали, осматривали все, навѣрно пили изъ бутылокъ съ клюквеннымъ морсомъ, отвѣдывали соленую рыбу и воровали старыя бурнусы, могла привести ее въ такое отчаяніе и изступленіе, что послѣдствія представлялись въ самомъ страшномъ видѣ.

Актаровъ пошелъ совѣтоваться съ Диною, которую нашелъ въ жаркомъ разговорѣ съ Бахметьевымъ. Оба они были взволнованы и щеки Дины горѣли. Выслушавъ разсказъ Актарова, она ужаснулась за пострадавшую дѣвочку; Бахметьевъ-же, ничего не слушая, продолжалъ говорить ей:

— Здѣсь невозможно объяснить вамъ все; но я поѣду къ вамъ съ вами; мы сядемъ вдвоемъ въ дрожки и дорогой я разскажу вамъ все, что вы должны понять.

— Ну, какъ-же быть, Дина, спрашивалъ съ нетерпѣніемъ Актаровъ, отдѣляя ее отъ Бахметьева.

Всѣ сошлись на совѣтъ, затворивши двери отъ Агриппины, къ которой послали Березина. Рѣшили сказать ей одну часть извѣстія, а именно, что прислали изъ Сосновки увѣдомить, что дѣвочка Настя упала и больно расшиблась, и по этому случаю Актаровъ хочетъ сейчасъ ѣхать домой, чтобъ посмотреть, что нужно для нея сдѣлать.

— А мы съ вами, Надежда Александровна, останемся ночевать, обратилась Мельхова къ Динѣ:—мы будемъ успокоивать и удерживать Агриппину, чтобъ она не вздумала ѣхать вслѣдъ за Сергѣемъ Кириловичемъ.

Дина, не отвѣчая, посмотрѣла на Мельхову. Въ ея внезапно дружески-медовомъ тонѣ и внезапно рѣшеніи остаться ночевать она чуяла что-то, чего та не досказывала.

— И прекрасно, сказалъ Бахметьевъ;—вы почете, а завтра и я поѣду съ вами. То-есть съ вами, Дина; помните, что я вамъ говорилъ?

Стали готовить чай; солнце уже сѣло и показался широкій и явственный рогъ мѣсяца. Погода стояла тихая и теплая; Актаровъ вышелъ на крыльцо, чтобъ отдать приказаніе кучеру, и къ удивленію своему, увидѣлъ неожиданное и красивое зрѣлище: Евгенія, съ непокрытой головой, съ развѣвающимися лентами, сидѣла въ его телѣжкѣ, и, сама права, объѣзжала кругомъ двора. Катерина Аполоновна смотрѣла на нее, качая головой съ улыбкой материнскаго безпокойства.

Увидѣвъ Актарова, Евгенія, улыбаясь, остановила лошадей. Онъ подошелъ помочь ей выйти, но она не приняла его руки, а слегка приподнявъ шлейфъ и отрывъ такія ножки и такія ботинки, лучше которыхъ ничего не могло быть въ мірѣ, сдѣлала граціозный, вѣрный скачекъ прямо на ступень крыльца.

— Какъ весело самой править! говорила она, обращая къ Актарову зарумянившееся лицо;—я въ первый разъ вижу такой экипажъ; онъ мнѣ очень нравится.

Дина, стоявшая у огня, все видѣла и слышала.

— Такъ вотъ что! сказала она себѣ; — вотъ зачѣмъ мать остается ночевать.

— Эти экипажи въ деревнѣ необходимы, отвѣчалъ Евгеніи Актаровъ;—но они вовсе не щеголеваты.

— Ахъ, мнѣ такъ надоѣло все щеголеватое! Мнѣ именно просто нравится, что вотъ надо влѣзть по этой узенькой дощечкѣ, съ которой слетѣть можно.

— Если тебѣ такъ хочется слетать, сказала шутливо Мельхова,—то попроси завтра эту телѣжку у Сергѣя Кириловича покататься, и учиь сама править.

— Я очень радъ, хоть каждый день, сказалъ онъ.

Евгенія вдругъ надула губы, покраснѣла и отвернулась; Актаровъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, вы совсѣмъ не рады, пробормотала она;—вамъ жаль вашу телѣжку... нечего объ этомъ и говорить.

— Что вы, Евгения Леонтьевна, что съ вами?

— Да какъ-же! обернулась она къ нему съ наивнымъ видомъ и съ дѣтской гримасой; — если-бъ вы не жалѣли, вы предложили-бы мнѣ ѣхать вотъ теперь съ вами... Развѣ вы боитесь, что отъ меня вамъ будетъ тѣсно?

— Ахъ, Женичка, *quelle indiscretion!* остановила ее мать.

— Правда, что это *indiscretion?* обратилась Евгения къ Актарову; — если такъ, то простите.

— Нисколько, возразилъ тотъ; — мнѣ въ голову не приходило предложить вамъ... потому что я не ожидалъ... да я и не смѣлъ-бы... Но если вамъ угодно, поѣдьте.

Евгения кивнула головою и, напѣвая, скрылась въ домѣ.

— Вотъ всегда она такая, говорила Мельхова, идя рядомъ съ Актаровымъ; — всегда во всемъ у нея первое побужденіе, — что вздумаетъ, то и скажетъ; никогда у нея нѣтъ мысли, что о ней подумаютъ?

— Что-же могутъ о ней подумать? возразилъ Актаровъ.

— Какъ что! да вотъ первое: Агрипинѣ это не понравится. Вы лучше не говорите ей, что поѣдете съ Евгенией.

Актаровъ промолчалъ и они вошли въ столовую, гдѣ пили чай и гдѣ Агрипина громко осуждала мужа за то, что онъ всполошился ѣхать лечить какую-то дѣвчонку. Но когда мужъ сказалъ, что кромѣ того сломалось что-то во флигелѣ и требуетъ поправки, она замѣтно огорчилась и стала сама торопить его. Актаровъ сталъ собираться и вышелъ, предоставляя Евгению объявлять или не объявлять обществу о своей поѣздкѣ съ нимъ, которая, въ самомъ дѣлѣ, могла показаться не совсѣмъ приличной. Онъ самъ не зналъ, радъ или не радъ онъ былъ ея фантазіи; одно только вѣрно, что онъ былъ не совсѣмъ спокоенъ; ся странно-вызывающее обращеніе волновало его противъ воли. Онъ сѣлъ въ телѣжку въ ожиданіи своей дамы, когда увидаль Дину, быстро подходившую къ нему, съ чернаго крыльца, въ сопровожденіи Бахметьева, который бѣжалъ за нею и что-то настойчиво говорилъ ей.

— Сергѣй Кириловичъ, возьмите меня съ собой, сказала Дина, становясь на подножку; — мнѣ нужно домой сейчасъ... непременно. Я хочу домой!

— Конечно, вы нужны дома, отвѣчалъ Актаровъ, съ интере-

сомъ взглядываясь въ ея чрезвычайно оживленное лицо;—но какъ же быть? Евгенія Леонтьевна хочет ѣхать со мной...

— Я вамъ это говорилъ! обратился Бахметьевъ къ Динѣ; — онъ поѣдетъ съ Евгеніей, а вы—со мной.

— Мнѣ нужно сейчасъ, говорила Дина.

— Мы сейчасъ и поѣдемъ; я велѣлъ уже запречь лошадь.

— Ахъ, это все пустое! нетерпѣливо сказала Дина;—вовсе не надо вамъ сегодня ѣхать.

И, усаживаясь въ телѣжкѣ, она шепнула Актарову:

— Я не хочу ѣхать съ нимъ вдвоемъ!

Актаровъ слегка вздрогнулъ и невольно тронулъ возжами лошадь; но Бахметьевъ, весь раскраснѣвшись, ухватился за край телѣжки.

— Надежда Александровна, это не честно... вы мнѣ обѣщали, что поѣдете со мной.

— Ахъ, я не знаю! Въ другой разъ когда-нибудь. Говорю вамъ, что мнѣ нужно домой. Да поѣзжайте-же! шепнула она Актарову.

— И ты не исполняешь обѣщанія? обратился Бахметьевъ къ Актарову;—ты хочешь обмануть Евгенію Леонтьевну.

— Я могу одно тебѣ сказать, отвѣчалъ тотъ довольно язвительно: — отпусти тальму Надежды Александровны: она хочет ѣхать не съ тобой, а со мной.

Съ этимъ словомъ, лошадь крупной рысью выѣхала изъ воротъ.

Вышедшая на крыльцо Евгенія увидала только заднія колеса, исчезавшія изъ виду.

— Уѣхали-съ! благодаря вашему безконечному одѣванію, сказала ей съ выразительнымъ упрекомъ Бахметьевъ.

— Кто уѣхалъ? Про что вы говорите? спросила она.

— Вы видите, что нѣтъ ни Сергѣя Кириловича, ни телѣжки, ни Надежды Александровны. Они уѣхали въ Сосновку.

— Съ Надеждой Александровной! ужаснулась-было Евгенія, но тотчасъ улыбнулась, говоря: — да вы шутите! Это какая-нибудь мистификація.

Она думала, что Актаровъ нарочно спрятался и стоитъ гдѣ-нибудь за воротами: другого ничего она и вообразить не могла. Бахметьевъ подошелъ къ ней ближе, и тутъ по лицу его она увидала, что ему не до шутокъ.



— Да, это мистификація, сказалъ онъ;—и довольно обидная. Сергѣй Кирилловичъ обѣщалъ ѣхать съ вами; вдругъ, откуда ни возьмись, является названная сестрица, вскакиваетъ въ телѣжку, и они уѣзжаютъ!.. Какъ это называется — я ужъ не знаю!

Не говоря ему ни слова, вся бѣлая, какъ вылитая изъ алебаstra, Евгенія возвратилась въ домъ.

## Х.

Актаровъ и Дина быстро проѣхали городъ, не говоря ни слова другъ съ другомъ, и только когда послѣдніе дома предместья, послѣдній мостикъ и послѣдній пѣшеходъ остались далеко за ними, когда кругомъ и впереди легла спокойная тишина полей и лучъ мѣсяца освѣтилъ узкую, извилистую проселочную дорогу, Актаровъ отпустилъ возжи и обернулся къ своей спутницѣ. Дина въ то-же самое время вздохнула всею грудью, сняла шляпу, бросила ее внизъ телѣжки и прислонилась къ спинкѣ, какъ-бы отдыхая: на губахъ ея мелькала довольная улыбка удовлетворенной рѣшимости.

— Однако, я поставилъ себя въ ужасно-неловкое положеніе съ Евгеніей, сказалъ Актаровъ; — меня даже мучить совѣсть. Какъ это случилось—я и самъ не знаю! Вѣдь это вы во всемъ виноваты, Дина!

Дина улыбнулась и подняла на него блестящіе глаза. Она видѣла, что Актаровъ, при всѣхъ мученіяхъ совѣсти, все-таки не раскаивается, что поступилъ такъ. Ему казалось, что она умѣетъ угадывать ему самому еще невыяснившіяся его желанія.

— Пусть я буду во всемъ виновата, сказала Дина; — пусть мое поведеніе кажется имъ чудовищнымъ, дерзкимъ, навазничнымъ—я готова извиняться передъ Евгеніей сколько ей угодно; но я все-таки рада, что ѣду съ вами!

— Но что это значить, что вы не хотѣли ѣхать съ Бахметьевымъ? спросилъ Актаровъ.

Этотъ вопросъ былъ для него главный и изъ-за него-то онъ такъ скоро рѣшился обмануть ожиданіе Евгеніи.

— Такъ, мнѣ не хотѣлось, отвѣчала Дина; — дома мнѣ не-

когда будет проводить время въ разговорахъ съ нимъ, придется все быть около Насти,—вѣдь за ней никто ходить не станетъ...

— Что у васъ за привычка, Дина, стараться безъ всякой причины скрывать нѣкоторыя вещи? Почему вы не отвѣчаете мнѣ совершенно прямо и искренно?

— Я отвѣтила вамъ правду, чего-же еще!

— Но всю-ли правду? Вы сказали только самую банальную частичку правды, а главную-то правду, то, въ чемъ вся суть, вы приберегли для себя. Или вы думаете, что я не добьюсь ея?

— А зачѣмъ вамъ добиваться?

— За тѣмъ, что я, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, не имѣлъ отъ васъ ни одного тайнаго помышленія. Хотя я знаю, что добиваться того-же отъ женщины—все равно, что искать квадратуру круга, но хоть на частицу-то я имѣю право за мое *все*.

— Но вѣдь это пустяки, сказала Дина, слегка смущаясь.

— Не думаю, чтобъ это было *совсемъ* пустяки, возразилъ онъ; — вы шепнули мнѣ на ухо: „я не хочу съ нимъ ѣхать“, и — я знаю васъ — вы никогда не сказали-бы этого такимъ тономъ, если-бъ вамъ просто было некогда. Да и бываетъ-ли вамъ некогда! Вы нашли-бы время и утѣшать Бахметьева, и ухаживать за Настей.

— Такъ что-же вы думаете?

— Я думаю, что Бахметьеву могла придти фантазія отъ скуки... влюбиться въ васъ. Хотя это довольно странно послѣ столькихъ лѣтъ дружбы и... равнодушія, докончилъ Актаровъ съ нѣкоторой колкостью.

Дина сначала не отвѣчала; потомъ повернулась къ Актарову съ покраснѣвшими щеками и сказала:

— Неужели я мало откровенна съ вами, если я рѣшаюсь вамъ признаться, что мнѣ дѣйствительно это показалось!.. Понимаете: только *показалось*! Бахметьевъ не сказалъ мнѣ ни одного слова, на которое я могла-бы опереться; но когда онъ хотѣлъ непремѣнно ѣхать со мной вдвоемъ, мнѣ вдругъ почему-то представилось, что это можетъ кончиться чѣмъ-нибудь вродѣ ухаживанія отъ скуки, какъ вы говорите. Это была даже не мысль, а просто бессознательное ощущеніе, я и сказала вамъ эти слова... И, кажется, напрасно.

— Нѣтъ, не напрасно, потому что безъ этого мы не ѣхали бы теперь вмѣстѣ, сказалъ Актаровъ; — но точно-ли вы вполне откровенны, говоря, что вамъ это только показалось, потому, что и мнѣ показалось кое-что!.. Знаете-ли, Дина, иногда я удивляюсь, что въ васъ вовсе нѣтъ обыкновеннаго женскаго тщеславія, а иногда, напротивъ, я думаю, что въ васъ еще больше самолюбія, чѣмъ во всѣхъ!

— Почему-же?

— Вы не выносите ошибки: другія, при малѣйшемъ намекѣ, спѣшатъ убѣдиться и другихъ убѣдить, что въ нихъ влюблены, и, если ошибутся, стараются игнорировать это; для васъ же это разочарованіе кажется такъ горько, что вы готовы отвергать самыя ясныя факты...

— Не знаю, откуда вы почерпнули эти свѣденія, отвѣчала Дина съ грустной улыбкой; — я не такъ часто бывала любима, чтобъ можно было...

Тутъ Актаровъ перебилъ ее.

— Не знаю часто-ли, но знаю, что сильно, Дина,—сильно и много! сказалъ онъ горячо.

— Мы условились не вспоминать объ этомъ, возразила она. быстро поднимая руку, чтобъ остановить его.

— Отчего-же не вспоминать? сказалъ онъ, съ нѣжностью взявъ ее руку; — горечь прошла и воспоминаніе это такое свѣтлое.

Дина съ какииъ-то содраганіемъ высвободила свою руку, чтобъ поднять шляпу; надѣла ее, спустивъ низко на глаза, плотно запахнула тальму, скрестивъ руки на груди, и сказала, перемѣнивъ тонъ:

— А въ самомъ дѣлѣ, Мельховы будутъ очень сердиться на васъ; вамъ не страшно?

— Но я скажу, что это вы виноваты, вы увезли меня.

— Это не оправданіе; и я совѣтую вамъ такъ не оправдываться.

— Вы, кажется, сами боитесь, замѣтилъ Актаровъ;—но скажите мнѣ, въ какиихъ вы отношеніяхъ съ нашими гостями?

— Развѣ вы не видите, что въ хорошихъ. Я угощаю ихъ шеколадомъ въ моей комнатѣ; онѣ показываютъ мнѣ свои платья, мы вмѣстѣ разбираемъ выкройки, гуляемъ.

— Да что вы пустое говорите! Я желаю знать, сошлись-ли вы съ Евгеніей, можете-ли вы любить ее?

Дина помолчала.

— Сошлись?.. Нѣтъ, я не сошлась съ нею покажѣсть, отвѣчала она.

— Почему-же? Мнѣ кажется, она умная, довольно симпатичная дѣвушка.

— Да; въ ней есть и то, и другое—для... \*мужчинъ.

— Какъ! для однихъ только мужчинъ?

— Я хочу сказать, что она закупаетъ ихъ съ перваго взгляда своей красотой.

— Но душа, душа? Вы навѣрное разглядѣли ее душу. Откройте мнѣ, какая она.

— Нѣтъ, еще не время, улыбнулась Дина.

— А! такъ вы не на шутку ее наблюдаете?

— Конечно; когда-нибудь я скажу вамъ результатъ моихъ наблюденій; впрочемъ... врядъ-ли придется.

— Это отчего?

— Оттого, что къ тому времени вы сами дадите ей цѣну и никакихъ моихъ словъ вамъ будетъ не нужно и... не желательно.

— Что значить это таинственное пророчество?

— Такъ и принимайте это за пророчество. Сестрины слова будутъ пустыимъ звукомъ, когда раздастся другой голосъ, милѣе и слаще.

Актаровъ засмѣялся: ему почему-то пріятно было легкое огорченіе въ словахъ Дины и онъ сказалъ:

— Что-же дѣлать! это законъ природы.

— Да, отвѣчала Дина искреннимъ и ласковымъ тономъ; — но *то* можетъ отойти, измѣниться... а сестра—никогда!

У Актарова вертѣлся на губахъ вопросъ, отчего она всегда для всѣхъ хотѣла быть только сестрою?.. Но онъ не рѣшился его выговорить; слишкомъ много вещей шевелилось за этимъ вопросомъ. Дома имъ сказали, что у Насти уже былъ старый докторъ Березинъ, отецъ студента, и сказалъ, что у нея ничего не переломлено, но сильные ушибы и ссадины по всему тѣлу. Дѣвочка лежала въ людской на лавкѣ, покрытая полшубкомъ, и стонала.

— Зачѣмъ ее перенесли изъ дома сюда? спросила Дина.

— Какъ-же ее тамъ оставлять, — мы думали, она помретъ, отвѣчали ей; — тогда что-бы намъ было отъ барыни? Барыня мертвыхъ боится.

— Она и не думаетъ помирать, съ досадой сказала Дина; — развѣ можно ей здѣсь лежать безъ всякаго ухода, — несите ее сейчасъ въ домъ.

— Гдѣ-же въ нее тамъ положите, Надежда Александровна, почтительно замѣтила одна изъ служанокъ. — Домъ-то хоть и великъ, да не во всякой комнатѣ у насъ можно.

Дина не дослушала и побѣжала въ домъ. Скоро она возвратилась оттуда съ двумя лакеями и съ большимъ кресломъ. На кресло посадили Настю и отнесли ее наверхъ, въ гардеробную, возлѣ комнаты Дины.

— Видите, какъ хорошо, что я сегодня пріѣхала, сказала Дина Актарову, встрѣтившись съ нимъ въ одномъ изъ коридоровъ; — у Насти родныхъ нѣтъ, ее такъ и оставили бы безъ призора.

— А я нанялъ плотниковъ перемостить полъ, съ тѣмъ, чтобъ работать всю ночь и завтра утромъ кончить. Надѣюсь, что Агрипина не узнаетъ; а узнаетъ — ужъ я не виноватъ.

Онъ прошелъ дальше, а Дина отправилась приглашать дочь повара, дѣвочку однихъ лѣтъ съ Настей, къ ней въ компаніонки чтобъ ей не такъ скучно было лежать.

— Подите сюда, Дина, закричалъ Актаровъ сверху, наклонившись надъ перилами.

— Сейчасъ, только отведу Пашу къ больной. — Ну, что? спросила Дина, приходя на зовъ Актарова въ каморку, гдѣ случилась катастрофа.

— Я спустился туда, въ тайникъ, сказалъ онъ ей; — я стою на сундукѣ. Дайте-ка мнѣ сюда свѣчу. Да не хотите ли также слѣзть? Здѣсь очень любопытно.

— Хорошо, берите меня.

Онъ взялъ ее за талю и осторожно поставилъ на сундукъ возлѣ себя; оттуда они оба спустились на полъ. Кладовая была до того загромождена, что ходить по ней нельзя было иначе, какъ продираясь между разными предметами. При первомъ движеніи Актарова что-то зазвенѣло, упало и разбилось; онъ огля-

нулся: сзади его стоялъ столъ съ разбитой посудой, съ изломанными подсвѣчниками и лампами. Подъ ногами попадались сломанные ведра, самовары и другая утварь; въ углу кивалась одна на другую картонки. Отрывъ ихъ, Актаровъ и Дина увидали, что онѣ набиты старомодными шляпами, и насчитали ихъ болѣе двадцати. Близъ картонокъ возвышалась, покрытая старымъ ковромъ, куча чего-то. Отдернули коверъ: тамъ лежала груда изношенныхъ ботинокъ и калошъ. Тутъ-же были и съѣстные припасы: большой кусокъ заплесневѣлаго сыра, нѣсколько ящиковъ сардинъ, нѣсколько десятковъ сгнившихъ апельсинавъ. Актарова пробирала дрожь отвращенія.

— Посмотрите, что это! сказалъ онъ шопотомъ Динѣ, указывая на поднось, наполненный странными предметами. Они осторожно потрогали вальцемъ, понюхали,—наконецъ Дина сказала:

— Знаете-ли это что? Это тортъ и пирожныя отъ Филипова, тѣ самыя, что вы привезли прошлаго года къ ея именинамъ. Помните, какъ они тогда исчезли и никто ихъ не видалъ?

— Ахъ, Дина! сказалъ Актаровъ,—если-бъ все это сейчасъ... сію минуту... въ огонь! А что въ сундукахъ?

— Не смотрите лучше: все то-же, еще хуже.

— Вотъ что она сдѣлала изъ нашего дома, славившагося чистотой! Если-бъ это увидала наша мать, Дина?

— Пойдемте отсюда, здѣсь такой ужасный воздухъ.

Они выѣзли опять въ отверстіе, и Актаровъ пошелъ горючить плотниковъ, которые на дворѣ прилаживали доски.

Часа черезъ полтора Актаровъ опять постучался въ комнату Дины.

— Вы спите, Дина?

— Нѣтъ еще.

— Нельзя-ли напоить меня чаемъ? Я все время былъ съ плотниками и наглотался пыли отъ стружекъ.

— Идите, сказала Дина;—вы поспѣли прямо къ самовару. Посмотрите, какъ у насъ тутъ весело.

Она провела его въ гардеробную, которая приняла уютный и жилой видъ. Шкафы и комоды сдвинуты были къ стѣнамъ, а на первомъ мѣстѣ стоялъ диванъ, превращенный въ постель для Настя; на полу на тюфякѣ постлана была другая постель—для Паши. Настя, вымытая, выхоленная, перевязанная и натертая

бальзамомъ во всѣхъ больныхъ мѣстахъ, сидѣла съ веселымъ лицомъ на постели и обѣ дѣвочки приготавливались съ наслажденіемъ пить чай. Большая датская собака, наблюдавшая за приготовлениями съ благосклоннымъ маханіемъ хвоста, довершала семейную картину и также приводила дѣвочекъ въ восторгъ.

— Вы точно волшебница, Дина; какъ это вы вездѣ умѣете устроить комфортъ и чтобъ всѣ были довольны, сказала Актаровъ, садясь къ чайному столу;—я думалъ тутъ мрачность, стоны, слезы... а она вотъ какая сидитъ!

Онъ потрепалъ Настю по щекѣ и началъ разспрашивать подробности ея паденія. Въ это время въ дверь послышалось царпаніе, скрипъ, пронзительный визгъ и лай. Дина отворила и влетѣлъ Лиходѣй, запыхавшись, визжа и ворча, тотчасъ началъ нюхать воздухъ, чтобъ угадать, что тутъ безъ него ѣли, и, наконецъ, бросился къ Динѣ, царапая передними лапами ея платье.

Мѣсяцъ свѣтилъ въ единственное окно комнаты; дѣвочки пили чай въ прикуску и бесконечно веселились шутками Лиходѣя; Актаровъ задумался надъ своимъ стаканомъ и не замѣчалъ, что чай остывалъ. Чѣмъ-то невыразимо-тихимъ и яснымъ повѣяло на него отъ этой комнатки, поэтическое ощущеніе искало выхода въ смутныхъ грезахъ, въ воспоминаніяхъ дѣтства, и центромъ, около котораго группировались и грезы, и воспоминанія, и веселое, и грустное, и драматичное, была фигура Дины, сидѣвшей также въ молчаніи и задумчивости, лаская рукою голову собаки. Дина была вся въ бѣломъ,—въ простой, обыкновенной своей блузѣ, въ которую переодѣлась пріѣхавши; но этотъ чистый, выдающійся цвѣтъ, живописныя складки широкихъ рукавовъ, разметавшіеся по плечамъ и по спинѣ волосы — придавали ей поэзію и эффектность картины. Мягкій свѣтъ лампы смягчалъ и утончалъ нѣжныя линіи ея лица и шеи: она казалась поразительно молодая—лѣтъ осьмнадцати, не болѣе.

„Боже мой, думалъ Актаровъ,—совершенно какъ тогда... какъ будто и не было всѣхъ этихъ горькихъ лѣтъ! Пстой, постой... О, если-бъ она не шевелилась!“

Ему хотѣлось совсѣмъ уйти въ воспоминаніе, окунуться съ головой въ воды забвенія и вынырнуть тамъ, позади прожитой жизни, двадцатилѣтнимъ юношей, со всей молодостью, пылкостью тогдашнихъ ощущеній. И Дина не шевелилась, будто знала, что

ему этого нужно. Онъ слегка подвинулся, чтобъ лучше видѣть ея профиль, и наслаждался его очертаніями, какъ наслаждаются мелодіей звуковъ и гармоніей стиха. Дина тихо подняла голову и застала его въ самую минуту восторженнаго созерцанія.

— Если-бъ ты знала, Дина! началъ онъ, безсознательно говоря ей „ты“, какъ въ дѣтствѣ,—если-бъ ты знала, какъ живо мнѣ припомнилась одна сцена, одна картина... Вотъ точно такъ былъ вечеръ... и весна... и Валентина была больна лихорадкой, а мы съ вами пришли занимать ее. И вы были въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, волосы у васъ были связаны розовой лентой, и—помните—я взялъ гребень и началъ расчесывать ваши волосы.

— Помню; и мы поссорились тогда, сказала Дина.

— А примирились-то послѣ? Что это было за примиреніе! Ахъ, какіе это были сладкіе... невыносимо-сладкіе дни!

Актаровъ всталъ, закрылъ глаза рукою и быстрыми шагами пошелъ къ окну. Тамъ онъ простоялъ долго, до тѣхъ поръ, пока подошла Дина и положила руку ему на плечо; онъ обернулся съ странной улыбкой.

— Если-бъ тогда знать все, что будетъ потомъ, сказалъ онъ,—то чего-бы лучше—прямо отсюда головой внизъ! Тогда имѣлъ-бы право назваться счастливымъ человѣкомъ.

Дина смотрѣла на него большими глазами, полными испуга и горя.

— Ничего, qui meurt jeune dans ses illusions, продолжалъ Актаровъ:—это Викторъ Гюго, кажется, сказалъ. Ну прощайте. смотрите, больная ваша ужь спитъ. Прощайте, Диночка, покойной ночи!

Онъ крѣпко пожалъ ей руку и вышелъ. Дина уложила дѣвочекъ, убрала посуду и, оставивъ дверь отворенною, пошла въ свою комнату. „Не буду раздѣваться, сказала она себѣ,—ночью придется, вѣрно, вставать“.

Но все равно, она знала, что ей не заснуть; и если-бъ теперь Актаровъ взглянулъ въ ея глаза, полные слезъ, его поразило-бы выраженіе отчаянія, котораго онъ никогда не подозрѣвалъ. „Неужели онъ такъ несчастливъ? И неужели это я обрекла его на такую жизнь?“ Этотъ вопросъ какъ молотомъ ударялъ въ ея мозгъ. Да, это она обрекла его на жизнь съ Агрипиной, на ужасъ неразрывной цѣпи съ женщиной, которой каждое свойство, каж-



дое понятіе, каждая привычка и каждое слово возмущали ежедневно и ежечасно все его существо. Онъ любилъ ее, Дину, и ее хотѣлъ сдѣлать своей подругой. И Дина любила его, и мать его желала ихъ брака. Счастье было тутъ подъ рукою, и Дина сама разбила его, какъ дитя разбиваетъ игрушку. Ей было восемнадцать лѣтъ; она была полна непереродившихся силъ, неясныхъ стремленій, пылкихъ порывовъ. Все читанное и слышанное ложилось на нее глубоко и ярею; нѣсколько идей того времени сдѣлали на нее сильное впечатлѣніе. Она боялась брака, какъ „могила любви“, какъ узъ, связывающихъ мужчину по рукамъ и ногамъ. О себѣ она не думала, но если онъ наскучитъ ея, когда будетъ уже поздно, — о, нѣтъ! лучше не допускать до этого. И придавшись сумазбродно великодушному ослѣпленію, Дина не хотѣла слышать о сватбѣ, откладывала ее на неопредѣленное время. Къ несчастью, Актаровъ былъ такъ-же сумазброденъ, такъ-же необузданъ и такъ-же гордъ, какъ она. Онъ требовалъ, вмѣсто того, чтобъ выждать, и, поссорившись съ Диной на смерть, въ пароксизмъ настоящаго безумія и ярости совершилъ безповоротный шагъ—женитьбу на Агрипинѣ. Много лѣтъ прошло прежде, чѣмъ они сознали свою обоюдную ошибку и привыкли встрѣчаться безъ волненія. Много слезъ стыда и сожалѣнія пролила Дина, сознавъ вредъ, сдѣланный любимому человѣку; но привязанность ея къ Актарову была такъ нѣжна и глубока, что она не могла вынести мысли не имѣть больше никакого участія въ его жизни. Мало-по-малу, неусыпными стараніями, она взяла съ бою то положеніе, которое занимала теперь, пріучила Актарова смотрѣть на себя какъ на сестру, скрыла отъ него свои жгучія сожалѣнія и сознание ошибки, сдѣлалась душою дома, сидѣлкой его жены, повѣренной семейныхъ тайнъ, гениемъ домашняго очага.

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

### I.

Дни, послѣдовавшіе за этой поѣздкой, были какіе-то смутные, невесело-хлопотливые. Аграфена Николаевна стонала, жаловалась, злилась, ревновала мужа, дѣлала сцены своимъ кузинамъ, умоляла

Дину доносить ей обо всемъ, что происходитъ между ея мужемъ и Евгеніей, даже пыталась поддуть Дину бронзовымъ браслетомъ, который выдавала за золотой.

Евгенія приняла извиненіе Актарова холодно, какъ царца, и замѣтно перемѣнила обращеніе съ нимъ, какъ-будто перестала замѣчать его, и все свое вниманіе, всѣ улыбки дарила Березину, играла съ нимъ въ воланъ, удила рыбу и влекла его всюду за своимъ шлейфомъ, какъ за побѣдной колесницей. Актаровъ не совсѣмъ былъ равнодушенъ къ гнѣву красавицы и пробовалъ умиловить ее; но она держала себя такъ презрительно, что онъ, наконецъ, совсѣмъ отсталъ. „Что-же это? думала Дина:— неужели эта побѣдка могла произвести такой рѣшительный поворотъ въ ея планахъ? Или она дѣйствуетъ такъ изъ кокетства,— но это очень неискусно, это на нее не похоже“.

Если-бъ Дина могла видѣть лицо Евгеніи въ тѣ минуты, когда она была одна, она убѣдилась-бы, что планы не только не брошены, но становятся сложнѣе и смѣлѣе. Переставая фолатрировать съ Березинимъ, качаться на качеляхъ и хохотать очаровательнымъ, музыкальнымъ смѣхомъ, Евгенія углублялась одна въ алеи стараго сада и быстро ходила по нимъ взадъ и впередъ, потирая руки одна о другую, обдумывая что-то съ такимъ напряженіемъ, что ее начинала бить лихорадка... Въ нервномъ возбужденіи, она пряталась отъ другихъ гуляющихъ, въ особенности отъ Актарова, и, притаившись за деревомъ, слѣдила за нимъ сквозь вѣтви, какъ кошка слѣдитъ за воробьемъ, безопасно прохаживающимся по землѣ.

Съ Диною Евгенія была менѣе сдержанна, чѣмъ съ другими. Вообще она не тратила никакихъ комбинацій на женщинъ, считая совершенно бесполезнымъ трудомъ ихъ задабривать. Съ первой-же минуты возвращенія отъ Бахметевыхъ она напала на Дину и впила въ нее неслышно и незамѣтно, но больно, какъ пчела. Однако Дина не приняла эту войну обиняками и намеками, а тотчасъ-же сказала прямо, что да, она виновата, она заставила Актарова противъ воли манкировать общаніемъ, онъ всю дорогу жалѣлъ объ этомъ и безпокоился. Это объясненіе, видъ искренности и готовность Дины просить извиненія чрезвычайно не понравились Евгеніи. Это опять было не ея оружіе, и она предпочла свое. Полунасмѣшливымъ, полупрезрительнымъ тономъ она возразила, что очень естественно

было Динѣ торопиться домой, какъ домоправительницѣ и экономѣ, что эти занятія должны быть ей дороги, такъ-какъ у нея въ жизни ничего больше нѣтъ и ничего ей не остается, какъ жить чужими интересами... Съ этимъ Дина согласилась такъ охотно и глаза ея блеснули такимъ внутреннимъ довольствомъ, что Евгенія сдѣлалась вся красная отъ волненія. Она знала, что наружное смиреніе есть самый опасный признакъ, что легко смиряются только тѣ, которые таятъ за собой превосходныя силы. Евгенія завидовала Динѣ... То, что ей стоило такихъ неуспѣшныхъ трудовъ, тревогъ и мученій, давалось Динѣ безъ всякаго труда: это была забота объ усовершенствованіи красоты. Сколько времени надо было Евгеніи провести каждое утро передъ зеркаломъ, чтобъ подобрать прическу къ фасону и цвѣту платья, а цвѣтъ платья согласовать съ цвѣтомъ лица! Малѣйшая блѣдность, утомленіе, слѣдъ легкаго нездоровья или дурного расположенія духа требовали особеннаго костюма, особенныхъ украшеній, иначе въ красотѣ оказался-бы изъянъ. И потому Евгенія не могла видѣть безъ зависти, какъ Дина, зачесавши волосы просто за уши, или назадъ или спустивъ ихъ на лицо, накинувъ большой платокъ или блузу, бѣжала утромъ на чей-нибудь зовъ, встрѣчалась съ мужчинами и разговаривала съ ними безъ малѣйшаго смущенія, съ тѣмъ полнымъ презрѣніемъ къ своей наружности, какое, по мнѣнію Евгеніи, могли позволять себѣ только безспорныя красавицы.

Бахметьевъ имѣлъ также бурное объясненіе съ Диною, по поводу того, что она не хотѣла ѣхать съ нимъ. Дина рѣшительно не знала, какъ совладать съ нимъ, потому что онъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что говорилъ ей дерзости, потомъ тотчасъ-же просилъ прощенія, и кончилъ возгласомъ:

— Не слушайте меня! развѣ вы не видите, что я несчастный, потерянный человекъ!

Неизвѣстно, чѣмъ-бы это кончилось, если-бъ въ эту самую минуту не пріѣхала Валентина, за тѣмъ, чтобъ снова объясняться со всѣми насчетъ своихъ невзгодъ, оправдывать себя и обвинять мужа. Бахметьевъ тотчасъ бѣжалъ, чтобъ избѣгнуть ея.

Такъ повторялось нѣсколько дней: супруги пріѣзжали то порознь, то вмѣстѣ, и у всѣхъ голова шла кругомъ отъ нравственной путаницы и сумбура, которые они вносили съ собою. Одной только Аграфенѣ Николаевнѣ чрезвычайно нравились эти сцены.

Въ одинъ изъ этихъ дней, Актаровъ, потерявъ терпѣніе отъ спора съ Валентиной, оставилъ ее на терасѣ, въ обществѣ Агриппины Мельховой и Дины, разговаривавшей съ Бахметьевымъ. Евгенія не было: она лежала у себя въ комнатѣ отъ сильной головной боли. Актаровъ повернулъ на песчаную дорожку сада, окаймленную съ обѣихъ сторонъ кустами розъ въ полномъ цвѣтѣ. Онѣ были такъ хороши, такъ благоуханны, онѣ блестяли на солнцѣ такими живыми розово-алыми оттѣнками, что Актаровъ залюбовался ими и нарвалъ цѣлый букетъ. Было немного жарко; онъ поспѣшилъ войти подъ сѣнь густыхъ липъ и оттуда цѣликомъ по сочной зеленой травѣ направился къ полузросшему осокой пруду, гдѣ всегда квакали лягушки. Это мѣстечко при всей своей дикости, съ дѣтства имѣло для него особенную прелесть, и онъ не велѣлъ уничтожать старый плотикъ, на которомъ когда-то давно во дни оны прачки полоскали бѣлье. Берегъ былъ довольно покатыи и плотика не видать издали, такъ что для Актарова было неожиданностью, подойдя къ пруду, увидать сидящую на плотикѣ женщину, закрывавшую голову отъ солнца бѣлымъ носовымъ платкомъ. Онъ почти глазамъ своимъ не повѣрилъ, узнавъ Евгенію: она, эта избалованная, изнѣженная дѣвушка, всѣмъ брезговавшая, едва дотрогивавшаяся до цвѣтка двумя пальцами, сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, какъ крестьянка, на грязныхъ доскахъ, не жалѣя мять и портить платье, и смиренно покрываетъ волосы не газомъ и не испанской мантилей, а простымъ прозрачнымъ платочкомъ. Но въ этомъ новомъ видѣ она показалась ему милѣе, теплѣе, доступнѣе, чѣмъ въ сіяніи красоты; всякія ссоры и претензіи казались такъ неумѣстны въ этомъ простомъ, тихомъ мѣстечкѣ и подъ этимъ лучемъ солнца, что Актаровъ забылъ, что онъ и Евгенія были въ холодныхъ отношеніяхъ, и обратился къ ней прежнимъ дружескимъ тономъ:

— А мнѣ сказали, что у васъ голова болитъ; я думалъ, вы въ домѣ. Посмотрите, какой прелестный букетъ; онъ васъ вылечитъ! Возьмите.

Евгенія не отвѣчала; грудь ея поднималась отъ волненія. Она давно ждала этой встрѣчи, давно предвидѣла ее, и теперь чувствовала, что роковая минута наступаетъ и что ей предстоитъ борьба на жизнь и смерть. Выйдетъ ли она изъ нея побѣдительницей? Сотреть ли, въ сердцѣ Актарова, ненавистный образъ Дины?

Актаровъ между тѣмъ смотрѣлъ на нее, ничего не подозрѣвая, и ему и въ голову не приходили тѣ мысли и чувства, которыя волновали ее. Онъ только замѣтилъ съ изумленіемъ, что она сразу вскочила на ноги и протянула руку къ буету такъ стремительно, точно хотѣла вырвать или отбросить его; одинъ изъ шиповъ вонзился ей въ палецъ и она громко вскрикнула.

Актаровъ хотѣлъ было подойти къ ней, но она судорожною рукою выхватила у него буетъ, отшвырнула его далеко отъ себя и съ жестокъ невыразимаго презрѣнія и гнѣва стала топтать и давить его, какъ-будто подъ ея ногами былъ самъ Актаровъ.

Онъ стоялъ, ошеломленный, ничего не понимая, почти сомнѣваясь, точно-ли все это на яву и не сошла-ли съума Евгенія. Видя, что онъ потрясенъ достаточно, она обратилась къ нему съ сверкающими глазами:

— Ваши цвѣты колятся, какъ вы сами, какъ ваши слова, ваши поступки и ваше гостепріимство! сказала она дрожащимъ голосомъ и прибавила болѣе спокойно, съ ледянымъ презрѣніемъ:

— Знаете, есть двѣ вещи, которыхъ я не выношу и которыя положительно меня коробятъ: это—двуличность и лицемеріе—качества, съ которыми я познакомилась только здѣсь, встрѣчаясь съ ними на каждомъ шагѣ...

Актаровъ слушалъ въ какомъ-то оцѣпененіи; онъ не могъ повѣрить своимъ ушамъ. Онъ былъ такъ далекъ отъ подобной сцены, такъ не приготовленъ къ отпору, особенно послѣ того, какъ только-что восхитился Евгенією, когда, сидя одна на плоту въ задумчиво-прекрасной позѣ, она плѣнила его своей трогательной простотою, что рѣшительно не находилъ, что сказать.

— Потому, что вы хозяинъ, вы считаете себя вправѣ дѣлать съ вашими гостями все, что вамъ угодно... Какъ-же прикажете назвать такого человѣка, который пользуется оказаннымъ ему довѣріемъ и злоупотребляетъ имъ для своихъ личныхъ цѣлей!..

Актаровъ наконецъ, прервалъ ее: онъ начиналъ злиться.

— Евгенія Леонтьевна! сказалъ онъ, стараясь быть какъ можно хладнокровнѣе и сдержаннѣе,—если я, самъ того не зная, виноватъ противъ васъ, то скажите мнѣ это прямо простымъ человѣческимъ языкомъ, а не въ тѣхъ выраженіяхъ и не тѣмъ тономъ, которые унижаютъ... и васъ, и меня!

— Такъ вы не понимаете? Вамъ нужно еще объясненіе? съ

горечью сказала Евгенія, — а зачѣмъ вы пригласили насъ къ себѣ? Съ какой цѣлью? Отвѣчайте!

— Но вы, кажется, хотѣли этого сами... И я думала доставить вамъ удовольствіе...

— Нѣтъ, вы хотѣли сдѣлать изъ насъ громоотводъ, прикрытіе для вашихъ неблаговидныхъ поступковъ... Вамъ нужно было сохранить незапятнанною вашу репутацію образцоваго мужа, и вы не задумались для этой цѣли взять первую попавшуюся живую душу и пожертвовать первымъ существомъ, довѣрчиво обратившимся къ вамъ...

Она смѣряла его съ головы до ногъ взглядомъ такого презрѣнія, что онъ задрожалъ отъ обиды и гнѣва.

— Извините меня, сказалъ онъ измѣнчившимся голосомъ, — но если вы додумались сами до всѣхъ этихъ комбинацій, то это не говорить въ пользу ни вашего довѣрія, ни вашего невѣденія интригъ. Ваши слова возмутительны и не столько оскорбляютъ меня, сколько мараютъ васъ.

Она подняла на него загадочный взглядъ.

— Въ этомъ вы правы, что я не сама додумалась до всей этой грязи, сказала она тихимъ, проникающимъ въ душу голосомъ; — мнѣ насильно старались открыть глаза, насильно навязывали непрошенное знаніе того, о чемъ я не хотѣла знать...

— Но кто же? Неужели ваша мать? съ совершенно-мужской откровенностью и недогадливостью брякнулъ Аетаровъ.

Презрительное пожатіе плечъ было ему отвѣтомъ.

— Нѣтъ, другая, болѣе близкая вамъ особа, выговорила она язвительно, — та, отъ которой у васъ нѣтъ секретовъ, которая вертитъ вами, какъ пѣшкой, которая приказываетъ вамъ, какъ лакею, и заставляетъ васъ дѣлать гадкіе и низкіе поступки... Неужели, вы думаете, я не понимаю теперь, кому я была принесена въ жертву и сдѣлана общимъ посмѣшищемъ въ тотъ день, когда вы уѣхали, не дождавшись меня...

Кровь бросилась ему въ лицо, онъ закусилъ губы.

— Вы говорите про Дину? спросилъ онъ, задыхаясь и едва выговаривая слова.

— Да, я говорю про эту низкую интриганку, произнесла она тономъ невыразимаго презрѣнія; — пойдите, пересказывайте ей, вѣдь вы не смѣете ничего безъ нея...

— Довольно! вскричалъ Актаровъ съ сверкающимъ взглядомъ, — не смѣйте говорить ни слова про ту, которой вы не стоите.

— Молчите вы и не смѣйте сравнивать меня съ этой подлой женщиной, произнесла Евгенія, вставая во весь ростъ съ вызывающимъ взглядомъ. Красивымъ жестомъ она откинула назадъ свои распустившіяся волосы и, чувствуя, что была хороша, продолжала съ увѣренностью и силой: — Слышите-ли, запрещаю вамъ дѣлать подобныя сравненія...

Но Актаровъ былъ взбѣшенъ до такой степени, что у него не было ни глазъ, ни ушей для какой-бы то ни было обольстительной красавицы.

— Сравнить ее съ вами! кинулъ онъ ей въ лицо съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что разомъ отомстилъ за всѣ оскорбленія Евгеніи; — вотъ это такъ точно, что самонадѣянность съ вашей стороны — думать, что я ее сравню съ вами.

Онъ круто повернулся, боясь сказать еще что-нибудь рѣзче. Но вдругъ декорація перемѣнилась... Жалобный, надрывающій душу стонъ раздался сзади Актарова: онъ машинально оглянулся... Евгенія, блѣдная, какъ лилія, съ полузакрытыми глазами, съ страдальческимъ выраженіемъ лица, шаталась и падала, будто ее покинули всѣ физическія и нравственныя силы. Актаровъ, еще не опомнившись отъ этой внезапной перемѣны, допустилъ ее упасть: она ударилась головою о сломанный сучекъ дерева и нѣжное лицо ея скрылось между жесткими сорными травами, росшими по берегу. Она лежала неподвижная, бездыханная, безпомощная, будто убитая послѣдними словами Актарова. Онъ бросился къ ней, полный смятенія, жалости и ужаса, взялъ ее на руки, причемъ замѣтилъ со страхомъ, что одна щека ея оцарапана до крови, и положилъ ее на мягкую траву подъ дерево. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ полной неподвижности, потомъ губы Евгеніи начали содрагаться и изъ-подъ ея рѣсницъ выкатилась слеза. Актаровъ стоялъ на травѣ на болѣняхъ, подерживая бѣдную, сраженную красавицу на своей груди, и съ стѣпеннымъ сердцемъ размышлялъ, что онъ былъ причиной ея обморока. Съ болѣзненнымъ вздохомъ раскрывъ глаза, Евгенія на минуту встрѣтилась съ тревожнымъ взглядомъ Актарова и въ то-же мгновеніе румянецъ волненія залилъ ея щеки; стыдливо, робко и

грустно она отстранилась от него, упала головой въ траву и начала тихо, горько, безутѣшно рыдать.

Она дѣйствительно старалась удержать слезы и не могла; притворства тутъ не было: было только торжество искусства, состоявшее въ томъ, чтобъ довести себя до настоящаго обморока и настоящихъ слезъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли нервы Евгеніи выдержать всю предыдущую сцену, въ которой она должна была выходить изъ своего характера и привычекъ, возбуждать себя къ злобѣ, которой не чувствовала, — все это для того, чтобъ вызвать оскорбленіе; а между тѣмъ, вызывая и жаждая этого оскорбленія, она дрожала съ головы до ногъ отъ самолюбія, отъ возмущенной гордости и негодованія на Актарова, что онъ язвить ее такъ мѣтко. Она надѣялась, что онъ, забывшись, просто скажетъ какую-нибудь бессмысленную дерзость, и послѣднія слова его глубоко и горько раздражили ее, хотя, можетъ быть, ими обусловливался успѣхъ еще вѣрнѣе... Но мудрено-ли было рыдать, купивъ успѣхъ такой цѣной?

— Извините... простите меня, проговорила она слабо; — я вамъ наскучаю, но... эти глупыя слезы! никакъ не могу ихъ унять.

И еще неудержимѣе полился неизсякаемый потокъ; ея тонъ, голосъ, поза были до того трогательны и кротки, что Актаровъ, въ припадкѣ раскаянія, стремительно приподнял прелестную голову Евгеніи и положилъ опять къ себѣ на грудь, не зная, чѣмъ другимъ выразить свое сочувствіе. Она прильнула къ нему, какъ дитя, закрывъ глаза, и довѣрчиво оставалась въ его объятіяхъ, непохожая ни на ту злобную женщину, которая за минуту осыпала его оскорбленіями, ни на ту свѣтскую, самоувѣренную дѣвushку, какой онъ всегда ее зналъ.

— Конечно! сказала она, утирая глаза платкомъ, — прошло, я болѣе не буду плакать. Мы скоро разстанемся, Сергѣй Кирилловичъ, — простите-ли вы меня на прощаніе?

— О, Евгенія Леонтьевна, возразилъ онъ, — зачѣмъ вы это говорите! не вамъ просить прощанія, а мнѣ...

— Въ чемъ-же? сказала она съ кроткимъ смиреніемъ; — вы сказали только ваше мнѣніе. Не ваша вина, что изъ него я увидала то, чего не хотѣла видѣть...

— Не называйте этого моимъ мнѣніемъ, возразилъ Актаровъ; —



развѣ можетъ это быть моимъ мнѣніемъ... Я теперь не помню... я стыжусь...

— Вы великодушны, возразила Евгения, — вы хотите щадить меня. Напрасно! Мои глаза открылись; я была въ ослѣпленіи... и какъ долго... Боже мой, какъ долго!.. Теперь я поняла, кого вы любите.

— Что вы хотите сказать? прошепталъ Актаровъ въ невыразимомъ смущеніи, пугаясь того, что ему предстояло услышать.

— Я догадывалась... я хотѣла узнать навѣрное, продолжала Евгения прерывающимся голосомъ, — я нарочно говорила вамъ все это... я не могла вынести этой мысли... она сводила меня съ ума... О, простите меня! простите то, что я говорила про Дину... Я ревновала къ ней...

Актаровъ хотѣлъ что-то выговорить, хотѣлъ остановить ее и не могъ.

— Вы удивляетесь, что я такъ унижаюсь... Я хочу испить полную чашу униженія... Вы... не будете презирать меня... потому что... вы любите сами...

— Но я не люблю Дину, сказалъ Актаровъ, не зная, что сказать.

— Не любите? повторила Евгения и въ лицѣ ея произошла внезапная пережѣна. Она взяла обѣ руки Актарова и впилась глазами въ его глаза. — Вы говорите: не любите Дину? Я знаю, вы никогда не лжете; повторите это.

Актаровъ молчалъ: онъ чувствовалъ, что имъ овладѣвають, отнимаютъ у него свободную волю дѣйствовать. Прежде, чѣмъ онъ раскрылъ губы, Евгения съ какимъ-то упоеніемъ восторга вскрикнула:

— Вы ее не любите, вы это сказали и я вамъ вѣрю!.. Благодарю, благодарю!..

И вдругъ онъ почувствовалъ на рукѣ своей прикосновеніе горячихъ, нѣжныхъ губъ, и Евгения мгновенно исчезла, скрылась, какъ духъ-искуситель.

## II.

Все это случилось передъ обѣдомъ, и Аграфена Николаевна была удивлена и разгнѣвана, что никто не являлся къ столу, не-

смотря на звонки и бѣготню лакеевъ, разыскивавшихъ господъ по всѣмъ закоулкамъ дома и сада.

Мельхова была въ комнатѣ дочери, которая прогнала ее отъ себя объѣдать, но Катерина Аполоновна, догадавшись по нѣкоторымъ признакамъ, что Евгенія гдѣ-то была и съ ней что-то случилось, старала любопытствомъ.

— Скажи, что! приставала она, — Женичка, скажи!

И она трясла ее за плечи. Евгенія лежала на постели на спинѣ, протянувшись во весь ростъ, съ довольнымъ лицомъ чловѣка, отдыхающаго послѣ труднаго подвига.

— У тебя не болитъ больше голова? спрашивала мать.

— Скажи тамъ внизу, что у меня страшно болитъ голова, отвѣчала Евгенія, — и что у меня жаръ и лихорадочное состояніе; непременно такъ скажи!

— Такъ ты не пойдешь къ обѣду; неужели такъ и не будешь ничего ѣсть?

— Разумѣется, не буду. Иди-же сама объѣдать; тебя давно звали.

— Сейчасъ. Скажи только, ты была въ саду?

— Была, отвѣчала Евгенія и тонкая улыбка скользнула по ея губамъ.

— Ну, и что-же? Кто еще тамъ былъ?.. Сергѣй Кирилловичъ?

— Ничего я тебѣ не скажу, мамаша; уходи!

Катерина Аполоновна и тутъ-бы не послушалась, если-бъ не явился лакей звать ее такимъ отчаяннымъ голосомъ и съ такимъ разстроеннымъ лицомъ, что изъ жалости къ нему она пошла. Проходя коридоромъ, она слышала, какъ переговаривались слуги.

— Барина нашли, что-ли?

— Онъ у себя въ кабинетѣ, заперся, не отвѣчивается; а я за нимъ весь поселокъ обѣгала.

— Кого еще нѣтъ-то?

— Надежда Александровна пропала.

— Да и Бахметьева, Александра Сергѣича, нѣтъ. Барыня такъ и рветъ, и мечетъ, вся позеленѣла.

Аграфена Николаевна одна сидѣла за столомъ и съ ожесточеніемъ ѣла пирожокъ; Валентина, заложивъ руки за спину, ходила по столовой.

— Мое почтеніе, Надежда Александровна! иронически обратилась Аграфена Николаевна къ входящей Динѣ; — васъ не оторвали-ли отъ важныхъ занятій?.. Ужь извините. Ахъ, и вы здѣсь, Александръ Сергѣичъ, а я думала, вы уѣхали; вы иногда такъ неожиданно уѣзжаете. А гдѣ-же хозяинъ-то, Сергѣй Кириловичъ? Впрочемъ, семеро одного не ждутъ; разливайте супъ, обратилась она къ лакеямъ.

Актаровъ вошелъ въ эту минуту, очень блѣдный и съ такимъ утомленнымъ видомъ, будто ему нездоровилось. Мельхова пристально посмотрѣла на него.

— Ты вѣрно позавтракалъ, а другіе ничего не ѣли, сказала ему жена. — Ну, садитесь-же, господа. Чей-же это пустой стулъ? Кого еще вѣтъ? Вѣдь это Валентина Кириловна теперь пропала!

Дѣйствительно, Валентины не было; слуги опять засуетились; Дина встала изъ-за стола и пошла искать ее.

— Сію минуту была здѣсь, переговаривались всѣ, — еще осуждала всѣхъ, что не идутъ, а сама скрылась въ ту минуту, какъ всѣ собрались.

— Именно поэтомуу она и скрылась, сказалъ Бахметьевъ; — когда не нужно, она была тутъ, а какъ только нужно — ея нѣтъ.

Дина отыскала Валентину въ концертной залѣ, разбирающую одной рукой новыя ноты на роялѣ. На легкой упрекъ Дины она отвѣчала, не вставая:

— А какъ-же другіе-то заставляли себя ждать; ты сама цѣлые полчаса не приходила!

— Другіе дѣлали это не нарочно.

— Я точно также имѣю право думать, что они нарочно.

Сѣли, наконецъ, за столъ и начали ѣсть простывшій супъ. Агрипина, не переставая, ворчала на мужа за невнимательность, невѣжливость, эгоизмъ и даже прозорливость, такъ-какъ она увѣряла, что не наѣвшись предварительно, нельзя опоздать къ обѣду.

— Что мнѣ дѣлать съ Евгеніей? говорила Мельхова, — она совсѣмъ больна; сегодня поутру заболѣла голова, я и думала, такъ пройдетъ; а сейчасъ прихожу — она вся въ жару, разметалась, тяжело дышетъ и проситъ пить. Хоть-бы Березинъ приѣхалъ!

Она смотрѣла на Актарова; онъ не поднималъ глазъ и не ѣлъ ничего. Дина замѣтила странно-смущенное выраженіе его лица.

— Она у васъ такая болѣзненная, золотушная, замѣтила Агрипина съ кривой улыбкой, которую не могла удержать, когда хотѣла сказать кому-нибудь неприятность.

— Это ты, вѣрно, смѣшала съ своими, возразила Мельхова, покраснѣвъ отъ гнѣва, — а у насъ и въ семействѣ никого не было золотушныхъ.

Агрипина начала спорить и хохотала, когда Мельхова сердилась; Валентина почему-то также пристала къ сторонѣ Агрипины. Прежде окончанія обѣда, Дина встала, говоря, что пойдетъ отнести Евгени вина и пирожного. Она уже сообразила совпаденіе между отсутствіемъ Актарова передъ обѣдомъ, его настоящимъ смущеніемъ и болѣзью Евгени: ей хотѣлось видѣть, что на самомъ дѣлѣ происходитъ съ красавицей.

Евгенія встрѣтила ее улыбкой, въ которой было торжество.

— Мерси, сказала она, и аппетитно принялась за пирожное. нисколько не заботясь о томъ, чтобъ выставить себя больной въ глазахъ Дины.

— Что такое съ вами? спросила Дина.

— Такъ, лихорадка какая-то; положите меня; вѣдь вы лекаря. Вылечили вы свою дѣвочку?

— Настю? Да, она совсѣмъ поправляется.

— Ну, и я скоро поправлюсь. Сегодня, впрочемъ, не выйду.

— Отчего? спросила Дина.

— Такъ, у меня свои причины; послушайте, Надежда Александровна, у меня къ вамъ просьба; исполните вы?

— Не могу сказать заранѣе.

Евгенія встала съ постели, откинула назадъ волосы и, напѣвая оперную арію, сѣла къ письменному столу и начала писать что-то на листѣ почтовой бумаги.

— Не уходите, Надежда Александровна, сказала она, вкладывая записку въ конвертъ и заклеивая его паглухо.

— Вы хотѣли о чемъ-то просить меня, отвѣчала та; — говорите скорѣе, потому что мнѣ некогда.

— Ну, подойдите сюда... читайте!

И Евгени подставила къ глазамъ Дины адресъ, написанный на конвертѣ.

— Сергѣю Кириловичу Актарову, холодно сказала Дина; — ну что-же изъ этого?

— Согласитесь вы отнести и передать ему?

— Лучше пошлите съ кѣмъ-нибудь изъ лакеевъ.

Евгенія засмѣялась.

— О, добродѣтельная особа, богиня премудрости! сказала она; — я такъ и знала, что вы вспѣтушитесь, сейчасъ подумаете, что любовная интрига... женатый человѣкъ... и тому подобное!

— Того, что я думаю, вамъ не узнать, Евгенія Леонтьевна, улыбнулась Дина;— можетъ быть, совсѣмъ противоположное тому, что вамъ кажется.

Евгенія наблюдательно посмотрѣла ей въ лицо: взглядъ Дины, твердый, прямой и ясно-спокойный, заставилъ ее опустить глаза.

— Я потому говорю, чтобы вы послали съ лакеемъ, что я не располагала идти внизъ, продолжала Дина.

— Но понимаете-ли, что вѣдь это цѣлая исторія послать съ лакеемъ, возразила Евгенія; — надо ему толковать, чтобы онъ не отдавалъ при Агрипинѣ... и вообще ни при комъ, — что онъ послѣ этого подумаетъ! А между тѣмъ мнѣ это нужно непременно. Неужели вы откажете мнѣ въ такой бездѣлицѣ?

— Ну, давайте пожалуй, сказала Дина.

— Еще одно: даете вы мнѣ честное слово, что не станете расклеивать пакетъ и отдадите, не читавши?

Дина взглянула на нее такъ, что Евгенія покраснѣла и извинилась.

Дина молча взяла письмо и вышла.

Въ дверяхъ она встрѣтилась съ цѣлой компаніей, дѣлавшей нашествіе на комнату Евгеніи. Мать ея, Валентина и Агрипина во главѣ вели только-что пріѣхавшаго Березина. Между этими тремя матронами онъ похожъ былъ на ученика, ведомаго на экзаменъ, до того лицо его пыдало смущеніемъ и робостью. Евгенія при входѣ его успѣла какимъ-то образомъ броситься опять въ постель, разметать волосы по подушкѣ и встрѣтить ихъ съ томнымъ, интереснымъ лицомъ. Березинъ покраснѣлъ еще болѣе; онъ готовъ былъ на колѣни упасть передъ больною, — въ первый разъ еще онъ видѣлъ ее такъ неотразимо-трогательною. Но Агрипина разрушила и уничтожила всю поэзію этого свиданія, грубо вмешиваясь въ разговоръ доктора съ пациенткой. Она съ циничнымъ смѣхомъ понукала Березина щупать пульсъ у Евгеніи и выслушивать ее, говорила за нее разныя вещи, которыхъ та вовсе

не хотѣла говорить, и придавала ей болѣзни до того прозаичныя причины, что у Евгениі навертывались слезы на глазахъ отъ не-ловкаго положенія. Агрипина была настоящимъ бичомъ бо-жнимъ для всѣхъ живущихъ: при своей болѣзни, при сво-ей слабости, она всегда хотѣла во всемъ участвовать, при всемъ лично присутствовать; если не въ силахъ была идти, то требо-вала, чтобъ ее везли или несли къ обѣду, на гулянье, на рыбную ловлю, всюду, гдѣ были другіе. Качались-ли на качеляхъ — она также хотѣла качаться, и всѣ обмирали отъ страха, видя это страшное, блѣдное лицо, обрамленное двумя чер-ными бандо жидкихъ волосъ, раскачивавшееся, какъ мертвецъ, на двухъ веревкахъ. Пробовали-ли дѣвицы для шутки покататься по двору верхомъ на лошади — Агрипина тоже влѣзала на лошадь, кричала, тряслась отъ страха, хваталась за людей, поддерживав-шихъ ее, и въ такомъ видѣ объѣзжала кругомъ двора. Однимъ сло-вомъ, не было такого мѣста ни въ домѣ, ни въ кухнѣ, ни на свѣтломъ дворѣ, гдѣ люди были-бы безопасны отъ ея появленія, сопровождавша-гося упреками, сценами и нервными слезами. Теперь она совершенно заговорила Березина, рассказывая ему въ мельчайшихъ подробно-стяхъ, что она чувствовала въ это утро, и нарочно вдавалась въ самыя безперемонныя объясненія, замѣчая, что это смущаетъ Евге-нію и ея мать.

— Ну, я вижу, что надо мнѣ взять доктора постарше и женатаго, жеманилась Агрипина, хохоча и завашливаясь, — а вы очень многого не понимаете. Замужней женщинѣ съ вами бѣда!

— Я не знаю, пробормоталъ Березинъ, не слушая ее и смотря на Евгению.

— Нельзя-же вѣдь вамъ все рассказывать, продолжала Агри-пина, — а сами вы ни за что не догадаетесь, отчего я дурно себя чувствую.

Всѣ знали, что она намекала на вѣчную свою тему — беремен-ность; одинъ только Березинъ не понималъ, да и не старался по-нимать. Посреди такого разговора для всѣхъ послѣдовало неожиданное избавленіе въ видѣ Агафьи, явившейся звать барыню по нужному дѣлу. Пришли крестьяне, снимавшіе внаймы ея собствен-ную землю — двѣсти десятинъ, полученныхъ ею въ приданое, и принесли арендную плату. Агрипина всегда получала ее сама изъ рукъ въ руки, стараясь, чтобъ мужа при этомъ не было, и скры-

вая отъ него, сколько именно принесли ей денегъ. Извѣстіе это было для нея капиталнымъ, такъ-какъ въ этомъ году арендаторы за-  
поздали съ платой, и Аграфена Николаевна уже нѣсколько разъ плакала, тосковала и хотѣла привлечь ихъ къ суду. Она вся покраснѣла и съ трясущимися отъ волненія руками поспѣшила выйти, забывъ обо всемъ остальномъ на свѣтѣ.

Крестьяне введены были въ ея комнату; одной Агафѣ дозволялось присутствовать при священнодѣйствіи передаванія денегъ въ ея руки да еще Лиходѣю, который тотчасъ устремился на мужиковъ и началъ кусать ихъ за ноги. Они выдергивали ноги, топтались на мѣстѣ, даже крестились; но Аграфена Николаевна, будто не видя подвиговъ Лиходѣя, дѣлала имъ строгій выговоръ за неисправность и, наконецъ, протянула руку. Старшій изъ трехъ мужиковъ ступилъ шагъ впередъ, — за что Лиходѣй тотчасъ-же напалъ опять на его ногу, — и началъ развязывать кожаный кошелекъ. Агрипину была лихорадка... Наконецъ, въ рукахъ ея очутились три, четыре, пять бумажекъ; она пугливо ощущывала ихъ, боясь уронить, и начала считать про себя.

— Триста рублей? вопросительно сказала она.

— Триста, тихо отвѣчалъ мужикъ.

— А еще гдѣ-же? Остальные пятьсотъ тридцать рублей?

Крестьяне, молча, всѣ трое стали на колѣни. Этотъ выразительный жестъ былъ слишкомъ знакомъ Агрипинѣ, чтобъ не понять его. Она закричала не своимъ голосомъ:

— Мошенники вы! подавайте всѣ деньги сполна, или я васъ упрячу, куда вы и не ожидаете. У меня мужъ мировой судья, онъ сейчасъ это все мнѣ обдѣлаетъ. Отдавайте деньги, пока я добромъ съ вами говорю!

— И рады-бы отдать, да не откуда взять, матушка Аграфена Николаевна, отвѣчали крестьяне.

— Какъ не откуда взять? Какъ вы смѣете это говорить? Должны вы мнѣ за землю или нѣтъ?

— Должны-то должны, мы отъ долга не отираемся; мы васъ просимъ только повременить, пока мы справимся. У насъ другой годъ неурожай да вотъ еще скотскій падежъ...

— А мнѣ какое дѣло, что у васъ неурожай! кричала внѣ себя Агрипина; — вотъ глупо! у васъ неурожай, а я виновата.

— Да вѣдь, сударыня, коли неурожай, такъ продать нечего; а не продашь — откуда-же деньги-то!

— Вамъ говорятъ, я этого знать ничего не хочу! Вы еще вздумали толковать... Нѣтъ, голубчики, вы не отвертитесь, васъ отсюда такъ не выпустятъ!.. Агафья, Агафья!

Агафья неторопливо подошла; но Агрипина не могла выговорить ни слова отъ удущья, она дрожала и хваталась за грудь.

— Чего съ насъ взять-то? замѣтилъ со вздохомъ крестьянинъ; — съ насъ и взять-то нечего, хоть куда хочешь насъ сажай.

Гнѣвъ возвратилъ голосъ Аграфенѣ Николаевнѣ.

— Вы бунтовать, вы грозить! закричала она въ изступленіи; — ну, погодите! Агафья, сейчасъ вели приказчику отъ моего имени, чтобъ этихъ мошенниковъ подѣ караулъ — не выпускать ихъ. А сама бѣги за Сергѣемъ Кириловичемъ, отыщи его и проси ко мнѣ сію минуту... Слышишь!.. ступай!.. ступай! ступай!..

### III.

Дина, съ запиской Евгеніи въ рукахъ, не нашла Актарова нигдѣ въ домѣ. Ей сказали, что онъ во флигель, въ своей судейской камерѣ. Дина часто бывала тамъ, особенно во время разбирательства дѣлъ; она сидѣла обыкновенно въ сосѣдней комнатѣ, откуда все было слышно и куда Актаровъ ходилъ совѣтоваться съ нею. Войдя во флигель, Дина услышала въ камерѣ чужіе голоса; толковали о какомъ-то дѣлѣ, о потравѣ полей; потомъ всѣ эти чужіе ушли и Актаровъ остался одинъ; Динѣ было видно его сквозь не плотно-притворенную дверь. Онъ положилъ локти на столъ и думалъ. Онъ не могъ скрыть отъ себя, что сцену въ саду нельзя было считать шуткой и что она произвела на него сильное впечатлѣніе. До сихъ поръ онъ считалъ, что Евгенія кокетничаетъ, увлекаетъ его, какъ и прочихъ, но послѣ этого признанія въ любви, вырвавшася какъ-бы противъ воли изъ измученной души, послѣ этого безумнаго поцѣлуя его руки — дѣло принимало очень серьезный характеръ. Онъ не любилъ Евгенію, по крайней мѣрѣ, до этого дня, но у него невольно кружилась голова отъ ѣдкаго и раздражающаго чувства удовольствія при воспоминаніи обо всемъ, что было, при мысли, что эта гордая, изба-



лованная, высоко цѣнящая себя дѣвушка выбрала его предметомъ своей первой дѣвственной страсти. Передъ нимъ рисовались ея красота, грація, свѣжесть и молодость, и все это она отдавала ему беззаветно!.. Но какъ, что должно быть дальше—этотъ вопросъ повергалъ Актарова въ невыразимое смущеніе. По своей добросовѣстности, а можетъ быть отчасти и по самолюбію, онъ не могъ допустить въ Евгении ни малѣйшаго расчета выйти за него замужъ послѣ смерти Агрипины; все ея поведеніе, казалось ему, дышало такой непосредственностью чувства, такой прелестью самозабвенія, что нельзя было предположить въ ней никакого хладнокровнаго обсужденія своихъ поступковъ. Теперь ему ужасно нравились тѣ рѣзкіе оскорбленія и упреки, та слѣпая ярость, которые разразились надъ нимъ вначалѣ ихъ разговора: тѣмъ лестнѣе, тѣмъ неотразимѣе подѣйствовала на него послѣдующая реакція... Но самъ для себя онъ долженъ былъ предложить себѣ этотъ вопросъ: женится-ли онъ на Евгении въ случаѣ вдовства? На это внутри его ничто не дало опредѣленнаго отвѣта и онъ нашелъ самое простое и удобное средство выйти изъ затрудненія. „Смѣшно дѣлать планы о томъ, чего еще нѣтъ и, можетъ быть, совсѣмъ не будетъ, рѣшилъ онъ;—надо думать о настоящемъ, а не о сомнительномъ будущемъ“.

Задавшись мыслью думать о настоящемъ, онъ опять не могъ рѣшить, въ какія отношенія онъ станетъ теперь съ Евгенией. Отвѣчать ей взаимностью, раздѣлить восторги ея любви и затѣмъ окончательно увлечь ее Актаровъ былъ-бы способенъ только въ опьяненіи страсти; но пока у него оставалась способность разсуждать, его честность и великодушіе возмущались противъ поступка, гдѣ онъ, самъ ничѣмъ не рискуя, увлекалъ на гибель и разбивалъ жизнь неопытнаго, любящаго существа. Такъ что-же дѣлать?..

Дина все смотрѣла изъ другой комнаты на его наклоненную голову и усиливалась прочесть, какая именно работа мысли напрягаетъ жилы и сдвигаетъ брови на его лбу. Наконецъ, она вошла. Актаровъ сдѣлалъ движеніе и покраснѣлъ, какъ-будто его застали на мѣстѣ преступленія. Второе ощущеніе его было обрадоваться Динѣ, по привычкѣ дѣлать съ ней всякую мысль.

Дина подала ему записку, говоря:

— Евгения просила меня передать вамъ.

Онъ взялъ съ какимъ-то страхомъ и молча глядѣлъ въ лицо Дины; потомъ нерѣшительно разорвалъ конвертъ.

„Прошу васъ объ одной только милости: если вы не презираете меня, если вы честный человѣкъ, не говорите ни слова о томъ, что было между нами *никому*, то-есть Надеждѣ Александровнѣ“.

Вотъ что было написано въ запискѣ. Актаровъ смялъ ее въ рукѣ, потомъ положилъ въ карманъ жилета. Ему казалось страннымъ, что Евгенія выбрала именно Дину подобной посланницей; онъ предпочелъ-бы всякаго другого... Въ первый разъ они были вдвоемъ наединѣ и въ неловкомъ положеніи, не зная, что сказать другъ другу. Это было не то жгучее, полное тайной прелести смущеніе, охватывавшее ихъ въ былыя времена любви и поэзіи; это было нѣчто, воздвигнувшееся между ними, отдѣлявшее ихъ другъ отъ друга. Несмотря на всѣ свои усилія сохранить хладнокровіе, Дина поблѣднѣла; она смутно угадывала содержаніе записки. Но, какъ женщина, она оправилась первая и заговорила о самомъ постороннемъ предметѣ—о дѣлѣ, которое должно было завтра разбираться. Ихъ скоро прервали: прибѣжалъ посланный требовать Актарова къ Аграфенѣ Николаевнѣ. Узнавъ, что къ ней приходили крестьяне съ арендной платой, онъ приблизительно составилъ себѣ понятіе о томъ, что его ожидало, и прежде, чѣмъ идти къ женѣ, зашелъ переговорить съ крестьянами, которыхъ, по приказанію барыни, караулилъ въ сѣняхъ работникъ. Говорить долго было не о чемъ. Актаровъ, и прежде знавшій о неурожаѣ и другихъ бѣдствіяхъ этого села, выслушалъ ихъ молча и пошелъ въ домъ.

— Чего-бы проще, сказалъ онъ Динѣ, —сейчасъ-же отпустить этихъ людей и вовсе не идти къ Агрипинѣ.

— Прежде надо накормить ихъ, сказала она, разрѣшая самый ближайшій практическій вопросъ.

— Неужели вы думаете, что я серьезно говорю: не идти къ Агрипинѣ! замѣтилъ съ горькой усмѣшкой Актаровъ; — я знаю, что эта чаша меня не минуетъ. Объ одномъ только я васъ прошу, Дина: идите со мной.

— Зачѣмъ-же? сказала Дина, колеблясь.

— Пойдемте, пойдемте! Для васъ ничего входить въ этотъ ужасный тайникъ, вы тамъ ходите и дышете, будто въ нормальной средѣ. Но я, влянусь вамъ, каждый разъ задыхаюсь, точно

меня спустили подъ воду! Когда я вижу страшные сны, въ нихъ всегда играетъ роль комната Агрипины съ ея темнотой, мрачностью, грязью, съ насѣкомыми и пресмыкающимися, которыя кишать, шипать во всѣхъ углахъ...

— Что вы, что вы! прервала Дина;—это ужь слишкомъ; ничего этого нѣтъ.

— Я знаю, что нѣтъ, но это совершенно все равно: для меня это есть. И когда я тамъ одинъ, то во мнѣ сейчасъ развиваются галлюцинаціи; если же я буду видѣть васъ, то это меня ободритъ, какъ глотокъ свѣжаго воздуха...

Агрипина лежала, вытянувшись на постели, багровая, и дышала тяжело, съ удушливымъ хрипѣніемъ. Огромные отъ худобы глаза ея выкатились еще болѣе при видѣ мужа; она начала подниматься и сердито бормотать что-то. Дина, знакомая съ ея припадками, подбѣжала, приподняла ее, дала ей чего-то выпить, чѣмъ-то закусить, растерла ей грудь и горло и дала возможность говорить. Агрипина воспользовалась этимъ, чтобъ сочинить цѣлый невѣроятный рассказъ о плутовствѣ и нахальствѣ крестьянъ, которые будто-бы ворвались къ ней, какъ разбойники, съ шапками на головѣ и дерзко закричали: „Ну, барыня, твои деньги были, да слыли; мы ихъ по кабакамъ пролили и нѣтъ тебѣ ничего!“ Потомъ, не дожидаясь, чтобъ Актаровъ отвѣтилъ ей что-нибудь на это, она начала плакать и взвизгивать.

— Вотъ, Надежда Александровна, вы все за него заступаетесь, говорила Агрипина слезливо и злобно, схвативъ Дину за рукавъ и теребя его; — видите, какъ онъ при васъ со мной обходится! Стоить, какъ истуканъ, поблѣлъ весь, какъ мука, и ни слова изъ него не выжмешь!.. Знаеть, что я этого терпѣть не могу, и на смѣхъ мнѣ это дѣлаетъ.

— Говорите что-нибудь, сказала Дина Актарову.

Онъ пожалъ плечами и молчалъ.

— Лучше душу изъ меня вырви, только не молчи! закричала Агрипина и начала метаться по постели.

— Я не могъ говорить, потому что все время говорила ты, сказалъ, наконецъ, Актаровъ съ такимъ усиліемъ, какъ-будто мускулы рта у него застыли и едва двигаются;—но я все-таки не понялъ, чего именно ты отъ меня хочешь. Я тутъ ничего не могу сдѣлать.

— Слышите, слышите, что говорить? вскрикнула Агрипина. — Покорно васъ благодарю, Сергѣй Кириловичъ, — хорошій вы мужъ, хорошо вы вашу любовь мнѣ доказываете. У васъ жену грабятъ, а вы ничего не можете сдѣлать. Для всѣхъ можете, а для меня нѣтъ. Что-же я ужъ надоѣла вамъ, ужъ не мила стала? А помните, когда вы влюблены-то были, какъ вы на колѣнкахъ стояли, какъ вы снимали образъ со стѣны и клялись, что всякое мое желаніе, всякій капризъ мой, какъ святыню, будете исполнять?..

— Нѣтъ, это ужъ невозможно! прошептала Актаровъ и рванулся-было вонъ изъ комнаты, но взглядъ Дины остановилъ его.

— Надо кончить объясненіе о деньгахъ, шепнула ему Дина; — иначе это опять возобновится.

— Шепчитесь, шепчитесь! продолжала между тѣмъ Агрипина, которая вдругъ нашла удовольствіе въ воспоминаніи о небывалой нѣжности мужа; — конечно, все это было, не отпирайтесь пожалуйста!... И это еще будетъ опять, я знаю... Но только ужъ тогда я вамъ припомню, какъ вы для меня не хотѣли ничего сдѣлать. Да что мнѣ, правда, на тебя смотрѣть! я возьму себѣ другого повѣреннаго и подамъ прошеніе въ мировой съѣздъ, я уничтожу довѣренность вамъ на мое имѣніе...

Кашель задушилъ ее. Довѣренности отъ нея никакой никогда не было на имя Актарова, но она всегда говорила объ этой небывалой довѣренности.

— Ты, конечно, можешь подать прошеніе, сказалъ Актаровъ, — но я долженъ тебя предупредить, Агрипина, что ты должна будешь удовольствоваться покажѣсть тѣми деньгами, которыя тебѣ отдали сегодня крестьяне...

— Никогда! никогда!... я не согласна! У меня условіе, я по закону взыскиваю... Развѣ у насъ законовъ нѣтъ?

— На нѣтъ и суда нѣтъ, сказалъ Актаровъ.

— Да какъ ты можешь это говорить? Вѣдь это противъ правительства, — если я захочу, я могу на тебя донести!

— Нѣтъ, это вовсе не противъ правительства, возразилъ Актаровъ: — позволь мнѣ объяснить тебѣ законъ: прежде всего должны быть уплачены государственныя и земскія повинности, и потому если у твоихъ арендаторовъ и можно продать скотъ и строеніе, какъ ты говоришь, то тебя не допустятъ сдѣлать этого

въ твою пользу; деньги эти пойдутъ прежде на погашеніе казеннаго долга.

— А мнѣ-то что-же? закричала Агрипина.

— Тебѣ ничего, если ничего не останется.

— Ха, ха, ха! зарыдала Агрипина: — мнѣ ничего!... Моя земля!... мои деньги!... мнѣ ничего!... ха, ха, ха!

— Но только на время; потомъ вы, вѣроятно, получите, утѣшала ее Дина, стараясь удержать ея руки, вывертывавшіяся въ истерикѣ.

— Ха, ха, ха!... ничего! ни копейки! хохотала Агрипина.

— Ну, наконецъ, если-бъ въ самомъ дѣлѣ ни копейки—не разоришься-же ты отъ этого, замѣтилъ Актаровъ;—твоя жизнь ни въ чемъ не перемѣнится и ты даже этого не почувствуешь.

Словно оный ударилъ ее этими словами, до того лицо ея исказилось злобой и отчаяніемъ. Она схватила со столика коробочку спичекъ и швырнула ея въ мужа; затѣмъ наступили внезапное безмолвіе и неподвижность. Агрипина была безъ чувствъ, въ глубокомъ, тяжеломъ обморочѣ, и лицо ея посинѣло.

— Зовите Агафью... Березина! сказала Дина, у которой дрожали руки. Никакая привычка не могла побороть въ ней угнетающаго впечатлѣнія подобныхъ сценъ.

Актаровъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришли всѣ, даже Мельховы, пользуясь безчувственнымъ состояніемъ хозяйки, чтобъ проникнуть въ ея тайникъ. Но лишь только она начала дышать, какъ Актаровъ просилъ ихъ выйти, изъ опасенія разстроить Агрипину несоблюденіемъ ея завѣта.

Евгенія осталась въ сосѣдней комнатѣ, подстерегая, не выйдетъ ли Дина; и въ самомъ дѣлѣ она вышла съ чайникомъ въ рукѣ за горячей водой.

— Вы отдали? спросила Евгенія, идя за нею по пятамъ.

— Отдала.

— Что-же оный сказалъ: да или нѣтъ?

— Я не спрашивала.

— Но я васъ просила спросить, надменно замѣтила Евгенія.

— А я считала это лишнимъ. Вы можете говорить съ Сергѣемъ Кириловичемъ сами, во всякое время и во всякій часъ, и обо всемъ его спрашивать. Къ чему-же это передаваніе черезъ третье лицо!

Съ этими словами Дина занялась приготовленіемъ какого-то настоя, не глядя больше на Евгению, которая измѣряла ее глазами съ тайной досадой, что не можетъ раздражить ее.

IV.

Настали тяжелые дни, если не для всѣхъ, то для многихъ въ домѣ Актаровыхъ. Болѣзнь Агрипины повернула такъ рѣшительно къ худшему, что выписанный Актаровымъ извѣстный докторъ объявилъ, что надѣяться на хорошій исходъ невозможно, и вопросъ только въ томъ, чтобъ по возможности облегчить страданія конца...

Дина почти не выходила изъ комнаты умирающей, которая только и была покойна въ ея присутствіи. Ко всѣмъ другимъ страхамъ Аграфены Николаевны — что ее убьютъ, обобрадутъ, опять, оставить умирать безъ помощи — присоединился теперь страхъ, что Дина покинетъ ее и что тогда съ нею сдѣлаютъ! Чувствовала-ли она, что Дина въ самомъ дѣлѣ жалѣетъ ее и не питаетъ къ ней ненависти, или просто сознавала, что одна Дина на-столько ловка, свѣдуца и доброжелательна, чтобъ умѣть ходить за ней, не причиняя ей боли и лишнихъ страданій, но, какъ-бы то ни было, она цѣплялась за нее какъ за якорь спасенія. Когда Дина собиралась выйти, она слѣдила за нею глазами, полными такого страха и горя, что та часто жертвовала необходимостью подышать чистымъ воздухомъ, чтобъ только не волновать больную. Впрочемъ, Дина не жалѣла объ этомъ: въ душу ея закралось новое чувство, полное теплоты и жалости, — чувство няньки къ ребенку, хватающемуся за нее безпомощными рученками. Именно такъ хваталась за нее по ночамъ Агрипина, объятая и суетвѣрными, и матеріальными страхами. Дина клала руку ей на плечо, чтобъ она спокойно заснула, и не тяготилась тѣмъ, что сама спала кое-какъ, сидя, едва прислонившись головой къ подушкѣ. Ей было все равно, потому что отъ нея отлетѣлъ ея здоровый, крѣпкій сонъ. Она такъ измѣнилась, какъ-будто атмосфера больницы комнаты вытянула изъ нея всѣ соки жизни, и Актаровъ, взглядывая на нее, отчаянно протестовалъ противъ такого самоумерщвления. Онъ не подозрѣвалъ, что *не это* грызло и точило

ее, и Дина чувствовала глухой гнѣвъ отъ его непониманія. Между ними не было больше струны сочувствія: другая рука перехватила ее и держала крѣпко, не давая ей звучать. Евгенія сдѣлала все, чтобъ отдалить Актарова отъ Дины: она представлялась то ревнующей, то капризной, и вырвала у него обѣщаніе избѣгать откровенныхъ разговоровъ съ Диной.

Евгенія поставила себя съ Актаровымъ въ отношенія платонической и поэтической любви, которая ничего не добивалась, ничего не требовала и, слѣдовательно, не могла пугать Актарова серьезными послѣдствіями. Евгенія казалась такъ счастлива тѣмъ, что онъ не презиралъ ее за ея признаніе; она стыдилась этого признанія, гнѣталась, чтобъ онъ не заговорилъ о немъ, не хотѣла слышать слова „любовь“ и въ то же время наивно, будто безъ мысли, выказывала Актарову, что его любовь кажется ей чѣмъ-то недоступнымъ, какимъ-то невѣроятнымъ, неземнымъ счастьемъ. Этотъ фиміамъ дести кружилъ голову Актарову, и онъ привыкалъ мало-по-малу гулять подъ руку съ Евгеніей цѣлые вечера до поздней ночи, иногда нѣжно пожимать ей руку, глядѣть ей въ глаза и просить у нея цвѣтка на память...

Всѣ, кто видѣлъ его съ Евгеніей, считали его увлеченнымъ; Евгенія не только не скрывала, но преувеличивала свое торжество. Мать ея не сомнѣвалась уже въ успѣхъ; все устроилось, наконецъ, такъ, какъ она имѣла въ виду, переѣзжая сюда: Агрипина, пораженная на смерть, не могла болѣе мѣшать ихъ первенству въ домѣ; Дина была отстранена, Актаровъ безумно влюбленъ и готовъ принять руку Евгеніи, какъ счастье.

Однажды она высказала свои самолюбивыя и удовлетворенныя мечты дочери. Но, къ удивленію ея, лицо Евгеніи омрачилось.

— Ты сама не знаешь, что говоришь, возразила она, — ты не знаешь, каково мнѣ!

— А что, что? Развѣ знакомые что-нибудь намекаютъ?.. Или прислуга? встрепетулась Мельхова.

— Развѣ я обращаю вниманіе на знакомыхъ и на прислугу? сказала Евгенія съ уничтожающимъ презрѣніемъ.

— А, теперь понимаю, улыбулась Мельхова: — ты сознаешь себя немножко виноватой передъ Березинымъ и ты не знаешь теперь, какъ отъ него отдѣлаться!.. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ты ловко его поймала, бѣднякъ по тебѣ сохнетъ!

Мельхова съ искренней веселостью смѣялась. Хотя объясненіе ея вовсе не соотвѣтствовало сокровенной мысли Евгеніи, но оно ей понравилось и она удостоила улыбнуться.

— До того уморителенъ этотъ Березинъ, продолжала Мельхова: — я вчера одна въ коридорѣ хохотала надъ нимъ. Агафья зоветъ его къ Агрипинѣ, а ты въ это время проходишь съ Сергѣемъ Кириловичемъ амфиладу, знаешь — изъ столовой черезъ библіотеку... Ну, и онъ ничего не слушаетъ, что Агафья говоритъ, а только глядитъ, — глядитъ туда, какъ помѣшанный. И поблѣднѣлъ весь! Я подумала, не предложить-ли ему стаканъ воды... Тебѣ его не жаль, Женичка?

— Чего жалѣть! отвѣчала она съ капризной гримаской, — самъ хотѣлъ влюбиться.

— Но тогда ты его поощряла, а теперь ужъ совсѣмъ въ отставку? разспрашивала любопытно Мельхова.

— А теперь не хочу, и не смѣй онъ ко мнѣ подходить.

— Ты такъ ему и объявила, жестокая? шутила Мельхова, любуясь на свою дочь.

— Я не объявляла, но онъ самъ долженъ видѣть, что его больше не хотятъ.

Дѣйствительно, Евгенія не чувствовала даже тѣни сожалѣнія къ несчастному Березину, въ которомъ она вызвала первый, горячій порывъ юношеской страсти, упоила загадочными взглядами, заманила несбыточными надеждами. Она глубоко презирала его, какъ презирала всѣхъ, кто подпадалъ ея власти; стоило полюбить ее, чтобъ тотчасъ показаться въ ея глазахъ жалкой ничтожностью. И какъ-же за то она послѣ издѣвалась надъ ними, какъ топтала въ ногахъ ихъ самолюбіе, обращала въ смѣхъ ихъ лучшія чувства! Такая-же доля готовилась и Актарову въ будущемъ. Но покажѣсть Евгенія еще не презирала его, она испытывала новое для себя чувство страха, нерѣшимости и опасенія передъ неизвѣстнымъ... Несмотря на признанное всѣми покореніе Актарова, несмотря на видимые знаки его предпочтенія, Евгенія знала, что душа его не принадлежитъ еще ей и что онъ предается покажѣсть только удовольствію быть любимымъ ею. Каково это было для ея безжѣрнаго самолюбія! Иногда она почти съ свирѣпой улыбкой думала о томъ, чѣмъ-бы заставить его выстрадать его настоящую самонадѣянность. Она не понимала, что это вовсе не са-



монадѣянность, а слѣпое довѣріе честнаго человѣка, неспособнаго видѣть игру въ чувствѣ женщины. Однако, дѣлать было нечего; Евгенія видѣла, что она только однимъ держитъ Актарова—обаяніемъ своей любви, и что мѣнять эту тактику опасно. Понявъ, наконецъ, что всѣ ея привычныя обольщенія, какъ-то: ослѣпительные костюмы, картинныя позы, гордыя манеры царицы, мало оказываютъ дѣйствія на Актарова, Евгенія, скрѣпя сердце и внутренно проклиная необходимость, рѣшилась отбросить все это и пойти по новой стезѣ... Она испытывала ощущеніе человѣка, который, привыкнувъ къ покойной обуви, вдругъ пускается въ долгое странствованіе босикомъ по камнямъ, по сучьямъ, по жару и по водѣ: ему страшно больно, но онъ все идетъ къ цѣли... Такъ и Евгенія ходила съ Актаровымъ по солнцу безъ вуаля, иногда на пожарище, иногда на какое-нибудь слѣдствіе; обмирая отъ брезгливости, брала на руки грязныхъ ребятишекъ; пила ненавистный ей крестьянскій квасъ изъ ковша и притворялась, что интересуется дѣломъ Сидора Иванова съ Пахомомъ Петровымъ насчетъ присвоенія сарая у одного другимъ. Оставалась еще музыка, и этой она побѣдоносно завладѣла. Такъ-какъ Дина играла теперь рѣдко, то Евгенія смирила передъ Актаровымъ свою гордость, просила его поправлять ее и играть съ нею въ четыре руки.

Былъ вечеръ; всѣ окна въ домѣ раскрыты; благоуханіе розъ, геліотроповъ, левкоевъ ходило волнами по комнатамъ, усиливаясь на балконахъ, на каменныхъ терасахъ... Изъ залы лились звуки рояля: тамъ играли въ четыре руки Актаровъ съ Евгеніей и, по временамъ, Валентина Бахметьева, гостившая здѣсь уже третью сутки. Но ни благоуханія, ни звуки, ни оживленный говоръ не достигали до глухой, отдаленной комнаты, гдѣ лежала больная хозяйка дома. Агафья спала въ углу на полу, свернувшись на войлокѣ; ночная бессонница такъ и свалила ее. Дина сидѣла въ полутьмѣ занавѣса кровати и держала еще раскрытую книгу, которую читала, когда было свѣтлѣе. Дальше, въ тѣни у стѣны, также молча сидѣлъ Березинъ, весь съжившись и засунувъ руки въ рукава. Вся его поза обличала тоску. Дина знала, что онъ больше не въ силахъ переносить блестящую атмосферу гостиной, которую Евгенія наполняла своею красотою и своимъ безжалостнымъ презрѣніемъ къ нему. Тогда онъ жаждалъ мрака, мрачности и тишины Агрипининой комнаты; эта обстановка гармонировала съ

состояніемъ его души и тутъ ему было легче. Вдругъ Агрипина заговорила, сначала хрипло, шопотомъ, потомъ мало-по-малу тверже:

— Надежда Александровна, вы не знаете, получилъ Сергѣй Кириловичъ жалованье?

— Право, не знаю, отвѣчала Дина, поправляя ей подушку.

— Навѣрно получилъ; а вотъ вѣдь онъ не отдаетъ мнѣ, что обѣщаль, слова своего не держать!

— Какого слова?

— Какже, онъ обѣщаль выплатить мнѣ эти деньги, которыя мнѣ не додали за аренду. Вѣдь вотъ сколько времени я жду!

Голосъ ея уже принялъ жалобное и въ то-же время сердитое выраженіе.

— А вы не забыли-ли, возразила Дина,—что Сергѣй Кириловичъ далъ вамъ третьяго дня семьдесятъ рублей?

— Богъ съ вами, Надежда Александровна,—вѣдь это на хозяйство! И вовсе не семьдесятъ, а тридцать пять,—вы не знаете, а говорите. Хозяйство надо-же вѣдь на что-нибудь вести; вы сами видите, я хоть и больная, а все сама выдаю, одна обо всемъ забочусь.

Это была правда: Агрипина приказывала подносить къ своей постели муку, рисъ, масло и дрожащими руками отсчитывала известное водичество.

— И денегъ этихъ почти не осталось, продолжала, закашлявшись, больная,—то то купи, то другое; Агафья безпрестанно спрашиваетъ. Вѣрите-ли, сколько вышло на одинъ кофе для *этихъ!*..

Мельховыхъ она называла всегда за глаза: *эти*.

— И не знаю, что онѣ дѣлаютъ съ этимъ кофе, продолжала она, усмѣхаясь,—говорятъ, для цвѣта лица хорошо тереться кофейной гущей, — ну, Евгеша и собираетъ ее и натирается на ночь. Безпрестанно для нея и покупаютъ.

Это уже была неправда. Денегъ Агрипина вовсе не выдавала ни на какія покупки, а прятала ихъ въ шкатулку, находившуюся всегда у нея подъ подушкой.

— Конечно, другая-бы на моемъ мѣстѣ все бросила, говорила Агрипина, отдохнувъ отъ вашля и съѣвши пастильку;—при моихъ страданіяхъ, развѣ мнѣ легко обо всѣхъ васъ думать, чтобъ

всѣхъ васъ накормить, напоить! А у меня ужъ такой характеръ, что я не могу о другихъ не думать. Но я замѣтила, что такихъ людей, какъ я, никогда не цѣнятъ. Сергѣй Кириловичъ и не подумаетъ о томъ, что мнѣ деньги для себя нужны!

— Для чего-же вамъ теперь деньги? спросила Дина.

— Развѣ я ужъ и не человекъ! разсердилась Агрипина;— я вся обносилась; мнѣ надѣтъ будетъ нечего, когда встану. Вотъ вы сидите въ новомъ платьѣ съ оборочками, съ бантиками, и воротничекъ на васъ самый модный, а я должна передъ вами замарашкой быть?

— Вовсе вы не замарашка, утѣшила ее Дина, нѣсколько покрививъ совѣстью, такъ-какъ Агрипина жалѣла надѣвать чистую блузу во время болѣзни.

— Такъ что-же, вѣдь я въ ситцевомъ капотѣ не пойду въ гостиную, возразила Агрипина, — мнѣ надо шелковое платье, надо къ нему отдѣлку, новыя серьги, брошку. Позовите ко мнѣ сейчасъ Сергѣя Кириловича, я у него вытребую деньги. Гдѣ онъ пропадаетъ? Отчего онъ сюда не заглянетъ?

— Онъ приходитъ къ вамъ каждый день, говорила Дина.

— Что мнѣ его приходы! Онъ долженъ безотлучно сидѣть при мнѣ, вотъ тутъ, у меня на постели, въ ногахъ. Онъ, пожалуй, совсѣмъ забудетъ, что у него жена есть! Агафья, иди за Сергѣемъ Кириловичемъ. Агафья! спать, не пошевельнется! и я знаю, что притворяется, просто не хочетъ слушаться.

— Я пойду за Сергѣемъ Кириловичемъ, сказала Дина и вышла.

Но почти тотчасъ Агрипину охватила острая боль и ея прерывистые стоны огласили комнату. Березинъ испугался и побѣжалъ звать Дину назадъ. Старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ: изнуренная кашлемъ, Агрипина заснула. Березинъ и Дина вздохнули свободнѣе и, отойдя отъ кровати, сѣли вмѣстѣ на диванъ.

— Она очень плоха? спросила Дина.

— Кто? спросилъ разсѣянно Березинъ:— ахъ, да! вы про Аграфену Николаевну. Да.

— А про кого-же, вы думали, я спрашиваю? улыбнулась Дина.

Онъ не отвѣчалъ и, по привычкѣ прибѣгать къ папиросѣ въ затруднительныхъ случаяхъ, полѣзъ было въ карманъ за портсигаромъ, но, вспомнивъ, что здѣсь нельзя курить, опять опустилъ руку.

— Отчего вы не выйдете покурить въ тѣ комнаты, сказала Дина, — здѣсь такъ душно.

— Для меня тамъ душнѣе, — я не могу тамъ быть! сказалъ вдругъ Березинъ, уступая накипѣвшей въ немъ потребности изліянія.

Дина тихо взяла его за руку и нѣжнымъ материнскимъ движеніемъ посадила его опять возлѣ себя. Въ глазахъ ея стояли крупныя слезы: она ничего не говорила, но отъ нея вѣяло сочувствіемъ и состраданіемъ, такъ что у Березина самого навернулись на глазахъ слезы, которыхъ передъ Диной онъ не стыдился.

— Скажите мнѣ, началъ онъ страстнымъ шопотомъ: — вы женщина, вамъ должны быть понятны женскія чувства, — какая у нея была цѣль завлечь меня, если она меня не любила?

Дина понимала отлично цѣль Евгениі, но, разумѣется, не сказала этого, а только улыбнулась и своимъ ласковымъ вниманіемъ поощрила его продолжать. Дѣйствительно Березинъ и не ждалъ отвѣта: ему нужно было не слушать, а высказываться.

— Вы сами видѣли, шепталъ онъ едва слышно; — это не воображеніе мое, не самонадѣянность. Да, впрочемъ, что вы могли видѣть... вы ничего не знаете! Если-бъ я могъ рассказать вамъ... Вѣдь она дала мнѣ право думать, что я... люблю ея!

— Она говорила вамъ? спросила Дина вполголоса.

— Она не говорила мнѣ этого... Но я говорилъ ей, и — она позволяла мнѣ цѣловать себя... сказалъ Березинъ прерывающимся голосомъ.

— Бѣдный вы, бѣдный! сказала Дина, — въ какія безсердечныя руки вы попали!

— Такъ вы думаете, что это была игра, кокетство? сказалъ Березинъ, блѣдный, какъ платокъ; — если я въ этомъ удостовѣрюсь, то Евгениі Леонтьевна увидитъ, что шутить со мной опасно.

Онъ вскопчилъ и порывисто выбѣжалъ изъ комнаты. Дина вздохнула, подошла посмотрѣть, спитъ-ли Агрипина, и, убавивъ огонь лампы, также вышла.

## V.

Дина вошла въ большую залу и осмотрѣлась кругомъ; никого не было; Мельховы гуляли съ Актаровымъ въ саду. Она съла

къ роялю и задумчиво взяла акордъ. При этомъ звукъ изъ другой комнаты послѣшно вышелъ Бахметьевъ и радостно сказалъ:

— На силу вы пришли; а я хотѣлъ было увѣзжать съ горя. Не удастся совсѣмъ поговорить съ вами.

— Что-же дѣлать, отвѣчала Дина;—впрочемъ, я не знала, что вы здѣсь; я пришла поиграть... Я жажду музыки больше, чѣмъ воздуха!

Она заиграла. Бахметьевъ не зналъ, что это за пьеса: соната, опера или просто импровизація, но эти звуки мало-по-малу захватывали ему духъ. Ему стало представляться, что онъ гдѣ-то въ нерусской церкви и звуки органа торжественно несутся подъ высокія арки... Бахметьевъ очнулся тогда, когда Дина остановилась и обратилась къ нему съ ласковой улыбкой.

— Ну, теперь я могу разговаривать, сказала она.—Что вы хотѣли мнѣ сказать?

Но Бахметьевъ не успѣлъ отвѣчать, какъ въ дверяхъ послышался шумъ, какая-то борьба, и появилась Валентина, насильно тащившая за собою Березина, который упирался.

— Мнѣ надо ѣхать домой, говорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила Валентина ненатурально-агривымъ голосомъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ мужа,—съ чего вы взяли не слушаться! когда я вамъ приказываю, то извольте сейчасъ рассказывать мнѣ все, что у васъ на сердцѣ.

Она толкала Березина спиной къ роялю, такъ что онъ, не вида, натолкнулся на стулъ Бахметьева. Тотъ слегка поблѣднѣлъ: онъ видѣлъ, что жена опять устраиваетъ ему засаду. Въ самомъ дѣлѣ, Валентина рѣшилась теперь доказать мужу, что напрасно онъ считаетъ ее отпѣтою, что ей можетъ придти фантазія увлечься и что отъ нея зависитъ сдѣлать его баснею города, обманутымъ и осмѣяннымъ мужемъ.

— Уйдемъ отсюда, шепнулъ онъ Динѣ и всталъ. Но его уходъ вовсе не былъ въ расчетъ Валентины, которая за тѣмъ и пришла, чтобъ заставить мужа обратить вниманіе на ея кокетство съ Березинымъ.

— Неужели ты уходишь отъ меня? возразила она обиженнымъ тономъ.—Что-же я за пугало такое, что всѣхъ разгоняю... А я пришла было послушать музыку, я не думала, что помѣшаю. Дина, играй пожалуйста.

— Лучше ты сама теперь сыграй, сказала Дина.

— О, какъ это политично! возразила иронически Валентина; — значить, при мнѣ и играть нельзя! Ну, я, право, не знаю, Дина, за что ты иногда такъ обращаешься со мною... Ты опять хочешь уходить, Александръ?.. Лучше скажи прямо, чтобъ я ушла, и я уйду. Желаетъ ты этого?

Дина заиграла что-то изъ оперы, чтобъ избавить Бахметьева отъ отвѣта. Онъ опустился опять на стуль, чувствуя, что остается на свою голову и что безопаснѣе было-бы уйти. Все наслаженіе музыкой для него исчезло; какъ ни старался онъ не видѣть и не слышать свою жену — каждый ея жестъ, каждое движеніе отчетливо напечатлѣвались въ его глазу... Валентина нарочно стала у самаго рояля, прямо напротивъ мужа, держа Березина подъ руку. Она, очевидно, воображала себя въ эту минуту какой-то героиней романа и красавицей, потому что качала головой въ тактъ музыки, въ вникъ мѣстахъ смотрѣла на Березина съ улыбкой нѣги, въ другихъ полузакрывала глаза, лѣнливо опираясь о его плечо, и шептала ему какія-то словечки. При видѣ этихъ эволюцій Бахметьева начинало всего покалывать иголками, какъ-будто отъ укушенія невидимыхъ комаровъ; музыка стала рѣзать ему ухо; онъ злился на Дину, зачѣмъ она фальшивить и искажаетъ, какъ ему казалось, арію, изъ „Пророка“. Наконецъ онъ не выдержалъ и всталъ прежде окончанія пьесы. Дина тотчасъ-же, какъ-будто только этого дожидалась, взяла акордъ фянала, круто оборвавъ музыкальную фразу.

— Какъ, уже конецъ? сказала Валентина жалобнымъ голосомъ; — ради Бога, играй еще, Дина; вѣдь вы желаете еще музыки, Владиміръ Ивановичъ? обратилась она къ Березину.

— Да... но мнѣ пора вѣхать, отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ, какой вы дитя! Ну ты, Александръ Сергѣичъ, попроси Дину играть.

— Нѣтъ; я такъ-же мало гармонирую съ тобою, какъ и Владиміръ Ивановичъ Березинъ, возразилъ Бахметьевъ съ злой улыбкой.

— А почему ты знаешь, что Березинъ не гармонируетъ со мной? встрепенулась задѣтая за-живо улыбкой мужа Валентина.

— Это уже лишнее объяснять, это всякій видитъ, отвѣтилъ Бахметьевъ совсѣмъ ужъ язвительно и, обратившись къ Динѣ, сказалъ ей: — Пойдемте пройтись по саду.

Но отъ Валентины отдѣлаться было нелегко: она вся покраснѣла пятнами, у нея сдѣлались тѣ злые глаза, которыхъ не любилъ Бахметьевъ.

— Что-же это такое, что всякій видитъ? обратилась она къ мужу, возвышая голосъ и нервно потирая руки, — что вы хотѣли сказать, Александръ Сергѣичъ?

— Понимайте, какъ хотите, возразилъ онъ. — Попадите сами себя отъ объясненія.

— Я понимаю. Вы хотите найти оправданіе для вашихъ поступковъ со мною, выставляя меня въ смѣшномъ видѣ. Но не беспокойтесь; всѣ очень хорошо знаютъ про васъ.

— Идете-же, Надежда Александровна, сказала Бахметьевъ, котораго видало уже въ потъ отъ знакомаго начала сцены.

— Теперь трусливое бѣгство, возвысила голосъ Валентина, — низкое, трусливое бѣгство. Оскорбить, уязвить женщину и сейчасъ бѣжать отъ своего поступка... Что-же ты стоишь, Дина? Уводи его, уводи скорѣе къ себѣ подъ крыло, утѣшай его разными утѣшеніями. Это твоя роль.

— Валентина! проговорила Дина, поблѣднѣвъ.

-- Что „Валентина“! вскрикнула та, какъ ужаленная, — что ты меня останавливаешь, какъ маленькаго ребенка? Кажется, я ничего не сдѣлала, кромя того, что просто подошла къ вамъ послушать игру, и меня за это осыпають колкостями, хотятъ сдѣлать меня смѣшной. Что-же, я помѣшала вамъ, разстроила вашу tête-à-tête у рояля?

— Валентина, да изъ-за чего ты! попыталась еще разъ образумить ее Дина.

Но Валентина не могла образумливаться. Ей хотѣлось *подыграть* подъ страстность и взбалмошность тѣхъ женщинъ, которыя даютъ полную волю своимъ ощущеніямъ. Притомъ самолюбіе ея было сильно задѣто ироническимъ отношеніемъ мужа къ ея сантиментальничанію съ Березинимъ, и она хотѣла мстить и ему, и Динѣ: Динѣ за то, что она была не на ея сторонѣ, а мужа, и также, какъ онъ, находила ея кокетство *негармонизирующимъ* ни съ ея годами, ни съ ея наружностью.

— Ты спрашиваешь, изъ-за чего? возразила она съ раздраженіемъ, — да почему я знаю, о чемъ вы шепчетесь съ Александромъ Сергѣевичемъ вездѣ, гдѣ только сойдется! Можетъ быть, онъ по-

тому и позволяет себѣ такіе пошлые поступки со мной, что его восстанавливаютъ противъ меня. Можетъ быть, ему никогда не пришли-бы тѣ дикія мысли, какія онъ высказываетъ, если-бъ ты не поощряла его.

— Нѣтъ, это черезчуръ пошло, вскричалъ Бахметьевъ, — на это не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ презрѣнія. Надо кончить это все!

И онъ выбѣжалъ черезъ балконъ въ садъ. Валентина упала на стулъ, заливаясь слезами. Березинъ стоялъ въ глупомъ положеніи, не зная, оставаться ему или уходить.

Дина сжалилась надъ нимъ.

— Лучше пойдите въ садъ, Владиміръ Ивановичъ, пока Валентина успокоится.

Березину не надо было повторять этого два раза: онъ тотчасъ исчезъ.

— Зачѣмъ ты его отослала? сказала съ досадой Валентина, отирая глаза платкомъ.

— Смѣшно-же дѣлать мальчика повѣреннымъ твоихъ распрей съ мужемъ, холодно сказала Дина.

— Мой мужъ дѣлаетъ-же тебя своей повѣренной, возразила Валентина.

— Послушай, Валентина, прервала Дина серьезно, — я прошу тебя отвѣчать мнѣ прямо: думаешь-ли ты въ самомъ дѣлѣ, что я стараюсь разстроить тебя съ мужемъ?

Валентина поколебалась; глубоко - грустный взглядъ Дины и тонъ ея вопроса смутили ее; она знала, что Дина не способна на темныя интриги, но ей не хотѣлось чистосердечно сознаться, что колкія слова, сказанныя ею прежде Динѣ, были просто придиркой для мщенія. Не отвѣчая на вопросъ, она подошла къ зеркалу, вынула изъ кармана пуховку и начала похлопывать ею по своему раскраснѣвшемуся лицу.

— Отвѣчай-же мнѣ, Валентина, повторила Дина: — считаешь ты меня врагомъ, разстраивающимъ твое счастье?

— Я вовсе не говорю, чтобъ ты хотѣла сознательно разстроить, возразила Валентина, которая теперь совершенно успокоилась и чувствовала только легкую усталость послѣ насильственнаго проявленія бурныхъ чувствъ; — я этого не говорю, но ты позволяешь Александру Сергѣевичу прибѣгать къ тебѣ съ жалобами на его



жизнь, на меня... Это имѣть на него дурное вліяніе. Впрочемъ, я тебя отчасти извиняю: ты видишь, что ты ему нравишься.

— Я ему нравлюсь? перебила Дина, — въ какомъ смыслѣ ты это говоришь?

— Въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ, возразила насмѣшливо Валентина, — ну да, ты ему нравишься и это тебѣ пріятно. Ты даже позволяешь ему имѣть какія-то надежды... Онъ самъ проговаривался, что неравнодушенъ къ тебѣ.

Дина молча сдѣлала отрицательный знакъ.

— О, не отпирайся, продолжала Валентина и злой огонекъ блеснулъ въ ея глазахъ, — это вещь понятная. Только не слѣдовало бы и тебѣ судить меня такъ строго за то, что я кокетничаю съ Березинимъ. Чѣмъ я виновата, что молодой человекъ мной завлекся!.. Прощай, не сердись, я поѣду домой.

И Валентина, довольная дѣйствіемъ своихъ словъ на Дину и торжествуя, что оставила ее виноватой, ушла. Дина, дѣйствительно, чувствовала себя виноватой, не въ томъ, конечно, чтобы она желала завлекать Бахметьева, но въ томъ, что онъ слишкомъ равнодушно искалъ ея общества. Пока она стояла внизу терасы, погруженная въ свои мысли, къ ней тихо подошелъ изъ дома Бахметьевъ и взялъ ее за руку. Она вздрогнула.

— Я все слышалъ, что она говорила, сказалъ онъ и въ голосѣ его послышалась страстность и трепеть волненія, — и... и это правда, что она говорила про меня.

Дина поблѣднѣла, но тотчасъ рѣшилась остановить объясненіе.

— Да, сказала она неожиданно твердымъ голосомъ, — это правда, что я напрасно позволяю вамъ постоянно жаловаться мнѣ на Валентину. Эти рассказы и разсужденія о ней только питаютъ въ васъ враждебное настроеніе, раздражаютъ васъ противъ нея, потому что не могу же я ее во всемъ оправдывать и поневолѣ соглашаюсь съ вами. Но это не хорошо, не честно. Валентина имѣетъ право говорить мнѣ горькія вещи за то, что я какъ-будто вступаю въ союзъ съ вами противъ нея. Я не хочу больше говорить съ вами о ней за тѣмъ, чтобы осуждать ее.

— Я даю вамъ слово, что не скажу больше противъ нея ни слова осужденія, спокойно сказалъ Бахметьевъ, — я и не желаю говорить о ней; у меня другіе интересы, несравненно глубже и серьезнѣе.

Дина хотѣла пройти въ домъ; онъ заступилъ ей дорогу.

— Зачѣмъ вы бѣжите отъ меня? сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ звучали и мольба, и грустная нѣжность, и гнѣвъ, что она хочетъ ускользнуть отъ него;—вы не должны бросать меня въ такую минуту, когда мнѣ всего нужнѣе теплое участіе женщины. Неужели вы можете пугаться, какъ пансіонерка, объясненія въ любви!.. И къ чему мнѣ объясняться? Я самъ не знаю, влюбленъ-ли я въ васъ, но вы мнѣ необходимы. Вы не знаете, что со мной дѣлается, когда я долго остаюсь дома; вы не знаете, что было-бы со мною, если-бъ ваши разговоры не успокаивали меня и не примиряли даже съ Валентиной. Вы видите, что я не остаиваю больше на разставаніи съ нею, и этимъ она обязана вамъ.

— Почему мнѣ? спросила Дина.

— Потому, что вы ко всему относитесь доброжелательно и любовно; какъ-бы я ни былъ ожесточенъ противъ Валентины, я перестаю ее ненавидѣть послѣ того, какъ открою вамъ свою душу; даже когда вы ее осуждаете, вы набрасываете на нее какой-то снисходительный свѣтъ, сквозь который она кажется не такъ невыносима... Вотъ какое дѣйствіе имѣли на меня разговоры съ вами.

Дина молчала и думала.

— Какіе-же у васъ интересы, про которые вы сейчасъ говорили? спросила она.

Бахметьевъ покраснѣлъ и молчалъ. Дина утвердилась въ своей мысли, что дѣло идетъ о ней и что Бахметьевъ въ своей хандрѣ, въ безысходной тоскѣ своей жизни, въ отчаянной погонѣ за счастьемъ, прельстился мыслью о ея любви и положилъ себѣ серьезной цѣлью добиться ея. Все это было ей грустно и страшно и не обѣщало ничего хорошаго въ будущемъ; она очень любила Бахметьева и жалѣла его; но вся ея любовь, какъ женщины, вся нѣжность и страсть, къ какой только она была способна, были отданы давно, полно, беззавѣтно и самоотверженно ея первой любви. Какъ ни безкорыстно было ея чувство къ Актарову, въ глубинѣ души она знала, что оно не безвозмездно и что для Актарова лишиться ея — значитъ лишиться лучшей и значительнѣйшей половины своей жизни. И старость не могла разъединить ихъ, а только связать еще больше воспоминаніями пройденной рука объ руку жизни. И несмотря на всю чистоту связывавшей

ихъ дружбы, между ними всегда стояло нѣчто болѣе горячее, болѣе живое и болѣе поэтичное, чѣмъ дружба, словно завѣса, выброшенная въ языческомъ храмѣ на божество, полное соблазна и страсти... Никто изъ окружающихъ не подозрѣвалъ этого; угадала только Евгенія—и возненавидѣла Дину всей изступленной завистью женщины, привыкшей побѣждать и ударившейся о неожиданное препятствіе.

## VI.

Аграфенѣ Николаевнѣ вдругъ стало лучше, и это перевернуло вверхъ дномъ всѣ привычки, препровожденіе времени и занятія всего дома. Она выписала изъ города портнику шить себѣ платья, начала собираться ѣхать въ Москву, купила кресло на колесахъ и въ этомъ креслѣ начала появляться всюду, гдѣ ее всего меньше ожидали: въ верхнихъ этажахъ дома, въ саду, на дворѣ. Мельховы были внезапно свергнуты съ престола и низведены на стеньгу простыхъ гостящихъ и зависимыхъ отъ хозяйки особъ. Агрипина замѣтила, что Катерина Аполоновна принимаетъ на себя тонъ и роль хозяйки и повелительницы всего дома, а Евгенію, по ея выраженію, „рукой не достанешь“; она со всѣми обращается, какъ съ пѣшками, и до того дошла, что уже отдаетъ приказанія знаками, не удостоивая раскрывать рта. Вслѣдствіе этого Агрипина воздвигла на своихъ кузинъ рѣшительное гоненіе, которымъ тѣ страшно возмутились. Мельховы собрались уѣзжать; Евгенія требовала даже, чтобъ сію минуту имъ дали лошадей, но оказалось, что ихъ бѣлье, гофрированныя юбки и батистовыя платья находились еще въ мытьѣ, и передъ этой неотразимой причиной ихъ справедливое негодованіе должно было умолкнуть и покориться. И та, и другая сторона безпрестанно жаловались Актарову; онъ самъ былъ возмущенъ поведеніемъ жены, но что можно было сдѣлать съ Агрипиной? Передъ сосѣдками, пріѣзжавшими иногда навѣщать ее, Агрипина представлялась жертвой.

— Вы не повѣрите, какъ я ее боюсь, говорила она про Батерину Аполонову:—какъ только она идетъ, такъ я вся дрожу. Меня и такъ все разстойваетъ, а она тутъ еще бранится на

меня, говорить, будто я ее выгоняю!... Ну способна-ли я на это? Если мнѣ по головѣ будутъ ходить, я и то не соберусь съ духомъ, чтобъ отказать отъ дому. Вы видите, у меня всѣ живутъ: Надежда Александровна живетъ, Валентина Кириловна по недѣлѣ живетъ, мужъ ея также, да мало-ли кого я призрѣла и пригрѣла. И вдругъ *мнѣ* онѣ говорятъ, что я ихъ выгоняю!... У меня даже кровь горломъ пошла отъ огорченія.

Между тѣмъ Мельховы укладывались; Евгенія, преслѣдуемая Агрипиной, не могла болѣе быть часто съ Актаровымъ, но все-таки находила время обмѣниваться съ нимъ короткими, но, повидимому, значительными словами. Дина замѣчала, что онъ былъ очень тревоженъ, преданятъ чѣмъ-то; иногда какъ-будто хотѣлъ что-то повѣрить ей, но останавливался, будто сердился на нее за что-то; иногда во взглядѣ его выражалась подозрительность. Наканунѣ дня, назначеннаго для ихъ отъѣзда, Евгенія очевидно поссорилась съ Актаровымъ за что-то; вѣроятно, какъ догадывалась Дина, за то, что онъ не соглашался ѣхать съ ними или вскорѣ послѣ нихъ въ Петербургъ. Въ отищеніе ему, Евгенія начала приглашать Березина, и тотъ, совершенно потерявъ голову, собрался ѣхать, куда она прикажетъ...

Въ одно утро, на разсвѣтѣ, почти на зарѣ, Дина проснулась отъ какого-то толчка или прикосновенія, но такого слабого, что ей могло почудиться.

— Кто тутъ? спросила она соннымъ голосомъ, не раскрывая глазъ.

Отвѣта не было и она стала засыпать, но опять почувствовала нерѣшительный толчокъ въ плечо.

— Это ты, Дунай? сказала она, протягивая руку къ воображаемой собакѣ. Но тутъ послышался человѣческій вздохъ. Передъ постелью стояла Агафья, пригорюнившись и съ унылымъ видомъ. Выраженіе лица этой женщины такъ рѣдко мѣнялось, что нужно было что-нибудь необычайное, чтобъ нарушить его апатическое безстрастіе. Дина въ мигъ совершенно проснулась и вскочила на постели.

— Что? Аграфена Николаевна... что съ нею? говорила она, торопливо надѣвая туфли и не рѣшаясь высказать прямѣе пришедшую ей въ голову мысль.

— Барыни нѣтъ, сказала Агафья монотоннымъ голосомъ.

— Какъ *нѣтъ*? съ ужасомъ спрашивала Дина, запахивая блузу; — что это значитъ: нѣтъ?

— Нигдѣ нѣтъ — пропала, отвѣчала Агафья.

Дина посмотрѣла на нее, какъ-будто сомнѣваясь, въ угѣ-ли она; затѣмъ, не спрашивая больше ничего у Агафьи, сбѣжала съ лѣстницы, быстро прошла извилистые коридоры, чайныя, дѣвичьи и другія комнаты, и, наконецъ, очутилась въ спальнѣ Агриппины. Постель была пуста.

— Вотъ сами видите, нѣту, сказала Агафья, подходя и встряхивая простыню, какъ-будто Агриппина могла оттуда выпастъ въ видѣ иголки.

Опомнившись отъ перваго изумленія, Дина осмыслила ее вопросы, но почти ничего не узнала. Наканунѣ Агафья уложила барыню въ постель, какъ обыкновенно, въ началѣ ночи нѣсколько разъ вставала, давала ей лекарство, терла ей ноги, поправляла подушку; наконецъ заснула сама и проспала до разсвѣта; не слыша ни дыханія, ни обычныхъ стонувъ и движеній Аграфены Николаевны, она встала провѣдать ее и не нашла ее въ постели. Искала ее въ другихъ комнатахъ, стучалась въ кладовыя — онѣ были заперты, и, не зная, что дѣлать, пошла будить Дину.

Дина, въ свою очередь, начала пробовать двери кладовыхъ, потомъ вмѣстѣ съ Агафьей обошла весь домъ, всѣ закоулки, даже садъ, дворъ, баню, разбудила прислугу, и послѣ двухчасовыхъ безуспѣшныхъ поисковъ, изнемогая отъ усталости и волненія, рѣшилась разбудить Актарова.

Весь домъ поднялся на ноги; други и недруги Агриппины, всѣ соединились въ общемъ интересѣ любопытства, суевѣрнаго страха и смутнаго ожиданія какой-нибудь катастрофы. Поиски начались съ новымъ рвеніемъ; осмотрѣли мебель, перевернули всю спальню вверхъ дномъ, опускали багры въ колодезь, искали около рѣки, звали, кликали... Наконецъ блѣдные, усталые, растрепанные, при первыхъ лучахъ солнца, всѣ собрались въ залѣ и смотрѣли другъ на друга молча... Вдругъ раздался рѣшительный, но полный волненія голосъ Дины:

— Сергѣй Кириловичъ! прикажите сейчасъ принести ломъ и топоръ: я знаю, гдѣ она!

Всѣ обернулись къ ней, не вѣря ушамъ своимъ.

— Она въ кладовой, продолжала Дина:—въ одной изъ трехъ кладовыхъ, которыя отворяются изъ ея спальни.

— Но эти кладовыя заперты снаружи! вскричалъ Актаровъ.

— Это-то меня и сбило, отвѣчала Дина;—но теперь я понимаю, что дверь заперта извнутри самой Аграфеной Николаевной. Она вопла, вынула ключъ и заперлась тамъ; я знаю эту ея привычку; она иногда дѣлала это, когда собиралась долго пробить въ кладовой.

— Но отчего же она не выходитъ? Отчего не отвѣчаетъ на зовъ! слышались голоса и коментаріи.

Самое вѣроятное предположеніе было то, что ей сдѣлалось дурно и она лежитъ безъ чувствъ. Актаровъ въ мигъ распорядился насчетъ ломанія двери, и вся толпа господъ, прислуги и любопытныхъ зрителей двинулась къ спальнѣ.

— Которую дверь ломать? спросилъ Актаровъ Дину.

— Не знаю; начните съ средней; мнѣ кажется, она чаще ходила въ нее.

Пустили въ ходъ ломъ и топоръ: дверь съ трескомъ соскочила съ петель и открылся темный, зіяющій входъ, откуда повѣяло сыростью и гнилью. Всѣ невольно вздрогнули. Актаровъ сталъ зажигать свѣчу, чтобъ войти въ кладовую, а другіе между тѣмъ звали, кто громко, кто тихо: „Аграфена Николаевна, Агрипина!...“

Вдругъ, въ отвѣтъ на этотъ зовъ, изъ глубины тайника раздался хриплый, дребезжащій, двѣй звукъ: не то вопль, не то стонъ, не то кашель... Это было такъ страшно, что многія изъ женщинъ вскрикнули; Евгенія въ испугѣ зажала уши и убѣжала.

— Это онѣ, это барыня, сказала Агафья своимъ вялымъ голосомъ и пошла вслѣдъ за Актаровымъ въ кладовую; также и Дина. Остальные со страхомъ жались другъ къ другу.

— Агрипина, гдѣ ты? звалъ Актаровъ, повертывая свѣчу во всѣ стороны и пробираясь между сундуками и хламомъ, заграждавшимъ путь. Кто-то изъ нихъ задѣлъ за что-то и откуда-то полетѣлъ на полъ худой бѣлый тазъ и съ шумомъ разбился въ дребезги. Опять, въ отвѣтъ на этотъ шумъ, раздалось болѣзненное, протяжное восклицаніе испуга... Актаровъ поспѣшилъ къ тому мѣсту, наклонился со свѣчей, и—невольно отшатнулся назадъ, встрѣтивъ прямо устремленные на него большіе, страшные гла-

за жены... Агрипина сидѣла на полу въ странномъ положеніи, прижавшись къ сундуку, и губы ея что-то бормотали...

Дина бросилась къ ней и мигомъ поняла, въ чемъ дѣло.

— Агафья, закричала она, — приподними крышку сундука... Ей прихлопнуло платье и она не можетъ встать!

Въ самомъ дѣлѣ, Агрипина, опуская своими слабыми руками тяжелую крышку сундука, прихлопнула ею широкій рукавъ своего ватнаго капота и плечо ея осталось какъ-бы прикованнымъ къ сундуку; одной другой рукой она не въ силахъ была снова приподнять крышку и принуждена была сидѣть, какъ въ капканѣ. Вѣроятно, ей сдѣлалось дурно отъ испуга и у нея пошла горломъ кровь, какъ показывали слѣды на ея платьѣ; можетъ быть, разныя ужасающія идеи вошли ей въ голову: что это наказаніе Божіе и что она навсегда останется тутъ и умереть съ голоду; какъ-бы то ни было, на ней видѣлись слѣды страшнаго потрясенія. Актаровъ поднялъ ее и вынесъ на рукахъ, какъ безчувственную массу. Глаза ея глядѣли быстро и дико, повидимому никого не узнавая; руки отъ слабости висѣли и болтались какъ плети, губы по временамъ шевелились, но не въ силахъ были ничего выговорить. Ее уложили въ постель; выслали народъ изъ комнаты, послали въ городъ за докторомъ.

— Умираетъ она? спросила Дина у Березина, приготовляя вмѣстѣ съ нимъ успокоивающее лекарство.

— Похоже на то, отвѣчалъ онъ.

Дина вздохнула: ей было жаль эту женщину, за которой она такъ неусыпно ходила. Она подошла къ постели и съ грустной нѣжностью посмотрѣла на ея исхудалое лицо, отвела волосы со лба и взяла ея горячую руку въ свои... Актаровъ засталъ ее такъ, и задумался, глядя на нее.

— Смерть для нея — успокоеніе отъ страданій, сказалъ онъ тихо.

Дина кивнула утвердительно головой и глаза ея наполнились слезами.

— О чемъ-же вы плачете? продолжалъ ласковымъ шопотомъ Актаровъ, взявъ ея руку, висѣвшую вдоль тѣла; — вамъ нелегко было съ нею, и она не чувствовала всего, что вы для нея дѣлали.

Дина бросила на него странный взглядъ, полный укоризны и

горя; онъ не понималъ, что эта женщина, со всей своей безсердечностью, неблагодарностью и даже клеветой на Дину, не заставила ее ни на минуту испытать половину той горечи, какую внесла въ ея жизнь Евгенія въ эти послѣдніе мѣсяцы...

Дина ни на минуту не обольщала себя обыкновенными утѣшеніями; она знала, что если только Евгенія овладѣтъ любовью Актарова, то камня на камнѣ не оставитъ въ душѣ его изъ его привязанностей, убьетъ все, что внушено не ею. Вопросъ только въ томъ, овладѣтъ-ли она?... Въ Актаровѣ были задатки, что его не такъ легко скрутить и оторвать отъ сродной ему почвы.

Мельховы отложили приготовления къ отъѣзду... Какъ могли онѣ, въ виду такова горестнаго происшествія и опаснаго состоянія кухни, помнить слова, сказанныя ею въ болѣзненномъ раздраженіи! Теперь онѣ ужасно жалѣли Агрипину, хвалили ее, говорили, что если-бъ не болѣзнь, то она была-бы чудная женщина. Все это было почти искренно: съ увѣренностью въ близкой смерти Агрипины, онѣ получили къ ней самыя доброжелательныя чувства. Въ послѣдовавшую затѣмъ ночь, которая могла быть послѣдней ночью Агрипины, онѣ въ припадкѣ великодушія хотѣли было не спать и чередоваться у ея постели. Хотя для нихъ обѣихъ, при ихъ нервозности и отвращеніи ко всему непріятному, это была настоящая жертва, но ихъ прельщала романичность такого положенія и представлялось, какъ эффектно онѣ будутъ описывать эту ночь своимъ знакомымъ по возвращеніи въ Петербургъ. Движимыя такими мотивами, онѣ пришли объявить о своемъ намѣреніи, но наткнулись на непреодолимое препятствіе. Дина такъ серьезно и рѣшительно воспротивилась вторженію постороннихъ лицъ въ спальню умирающей, что бороться съ ея волей оказалось невозможнымъ. Хотя она говорила кротко и мягко, но въ словахъ ея слышался авторитетъ, которому невольно всѣ покорялись, сознавая, что она имѣетъ право запрещать и приказывать. Сама Катерина Аполоновна, всегда готовая на задоръ, умоляла при видѣ ея блѣднаго лица и глубокаго, сосредоточеннаго взгляда, и не имѣла духа возразить ей. Актаровъ, безмолвно присутствовавшій при этомъ, спросилъ у Дины съ какой-то почти тѣлностью: „А мнѣ идти къ ней?“

— Я думаю, отвѣчала она, уходя. Онъ пошелъ за нею.

Мельховы удалились въ большомъ смущеніи, смутно понимая.



что плохо выбрали время для театральнаго выраженія чувствъ. Но Евгенію больше всего поразило совершенно постороннее обстоятельство и она все о немъ думала: это то, что Дина была хороша, лучше, чѣмъ въ обыкновенное время; хороша своею блѣдностью, измученнымъ выраженіемъ лица, слѣдами тяжелой бессоницы подъ глазами, обведенными темнымъ кругомъ; хороша небрежностью волосъ и одежды, хороша полнымъ отсутствіемъ всякой мысли о себѣ. Ея лицо напоминало тѣ картины, на которыя художникъ накладываетъ печать высшей, духовной красоты.

Приѣзжій докторъ молча осмотрѣлъ и выслушалъ Аграфену Николаевну, прописалъ капли, ванну и уѣхалъ. Березину, остановившему его въ передней, онъ сказалъ, что больная можетъ прожить еще сутки, но не навѣрное.

Однако втеченіи дня она пришла въ себя, и, услышавъ, что возлѣ нея разговариваютъ о священникѣ, недовольно повела глазами и сдѣлала отрицательный знакъ.

— Мы говоримъ—не угодно-ли вамъ причаститься? сказала, подходя къ ней, Агафья.

— Я еще не умираю... когда буду умирать, сама скажу, прошептала съ усиліемъ больная, очевидно сердясь.

Нѣсколько часовъ она лежала какъ-бы въ забытіи, не шевелясь, потомъ начала тревожно метаться и, наконецъ, плакать. Дина и Актаровъ, бывшіе въ комнатѣ, наклонились къ ней, съ участіемъ спрашивая, чѣмъ она страдаетъ. Агрипина всхлипывала, произнося безсвязныя слова о ворахъ, сундукѣ, о какой-то пыли...

— Пыль! повторяла она съ сокрушеніемъ, — пыль всей рукой стерта.

— Это бредъ, вполголоса сказалъ Актаровъ.

Жена взглянула на него съ гнѣвомъ и, собравши всѣ силы, начала бормотать шопотомъ:

— Въ кладовую безъ меня ходили... я сейчасъ узнала... я ходила со свѣчкой... и тамъ на пыли рука... всѣ пять пальцевъ... Изъ сундуковъ все унесли... сундуки пусты! Кто это лазилъ туда?.. Кто?

Нельзя было объяснить ей, по какому случаю въ ея тайникѣ побывали люди: это совершенно разстроило-бы ее. Дина старалась какъ-нибудь ее успокоить, но Агрипина повторяла:

— Все растащили! все растащили!

Къ вечеру она опять забылась. Пульсъ ея былъ такъ слабъ, что ночью Актаровъ и Дина нѣсколько разъ думали, что она совсѣмъ умираетъ. Агафя, воспользовавшись ихъ присутствіемъ, сладко заснула, сидя въ ногахъ постели. Хотя Дина и Актаровъ, взволнованные предстоящей торжественной и тяжелой минутой, почти ничего не говорили другъ съ другомъ, но чувствовали себя опять близкими и дорогими другъ другу... Преграда между ними растаяла, вліяніе Евгени улетучилось куда то; и Дина знала, по глазамъ Актарова, по ласковому и довѣрчивому звуку его голоса, что онъ готовъ сказать ей все, о чемъ-бы она его ни просила. Но теперь было не время для изліяній; Актаровъ былъ слишкомъ поглощенъ предстоящей переменой въ своей жизни. Ошибка его молодости перестанетъ тяготѣть надъ нимъ; узы, сковывавшія его столько лѣтъ, распадутся и онъ опять будетъ свободенъ располагать своею жизнью... Ему не вѣрилось, ему было какъ-то дико, и беспомощная женщина, лежавшая передъ нимъ почти уже въ когтяхъ смерти, внушала ему невольную жалость.

## VII.

Громкіе голоса, суетливые шаги раздаются въ неприступной до сихъ поръ спальнѣ Аграфены Николаевны; занавѣси сорваны, окно открыто, двери тайниковъ настежь... Прачки, босякомъ, съ подоткнутыми подолами, моютъ и скоблятъ вездѣ, гдѣ только можно; лакеи выносятъ огромную кровать; комната потеряла свой темный, мрачный видъ и сдѣлалась самой простой будничной комнатою. Аграфена Николаевна лежитъ теперь парадно на длинномъ столѣ большой залы въ бѣломъ вѣнчалномъ платьѣ и вся въ цвѣтахъ... Гостей полонъ домъ; съѣхались всѣ близкіе и дальние родные Аграфены Николаевны, бывшіе съ нею всю жизнь въ ссорѣ. Деревенскіе и городскіе сосѣди, непоказывавшіе глазъ при ея жизни, также явились „отдать послѣдній долгъ“, какъ они говорили. Любопытство видѣть семейныя отношенія дома Актаровыхъ, великолѣпные похоронъ, роскошный обѣдъ, на который приглашались всѣ безъ исключенія, много способствовали къ „отданію послѣдняго долга“. Сестры и тетки Агрипины плакали до истерики во время панихидъ, забывъ все, что говорили про нее при жизни.

— И вѣдь какъ молода еще — всего тридцать пять лѣтъ, слышались замѣчанія; — ей-то и жить-бы!

— Но вѣдь какъ она страдала, — это ужъ Господь сжалился надъ нею, раздавался чей-нибудь благочестивый голосъ.

— Да, это правда; Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Какъ еще онъ подкрѣплялъ ее, что она терпѣливо выносила болѣзнь!

— Терпѣніе было необыкновенное, всё удивлялись. Примѣрная была женщина.

— И очень общественная; бывало, хоть и больна, а все выходитъ въ гостиную, ѣдетъ кататься со всѣми, принимаетъ во всеобщее участіе; просто душа общества!

— И, говорить, занималась хозяйствомъ до послѣдняго дня, — каково это! Всѣ обязанности свои исполняла.

— Всѣ, рѣшительно всѣ христіанскія обязанности!

Катерина Аполоновна Мельхова была первой запѣвалой въ этомъ хорѣ; какъ близкое къ Агрипинѣ лицо въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни, она пользовалась большимъ авторитетомъ и рассказы ея объ умершей интересовали всѣхъ. Они были неизсякаемы и отличались одной поразительной особенностью: невозможно было найти въ нихъ ни одного слова лжи, но не было и ни одного слова правды! Березинъ до того пораженъ былъ этимъ фокусомъ, что даже легши спать, долго ломалъ себѣ голову.

— Это дѣйствительно такъ было, говорилъ онъ самъ съ собой; — точно эти самыя слова были сказаны, но вѣдь Аграфена Николаевна съ Катериной Аполоновной бранились, а тутъ выходитъ, что онѣ дружно, откровенно разговаривали!..

Евгенія дѣйствовала совершенно различно отъ матери: она не вмѣшивалась въ толпу и не присоединялась къ похваламъ; даже на соболѣзнованія и вопросы отвѣчала односложнымъ „да и нѣтъ“, не позволяя распространяться на эту тему, какъ особа, слишкомъ серьезно потрясенная грустными картинами смерти и равнодушная ко всѣмъ земнымъ интересамъ. Въ черномъ платьѣ, съ зачесанными назадъ волосами, блѣдная, — она теперь выучилась, что и блѣдность можетъ быть красива, — строгая, безъ улыбки, Евгенія проходила по заламъ, какъ духъ, отрѣшенный отъ земного, и при видѣ ея разговоры невольно умолкали. На Актарова она не обращала ни малѣйшаго вниманія, не говорила съ нимъ ни слова и какъ-будто не видала его; однимъ словомъ, держала себя

такъ безукоризненно и такъ понравилась всѣмъ своимъ видомъ, что даже злословіе, приписывавшее ей виды на Актарова, не нашло, къ чему прицѣпиться. Но такъ-какъ безъ злословія было бы слишкомъ ужъ скучно, то всѣ начали подозрительно поглядывать на Дину, комментировать ея поступки, удивляться, отчего ее почти не видно съ гостями, и дѣлать разныя предположенія.

Совершились похороны; справили поминки; сестры покойницы возвысили-было голосъ, жалуясь, что имъ ничего не досталось послѣ умершей, но Актаровъ разомъ пресѣкъ всѣ возгласы, объявивъ, что все оставшееся послѣ Агрипины — вещи, деньги и землю — отдаетъ ей роднымъ, не оставляя себѣ ни иголки. Въ благодарность за это двѣ изъ сестеръ остались еще на день, чтобъ осмотрѣть гардеробъ и сундуки Агрипины, къ отчаянію Актарова, измученнаго всѣми обрядами и хлопотами.

— Надежда Александровна, сказала Мельхова, выбравъ минуту, когда почти всѣ гости передъ отъѣздомъ собрались на лицо; — мы съ вами, вѣроятно, вмѣстѣ поѣдемъ?

— Куда? спросила Дина.

— Я слышала, что вы собираетесь ѣхать въ ваше имѣніе.

— Я никому этого не говорила, холодно сказала Дина, появившая хитрую цѣль Мельховой.

— Да; но, во всякомъ случаѣ, вы уѣдете скоро?

— Я не знаю, когда я уѣду, и не знаю, уѣду-ли, отвѣчала Дина отчетливо.

Мельхова насмѣшливо улыбнулась; но Евгенія закусила губы отъ гнѣва, и... можетъ быть, страха, въ которомъ сама не хотѣла себѣ сознаться.

— Ну, а мы денька черезъ два, сказала Мельхова; — успѣемъ мы все уложить въ четвергу, Женни?

— Я думаю, разсѣянно отвѣчала та.

Когда послѣдніе гости разѣхались, оставшіеся почувствовали себя какъ-то странно и неловко въ своемъ новомъ положеніи; ничто еще не наладилось, никто не зналъ, за что приняться. Березинъ, считавшійся домашнимъ человѣкомъ, остался, какъ и прежде, на весь день. Онъ принялъ за чистую монету отъѣздъ Мельховыхъ въ Петербургъ и при первомъ удобномъ случаѣ робко спросилъ Евгенію, позволить-ли она ему провожать ихъ.

— Провожать? Куда? Это что значить? обратилась къ нему красавица съ жесткимъ и холоднымъ взглядомъ.

— Вы сами говорили мнѣ, пролететь онъ въ смущеніи; — тогда еще, когда вы собирались ѣхать въ первый разъ...

— Ну да, помню, рѣзко остановила она его и измѣрила его съ ногъ до головы высокомернымъ и презрительнымъ взглядомъ. — Мало-ли что я могла говорить! Развѣ это серьезно было сказано! А вы ужь подумали, что вы въ самомъ дѣлѣ нужны? Не забывайте пожалуйста, monsieur Березинъ!

Онъ отступилъ, какъ-будто она его ударила. Она смотрѣла на него съ безпощадной насмѣшкой, почти съ ненавистью. Теперь онъ былъ ей совершенно не нуженъ: напротивъ, мѣшалъ ей своимъ вѣчнымъ присутствіемъ, надоѣдалъ своей влюбленностью и волненіями. Надо прогнать его совсѣмъ съ глазъ долой, чтобъ онъ не торчалъ между нею и Актаровымъ. Всѣ эти мысли проходили въ головѣ ея и ясно читались въ нахмуренныхъ бровяхъ, въ жестокомъ, зломъ выраженіи лица. Она совсѣмъ сняла съ себя маску.

— Не забывайте, пожалуйста, повторила она медленно и проницательно; — мнѣ надоѣла, наконецъ, эта дурацкая комедія!

— Какая комедія? пробормотала Березинъ, блѣднѣя.

— Любовь ваша, вздохи ваши, ваше длинное лицо, ваши уморительные взгляды, вашъ погребальный голосъ! Сначала меня это смѣшило, но вѣдь одно и то-же надоѣдаетъ. Поймите-же, наконецъ, если въ васъ есть крошка ума, что вы мнѣ надоѣли!

— Понимаю, прошептала несчастный, у котораго подкашивались ноги; — зачѣмъ-же вы... зачѣмъ... зачѣмъ вы...

Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и не могъ договорить.

— Что зачѣмъ?.. Зачѣмъ я васъ давно не прогнала? За тѣмъ, что мнѣ смѣшно было, я вами забавлялась. Теперь стало скучно, и ступайте прочь. Не надоѣдайте мнѣ больше вашимъ нытьемъ; я не желаю, чтобъ вы бывали здѣсь: это моя воля.

Лицо Березина изъ блѣднаго вдругъ сдѣлалось пурпуровымъ; его бѣлые, стиснутые зубы слегка выставились между судорожно-содрогавшимися губами и выраженіе злобы исказило каждую черту его лица, такъ-что сдѣлало его неузнаваемымъ.

— Я совѣтую вамъ не распоряжаться такъ: вы еще здѣсь не хозяйка! сказалъ онъ жесткимъ и хриплымъ голосомъ въ отвѣтъ на слова Евгеніи.

Она испугалась. Это внезапное превращеніе изъ ягненка въ тигра не было ею предвидѣно: она думала, что кто разъ влюбился въ нее, тотъ всегда будетъ лежать ницъ, что-бы она съ нимъ ни дѣлала. Смутно беспокоясь, не зашла-ли она слишкомъ далеко, она поспѣшила уйти. Минуть черезъ десять она услышала топотъ лошади и стукъ бѣговыхъ дрожекъ: это Березинъ уѣзжалъ домой. Евгенія вздохнула свободнѣе, — онъ не вернется.

Актаровъ былъ заваленъ какими-то дѣлами, призывавшими его въ городъ. Однажды онъ пріѣхалъ оттуда чѣмъ-то взволнованный и тотчасъ послѣ обѣда пошелъ наверхъ.

„Куда? Неужели къ ней?“ подумала Евгенія.

Она не ошибалась: Актаровъ постучался къ Динѣ и на отвѣтъ ея: „войдите“ вошелъ къ ней въ комнату. Они съ минуту посмотрѣли другъ на друга и оба какъ-будто смутились; мимолетная краска пробѣжала по щекамъ Дины и отразилась на лицѣ Актарова; затѣмъ Дина съ спокойной улыбкой подвинула ему кресло. Онъ сѣлъ и провелъ рукою по лбу.

— Я былъ у Бахметьевыхъ, сказалъ онъ; — дѣла плохи, они все ссорятся; такъ продолжаться не можетъ.

— Если-бъ Валентина согласилась уѣхать на время, возразила Дина, — это было-бы лучше.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы думаете, что это можетъ помочь? Что это не разъединитъ ихъ окончательно?

— Не думаю... Но отчего вы такъ странно на меня смотрите?

Актаровъ не отвѣчалъ и послѣ довольно долгаго молчанія спросилъ:

— Вы знаете, что Бахметьевъ хочетъ хлопотать о разводѣ?

— Нѣтъ, не знаю, вскричала въ изумленіи Дина.

— Не знаете?... Ну, а съ какой цѣлью онъ этого хочетъ, тоже не знаете?

— Конечно, нѣтъ.

— Честное слово?

— Давно-ли я должна прибѣгать къ честному слову, чтобъ вы мнѣ вѣрили? сказала Дина и глаза ея съ грустнымъ упрекомъ остановились на немъ. Онъ подвинулся и взялъ ея руки.

— Я хотѣлъ схитрить и вывѣдать, что мнѣ нужно, сказалъ онъ, улыбаясь; — но не могу я съ вами говорить такъ! Лучше

буду говорить все безъ утайки, какъ прежде. Дѣло вотъ въ чемъ: Бахметьевъ хочетъ развестись съ женой съ тѣмъ, чтобъ жениться на васъ. Онъ самъ мнѣ это сказалъ.

Въ первую минуту изумленія Дина оставалась безмолвна; въ умѣ ея пробѣжало воспоминаніе о разговорѣ съ Бахметьевымъ на терасѣ и для нея стало ясно, что было тогда въ его мысляхъ.

— Но это какой-то бредъ! вскричала, наконецъ, опомнившись, Дина; — и какой разводъ? Развѣ могутъ ему дать разводъ?

— Это, конечно, фантазія, сказалъ Актаровъ; — но не эта сторона важна — дадутъ ему разводъ или нѣтъ, а другое... Другое, Дина!

— То, что онъ хочетъ жениться на мнѣ? спросила она.

— Да, отвѣчалъ Актаровъ, не смотря на нее и нервно закручивая въ пальцахъ бахрому кресель.

— Для меня это такая-же неожиданность, какъ и для васъ.

— Ну да, можетъ быть, онъ не рѣшился вамъ сказать этотъ сумасбродный планъ, но не могъ-же онъ придти ему въ голову безъ серьезныхъ данныхъ... Онъ самъ сказалъ мнѣ, что любить васъ, но не знаетъ, любите-ли вы его?

Дина молчала и сердце ея сильно билось. Очевидное волненіе Актарова показывало ей, какъ равнодушенъ онъ былъ къ этому вопросу, и въ душѣ ея поднималось невольное чувство счастья...

— Скажите-же мнѣ, наконецъ, любите вы его или нѣтъ? спросилъ онъ, наконецъ, не выдержавъ и порывисто вставая.

— Покажѣсть нѣтъ, тихо сказала Дина.

— Когда-же полюбите? Послѣ свадьбы, что-ли! возразилъ онъ съ горечью; — хороша свадьба — согнать съ мѣста сестру и занять его самой.

— Перестаньте, Сергѣй Кириловичъ; какая-же свадьба можетъ быть между нимъ и мною!

— Какъ знать! и не такія дѣла на свѣтѣ дѣлаются; разводъ совѣмъ не такъ труденъ, только не пожалѣй денегъ. Что-же, я понимаю, что это васъ прельщаетъ; человекъ васъ любить, готовъ на все... даже на подлость!.. До сихъ поръ мнѣ какъ-то не приходило въ голову, что вы можете выйти замужъ; но я не могу не согласиться, что это очень благоразумно, очень прилично. Не все-же жить для другихъ, пора вамъ пожить и для себя...

Онъ не договорилъ и губы его сжались горькой улыбкой; во время этого монолога онъ порывисто ходилъ по комнатѣ, нервно потирая руки. Вдругъ онъ остановился, пристально устремивъ глаза на потолокъ и оттуда медленно переводя ихъ на стѣны.

— Что я тогда сдѣлаю съ этой комнатой? сказалъ онъ; — неужели эти стѣны не упадутъ сами собой, когда вы уйдете?

— Вы забываете, сказала Дина, улыбаясь, хотя губы ея были блѣдны, — что мнѣ, можетъ быть, придется ухъать отсюда не вслѣдствіе моего замужества, а вслѣдствіе вашей женитьбы.

— Моей женитьбы?

— Да; ваша вторая жена не будетъ для меня тѣмъ, чѣмъ была Агрипина, и жить съ нею я не стану.

— А! да, дѣйствительно это причина. Вы правы... вы всегда во всемъ правы!.. Когда вы ждете Бахметьева?

— Я вовсе не жду его.

— Потому что знаете, что онъ пріѣдетъ. Ну, желаю вамъ успѣха, а я пойду къ моей будущей женѣ.

Эти слова Актаровъ уже произнесъ за дверь. Дина долго послѣ того сидѣла неподвижно на одномъ мѣстѣ. Она нисколько не раскаявалась, что своими отвѣтами раздражила Актарова, даже если-бъ это должно было толкнуть его къ Евгеніи. Чѣмъ скорѣе развязка, тѣмъ лучше; ясно, что она наступаетъ!..

Актаровъ сошелъ внизъ въ чрезвычайно любезномъ настроеніи духа, и когда Мельхова политично заговорила о своемъ отвѣздѣ, онъ воспротивился ему съ такимъ жаромъ и наговорилъ ей такихъ лестныхъ вещей, что больше и желать было нечего.

— Я не знаю, какъ Евгенія, сказала Мельхова;—она, я думаю, соскучилась по Петербургѣ.

— Недѣлю мы можемъ еще пребыть здѣсь, отозвалась равнодушно Евгенія;—ровно недѣлю, ни больше, ни меньше.

Мать и дочь обмѣнялись страннымъ взглядомъ; Мельхова поняла, что прежде истеченія недѣли дочь ея сдѣлается здѣсь госпожею—невѣстою хозяина дома. Евгенія рѣшилась достигнуть своей цѣли теперь или никогда. Она очень хорошо замѣтила волненіе и раздражительное состояніе Актарова послѣ разговора съ Диною, поняла, что его любезность напускная и что его мучить что-



то, что отвлекает его мысли от нея, Евгениі. Но именно тутъ, когда человѣкъ мало думаетъ объ опасности и оборонѣ, самое время ловить его. Первымъ дѣйствиємъ ея было отдѣлить его отъ Дины, поставить ледяную стѣну между ними. Она вывѣдала отъ него все, касающееся Бахметьева, и съ удивительнымъ апломбомъ притворилась, что она давно все знала, что любовь Бахметьева не тайна, и Динѣ надо извинить, что она желаетъ по-двинуть его на разводъ. Она начала ужасно хвалить Дину, рассказывать про нее безпрестанно, и каждая ея похвала и каждый рассказъ прибавляли новое раздраженіе въ душѣ Актарова противъ подружки его дѣтства. Доведя его до желанной точки, Евгениі вдругъ пережѣнила тактику: внезапно она являлась страстно и нѣжно любящей его женщиной, дышащей только имъ, ревнующей его къ Динѣ. Ея недѣля подходила къ концу.

## VIII.

Былъ вечеръ знойнаго іюльскаго дня. Съ заходомъ солнца погода сдѣлалась обаятельная, и истомленные жаромъ обитатели дома послѣшили выйти на вечернюю прохладу. Мельхова посидѣла немного на терасѣ съ дочерью и Актаровымъ; потомъ незамѣтно исчезла куда-то: безвѣстно было-бы съ ея стороны оставаться между ними третьимъ лицомъ, когда пѣлъ соловей, благоухали цвѣты и кругомъ стояла такая мягкая полу-тьма.

Одна только Дина не выходила изъ дома: она не чувствовала пережѣнъ погоды и вечерняя прохлада не могла освѣжить ея пылающую голову. Она ходила по пустынной амфиладѣ комнатъ, поглощенная своими мыслями, и глаза ея все больше разгорались мрачнымъ огнемъ, а губы все болѣе сжимались съ яркимъ выраженіемъ суровой рѣшимости. Какъ ни горьки были ея мысли, онѣ ни на минуту не могли довести ее до состоянія пассивнаго, тоскливаго страданія, когда человѣкъ, не шевеля пальцемъ, ждетъ совершенія событій. Она была полна гнѣва, страсти и рѣшимости вырвать съ корнемъ изъ души своей все, что до сихъ поръ составляло ея жизнь, не заботясь о томъ, что будетъ съ нею послѣ. Она знала, что Актаровъ на-столько еще привязанъ къ ней, что даже второй женѣ трудно будетъ вдругъ оборвать эти узы

симпатіи, и что при осторожности и уступчивости съ своей стороны она можетъ еще нѣсколько лѣтъ длить эту агонію умирающей дружбы; но даже мысль объ этомъ не приходила ей въ голову; она сама жаждала скорѣе порвать все безъ возврата. Актаровъ, поддающійся сѣтямъ кокетки, позволяющій ей предубѣждать себя противъ кого ей угодно, ослѣвленный самолюбіемъ такъ, что вѣрилъ въ ея любовь, не видя ея безсердечія, хитрости и разсчета,—не былъ для Дины больше предметомъ уваженія и гордости,—такъ, по крайней мѣрѣ, ей казалось въ эти минуты,—кумиръ разбился и она не станетъ нагибаться поднимать его обломки!.. Это разочарованіе въ идеалѣ было самой горькой каплей въ чашѣ, подносимой Динѣ судьбою. Оно едва не разбило всѣ ея силы. Изъ глазъ ея медленно и мучительно скатилась слеза и застыла на холодной щекѣ; затѣмъ, какъ-будто насильно прорвавшись наружу, закапали другія слезы и какъ градъ оросили ея лицо. Она сама не ожидала этого и поспѣшила отереть ихъ твердой рукой: расплываться въ сѣтованіяхъ и облегчать себя слезами было не въ ея характерѣ. У нея было другое средство излить свои чувства: она пошла къ роялю.

Актаровъ сидѣлъ съ Евгеніей на скамейкѣ у пруда, когда его слуха коснулась эта странная музыка, смягченная отдаленіемъ и какъ-будто пропитавшаяся мимоходомъ всей невыразимой поэзіей этой ночи: шелестомъ листьевъ, колыханіемъ струй и отблескомъ вечерняго неба. Онъ вдругъ умолкъ, словно очарованный; какая-то жаркая струна забила у него подъ сердцемъ и сердцу стало невыносимо сладко и больно!..

Евгенія сначала не поняла, что сдѣлалось вдругъ съ ея собственникомъ; потомъ, догадавшись, удвоила кокетство, живость и употребила всѣ усилія, чтобы отвлечь его отъ музыки и обратить его вниманіе на другое. Для нея эта музыка была просто хорошая, искусная игра, а Актаровъ любить хорошую игру: вотъ какъ она понимала его разсѣянность. Ей вовсе былъ недоступенъ тотъ міръ ощущеній, который вызывала въ душѣ Актарова каждая нота, порхавшая какъ незримый эльфъ вокругъ него... Ему казалось, что всего его обвиваетъ прозрачная ткань мелодіи, а потомъ рвутъ эту ткань потрясающіе акорды... Вотъ минута молчанія, какъ-будто для того, чтобы дать отдохнуть волненію слушателя; но опять задрожали нажатые клавиши и гармониче-

ски вздохнули. Вотъ повторился этотъ вздохъ, какъ-будто хотѣлъ окликнуть чье-то сердце. Что за томительная мелодія и сколько въ ней родного, близкаго Актарову!.. Это призывъ... Евгенія не слышитъ этого и тормозить его за руку и кладетъ голову ему на плечо, но онъ слышитъ ясно, что это призывъ,—и рванулся съ мѣста, даже не замѣчая, что этимъ движеніемъ отталкиваетъ отъ себя прильнувшую къ нему Евгенію. Все лицо ея исказилось, гнѣвомъ, стыдомъ, страхомъ униженія: она почти возненавидѣла Актарова и готова была тутъ-же, осыпавъ его самыми рѣзкими оскорбленіями, бросить его, какъ разгнѣванная царица; но это было-бы ему не наказаніе, это и не раздражило, и не испугало-бы его въ эту минуту. Этой мысли было достаточно, чтобы удержать Евгенію отъ вспышки; напротивъ, она пошла за нимъ; она не могла допустить, чтобы онъ пошелъ къ ея соперницѣ, оставивъ ее. По крайней мѣрѣ, она будетъ съ ними, между ними, и отравитъ ихъ свиданіе. Поднимаясь на терасу, Евгенія взяла Актарова подъ руку и они вмѣстѣ вошли въ домъ. Но звуки рояля давно уже прекратились: въ концертной залѣ никого не было, и Актаровъ остановился въ дверяхъ, какъ-бы пробужденный отъ сна. Зоркіе глаза Евгеніи видѣли, приближаясь къ дому, свѣтлое платье, мелькнувшее въ кустахъ сирени; вѣроятно, Дина вышла передъ ихъ приходомъ и находится не вдалекѣ отъ дома, можетъ быть, на своемъ любимомъ мѣстѣ подъ развѣсистой липой у окна. Какой счастливый случай, что она имѣла глупость не дожидаться Актарова! теперь она никогда не узнаетъ, какъ онъ бѣжалъ на ея игру. Евгенія подвела Актарова къ открытому окну и сказала громко:

— Садитесь сюда, Serge; слышите, я хочу, чтобы вы тутъ сѣли.

Она улыбалась и въ голосѣ ея слышалось самоувѣренное торжество. Актаровъ машинально сѣлъ, еще полный впечатлѣнія, навѣяннаго музыкой.

— Довольно нѣжничать, продолжала Евгенія; — я васъ привела сюда за тѣмъ, чтобы исповѣдывать. Досказывайте мнѣ сейчасъ все про Дину, долго-ли она вамъ нравилась?

— Но я никогда не говорилъ... возразилъ удивленный Актаровъ.

— Я знаю, что ваша мать хотѣла женить васъ на ней, пре-

рвала Евгенія;—это пресмѣшная, должно быть, исторія! Разска-  
жите подробно; только пойдѣте садѣть туда на кушетку.

И Евгенія встала: въ ея планѣ не входило, чтобы Дина слы-  
шала отвѣтъ Актарова; пусть она не знаетъ, что будетъ гово-  
рится дальше, и мучится, предполагая всевозможныя непріятныя  
для себя вещи. Хитрость Евгеніи удалась: прежде, чѣмъ отой-  
ти отъ окна, она услышала за нимъ шелестъ и шумъ шаговъ;  
эти шаги все ближе, ближе... Наконецъ, Дина вошла и, не  
колебаясь, прошла всю длину залы прямо къ тому углу, куда  
Евгенія увлекла Актарова. Оба они—Евгенія и Актаровъ—вздог-  
нули, когда Дина остановилась блѣдная и рѣшительная.

— Сергѣй Кириловичъ, сказала она и голосъ ея казался про-  
долженіемъ той страстной мелодіи, которую она изливала въ  
звукахъ: — прежде, чѣмъ вы будете разсказывать то, о чемъ  
васъ просятъ, я прошу у васъ двѣ минуты разговора наединѣ.

— Вы подслушивали? съ насмѣшкой спросила Евгенія.

— Только двѣ минуты, два слова сказать вамъ, повторила  
Дина, не обращая вниманія на Евгенію.

Актаровъ всталъ и пошелъ за Диной; онъ также былъ чрез-  
вычайно блѣденъ; ему казалось, что онъ услышитъ отъ нея что-  
то роковое. Никогда еще она не смотрѣла такими глазами.  
Евгенія была внѣ себя отъ злобы.

— Что это значитъ, Сергѣй Кириловичъ? вскричала она, со-  
всѣмъ потерявшись;—вы идете секретничать отъ меня... Я имѣю  
право слышать, что будутъ про меня говорить!

— Это не про васъ, отвѣтилъ онъ спокойно и вѣжливо.

— Зачѣмъ-же вамъ скрываться, если не про меня... Это  
оскорбленіе, оскорбленіе!..

Но она была уже одна въ залѣ; Дина съ Актаровымъ скры-  
лись за дверь, плотно затворивъ ее за собою. Они очутились въ  
маленькой библіотекѣ, съ лампой на потолокъ, бросавшей мягкій  
свѣтъ. Актаровъ повернулся къ Динѣ, взялъ ея руки и спросилъ  
шопотомъ:

— Что, Дина? Что я могу для васъ сдѣлать?

Онъ впился глазами въ ея глаза; она также смотрѣла на не-  
го, сначала съ ирачнымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ, но потомъ  
взглядъ ея смягчился, по губамъ пробѣжала грустная улыбка, все

лицо освѣтилось выраженіемъ ласки и нѣжности и она заговорила нѣсколько дрожащимъ голосомъ:

— Мы съ вами скоро простимся; но на прощаніе я попрошу у васъ одного... Только одна просьба и будетъ у меня къ вамъ, и я знаю, вы исполните ее.

Актаровъ не отвѣчалъ; его поразило слово: простимся, и онъ тревожно и вопросительно смотрѣлъ на Дину. Она продолжала съ той-же грустной улыбкой и вѣрно сжимая его руки:

— Никогда никому не рассказывайте о томъ, какъ мы любили другъ друга, какъ мы страдали и какъ были счастливы. Пусть это блаженное время будетъ только намъ однимъ извѣстно!.. Вы не станете говорить Евгеніи, не правда-ли? Никогда и что-бы ни случилось? Я могу положиться на васъ?

Передъ Актаровымъ стояла прежняя Дина, съ тѣмъ-же юнымъ блескомъ въ прекрасныхъ глазахъ, съ той-же неотразимой прелестью, когда-то плѣнившей его, и онъ чувствовалъ снова все трепетаніе прежней любви, чувствовалъ, что со дна души его поднимается что-то могучее, несокрушимое, что дремало въ немъ, но не умирало и ждало только дуновенія, чтобы воскреснуть...

— Развѣ такія вещи рассказываются, сказалъ онъ съ волненіемъ;—развѣ кто-нибудь можетъ стать между нами, Дина?

— О, не говорите, прервала она; — время идетъ и снывается много такого, что мы считали неизблемымъ. Я желаю одного только: разстаться съ вами прежде, чѣмъ эта разлука сдѣлается вынужденною... Я хочу оставить вамъ и унести съ собою одни любящія, свѣтлыя воспоминанія...

— Что вы говорите, Дина! вскричалъ Актаровъ, блѣднѣя; — какая разлука! Зачѣмъ разлука между нами?

— За тѣмъ, что вы скоро сдѣлаетесь мужемъ Евгеніи.

Актаровъ весь вспыхнулъ.

— Развѣ вы думаете, что я люблю ее? возразилъ онъ съ упрекомъ.

— Нѣтъ, я этого не думаю; но я вижу, что вы готовы жениться на ней.

— Это не правда, сказалъ Актаровъ; — я могъ увлекаться, какъ мужчина; но любить другую, когда вы живы, жениться на другой, когда вы со мною... этого вы не можете думать, Дина,

иначе вы слѣпая, глухая, бездушная! Зачѣмъ вы удалялись отъ меня это время?

Онъ обвиняя ея станъ рукою и смотрѣлъ ей въ глаза.

— Не я удалялась, тихо сказала Дина.

— Вы совершенно предоставили меня во власть другой женщины и мнѣ казалось, что вы дѣлаете это съ умысломъ. Вы не знаете, сколько горечи возбудили вы этимъ во мнѣ!

— Съ какимъ умысломъ? Я васъ не понимаю.

— Все это совпадало съ смертью Агрипины, и я думалъ, что васъ пугаетъ то, что я стану свободенъ и буду помогать тому, въ чемъ вы разъ отказали мнѣ. Имѣли вы эту мысль?

— Нѣтъ, не имѣла, сказала Дина, съ трудомъ перевода дыханіе отъ волненія.

— А если нѣтъ, зачѣмъ-же вы мучили меня, зачѣмъ начали говорить о прощаніи и разлукѣ?

— Я думала... что вамъ не нужна больше моя любовь, и для меня лучше было на-вѣки разстаться, чѣмъ жить возлѣ васъ съ этою мыслью.

— Ваша любовь, Дина! повторилъ Актаровъ дрожащимъ голосомъ; — зачѣмъ вы меня обольщаете этимъ волшебнымъ словомъ! вѣдь вы любите меня не больше, какъ сестра?

Она молчала; лицо ея изъ блѣднаго вспыхнуло розовымъ румянцемъ и по немъ разлилась невыразимая красота глубокаго, выступавшаго наружу чувства.

— Скажите-же, Дина... отвѣчайте мнѣ! прошепталъ Актаровъ, притягивая ее къ себѣ.

Она обняла руками его голову и сказала съ несдерживаемымъ порывомъ:

— Вы спрашиваете меня, любила-ли я васъ любовью большею, нежели любовь сестры, — и я скажу вамъ правду. Да, я всегда любила васъ больше, чѣмъ сестра, больше, чѣмъ мать, больше, чѣмъ жена!.. Теперь позвольте мнѣ уйти; я не могу говорить съ вами спокойно...

— Постой!.. сказалъ Актаровъ и съ трепетаніемъ страсти протянулъ къ ней объятія. Дина не противилась побужденію, которое бросило ее въ нихъ...

Въ этотъ вечеръ Евгенія не видала больше ни Актарова, ни Дину. На слѣдующее утро, когда Мельховы вышли къ завтраку,

онъ уже не застали Актарова: онъ ушелъ во флигель заниматься дѣлами. Дина, по обыкновенію, разливала кофе, и хотя лицо ея было спокойно и серьезно, Евгеніи представлялось, что она дразнить ее насмѣшливой улыбкой. Она и мать ея начали поочередно метать въ Дину ядовитыя стрѣлы, намеки, затруднительные вопросы, направленные на то, чтобы смутить ее; но, къ собственному ихъ смущенію и недоумѣнію, Дина не отвѣчала ни слова, даже на прямые вопросы. Евгенія не могла ѣсть и встала изъ-за стола, блѣдная отъ гнѣва.

— Что это за штуки! говорила мать Евгеніи;—вчера вы ходили цѣлый день подъ ручку, какъ женихъ съ невѣстой, а сегодня Сергѣй Кириловичъ и глазъ не кажетъ, даже поздороваться не пришелъ. Вѣдь это просто грубость, невѣжество! Я вижу, что у тебя никакого самолюбія нѣтъ; если-бъ въ мое время какой-нибудь мужчина осмѣлился такъ издѣваться надо мной, я не знаю, что-бы я сдѣлала!.. Да что у васъ такое вышло?

— Ничего не вышло; съ чего ты все это берешь! вскричала раздражительно Евгенія.

— Какъ-будто я по лицу не вижу, что ты осталась съ носомъ! Ты пришла нынче утромъ—точно аршинъ проглотила, лицо длинное-предлинное. Ужь я знаю, послѣ чего бываютъ такія неавантажныя,—должно быть, финтила, финтила, вотъ и выпустила сокола изъ рукъ!

Евгенія сидѣла, отвернувшись къ окну. Мельхова, все сильнѣе злившаяся за неудачу дочери, продолжала пилить ее.

— То-то, если-бы вы поменьше о себѣ воображали, а то все какъ царица какая, говори съ ней на колѣнкахъ! На Сергѣя Кириловича нельзя такъ дѣйствовать: тутъ нуженъ тактъ, а у тебя его нѣтъ... Ну да! нечего пожимать плечами; у тебя вовсе нѣтъ такта и ты этимъ всѣхъ отъ себя отвращаешь. Не лучше-ли намъ съ тобой, матушка, сейчасъ укладываться да ѣхать по-добру, по-здорову!

Сдавленный вопль рѣзко пронесся по комнатѣ. Евгенія въ истерикѣ билась головой объ оконницу. Катерина Аполоновна вздрогнула, поблѣднѣла и стала отыскивать одеколонъ...

— О, каторжная жизнь! рыдала Евгенія, схвативъ себя за волосы;—это не мать, это я не знаю что!.. Лучше умереть, чѣмъ такъ жить!..

— Женичка! взывала жалобно Мельхова, дрожащей рукой поливая ее одеколономъ; — я виновата, виновата!.. Не рви волосы, вѣдь они, больше не выростутъ на этомъ мѣстѣ!.. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Думала-ли я, что ты такъ разстроишься. И лицо въ красныхъ пятнахъ на цѣлый день!.. Я готова себя повѣсить за свой мерзкій языкъ. О, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! говорила Мельхова, ломая руки и сама близкая къ истерикѣ.

— Чего тебѣ дѣлать: ты натѣшила надо мною, ты должна быть довольна, возразила Евгенія, закрывъ лицо платкомъ.

— Ну бей меня, попрекай меня, только не рыдай. Вотъ ты ужъ съ четверть часа плачешь — теперь слѣдовъ не смоешь ничѣмъ. Ну, ради Бога, хоть къ обѣду выйди съ приличнымъ лицомъ. А то вѣдь это торжество для Надежды Александровны!

Евгенія умоляла. Она внутренно бранила себя, что допустила себя разстроиться словами матери въ такую минуту, когда есть серьезное дѣло на рукахъ. Совершенно помирившись, обѣ онѣ начали общими силами изглаживать слѣды слезъ съ лица Евгеніи. Часа черезъ два, справившись объ Актаровѣ, онѣ узнали, что онъ вышелъ изъ флигеля, но куда дѣвался — неизвѣстно. Въ домѣ нигдѣ его не было и Дины также...

„Это опять продолженіе вчерашняго“, подумала Евгенія съ безпокойствомъ и досадой.

Проходя по залѣ, она увидала, что пріѣхалъ Березинъ. Теперь онъ опять могъ быть ей нуженъ; не оставаться-же ей одной, какъ развѣчанной королевѣ, пока Актаровъ съ Диной будутъ гдѣ-то уединяться! Она рѣшилась опять пококетничать съ Березинимъ и удержать его при себѣ въ качествѣ пажа.

Она обратилась къ нему съ кокетливой полуулыбкой.

— Это вы? сказала она благосклонно-шутливо:—вѣдь я запретила вамъ пріѣзжать; что за причина, что вы осмѣливаетесь ослушиваться моихъ приказаній?

Она ожидала, что Березинъ скажетъ, что не можетъ существовать вдали отъ нея, какъ-бы она ни гнала его. Но онъ бросилъ на нее взглядъ холодной злобы и отвѣчалъ:

— Я не знаю, почему вы думаете, что можете мнѣ приказывать пріѣзжать или не пріѣзжать сюда. Я въ гостяхъ у Сергѣя Кириловича, а про васъ я думалъ, что вы давно уѣхали.



Евгенія онѣмѣла. Ей не приходило въ голову, чтобъ ея поступки и обращеніе могли до того раздражить Березина, что превратили его любовь въ ненависть.

— Кто-же это вамъ сказалъ, что мы уѣхали? спросила, входя, Мельхова, слышавшая только послѣднія слова.

— Никто мнѣ не говорилъ, возразилъ Березинъ тѣмъ же холоднымъ тономъ, и, обратясь къ Евгеніи, прибавилъ съ отѣнкомъ дерзости:— Но я самъ полагалъ, что вамъ нечего дѣлать тутъ.

— Что? переспросила Мельхова съ высокомернымъ видомъ.

— Я сейчасъ встрѣтилъ возлѣ рощи Сергѣя Кириловича и Надежду Александровну, продолжалъ Березинъ, все обращаясь къ Евгеніи; — они такъ счастливы вмѣстѣ, что имъ гости только жѣшуютъ. Вы, вѣрно, это замѣтили, Евгенія Леонтьевна?

Несмотря на всю выдержанность, на всю свѣтскость, Евгенія потерялась, смутилась и пробормотала что-то.

— Мы вниманія не обращали, отвѣчала за нее мать, неприятно изумленная тономъ Березина.

— Но теперь нельзя-же не обратить вниманія, возразилъ онъ, беспощадно глядя въ глаза Евгеніи и саркастически улыбаясь ея смятенію;— теперь Актаровъ вдовецъ; кто ему помѣшаетъ жениться на той, которую онъ всегда любилъ? Какъ вы думаете, Евгенія Леонтьевна?

Мельхова вспыхнула отъ негодованія; всего болѣе ее сразило то, что ея Евгенія, умѣвшая всѣхъ осаживать и держать въ почтеніи, потеряла теперь весь свой апломбъ и не знала, что дѣлать, что говорить. Дерзость Березина возбуждала въ ней не протестъ, а страхъ: она боялась, чтобъ этотъ человѣкъ еще чѣмъ-нибудь не отмстилъ ей. Пока онъ давалъ топтать себя ногами, онъ былъ ей смѣшонъ; топча ее въ ногахъ, онъ почти покорялъ ее. Приходъ Актарова прервалъ эту сцену. Онъ вошелъ сіяющій, добрый и ласковый; но его непринужденность еще усилила смущеніе Мельховыхъ. Катерина Аполоновна не выдержала и сказала, стараясь скрыть свое волненіе:

— Вотъ господинъ Березинъ занималъ насъ тутъ сплетнями; онъ увѣряетъ, что вы женитесь.

— Теперь я еще не могу жениться, сказалъ Актаровъ серьезно,— но, по всей вѣроятности, я не долго останусь вдовцомъ.

Мельхова поблѣднѣла и закашлялась; Евгенія не выдержала и

вышла, машинально, ничего не видя передъ собой, она шла по заламъ, когда услышала за собою шаги. Ее догналъ Актаровъ.

— Вы, вѣроятно, ждете отъ меня объясненія, Евгенія Леонтьевна? сказалъ онъ, почтительно подавая ей стулъ.

Она взглянула на него враждебно, холодно и сѣла.

— Я долженъ покаяться передъ вами въ моей самонадѣянности, началъ Актаровъ:—вы какъ-то разъ въ шутку сказали мнѣ нѣсколько словъ, которыя я принялъ буквально... и вообразилъ, что вы меня любите. Согласитесь, что это такая мысль, что можетъ всякому вскружить голову... на время. Я и началъ разыгрывать роль аркадскаго пастушка, гулять съ вами при лунѣ, просить у васъ то цвѣтокъ, то перчатку, то ручку вашу пожать... Вы, конечно, надо мной насмѣхались, и я этого заслуживалъ.

— Стало быть, теперь ваши глаза открылись, сказала Евгенія съ жесткой насмѣшкой; — кто-же вамъ помогъ въ этомъ? Такъ-какъ вы говорите, что на идею о моей любви васъ навели будто-бы какія-то мои слова, то я думаю, что и до противоположной идеи вы также не додумались-бы сами: навѣрно кто-нибудь васъ натолкнулъ?

— Додумался я самъ, но факты я узналъ недавно.

— Факты! какіе факты!

— Березинъ рассказалъ мнѣ все, что вы съ нимъ дѣлали. Онъ хотѣлъ застрѣлиться—это серьезно я вамъ говорю. Я насилу, насилу немного утѣшилъ его, рассказавши ему въ свою очередь, что и я былъ такимъ-же предметомъ забавы.

— Не говорите мнѣ, пожалуйста, о Березинѣ; я забыла и думать объ этой ничтожности. Я знаю, что не онъ подѣйствовалъ на васъ, а нѣкто, болѣе имѣющій на васъ вліянія.

— Вы опять про Надежду Александровну? Что-же, это совершенная правда, что если-бъ я не былъ огражденъ ея вліяніемъ и моей любовью къ ней, то, пожалуй, вздумалъ-бы стрѣлиться, какъ Березинъ, хотя мнѣ за тридцать лѣтъ. Я отдаю полную справедливость вашимъ чарамъ!

Евгенія усмѣхнулась зло, неприятно.

— Кажется, остается только поздравить васъ съ законнымъ бракомъ, сказала она.

— Если, по окончаніи моего траура, Надежда Александровна согласится отдать мнѣ свою руку, я женюсь на ней; если по

какимъ-нибудь причинамъ она не захочетъ — я не выберу другой подруги.

Хотя Евгенія уже совершенно овладѣла собою, но при этихъ словахъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ, на щекахъ ея выступили красныя пятна досады и гнѣва.

— Это все равно, замѣтила она язвительно: — вашъ медовый мѣсяцъ уже начался. Мы не помѣшаемъ вамъ, не беспокойтесь.

---

Актаровъ и Дина обвинялись черезъ полгода. Бахметьевъ впалъ еще въ большую ипохондрію и уѣхалъ отъ жены за-границу. Валентина Кириловна, обезпеченная своимъ состояніемъ, начала вести кочующую жизнь, переѣзжая изъ города въ городъ, ища такого мѣста, гдѣ ей было-бы *хорошо*. Дочерей она отдавала то въ пансіонъ, то въ гимназію, и брала ихъ опять оттуда подъ пустымъ предлогомъ, а въ сущности потому, что ей надоѣдало одно и то-же. Кончилось тѣмъ, что дочери возмутились и не хотѣли больше ни жить, ни ѣздить съ нею. Старшая, Катя, скоро вышла замужъ за Березина, имѣвшаго хорошее мѣсто въ Петербургѣ. Поселившись тамъ съ своей молоденькой женой, онъ имѣлъ удовольствіе представить ее Евгеніи Мельховой, которая была еще не замужемъ и начинала блевнуть. Она пренебрегала тѣми женихами, которыхъ не у кого было отбивать, а отбиваніе, хотя и удавалось, но не кончалось бракомъ...

II. Лѣтневъ.

# В Д В О Е М Ъ.

(Три картинки.)

## I.

### ПЕРВЫЙ СЛѢДЪ.

Шель тихо снѣгъ обильный и пушистый,  
Ложась легко на бѣлыя поля;  
Въ молочный цвѣтъ, ласкающій и чистый,  
Слились въ тотъ день и небо, и земля.  
Въ сыромъ теплѣ и воздухѣ привольномъ  
На санкахъ въ даль летѣли мы вдвоёмъ  
И много звѣздъ, въ круженьи своевольномъ,  
Оставиль снѣгъ на личикѣ твоёмъ.  
Къ твоей косѣ подкрался онъ въ косынеу,  
Сѣдую пыль въ рѣсницы зарониль  
И на щекѣ, нарисовавъ слезинку,  
Пушкомъ своимъ онъ рѣзво сѣмѣнилъ,  
И намъ сдалось, что онъ пустился въ танецъ.  
Порой глаза ты жмурила, смѣясь,  
Тебя живой охватывалъ румянецъ  
И мы неслись, застывъ, не шевелясь...

Сталь рѣже снѣгъ. Виднѣй была окрестность,  
Нашъ конь усталъ, мы двигались шагкомъ.  
Въ коврахъ зимы свѣтившаяся мѣстность,  
Простора тишь блаженная кругомъ—  
Въ насъ вызвали ребяческую радость...  
Ты ручку мнѣ изъ муфты подала.  
Я испыталъ невѣдомую сладость,  
Коснувшись къ ней. Согрѣта и бѣла,  
Она еще хранила запахъ мѣха  
Въ тотъ мигъ, какъ я къ губамъ ее прижалъ.  
Невинныхъ лѣтъ опасная утѣха,  
Кто сладкихъ чаръ твоихъ не испыталъ?  
Тотъ поцѣлуй пролилъ на сердце нѣгу,  
Впервые въ насъ проникла дрожь любви.  
Такъ мы, скользя по дѣвственному снѣгу,  
Въ безслѣдный путь врѣзали колени!

## II.

## ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Помнишь лѣтнюю ночь: съ поля пахло дождемъ,  
 Въ тишинѣ предъ грозой замирала земля.  
 Какъ ту ночь хорошо было слушать вдвоемъ  
 Намъ украдкой съ тобой, дорогая моя!  
 Помертвѣли цвѣты, лѣсъ тревожно затихъ,  
 Свѣтъ зарницы дрожалъ въ темно-синей дали  
 И столпилось въ душѣ столько грезъ молодыхъ,  
 Что и мы, какъ цвѣты, говорить не могли.  
 Черной сѣтью плелись силуэты вѣтвей  
 По каймѣ золотой потухавшей зари;  
 И заря унесла лучшій блескъ нашихъ дней,  
 Но шепнули мы ей: поскорѣй догори.  
 И потухла заря, и какъ фея любви  
 Насъ укутала ночь безмятежнымъ крыломъ,  
 А гроза въ сторонѣ зажигала огни  
 И ревниво порой гдѣ-то вздрагивала громъ...

## III.

## ВЪ БЛЕСКѢ.

Твой уборъ головной возвышается пышно,  
 Облекаетъ тебя прихотливый нарядъ,  
 У тебя на коврахъ человѣка не слышно,  
 На рукахъ и на шеѣ камня горятъ.  
 Полу-лежа сидишь ты на цѣнныхъ гобленахъ,  
 Отражаетъ тебя дорогое трюмо,  
 Предъ тобою, сверкая на мраморныхъ стѣнахъ.  
 Преклонилось за деньги искусство само.  
 Но ты помнишься мнѣ, когда косы змѣнились  
 У тебя по кисейной рубашкѣ твоей,  
 Звонко пѣсни и смѣхъ надъ тобою носились,  
 Ослѣпляла ты взоръ безъ сіянья камней.  
 Мы сидѣли съ тобой на скамейкѣ досчатой  
 И глядѣли на зеркало свѣтлой рѣки,  
 Въ деревенской глуши, безъ искусства богатой,  
 Тамъ. гдѣ золото—рожь, бирюза—васильки.

С. А.

## ПОГИБАЮЩІЯ ВЪ ДѢТСТВѢ СИЛЫ.

(Статья шестая и послѣдняя.)

### XIV.

Мы видѣли, что Фосеттъ опасается, что хорошая организація воспитанія дѣтей признанныхъ бѣдняковъ можетъ имѣть деморализующее вліяніе на народъ. Въ этой мысли заключается нѣчто роковое для филантропіи.

Дѣйствительно, вся филантропическая дѣятельность проходитъ между двумя подводными скалами, о которыя она неизмѣнно разбивается, не достигая желанной цѣли. Если филантропы дурно устраиваютъ свои благотворительныя учрежденія, то эти учрежденія приносятъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу бѣднякамъ. Если филантропы устраиваютъ свои благотворительныя учрежденія безусловно хорошо, то выгодное положеніе призрѣваемыхъ бѣдняковъ заставляетъ массу небогатаго люда завидовать этимъ бѣднякамъ, лишаетъ эту массу энергіи, доводитъ ее до деморализаціи. Постараемся пояснить это.

Съ какииъ классомъ людей приходится имѣть дѣло филантропамъ? Съ бѣдняками и съ преступниками. Дѣти бѣдняковъ обыкновенно гораздо слабѣе въ физическомъ отношеніи, чѣмъ дѣти болѣе обеспеченныхъ классовъ; нравственность этихъ дѣтей гораздо хуже, чѣмъ нравственность дѣтей изъ зажиточныхъ семействъ; дѣти бѣдняковъ очень часто являются преступниками въ самомъ раннемъ возрастѣ. Чтобы сдѣлать этихъ дѣтей здоровыми, развитыми, нравственными людьми, недостаточно того простаго ухода и той простой школы, среди которыхъ вырастаютъ

порядочными людьми дѣти обеспеченныхъ отцовъ, такъ-какъ испорченный организмъ и испорченная нравственность требуютъ гораздо большихъ усилій, чѣмъ усилія, употребляемыя на воспитаніе здоровыхъ и неиспорченныхъ дѣтей. Но еще хорошо, если больной или испорченный ребенокъ рано попадаетъ въ руки разумныхъ воспитателей. А каково исправлять его, если онъ попадаетъ въ руки воспитателя въ тѣ годы, когда онъ успѣлъ уже сильно заразиться и физическими, и нравственными недугами? Вслѣдствіе этой трудности сдѣлать порядочныхъ людей и хорошихъ работниковъ изъ больныхъ и порочныхъ дѣтей ничеты, всѣ благотворительныя учрежденія, стремящіяся къ этой цѣли, должны-бы быть на столько-же выше и блестяще обыкновенныхъ воспитательныхъ заведеній, на-сколько дворцы выше и блестяще обыкновенныхъ, простыхъ лачугъ. Если эти заведенія будутъ не только не лучше, но еще и хуже устроены, чѣмъ обыкновенныя воспитательныя заведенія, то въ результатѣ получится нуль и изъ этихъ убѣжищъ воспитанники выйдутъ такими-же больными, такими-же безнравственными, какими они вошли сюда. Все это азбучныя, неоспоримыя истины. Но какъ-же можно устраивать школы для дѣтей-нищихъ, для дѣтей-преступниковъ лучше, чѣмъ школы для дѣтей изъ болѣе или менѣе обеспеченныхъ семействъ, для „благородныхъ“ дѣтей? Нравственность въ народѣ да и во всемъ обществѣ, какъ извѣстно, покоится на очень шаткихъ основаніяхъ: если дѣтямъ нищаго или самому нищему будетъ житья очень хорошо, то у труженика, едва прокармливающаго семью, явится вопросъ о томъ, стоитъ-ли работать; если дѣтямъ преступника и самому преступнику будетъ житья очень хорошо, то у честнаго бѣдняка явится вопросъ: стоитъ-ли быть честнымъ? Только у самаго незначительнаго, едва замѣтнаго въ массѣ меньшинства нравственность стоитъ на болѣе прочномъ основаніи; только единицы изъ десятковъ тысячъ не позавидуютъ ни нищимъ, ни преступникамъ, если послѣдніе будутъ хорошо обеспечены на счетъ общественной благотворительности. Наконецъ, для того, чтобы хорошо устроить благотворительныя учрежденія для воспитанія, для поддержки дѣтей бѣдняковъ и преступниковъ, нужно тратить большія средства, а эти средства, какъ мы уже говорили, должны черпаться изъ кармановъ трудящагося народа, изъ кармановъ производителей, такъ-какъ болѣе негдѣ взять этихъ средствъ. Вслѣдствіе этого придется

лишать необходимаго здоровую и честную часть населенія, что и было въ Англіи, чтобы исправить и поддержать больную и преступную его часть.

Вотъ почему мы на каждомъ шагу видимъ, что филантропія вовсе не достигаетъ своихъ цѣлей, высасывая только денежные средства у производящихъ классовъ общества, прибѣгая къ разнымъ безнравственнымъ способамъ наживы, устраивая лотереи, спектакли, балы и гулянья, обдѣлывая свои дѣлишки подъ маской благотворительности, набивая нерѣдко свои карманы и не принося въ сущности никому пользы, кромѣ своихъ членовъ.

Загляните въ любой пріютъ: сюда поступаютъ дѣти съ улицы, изъ подваловъ, съ чердаковъ, болѣзненные, насмотрѣвшіеся на развратъ, неизмѣющія понятія о честной семьѣ, о честной жизни. Что-же ихъ встрѣчаетъ въ пріютѣ? Пища здѣсь хуже, чѣмъ въ воспитательныхъ заведеніяхъ для дѣтей болѣе зажиточныхъ классовъ общества; помѣщенія здѣсь менѣе просторны, чѣмъ въ воспитательныхъ заведеніяхъ для богатыхъ дѣтей; одежда здѣсь гораздо хуже, менѣе опрятна, чѣмъ на дѣтяхъ, воспитующихся въ болѣе значительныхъ пансіонахъ. Но развѣ при плохой пищѣ, при недостаточномъ количествѣ воздуха, при не особенно опрятной одеждѣ можно надѣяться уничтожить вполне слѣды золотухи, ревматизмовъ, англійской болѣзни, чесотки, малокровія и тому подобныхъ недуговъ, вносимыхъ обыкновенно въ пріютъ дѣтьми бѣдняковъ? Если въ обыкновенныхъ учебныхъ заведеніяхъ требуется отъ учителей и учительницъ, отъ воспитателей и воспитательницъ высшая степень образованія, то въ пріютъ для дѣтей бѣдняковъ и дѣтей преступниковъ имѣютъ доступъ въ качествѣ воспитателей и учителей люди, стоящіе на очень низкой степени развитія, хотя руководить неиспорченными дѣтьми въ тысячу разъ легче, чѣмъ перевоспитывать, пересоздавать уже испорченныхъ дѣтей. Этого мало: сравните курсъ образованія въ пріютахъ и курсъ образованія въ школахъ для дѣтей изъ зажиточныхъ классовъ общества. Чему учатъ въ пріютахъ? Законъ божій, грамотность, пѣніе и какое-нибудь ремесло или рукодѣліе—вотъ и все. Но и эти предметы преподаются кое-какъ, не полно, почти безграмотными людьми, среди которыхъ намъ случалось встрѣчать такихъ, которые не имѣли понятія и о своемъ родномъ языкѣ! А между тѣмъ именно этимъ дѣтямъ, если ихъ хотятъ вырвать



изъ омота нищеты и паденія, нужно дать всѣ средства для заработка хлѣба, то-есть обучить ихъ такъ, чтобы имъ открылись десятки путей для заработка хлѣба. При томъ образованіи, которое дается имъ, они могутъ выйти только плохими чернорабочими, лакеями, кухарками, мелкими швеями и т. п. Но выпущенные изъ пріюта безъ денегъ, безъ семьи, незнающіе практической жизни, отвыкшіе въ закрытомъ заведеніи отъ этой жизни, они неизмѣнно должны опять попасть именно въ ту среду, изъ которой ихъ вырвали на время, — и они не найдутъ въ себѣ никакой силы, они не найдутъ у себя никакихъ средствъ, чтобы устоять отъ паденія, чтобы выйти побѣдителями изъ борьбы съ этою средою, съ нуждою, съ искушеніями.

Я долго и пристально изучалъ положеніе дѣтей бѣдняковъ въ нашихъ пріютахъ, которые являются почти всегда созданіями частной благотворительной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ обществъ; я близко знакомился и сходилъ съ тѣми личностями, въ рукахъ которыхъ находятся эти заведенія, и, признаюсь откровенно, мнѣ приходилось каждый разъ выносить самое безотрадное впечатлѣніе. Всѣ пріюты обыкновенно находятся въ завѣдываніи какихъ-нибудь промотавшихся барынь съ сомнительной репутаціей въ прошломъ и взявшихъ на себѣ жизни за роль кающихся Магдалинъ и за начальствованіе надъ тѣми или другимъ пріютомъ не вслѣдствіе своихъ педагогическихъ способностей, не вслѣдствіе своей любви къ дѣтямъ, не вслѣдствіе сознанія величія своей задачи, а ради куска насущнаго хлѣба, котораго уже нельзя пріобрѣсти другимъ путемъ. Эти барыни, образованныя въ былые годы и по былой методѣ, большею частью дома, иногда бойко болтаютъ по-французски и бѣгло играютъ на фортепьяно, но онѣ при этомъ салонномъ образованіи нерѣдко, если не всегда, не умѣютъ написать по-русски письма въ двѣ стратицы, не надѣлавъ въ немъ ошибокъ; почти всегда онѣ не умѣютъ ни кроить, ни шить, ни контролировать руководянія занятія воспитанницъ; онѣ всегда лишены какихъ-бы то ни было не только серьезныхъ, но даже и поверхностныхъ свѣдѣній по части педагогики и гигиены. Принимаютъ этихъ женщинъ на мѣста разные благотворители, благотворительницы и общества всегда, безъ всякихъ исключеній, вслѣдствіе личныхъ протекцій, знакомствъ, рекомендацій, экзамена-же или диплома отъ нихъ никогда

и никто не требуетъ. Все это я говорю не на основаніи какого-нибудь случайнаго или единичнаго факта, а на основаніи долготѣтнихъ наблюденій, и смѣю думать, что едва-ли кто-нибудь можетъ опровергнуть фактически то, что я утверждаю здѣсь. Подъ руководствомъ или, вѣрнѣе сказать, лишенная руководства этихъ начальницъ, занимаются въ пріютахъ воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей женщины — большею частью, старыя дѣвы, — неполучившія никакого серьезнаго образованія, которое давало-бы имъ возможность быть хорошими гувернантками въ частныхъ домахъ, учительницами въ гимназіяхъ или классными дамами въ институтахъ; едва грамотныя, непонимающія вовсе своихъ педагогическихъ обязанностей, часто озлобленныя своею дѣвственностью и бѣдностью, эти жалкія созданія отбываютъ свои обязанности спустя рукава, лишь-бы прошелъ дежурный день. Но этому нечего и удивляться: плата воспитательницамъ и учительницамъ въ пріютахъ крайне ничтожна; смотря на этихъ женщинъ въ обществѣ съ пренебреженіемъ, такъ-какъ званіе пріютской воспитательницы или учительницы прямо говоритъ о неспособности этой особы занять лучшее и болѣе почетное мѣсто въ педагогической іерархіи; зависимость этихъ женщинъ отъ начальницы пріюта, отъ управляющихъ или завѣдующихъ дѣлами, отъ попечителей и покровителей — полная, и ни одна изъ этихъ бѣдныхъ и несчастныхъ женщинъ не можетъ поручиться, что ея заслуги или долготѣтная служба спасутъ ее отъ отставки, вызванной какою-нибудь мелкою сплетнею, интригою, завистью или капризомъ того или другого изъ начальствующихъ лицъ.

Попечители и завѣдующіе дѣлами пріютовъ — опять-таки не педагоги, не люди извѣстныхъ убѣжденій, а случайные тузы-благодотворители, часто изъ полубезграмотныхъ Тить Титычей, или мелкіе члены-благодотворители изъ пролазовъ, заботящихся подъ личиною филантропа пролѣзть за услуги частному учрежденію на теплое казенное мѣстечко, завоевать крестикъ, схватить чинъ, сойтись съ нужными людьми, что нерѣдко возможно сдѣлать, числясь членомъ въ частномъ благотворительномъ обществѣ, гдѣ члены-аристократы очень охотно дѣлаютъ дѣло руками членовъ-неаристократовъ, добивающихся личныхъ выгодъ, отличій и чиновъ. Очень часто случалось мнѣ видѣть, какъ эти попечители и завѣдующіе дѣлами входили въ тѣсную и далеко неблагоприятную связь

не только съ начальницами и воспитательницами пріютовъ, но даже и съ воспитанницами этихъ заведеній, что, конечно, быстро дѣлалось извѣстно во всемъ заведеніи и едва-ли содѣйствовало развитію нравственности среди дѣвочекъ, очень часто принадлежавшихъ и безъ того къ числу развращенныхъ съ колыбели создавій. Помню я одного биржевика-англичанина, посылавшаго постоянно въ качествѣ пріютскаго попечителя цѣлые ящики апельсиновъ, грушъ и винограду въ одинъ изъ сосѣднихъ съ его домомъ пріютовъ и кончившаго эти приношенія тѣмъ, что одна изъ воспитанницъ пріюта поступила къ нему на содержаніе тотчасъ послѣ окончанія ученія. Нужно-ли еще ко всему сказанному прибавлять анекдотическія подробности о частныхъ скандалахъ въ этихъ заведеніяхъ? Нужно-ли рассказывать, какъ вниманіе одного такого воспитательнаго заведенія втеченіи долгихъ лѣтъ было все поглощено скандальнымъ поведеніемъ отставленнаго за пьянство изъ военной службы сына начальницы и развратомъ ея незаконной дочери; какъ въ другомъ подобномъ заведеніи начальница, праздная и избалованная барыня, задавала пиръ за пиромъ, покуда не истратила казенныхъ денегъ и не влѣзла въ неоплатные долги, грозившіе „Тарасовкой“; какъ въ третьемъ такомъ заведеніи въ одномъ изъ нашихъ большихъ провинціальныхъ городовъ начальница была такого свойства, что, потерявъ мѣсто въ пріютѣ, занялась обученіемъ публичныхъ женщинъ... чему?—позвольте задержать здѣсь завѣсу.

Всѣ подобныя факты—отнюдь не исключительныя явленія, и потому нечего удивляться, если изъ пріютовъ выходятъ личности вполне деморализованныя, неимѣющія понятія о нравственныхъ правилахъ и, къ величайшему своему несчастію, неспособныя ни на что, кромѣ самой неблагодарной, скудно оплачиваемой работы, которую поневолѣ приходится пополнять доходами отъ продажи своей чести или своего тѣла. Но попробуйте войти въ составъ членовъ любого изъ этихъ благотворительныхъ разсадниковъ безнравственности и разврата,—войти съ благою цѣлью указать на всѣ темныя стороны учрежденій,—и вашъ голосъ будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Мало того, вамъ не позволятъ говорить, васъ не захотятъ слушать, потому что всѣ члены этихъ обществъ сами и безъ васъ знаютъ, какъ плохи начальницы этихъ школъ, какъ невѣжественны воспитательницы этихъ школъ, какъ дурна пища

этихъ школъ, какъ плохо вентилированы помѣщенія этихъ школъ, какъ недостаточно воспитаніе въ этихъ школахъ и какъ испорчены эти „дѣвчонки“ и „мальчишки“, но въ то-же время члены этихъ обществъ знаютъ, что у нихъ нѣтъ средствъ для улучшенія матеріальнаго положенія этихъ заведеній, для найма высокообразованныхъ и ученыхъ, но дорого стоящихъ воспитателей и воспитательницъ, для болѣе цѣлесообразнаго воспитанія и обученія испорченныхъ дѣтей, да если-бы эти средства и были, то является сейчасъ соображеніе о томъ: если наши пріюты для дѣтей нищихъ, туеядцевъ, проституткокъ, преступниковъ будутъ стоять выше обыкновенныхъ школъ, предназначенныхъ для дѣтей честныхъ, но мало обеспеченныхъ тружениковъ, то не хлынутъ ли вся масса этихъ тружениковъ съ просьбами о помѣщеніи ихъ дѣтей въ эти пріюты—и какъ тогда мотивировать отказъ помѣстить въ пріюты ихъ дѣтей? Сказать, что для того, чтобы ребенка приняли въ этотъ образцовый пріютъ, его родителямъ нужно идти по-міру, попрошайничать, а не работать, нужно развратничать, а не вести семейную жизнь, нужно сдѣлать преступленіе, а не оставаться честными? Или принимать въ пріютъ всѣхъ дѣтей, родители которыхъ явятся съ просьбой объ опредѣленіи дѣтей,—тогда гдѣ же взять благотворителямъ средства для дароваго воспитанія дѣтей всей этой массы?

Да, пріюты для дѣтей нищихъ, развратницъ и преступниковъ обречены влачить свое сѣренькое существованіе, а при этомъ нечего и думать о какой-нибудь пользѣ, приносимой ими. Они спасаютъ десятки изъ сотенъ дѣтей отъ преждевременной смерти, но, можетъ быть, общество было-бы въ барышахъ, если-бъ этотъ десятокъ жалкихъ созданій сошелъ въ могилу раньше, чѣмъ у него явилось на свѣтъ божій еще десять—двадцать хилыхъ, болѣзненныхъ, наследственно предрасположенныхъ къ пороку дѣтей, занесенныхъ въ стѣны воспитательныхъ домовъ.

Но этого мало: когда намъ приходится проходить мимо разныхъ мастерскихъ и швейныхъ, базаровъ и магазиновъ, устроенныхъ благотворителями въ видѣ-ли грязноватыхъ помѣщеній, гдѣ шьются солдатскія шинели исхудалыми, безобразными, оборванными женщинами, ожидающими смерти, или въ видѣ модныхъ магазиновъ, отдѣланныхъ съ удивительною роскошью и замѣчательнымъ вкусомъ, съ заботливо и, можетъ быть, не безъ цѣли выбранными

изъ пріютовъ самыми красивыми, самыми привлекательными семнадцатилѣтними дѣвушками. — мы смотримъ одинаково грустно на эти затѣи часто невѣжественныхъ богачей и не радуемся тому, что вотъ хоть десять-двадцать женщинъ спасутся отъ голода. Нѣтъ, мы знаемъ, что эти десять-двадцать женщинъ, поддержанныхъ благотворителями, протянуть впроголодь еще десятокъ лѣтъ, но что произойдетъ отъ этого на рынкѣ труда?

Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Англіи была подана обществомъ нуждающихся швей просьба министру внутреннихъ дѣлъ. Въ этой просьбѣ излагалась швеями жалоба на то, что „рабочіе дома“ представляютъ опасную конкуренцію вольнымъ мастерскимъ и одинокимъ работницамъ. Эти „рабочіе дома“, понизивъ заработную плату, забрали въ свои руки шитье рубахъ, нижняго бѣлья, мундировъ и шинелей въ полиціи, военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, имѣя возможность работать дешево при готовомъ жилищѣ, освѣщеніи, хлѣбѣ и т. п. Что могъ отвѣтить министръ на эту просьбу? Конечно, онъ могъ сказать только то, что полиція, военное и морское вѣдомства имѣютъ право брать себѣ швей тамъ, гдѣ ихъ вздумается <sup>1)</sup>). Было-ли основаніе у швей жаловаться на конкуренцію „рабочихъ домовъ“, на это созданіе англійскихъ филантроповъ, благотворителей, людей, повидимому, такъ искренно желающихъ добра человечеству и, вѣроятно, понимающихъ то, что они дѣлаютъ?

Этотъ вопросъ былъ серьезно поднятъ во Франціи.

Во Франціи тюремная администрація во многихъ мѣстахъ заключенія устроила настоящія мануфактуры и это подало поводъ къ жалобамъ рабочихъ на конкуренцію тюремъ въ дѣлѣ производства. Эти жалобы были поддержаны многими работодателями и даже торговыми камерами. Такъ въ Труа было послано министру внутреннихъ дѣлъ нѣсколько записокъ съ жалобами на разорительную конкуренцію, представляемую центральнымъ домомъ заключенія въ Клерво, гдѣ около двухъ тысячъ заключенныхъ занимались фабрикаціей вязаныхъ издѣлій. Въ Мелёнѣ въ центральномъ домѣ заключенія процвѣтала фабрикація мелкихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, а въ пенитенціаріи въ Сен-Жерменѣ была создана фабрика шляпныхъ издѣлій, роговыхъ пуговицъ и,

<sup>1)</sup> *L. M. Moreau-Christophe. Loc. cit., t. III, p. 191.*

кроме того, типографія, гдѣ, между прочимъ, перепечатывался „*Mouiteur*“. Эти жалобы повторялись не разъ, и во время революціоннаго кризиса, въ 1848 году, онѣ возобновились съ новою силою. Временное правительство, дѣлавшее все впопыхахъ, поспѣшило издать декретъ 4 марта, запрещающій работу въ тюрьмахъ. „Временное правительство, говорилось въ декретѣ,—принимая во вниманіе, что спекуляція захватила въ руки работу арестантовъ, кормимыхъ и содержимыхъ на счетъ государства, и что она такимъ образомъ создала гибельную конкуренцію свободному и честному труду,—принимая во вниманіе, что швейная работа, организованная въ тюрьмахъ, такъ понизила заработную плату за ручной трудъ матерей семействъ, женъ и дочерей рабочихъ, что онѣ, несмотря на всѣ непоимѣрныя усилія и безчисленныя лишенія, не могутъ заработать средствъ на покрытіе самыхъ необходимыхъ издержекъ,—принимая во вниманіе, что было-бы несправедливо и опасно оставлять далѣе такое положеніе дѣлъ, производящее нищету и безнравственность,—поставило прекращеніе труда въ тюрьмахъ <sup>2)</sup>. Разумѣется, этотъ декретъ принесъ мало пользы: нельзя-же было ожидать чего-нибудь хорошаго для арестантовъ отъ прекращенія работы въ тюрьмахъ и нельзя-же было ожидать поднятія заработной платы отъ прекращенія этихъ работъ, когда промышленный кризисъ былъ въ полномъ разгарѣ. Вслѣдствіе этого тотчасъ-же посыпались жалобы другого рода—жалобы тюремныхъ директоровъ, инспекторовъ и префектовъ полиціи, и правительство, сразу разрубившее гордіевъ узелъ, сразу-же постаралось уничтожить свое распоряженіе. Уже 9 января 1849 года работы въ тюрьмахъ были восстановлены, хотя съ известными ничтожными ограниченіями. Статистика сейчасъ-же поспѣшила доказать, что трудъ арестантовъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ свободнымъ трудомъ, что въ 1846 году во всѣхъ центральныхъ домахъ заключенія было наработано всего на 2,100,000 франковъ, и что эта сумма ничтожна въ сравненіи съ цифрой всего производства, — и всѣ на-время успокоились. Но вопросъ былъ не на-столько простъ и несложенъ, чтобы можно было относиться къ нему съ такою легкостью. Въ этомъ дѣлѣ были очевидны два факта: во первыхъ, оно выяснило, что работа въ тюрь-

<sup>2)</sup> *Ch. Coquelin et Guillaumin, Dictionnaire de l'econ. pol. Bruxelles. 1854. t. II. p. 838—840.*

махъ оплачивается дешевле; во-вторыхъ, оно показало, что тюремный трудъ незначителенъ. „Можетъ быть, говоритъ Жюль Симонъ <sup>3)</sup>, — конкуренція заработной платы, безусловно существующая теперь, является только случайностью, а конкуренція въ отношеніи количества труда, являющаяся теперь едва замѣтной, можетъ сдѣлаться значительною завтра, такъ-какъ для этого стоитъ только увеличиться числу заключенныхъ-работниковъ и улучшиться организація тюремнаго труда. Но первое изъ этихъ двухъ предположеній, какъ-бы оно ни было желательно, не осуществится никогда, а второе, котораго мы можемъ бояться, осуществится, можетъ быть, скоро, хотя-бы и въ ограниченныхъ размѣрахъ. При внимательномъ изученіи фактовъ, мы видѣли, что работа въ тюрьмахъ всегда будетъ представлять конкуренцію свободному труду въ отношеніи цѣны, а конкуренція по отношенію количества труда въ тюрьмахъ, не принимая тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ представляютъ ее увлекающіеся люди, всегда имѣетъ по-ползновенію ростъ и можетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ дать очень серьезные результаты“. Жюль Симонъ доказываетъ свою мысль очень обстоятельно и подробно, освѣщая вопросъ со всѣхъ сторонъ, и приходитъ къ тому выводу, что работа въ тюрьмахъ является одною изъ множества причинъ той нищеты, которая гнететъ женщинъ, занимающихся швейной работой. Но конкуренція тюремъ, о которой такъ много говорили и спорили во Франціи, сама по себѣ была-бы ничтожна, если-бы существовала только она. Къ несчастью, рядомъ съ ней существуетъ во Франціи конкуренція монастырей, въ Англіи конкуренція рабочихъ домовъ, а въ другихъ государствахъ конкуренція рабочихъ благотворительныхъ учрежденій, гдѣ призрѣваемыя женщины и дѣвушки имѣютъ возможность брать работу за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ работницы, неподдерживаемыя благотворителями. Монахини и барыни, занимающіяся отъ бездѣлья шитьемъ или устройствомъ швейныхъ, представляются опасными конкурентами обыкновенныхъ швей. Изъ ста дюжинъ рубашекъ, являющихся на парижскихъ рынкахъ, восемьдесятъ пять дюжинъ выходятъ изъ рукъ монахинъ и тѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя призрѣваются въ монастыряхъ. Работа въ монастыряхъ

<sup>3)</sup> *Jules Simon, L'ouvrière. Paris. 1861. p. 234.*

совершается не для удовлетворенія насущныхъ потребностей и нуждъ, а для того, чтобы люди могли не быть въ праздности. Вслѣдствіе этого цѣна за трудъ здѣсь можетъ понизиться до невообразимыхъ размѣровъ и при этомъ трудъ, совершаемый при удобной обстановкѣ, трудъ неспѣшный, выходитъ лучше и тщательнѣе. Въ монастырѣ питающіяся на приношенія вѣрующей паствы монахини работаютъ медленно, рачительно, тогда какъ свободная швея торопится кончить работу, чтобы накормить свое дитя или утолить свой собственный голодъ. Пониженіе цѣнъ при подобной конкуренціи дошло до 25%. Такими-же опасными конкурентами бѣдныхъ швей являются зажиточныя женщины, шьющія для своего удовольствія, добывая деньги на наряды, на пиры. Въ этомъ согласны даже тѣ люди, которые отрицаютъ опасность конкуренціи тюремъ въ дѣлѣ труда <sup>4)</sup>.

Итакъ, благотворители, поднимая одною рукою извѣстное число членовъ общества, сталкиваютъ другою рукою въ пропасть нищеты извѣстное число другихъ членовъ общества. Они объ этомъ не задумываются, и я видѣлъ, вращаясь въ средѣ благотворителей, какъ радовались эти люди, когда имъ удавалось добыть по дешевой цѣнѣ какой-нибудь казенный подрядъ или устроить прачечную, гдѣ облагодѣтельствованныя прачки за дешевую плату отбивали работу у необлагодѣльствованныхъ прачекъ,—о томъ-же, что это пониженіе платы отзывалось плохо на участи другихъ работницъ, никто и не думалъ.

## XV.

Вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ причинъ, на которыя было указано въ предъидущихъ главахъ, благотворительность, въ настоящее время, въ одномъ мѣстѣ приноситъ микроскопическую пользу, въ другомъ—она остается совершенно бесполезною, въ третьемъ—она приноситъ только вредъ.

Мы уже говорили о рабочихъ домахъ и пріютахъ, дающихъ не особенно отрадные результаты. Такое-же невеселое впечатлѣніе произвели-бы на насъ разныя убѣжища кающихся женщинъ, гдѣ эти падшія созданія, выслушивая разныя скучнѣйшія назиданія и ду-

<sup>4)</sup> Ch. Coquelin et Guillaumin, Loc. cit.



шеспасительные совѣты, томятся въ скучной и тиремной обстановкѣ, доводящей ихъ, привывшихъ къ шумной и разнообразной жизни, чаще всего до бѣгства, а не до исправленія. Почти вездѣ вы встрѣтите то же: благотворительныя учрежденія не исправляютъ людей, а только запугиваютъ и вселяютъ въ нихъ отвращеніе и къ филантропамъ, и къ филантропіи. Филантропы хотятъ исправить и поддержать попавшихъ къ нимъ въ руки бѣдняковъ разною духовною пищею и вовсе забываютъ о тѣхъ потребностяхъ человѣка, которыя надо удовлетворить прежде всего, если мы желаемъ, чтобы наши назиданія принесли какую-нибудь пользу. Не лучше дѣйствуетъ филантропія и тогда, когда ей приходится помогать бѣднякамъ деньгами.

Въ сороковыхъ годахъ помощь деньгами бѣднякамъ въ Пруссіи, наприимѣръ, равнялась на человѣка:

въ 60 большихъ городахъ	8 т.	26 з.	гр.	11 пф.
„ 238 среднихъ	„ 8	„ 5	„ „	6 „
„ 672 малыхъ	„ 6	„ —	„ „	4 „
„ 324 округахъ	5	„ 1	„ „	2 „

Въ Берлинѣ получалось каждымъ бѣднякомъ:

	Постоянной помощи.	Случайной помощи.
въ 1865 г.	38 т. 22, <sub>6</sub> з. гр.	7 т. 19 з. гр.
„ 1864 „	45 „ 8, <sub>2</sub> „ „	8 „ 0, <sub>4</sub> „ „
„ 1867 „	42 „ 13, <sub>4</sub> „ „	10 „ 28 „ „

Число получекъ постоянной помощи было меньше, чѣмъ число случайныхъ помощей. Такъ постоянной помощью пользовалось въ 1866 году 265 человѣкъ, а случайной—409 чел. Въ городѣ Эльберфельдѣ средняя цифра пособій равнялась:

въ 1828 году	4 тал.	5 з.	гр.	4 пф.
„ 1847 „	7 „	29 „	„	2 „
„ 1852 „	11 „	23 „	„	7 „
„ 1857 „	11 „	13 „	„	4 „
„ 1867 „	18 „	4 „	„	9 „

Всѣ эти пособія не велики, но ихъ нужно признать очень и очень щедрыми въ сравненіи съ обыкновенными размѣрами пособій, которыя бываютъ большею частью микроскопически-малы. Такъ, во Франціи средняя цифра пособій бѣднякамъ дошла до смѣшного. Ежегодная помощь каждому бѣдняку равнялась:

въ 1833—1837 г.	9 фр.	44 с.
„ 1838—1842 „	10 „	54 „
„ 1843—1847 „	12 „	03 „
„ 1848—1852 „	11 „	56 „
„ 1853 „	12 „	06 „
„ 1854 „	13 „	03 „
„ 1855 „	12 „	87 „
„ 1856 „	14 „	22 „
„ 1857 „	12 „	34 „

Въ 1866 году средняя цифра снова понизилась до 11 фр. 55 сент., а въ 1861 году поднялась до 14 фр. 16 сент. <sup>5)</sup> Но этого мало: бывали времена, что расходы администраціи поглощали  $\frac{1}{6}$  и  $\frac{1}{3}$  часть доходовъ; 77 бюро роздали втеченіи года только по 1 фр. на бѣдняка; 77 другихъ бюро не дѣлали никакого точнаго распредѣленія суммъ и помощь колебалась отъ 1 сент. до 899 фр. 51 сент. на человѣка <sup>6)</sup>. Злоупотребленія при раздачѣ помощи были страшныя; общности дѣйствій и единодушія между различными бюро не было никакой. Эти явленія — крайне скудные размѣры помощи и отсутствіе единодушія между благотворительными комитетами и обществами — мы видимъ вездѣ и, между прочимъ, у насъ въ Россіи, гдѣ благотворители распадаются на конкурирующіе между собою кружки и гдѣ бѣднякъ можетъ получить отъ того или другого общества въ видѣ пособія не болѣе трехъ или четырехъ рублей. Эта разрозненность благотворительныхъ обществъ и ничтожность выдаваемыхъ ими пособій развили въ Петербургѣ цѣлый классъ мужчинъ и женщинъ, шатающихся съ просьбами изъ комитета въ комитетъ и изъ общества въ общество. Иногда эти несчастныя созданія даже и не могутъ быть названы бѣдными: они просто потеряли всякое сознаніе своего собственнаго достоинства и пришли къ заключенію, что лучше жить на подачки благотворителей, чѣмъ работать. Такъ, помню я одну очень весело жившую семью, отецъ которой судился за растрату казенныхъ денегъ. Мать этой семьи очень успѣшно подавала просьбы о вспоможеніи въ разныя общества, и когда ее посѣщали ревизоры, она показывала вмѣсто своей

<sup>5)</sup> *A. Emminghaus*, Das Armenwesen, 1870.

<sup>6)</sup> *E. Laurent*, Le Paupérisme. Paris. 1865 p. 39.

квартиры какую-то конуру, находившуюся при жилищѣ, гдѣ иногда во время посѣщенія ревизора шелъ веселый пирь.

Вслѣдствіе этого Ваттевиль не безъ основанія говоритъ: „что касается средней цифры вспомоствованія, то можно смѣло сказать, что если-бы эта средняя цифра помощи не была роздана бѣднякамъ, то послѣдніе не сдѣлались-бы болѣе несчастными“. Въ самомъ дѣлѣ, какую пользу могли принести нѣсколько сантимовъ, истраченныхъ при покупкѣ мяса, вина, одежды, топлива и т. д.? Никакой, и можно утверждать, что нищій не страдалъ-бы въ большей степени, если-бы эти смѣшныя вспомоствованія, раздаваемые въ одинаковыхъ размѣрахъ и съ полнымъ недоумсліемъ, перестали-бы выдаваться ему ежемѣсячно. Втеченіи шестидесяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ администрація общественной благотворительности стала во Франціи помогать на дому бѣднякамъ, мы не видали ни одного нищаго, спасеннаго отъ нищеты и могущаго удовлетворить свои потребности при помощи усилій и пособій этого рода благодѣяній. Напротивъ того, благотворительность этого рода какъ-бы учреждаетъ наслѣдственность пауперизма. Такъ мы видимъ въ настоящее время записанными въ книги этой администраціи внучать тѣхъ, которые были занесены въ списки нищихъ въ 1802 г. и дѣти которыхъ значились въ тѣхъ-же спискахъ въ 1830 г.“. Эти слова, написанныя филантропомъ, являются очень вѣскими, и то, что говоритъ Ваттевиль о Франціи, вполне примѣнимо и къ другимъ странамъ. Если-бы заглянуть въ списки, напримѣръ, нашего челоуѣколюбиваго общества, раздающаго бѣднякамъ по три рубля въ годъ въ видѣ помощи, то мы увидѣли-бы то-же самое явленіе. По крайней мѣрѣ, я лично зналъ цѣлыя семьи, которыя изъ году въ годъ втеченіи десятковъ лѣтъ получали и получаютъ подобную помощь, нисколько не поправляя своего положенія. Такъ, въ Измайловскомъ полку я зналъ въ мои дѣтскіе годы одну семью, состоящую изъ матери и трехъ дочерей и получавшую ежегодныя трехрублевныя пособія; потомъ мать умерла и три дочери продолжали, каждая отдѣльно, получать тѣ-же вспомоствованія, причемъ у двухъ изъ этихъ женщинъ было по дочери и эти дѣвушки также должны были прибѣгать къ трехрублевой помощи; теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, всѣ эти несчастныя созданія вымерли отъ нищеты и осталась только одна изъ сестеръ, по-прежнему пишущая просьбы, по-прежнему получаю-

щая по три рубля въ годъ и по-прежнему находящаяся въ безисходной нищетѣ. Да и странно было-бы думать, чтобы три рубля, получаемые не въ ту минуту, когда совсѣмъ нечего ѣсть или когда человѣкъ умираетъ безъ лекарства, а выдаваемые послѣ подачи прошенія, послѣ посѣщенія ревизора, послѣ разныхъ проволочекъ, могли-бы быть дѣйствительною помощью бѣдняку, увеличивая его бюджетъ менѣе, чѣмъ на копейку въ день. Я помню, какъ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ благотворителей, засѣдая въ комитетѣ одного изъ нашихъ благотворительныхъ обществъ, отстаивалъ пользу и необходимость подобныхъ выдачъ трехрублевой помощи „на яичко ко Христову дню“. Можетъ быть, онъ и былъ-бы отчасти правъ, если-бы эта помощь не выдавалась постоянно именно послѣ „Христово дня“, то-есть не въ то время, когда она нужна, а тогда, когда благотворители совершаютъ разныя формальности, до исполненія которыхъ бѣднякъ легко можетъ умереть съ голоду.

Немудрено, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ фактовъ мы постоянно видимъ самыя горячіе протесты противъ всѣхъ существующихъ формъ благотворительности, въ которую, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ и существовала, не вѣрятъ и сами вполне невѣжественные бѣдняки, и высокообразованные и строгіе мыслители. Еще задолго до христіанской эры, Плавтъ замѣтилъ въ одной изъ своихъ пьесъ: „Значило-бы оказывать плохую услугу нищему, давая ему на что ѣсть и пить, такъ-какъ мы теряемъ то, что даемъ, и доставляемъ ему только возможность протянуть самое жалкое изъ существованій“. А. Клеманъ и Шербюлье замѣчаютъ: „Общественная благотворительность ослабляетъ индивидуальную отвѣтственность бѣдняка и санкцію, истекающую изъ нея; эта благотворительность порождаетъ въ немъ ожиданія, противоположныя этой санкціи и естественной зависимости причинъ и послѣдствій, то-есть естественному ходу вещей; результатомъ подобной благотворительности является распложеніе нищеты, бѣдности, пауперизма, увеличеніе въ будущемъ тѣхъ несчастій, всторнѣмъ мы хотимъ помочь нынче; она дѣлаетъ все болѣе и болѣе зловредной и неизлечимой язву, опустошенія которой она старается ослабить въ частныхъ, единичныхъ случаяхъ“. Душатель говоритъ объ англійской легальной благотворительности, основанной на таксъ въ пользу бѣдныхъ: „искусственное устройство подобной помощи бѣднымъ имѣетъ только одинъ результатъ — оно разстраиваетъ

другой, болѣе естественный механизмъ—общество; законная благотворительность въ своемъ неразуміи предпринимаетъ невозможное дѣло и отвращаетъ болѣе могучихъ дѣателей отъ другой задачи, которую они могли-бы выполнить“. Навиль замѣчаетъ о томъ-же предметѣ на основаніи многочисленныхъ фактовъ: „Въ странахъ, гдѣ укоренилась эта система, число и нищета бѣднѣе увеличиваются постоянно, налогъ въ пользу бѣдныхъ растетъ прогрессивно и иногда до такихъ размѣровъ, что онъ истощаетъ всѣ источники благосостоянія и уничтожаетъ право собственности; наконецъ, крайнее разрастаніе нищеты и раздраженія, производимыя жалобами, производятъ нерѣдко мятежи и преступленія, грозяція самому существованію общества“. Душатель говоритъ о старомъ католическомъ духовенствѣ, отличавшемся, какъ извѣстно, невѣроятной стяжательностью, честолюбіемъ и роскошью и кормившемъ въ то-же время массы туеядцевъ, что „оно одной рукой, при помощи плети, заставляло своихъ рабовъ совершать тяжелый трудъ, а другой — раздавало милостыню первымъ встрѣчнымъ, стучавшимся въ двери монастырей“. „Если откроютъ всѣ закрытыя нынче „туры“, говоритъ Эмиль де-Жирарденъ, — если удвоить число яслей, пріютовъ, обществъ покровительства, пенитенціарныхъ колоній, депо нищенства, бюро благотворительности и богадѣленъ; если утроить права бѣдныхъ на спектакли и концерты; если учетверять цифру бюджетныхъ расходовъ на бѣдныхъ; если упятерять, наконецъ, все количество ежегодныхъ пожертвованій и завѣщаній на бѣдныхъ, — то важная задача уничтоженія нищеты не сдѣлаетъ все-таки ни одного шага впередъ къ своему необходимому разрѣшенію“. Гизо какъ-бы дополняетъ это мнѣніе, говоря: „пособія благотворительности стараются побороть и сгладить печальныя послѣдствія неравенства человѣческихъ частей, но это сглаживаніе является чисто временнымъ, скоропреходящимъ. Несчастному помогли, но его общее положеніе осталось тѣмъ-же, чѣмъ и было; благотворительность только помогаетъ переносить это положеніе; она не пробуждаетъ и не заставляетъ выйти изъ этого положенія“. „Развитіе общественной благотворительности, замѣчаетъ де-Меленъ, — какъ-бы ни казалось оно благопріятнымъ въ дѣлѣ облегченія человѣческихъ страданій, полно опасностей. Въ общаніяхъ общественной благотворительности всегда есть подводные камни и скрытыя про-

пасти“. „Обыкновенная общественная или сантиментально-идіотическая благотворительность, говоритъ докторъ Г. Бета, — производясь на обумъ, только кормить лѣнь, мошенничества и преступленія... Расточительная благотворительность Англіи съ ея законами о бѣдныхъ, пріютами и госпиталями, при всемъ добромъ желаніи, привела къ наслѣдственной низости и тупости эти массы нищихъ. Въ Англіи встрѣчаются по четыре, по пяти поволѣній питающихся милостынею приходскихъ бѣдняковъ“.

Нечего и говорить о томъ, что, нападая на филантропію, которую занимаются люди маломыслящіе и малообразованные, почти всѣ противники филантропіи признаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ ее неизбѣжнымъ зломъ покуда. Вѣдь надо же какъ-нибудь если не спасти, то сдѣлать безопасными тѣ тысячи дѣтей, которыя остаются на улицѣ. Этихъ „аравовъ“, „уличныхъ крысъ“, „дикарей“, при настоящемъ положеніи общества, въ одномъ Нью-Йоркѣ пребываетъ отъ 20 до 30 тысячъ въ годъ. Чтобы они не убивали, не грабили, не волновались. для нихъ устраиваютъ убѣжища. Въ одномъ изъ такихъ убѣжищъ въ Нью-Йоркѣ втеченіи 18 лѣтъ перебывала 91,000 такихъ enfants terribles города. Но, къ несчастію, филантропія, нежелающая знать и слушать никакихъ серьезныхъ совѣтовъ и указаній и остающаяся, по большей части, забавою въ рукахъ праздныхъ людей или средствомъ къ наживѣ и успѣхамъ въ рукахъ проныръ и пролазъ, часто не является на помощь обществу именно въ тѣхъ случаяхъ, когда и она могла-бы хотя кое-что сдѣлать. Возьмемъ хоть одинъ примѣръ. Кто долженъ быть важнѣе для общества: пѣтухъ или дитя? Не смѣйтесь надъ этимъ курьезнымъ вопросомъ. Повидимому, ребенокъ, его жизнь, его здоровье гораздо важнѣе для людей, чѣмъ жизнь и здоровье пѣтуха. Но филантропы, наприимѣръ, у насъ сдѣлали все возможное для того, чтобы пѣтуху не причиняли умышенно страданій, тогда какъ они ничего не сдѣлали для того, чтобы, наприимѣръ, фигляры не мучили покупаемыхъ ими дѣтей или чтобы нищіе не таскали за извѣстную плату по грязи и морозу грудныхъ малютокъ, взятыхъ на прокатъ. У насъ есть общество покровительства животнымъ и оно уже не разъ начинало преслѣдованія противъ любителей пѣтушинныхъ боевъ. Но гдѣ-же у насъ общество покровительства дѣтямъ, которое хоть разъ вступилось-бы за дѣтей, обучаемыхъ фиглярами, или за дѣтей, арендуемыхъ нищими? Вы скажете, что

для защиты этихъ дѣтей не нужно филантропическаго общества. Но какъ-же вы избавите этихъ дѣтей отъ тѣхъ мученій, которыя выпадаютъ имъ на долю? Попробуйте вы, частный человекъ, вмѣшаться въ дѣло защиты купленнаго фигляромъ ребенка, попробуйте затѣять процессъ, и васъ спросятъ: „да кто вамъ далъ право вмѣшиваться въ чужія дѣла?“ Да еще хорошо, если все кончится только тѣмъ, что вамъ надѣлаютъ дерзостей въ полиціи и въ мировомъ судѣ, а то можетъ быть и хуже. А между тѣмъ этихъ дѣтей сотни и тысячи, всѣ они страдаютъ страшно, всѣмъ имъ гораздо нужнѣе защита, чѣмъ какимъ-нибудь обучаемымъ къ бою пѣтухамъ, ужь потому, что эти дѣти—наши будущіе сограждане, и, право, не такъ безчеловѣчны и жестоки тѣ, которые тѣшатся пѣтушиними боями, когда мы хладнокровно наслаждаемся и горячо аплодируемъ въ какомъ-нибудь зоологическомъ саду, видя, какъ подбрасываютъ ногами, вертятъ въ воздухѣ крошечнаго мальчугана, свернувшася въ клубокъ и могущаго отъ малѣйшаго невѣрнаго движенія фиглярской ноги разбиться въ кровь объ полъ. Говорятъ, что любители пѣтушиныхъ боевъ и боя быковъ кровожадны, а какія-же человѣческія, нѣжныя, кроткія чувства пробуждаются при видѣ подобнаго несчастнаго ребенка? А между тѣмъ у насъ нѣтъ общества, покровительствующаго этимъ дѣтямъ, можетъ быть потому, что сами филантропы являются любителями цирковъ и увеселительныхъ садовъ. Нѣтъ подобнаго общества и въ остальныхъ государствахъ Европы,—по крайней мѣрѣ, во Франціи,—и полиція и дипломатія тщетно боролись съ язвою продажи и купли дѣтей для фиглярства и тому подобныхъ еще худшихъ занятій. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Америки дѣйствуетъ подобное общество, и дѣйствуетъ очень удачно, какъ это видно изъ крайне любопытныхъ отчетовъ этого учрежденія. Такихъ пробѣловъ въ дѣятельности филантроповъ безчисленное множество, и благотворители, повидимому, сами не знаютъ, что существенно важно и что менѣе значительно или вовсе незначительно; устраивая какія-нибудь общества покровительства животнымъ, они забываютъ устроить общество покровительства дѣтямъ; рѣшаясь выдавать денежные пособія бѣднымъ людямъ, они забываютъ разсчитать, какую пользу принесутъ человѣку, даже очень, очень бѣдному, три рубля серебромъ въ годъ или 2,87 копеекъ

*асимнаціями* въ день! Подобному недомыслию или, лучше сказать, безмыслию въ дѣятельности филантроповъ нѣтъ конца и потому трудно надѣяться на какую-нибудь серьезную пользу отъ ихъ дѣятельности. „Никакой планъ помощи бѣднымъ, говоритъ Рикардо, — не заслуживаетъ вниманія, если онъ не ведетъ къ одной цѣли — къ избавленію бѣдняковъ отъ необходимости нуждаться въ помощи“. Именно къ этой-то цѣли менѣе всего стремится покуда филантропія.

При такомъ положеніи дѣла много гибнетъ въ дѣтствѣ человѣческихъ силъ среди невѣжества, бѣдности, болѣзненности, разврата и преступленій и положеніе бѣдняковъ въ городахъ становится все безвыходнѣе, потому что городская жизнь съ каждымъ годомъ становится дороже и бѣдняку дѣлается все труднѣе поднять на ноги всѣхъ дѣтей. Крайне интересно взглянуть, какъ растутъ цѣны на всѣ жизненные припасы въ городовѣ. Въ Цюрихѣ цѣна на бычачье мясо до половины 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія поднялась незначительно; въ послѣдующіе годы она повысилась немного, но въ 1870 году началось повышеніе цѣны, какого не было до сихъ поръ. Въ первую половину столѣтія фунтъ мяса стоилъ отъ 30 до 50 сантимовъ, между 1864 и 1870 годами цѣна мяса дошла до 60 сантимовъ, а въ 1870 году повышеніе сдѣлалось такое значительное, что въ три года цѣна мяса дошла до 85 сантимовъ. То-же случилось съ молокомъ. Съ 1830 по 1851 годъ цѣна за сто мѣръ молока равнялась 8—10 франкамъ, съ 1852 по 1862 годъ — 13 франкамъ, съ 1868 года по 1873 годъ — 24 франкамъ. Цѣна на картофель поднялась втрое. Квартирная плата въ Лондонѣ въ одной части города повысилась на 20%, въ другой на 12%, въ Консингтонѣ и Чельзи на 25%, въ нѣкоторыхъ-же частяхъ — самыхъ бѣднѣйшихъ и самыхъ богатыхъ — на 35%. При исчисленіи затратъ на предметы первой необходимости изъ доходовъ въ 300 ф. ст. въ Лондонѣ нужно было тратить въ 1858 году 197 ф. ст., а въ 1873 году 233 ф. ст. Изъ этого видно, что всѣ эти предметы поднялись на 17 или 18% въ 16 лѣтъ. Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ заработки увеличиваются въ той-же мѣрѣ, въ какой увеличиваются неизбѣжные расходы, и потому новыя и новыя



полчища бѣдняковъ, немогущихъ поднять и содержать своихъ дѣтей, являются ежегодно.

— Но обществу все-таки лучше живется въ настоящее время, чѣмъ прежде, скажете вы.

— Да, во многихъ случаяхъ это вѣрно, но тутъ филантропія не причемъ, отвѣчу я вамъ.— При помощи науки намъ удается найти болѣе средствъ для извлеченія изъ земли большаго числа естественныхъ богатствъ, при помощи измѣненія политическихъ и экономическихъ отношеній между людьми, вродѣ, наприимѣръ, освобожденія отъ рабства или крѣпостной зависимости, у массы является возможность работать на себя, а не на другихъ,—но ужь, конечно, ко всему этому ведетъ не филантропія. Тогда какъ филантропія вертится въ своемъ бѣличьемъ колесѣ, записывая въ спискѣ бѣдняковъ членовъ одной и той-же семьи—дѣдовъ, отцовъ и дѣтей,—другіе болѣе сильные и болѣе надежные двигатели общественной жизни ведутъ общество къ развитію благосостоянія. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на поразительный примѣръ развитія благосостоянія у французскихъ крестьянъ.

Смотря на современное положеніе сельскаго населенія во Франціи, если и не особенно блестящее, то все-же довольно обеспеченное и сносное, и читая описанія положенія этого населенія у Вобана, Ла-Брюйера, Фенелона, Массильона, Руссо, Юнга и тому подобныхъ писателей, невольно приходишь къ убѣжденію, что эти описанія преувеличивали бѣдствія этого народа. Но эта мысль совершенно ошибочна и можетъ зародиться только у тѣхъ, кто не знаетъ французской исторіи: французское сельское населеніе до нашего столѣтія находилось именно въ такомъ безотрадномъ положеніи, какъ говорятъ тогдашніе наблюдатели всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ партій, неимѣющіе никакого интереса давать извѣстную окраску тѣмъ или другимъ фактамъ, и вывела его изъ этого положенія, конечно, не филантропія. Деревни во Франціи опустошались и забрасывались послѣдовательно втеченіи многихъ лѣтъ. „Высшее дворянство, привлеченное Ришелье и Людовикомъ XIV ко двору, говоритъ Л. де-Лавернь,—задушило въ себѣ въ оргіяхъ регентства воспоминанія о своихъ родовыхъ помѣстьяхъ. Земледѣліе, истощенное на безумныя требованія версальской роскоши, мало-по-малу утратило свою душу и свою жизнь, а французская литература, занятая другими предметами, не посвящала еще зем-

ледѣльцамъ ничего, кромѣ страницъ вродѣ одной страницы Ла Брюйера, дошедшей до насъ изъ этихъ временъ подобно крику угрызения совѣсти: „у насъ можно видѣть разсѣянныхъ по деревнямъ самцовъ и самокъ, писалъ онъ,—черныхъ, багровыхъ и опаленныхъ солнцемъ, склонившихся къ землѣ, въ которой они роются и которую переворачиваютъ съ непобѣдимой настойчивостью; ихъ рѣчь коротка и отрывиста и когда они поднимаются на ноги, можно признать въ нихъ человѣческій образъ, и, точно, это люди. На ночь они укрываются въ логовища, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою и кореньями; они освобождаютъ другихъ людей отъ труда сѣять, обрабатывать землю и собирать жатву для пропитанія и заслуживаютъ, такимъ образомъ, того, чтобы у нихъ былъ хлѣбъ, который они сѣютъ“ <sup>7)</sup>. „Расточительность и безумныя предпріятія Людовика XIV, говоритъ Лавернь, — истощили Францію. Народонаселеніе Франціи понизилось, а не возрасло; Буа-Гильберъ, Вобанъ и всѣ документы того времени говорятъ о постепенномъ упадкѣ французскаго земледѣлія“. По свидѣтельству Кенэ, изъ 100 миліоновъ десятинъ только 36 миліоновъ десятинъ или 18 миліоновъ гектаровъ обрабатывались и притомъ только три миліона гектаровъ обрабатывались при помощи лошадей и только здѣсь существовало трехлѣтнее полераздѣленіе: хлѣбъ—овесъ—парь; остальные же 15 миліоновъ гектаровъ обрабатывались рогатымъ скотомъ и здѣсь существовало двухлѣтнее полераздѣленіе: хлѣбъ—парь. Кенэ высчитываетъ, что при первомъ родѣ хозяйства съ одной десятины, среднимъ числомъ, хлѣба добывалось пять сѣтье, за вычетомъ сѣмянъ на посѣвъ, а при второмъ родѣ хозяйства 2 1/2 сѣтье или 15 гектолитровъ на гектаръ въ первомъ случаѣ и 7 1/2 во второмъ. При этомъ подъ названіемъ хлѣба понимались разные сорта пшеницы, ячменя, ржи. Противъ того, что получалось тогда, въ настоящее время количество пшеницы утроилось, количество овса учетверилось. Но, кромѣ того, еще въ 1750 году картофель былъ едва извѣстенъ во Франціи, хотя онъ могъ быть отличнымъ подспорьемъ при кормѣ людей и животныхъ. Овощи разводились въ ничтожномъ количествѣ, и мно-

<sup>7)</sup> *L. de-Lavergne, Essai sur l'économie rurale. Paris, 1858. p. 140.*

гіе продукты, сдѣлавшіеся теперь предметомъ обогащенія для крестьянъ, вовсе не были извѣстны земледѣльцамъ. Число рогатаго скота, по Кенз, не доходило до пяти миліоновъ головъ, т. е. было въ половину меньше, чѣмъ теперь, и притомъ скотъ былъ плохой, такъ-какъ онъ пасся на тощихъ поляхъ и не имѣлъ такого корма, какой дается скотинѣ теперь. Кромѣ того на бойняхъ были тогда отъ 4-хъ до 5,000,000 головъ, а теперь бьютъ *въ десять разъ больше*. То-же самое можно сказать о баранахъ. Лошадей было тогда такъ мало, что Турго, желая въ 1776 году преобразовать почту, не могъ добыть необходимыхъ ему 6,000 лошадей. Виноградники давали въ 1764 году вина 13 миліоновъ гектолитровъ, то-есть треть того, что они даютъ теперь. Цѣнность всѣхъ продуктовъ земледѣлія въ 1750 году на теперешнія деньги не доходила и до 1,250 миліоновъ франковъ. При плачевномъ положеніи сельскаго хозяйства народонаселеніе въ 16 или 18 миліоновъ человѣкъ находилось въ крайне бѣдственномъ состояніи. Но тутъ нечему и удивляться: земля находилась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые все не думали о сельскомъ хозяйствѣ и только безумно тратили и мотали деньги при пышномъ дворѣ французскихъ королей, а крестьяне находились въ подневольномъ положеніи и ихъ только истощали непомерными налогами, которые должны казаться теперь невѣроятными. Налоги брались за все и про все, какъ мы уже указывали выше: крестьянинъ платилъ пошлину за соль, за провозъ провизіи изъ одного округа въ другой, за право ѣсть мясо и за то, что онъ не ѣлъ мяса; онъ платилъ королю, платилъ дворянамъ, платилъ духовенству, давалъ взятки солдатымъ приставамъ и сборщикамъ податей; его грабили солдаты, сержанты, таможенныя. О старательномъ трудѣ зависимыхъ, неимѣвшихъ собственности и вполне невѣжественныхъ бѣдняковъ нечего было и думать; новѣйшихъ усовершенствованій въ дѣлѣ земледѣлія не было никакихъ и оно производилось вполне примитивнымъ способомъ. Наука во Франціи вовсе не заботилась о земледѣліи и не помогала ему; литература и ученые были поглощены въ это время одною мыслью—о переиждѣніи политическаго строя общества. Вотъ почему нельзя считать преувеличеніями всего того, что говорятъ очевидцы о сельскомъ населеніи тогдашней Франціи. „Настоящее зло, подрывающее государство и ведущее неизбежно къ его раз-

рушенію, говорилъ въ 1739 году въ своихъ мемуарахъ маркизъ д'Аржансонъ, — заключается въ томъ, что въ Версали вовсе не замѣчаютъ истощенія провинціи. Я съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ наблюдать, видѣлъ, какъ постепенно понижалось богатство Франціи и гибло ее населеніе. Теперь всѣ вполне понимаютъ, что нищета вездѣ дошла до опасныхъ размѣровъ. Въ настоящее время, когда я пишу эти строки, мы наслаждаемся полнымъ миромъ и имѣемъ надежды на жатву, если не обильную, то сносную, и все-таки люди вокругъ насъ мрутъ, какъ мухи, отъ нищеты и питаются, какъ скотъ, травой. Герцогъ Орлеанскій принесъ недавно въ совѣтъ кусокъ хлѣба, сдѣланный изъ травы и папортника; онъ положилъ этотъ хлѣбъ на столъ передъ королемъ и сказалъ: „вотъ, государь, чѣмъ питаются наши подданные!“ Во Банъ въ 1707 году замѣтилъ: „соль такъ дорога и такъ рѣдко встрѣчается, что народъ голодаетъ, не имѣя возможности посолить мяса; каждое хозяйство могло-бы держать хоть одну свинью, но свиней не держатъ, такъ-какъ ихъ мяса нечѣмъ солить“<sup>8)</sup>. Въ XVII вѣкѣ Франція производила болѣе продуктовъ земледѣлія, чѣмъ въ восемнадцатомъ, такъ что тутъ явился регрессъ, а не прогрессъ. У народа въ деревняхъ не было никакой домашней утвари, кроватей, мебели, и втеченіи полугода не всегда бывалъ хлѣбъ, по словамъ всегда сдержаннаго Массильона. Адамъ Смитъ замѣтилъ, что рубашки, башмаки существуютъ для англійскихъ, но не для французскихъ крестьянъ. Этотъ народъ былъ сплошной массой нищихъ, но такихъ нищихъ, которымъ не помогали филантропы, для которыхъ не строилось ни больницъ, ни богадѣленъ, ни пріютовъ и которые, напротивъ того, должны были сами платить налоги, оброки и подати людямъ, занимавшимся игрой въ филантропію и въ Парижѣ, и въ Версали. Немудрено, что всѣ сколько-нибудь мыслящіе люди, вмѣстѣ съ Кольбертомъ, повторяли одну и ту-же фразу: „дальше такъ не можетъ идти“. „Народъ, говорилъ осторожный Фенелонъ, — живетъ не по-людски и рассчитывать дальше на его терпѣніе нельзя. Старая машина разсыпается на куски отъ одного толчка“. Мабли, смотря на это положеніе народа, воскликнулъ въ 1784 году: „мы слишкомъ низко

8) *S. Englaender, Geschichte der fr. Arb. Ates. 1864. Th. I, S. 185 ect.*

опустились и стали слишкомъ слабы, чтобы подняться“. Непережившимъ всѣхъ ужасовъ этихъ народныхъ бѣдствій и этого повального грабежа трудно понять всю глубину тѣхъ несчастій, которыя довели Францію до страшной и кровавой развязки, разгравшейся въ концѣ прошлаго столѣтія. Но эта развязка была неизбежна при томъ положеніи, въ которомъ находилось это несчастное государство, надѣленное всѣми благами природы и погубленное ложною политическою системою. Но вотъ положеніе дѣлъ измѣнилось, французскій народъ вступилъ на опасный и скользкій путь и послѣ множества бѣдствій получилъ дорогою цѣною ту свободу трудиться для себя, которую получилъ въ началѣ нынѣшняго царствованія такъ мирно и благополучно нашъ народъ,—и земледѣліе воскресло. Рядомъ съ освобожденіемъ народа отъ зависимости, отъ подневольнаго труда, шло освобожденіе народа отъ нелѣпныхъ поборовъ за перевозъ продуктовъ изъ одной провинціи въ другую, отъ непопулярныхъ пошлинъ на соль, отъ эксплуатаціи со стороны сборщиковъ податей, солдатъ и приставовъ и т. п. Въ то-же время наука начала оказывать свою пользу сельскому хозяйству и во Франціи, и сослужила земледѣлію ту службу, которой она не сослужила ему втеченіи всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ, такъ-какъ самыя величайшія открытія по этой части сдѣланы наукою именно въ наше время. Земледѣліе во Франціи вслѣдствіе всего этого учетверило свое производство, тогда какъ населеніе только удвоилось; картофель, какъ мы сказали, почти неизвѣстный въ 1750 году, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія сталъ получаться въ количествѣ 120 миліоновъ гектометровъ; рента съ земли поднялась съ 150 до 1,500 миліоновъ, т. е. удесатерилась; земли, находившіяся въ рукахъ нѣсколькихъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, раздѣлились между мелкими собственниками, которыхъ было болѣе пяти миліоновъ человекъ <sup>9)</sup>. „Это былъ громадный прогрессъ, говоритъ Лавернь,—и нужно замѣтить, что онъ совершился втеченіи какихъ-нибудь ста лѣтъ, изъ которыхъ пятьдесятъ были отданы на страшныя войны и ужасающія революціи“.

Конечно, никакія филантропическія мѣры, никакіе налоги въ пользу бѣдныхъ не могли произвести подобнаго переворота въ по-

<sup>9)</sup> *Moreau-Christophe*, Loc. cit., t. III. p. 509.

ложеніи французскихъ крестьянъ, и вотъ почему можно надѣяться, что при всеобщемъ прогрессѣ, который нельзя отрицать, когда-нибудь залечатся тѣ язвы, о которыхъ мнѣ пришлось говорить въ моихъ статьяхъ. Экономическія условія и научныя изслѣдованія все расширяются, все идутъ впередъ, а по мѣрѣ ихъ расширенія улучшается и жизнь народовъ.

**А. Михайловъ.**

## ТРУЖЕНИКЪ.

(Съ французскаго.)

Весна. Освободясь отъ ледяныхъ оковъ,  
Шумить рѣка опять средь зелени луговъ,  
Серебряной змѣей вдали тропинка вьется,  
Отсюду ароматъ живительный несется,  
Привѣтливо глядитъ такъ солнышко съ небесъ,  
И жизнью дышать вновь—долина, горы, лѣсъ.  
Малиновка въ кустахъ рѣзвится и щебечетъ,  
Привѣтствуя весну, и кровожадный крикъ  
Паритъ уже надъ ней. Вотъ зайка сторожить  
Испуганно враговъ. Отчаянно жужжитъ  
Въ тенеты къ пауку попавшая муха,  
Журчанье ручейка ласкаетъ нужно ухо,  
И вторитъ ручейку межъ листвою зефиръ...  
Чаруетъ слухъ и взоръ, отъ сна воспрянувъ, мѣръ!

Весна полна красотъ!.. Но пахарь, надъ сохою  
Потѣя цѣлый день, божественной краскою  
Ея не увлеченъ! Трудясь упрямо, онъ  
Не разогнетъ спины, покуда небосклонъ  
Не окровавится вечернею зарею  
И ночи день не сдаться контролю надъ землею...  
На землю ночь легла. Уснуло все кругомъ,  
Не спитъ одна рѣка съ журчащимъ ручейкомъ.  
Бѣднягѣ-пахарю давно готова дома,  
Въ убогой хижинѣ, для отдыха солома.  
Улегся и во снѣ онъ видитъ лишь одно,  
Что осенью вернуть сторицею зерно  
И заживетъ въ семьѣ онъ жизнью обильной...

Настала осень—спитъ бѣднякъ въ тиши могильной...  
Такъ часто человѣкъ, заваленный трудомъ,  
Работаетъ всю жизнь въ надеждѣ, что потомъ  
Цѣною дорогой трудовъ и сбереженья  
Себѣ приобрѣтетъ онъ право наслажденья,  
И гасить до поры онъ жаръ въ своей груди:  
„И счастье, и любовь—все это впереди!  
Чѣмъ дольше постъ держать, чѣмъ строже удалиться  
Отъ всякихъ благъ земныхъ, тѣмъ слаще разговляться“...  
Но быстро день за днемъ, за годомъ годъ идетъ—  
И вотъ ужъ на одрѣ бѣдняга смерти ждетъ...  
О, какъ-бы онъ желалъ теперь пожить сначала:  
Такъ много лѣтъ проживъ, онъ, жаль, увь, такъ мало!

Ал. Гусачевъ.

# С Ф И Н К С Ъ.

РОМАНЪ.

Шли дни за днями, недѣли за недѣлями, приближалась весна и мои послѣдніе экзамены. Грозною тучей придвигался ко мнѣ и день союза на вѣкъ съ нелюбимой дѣвушкой. А я до сихъ поръ еще не поднялъ руки, чтобы разсѣчь этотъ узелъ, завязавшійся на моей шеѣ и грозившій задушить меня. Если прежде мнѣ казался заманчивымъ бракъ съ Надеей, то теперь онъ пугалъ и тревожилъ меня. Но мною овладѣло *laissez faire, laissez aller* и я шелъ за волною жизни, не спрашивая серьезно, разобьетъ-ли она меня о скалы или выброситъ на берегъ; если во мнѣ поднималась тревога, я закрывалъ глаза, бѣжалъ въ Ольгѣ и съ нею забывалъ все. Мыслебоязнь доходила у меня до смѣшного въ этотъ періодъ времени.

Ольга не кокетничала со мной, не играла моимъ чувствомъ, даже, кажется, не замѣчала его. Она обходилась со мной какъ съ товарищемъ, какъ съ младшимъ братомъ. Уже годъ, какъ она жила одна; Причетовъ уѣхалъ въ Одессу: его мать часто прихварывала и просила сына пожить съ нею послѣдніе дни; доктора опредѣлили у нея чахотку и сулили близкую смерть. Онъ часто писалъ Ольгѣ, что скучаетъ, звалъ ее пріѣхать къ нему, говорилъ, что мать медленно угасаетъ и можетъ еще долго прожить, что оставить ее онъ не рѣшается.

Ольга собиралась лѣтомъ съѣздить къ нему.

— Вася будетъ тогда свободенъ, говорила она, — а бібліотеку я оставлю на попеченіе Софьи Андреевны; все равно, она и теперь почти одна въ ней орудуетъ.



Настали экзамены, я справился съ ними на славу и, веселый, торжествующій, забывъ о будущемъ, побѣжалъ къ Ольгѣ сообщить мою радость.

Быстро взбѣжалъ я на ступени знакомой лѣстницы, шумно растворилъ дверь и... остановился въ недоумѣніи: Софья Андреевна грозила мнѣ пальцемъ и приближалась ко мнѣ на цыпочкахъ, стараясь ступить осторожно.

— Тихе, шептала она, — Ольга Павловна разстроена, кажется плачетъ. Послѣдніе два мѣсяца она совсѣмъ не получала писемъ изъ Одессы, а вчера получила, но только не радостное письмо. Оно ее совсѣмъ разстроило; ночь проплакала и теперь все плачетъ.

— Стало быть, ее нельзя видѣть?

— Отчего? Можно, — вы не чужой человѣкъ. Только осторожнѣе войдите, можетъ она заснула, будить не надо.

Я тихо вошелъ и остановился на порогѣ; она лежала на кровати, укутанная въ черный платокъ, и все тѣло ея вздрагивало отъ сдержанныхъ рыданій.

Я не слышно подошелъ къ ней, опустился на колѣни и припалъ крѣпкимъ поцѣлуемъ къ ея опущенной, блѣдной рукѣ.

Съ легкимъ крикомъ она подняла голову. Боже, какъ измучено, блѣдно, залито слезами было это любимое, обожаемое лицо! Увидавъ свое горе отраженнымъ на моемъ лицѣ, она упала на мое плечо и громко, неудержимо зарыдала.

Все существо мое переполнилось безграничной, глубокой жалостью. Конечно, ни одна мать не успокаивала страдающее дитя съ большею нѣжностью, съ большимъ желаніемъ купить ему счастье хотя-бы цѣной своего. И рыданія ея становились тише, руки слабѣе сжимали мои плечи, грудь поднималась ровнѣе и медленнѣе.

Мнѣ было такъ свято ея горе, что я, конечно, не позволилъ-бы себѣ никакихъ разспросовъ; но она сама, оправаясь, все рассказала мнѣ.

— Этакая я горемычная, жаловалась она, тоскливо сжимая свои дѣтскія руки. — У меня даже дѣтства безмятежнаго не было: отецъ умеръ, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Мать день и ночь работала, чтобъ прокормить насъ; кромѣ меня у нея были еще двѣ дочери и сынъ. Одна благодѣтельница отдала меня въ гимназію и потомъ выдала замужъ. Черезъ годъ послѣ моего замужества

умерла мать; я безумно любила ее и долго не могла привыкнуть къ мысли о томъ, что ужъ никогда больше ее не увижу. Сестры и братъ разбрелись по разнымъ мѣстамъ; одна сестра кончила курсъ акушерства и получила мѣсто городской бабки на югѣ; другая вышла замужъ за московскаго купца, очень богатаго чело-вѣка; братъ получилъ мѣсто въ Сибири. Всѣ они отказались отъ меня за то, что я ушла отъ мужа. А какъ я могла не уйти, когда жить съ нимъ не было никакой возможности? Вѣдь я жила, какъ рабыня гарема; у меня не было ни шага, ни слова свободнаго; побои, оскорбленія, ругательства—все было имъ пущено въ ходъ, чтобъ вывести меня изъ терпѣнія; мало того, что онъ надо мной издѣвался: онъ сына билъ, годовалаго ребенка, чтобъ нанести мнѣ боль. Но онъ былъ страшно богатъ, задаривалъ моихъ родныхъ—и они не могли простить мнѣ разрыва съ нимъ. Господи! Вспомнить страшно все, что я отъ него вынесла!

Она нервно вздрогнула и нѣсколько минутъ молчала.

— Да, я не помню, чтобъ я была когда-нибудь счастлива до встрѣчи съ нимъ. (Она кивнула головой на портретъ Причетова, висѣвшій надъ ея кроватью.) Знаете-ли вы, меня кромѣ него никто не любилъ. За мной ухаживали, меня искали и.... находили, прибавила она, запинаясь и краснѣя, — но это было такъ гадко, грязно, позорно, что лучше не вспоминать! Да, никто, никогда не любилъ. Да и я не любила; я только мстила за *такое* отношеніе ко мнѣ отчаяннымъ, наглымъ кокетствомъ. Но онъ мнѣ все простилъ, со всѣмъ умѣлъ примириться.

Слезы хлынули изъ глазъ ея; она ихъ не вытирала.

— Да, немного такихъ людей, какъ онъ; эта кротость, эта всепрощающая, святая доброта, — о, никогда я, никогда ихъ не забуду! Какъ онъ умѣлъ все понять, всему найти объясненіе и оправданіе. О, милый, милый мой!

Она опять заплакала и плакала долго и горько.

— Ну, я тоже все прощу, все оправдаю. Я не знаю чело-вѣка, который-бы могъ сравниться съ нимъ по уму, по сердцу, по честности. Да вотъ, прочтите сами его письмо и скажите мнѣ, что я должна дѣлать, какъ поступить? Чтобъ быть достойной его, я должна отъ него отказаться; но гдѣ мнѣ взять силу сдѣлать это?

Она, рыдая, достала изъ кармана смятое, мохрое отъ слезъ письмо и протянула его мнѣ.

— Читайте, сказала она.— Вы мнѣ другъ, я могу вамъ все сказать.

„Дорогая моя, читаль я,—какъ тяжело мнѣ писать вамъ мое послѣднее, прощальное слово; но я не могу ничего скрыть отъ васъ, въ силу разъ установленной между нами голой правды, не-смягченной, нескрашенной. Я любилъ васъ искренно, люблю и теперь; знаю, что чужою вы мнѣ никогда не будете; тѣмъ не менѣе мы не увидимся, не должны видѣться больше: между нами легло маленькое созданіе, близкое мнѣ, кровное, мое. Первый шагъ былъ не мною сдѣланъ, но я все-таки виноватъ тѣмъ, что увлекся, не устоялъ, мало того — я даже не сдѣлалъ попытки устоять. Раскаянье пришло потомъ, когда уже было поздно.

„Я не писалъ вамъ все это время именно потому, что не могъ васъ обманывать; а чтобы сказать грозную истину, надо было заручиться силой.

„Простите мнѣ, если можете, и поймите, что я не могу поступить иначе, поймите, что женитьба моя—это жертва за жертву, ничего болѣе: она отдала мнѣ свою дѣвичью честь и я не могу обмануть ея довѣріе, не могу отказать въ имени нашему ребенку. Я надѣюсь, что мнѣ не долго придется тянуть лягу: у меня уже съ полгода тому назадъ появилось кровохарканье и силы быстро уходятъ; я не писалъ этого, боясь огорчить мою Ольгу; могъ-ли я думать, что меня разлучить съ нею что-нибудь, кромѣ смерти!

„Теперь я встрѣчу эту смерть, какъ вѣстника освобожденія, и радостно открою ей объятія.

„Родная моя! Не забывайте, что на развалинахъ моей надломленной, уходящей жизни строится новая, молодая жизнь, и послѣ смерти моей поддержите мое дитя, помогите ему, если его пристукнеть нужда; его матери я не могу вѣрить такъ, какъ вѣрю вамъ.

„Прощайте, моя дорогая, безконечно любимая! Моя мысль летитъ къ вамъ, ласкаетъ, благословляетъ васъ. Простите и пожалѣйте меня: я опутанъ, затаиу въ паутину роковой силой больного безсилія. Прощайте, благослови Богъ васъ и вашего мальчика!

„Ольга! Любовь моя, моя ненаглядная! Прощай, навсегда, на

вѣки! Родная, любимая! Я умираю, разстаюсь съ тобой, но выхода нѣтъ, такъ *должно*.

„Прощай! Какъ трудно оторваться! Вспоминай меня хоть изрѣдка и знай, что я умру *твоимъ*.“

#### И. Причетовъ“.

Я сложилъ письмо и подаль ей; она порывисто прижала его къ губамъ и снова зарыдала.

— Какъ могъ онъ измѣнить вамъ, любя такъ сильно? сказала я, когда она успокоилась.

Она вскочила, какъ ужаленная; щеки загорѣлись, глаза засверкали.

— Такъ я и знала, нервно заговорила она,—чувствовала, что его обвинять за меня, а потому показала письмо только вамъ; я думала, что вы выше ходячей морали. Да что-же, скажите, дурного въ томъ, что онъ не могъ цѣлый годъ прожить аскетомъ? Да, а вы читали письмо, вы знаете, что первый шагъ не онъ сдѣлалъ; онъ только не могъ устоять противъ чаръ, которыми его опутали. Развѣ человѣкъ можетъ разсуждать и взвѣшивать въ пылу горячки? Тутъ и здороваго трудно винить, а ужъ больному-то всѣ пути къ оправданію: лихорадка волнуешь кровь, мозгъ отуманенъ, нервы расслаблены,—до разсужденій-ли тутъ! Не вините его, это рветъ мнѣ сердце. Я все простила, я не виню его,—какое-же дѣло другима? Онъ честный, правдивый! Другой-бы обманулъ дѣвушку, бросилъ ее и, вернувшись къ прежней привязанности, обманулъ-бы и ее, утаивъ свой поступокъ. Этотъ весь— правда, весь—честность и искренность, и его-же винять! О, справедливость людская! Да поймите вы, что она беременна, что женитьба его—не пошлажка собственной похоти, а необходимость, долгъ чести. Или вамъ, можетъ быть, непонятно это?!

Что-бы она ни сказала мнѣ, я не могъ оскорбиться: никогда я не видалъ ее въ такомъ раздраженномъ состояніи; слезы высохли на сверкающихъ, возбужденныхъ глазахъ; такіе глаза должны быть у тигрицы, защищающей дѣтенышей отъ нападенія врага.

— Но она... она не честная женщина; я никогда не повѣрю, чтобъ она не знала, что онъ не свободенъ. „Отдала дѣвичью честь!“ Ха! Она знала, что отдаетъ ее въ надежныя руки. Онъ хочетъ, чтобъ я простила ей, продолжала она послѣ минуты молчанія;— онъ думаетъ, что я могу это сдѣлать, я вижу это изъ его письма;

я *должна* простить, разъ что она мать *его* ребенка, я *должна* помочь ей о немъ заботиться, если не для себя любила его отца; онъ *такъ* думаетъ, я его знаю. Но... Господи... вѣдь онъ требуетъ отъ меня нечеловѣческихъ силъ!

Она закрыла руками лицо и дрожала какъ въ лихорадкѣ. Я молчалъ, опустивъ голову, боясь опять сказать что-нибудь неумѣстное.

— Нѣтъ, вздоръ! мгновенно оживилась она, — еще не все потеряно! Я поѣду туда, я вырву его у ней, какъ она у меня вырвала; я имѣю больше правъ на него: за меня время, за меня это письмо, гдѣ онъ пишетъ, пишетъ, что любить не ее, а меня. Ахъ, глупая! Чего-же это я такъ опустила? Любить, стало быть мой, — это просто и ясно. Пусть его заключаетъ фиктивный бракъ, я не помѣшаю. Я буду работать, какъ лоховая лошадь, буду отдавать ей весь мой заработокъ, удѣляя себѣ лишь на необходимое, буду голодать, нищенствовать, но его, моего родного, не отдамъ безъ борьбы! Намъ съ Васей хватить дохода съ библіотеки, мы сумѣемъ прожить на него, а десять тысячъ, оставленныя мнѣ теткой, я отдамъ ей. Если мало будетъ, — работать для нея стану. Ахъ, Господи! Ну не глупая-ли я, что такъ растревожилась?

Она быстро ходила по комнатѣ, съ лица ея исчезло выраженіе отчаянья, глаза оживленно блестѣли; переходы отъ горя въ радости были изумительно быстры въ этой впечатлительной, молодой душѣ; чуть только загорался слабый признакъ надежды, она хваталась за него и раздувала въ яркое пламя увѣренности; неудача, обманъ, огорченія, которыми была такъ богата ея жизнь, не могли убить въ ней способности быстро и легко воспринимать все, что сулило облегченіе.

Я, конечно, не напомнилъ ей, что у смерти Причетова не вырветъ никакая сила, и только ограничился совѣтомъ поторопиться отъѣздомъ.

— О, да, я поѣду завтра-же! Вы правы, надо торопиться, а то онъ измучится. Я знаю, что онъ и боленъ-то отъ нравственной муки; я приѣду туда, устрою все это, онъ поправится и все будетъ хорошо!

Я не раздѣлялъ ея надеждъ и боялся, что она ошибается; по почерку Причетова я видѣлъ, что онъ ненадеженъ: почеркъ ребенка не могъ быть слабѣе.

— Онъ пишетъ, что у него идетъ кровь горломъ; но у него и раньше уже два раза было кровохарканье и потомъ прошло. Онъ говорилъ, что это кровь не изъ легкихъ и что онъ здоровый человекъ. Безнадежный тонъ письма я объясняю себѣ тѣмъ, что онъ нравственно разстроенъ до-нельзя.

Она задумалась, вынула письмо и еще разъ внимательно прочла его. Нѣсколько разъ по тѣлу ея пробѣгала дрожь, лицо смертельно блѣднѣло. Теперь вопросъ о здоровьѣ его, очевидно, сталъ преобладающей мыслью въ ея головѣ.

— Слушайте, глухо сказала она, — а что, если онъ опасно боленъ? Вѣдь мой прїѣздъ можетъ потрясти его. Ъхать-ли?

Да, она его не для себя любила; скажи я ей, что она должна умереть, чтобъ спасти его, — она-бы, не задумавшись, легла въ могилу, — а въ этомъ былъ увѣренъ, смотря на ея лицо, съ загорѣвшейся въ немъ непреклонной рѣшимостью отказаться отъ Причетова, если ему это нужно.

— Поѣзжайте, не колеблясь сказалъ я; — очень возможно, что онъ просто упалъ духомъ и преувеличиваетъ свою болѣзнь. Вы подбодрите его.

— Спасибо!

Она протянула мнѣ руку и вышла въ библіотеку.

— Софья Андреевна, я завтра поѣду въ Одессу; помогите мнѣ уложиться.

На другой день въ восемь часовъ утра она уѣхала.

Только тогда я вспомнилъ, что пора извѣстить Надю о благополучномъ исходѣ моихъ экзаменовъ. Я отправился къ ней и, подходя къ дому, встрѣтилъ Дарью Михайловну; старушка осыпала меня упреками за то, что я совсѣмъ позабылъ ихъ, и, говоря, что скоро вернется, просила подождать ее.

— А Надюша за-границу собирается учиться, крикнула она мнѣ вслѣдъ. — Ну, да идите къ ней, она расскажетъ; я по дѣлу спѣшу.

Я засталъ Надю за шитьемъ дорожнаго платья; она торжественно объявила мнѣ, что черезъ нѣсколько дней ѣдетъ путешествовать по Европѣ, поживетъ нѣкоторое время во Франціи.

— Вы, конечно, понимаете, прибавила она, — что у насъ съ вами все покончено? Я многое могу извинить, со многими могу примириться, но лжи и обмана не прошу, не забуду. Зачѣмъ вы скры-

вали отъ меня, что бываете у Томашевской? Я узпала это случайно, отъ барыни, которая занимается у нея въ библіотекѣ! Чего вы боялись? Разрыва? Но онъ не страшенъ, если вы меня не любите.

Она говорила это спокойно, безъ тѣни волненія и огорченія, и я чувствовалъ, какъ съ груди моей сдвигается тяжесть, замѣщаясь эгоистичною радостью. „Сама отказала, я не виноватъ“, внутренно ликовалъ я. И мнѣ захотѣлось сказать ей что-нибудь милое, задушевное въ благодарность за то, что она выручала меня изъ тяжкаго положенія „жениха по обязанности“.

— Я такъ тепло отношусь къ вамъ, Надежда Павловна, что меня не могъ пугать бракъ съ вами, началъ я, садясь подлѣ нея.

— Даже любя другую, докончила она, не то спрашивая, не то утверждая, и тихонько усмѣхнулась, покачавъ головой. — Говори откровенно, я рада, что мы расходимся: послѣднее время вы тяготили меня; я видѣла въ васъ что-то натянутое, фальшивое и со страхомъ ждала свиданій. Я почти обрадовалась, когда узнала, что вы часто бываете у Томашевской: мнѣ стали ясны ваши странности, ваша холодность и отчужденіе. Я сама измѣнилась къ вамъ и мнѣ стало много легче. А вѣдь какъ подчасъ тяжело бывало, вы и представить себѣ не можете! Я не подозрѣвала до сихъ поръ, что я такъ ревнива, право! За то теперь я дала себѣ слово не выходить замужъ; средства у меня есть, буду учиться, путешествовать, — чего-жъ мнѣ еще! Зачѣмъ гнаться за сомнительнымъ, обладая вѣрнымъ? А если ужъ придется когда-нибудь выйти замужъ, то я выйду по разсудку, заключу товарищескій союзъ; это много покойнѣе.

Она улыбнулась и открыто, ясно взглянула мнѣ въ глаза.

— Ну, а если васъ-то полюбятъ не дружбой?

— Тогда не пойду; надо, чтобъ шансы на счастье были равны. Видите, снова усмѣхнулась она, — я серьезнѣе васъ смотрю на бракъ.

Веселая, покойная, бодрая! Я почти съ завистью смотрѣлъ на проявленіе такой желѣзной воли. Какъ скоро она справилась съ чувствомъ, казавшимся ей недостойнымъ по безотвѣтности, какъ легко съумѣла побороть его. Я видѣлъ, чувствовалъ, что она не притворяется.

Дарья Михайловна такъ просто отнеслась къ нашему разрыву, что я вконецъ умилился. Я остался ихъ другомъ и проводилъ у нихъ всѣ дни до отъѣзда Нади. Натянутость отношеній исчезла и замѣнилась полной искренностью; я могъ теперь говорить съ Надей объ Ольгѣ (избѣгая, впрочемъ, опредѣленія моихъ отношеній къ ней) и разсказалъ ей исторію Причетова. Она искренно жалѣла Ольгу и горько заплакала, узнавъ о болѣзни Причетова.

Провожая Надю въ вокзалъ варшавской дороги, я братски разцѣловался съ ней. Она была покойна, хотя на глазахъ ея сверкали слезы, да губы, дававшія мнѣ прощальный поцѣлуй, были мертвенно-блѣдны и холодны. Не предчувствовали мы тогда, что этотъ поцѣлуй былъ послѣднимъ!

Поѣздъ тронулся; я снялъ шляпу; Надя медленно, низко наклонила голову; Дарья Михайловна приложила три пальца къ губамъ. Острая боль прошла мнѣ насквозь въ сердце, оно мучительно сжалось холодной тоской вѣчной разлуки. Мнѣ вдругъ стало вестерпно жаль отпустить ее, мою добрую, кроткую дѣвушку. Чистое, братское чувство понеслось за летящимъ поѣздомъ въ тихомъ, любящемъ благословеніи.

Я чувствовалъ себя одинокимъ, осиротѣвшимъ, разставшись съ семьей, членомъ которой я привыкъ себя считать. Какую подругу, какое сердце потерялъ я въ Надѣ! Вознаградить-ли меня когда-нибудь та, которой я принесъ въ жертву все, что сулило мнѣ счастье?

Прошла недѣля, скучная, вялая, будничная. Я отправилъ два письма вслѣдъ за Надей и получилъ одно отъ нея, съ дороги, написанное на-скоро, карандашемъ. Любящій тонъ письма, его мягкая ласка растравили мою хандру, размягчили нервы; я расплакался, какъ женщина, надъ письмомъ Нади; я готовъ былъ полжизни отдать, чтобы по-прежнему сидѣть въ ея крошечной гостиной, говорить съ ней, спорить, выслушивать добродушную воркотню Дарьи Михайловны.

Какъ-то мы встрѣтимся? Когда встрѣтимся?

Я съ наслажденіемъ вертѣлся около этихъ вопросовъ, развивая ихъ, строя на ихъ тему планы и предположенія. Я воображалъ себя Надю замужней женщиной; я дружусь съ ея мужемъ, нянчу ея дѣтей.



„Какъ весело, злился я, — сознавать, что ея дѣти могли бы быть моими. И все это надѣлала Ольга; она разлучила меня съ Надей, а это много и я многого за это вправѣ требовать“.

Отъ Нади мысль переходила къ Ольгѣ, отъ Ольги къ Надѣ и опять обратно; получалась такая путаница, что я и самъ переставалъ, наконецъ, понимать, которая изъ нихъ мнѣ дороже. Голова моя въ это время напоминала квартиру, занятую безпокойными жильцами, которыхъ, несмотря на нежеланіе держать, хозяинъ никакъ не можетъ прогнать. Тамъ поселились двѣ женщины и произвели такой сумбуръ, что я махнулъ рукой и, вооружившись терпѣніемъ, призывалъ на помощь время, этого безсмертнаго и врача, и мирового, смотря по надобности.

Прошла еще недѣля; Надя полегоньку ступевывалась, Ольга вступала въ свои привычныя права полновластной хозяйки. Я сталъ ждать ее, заходилъ почти каждый день въ бібліотеку къ Софьѣ Андреевнѣ и бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Она очень любила Ольгу и много говорила мнѣ о ней. Такимъ образомъ время бесѣдъ съ нею шло для меня незамѣтно.

Какъ-то случилось, что я не былъ у Софьи Андреевны три дня: меня задержала дома взятая на срокъ, очень выгодная работа. Вечеромъ на третій день подають мнѣ письмо. Узнавъ руку Софьи Андреевны, я быстро разорвалъ конвертъ и прочелъ слѣдующее:

„Ольга Павловна будетъ здѣсь завтра. Въ пять часовъ я зайду за вами и пойдемте встрѣчать ее. Ее постигло что-то недоброе.

С. Биевская“.

До той ночи я не зналъ, что такое мука за другого, за близкаго. Утромъ я былъ желтъ, какъ иволга, и вялъ, какъ сова. Но эта вялость къ полудню смѣнилась лихорадкою нетерпѣнія; съ трехъ часовъ я уже торчалъ у окна, принимая за Софью Андреевну всякую проходившую женщину, если только она была въ мало-мальски подходящемъ костюмѣ. Я боялся, что она не найдетъ меня, что ее задержало что-нибудь, и жалѣлъ, что не зашелъ за ней самъ. Пять часовъ пробили и положили конецъ моей мукѣ. Софья Андреевна пришла виѣстѣ съ Васей и мы отправились на желѣзную дорогу.

Извѣстно, что часы ожиданія ползуть съ черепашьей медлен-

ностью. Я едва дождался желаннаго свистка и онъ ударилъ по всѣмъ моимъ напряженнымъ нервамъ. Поездъ подходитъ, близится... Я едва стою на ногахъ. Помню, что въ моментъ его приближенія у меня явилось желаніе броситься на рельсы и тѣмъ сразу покончить съ собой: меня охватила такая тоска, такой страхъ будущаго, что, конечно, благоразуміе толкало меня на этотъ поступокъ. Но умереть, не увидавъ ее, когда она уже близко, умереть и увлечь за собой и ее, и сотни другихъ, — какая дикая, гнусная мысль!

Она вышла изъ вагона; мы бросились къ ней. Батюшки, какъ слаба и худа! Кто-бы узналъ въ ней теперь мою прежнюю русалку, съ задорнымъ смѣхомъ, съ яркою краскою губъ и щекъ! Глаза эти, впалые, широко открытые, тупо и безучастно смотрѣли впередъ. Она видимо едва передвигала ноги, вся какъ-то погнувшись впередъ. Она постарѣла и подурнѣла, но глаза мои усмотрѣли въ лицѣ ея новую прелесть — прелесть скорби, страданія. Она сухо поцѣловала Софью Андреевну, погладила щечку сына, подала мнѣ холодную, исхудалую руку и сѣла въ приготовленный ей экипажъ. Мы сѣли съ нею и всю дорогу не смѣли проронить ни слова. Воспаленные глаза и синевато-блѣдное лицо ея наводили на насъ ужась.

Пріѣхали. Она вошла въ комнату и, бросивъ шляпу, легла на кровать. Софья Андреевна молча приготовила чай и осторожно подошла къ ней. Добрая дѣвушка была къ ней искренно привязана.

— Родная, наклоняясь надъ Ольгой и глядя ей плечи, сказала она, — выпейте съ нами чайку, это освѣжитъ васъ. Потому я уложу васъ въ постель и почитаю вамъ что-нибудь.

Ольга покорно встала и тихо, какъ разбитая, подошла къ столу; молча, ни на кого не глядя, проглотила чай и осталась сидѣть, облокотясь на руку.

Вася тихо плакалъ въ углу, не смѣя подойти къ матери; я сидѣлъ какъ къ смерти приговоренный. Уйти отъ нея у меня не хватало духу, да если-бъ и ушелъ, то, все равно, пробродилъ-бы у воротъ, какъ вѣрный сторожевой песъ.

Она подняла голову и обвела комнату мутнымъ, потухшимъ взглядомъ. Вася робко подошелъ къ ней и, всхлипывая, прижался къ ея плечу. Она посадила его на колѣни и прижала къ груди съ словами:

— Усни, мой родной!

По лицу ея скользнула блѣдная тѣнь нѣжности, въ глазахъ блеснула мысль и глубокая, скорбная жалость.

— Онъ умеръ, тихимъ стономъ вырвалось у нея.—Я не стала его живымъ, уже съ мертвымъ простилась. Потому... была больна... оттого и долго такъ. Не онъ задержалъ.

Она тихо заплакала. Лицо ея оставалось неподвижно, съ застывшей на немъ глубокой нѣжностью; слезы быстро катились изъ глазъ, одна подгоняя другую; она не вытирала ихъ.

— Пусть-бы... жилъ, прерывисто шептала она, — я отказалась-бы отъ всякихъ правъ на него, только... пусть-бы жилъ!

Софья Андреевна плакала, я тоже глоталъ слезы. Нельзя было смотрѣть на эту отчаянную скорбь лица, слышать этотъ упавшій, сдавленный голосъ безъ того, чтобы не тосковать, не болѣть самому. Никогда послѣ въ душѣ моей не повторялось такое чистое, самоотверженное чувство къ ней, какъ въ эти минуты; полное отсутствіе эгоизма, полное забвеніе себя! Я-бы съ радостью легъ въ могилу за Причетова, лишь-бы вернуть его ей, — ей одной. Кому нужна моя жизнь, — жизнь бобыля, безроднаго? Одна была, и ту самъ оттолкнулъ!

Съ этой тяжелой ночи я приковалъ къ Ольгѣ мою жизнь, мою душу. Горе ея было послѣднимъ звеномъ, закончившимъ эту неразрывную цѣпь, сковавшую впоследствии кандалами мои руки и ноги.

Я бывалъ у нея каждый день, исключая дней дежурствъ въ госпиталѣ (я забылъ сказать, что черезъ протекцію одного вліятельнаго лица, у котораго я давалъ уроки, меня назначили полковымъ врачомъ въ одномъ изъ постоянныхъ петербургскихъ полковъ). Ни разу я не видалъ у нея слезъ послѣ той печальной ночи. Она совсѣмъ завалила себя работой, взяла мѣсто компилятора въ одной изъ газетныхъ редакцій и приходила домой въ четыре часа, уходя въ восемь утра, приносила съ собой кипу книгъ и бумагъ и не отрывалась до восьми часовъ вечера, т. е. до вечерняго чая. Къ этому часу приходилъ и я, и за круглымъ чайнымъ столомъ въ привычномъ порядкѣ размѣщались неизмѣнные члены: Вася, Софья Андреевна и я. Ольга была центромъ, къ которому мы всѣ тяготѣли, и наперерывъ старались оказать ей услугу и вниманіе. Для нея къ столу придвигалось большое,

мягкое кресло, и такъ-какъ она тонула въ его глубинѣ, то Софья Андреевна приносила ей кожаную подушку съ дивана. Стояло Ольгѣ протянуть руку за сухарикомъ, какъ три руки стали вались надъ сухарницей и придвигали ее къ ней. Сначала это вызывало у ней улыбку, а потомъ надоѣло до того, что она запретила намъ за нею ухаживать.

Измученная, усталая, она не отпускала меня до часу, до двухъ, даже до трехъ часовъ ночи, говоря, что хочетъ заснуть какъ убитая, не оставляя времени думать.

Такъ прошло полгода. Не знаю, утихло-ли въ ней горе или только сила воли закрыла его отъ постороннихъ глазъ, но мы не видали у нея ни слезъ, ни красныхъ глазъ. Наружно она поправлялась медленно: худенькая, блѣдная, съ впавшими щеками, она мало походила на прежнюю Ольгу, лучистую, яркую, овладѣвшую мной съ первой встрѣчи. Теперь въ ней воскресъ передо мной образъ гетевской Гретхенъ въ тяжелые дни раскаянія, когда передъ ея духовными очами носился трупъ убитаго дитяти. И Ольга часто смотрѣла въ даль, забывая окружающее, и дума, свѣтившаяся въ этомъ взглядѣ, была такъ безгранична, какъ-будто заходила за предѣлы земли, уносилась въ безконечность и терялась въ ней. Потому она вздрагивала, улыбалась и, блѣднѣя, обращалась къ намъ съ какой-нибудь незначущей рѣчью.

Я считалъ себя обиженнымъ этой сдержанностью до той минуты, пока она, окрѣпнувъ духомъ, не рѣшилась рассказать намъ подробности ея недолгой жизни въ Одессѣ. Рассказала она намъ это черезъ годъ послѣ смерти Причетова, выливъ всю горечь въ слезахъ на панихидѣ. Ее считали невѣрующей, но молиться такъ, какъ молилась она подъ терзающей похоронный напѣвъ, врядъ-ли сможетъ самый строгій христіанинъ.

Послѣ ея разказа я понялъ, что ея горю не было равнаго, что, кромѣ сердца, оно разбило ея гордость, ея достоинство, отравило отраду воспоминаній пережитаго счастья.

Пріѣхавъ въ Одессу, она остановилась въ гостиницѣ и въ то-же утро пошла на квартиру Причетова. Подходить—земля усыпана цвѣтами и ельникомъ; сердце замерло въ ней, однако, ничего, идетъ дальше; мысль все еще далеко отъ истины: мало-ли людей умираетъ. Приходить, спрашиваетъ квартиру у дворника.

— Ихъ дома никого нѣтъ, уѣхали покойника провожать.

На робкій вопросъ: „Кто умеръ?“ слышится отвѣтъ, воззившійся ей въ сердце, заставившій ее вскрикнуть и на мгновение лишиться чувствъ. Потомъ она стремглавъ побѣжала въ церковь и еще застала его тамъ.

Она не говорила намъ, что она почувствовала, когда прильнула губами къ холодной, мертвой рукѣ, такъ недавно любовно ласкавшей ее. Да этого и не передать никакому перу, никакой рѣчи.

На кладбище ее не пустили; она слышала, какъ мать жены его громко сказала старостѣ:

— Не пускайте за нами эту женщину, ея присутствіе скандализируетъ покойника.

Послѣ этого Ольга не дѣлала и попытки идти проводить его до вѣчной квартиры. Она пошла на кладбище на другой день и не могла отыскать его могилы; перерыла всѣ церковныя книги, сорила деньгами, подняла на ноги всѣхъ церковно-служителей, — никто не могъ или не хотѣлъ сказать ничего положительнаго: одинъ указывалъ на одну могилу, другой — на другую, третій — третью и т. д. Въ день похоронъ Причетова былъ скоронень не одинъ покойникъ.

— Мнѣ даже могилы его не оставили, говорила она и плакала, плакала долго и горько; маска была снята, ей уже не зачѣмъ было скрывать отъ насъ, какъ тяжело налегло на нее это горе.

Затѣмъ — двѣ недѣли горячки, миновавшей въ больницѣ, и отъѣздъ въ Петербургъ.

— Я обязана горячкѣ тѣмъ, что осталась жива, закончила она рассказъ, часто прерываемый, такъ-какъ слова съ трудомъ выходили изъ сжатого горла. — Жить надо, *должна* жить: Вася безъ меня совсѣмъ одинокимъ останется.

„Вася останется одинокъ безъ меня!“ Какъ могъ я забыть эти слова, какъ могъ обречь на сиротство моего дорогого мальчика!

Что съ нимъ теперь, гдѣ онъ? Неужели законъ принудилъ родныхъ Ольги взять его? Они искалѣчатъ его, зажмутъ въ тиски свободно-развившійся мозгъ, изломаютъ правдивую, смѣлую душу. Если-бы Надя взяла его, я-бы умеръ спокойнѣе.

Дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами — годъ кануль въ вѣчность, а за нимъ и другой; я не видалъ, какъ проходило время, — такъ однообразно и тихо текла жизнь. Ольга начинала понемногу принимать прежній видъ, щеки оттѣнялись румянцемъ, въ глазахъ загорались искорки, губы складывались въ улыбку. Сердце мое лиговало и таяло, — въ немъ поселилась надежда на ея полное выздоровленіе. Тогда, конечно, она увидитъ, чѣмъ была для меня въ эти долгіе годы, и отзовется на чувство мое, все пережившее, со всѣмъ примирившееся.

Въ матеріальномъ отношеніи эти два года безмятежно прошли для нея; работы было много, подиссчиковъ столько, что пришлось пополнять бібліотеку и пережѣнить квартиру, чтобы устроить кабинетъ для чтенія. Пережѣна квартиры не обошлась безъ слезъ: въ ней всякій уголокъ связывалъ съ собою память о Причетовѣ.

Новая квартира была просторнѣе, чище, уютнѣе и произвела въ Ольгѣ тотъ счастливый переломъ, котораго не могло совершить время и который оно только подготовило. Воспоминанія являлись рѣже и ихъ рѣзкая горечь смягчилась до того, что она примирилась съ женою Причетова и съ большимъ участіемъ говорила о его ребенкѣ.

Итакъ, горе ея улеглось и всплывало только изрѣдка, въ покойной, благоговѣйной скорби. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ и я строилъ волшебные замки на непрочномъ фундаментѣ кажущагося забвенія.

Я ждалъ. Прошелъ еще годъ, наступила третья весна послѣ кончины Причетова. Вася успѣшно сдавалъ экзамены, дѣла Ольги шли удачно, она начинала считать себя почти-богатою женщиной. Надя писала мнѣ очень рѣдко и, погруженный весь въ мое безуміе, я почти забывалъ мою добрую подругу.

Былъ май, шестой май со дня нашей первой встрѣчи. Я рѣшился сказать Ольгѣ, что люблю ее, и выбралъ для этого день, съ котораго началась моя новая эра. Съ утра я былъ какъ въ лихорадкѣ, едва дождался условнаго часа и, не чувствуя подъ собою ногъ, помчался къ ней.

Она точно предчувствовала торжественность этого дня, и въ первый разъ послѣ трехъ лѣтъ я увидалъ ее такою нарядною, оживленною. У нея были гости и, узнавъ, что это былъ день

рожденія Васи, я побѣждалъ ему за конфектами. „Сказать не удастся, она не будетъ одна“, думалъ я, не теряя, однакожь, надежды пересидѣть ея гостей.

Весь этотъ вечеръ я былъ, что-называется, душою общества; я много говорилъ, шутилъ, рассказывалъ анекдоты, заставлялъ хохотать всѣхъ, разсмѣшилъ даже Ольгу, и почти опьянѣлъ отъ радости, когда на одинъ изъ моихъ анекдотовъ раздался ея хохоть, прежній серебряный, русалочный хохоть. Мое возбужденное состояніе походило на припадокъ.

Гости ушли поздно, съ ними вмѣстѣ ушелъ и я, оставивъ у Ольги палку и перчатки. Съ пол-дороги я вернулся за ними.

Софья Андреевна уже улеглась спать и дверь мнѣ отворила сама Ольга въ наскоро накинутой легкой блузѣ.

Она пугливо посмотрѣла на меня. При блѣдномъ свѣтѣ майской ночи лицо ея было бѣло до прозрачности, глаза блестѣли какъ звѣзды. Вся она была такъ нѣжна и обаятельна, что на нее спокойно невозможно было смотрѣть.

— Что случилось? спросила она, впуская меня.

— Трость забылъ, отрывисто отвѣчалъ я, стараясь не глядѣть на нее. — Позвольте мнѣ выкурить папиросу, я скоро шелъ, — усталъ.

Ольга Павловна заперла дверь и пошла за мной. Я сѣлъ на диванъ, она подлѣ меня. Глаза ея были опущены, лицо какъ-то странно смущенное; конечно, она не вѣрила, что я вернулся за перчатками и тростью.

— Я хочу поговорить съ вами, началъ я, смотря въ сторону; — знаете-ли вы, что я уже шесть лѣтъ люблю васъ?

Она всплеснула руками. Это было быстро, неожиданно, это и смутило ее.

— Любите? Шесть лѣтъ? Какъ шесть лѣтъ?

— Да, шесть лѣтъ, со дня встрѣчи въ паркѣ.

Я рассказалъ ей все, что я почувствовалъ за этотъ долгій срокъ, какъ я переволновался, перемучился; что изъ-за нея я разошелся съ Надей, что я не измѣнялъ ей ни для кого, никогда, со дня первой встрѣчи.

Она слушала меня съ поблѣднѣвшими щеками, съ печалью въ расширенныхъ, блестящихъ глазахъ.

— О, дорогой мой, вѣдь вы глубоко меня любите; вѣдь я отравила, заѣла ваши лучшіе годы; за что, за что на меня одну

столько горя? Вѣдь я старуха, мнѣ 35 лѣтъ, я почти могла-бы быть вашей матерью; вѣдь я не могу предложить вамъ ничего, кромѣ искренней, братской дружбы! Вы знаете, какъ я любила, — могу-ли я полюбить еще? Полу-чувство я не хочу вамъ давать, а на полное не хватитъ силъ, не хватитъ!

Она съ мольбой сложила руки и смотрѣла на меня, какъ-бы прося прощенія. Въ бѣлой блузѣ, съ длинными волосами и бѣленькимъ, блѣднымъ лицомъ, она казалась 18-ти-лѣтней дѣвушкой; ни одной морщинки, ни одной увядшей черты въ этомъ подернутомъ дѣтскимъ испугомъ лицѣ. Она — старуха! Она, казавшаяся мнѣ беззащитнымъ ребенкомъ въ эту блѣдную, волшебную ночь.

— Ахъ, какая я грѣшная! Вѣдь вотъ за минуту мнѣ было жаль васъ, а теперь я почти рада, что вы меня любите, мнѣ почти хорошо вотъ такъ сидѣть, говорить съ вами! Голубчикъ мой, милый, спасибо вамъ!

Сердце дрогнуло во мнѣ неожиданной радостью; я прильнулъ губами къ рукамъ ея и цѣловалъ ихъ, цѣловалъ безъ счета. Дожилъ я, дожилъ, дождался! Они смотрятъ на меня, эти боготворимые глаза, эта рука, которую я мысленно цѣловалъ въ бессонныя ночи, лежитъ въ моей и сама-то она, моя дорогая, милая, принадлежитъ мнѣ больше, чѣмъ всеѣмъ остальнымъ. Я и не мечталъ, не смѣлъ мечтать о полномъ обладаніи.

— Если сердце можетъ возрождаться, то, конечно, мое возродится въ васъ, говорила она мнѣ.

Чего-же мнѣ было требовать отъ жизни, когда она давала мнѣ то, чѣмъ больше всего дорожить человѣкъ, — давала надежду!

О, дѣтскія, чистыя волненія! Кто-бы могъ прозрѣть въ васъ источникъ той безумной, грѣшной страсти, которая овладѣла мной съ этой ночи, истерзала меня, свела съума?

Какое время! Я не могу его вспомнить безъ ужаса! Дѣло валилось изъ рукъ, мозгъ отказывался отъ дѣятельности. Бывая у нея каждый день, оставаясь вдвоемъ, цѣлуя ей руки, видя, какъ въ глазахъ ея загоралась подчасъ отвѣтная нѣга, я уже не могъ пересилить себя и черезъ два мѣсяца послѣ моего перваго признанія написалъ ей, что или она будетъ моею, или мы никогда не увидимся.

„Хорошо, мы не увидимся“, получилъ я короткій отвѣтъ...

. . . . .



Я пересталъ отиѣчать дни, потянувшіеся для меня монотонно и буднично; даже жгучесть утраты не оживляла ихъ, такъ-какъ я туло чувствовалъ эту утрату: не все-ли равно мучиться—подлѣ нея или безъ нея? Подлѣ нея еще хуже, рѣзче боль, разсуждалъ я.

Тѣмъ не менѣе, въ одинъ изъ вечероѡъ этой безконечной недѣли я лежалъ на кушеткѣ и уже отыскивалъ благовидный предлогъ, чтобы пойти къ ней, войти опять въ прежнія отношенія и положиться на время. Дума, въ началѣ благоразумная, постепенно теряла правильные контуры и принимала безобразный образъ порока, оболщенія, даже насилія. „Она будетъ, будетъ твоей“, глухо шептала мнѣ въ уши раздраженная, дивная страсть; сердце шумно билось, жилы раздувались отъ напора крови. Я стиснулъ руками голову и неудержимая дрожь охватила мое тѣло.

Дверь тихо скрипнула, отворилась; на порогѣ появилась женская фигура, съ лицомъ, закутаннмъ плотной вуалью. Мнѣ-ли не узнать ее? Я дико вскрикнулъ и, бросившись къ ней, схватилъ ее на руки, покрылъ поцѣлуями ее лицо, шею, руки. Я видѣлъ отдачу въ этомъ приходѣ ко мнѣ: „или не увидимся, или моя“ — было мое условіе. Пришла — значить моя.

Какъ? Она отбивается, отталкиваетъ меня! Дразнить пришла, насладиться измученнымъ видомъ жертвы? Что мнѣ до ея увѣреній, что она соскучилась, хотѣла возстановить прежнія отношенія? Бросать камень голодному! Кокетка, бездушная!

Я зарыдалъ, обезсилѣвъ, какъ ребенокъ. Она робко подошла ко мнѣ и стала шептать успокоительныя рѣчи, гладить голову, руки, плечи. Глупая, глупая! Ей надо было бѣжать. Ея ласкающій шопотъ произвелъ дѣйствіе вина и въ слѣдующую минуту я уже ничего не помнилъ.

— Я ненавижу васъ, прохрипѣла она.

Не люби я ее, не стой во главѣ моей страсти безграничная преданность—было-бы лучше. Но я любилъ ее и ея „ненавижу“ было для меня ударомъ ножа. Не помня себя отъ злости, я схватилъ ее за горло и стиснулъ его со всей напряженной, неестественной силой.

Глаза ея какъ-бы вышли изъ орбитъ, лицо посинѣло, руки поднялись съ молящимъ движеніемъ, на губахъ выступила пѣна; а я все держалъ, дико, страстно наслаждаясь ея страданіемъ, готовый измучить ее, истерзать, изрѣзать.

Все точно поднималось, раздувалось, напрягалось внутри меня и, перейдя предѣлъ упругости, лопнуло, треснуло съ дикимъ, звѣрскимъ крикомъ. Ослабѣвшая рука разжалась и я почти безъ чувствъ упалъ на кровать.

Но я слышалъ, какъ въ одно время съ моимъ паденіемъ что-то тяжелое рухнуло о-земь.

Минуты двѣ-три прошло, я поднялся.

— Что это? спросилъ я и бросился къ лежанкѣ на полу Ольгѣ. — Что это? Обморокъ?

Я приложилъ ухо къ ея сердцу — оно не билось; заглянуль въ лицо — ни слѣда жизни! Холодъ ужаса пробѣжалъ по мнѣ колючей волной, я вскрикнулъ и упалъ на полъ подлѣ нея.

Что было потомъ — не знаю, не могу вспомнить. Должно быть, то, что бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ: послали за полиціей, отвезли въ участокъ, подумали, не съумасшедшій-ли, и сдали въ клинику. Товарищи говорили мнѣ потомъ, что пунктомъ моего бреда былъ вредъ женской любви, что я подходилъ ко всѣмъ встрѣчнымъ и говорилъ имъ:

— Не влюбляйтесь ни въ кого, никогда; я былъ влюбленъ въ женщину съ желѣзными руками и она ими задушила меня; эти руки были совсѣмъ бѣленькія; онѣ побѣлѣли въ огнѣ, когда ихъ закачивали. Какъ больно она схватила меня за горло!

Но я бредилъ только тогда, когда попадалъ на большую струну; остальные вопросы я разрѣшалъ такъ здраво и глубокомысленно, что приводилъ въ смущеніе бѣдныхъ студентѣвъ, которымъ выпало на долю разбирать форму моего помѣшательства.

Меня вылечили, судили и оправдали состояніемъ невмѣняемости.

Хуже наказанія они не могли придумать.

Дать мнѣ свободу! Да на что мнѣ она? Что я стану съ ней дѣлать, когда душа моя темнѣе могилы, когда совѣсть вопіетъ противъ безнаказанности, когда все милое, для чего хотѣлось жить, спать безпробудно въ землѣ, мною самимъ туда уложенное? Какой я дѣлатель съ разбитымъ сердцемъ, тронутымъ мозгомъ, потрясенными нервами! Къ счастью, вслѣдствіе апелляціи въ сенатъ дѣло подняли снова и опять начался судъ. Я не оправдывался. Я логично, здраво, какъ человѣкъ въ полномъ разумѣ, показалъ, что, убивая Томашевскую, я не былъ безуменъ и поступалъ со-

знательно; что я убилъ ее изъ мести за то, что она не хотѣла принадлежать мнѣ, за то, что не могла отвѣчать на мое чувство. Я старался очистить память Ольги отъ подозрѣній; меня терзала мысль, что на этой памяти ляжетъ позоромъ насильственная смерть въ квартирѣ мужчины.

— Она принесла мнѣ книгу, которую я просилъ у ней, объяснилъ я ея приходъ.

И вотъ меня осудили на каторгу, съ уменьшеніемъ срока за добровольное признаніе. Противъ послѣдняго я ничего не имѣлъ: я зналъ, былъ увѣренъ, что не проживу долго.

Я не ошибся: свинцовое горе легло мнѣ на грудь и задавило меня.

Я умираю и послѣдняя мысль моя летитъ впереди меня, за предѣлы побитаго міра, къ тебѣ, единственная любовь всей моей жизни, моя чистая, библейская грѣшница, моя горемычная, бѣдная Ольга! Если-бъ ты могла, ты-бы пожалѣла меня: я умираю на чужой землѣ, вдали отъ твоей могилы, съ проклятіемъ ребенка, у котораго я отнялъ тебя, съ неизвѣстностью о томъ, что ждетъ его впереди. На смертномъ одрѣ меня гложетъ сознаніе, что это я съ дороги, усѣянной розами, толкнулъ его на тернистый путь безпомощности и сиротства.

Смерть близится, руки холодѣютъ, въ глазахъ меркнетъ свѣтъ. Завтра и я, отщепенецъ, найду себѣ миръ и покой! Я уже чувствую и теперь, какъ онъ мѣрно, тихо подкрадывается ко мнѣ и принимаетъ въ мягкія объятія изстрадавшійся духъ, изнуренное тѣло. Вотъ... вотъ... все тише... тише!.. Ольга... простила-ли ты? Тяжело... душно мнѣ...

. . . . .

### ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Еще нѣсколько строчекъ, написанныхъ слабымъ, обрывающимся почеркомъ, я уже не могъ разобрать: перо слабо скользило по бумагѣ и, наконецъ, выпало изъ руки, протянувъ длинный клякъсъ.

Весеньева схоронили съ почетомъ. Комендантъ шелъ за гробомъ. Гробъ несли товарищи.

Какой-же еще чести желать отщепенцу-каторжнику?

Е. Дубровина.

## КАЛѢКА.

Я сижу у проѣзжей дороги,  
Гдѣ, не зная, что значить печаль,  
Дѣти юности гордо, какъ боги,  
Беззавѣтно уносятся въ даль.  
Тамъ, я знаю, на жизненномъ полѣ,  
Какъ немного вы спуститесь внизъ,—  
Вашу дѣтскую спѣсь поневолѣ  
Не одинъ поубавить скорпризѣ.

Запылятся въ дорогѣ одежды,  
На вѣтвяхъ пожелтѣютъ цвѣты,  
И разсѣются жизнью надежды,  
И замѣнятся прозой мечты.

Будетъ время: съ надломленной силой,  
Какъ и мнѣ, вамъ придется сидѣть  
И, средь немочей старости хилой,  
На виду у проѣзжихъ истлѣть.

Мнѣ смѣшно, что впередъ безразсудно  
Всѣ въ одномъ направленьи спѣшатъ,  
Что въ покинутомъ краѣ такъ чудно,—  
А никто не проходитъ назадъ!

Всѣ легли и лежатъ у дороги...  
Но, не зная, что значить печаль,  
Дѣти юности гордо, какъ боги,  
Беззавѣтно уносятся въ даль.

С. А.

## ДЕШИСЪ ДИДРО.

(Окончаніе.)

Энциклопедія обозначала собою разрывъ французскаго ума съ декартовскимъ дуализмомъ, паденіе супранатурализма и популяризацию англійскаго эмпиризма. Энциклопедисты положили основаніе тому великому возрожденію наукъ, о которомъ мечталъ Бэконъ, и въ ихъ изданіи вѣялъ духъ этого великаго философа. „Стремленія французской литературы XVIII вѣка, говоритъ Розенкранцъ, — предпочитавшія гипотезѣ опытъ, метафизикѣ фактъ, умствованію природу, были результатами бэконовскаго направленія, усвоеннаго энциклопедистами. Дидро стоялъ здѣсь совершенно на англійской почвѣ. Правда, онъ дѣлалъ иногда комплименты метафизикѣ, въ особенности антологіи, что случалось и съ Бэкономъ, но онъ ничего не сдѣлалъ для нихъ“. Дополненіемъ бэконовской логикѣ служила психологія Локка, указавшая зависимость нашихъ представленій отъ чувственныхъ воспріятій и внутреннюю связь мышленія съ развитіемъ языка. вмѣстѣ съ тѣмъ Локкъ отвергалъ прирожденные идеи Декарта и Лейбница, утверждая, что всѣ эти идеи состояются изъ тѣхъ-же ощущеній, какъ и другія представленія. Популяризируя идеи англійскихъ эмпиристовъ, энциклопедисты ставили на мѣсто прежняго абстрактнаго принципа принципъ антропологическій. Они были родовачальниками той филантропической морали, руководящими принципами которой служили разумно сознанная польза и сантиментальная симпатія. На практикѣ эта мораль сдѣлала много хорошаго, она старалась облегчить страданія людей, реформировала богадѣльни, тюрьмы, дома умалишенныхъ, и всѣ лучшіе представители ея, Дидро, д'Аламберъ, Гельвецій, Гольбахъ, были людьми чрезвычайно гуманными и

добродушными. Мораль энциклопедистовъ вооружалась противъ традиціоннаго понятія о человѣкѣ, какъ о существѣ зломъ отъ природы, и утверждала, что отъ природы онъ добръ и дѣлается злымъ только подъ вліяніемъ дурныхъ законовъ, дурнаго воспитанія и т. д. Вмѣстѣ съ пропагандой этой естественной морали энциклопедисты устанавливали правильное воззрѣніе на природу, какъ на совокупность послѣдовательныхъ явленій, вытекающихъ одно изъ другого по закону причинности. Они указывали во вселенной дѣйствіе однихъ и тѣхъ-же законовъ и, расширяя сферу знаній человѣка, внушали ему болѣе довѣрія къ силамъ его ума и въ то-же время, показывая ему много предметовъ, лежащихъ внѣ области опытнаго знанія и наблюденія, они устремляли всѣ силы на познаніе предметовъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ и нашему уму. Такимъ образомъ человѣкъ сдѣлался главнымъ центромъ нашего знанія, а улучшеніе человѣческаго общества—главною цѣлью заботъ и стремленій людей науки и литературы. Передъ анализомъ здраваго смысла разсѣвалось обаяніе мистическихъ вліяній и въ то-же время психологія энциклопедистовъ чрезвычайно высоко ставила силу воспитанія и общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ образованія характера и нравственности. Выясняя чрезвычайное вліяніе внѣшнихъ впечатлѣній на развитіе людей, энциклопедисты направляли умы на внѣшнія условія жизни и ихъ улучшеніе. „Ихъ метафизика и психологія, говоритъ Морлей,—несмотря на всю ихъ поверхностность, внушали сильный общественный духъ, потому что онѣ были проникнуты гуманнымъ чувствомъ. Представлять себѣ Энциклопедію пропагандой отрицанія и септицизма—значитъ опускаться изъ виду  $\frac{4}{5}$  ея содержанія. Можно, конечно, если угодно, считать ее и отрицательнымъ дѣломъ относительно такихъ, напр., предметовъ, какъ слѣдственная пытка и смертная казнь“.

Въ энциклопедическомъ движеніи, подъ вліяніемъ гуманнаго чувства, стояли на первомъ планѣ политическіе интересы, въ широкомъ значеніи этого слова. Энциклопедія мало обращала вниманія на форму правленія, но занималась главнымъ образомъ экономическимъ положеніемъ страны, ея законами, заботилась о счастьи и благосостояніи Франціи вообще, равно какъ о хорошемъ питаніи, здоровьи и счастьи каждаго отдѣльнаго француза. Энциклопедія не давала ни новыхъ методовъ, ни новыхъ политическихъ идей. Ея оригинальные взгляды на миръ, напр., составились подъ вліяніемъ со-

чиненій Сен-Пьера, а въ массѣ другихъ политическихъ статей всюду замѣчается толчевъ, данный развитію политическихъ идей „Духомъ Законовъ“ Монтескье, съ тѣмъ только различіемъ, что философскіе принципы послѣдняго у энциклопедистовъ нѣсколько видоизмѣнялись подъ вліяніемъ сильнаго патріотическаго чувства. Особенно замѣчательны своею полнотою, точностью и ясностью статьи о земледѣліи, представляющія ужасную картину тогдашняго состоянія Франціи, въ которой болѣе  $\frac{1}{4}$  земель, способныхъ къ обработкѣ, лежали нетронутыми или брошенными жителями. Земледѣліе падало вслѣдствіе страшныхъ стѣсненій, давившихъ хлѣбную торговлю, убійственныхъ налоговъ и невольнаго скопленія жителей въ большихъ городскихъ центрахъ. Статьи о налогахъ, особенно о соляномъ, были настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ тогдашней системы и практики, при которыхъ, напр., люди, пережѣвившіе жилище, принуждены были еще нѣкоторое время платить налоги въ мѣстѣ ихъ прежняго жительства, фермеры и рабочіе впродолженіи года, а всѣ другіе плательщики два года, если приходъ, въ который они переселились, лежитъ въ томъ-же самомъ округѣ; въ противномъ случаѣ фермеры должны платить два года, а всѣ другіе — три года. По поводу пропорціональнаго налога, о которомъ давно уже ходатайствовали многіе города, Энциклопедія защищала необходимость такихъ налоговъ и указывала, что введенію ихъ препятствуетъ привычка къ привилегіи. Статья о привилегіи настаиваетъ, что необходимо изслѣдовать основаніе того множества изъятій изъ общихъ правилъ о налогахъ, какое тогда существовало во Франціи, и уничтожить тѣ изъ этихъ изъятій, которыя не оправдываются ни разумомъ, ни требованіями общаго блага. Въ статьѣ о дорожныхъ повинностяхъ, которыя тогда въ одной только Лоренской равнинѣ довели до нищенства 300,000 фермеровъ, Энциклопедія изображала всю ихъ разорительность и требовала ихъ отмѣны десятию годами прежде, чѣмъ за это дѣло принялся Тюрго. Не менѣе дорожной повинности разоряла Францію чудовищная вербовка въ милицію, и въ коротенькой, но бьющей въ самый корень статьѣ о милиціи Энциклопедія представила поразительную картину этого зла, значительно исправленнаго черезъ нѣсколько лѣтъ Тюрго. Въ статьѣ „Ярмарка“ мы находимъ другую превосходную картину тогдашнихъ провинціальныхъ ярмарокъ, которыя своими привилегіями, изъятіями и исключеніями отлично ха-

рактизируютъ тогдашнюю торговую администрацію, одержимую ма-  
ніей все контролировать и всѣмъ руководить. Несчастливая Фран-  
ція сильно страдала, между прочимъ, отъ дворянской дичи. „Подъ  
дичью, говоритъ Артуръ Юнгъ, — нужно разумѣть цѣлыя стада  
дикихъ кабановъ и табуны оленей, незагороженные никакими  
заборами или плетнями, но свободно разгуливающіе по всей странѣ,  
истребляя пашни и населяя галеры несчастными крестьянами, ко-  
торые предпочитаютъ убивать ихъ, чтобы спасти хлѣбъ, необхо-  
димый для поддержанія ихъ безпомощныхъ дѣтей“. И Энцикло-  
педія въ статьѣ объ охотѣ не преминула, на-сколько могла, во-  
оружиться противъ тѣхъ правилъ, которыя губили земледѣліе и  
разоряли крестьянъ для того только, чтобы господа могли поохот-  
тись.

Защищая интересы земледѣльцевъ, требуя рациональныхъ ре-  
формъ земледѣлія и въ то-же время относясь къ нему нѣсколько  
идилически, Энциклопедія прославляла трудъ вообще. „Она, по  
выраженію Морлея,—была проникнута сильнѣйшимъ энтузіазмомъ  
во всѣмъ задачамъ, интересамъ и подробностямъ производства.  
Дидро, будучи сыномъ ремесленника, естественно старался возвы-  
сить уваженіе къ ремеслу и вынесъ изъ мастерской своего добраго  
отца симпатію и почтеніе къ труду и технической ловкости.  
Таблицы иллюстрацій, которымъ Дидро посвящалъ самое серьезное  
вниманіе почти впродолженіи тридцати лѣтъ, не только замѣча-  
тельны своею точностью, ясностью и прекрасною отдѣлкою, но онѣ  
еще болѣе поражаютъ насъ тѣмъ полу-поэтическимъ чувствомъ,  
которое превращаетъ простое изображеніе извѣстнаго процесса въ  
воодушевленную сцену человѣческой жизни, волнующую чувство и  
трогающую воображеніе зрителя, какъ нѣчто драматическое. Хло-  
поты, суетня, проворство рабочихъ желѣзнаго завода, стекло-пла-  
вильная печь, пороховая мельница, шелковая лоцильня воспроиз-  
ведены такъ-же искусно, какъ спокойная работа сыроварки, золо-  
тошвейки, аптекаря, чеканщика металовъ. Рисунки внушаютъ тотъ  
горячій личный интересъ къ этимъ работамъ, ту живую любовь  
къ дѣлу, которые составляютъ симпатическія черты хорошихъ  
французскихъ ремесленниковъ. Воодушевленіе, которымъ про-  
никнуты эти громадныя томы рисунковъ, удивительно. Они произ-  
водятъ такое впечатлѣніе, какъ-будто смотришь на тогдашній  
Парижъ съ высотъ Монмартра; когда перелистываешь томъ за то-



момъ, то словно развертывается блестящая панорама всей дѣловой жизни того времени. Заботливость о мелочахъ въ нихъ такъ-же поразительна, какъ и ихъ вразумительность. Самый незначительный инструментъ, узелокъ на нитѣ, изгибъ пальца или запястье — все сдѣлано по особому подходящему чертежу. Читатель улыбается при видѣ полной и тщательно обработанной серіи выкроекъ портного. По всѣмъ главнымъ отдѣламъ промышленности можно найти хорошіе рисунки, которые могутъ служить практическимъ цѣлямъ. Извѣстно, что Дидро обыкновенно самъ посѣщаль мастерскія, наблюдая за рабочими, задавая имъ тысячи вопросовъ, сидя у самыхъ станковъ, заставляя разбирать на части машины и снова собирать ихъ на своихъ глазахъ, утомляясь работой, какъ какой-нибудь подмастерье, и работая плохо, какъ онъ самъ говоритъ, чтобы научить другихъ работать хорошо. Не было пустою риторическою фразою, когда онъ восклицалъ, что Энциклопедія сдѣлается святилищемъ, въ которомъ человѣческое знаніе найдетъ защиту отъ времени и переворотовъ. И онъ не щадилъ трудовъ, чтобы сдѣлать ее столь полнымъ музеемъ искусствъ и ремесель, что, „въ случаѣ новаго потопа, въ которомъ-бы все погибло, для возстановленія ихъ достаточно было-бы одного экземпляра Энциклопедіи“.

Важное мѣсто, отведенное въ Энциклопедіи естественнымъ наукамъ и промышленности, свидѣтельствуетъ о томъ глубокомъ переворотѣ въ умственной и общественной жизни Европы, какой совершился въ концѣ прошлаго вѣка. На смѣну рыцарской аристократіи выступали буржуа и рабочіе, все большее и большее значеніе получалъ производительный трудъ и обнаруживалось сильное стремленіе пользоваться плодами его. Въ небольшой статейкѣ о поденщикѣ мы уже чувствуемъ вѣяніе новаго вѣка. „Поденщикъ, говорится въ ней, — есть рабочій, который работаетъ своими руками и получаетъ поденную плату. Этотъ разрядъ людей обнимаетъ собою огромную часть націи и хорошее правительство главнымъ образомъ должно имѣть въ виду ихъ положеніе. Если поденщикъ несчастенъ, несчастна вся нація“. Въ умственномъ отношеніи упомянутый переходъ состоялъ въ замѣнѣ изученія словъ и метафизики изученіемъ самыхъ предметовъ и положительнымъ знаніемъ. Учепость старинныхъ книжниковъ была противна всѣмъ энциклопедистамъ, и въ статьѣ „Библиоманія“ большое число книгъ называется „собраніемъ матеріала

для исторіи человѣческой слѣпоты и глупости“. Если умный человекъ купилъ книгу въ 12-ти томахъ и увидѣлъ, что только какихъ-нибудь 12 страницъ достойны прочтенія, то онъ, конечно, вырветъ для себя эти страницы, а все остальное бросить въ огонь. На большихъ бібліотекахъ статья совѣтуетъ вывѣшивать надпись: „Бедламъ человѣческаго ума“. Такъ были противны энциклопедистамъ, этимъ людямъ жизни, люди мертвой буквы.

Большинство имѣетъ самое превратное понятіе объ отношеніяхъ Энциклопедіи къ религіи, считаа ея орудіемъ пропаганды догматическаго атеизма. Неизвѣстно, былъ-ли Дидро въ это время атеистомъ, но въ Энциклопедіи нѣтъ и слѣдовъ атеизма и вся ея критика въ церковной сферѣ руководилась общественнымъ чувствомъ, стараясь подорвать гибельный авторитетъ елерикаловъ и водрузить во Франціи знамя терпимости. Ближайшимъ результатомъ вліянія энциклопедистовъ въ этой сферѣ было ослабленіе интереса къ чудесному и расширеніе области научныхъ понятій. Мысль секуляризировалась и люди начали съ довѣренностью смотрѣть въ будущее, основываясь на урокахъ прошлаго. Въ вступительной статьѣ въ Энциклопедіи, большая часть которой написана д'Аламберомъ, былъ данъ прекрасный очеркъ научнаго, литературнаго и умственнаго прогресса со времени возрожденія наукъ. Въ этой, по выраженію Морлея, — канонизаціи великихъ героевъ человѣческаго знанія читателю дается совершенно ясное понятіе о заслугахъ Бэкона, Декарта, Ньютона, Локка, Лейбница и о постепенномъ прогресѣ человѣческаго разума. Кромѣ того, какъ въ этой статьѣ, такъ и въ другихъ, Энциклопедія вооружалась противъ средневѣковой привычки слѣпного подчиненія авторитету и учила остерегаться скороспѣлой постройки системъ.

Дидро принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи статей для Энциклопедіи. Онъ написалъ около тысячи статей объ однихъ только ремеслахъ и техникѣ, потомъ составилъ множество статей по грамматикѣ, риторикѣ, пѣтикѣ, морали, политикѣ, археологіи, психологіи, метафизикѣ, логикѣ, эстетикѣ и, начиная съ третьяго тома, писалъ всѣ статьи по исторіи философіи. Въ журнальной статьѣ нѣтъ никакой возможности подробно говорить объ этихъ произведеніяхъ и мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ статьѣ объ академіяхъ онъ набросалъ идеаль академій, въ силу котораго онъ должны хлопотать прежде всего о

научномъ образованіи и борются какъ противъ положительнаго невѣжества, господствовавшаго съ такою силою въ вѣкъ схоластики, такъ и противъ ложнаго знанія и педантизма, развившихся послѣ возрожденія наукъ. „Это ложное знаніе или полу-знаніе заключается въ томъ, что люди, имѣя о наукѣ только самое поверхностное понятіе, считаютъ себя образованными учеными и дѣлаютъ видъ, что они постигли самыя глубокія научныя тайны. Другіе, углубившись въ одну науку и иногда даже достигнувъ въ ней важныхъ успѣховъ, впадаютъ въ гибельную односторонность и, ставя выше всего свою науку, если не презираютъ всѣ другія, то придаютъ имъ только второстепенное значеніе“. Эти люди, по мнѣнію Дидро, походятъ на того знаменитаго танцмейстера Марселя, который думалъ, что отъ его искусства зависитъ спасеніе общества и государства. Нашъ вѣкъ, говоритъ Дидро, — называютъ философскимъ, но его слѣдовало-бы скорѣе назвать вѣкомъ полу-знанія, чрезвычайно распространеннаго журналами и словарями, вліаніе которыхъ Дидро объясняетъ слѣдующимъ сравненіемъ. „Нѣкто желаетъ дождя для орошенія своего поля; вотъ образуется облако, оно растетъ, разрѣшается дождемъ и затопляетъ поле. Таковъ-же результатъ наводненія, произведеннаго журналами и словарями. Читатели ихъ желаютъ избавиться отъ скуки и сухости научныхъ занятій и пріобрѣсть знаніе шутя. Но что это за знаніе? вмѣсто соли земли, какою является небольшое число дѣйствительно ученыхъ людей, эта земля покрыта безчисленными легионами полу-знаекъ, недостойныхъ даже того, чтобы называться навозомъ, удобряющимъ ее“. Дидро обвиняетъ знаменитыхъ людей своего времени, что они предпочли серьезному тону шутильвивый, который въ-концѣ-концовъ наводитъ скуку и часто превращается въ пошлость. Люди одинаково легко привыкли относиться и къ серьезнымъ, и къ ничтожнымъ предметамъ, и тѣ, и другіе имъ служатъ только для забавы и шутки, для пріятнаго времяпрепровожденія этого выродившагося общества. Философы и академіи, по мнѣнію Дидро, съ своими основательными знаніями, должны объявить войну этому полу-знанію и низвергнуть въ пропасть позора и забвенія всѣ эти пустыя продукты нашего вѣка, какъ уже сброшены въ нее ничтожныя произведенія схоластики и педантизма, служившія предметами уваженія въ прежнія времена.

Для характеристики отношеній Энциклопедіи въ послѣдующихъ событіяхъ того вѣка мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о политическихъ статьяхъ Дидро. Идеаломъ его было представительство сословій, духовенства, военнаго, землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и купцовъ. Дидро не говоритъ ничего даже о раздѣленіи властей, необходимость котораго была выяснена уже Монтескье. Революцію Дидро отвергаетъ. „Если государь дѣлаетъ несправедливость, то нація должна оказывать покорность, потому что революція незаконна, она никогда не исправитъ государя, не отменить налоговъ и только къ тому несчастію, на которое уже жаловались, присоединитъ еще новое бѣдствіе“. Говоря о причинѣ частыхъ возмущеній и переворотовъ, Дидро объясняетъ ихъ тѣмъ, что люди подвержены дурнымъ страстямъ. „Корыстолюбіе, честолюбіе, сладострастіе, мстительность управляютъ ими. Тѣ, которые должны повелѣвать, дурно исполняютъ свою обязанность, а тѣ, которые должны повиноваться, часто еще хуже. Они ограничиваютъ королевскую власть и затѣмъ сами проникаются желаніемъ достигнуть деспотической власти. Однимъ словомъ, одни злоупотребляютъ властью, другіе — свободой...“

Кромѣ трудовъ по Энциклопедіи, у Дидро было постоянно на рукахъ множество другихъ литературныхъ работъ. Отъ Дидро осталось много діалоговъ и размышленій. Таковъ, напримѣръ, „Племянникъ Рамо“, портретъ, мастерски написанный Дидро съ натуры. Въ этомъ очеркѣ Дидро идеализировалъ дѣйствительную личность Рамо и изобразилъ типъ цѣлаго класса людей, которые, обладая талантами, злоупотребляютъ ими для своихъ низкихъ цѣлей, льстятъ богатымъ и знатымъ, чтобы хорошо поѣсть и попить у нихъ, доставляютъ имъ молоденькихъ дѣвицъ, составляютъ шайки воякеровъ въ театрахъ и концертахъ и живутъ какъ паразиты около своего милостивца, издѣваясь надъ нимъ за глаза. Тучный и напыщенный милостивецъ третируетъ ихъ какъ рабовъ, и когда Рамо рискнулъ однажды смѣть свое сужденіе имѣть, то его прогнали со словами: „тоже разсуждаетъ, скотина!“ Чтобы сильнѣе отгнать низость такого нравственнаго паденія, Дидро приписываетъ племяннику Рамо музыкальный талантъ и серьезное музыкальное образованіе; паразитъ Рамо становится на одномъ уровнѣ съ Дидро, когда начинаетъ разсуждать о высшихъ вопросахъ композиціи, и обнаруживаетъ страстную любовь къ му-

звѣтъ. Рамо, кромѣ того, превосходный актеръ; онъ одинаково хорошо играетъ и презрѣнныхъ рабовъ, и высокоумныхъ тирановъ. „Рамо, говоритъ Дидро, — одна изъ самыхъ оригинальныхъ фигуръ въ странѣ, которую Богъ обильно наградилъ ими. Онъ смѣсь возвышеннаго и низкаго, здраваго смысла и глупости; понятія о добрѣ и злѣ пережѣшаны въ его головѣ самымъ страннымъ образомъ, и онъ обнаруживаетъ добрыя свойства, которыми природа надѣлила его, безъ всякаго тщеславія, а дурныя безъ малѣйшаго стыда. Вдобавокъ ко всему, онъ одаренъ мощнымъ корпусомъ, особенно живымъ воображеніемъ и необыкновенною силою легкихъ. Если вамъ когда-нибудь случится встрѣтиться съ нимъ, то вы или заткнете пальцами свои уши, или постараетесь скорѣе улепетнуть отъ него. Боже мой, какая чудовищная пасть! Его нельзя сравнить ни съ чѣмъ. То онъ худощавъ и блѣденъ, какъ больной въ послѣдней степени истощенія, и вы можете пересчитать сквозь его щеки его зубы, можете подумать, что онъ нѣсколько дней ничего не ѣлъ или только-что выпелъ отъ трапистовъ. Но черезъ мѣсяць онъ бодръ и прилизанъ, какъ-будто все это время сидѣлъ за банкирской конторкой или жилъ въ монастырѣ бернардиновъ. Сегодня онъ въ грязномъ бѣльѣ, его платье разорвано или заплатано, сапогъ на одной только ногѣ и онъ пробирается съ поникшею головой, такъ-что вы, пожалуй, готовы облить его и сунуть ему франкъ. На-завтра-же онъ напудренъ, завить, въ хорощемъ платьѣ, идетъ съ поднятою головой и открытымъ видомъ, такъ-что вы готовы принять его за порядочнаго человѣка. Первою его заботою, когда онъ встаетъ по утру, является мысль, гдѣ онъ будетъ обѣдать; послѣ обѣда-же онъ начинаетъ думать, гдѣ-бы поужинать. Ночь тоже приноситъ свои заботы. Онъ или забирается на какой-нибудь пустой чердакъ, или идетъ въ таверну въ какомъ-нибудь городскомъ предмѣстьѣ и ждетъ тамъ разсвѣта надъ коркою хлѣба и пивной кружкой. Когда у него нѣтъ въ карманѣ ни гроша, какъ это иногда случается, то онъ помѣщается въ наемной каретѣ, принадлежащей другу, или обращается въ кучеру знатнаго барина, который пускаетъ его спать на соломѣ вмѣстѣ съ лошадыи. Утромъ онъ еще носить въ своихъ волосахъ слѣды своего ложа. Если погода хороша, то цѣлую ночь онъ шатается по Елисейскимъ полямъ.

Утромъ онъ вновь появляется въ городѣ, одѣтый еще съ ночи, а иногда и съ утра, на всю остальную недѣлю“.

Этотъ типъ является Мефистофелемъ XVIII вѣка, продуктомъ порчи французскаго общества. Вотъ, наприимѣръ, какой разговоръ ведетъ Рамо съ Дидро.

„Онъ. Прежде, бывало, подѣ предлогахъ музыкальныхъ уроковъ я воровалъ у учениковъ деньги.

„Я. И вы воровали безъ угрызенія совѣсти?

„Онъ. Конечно, безъ угрызенія. Пословица говоритъ, что если воръ обкрадываетъ вора, то чортъ смѣется. Родители были готовы лопнуть отъ богатства, которое досталось имъ Богъ знаетъ какими путями. Это были люди, терпіеся при дворѣ, финансисты, крупные комерсанты, банкиры. Я помогаль имъ облегчиться рвотю, — я и всѣ другіе, которые служили имъ. Въ природѣ всѣ виды животныхъ пожирають другъ друга, всѣ классы общества тоже пожирають другъ друга. Мы должны наказывать однихъ за другихъ безъ всякаго вмѣшательства. Прежде Дешампъ, а теперь Гимаръ мститъ государю за финансистовъ, а портной, ювелиръ, обойщикъ, чулочникъ, суконщикъ, горничная, поваръ, сѣдельникъ мстятъ финансисту за Дешампа. Въ концѣ концовъ только дуракъ или какой-нибудь лежебокъ терпитъ несправедливость, не причиняя ея въ свою очередь.

„Я. Я удивляюсь вамъ.

„Онъ. А бѣдность? Голосъ совѣсти и чести страшно слабъ, когда кричить брюхо. Достаточно сказать, что если я когда-нибудь сдѣлаюсь богатъ...

„Я. Боюсь, едва-ли вы когда будете богаты.

„Онъ. Я самъ подозрѣваю это.

„Я. Но если-бы это случилось, что тогда?

„Онъ. Я былъ-бы самымъ нахальнымъ самодуромъ, какого когда-либо видывали! Я собралъ-бы всѣхъ, отъ которыхъ только доставалось мнѣ, и оплатилъ-бы имъ съ хорошими процентами за все, что только они сдѣлали мнѣ. Я люблю повелѣвать, и я буду повелѣвать. Я люблю похвалы, и я заставлю ихъ хвалить себя. Я буду содержать цѣлую толпу льстецовъ, паразитовъ и шутовъ и буду говорить имъ, какъ они говорили мнѣ: „ну, канальи, забавляйте меня“, и меня будутъ забавлять; „разорвите въ клочки честнаго человѣка“, и они разорвутъ въ клочки, если

только смогут найти честнаго человѣка. Мы будемъ веселиться за своими чашами, будемъ предаваться порокамъ и самодурствамъ всякаго рода; это будетъ великолѣпно. Мы докажемъ, что у Вольтера нѣтъ генія, что Бюффонъ, вѣчно взбирающійся на ходули, только пустой декламаторъ, что Монтескье не болѣе, какъ человѣкъ, обладающій крошечкой таланта, и прогонимъ д'Аламбера къ его заплесневѣвшей математикѣ.

„Я. Если вы такъ достойно распорядились-бы своими богатствами, то я очень сожалѣю, что вы нищій. Вы повели-бы образъ жизни, вполне достойный рода человѣческаго, вполне полезный вашимъ согражданамъ и вполне почетный для васъ самихъ.“

„Онъ. Вы смѣтаете надо мной, г. философъ! Но вы не знаете, надъ кѣмъ смѣтаете! Вы и не подозреваете, что въ настоящую минуту я служу представителемъ самой важной части города и двора. Наши миліонеры всѣхъ сортовъ, говорили или не говорили про себя то-же самое, что я сейчасъ говорилъ вамъ, но фактъ тотъ, что жизнь, какую я повелъ-бы, совершенно одинакова съ ихъ жизнью. Вы думаете, что одинъ и тотъ-же родъ счастья назначенъ всѣмъ? Странное заблужденіе! У васъ извѣстный романтическій духъ, котораго мы не знаемъ, оригинальный характеръ, особенный вкусъ. Вы все это читаете подъ именемъ философіи, но позвольте, для всѣхъ-ли существуютъ добродѣтель и философія? Ихъ имѣетъ только тотъ, кто можетъ усвоить ихъ. Вообразите весь міръ мудрымъ и философскимъ, и согласитесь, что онъ былъ-бы дьявольски мрачнымъ мѣстомъ. Пить хорошія вина, набивать желудокъ вкусными яствами, предаваться покою и отдыху,—всѣмъ этого все остальное, рѣшительно все, пустяки и душевное безпокойство!

„Я. А защищать свою родину?

„Онъ. Пустяки! никакой родины болѣе нѣтъ: отъ одного люда до другого я вижу только тирановъ да рабовъ.“

„Я. А помогать друзьямъ?

„Онъ. Пустяки! У кого есть друзья? А если есть, то должны-ли мы дѣлать ихъ неблагодарными? Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что это только вы и дѣлаете, оказывая имъ услуги. Благодарность есть бремя, а бремя для того только и существуетъ, чтобы старались избавиться отъ него.“

„Я. А искать себѣ положенія въ обществѣ и исполнять свои обязанности?

„Онъ. Пустяки! Что за важность, имѣете-ли вы положеніе или нѣтъ, коль скоро вы богаты и искали этого положенія для того, чтобы быть богатымъ? Исполнять свою обязанность, но для чего? Чтобы возбуждать зависть, смуты, преслѣдованія? Этимъ-ли путемъ успѣваютъ? Нѣтъ, слѣдуетъ видаться съ вельможами, льстить имъ, изучать ихъ вкусъ, преклоняться предъ ихъ фантазіями, восхвалять ихъ несправедливость—вотъ въ чемъ секретъ.

„Я. А наблюдать за воспитаніемъ своихъ дѣтей?

„Онъ. Опять-же пустяки! Это дѣло учителя.

„Я. Но если учитель, усвоивъ себѣ ваши принципы, не исполняетъ своихъ обязанностей, то кто поплатится за то?

„Онъ. Ужъ ни въ какомъ случаѣ не я, а вѣрнѣе всего—мужъ моей дочери или жена моего сына.

„Я. Но предположите, что оба они погрязнутъ въ пороки и развратъ.

„Онъ. Что-жъ, это естественно въ ихъ положеніи!

„Я. Предположите, что они навлекутъ на себя безчестіе.

„Онъ. Если только вы богаты, то никогда не навлечете на себя безчестія, что-бы вы ни дѣлали.

„Я. Но если они разорятся?

„Онъ. Тѣмъ хуже для нихъ!

„Я. Вы не будете обращать большого вниманія на вашу жену?

„Онъ. Ни малѣйшаго, если вамъ угодно! Я думаю, лучшее удовольствіе, какое только мужъ можетъ доставить своей дражайшей половинѣ, состоитъ въ дозволеніи ей дѣлать, что угодно. Думаете-ли вы, что общество было-бы столь привлекательнымъ, если-бы каждый въ немъ обращалъ постоянно вниманіе на свои дѣла?

„Я. Почему-же нѣтъ? Вечеръ никогда мнѣ такъ не пріятенъ, какъ послѣ утра, которымъ я остался доволенъ.

„Онъ. И я также.

„Я. Что дѣлаютъ свѣтскихъ людей столь лакомыми въ ихъ удовольствіяхъ, такъ это ихъ полная праздность.

„Онъ. Пожалуйста, не думайте этого: у нихъ множество заботъ.

„Я. Такъ-какъ они никогда не утомляются, то никогда и не наслаждаются отдыхомъ.



„Онъ. Не предполагайте и этого. Они постоянно измучены.

„Я. Наслажденіе для нихъ служить занятіемъ, а вовсе не удовлетвореніемъ потребности. Ихъ духъ тупѣетъ, свѣта удручаетъ ихъ. Я не пренебрегаю удовольствіями чувствъ, у меня есть небо, которому нравится хорошее кушанье и тонкое вино, у меня есть глаза и сердце и я люблю смотрѣть на красивую женщину. По временамъ веселая компанія друзей не неприятна мнѣ. Но не сврою отъ васъ, что мнѣ безконечно пріятнѣе помочь несчастному, подать спасительный совѣтъ, кончить какое-нибудь трудное дѣло, прочесть хорошую книгу, прогуляться съ мужчиной или съ женщиной, дорогими для меня, провести поучительный часъ съ моими дѣтьми, написать хорошую страницу, сказать любимой женщинѣ вѣжное слово, которое заставитъ ее обнять меня. Мнѣ извѣстны дѣйствія, за которыя я отдалъ-бы все, что имѣю, чтобы только быть въ состояніи совершить ихъ. „Магометъ“ прекрасная пьеса, но я во сто разъ сильнѣе хотѣлъ-бы оказать справедливость памяти Каласа“.

Въ послѣднихъ строкахъ Дидро излагаетъ свою теорію „умѣренного, разумнаго эгоизма“, между тѣмъ какъ идеи Рамо являются моралью дряннаго софиста XVIII вѣка, употребляющаго всѣ силы своего ума, чтобы подорвать тѣ основы, на которыхъ покоится воспитавшее его общество, выродившееся до того, что не замѣчаетъ даже, какъ оно совершаетъ надъ собою актъ самоубійства...

Изъ другихъ діалоговъ Дидро мы возьмемъ еще „Бесѣду отца съ своими дѣтьми“. Почтенный и любимый отецъ Дидро сидитъ въ креслѣ передъ каминомъ въ средѣ двухъ своихъ сыновей и дочери и рассказываетъ имъ, какъ однажды онъ чуть было не погубилъ ихъ наслѣдства. Умеръ одинъ старый священникъ, оставивъ послѣ себя значительное состояніе. Всѣ думали, что завѣщанія вѣтъ и что имущество должно перейти къ ближайшимъ родственникамъ, людямъ бѣднымъ, и спасти ихъ отъ нищеты. Эти родственники назначили старшаго Дидро для наблюденія за ихъ интересами и раздѣленія между ними наслѣдства. Но Дидро совершенно неожиданно, въ старомъ ящикѣ, среди писемъ, рецептовъ и другихъ негодныхъ бумагъ, нашелъ давно уже составленное, но, вѣроятно, забытое священникомъ завѣщаніе, по которому все наслѣдство должно было перейти къ одному богатому париж-

скому книгопродавцу. Не было никакого сомнѣнія, что старый патерь забылъ объ этомъ завѣщаніи и такимъ образомъ допустилъ совершиться возмутительной несправедливости. Не исполнить-ли Дидро дѣйствительно желаніе покойника, если бросить это завѣщаніе въ огонь?

Въ этотъ моментъ разсказа въ комнату входитъ докторъ и бесѣда прерывается. Докторъ говоритъ, что онъ сейчасъ былъ у больного преступника, присужденнаго къ висѣлицѣ. Дидро младшій начинаетъ упрекать его, что онъ хлопочетъ о продленіи жизни чловѣка, котораго слѣдовало-бы поскорѣе отпратить въ могилу. Медикъ обязанъ сказать подобному пациенту: „умирай, и пусть не говорятъ, что, благодаря моему искусству, на землѣ однимъ чудовищемъ больше“. Докторъ опровергаетъ это мнѣніе замѣчаніемъ: „я обязанъ лечить, а не судить; я долженъ лечить его, потому что это мое дѣло, а потомъ судья повѣситъ его, это ужъ его дѣло“.

Послѣ этого эпизодическаго перерыва продолжается разсказъ отца, который въ то время, какъ готовъ былъ сожечь завѣщаніе, почувствовалъ нѣкоторую тревогу совѣсти и отправился посоветоваться къ приходскому священнику, искусному въ казуистикѣ. Священникъ сказалъ ему:

„— Ваши чувства состраданія къ этимъ несчастнымъ людямъ выше всякой похвалы. Уничтожить завѣщаніе и помочь имъ — доброе дѣло, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы уплатить законному наследнику ни болѣе, ни менѣе, какъ ту сумму, какой вы лишите его. Кто уполномочилъ васъ давать санкцію документамъ или лишать ихъ ея? Кто уполномочивалъ васъ истолковывать намѣренія покойника?“

„— Но старый ящикъ, отецъ Буенъ?“

„— Кто уполномочивалъ васъ рѣшать, было-ли брошено въ него завѣщаніе преднамѣренно или попало случайно? Развѣ не случилось съ вами что-нибудь подобное, развѣ не случилось вамъ находить на днѣ какого-нибудь ящика важную бумагу, которую вы въ разсѣянности засунули въ него?“

„— Но, отецъ Буенъ, давность завѣщанія и его несправедливость?“

„— Кто уполномочилъ васъ судить о справедливости или несправедливости документа и считать завѣщанное несправедливымъ да-

ромъ, а не какою-нибудь уплатою или другимъ законнымъ актомъ, какой только вы можете себя представить?

„— Но эти бѣдные родственники, жившіе въ одномъ съ нимъ мѣстѣ, и тотъ дальній богатый родственникъ?

„— Кто уполномочивалъ васъ судить о томъ, чѣмъ покойникъ былъ обязанъ этому дальнему родственнику, котораго вы не знаете?

„— Но, отецъ Буенъ, эта груда писемъ отъ наслѣдника, которыхъ покойникъ не хотѣлъ даже распечатывать?

„— Дѣло идетъ ни о старомъ ящикѣ, ни о давности завѣщанія, ни о письмахъ, ни объ отцѣ Буенѣ, ни о *если*, ни о *но*. Никто не имѣетъ права нарушать законы, входить въ намѣренія покойника или распоряжаться чужою собственностью. Если Провидѣніе рѣшило наказать или наслѣдниковъ по закону, или наслѣдника по завѣщанію, или завѣщателя, — мы не можемъ сказать, кого изъ нихъ именно, — посредствомъ случайнаго сохраненія завѣщанія, то послѣднее должно оставаться въ силѣ“.

Дидро вооружается противъ всего этого съ своею обычной горячностью, а его братъ, аббатъ, стоитъ за безусловное уваженіе закона. Въ это время входитъ сосѣдній поденьщикъ, и представляется новый случай для разсужденій о правѣ и нравственности. Жена его умерла послѣ 20-ти-лѣтней болѣзни, и въ эти 20 лѣтъ онъ истратилъ на ея леченіе все, что онъ могъ-бы сберечь себѣ на старость. Но ея приданое осталось нетронутымъ и по закону должно перейти къ ея родственникамъ. По справедливости, эти деньги должны поступить къ нему, и онъ спрашиваетъ совѣта у собесѣдниковъ. Одинъ совѣтуетъ взять деньги, другой говоритъ, что это противозаконно, третій думаетъ, что онъ прекрасно сдѣлаетъ, если вознаградитъ себя за расходы на леченіе жены. Отецъ Дидро кричитъ, что это наслѣдство не пойдетъ ему впрокъ. — „Нѣтъ, восклицаетъ вдругъ поденьщикъ, — я отправлюсь въ Женеву!“ — „Неужели ты думаешь, что упреки совѣсти останутся здѣсь?“ — „Не знаю, только я отправлюсь въ Женеву“. — „Ступай куда хочешь, но твоя совѣсть всюду найдетъ тебя“. — Поденьщикъ ушелъ. Его странный отвѣтъ сдѣлался предметомъ разговора. „Мы соглашались, что, можетъ быть, разстоянія мѣста и времени могутъ ослаблять болѣе или менѣе всѣ чувствованія и заглушать голосъ совѣсти, даже въ случаѣ крупнаго преступленія. Убийца, перенесенный на берега Китая, будетъ слишкомъ далеко,

чтобы чувствовать близость трупа, который онъ оставилъ на берегахъ Сены истекающимъ кровью. Упреки совѣсти зависятъ, можетъ быть, менѣе отъ страха самого себя, чѣмъ отъ боязни другихъ, менѣе отъ стыда за свой поступокъ, чѣмъ отъ позора и наказанія, имѣющихъ послѣдовать за его открытіемъ. Тайный преступникъ боится, что ему измѣнить какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство или необдуманное слово. Можетъ-ли быть онъ увѣреннымъ, что его тайна не откроется въ горячечномъ бреду или во снѣ! Его поняли-бы, если-бы онъ оставался на мѣстѣ преступленія, но въ Китаѣ люди не имѣли-бы влеча къ его словамъ“.

Затѣмъ были рассказаны еще двѣ исторіи. Въ одной изъ нихъ честный башмачникъ въ Мессинѣ, опечаленный беззаконіями и всевозможными преступленіями, которыя оставались безнаказанными, благодаря продажности судей, составилъ планъ мщенія. Онъ учредилъ въ своей мастерской секретный судъ, выслушивалъ свидѣтелей, произносилъ приговоръ и отправлялся выполнять его съ ружьемъ, спрятаннымъ подъ платьемъ. Послѣ того, какъ онъ казнилъ такимъ образомъ около 50 преступниковъ, вице-король опредѣлилъ награду въ 2,000 кронъ тому, кто откроетъ убійцу этихъ казненныхъ, и поклялся передъ алтаремъ, что убійца будетъ вполне прощенъ, если явится самъ. Башмачникъ явился самъ и сказалъ: „я сдѣлалъ то, что были обязаны сдѣлать вы. Я осудилъ и предалъ смерти злодѣевъ, которыхъ должны были казнить вы. Вотъ вамъ доказательства ихъ преступленій. Изъ нихъ вы увидите судебный процессъ, которому я слѣдовалъ. Я хотѣлъ-было начать съ васъ, но я уважалъ въ вашемъ лицѣ августѣйшаго государя, котораго вы представляете. Моя жизнь въ вашихъ рукахъ, полагайте ея, какъ найдете справедливымъ“. Аббатъ былъ того мнѣнія, что башмачникъ, несмотря на его ревность къ справедливости, просто убійца. Дидро протестовалъ, но его отецъ высказался за мнѣніе аббата. Когда-же отецъ отправился спать, то Дидро шепнулъ ему на ухо: „строго говоря, батюшка, нѣтъ законовъ для мудраго. Всякое правило имѣетъ исключеніе, и дѣло мудраго рѣшать, въ какихъ случаяхъ онъ долженъ подчиняться законамъ и въ какихъ нарушать ихъ“. — „Я не беспокоился-бы, отвѣчалъ отецъ,—если-бы здѣсь въ городѣ былъ одинъ или два такихъ гражданина, какъ ты, но я ни за что не остался-бы жить здѣсь, если-бы всѣ думали такимъ образомъ“.

Этотъ діалогъ, очевидно, направленъ противъ тогдашняго разложившагося французскаго общества, въ которомъ іезуиты и юристы выработали цѣлую систему софизмовъ, оправдывавшихъ нарушеніе строгихъ правилъ морали и справедливости. Но въ то-же время Дидро высказывается и противъ стариннаго римскаго принципа: „пусть гибнетъ міръ, лишь-бы торжествовало правосудіе“. Еще болѣе замѣчательнъ діалогъ, озаглавленный „Дополненіе къ путешествіямъ Бугенвиля“. Бугенвиль былъ первый французъ, совершившій плаваніе вокругъ свѣта. Его путешествіе вышло въ 1771 г., и картина жизни среди первобытныхъ дикарей южнаго моря оказалась какъ нельзя болѣе подходящею къ тогдашнимъ стремленіямъ къ природѣ и естественному состоянію. Ею былъ тронутъ въ особенности Руссо, Дидро же воспользовался ею для того, чтобы заставить разсуждать отаитянина съ европейцемъ о нашей моногаміи и нерасторжимомъ бракѣ. Въ лицѣ этого отаитянина Дидро сдѣлалъ блестящій анализъ отношеній, неизбѣжно вытекающихъ изъ господствующей въ Европѣ брачной формы.

Романъ „La Religieuse“ написанъ увлекательно, и негодованіе, возбужденное имъ противъ тогдашнихъ католическихъ монастырей, было громадно, но, благодаря своему патологическому сюжету, онъ попалъ въ число книгъ, которыя можно читать не всякому. Другой романъ Дидро, „Жакъ Фаталистъ“, можно читать всякому. Господинъ и слуга путешествуютъ и, останавливаясь въ гостинницахъ, бесѣдуютъ другъ съ другомъ, съ хозяевами и съ другими путешественниками, причемъ разсказы ихъ то-и-дѣло прерываются какими-нибудь случаемъ или вопросомъ собесѣдника. Господинъ неразлученъ съ своимъ слугою, Жакомъ, который и доказываетъ, что судьба связала ихъ такимъ образомъ, что онъ въ сущности является не слугою, а бариномъ своего барина, что безъ него баринъ погибъ-бы, такъ-какъ не даромъ-же о нихъ сложилась поговорка: „Жакъ руководитъ своимъ бариномъ“. Однажды между ними произошла бурная сцена по поводу того, что баринъ велѣлъ Жаку отправляться спать въ нижній этажъ и оставить его одного; они продолжали кричать другъ другу: „ты спустишься“, — „нѣтъ, не спущусь“ до тѣхъ поръ, пока въ дѣло не вѣшалась трактирщица и не повела Жака подъ руку. Но едва онъ вышелъ за порогъ, какъ баринъ, тронутый его покорностью, бросается за

нимъ со слезами на глазахъ. обнимаетъ его и трактирщицу, ведетъ назадъ своего друга Жака и общается, что сегодняшній случай никогда больше не повторится. Весь романъ состоитъ изъ множества разсказовъ, вся прелесть которыхъ рѣшительно улетучивается въ сокращенномъ изложеніи, подробная-же передача ихъ заняла-бы слишкомъ много мѣста. Разсказы эти ничѣмъ не связаны между собой и романъ не имѣетъ никакой общей тенденціи, кромѣ развѣ той, что вѣра Жака въ предопредѣленіе опровергается на каждомъ шагѣ разными случаями.

Еще въ юности Дидро началъ бороться противъ ходульнаго псевдо-классицизма, а впослѣдствіи своею театральною критикою и своими драматическими произведеніями („Отецъ семейства“, „Побочный сынъ“ и т. д.) онъ еще болѣе подорвалъ классическіе авторитеты и, введя на сцену трогательную комедію и домашнюю трагедію, вывелъ французскій театръ на путь реализма, хотя и не могъ окончательно освободиться отъ фальшивой морализаціи и слезливости. Какъ въ своихъ опытахъ по драматургіи, такъ и въ критическихъ статьяхъ о музыкѣ и живописи Дидро требовалъ прежде всего естественности. Тогдашніе французы давно уже потеряли вкусъ къ красотамъ „неукрашенной“ природы, Дидро-же стремился къ природѣ, какъ она есть, и къ изученію народной жизни въ ремесленникахъ, крестьянахъ, рыбакахъ, охотникахъ, нищихъ. При такой склонности Дидро понятно, что онъ, вопреки своимъ современникамъ, относился къ Шекспиру съ какимъ-то боязливымъ удивленіемъ. „Я не буду сравнивать Шекспира. писалъ онъ,—ни съ Аполономъ Бельведерскимъ, ни съ капитолійскимъ гладиаторомъ или Антиноемъ, но сравню со святымъ Христофоромъ въ „Notre Dame“, колоссомъ, который безобразенъ и безвкусенъ, но между ногами котораго мы можемъ свободно пройти“.

Что-же касается философскихъ взглядовъ Дидро, то, измѣняясь втеченіи долгихъ лѣтъ, они окончательно сформировались около 1770 г., когда былъ напечатанъ его знаменитый „Разговоръ съ д'Аламберомъ“. Дидро держался того мнѣнія, что всѣ элементы природы обладаютъ извѣстною чувствительностію, которой д'Аламберъ не допускалъ, замѣчая, что въ такомъ случаѣ и камень долженъ былъ-бы чувствовать.

„Дидро. Почему-же и нѣтъ? Чувствительность похожа на дви-  
„Дѣло“, № 12, 1877 г.

женіе. Движенія одинаковы и въ подвижныхъ, и въ неподвижныхъ тѣлахъ. Уничтожьте препятствіе, мѣшающее мѣстному передвиженію неподвижнаго тѣла, и оно переимѣнитъ мѣсто. Отнимите внезапно воздухъ, окружающій этотъ огромный дубовый стволъ, и находящаяся въ немъ вода разорветъ его на тысячу обломковъ. То-же самое было-бы и съ вашимъ собственнымъ тѣломъ.

„Д'Аламберъ. Можетъ быть. Но что-же за связь между движеніемъ и чувствительностью? Можетъ быть, вы признаете дѣятельную и недѣятельную чувствительность, какъ есть живая сила и мертвая сила; живая, которая обнаруживается перемѣщеніемъ, и мертвая, которая обнаруживается давленіемъ; можетъ быть, по-вашему, дѣятельная чувствительность характеризуется извѣстными дѣйствіями, замѣчаемыми въ животномъ и, можетъ быть, въ растеніи, а въ недѣятельной чувствительности можно убѣдиться при переходѣ ея въ состояніе дѣятельной чувствительности.

„Дидро. Прекрасно. Именно такъ.

„Д'Аламберъ. Такимъ образомъ, природа имѣетъ только недѣятельную чувствительность, а человекъ, животное, можетъ быть, даже растеніе, одарены дѣятельною чувствительностью. Но я не понимаю, какимъ образомъ можно переводить тѣло изъ состоянія недѣятельной чувствительности въ состояніе дѣятельной.

„Дидро. Это явленіе случается, когда вы ѣдите, потому что что вы тогда дѣлаете? Вы устраняете препятствіе, которое встрѣчаетъ чувствительность питательныхъ веществъ. Вы уподобляете ихъ себѣ, вы дѣлаете изъ нихъ мясо, вы анимализируете ихъ, дѣлаете чувствительными. То-же самое я могу сдѣлать съ иракоромъ. Я сдѣлаю его съвдомымъ. Я превращаю кусокъ мрамора въ порошокъ. Сдѣлавъ его нечувствительною пылью, я мѣшаю эту пыль съ черноземомъ или растительной землей, перемѣшиваю ихъ вмѣстѣ, поливаю водой, даю ей гнить годъ, два года, цѣлое столѣтіе, потому что время для меня неважно. Когда изъ всего этого выйдетъ почти однообразная масса, то знаете-ли вы, что я сдѣлаю съ нею?

„Д'Аламберъ. Конечно, вы не будете ѣсть эту землю.

„Д. Конечно. Но между мной и землей возможно соединеніе, усвоеніе.

„Д. А. Посредствомъ растенія?

„Д. Прекрасно. Я сѣю на этой землѣ горохъ, бобы, капусту,

растения питаются землею, а я питаюсь растениями. Таким образом, я произвожу чувствительную материю и если не рѣшаю поставленной вами задачи, то, по крайней мѣрѣ, значительно приближаюсь къ ней, такъ-какъ вы, конечно, согласитесь, что отъ куска мрамора до чувствующаго существа гораздо дальше, чѣмъ отъ существа, которое чувствуетъ, до существа, которое думаетъ.

„Д'А. Конечно. Но вѣдь чувствующее существо не есть еще существо думающее.

„Д. Можете-ли вы мнѣ сказать, въ чемъ заключается бытіе чувствующаго существа относительно его самого?

„Д'А. Въ убѣжденіи, что съ первой минуты его жизни оно было всегда самимъ собой, всегда однимъ и тѣмъ-же. Это убѣжденіе основывается на воспоминаніи о своихъ дѣйствіяхъ. Безъ этого воспоминанія оно не было бы самимъ собой, потому что если бы оно чувствовало свое бытіе только въ самый моментъ впечатлѣнія, то вовсе не имѣло-бы исторіи своей жизни.

„Д. Очень хорошо. А что такое память чловѣка? Откуда она?

„Д'А. Изъ извѣстной организаціи, которая растетъ, уменьшается, иногда вдругъ исчезаетъ.

„Д. Такимъ образомъ, если существо чувствующее, организованное для памяти, соединяетъ получаемое имъ впечатлѣніе, составляетъ посредствомъ этого соединенія исторію, т. е. исторію своей жизни, и достигаетъ самосознанія, то оно воспринимаетъ, утверждаетъ, умозаключаетъ, думаетъ.

„Д'А. Но вотъ главное затрудненіе: мнѣ кажется, что за одинъ разъ мы можемъ думать только объ одной вещи, а между тѣмъ не только для длиннаго ряда какихъ-нибудь выводовъ, обнимающаго тысячи идей, но даже для составленія простого предложенія намъ нужны двѣ вещи — предметъ, занимающій прежде всего нашъ умъ, и то опредѣленіе или свойство, которое умъ стремится приложить къ нему или отнять у него.

„Д. Я думаю такъ-же, поэтому я и сравнивалъ иногда нити нашихъ органовъ съ чувствительными, колеблющимися струнами. Тронутая струна дрожитъ и звучитъ долго послѣ того, какъ была тронута. Это дрожаніе, этотъ родъ необходимаго отзвука, именно и сохраняетъ передъ нами присутствіе предмета въ то время,



когда разумъ занятъ принадлежащими ему свойствами. Но дрожащая струна можетъ еще производить сотрясеніе въ другихъ струнахъ. Точно такъ первая мысль вызываетъ вторую, отъ нихъ отражается третья, а всѣ онѣ вмѣстѣ образуютъ четвертую и т. д., такъ-что невозможно опредѣлить границу пробужденныхъ и соединенныхъ мыслей у мыслителя, который размышляетъ или въ тихомъ молчаніи отдается самому себѣ. Этотъ инструментъ дѣлаетъ изумительные скачки и разъ возбужденная мысль производитъ иногда гармонію, далеко лежащую отъ нея. Если это явленіе наблюдается на мертвыхъ разъединенныхъ струнахъ, то почему-бы оно не могло имѣть мѣста между живыми, соединенными между собой и чувствительными нитями?

„Д'А. Если это и несправедливо, то очень умно. Но вы впадаете здѣсь въ противорѣчіе, котораго хотите избѣжать, — въ различіе двухъ субстанцій. Если взглянуть ближе, то вы дѣлаете изъ ума мыслителя существо, отличное отъ инструмента, что-то вродѣ музыканта, который, прислушиваясь къ сотрясеннымъ струнамъ, судить о ихъ созвучіи и диссонансѣ.

„Д. Вы забываете различіе философскаго инструмента отъ струннаго. Философскій инструментъ чувствителенъ, это инструментъ и музыкантъ вмѣстѣ. Благодаря своей чувствительности, онъ имѣетъ моментальное сознаніе тона, имъ производимаго; благодаря анимальности, онъ имѣетъ память о немъ. Эта органическая способность соединяетъ тоны въ самой себѣ, она производитъ мелодію и сохраняетъ ее. Дайте фортепьяно чувствительность и память, и скажите, развѣ оно, сдѣлавшись сознательнымъ, не будетъ повторять тѣхъ арій, которыя вы играете на немъ? Мы — инструменты, одаренные чувствительностью и памятью. Наши чувства — тѣ-же клавиши, по которымъ ударяетъ окружающая насъ природа и которые часто ударяютъ сами себя... Видите-ли вы это яйцо? Имъ можно разрушить всѣ школы философовъ!.. Что такое это яйцо? До своего оплодотворенія это — безчувственная масса. Чѣмъ-же оно дѣлается послѣ оплодотворенія? Тоже безчувственной массой, потому что и сѣмя есть только мертвая и грубая жидкость. Какимъ-же образомъ эта масса переходитъ къ другой организаціи, къ чувствительности, къ жизни? Посредствомъ теплоты. Что производитъ теплота? Движеніе. Что такое эти постепенныя дѣйствія движенія? Сначала это — движущаяся точка,

маленькая нить, которая растягивается и окрашивается, затѣмъ изъ этого образуется мясо, носикъ, крылья, глаза, когти, желтоватая матерія, которая отдѣляется и производитъ внутренности; получается животное. Животное движется, кричитъ, я слышу сквозь скорлупу его голось, оно покрывается пушкомъ, оно видитъ. Тяжесть его колеблющейся головы постоянно наталкиваетъ его носикъ на стѣну его темницы, наконецъ, стѣна пробита, оно выходитъ на свободу, идетъ, летитъ, бѣжитъ, падаетъ, подходитъ ближе, жалуется, страдаетъ, любитъ, стремится, радуется. Вамъ необходимо принять одно изъ двухъ: или что въ недѣлительной массѣ яйца скрытъ элементъ, только ожидающій развитія. чтобы обваружить свое бытіе, или-же что элементъ этотъ проникъ сквозь скорлупу въ извѣстный моментъ развитія. Но что-же это за элементъ? Занималъ онъ пространство или нѣтъ? Пришелъ онъ или ушелъ безъ движенія, порожденъ-ли онъ въ минуту потребности или уже существовалъ равьше? Если онъ былъ одинаковъ, то онъ былъ матеріальный, если-же не одинаковъ, то нельзя понять ни его бездѣйствія передъ развитіемъ, ни его энергіи въ развитшемся животномъ... Итакъ, спокойной ночи, мой другъ; не забывайте, что такъ-какъ вы прахъ, то и обратитесь въ прахъ.

„Д'А. Это печально!

„Д. Но неизбежно!“

Розенкранцъ называетъ этотъ діалогъ „увертюрой къ оперѣ: Сонъ д'Аламбера“. Вслѣдствіе вышеприведенной бесѣды съ Дидро д'Аламберъ проводитъ безпокойную ночь. Онъ говоритъ въ полуснѣ, а сидящая около него подруга Эспинасъ записываетъ его слова, чтобы показать ихъ доктору.

Д'Аламберъ говоритъ: „Живая точка! Нѣтъ, я ошибаюсь. Сначала ничего, а потомъ живая точка. Къ этой живой точкѣ присоединяется другая, третья и т. д., и является существо. (Что съ вами, мой другъ? спрашиваетъ Эспинасъ, — спите!)“. Д'Аламберъ умолкаетъ, но черезъ нѣсколько времени снова начинаетъ говорить о зернахъ и кускахъ мяса, которые онъ положилъ въ воду, и о различныхъ родахъ животныхъ, которые на его глазахъ появлялись и исчезали въ этой водѣ. Онъ смотрѣлъ въ кулакъ своей правой руки, какъ въ микроскопъ, и говорилъ: „Вольтеръ можетъ смѣяться сколько ему угодно, но Нидгамъ правъ. Я вѣрю

своимъ глазамъ, я вижу угорьковъ, о, сколько ихъ!“ Сосудъ, въ которомъ онъ видѣлъ столько новыхъ поколѣній, живущихъ только какое-нибудь одно мгновение, онъ сравниваетъ со вселенной. Въ каплѣ воды онъ созерцаетъ исторію міра и говоритъ: „въ этой каплѣ все совершается и происходитъ въ одно мгновение, между тѣмъ какъ въ мірѣ то-же самое явленіе продолжается нѣсколько долѣе, но что значитъ наше бытіе сравнительно съ вѣчностью? Меньше, чѣмъ капля, которую я держу на кончикѣ иглы, въ сравненіи съ безграничнымъ пространствомъ, которое окружаетъ насъ. Безконечный рядъ маленькихъ животныхъ въ атомѣ и такой-же безконечный рядъ животныхъ въ другомъ атомѣ, называемомъ землею. Кто знаетъ предшествовавшіе намъ роды животныхъ? Кто знаетъ животныхъ, которыя будутъ слѣдовать за нынѣшними? Все измѣняется, все проходитъ, остается только цѣлое. Свѣтъ постоянно начинается и кончается. Каждое мгновение онъ находится въ состояніи своего начала и своего конца. Въ этомъ неизмѣримомъ океанѣ матеріи ни одинъ молекулъ не походитъ на другой, ни одинъ молекулъ, по истеченіи момента, не походитъ на самого себя. „Рождается новый порядокъ вещей“, — вотъ вѣчная надпись!..“

Около двухъ часовъ утра д'Аламберъ снова заговорилъ о каплѣ воды, которую онъ называетъ микрোকосмосъ. Онъ удивлялся остроумію древнихъ философовъ и говорилъ: „если-бы Эпикуръ, утверждавшій, что земля содержала въ себѣ сѣмена всѣхъ вещей, что животное есть продуктъ броженія, имѣлъ возможность показать въ малыхъ размѣрахъ то, что въ началѣ временъ совершалось въ большихъ, то что стали-бы отвѣчать ему? А вы имѣете это изображеніе передъ глазами, и не научаетесь ничему! Кто знаетъ, до какого момента дошли мы въ ряду родовъ животныхъ? Кто знаетъ, не является-ли это двуногое фута въ 4 ростомъ изображеніемъ только переходнаго рода? Кто знаетъ, не переходны-ли и всѣ другіе роды животныхъ? Кто знаетъ, какая новая раса можетъ возникнуть изъ такого множества чувствующихъ и живущихъ точекъ? Чѣмъ былъ слонъ при своемъ появленіи на свѣтъ? Можетъ быть, чудовищнымъ животнымъ, какимъ онъ кажется намъ, а можетъ быть, атомомъ, такъ-какъ равно возможно то и другое, такъ-какъ то и другое предполагаетъ только движеніе и различныя свойства матеріи. Слонъ, эта чудовищная органическая масса, — быстрый

продуктъ броженія? Почему-жь и нѣтъ? Это огромное четвероногое ближе къ своему первому предку, чѣмъ червякъ къ молекулу муки, который породилъ его, но червь—не болѣе, какъ червь, т. е. ничтожество, скрывающее отъ васъ свою организацію и ея чудесность. Но чудо—это жизнь, ощущеніе. Если я видѣлъ переходъ мертвой матеріи въ состояніе ощущенія, то я уже не въ состояніи удивляться ничему болѣе. Какое можетъ быть сравненіе небольшого числа элементовъ, которое приходитъ въ броженіе въ нашей горсти, съ тѣми неизмѣримыми вмѣстителями различныхъ элементовъ, которые разсѣяны всюду—въ нѣдрахъ земли, на ея поверхности, въ глубинѣ моря, въ широтахъ воздуха!..“

Этотъ разговоръ прерывается разговоромъ Эспинаса съ докторомъ, который излагаетъ, между прочимъ, нервную фізіологію того времени. Затѣмъ д'Аламберъ продолжаетъ: „каковъ я есть, такъ и я и долженъ быть. Цѣлое измѣняется, неизбѣжнымъ образомъ измѣняетесь и вы, равно какъ и я. Цѣлое измѣняется постоянно. Человѣкъ есть ничто иное, какъ обыкновенный результатъ; чудовище, уродъ—рѣдкій результатъ, но оба равно естественны, равно необходимы, равно въ порядкѣ вещей. И что при этомъ достойно удивленія: всѣ существа перекрещиваются между собою, а слѣдовательно и всѣ роды. Все находится въ состояніи вѣчнаго теченія. Каждое животное—болѣе или менѣе человѣкъ, каждый минералъ—болѣе или менѣе растеніе, каждое растеніе—болѣе или менѣе животное. Въ природѣ нѣтъ ничего ограниченнаго. Каждая вещь есть болѣе или менѣе что-нибудь другое, болѣе или менѣе вода, болѣе или менѣе воздухъ, болѣе или менѣе огонь, и принадлежитъ болѣе или менѣе къ тому или другому царству природы. А вы говорите объ индивидуумахъ, жалкіе философы! Бросьте своихъ индивидуумовъ и отвѣчайте мнѣ: есть ли въ природѣ атомъ, который-бы, строго говоря, походилъ на другой? Нѣтъ! Не сдастся ли вамъ, что все въ природѣ находится во взаимной связи и что въ этой цѣпи невозможенъ никакой пробѣлъ? Что вы хотите сказать своимъ индивидуумомъ? Нѣтъ никакого индивидуума, нѣтъ никакого, а есть только одинъ большой индивидуумъ—все. Что такое существо? Сумма извѣстнаго числа стремленій. Могу-ли я быть чѣмъ-нибудь другимъ, а не извѣстнымъ стремленіемъ? Нѣтъ, мнѣ предстоитъ конецъ. А роды? Это стремленія къ одной общей цѣли. А жизнь? Слѣдствіе дѣйствій

и противодѣйствій; живя, я дѣйствую, чувствую въ массѣ, а послѣ смерти буду дѣйствовать въ молекулахъ. Такимъ образомъ, я не умру? Безъ сомнѣнiя, въ этомъ смыслѣ я не умру, ни я, ни что другое. Родиться, жить, погибнуть—значить только измѣнить форму. А что за важность форма? Каждая форма имѣетъ свое счастье и несчастье. Отъ слона до тли во всей природѣ нѣтъ ничего, что-бы не страдало и не наслаждалось“.

Въ этой смѣси положенiй метафизической философи и выводовъ и догадокъ естественныхъ наукъ того времени насъ поражаютъ не столько постоянныя противорѣчiя, сколько та отвага ума, съ какою Дидро доходитъ до своихъ послѣднихъ выводовъ, и тѣ блестящiя гипотезы о происхожденiи видовъ и кругооборотѣ матерiи, которыя вполнѣ развиты и доказаны только наукой нашихъ дней. Въ этомъ отношенiи, какъ и во всѣхъ другихъ, Дидро имѣлъ огромное влiянiе и на современниковъ, и на потомство, но, какъ мы уже разъ замѣтили, о размѣрахъ этого влiянiя невозможно судить по тому, что онъ писалъ, а слѣдуетъ главнымъ образомъ обратить вниманiе на то, что онъ говорилъ. Бесѣды Дидро были въ высшей степени полезны всѣмъ его друзьямъ и знакомымъ, въ особенности-же Руссо, который началъ свою дѣятельность подъ его руководствомъ. Но болѣзненный, мнительный, хитрый Руссо не могъ ужиться съ прямодушнымъ Дидро и по одному пустому случаю заподозрилъ въ Дидро своего коварнаго врага; они разошлись. Затѣмъ, когда Дидро высказалъ свое негодованiе на Руссо за то, что, очернивъ столько бывшихъ друзей своихъ въ своей „Исповѣди“, онъ лишилъ ихъ возможности оправдываться посредствомъ публичной полемики съ нимъ, такъ-какъ завѣщалъ напечатать Исповѣдь только послѣ своей смерти, хотя содержанiе ея было извѣстно почти всѣмъ немедленно послѣ ея окончанiя,—то ихъ взаимное нерасположенiе перешло въ открытую вражду. Послѣ смерти Руссо Дидро писалъ о немъ: „Я уважалъ писателя, но не уважалъ человѣка, а презрѣнiе—холодное чувство, которое не можетъ вызвать никакого горячаго поступка. Вся моя месть ограничивалась тѣмъ, что я отклонялъ его попытки снова сблизиться со мной. Я болѣе не довѣрялъ ему. Я не хочу нападать на его память. Но самъ Руссо въ своемъ посмертномъ произведенiи, въ которомъ онъ изображаетъ себя, какъ помѣшаннаго, какъ гордеца, какъ лжеца и лицемеръ,

приподнялъ край завѣсы. Время довершить остальное и воздасть справедливость мертвому, не обижая живыхъ“.

Объ отношеніяхъ Дидро къ его семейству мы уже говорили. Какъ истинный французъ того времени, Дидро кромѣ жены имѣлъ еще подругу, въ послѣднюю половину его жизни—мадмуазель Волянъ, мать которой была сначала противъ этой связи, но потомъ вполне примирилась съ нею и ея семейство сдѣлалось вторымъ семействомъ Дидро. Софія Волянъ не была ни хороша, ни молода, постоянно болѣла, но ея душа, ея умъ давали Дидро именно то, что было нужно ему. Когда Волянъ уѣзжала изъ Парижа или Дидро отправлялся куда-нибудь, то они обмѣнивались другъ съ другомъ обширными письмами, пересылка которыхъ была въ то время такъ дорога, что они принуждены были съ помощью знакомаго чиновника пересылать эти письма даромъ, подъ казенной печатью. До какой степени Дидро былъ привязанъ къ Волянъ, можно судить по слѣдующему отрывку: „Я изучилъ мудрость всѣхъ народовъ и думаю, что она не стоитъ той сладостной глупости, какую мнѣ внушаетъ моя подруга. Я слушалъ ея возвышенныя рѣчи и думалъ, что одно слово изъ устъ моей подруги произвело-бы въ моей душѣ движеніе, котораго они не въ состояніи дать мнѣ. Они рисовали мнѣ добродѣтель и ихъ образы согрѣвали меня, но я лучше хотѣлъ-бы посмотрѣть въ тиши на мою подругу и пролить слезу, которую-бы осушила рука ея или подобрала ея губы. Они старались представить мнѣ сладострастіе и его опыненіе переходящими и обманчивыми, и я горѣлъ желаніемъ найти ихъ въ объятіяхъ моей подруги, потому что ея сердце честно и ея ласки искренни. Они говорили мнѣ: ты состаришься, а я отвѣчалъ: ея годы будутъ утекать вмѣстѣ съ моими. Они говорили: вы умрете оба, а я прибавлялъ: если моя подруга умретъ прежде меня, то я буду оплакивать ее и буду счастливъ, оплакивая ее. Она составляетъ сегодня мое счастье, она будетъ моимъ счастіемъ и завтра, и послѣ завтра, и всегда, потому что она не можетъ измѣняться, потому что боги дали ей хорошую душу, правдивость, чувство, великодушіе, добродѣтель, истину, которыя не измѣняются. И я затенуль уши, чтобы не слышать этихъ совѣтовъ философовъ, и хорошо сдѣлалъ, не правда-ли, моя Софія?“

Тогдашняя не только французская, но и европейская жизнь

сосредоточивалась въ знаменитыхъ французскихъ салонахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ представителями науки и искусства либеральные французскіе бары въ безумномъ ослѣпленіи подрывали послѣднія основы того порядка, при которомъ они только и могли существовать. Въ этихъ салонахъ обсуждались всѣ событія дня, начиная съ крупныхъ и кончая мелкими городскими скандалами, всѣ произведенія литературы, всѣ вопросы философіи. Шутили, каламбурили, издѣвались надъ дворомъ, злословили и мечтали о будущемъ. При этомъ въ разное время въ салонахъ обсуждались разные темы; между 1740 и 50 гг. математическія и физическія, между 1750 и 60—философскія, между 1760 и 70—экономическія, а начиная съ 70—политическія. Дидро не былъ созданъ для салона и патріархомъ этой салонной философской церкви былъ не онъ, а Вольтеръ, но при всемъ томъ Дидро находился въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми лицами, игравшими видную роль въ этихъ салонахъ. Особенно близокъ былъ онъ съ честнымъ, добродушнымъ, хотя и скучноватымъ Гольбахомъ, въ замѣ котораго, Грондвалъ, онъ обыкновенно проводилъ лѣтомъ по нѣскольку недѣль, а въ городѣ онъ тоже часто бывалъ у Гольбаха вмѣстѣ съ Кондильякомъ, Тюрго, Руссо, Рейналемъ, Гельвеціемъ, Мармонтелемъ. Въ этомъ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ Дидро былъ душою общества и въ домѣ Гольбаха онъ былъ всеобщимъ любимцемъ, всѣ питали къ нему нѣжную привязанность, не только хозяева, но даже прислуга. Дидро благоговѣлъ передъ Вольтеромъ, но лично познакомился съ нимъ только послѣ триумфальнаго вѣзда его въ Парижъ и не понравился патріарху, который нашель, что „онъ способенъ только къ монологу, а не къ діалогу“. Дидро былъ очень близокъ также съ Гриммомъ, который, состоя литературнымъ и политическимъ агентомъ многихъ дворовъ, сообщалъ имъ всѣ парижскія новости о дворѣ, театрѣ, наукѣ, литературѣ, скандалахъ и т. д. Дидро очень уважалъ Гримма и совѣтовался съ нимъ о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, хотя иногда и жаловался на то давленіе, какое оказывалъ на него Гриммъ. Въ 1767 г. Гриммъ укорялъ Дидро, что онъ забылъ о госпожѣ Эпине, и въ то-же время Гольбахъ, когда Дидро отказался ѣхать съ нимъ въ его замокъ, осыпалъ его упреками. По этому поводу Дидро писалъ своей подругѣ, что онъ „начинаетъ считать дружбу невыносимѣйшею изъ всѣхъ тираній,

что онъ готовъ разорвать связь со всѣми друзьями и жить одинъ, такъ-какъ имѣть несчастье не доставлять никому счастья, хотя и отдается всею душою тѣмъ, которые дороги ему“. Но подобныя размолвки случались не часто, и дружба Гримма, Гольбаха, Кондильяка никогда не кончалась разрывомъ, какъ дружба съ д'Аламберомъ и Руссо. Находясь въ сношеніяхъ со множествомъ другихъ литераторовъ и художниковъ, Дидро часто сходилъ и съ такими жалкими личностями, какъ упомянутый нами Рамо. Всѣ нуждающіеся, равно какъ всѣ пройдохи, узнавшіе о добродушіи Дидро, постоянно осаждали его своими просьбами и Дидро дѣлалъ все, что могъ. Его дочь рассказываетъ, напр., что однажды къ нему явился помадный торговецъ и просилъ его написать рекламу о его помадѣ; Дидро засмѣялся и написалъ рекламу. Но какъ ни разнообразны были знакомства и дружественныя связи Дидро, его жизнь, сравнительно съ бурной жизнью Руссо и Вольтера, была тиха и однообразна, посвященная упорному труду, далекая и отъ тѣхъ триумфовъ, которые выпадали на долю Вольтера, и отъ тѣхъ несчастій, какія преслѣдовали несчастнаго Жанъ-Жака.

Въ числѣ друзей Дидро мы не упомянули знаменитаго скульптора Фальконе, творца петербургской статуи Петра Великаго. Дружба Дидро съ Фальконе имѣетъ для насъ то особенное значеніе, что ей мы обязаны нѣсколькими превосходными письмами Дидро къ скульптору, когда послѣдній работалъ въ Петербургѣ. Эта переписка начинается упрекомъ Дидро своему другу за его равнодушіе къ посмертной славѣ, которую Фальконе считалъ химерою, довольствуясь уваженіемъ современниковъ. „Пріятно ночью, пишетъ Дидро, — слушать отдаленную игру флейты, изъ которой мы схватываемъ только отдѣльные отрывчатые тоны, которые нашей фантази удастся связать и составить изъ нихъ связную пьесу, тѣмъ болѣе прелестную, что она въ значительной степени является нашимъ собственнымъ созданіемъ. Я согласенъ, что концертъ, разыгрываемый близко, имѣетъ цѣну, но повѣрьте мнѣ, мой другъ, что не онъ, а пьеса, слушаемая издали, очаровываетъ насъ. Кругъ, въ которомъ мы живемъ и въ которомъ намъ удивляются, время, въ продолженіи котораго мы существуемъ и слышимъ похвалу себѣ, число тѣхъ, которые по справедливости воздаютъ намъ эту похвалу, заслуженную нами, — все это слишкомъ ничтожно для на-



шей честолюбивой души. Может быть, мы сочли-бы себя недостаточно вознагражденными за наши труды даже въ томъ случаѣ, если-бы весь свѣтъ преклонилъ свои колѣни передъ нами. Рядомъ съ тѣми, которые уже простерлись передъ нами, пусть преклонятся и тѣ, которыхъ еще нѣтъ. Только это безчисленное множество поклонниковъ можетъ удовлетворить духъ, полетъ котораго всегда устремленъ къ безконечному. Вы видите, мой другъ, что я смѣюсь надъ всѣми этимъ, что издѣваюсь и надъ собой, и надъ всѣми головами, которыя таеъ-же дурно устроены, какъ моя. И, однакожь, признаюсь вамъ, что когда смотрю въ глубину своего сердца, то все-таки нахожу тамъ чувство, которое осмѣиваю... Я говорилъ вамъ и повторяю: наша ревность пропорціональна времени, продолжительности, числу свидѣтелей. Вы дѣлаете свои эскизы, можетъ быть, для самихъ себя, но кончаете ихъ для другихъ. Такимъ образомъ, если во всемъ остальномъ мы равны съ вами—предполагая одинаковое чувство, одинаковый талантъ, одинаковую любовь къ уваженію современниковъ и одинаковую боязнь ихъ порицанія,—то я, присоединивъ сюда еще мысль о потомствѣ и увеличивъ безчисленнымъ множествомъ будущихъ свидѣтелей число тѣхъ, которые признаютъ меня, я имѣю однимъ мотивомъ больше, чѣмъ вы. Вы будете челоуѣкомъ катафалка, который сегодня дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы сломать завтра, я-же буду челоуѣкомъ триумфальной арки, построенной для вѣчности... Я предполагаю памятникъ, который сдѣлаетъ меня безсмертнымъ. Я хочу удивленія вѣка и всѣхъ грядущихъ столѣтій, и если-бы я могъ себя представить такое время, когда труды мои впадутъ въ презрѣніе, то всѣ одобренія моихъ современниковъ не могли-бы заглушить моего горя объ этомъ будущемъ позорѣ!..“

„Я не благодаренъ къ своимъ современникамъ? Я? Я въ высшей степени цѣню ихъ уваженіе, если оно искренне, разумно и постоянно. Я говорю имъ: если я могу вамъ нравиться, не презирая себя, не подчиняясь вашимъ пустымъ фантазіямъ, вашему ложному вкусу, не измѣняя истинѣ, не обижая добродѣтели, не отрываясь отъ добра и красоты, то я готовъ. Но я желаю также нравиться и тѣмъ, которые будутъ слѣдовать за вами и не будутъ имѣть вашихъ предрасудковъ, и если-бы я обращалъ вниманіе только на васъ, то я, можетъ быть, не понравился-бы имъ и даже рисковалъ-бы не долго нравиться вамъ“...

„Какого чорта говорите вы объ этих *petites debouchées*! Развѣ эти души созданы для безсмертія? Должно-ли обращать вниманіе на нихъ, взывая къ будущимъ вѣкамъ? Это воззваніе есть крикъ добродѣтели, лежащей подъ гнетомъ, крикъ генія, восторгающагося собственнымъ созданиемъ, крикъ героизма, крикъ совѣсти, и этотъ крикъ не смѣшонъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, ни въ томъ случаѣ, когда онъ авторизируется согласіемъ народа, просвѣщеннаго истиной, ни тогда, когда онъ исторгается варварствомъ народа грубаго и тупоумнаго...

„Вы спрашиваете меня о мотивахъ къ совершенію великихъ дѣлъ, и я признаюсь вамъ со всею искренностію, къ какой только я способенъ, что во время преслѣдованій, которыя я вытерпѣлъ, меня утѣшала увѣренность, что когда-нибудь обстоятельства переинутся. Я смотрѣлъ на болѣе справедливое будущее. Но повѣрьте мнѣ, что мой духъ былъ сокрушенъ и что я сто разъ чувствовалъ искушеніе сложить оружіе и предоставить собственному ходу слѣпцовъ, бьющихъ своими посохами тѣхъ, которые стараются возвратить имъ зрѣніе...“

„Человѣкъ долженъ имѣть награду, идеальный или реальный мотивъ. Но гораздо лучше сдѣлаете, если соедините оба ихъ. Дайте ему счастье, пока онъ живетъ, и покажите ему статую, когда его не будетъ болѣе. Вотъ средства, чтобы развернуть все его силы. Что толку воздвигать памятники тѣмъ, которыхъ уже нѣтъ, пестрить торжественными надписями мраморъ, покрывающій ихъ холодный прахъ, выставлять передъ гражданами бюсты защитниковъ ихъ свободы, излагать въ вѣчныхъ созданіяхъ рассказы объ ихъ подвигахъ? Развѣ для мертвыхъ дѣлается все это? Нѣтъ, для живыхъ! Имъ говорить: если ты будешь поступать такъ, то тебя ожидаютъ эти почести. Ты будешь служить образцомъ тѣхъ, которые будутъ слѣдовать за тобою, какъ они будутъ служить тѣмъ, которые послѣдуютъ за ними. Мы не будемъ къ тебѣ неблагодарны, чѣмъ къ нимъ; уважай жизнь, люби смерть...“

... „Почему, съ вашего позволенія, не считается самымъ пагубнымъ чтеніемъ исторія, въ каждой строкѣ которой стоитъ рядомъ съ преступленіемъ угнетенная добродѣтель, рядомъ съ гонимымъ талантомъ награжденная бездарность, невѣжество въ пурпурѣ, гений въ лохмотьяхъ, ложь въ уваженіи, истина въ оковахъ? Если

приговоръ потомства ничего не значить, то каждый умный человекъ можетъ сказать историкъ: ты рассказываешь прѣкрасно, но что мнѣ толку въ твоей похвалѣ, когда я много страдалъ и долженъ умереть? Я вижу, что къ мертвымъ относятся съ должной справедливостью, но я живу, и если можно, хочу счастливо жить, а что мнѣ въ тѣхъ похвалахъ, которыхъ я не услышу?..“

„Если я говорю объ общественномъ мнѣніи, то дѣло идетъ, понятно, не о тѣхъ пестрыхъ толпахъ разныхъ людей, которые шумно освистываютъ въ партерѣ образцовое произведеніе, поднимаютъ пыль въ салонахъ и справляются въ книгѣ о томъ, должны-ли они удивляться или-же порицать. Я говорю о томъ небольшомъ стадѣ, о той невидимой церкви, которая смотритъ, размышляетъ, говоритъ тихо, но голосъ которой разносится далеко и составляетъ общественное мнѣніе. Я говорю о томъ здоровомъ, спокойномъ и убѣжденномъ приговорѣ цѣлой націи, который никогда не фальшивитъ, никогда не бываетъ безсознательнымъ, который опредѣляетъ настоящую цѣну всякаго произведенія...“

...„Желаніе славы предполагаетъ въ другихъ чувство справедливости и требуетъ справедливости, какъ отъ настоящаго, такъ и отъ будущаго. *Après nous le déluge*—эта поговорка создана только для мелкихъ, жалкихъ душъ, занятыхъ исключительно своими милыми особами. Никогда не произнесетъ ее великій монархъ, добрый отецъ. И самую жалкою и презрѣнною была-бы нація, въ которой каждый-бы руководился ею въ своемъ поведеніи“.

„Мы цѣнимъ тѣхъ, которыхъ нѣтъ уже болѣе... О, вы, мудрецы Афинъ и Рима, когда я встрѣчаю ваши статуи въ какой-нибудь уединенной алеѣ, когда онѣ приковываютъ меня и я оставаюсь передъ ними, очарованный и полный удивленія, когда при видѣ вашихъ величественныхъ образовъ мое сердце бьется отъ радости, когда я чувствую въ себѣ божественный энтузіазмъ, переходящій на меня съ вашего холоднаго мрамора, когда я вспоминаю о вашихъ великихъ дѣлахъ и о неблагодарности вашихъ согражданъ, то глаза мои наполняются слезами умиленія при мысли о томъ, какъ пріятно было бы мнѣ, спросивъ свою совѣсть, получить отъ нея свидѣтельство, что и я тоже много послужилъ для своей націи и своего вѣка! Какъ пріятно было-бы моему уму представить себѣ мою статую посреди вашихъ и вообра-

зять, что настанетъ когда-нибудь день, когда передъ нею будутъ чувствовать тѣ-же драгоценныя восторги, какіе вы внушили мнѣ. Чувство безсмертія никогда не посѣщаетъ пошлой и низкой души\*...

... „Что такое созданіе поэта, оратора, философа, художника? Исторія нѣсколькихъ счастливыхъ моментовъ его жизни, которую онъ ревностно старается вырвать изъ забвенія. Личность погибаетъ, но родъ безконеченъ. Это оправдываетъ человѣка, приносящаго себя въ жертву всеожженія на алтаряхъ потомства... Безъ воодушевленія славою, безъ упоенія безсмертіемъ, безъ интереса къ будущему, безъ уваженія къ потомству невозможно никакое изъ тѣхъ предпріятій, всѣ выгоды которыхъ выпадаютъ на долю будущаго, а всѣ труды достаются настоящему. Нѣтъ болѣе Ахилла, приносящаго себя въ жертву. Греки отступаютъ, и Иліонъ остается цѣлымъ. Иліонъ — символъ великой вещи“...

Мы нарочно привели обширныя выдержки изъ этихъ писемъ, характеризующихъ, по выраженію Розенкранца, „величіе этико-эстетическаго идеализма нашего философа“. Но настойчивое убѣжденіе Дидро трудиться для потомства мало вязалось съ его личнымъ характеромъ, такъ-какъ онъ положительно расточалъ свои таланты на устные и письменныя импровизаціи. Онъ всегда любилъ лучше сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло, чѣмъ написать хорошую страницу; при своей самоотверженной заботливости о другихъ онъ не заботился ни о своихъ силахъ, ни о своемъ времени и великодушно тратилъ свою жизнь для своихъ современниковъ, мало думая въ это время о славѣ будущихъ вѣковъ. При такомъ характерѣ Дидро естественно бѣдствовалъ цѣлую жизнь и, наконецъ, дошелъ до необходимости продать свою бібліотеку, которая была куплена Екатериною II, оставившею ее Дидро въ пожизненное пользованіе и назначившею его бібліотекаремъ съ выдачею жалованья 50,000 франковъ впередъ за 50 лѣтъ. Это привело въ восторгъ Вольтера и онъ писалъ Дамилавилу: „Любезный братъ! Въ отвѣтъ на письмо ваше я отъ всего сердца обнимаю Платона Дидро, а также императрицу всероссійскую. Кто могъ-бы подумать лѣтъ 50 назадъ, что добродѣтель, наука, философія, съ которыми такъ недостойно обращаются у насъ, найдутъ себѣ такую великолѣпную оцѣнку со стороны скифовъ? Примите, славный Дидро, увѣреніе въ моей живѣйшей радости“. „Екатерина, говоритъ Розенкранцъ, — хорошо знала, что дѣлала. По-

купкою библіотеки Дидро она не только сдѣлала хорошее приобретение, но унижала французскій дворъ и заставляла всѣхъ друзей тогдашняго революціоннаго движенія и во главѣ ихъ Вольтера громко восхвалять ея великодушіе. Фридрихъ былъ Соломономъ, Екатерина Семирамидою съвера. Однажды послала она въ подарокъ французскимъ академикамъ прекрасныя шубы. Это было очень практично, но Гриммъ пришелъ въ такой восторгъ, словно этотъ поступокъ былъ самымъ добродѣтельнымъ подвигомъ. Самъ Дидро писалъ въ Петербургъ, что Екатерина не только тамъ, но и въ Парижѣ пользуется великой славою. Если Моренъ упрекаетъ Дидро въ томъ, что онъ, философъ оппозиціи, чуть не демократъ, унизился передъ Екатериной и принялъ отъ нея пенсію, то онъ забываетъ, что философы видѣли въ Екатеринѣ также философа. Тогдашніе государи, наравнѣ съ ними, были друзьями просвѣщенія. Освобожденіе отъ предрасудковъ, уничтоженіе злоупотребленій, ограниченіе власти духовенства, утверженіе терпимости, распространеніе благотворительности, покровительство промышленности—все это было ихъ лозунгомъ и въ отношеніи къ нимъ философы умѣли держать себя съ большимъ достоинствомъ. „Sensibilierie déclamatoire“ просвѣщенія была тогда общею страстью. Когда госпожа Жофренъ на пути въ Варшаву пріѣхала въ Вѣну, то ее приняли съ величайшею предупредительностью, несмотря на ея мѣщанское происхожденіе, но, съ другой стороны, она вела себя съ такимъ тонкимъ тактомъ, что блистательно оправдала сдѣланный ей блистательный пріемъ. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ Дидро такъ свободно говорилъ съ императрицей въ ея кабинетѣ, что потомъ самъ удивлялся своей смѣлости. Когда-же онъ останавливался, она сама просила его продолжать, не стѣняясь“.

Дидро былъ въ Петербургѣ въ 1774 г., будучи уже 60-лѣтнимъ старикомъ и сведя почти всѣ свои счеты съ жизнью. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ для того, чтобы поблагодарить Екатерину за все, что она сдѣлала для него, и въ то-же время съ надеждою что-нибудь сдѣлать черезъ Екатерину „для человѣчества“, какъ тогда выражались. Въмѣсто предполагаемыхъ двухъ мѣсяцевъ онъ пробылъ въ Петербургѣ пять, бесѣдуя съ Екатериною почти ежедневно обо всемъ, что приходило ему въ голову, особенно-же о законодательствѣ и образованіи Россіи. Случалось, что въ пылу оживленнаго разговора Дидро трепалъ Екатерину

по колѣнямъ и она вовсе не оскорблялась этимъ. Екатерина очаровала его и онъ увѣрялъ, что „у ней душа Брута въ очаровательномъ образѣ Клеопатры“. Но при всемъ увлеченіи Екатериною, какъ частнымъ лицомъ и философомъ, Дидро неизбѣжно долженъ былъ разочароваться въ ней, равно какъ и она въ немъ, когда дѣло дошло до упомянутыхъ плановъ относительно „человѣчества“. „Дидро, говоритъ извѣстный историкъ Германъ,— съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ развивалъ свои основныя мысли о свободѣ и народномъ правѣ. Казалось, императрица была въ восхищеніи отъ его словъ, однакожь не выказала ни малѣйшаго расположенія дѣйствовать въ ихъ смыслѣ. „Дидро, говорила она;— разсуждаетъ иногда какъ столѣтній старецъ, а иногда какъ десятилѣтній ребенокъ“. Впослѣдствіи сама Екатерина, вспоминая о Дидро, рассказывала Сегюру: „долго и часто я съ нимъ бесѣдовала, но больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользой. Если-бы я послушалась его, то пришлось-бы все перевернуть въ моемъ государствѣ— законы, администрацію, политику, финансы, уничтожить все и замѣнить несбыточными теоріями. При всемъ томъ, такъ какъ я болѣе слушала его, чѣмъ говорила, то, взглянувъ на насъ со стороны, можно было-бы принять его за строгаго наставника, а меня за покорную его ученицу. По всей вѣроятности, и ему самому такъ думалось, ибо по прошествіи нѣкотораго времени, замѣтивъ, что въ управленіи моемъ не послѣдовало никакихъ нововведеній, которыя онъ мнѣ совѣтовалъ, онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ оскорбленной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я откровенно сказала ему: „г. Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что вы говорили мнѣ по внушенію вашего блестящаго ума, но со всѣми вашими великими началами, которыя я понимаю отлично, хорошо писать книги, но плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, я-же, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги“. Я увѣрена, что съ тѣхъ поръ онъ началъ смотрѣть на меня съ сожалѣніемъ, считая меня женщиной простой и ограниченной. Съ того времени онъ говорилъ со мной только о литературѣ, политика исчезла изъ нашихъ бесѣдъ“. Съ какими противниками, кромѣ Екатерины, приходилось Дидро спорить въ Петербургѣ, можно судить по тому „Дѣло“, № 12, 1877 г.

разговору, который онъ еще раньше имѣлъ въ Парижѣ съ княгиней Дашковой, однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени. Когда Дидро замѣтилъ о необходимости освобожденія крестьянъ, то Дашкова отвѣчала ему: „богатство и счастье нашихъ крестьянъ составляетъ единственный источникъ нашего собственнаго благосостоянія и нашихъ доходовъ; при такой аксіомѣ надо быть сьумасшедшимъ, чтобы истощать родникъ личнаго нашего интереса!..“

Поживъ въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Дидро сильно заскучалъ о друзьяхъ и о Парижѣ. Екатерина готова была озолотить его, но онъ не хотѣлъ взять отъ нея ничего, кромѣ путевыхъ денегъ до Парижа и недорогого перстня, который она носила сама. „Если бы я пожелалъ черпать полными пригоршнями изъ царской шкапулки, писалъ онъ впоследствии, — то, вѣроятно, дѣло отъ меня зависѣло, но я предпочелъ заставить молчать петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру въ меня парижскимъ невѣрующимъ“. Поѣздка въ Петербургъ и обратно сильно разстроила здоровье Дидро, начали выпадать зубы, усиливалась усталость, голова отказывалась работать, началось кровохарканіе. Этотъ процессъ разрушенія продолжался около четырехъ лѣтъ, постепенно усиливаясь разными осложненіями. Когда не задолго до его смерти медики запретили ему подниматься въ его библіотеку, то Екатерина, извѣщенная объ этомъ Гриммомъ, велѣла нанять для него другую великолѣпную квартиру. Но Дидро пришлось прожить въ ней только 12 дней. Наканунѣ своей смерти онъ принималъ друзей и бесѣдовалъ съ ними о философіи. „Первый шагъ въ философіи есть невѣріе“. Это были его послѣднія слова, слышанныя его дочерью. На завтра, 30 іюля 1784 г., Дидро не стало.

Одной изъ лучшихъ характеристикъ Дидро остается до сихъ поръ та, которая была сдѣлана вскорѣ послѣ его смерти его другомъ Гриммомъ. „О, Дидро, сколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ погасъ умъ твой и могильная тьма покрыла твой безжизненный прахъ! И изъ столькихъ друзей, которымъ ты посвящалъ свои ночи, для которыхъ ты расточалъ сокровища своего таланта и богатства своей фантазіи, не нашлось еще ни одного, который бы позаботился воздвигнуть тебѣ памятникъ, достойный той благодарности, какою обязаны тебѣ дружба, твое время и будущіе вѣка. А между тѣмъ память какого ученаго достойнѣе быть

переданною потомству? Правда, онъ не сдѣлалъ никакого открытiя, которое-бы расширило сферу нашихъ знанiй, можетъ быть, даже онъ не оставилъ ни одного произведенiя, которое-бы поставило его въ первый рядъ нашихъ ораторовъ, нашихъ философовъ, нашихъ поэтовъ, но я спрашиваю всѣхъ, которые имѣли счастье знать его, не былъ-ли онъ все-таки однимъ изъ удивительнѣйшихъ проявленiй силы генiя? Если есть люди, о которыхъ слѣдуетъ сохранять вѣрное воспоминанiе ради славы человѣческаго ума, то это тѣ, которые имѣли самое основательное притязанiе на общественное уваженiе и удивленiе, но которые, вслѣдствiе обстоятельствъ, вслѣдствiе извѣстной фатальности своей судьбы, никогда не могли развернуть своихъ способностей во всей ихъ силѣ, въ полномъ ихъ объемѣ... .

...„Художникъ, который-бы сталъ искать идеалъ для головы Аристотеля или Платона, едва-ли-бы нашелъ изъ новѣйшихъ лучшую голову, чѣмъ голова Дидро. Его широкiй, открытый и слегка закругленный лобъ носилъ внушительный отпечатокъ обширнаго, свѣтлаго и плодотворнаго ума. Его носъ обладалъ мужественной красотой, черты его верхнихъ вѣкъ были тонки, его глаза кротки и полны чувства, а въ тѣхъ случаяхъ, когда его голова начинала работать, они сверкали огнемъ, его ротъ дышалъ привлекательною смѣсью сводобы, прiятности и добродушiя. Казалось, что энтузиазмъ сдѣлался естественнымъ свойствомъ его голоса, его души, всѣхъ его чертъ. Чтобы получить себѣ нѣкоторое представленiе объ обширности и плодотворности его ума, достаточно бросить бѣглый взглядъ, не скажу на все то, что онъ сдѣлалъ, но только на тѣ произведенiя, которыя извѣстны публикѣ подъ его именемъ. Тотъ-же самый человѣкъ, который составилъ планъ прекраснѣйшаго памятника, какой только посвящало время славѣ и просвѣщенiю рода человѣческаго, и самъ выполнилъ значительную часть этого дѣла, тотъ-же самый человѣкъ написалъ двѣ театральныя пиесы въ совершенно новомъ родѣ, которымъ самый строгiй вкусъ не можетъ отказать въ замѣчательномъ драматическомъ эффектѣ и въ слогѣ, полномъ теплоты и страсти; тотъ-же самый человѣкъ, которому мы обязаны столькими произведенiями утонченнѣйшей метафизики въ его письмахъ о слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, въ его философскихъ мысляхъ, въ его истолкованiи природы, во множествѣ статей о древней философи,



составилъ и подробнѣйшее, точнѣйшее и полнѣйшее описаніе всѣхъ нашихъ промышленныхъ производствъ. Каждый знаетъ, какъ сильно усовершенствовался съ того времени этотъ трудъ, но можно-ли забыть, что до Дидро объ этомъ предметѣ не было написано и одной удобочитаемой строки? Тотъ-же самый человѣкъ, который оставилъ намъ такъ много богатыхъ свѣденіями философскихъ и ученыхъ сочиненій, даже математическихъ разсужденій, о которыхъ первый изъ нашихъ геометровъ отзывается съ величайшею признательностію, писалъ еще разсказы и романы, превосходнѣйшія вещи, полныя оригинальности и юмора, и заключилъ, къ общей пользѣ, свою литературную карьеру „Опытомъ о царствованіи Клавдія и Нерона“. Если только вспомнить, что такое множество разнообразнѣйшихъ произведеній вышло изъ рукъ человѣка, который могъ употреблять на нихъ только время, остававшееся ему отъ заботъ объ обезпеченіи своего собственнаго существованія и существованія семейства, который могъ дарить имъ немногіе свободные моменты, какіе оставляли ему навязчивость чужихъ людей, нескромность его друзей и главнымъ образомъ необыкновенная беззаботность его характера, то необходимо сознаться, что мало людей было одарено болѣе обширнымъ умомъ, болѣе рѣдкимъ и плодотворнымъ талантомъ.

„Геній Дидро походилъ на тѣхъ сыновей, которые выросли въ нѣдрахъ зажиточнаго семейства, считаютъ фонды его неисчерпаемыми и поэтому не полагаютъ границъ своимъ желаніямъ, не держатся никакого порядка въ своихъ расходахъ. До какой степени превосходства не поднялся-бы этотъ геній, на какое предпріятіе не хватило-бы силъ его, если-бы онъ посвятилъ себя одному предмету, если-бы онъ, по крайней мѣрѣ, то время и тѣ силы, которыми постоянно жертвовалъ всякому обращающемуся къ нему за помощію, совѣтомъ и руководствомъ, сберегалъ для усовершенствованія своихъ собственныхъ произведеній? То, что онъ дѣлалъ сначала по добродушію, по привычкѣ, по извѣстной склонности своего характера, онъ дѣлалъ потомъ по необходимости, по принципу и самъ наивно говаривалъ по этому поводу: „у меня не воруютъ моей жизни, я самъ отдаю ее. Что я могу сдѣлать лучше того, какъ если отдамъ часть ея тому, кто достаточно уважаетъ меня, чтобы попросить о томъ? Дѣло не въ томъ, чтобы то или другое было сдѣлано мною или кѣмъ другимъ, но въ томъ, чтобы

оно было сдѣлано, и сдѣлано хорошо, все равно, дурнымъ или хорошимъ человекомъ. Меня не будутъ хвалить за это ни теперь, ни послѣ моей смерти, но тѣмъ болѣе я буду уважать себя и тѣмъ болѣе будутъ любить меня. Обиѣнъ благотворительности, награда за которую вѣрна, на знаменитость, которая пріобрѣтается не всегда и не безъ неудобствъ, вовсе не дурень...”

...„Если когда-либо существовалъ талантъ, способный обнимать и оплодотворять всѣ человѣческія знанія, то это былъ Дидро. Это была отъ природы энциклопедическая голова. Утонченная метафизика, глубокомысленное вычисленіе, ученое изслѣдованіе, поэтическая концепція, вкусъ къ искусствамъ и къ древности,—на всѣ эти столь разнообразныя предметы обращалось его вниманіе съ одинаковой энергіей, съ одинаковымъ интересомъ, съ одинаковою легкостью, но его мысли попеременно воодушевляли его столь страстно, что болшею частію не онъ управлялъ ими, а онѣ имъ. Его идеи были сильнѣе его, онѣ увлекали его съ собою и онъ былъ не въ состояніи удерживать ихъ или регулировать ихъ теченіе... Упорная война, вести которую онъ считалъ себя обязаннымъ, похищала у него драгоценнѣйшія мгновенія его жизни, часто отвлекала его отъ обработки наукъ и искусствъ и заставляла его пренебрегать тѣмъ талантомъ, который вѣрнѣе всего обезпечилъ-бы ему славу. Онъ сдѣлался философомъ, между тѣмъ какъ природа назначила ему быть ораторомъ или поэтомъ. И кто будетъ спорить, что въ иное время и при другихъ обстоятельствахъ изъ него скорѣе всего не вышелъ-бы отецъ церкви? Не менѣе способенъ онъ былъ-бы идти по путямъ Кальвина или Лютера, если-бы онъ былъ способенъ къ болѣе строгой выдержкѣ и если-бы въ характерѣ его не было столько-же слабости, сколько въ его умѣ было силы и крѣпости...”

...„Онъ любилъ быть полезнымъ другимъ, какъ любятъ приятное и здоровое упражненіе. Всю тонкость, всю дѣятельность ума, которые обыкновенно тратятъ на составленіе собственнаго счастья, онъ жертвовалъ первому встрѣчному и при этомъ часто не зналъ никакой мѣры; сильно запутанная интрига, ведущая, повидимому, къ цѣли, прибавляла новую прелесть къ его наслажденію самопожертвованіемъ. Застѣнчивый, неловкій, когда дѣло шло о немъ самомъ, онъ никогда не бывалъ такимъ, когда приходилось дѣйствовать для другихъ; иногда онъ бывалъ золъ и капризенъ,

какъ ребенокъ, но прежде всего бросался въ немъ въ глаза неистощимый запасъ добродушія. Съ искреннею довѣрчивостію любилъ онъ всѣхъ людей, пока не получалъ достаточно сильныхъ основаній презирать или ненавидѣть ихъ. Но даже послѣ того, какъ ему представлялись вполне основательныя причины жаловаться на людей, онъ подвергался опасности забыть объ этомъ. И хотя онъ серьезно считалъ себя обязаннымъ помнить объ этомъ и даже дѣлалъ для себя на маленькихъ листикахъ памятыя замітки, но эти листики спокойно лежали въ одномъ углу его письменнаго стола и ему рѣдко приходило желаніе справиться съ этимъ спискомъ, и я только однажды видѣлъ, какъ онъ взялся за него, чтобы справиться и рассказать, какой недостойный поступокъ относительно его сдѣлалъ несчастный Руссо“...

...» Дидро обращался менѣе съ людьми, чѣмъ съ своими собственными идеями. Величайшее обаяніе общества, въ которомъ онъ обыкновенно жилъ, заключалось въ томъ, что оно было единственнымъ театромъ, на которомъ онъ могъ вполне отдаваться своему естественному воодушевленію и развѣтываться во всю ширь своей экзальтаціи. Когда-же лѣта охладили его голову, то онъ сталъ довольно равнодушенъ къ обществу; оно часто даже доставляло ему больше скуки, чѣмъ удовольствія, и онъ съ восторгомъ возвращался въ свое уединеніе. Его книги, послужившія поводомъ къ благодѣянію Екатерины, уединенныя прогулки, дружеская болтовня, особенно съ дочерью, доставляли ему самое пріятное наслажденіе. Эта дочь, которую онъ любилъ такъ нѣжно и которая была такъ достойна любви, служила до послѣдняго мгновенія его жизни отрадой и утѣшеніемъ. Она помогала ему съ несравненнымъ терпѣніемъ и кротостію переносить жестокія страданія и мучительную скуку болѣзни, исходъ которой онъ давно предвидѣлъ безъ страха и безъ слабости“...

Не многое можно прибавить къ этому портрету, написанному мастеромъ. И въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ Дидро часто противорѣчилъ себѣ, но эти противорѣчія были только плодомъ необыкновенной разносторонности его природы. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились на время всѣ тѣ силы и стремленія, которыя вскорѣ послѣ его смерти разразились такою страшною бурей.

С. Шашковъ.

# НА БО БЪ.

## ОЧЕРКИ ПАРИЖСКИХЪ НРАВОВЪ.

### ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

#### VI.

#### СМЕРТЬ ГЕРЦОГА МОРА.

Недѣлю спустя послѣ исторіи съ Моессаромъ, составившей новое усложненіе обстоятельствъ, Жансулэ, выйдя въ четвергъ изъ палаты, поѣхалъ къ герцогу Мора. Жансулэ не видалъ его со времени несчастнаго происшествія въ Королевской улицѣ; при мысли встрѣтиться лицомъ къ лицу съ нимъ у бѣднаго Набоба пробѣгала дрожь по всему тѣлу, какъ у гимназиста, идущаго къ директору послѣ совершенія какой-нибудь шалости. Однакожь, необходимо было вынести всю тяжесть этого свиданія. Въ отдѣленіяхъ палаты говорили, что Лемерсье докончилъ свой докладъ, поражающій глубокой логикой и жестокой враждой противъ Набоба, избраніе котораго предлагалось кассировать. Единственнымъ спасеніемъ для него было присутствіе герцога въ палатѣ, смиренно повиновавшейся его голосу. Дѣло было поэтому очень серьезное и бѣдный Набобъ, сидя въ своей великолѣпной каретѣ, внимательно, съ тревожнымъ біеніемъ сердца смотрѣлся въ зеркальныя стекла, принимая то веселое, добродушное, смѣлое выраженіе ловкаго царедворца, которое проложило ему дорогу при дворѣ Ахмета и снискало покровительство французскаго министра.

Прибывъ въ домъ герцога со стороны набережной, Жансулэ удивился, что швейцарь направлялъ экипажи къ другому подъѣзду, съ Дильской улицы, какъ въ дни большихъ приѣмовъ, когда для удобства назначались различный входъ и выходъ.

„Что-бы это значило? подумалъ онъ, — вѣроятно, у герцогини концертъ, благотворительный базаръ или какойнибудь другой праздникъ, на который меня не пригласили, благодаря скандальной исторіи съ Моессаромъ“.

Смущеніе Жансулэ еще болѣе увеличилось, когда, миновавъ парадный дворъ, полный подѣзжавшихъ и отѣзжавшихъ экипажей, онъ взомель въ громадную переднюю и замѣтилъ, что въ ней толпился весь Парижъ, записываясь у швейцара и не проникая во внутренніе покои. Казалось, что грозная буря разразилась надъ этимъ блестящимъ жилищемъ и нарушила его величественное спокойствіе.

— Какое несчастье!

— Ужасное!

— И какъ внезапно!

Такия восклицанія слышались со всѣхъ сторонъ. Жансулэ остановился, какъ пораженный громомъ.

— Герцогъ боленъ? спросилъ онъ у одного изъ лакеевъ.

— Онъ не переживетъ ночи, поспѣшно отвѣчалъ лакей.

Если-бъ потолокъ рухнулъ на голову бѣднаго Набоба, онъ былъ-бы не до такой степени пораженъ, какъ въ эту минуту. Въ глазахъ у него замерещились красныя бабочки, онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и тяжело опустился на бархатную скамейку подлѣ большой кѣтки съ обезьянами, которыя, переполошившись, начали бѣгать, прыгать и показывать самыя забавныя гримасы бѣдному Жансулэ, повторявшему вслухъ:

— Я погибъ! Я погибъ!

Герцогъ умиралъ. Возвратясь въ воскресенье съ прогулки изъ Булонскаго лѣса, онъ вдругъ почувствовалъ себя нехорошо. Какая-то невѣдомая рука выжигала точно раскаленнымъ желѣзомъ его внутренности, а по временамъ все его тѣло охлаждало и онъ впадалъ въ забытѣе. Тотчасъ послали за Дженкинсомъ; онъ предписалъ успокоительныя средства. На другой день страданія усилились и повторялись тѣ-же припадки ледянаго забытѣя. Но окружающіе герцога нисколько не безпокоились. „Это обычно-

венное слѣдствіе Сент-Джемса“, говорили съ улыбкой слуги, а Дженкинсъ все такъ-же добродушно улыбался. Онъ сказалъ только двумъ или тремъ изъ посѣтителей герцога, что министръ боленъ, но сказалъ это такимъ тономъ, что никто не обратилъ вниманія.

Даже самъ Мора, несмотря на свою слабость и, какъ онъ выражался, на отсутствіе всякой мысли въ головѣ, не подозрѣвалъ, что онъ находится въ опасности. Только на третій день, проснувшись утромъ и увидавъ кровавыя пятна на своей бородѣ и подушкѣ, онъ вздрогнулъ. Этотъ великосвѣтскій щеголь, отворачивавшійся отъ всѣхъ человѣческихъ страданій, съ ужасомъ увидѣлъ, что злая болѣзнь овладѣваетъ имъ со всѣми ея унижительною послѣдствіями: слабостью и самозабвеніемъ. Около этого времени вошелъ въ спальню герцога Монпавонъ вмѣстѣ съ Дженкинсомъ и замѣтилъ, какъ внезапно смутился могущественный вельможа, встрѣтаясь лицомъ къ лицу съ роковой истиной. Монпавонъ вздрогнулъ, замѣтя, какъ въ нѣсколько часовъ измѣнилось лицо Мора, теперь покрытое старческими морщинами и мрачными симптомами тяжелыхъ страданій. Онъ отвелъ въ сторону Дженкинса, пока герцогу подавали умыться въ серебряномъ рукомойникѣ.

— Послушайте, Дженкинсъ, сказалъ онъ, — герцогъ очень плохъ?

— Да, я боюсь...

— Что у него?

— То, чего онъ искалъ, произнесъ рѣзко ирландецъ; — нельзя безнаказанно молодиться въ его годы. Эта страсть его погубить.

Очевидно, какое-то злорадное чувство говорило въ Дженкинсѣ, но онъ тотчасъ спохватился и грустно прибавилъ, пожимая руки Монпавону:

— Бѣдный герцогъ, бѣдный герцогъ! О! другъ мой, я въ отчаяніи!

— Берегитесь, Дженкинсъ, отвѣчалъ холодно Монпавонъ, освобождаясь отъ его пожатій; — вы берете на себя ужасную отвѣтственность. Герцогъ такъ плохъ, а вы не требуете консультаціи.

Ирландецъ поднялъ руки къ небу, какъ-бы говоря: „къ чему?“

Монпавонъ, однако, настаивалъ, чтобъ созвана была консультація изъ знаменитѣйшихъ докторовъ: Брисе, Жуслена и Бушера.

— Но вы этимъ испугаете больного.

— Любезный Дженкинсъ, если-бъ вы видѣли меня и Мора при осадѣ Константины, то не сказали бы этого, произнесъ Монпавонъ гордо, выпячивая бѣлоснѣжную грудь своей рубашки;—мы не знаемъ страха и не опустимъ глазъ передъ опасностью. Пригласите вашихъ товарищей, а я предупрежу его.

Консультація состоялась вечеромъ, въ глубокой отъ всѣхъ тайнѣ, по требованію самого герцога, который стыдился своей болѣзни, сравнившей его съ простыми смертными. Подобно африканскимъ царямъ, которые передъ смертью скрываются въ отдаленномъ углу своего дворца, онъ желалъ-бы, чтобъ весь свѣтъ считалъ его не умершимъ, а преображеннымъ и за-живо перенесеннымъ на Олимпъ. Къ тому же онъ боялся слезъ, сожалѣній и нѣжностей, которыми окружили-бы непремѣнно его страдальческое ложе; онъ не вѣрилъ въ искренность горя, а истинное горе ему было еще болѣе противно, какъ нѣчто уродливое. Онъ вообще не терпѣлъ сценъ и высprenнихъ чувствъ, которыя могли тронуть его и нарушить гармоническое равновѣсіе его жизни. Всѣ окружающіе знали это и вопли несчастныхъ страдальцевъ, прибѣгавшихъ со всѣхъ концовъ Франціи къ его могучей помощи, никогда не достигали его ушей. Это, однакожь, не значитъ, что онъ былъ жестокъ и глухъ къ стонамъ несчастныхъ; напротивъ, онъ, быть можетъ, былъ слишкомъ склоненъ къ состраданію, но считалъ его слабостью, недостойной сильныхъ міра сего. Поэтому, отказывая всегда другимъ въ состраданіи, онъ теперь боялся встрѣтить въ другихъ состраданіе къ себѣ, чтобъ въ рѣшительную минуту мужество не измѣнило ему.

Никто въ домѣ, кромѣ Монпавона и камердинера Люи, не зналъ, для какой цѣли явились три человѣка, тайно введенные въ спальню государственнаго министра. Самой герцогинѣ это не было извѣстно. Отдѣленная отъ мужа обычными преградами великосвѣтской жизни, она полагала, что онъ слегка нездоровъ, и такъ мало подозрѣвала грозившую ей катастрофу, что въ ту самую минуту, когда доктора входили по полусвѣщенной парадной лѣстницѣ, ея половина освѣщалась по случаю танцевальнаго вечера.

Консультація была, какъ всегда, торжественная и роковая. Доктора теперь не носятъ большихъ париковъ, какъ во времена

Мольера, но сохраняютъ все тотъ-же мрачный видъ жрецовъ Иизды и астрологовъ, говорящихъ кабалистическими формулами, такъ что имъ только не достаетъ классическихъ остроконечныхъ шапокъ, чтобъ придать комичный характеръ всему дѣлу. На этотъ разъ, однакожь, означенная церемонія, благодаря обстановкѣ, въ которой она происходила, имѣла вѣчто внушающее. Въ громадной комнатѣ, какъ-бы еще увеличенной отъ неподвижности ея хозяйна, серьезныя фигуры докторовъ окружали кровать, на которой, среди бѣлоснѣжныхъ подушекъ и красныхъ занавѣсей, виднѣлось блѣдное, изрытое страданіями лицо больного. Доктора говорили тихо, поглядывали другъ на друга изподлобья и лица ихъ оставались неподвижными, непроницаемыми. Но это безмолвное, скрытное выраженіе лица, эта мрачная торжественность, которой врачи и судьи маскируютъ свою слабость или невѣжество, нисколько не дѣйствовали на герцога.

Сидя въ постели, онъ продолжалъ спокойно разговаривать съ Монпавномъ и только по его взгляду можно было замѣтить, что мысли не могли долго держаться въ его головѣ и немедленно исчезали. Монпавнокъ отвѣчалъ холодно, стараясь сдержать этой холодностью свое волненіе и почтительно принимая послѣдній урокъ приличія у своего бѣднаго друга. У двери, которая вела на половину герцогини, стоялъ Люи и безмолвно, равнодушно, какъ подобаетъ лакею, смотрѣлъ на все происходившее.

Одинъ Дженкинсъ находился въ лихорадочномъ волненіи. Онъ съ подобострастіемъ вертѣлся вокругъ своихъ „знаменитыхъ сотоварищей“, какъ онъ называлъ консультантовъ, и постоянно вмѣшивался въ ихъ разговоръ, но доктора держали его на приличномъ разстояніи, едва ему отвѣчали и вообще обходились съ нимъ очень гордо, какъ, вѣроятно, Фагонъ обращался съ какимъ-нибудь знахаремъ, призваннымъ въ болѣзненному одру Людовика XIV. Особенно старикъ Бушери смотрѣлъ искоса на Дженкинса. Наконецъ, осмотрѣвъ подробно больного и спросивъ его обо всемъ, доктора удалились въ маленькій, блестящій будуаръ, загромаженный множествомъ драгоценныхъ бездѣлушекъ, которыя представляли странный контрастъ съ роковымъ предметомъ совѣщанія.

Минута была торжественная, тягостная для несчастнаго, кото-



рый ожидалъ приговора судей; отъ ихъ слова зависѣла его жизнь или смерть, помилованіе или отсрочка казни!

Мора по-прежнему крутилъ усы своей длинной, бѣлой рукою и спрашивалъ у Монпавона равнодушно, безъ всякой афектаціи, что дѣлалось въ палатѣ, въ клубѣ, за кулисами театра. Потомъ, вѣроятно, уставъ или опасаясь, чтобъ его другъ не прочелъ волненіе въ его взглядѣ, обращенномъ на роковую дверь, онъ закрылъ глаза и открылъ ихъ только при появленіи докторовъ. Ихъ лица были по-прежнему холодны и мрачны, какъ и слѣдуетъ у судей, произносящихъ смертный приговоръ, хотя медики никогда не прибѣгаютъ къ ясной опредѣленности судебныхъ приговоровъ, а маскируютъ свое послѣднее слово смутными фразами.

— Ну, господа, что говорить медицинскій факультетъ?

Ему отвѣчали неопредѣленными совѣтами и утѣшеніями, послѣ чего доктора поспѣшили удалиться, избѣгая отвѣтственности за неминуемо грозившую катастрофу. Монпавонъ бросился за ними; Дженкинсъ остался у кровати больного, пораженный жестокими истинами, которыя высказали ему знаменитые сотоварищи. Что онъ ни говорилъ, какъ ни клялся, прикладывая руку къ сердцу, но доктора его не пожалѣли и Бушери прямо объявилъ, что это не первый пациентъ ирландца, умирающій скоростижно, и что въ виду смерти такого человѣка, какъ герцогъ Мора, конечно, все великосвѣтское общество отвернется отъ шарлатана, торгующаго возбуждательными средствами, а полицейскій префектъ вышлетъ его изъ Франціи.

Герцогъ тотчасъ понялъ, что ни Дженкинсъ, ни Люи не скажутъ ему правды о результатѣ консультаціи; онъ не сталъ подробно разспрашивать ихъ и даже притворился, что вѣрить утѣшительнымъ извѣстіямъ о ходѣ его болѣзни. Но когда Монпавонъ возвратился, онъ подозвалъ его къ постели и спросилъ:

— Скажи правду, не ври. Что они говорятъ, очень скверно?

Монпавонъ долго ничего не отвѣчалъ; потомъ, боясь расчуживаться, произнесъ грубо, цинично:

— Готово, околѣешь.

Герцогъ встрѣтилъ этотъ смертельный ударъ, не поморщась.

— А! сказалъ онъ просто и машинально закрутилъ усы.

Лицо его не дрогнуло и онъ не колебался ни минуты, какъ ему слѣдовало поступить.

Если бѣднякъ, умирая въ больницѣ безъ крова, безъ семьи, безъ имени, кромѣ нумера надъ кроватью, привѣтствуетъ смерть, какъ освобожденіе, или покорно встрѣчаетъ ее, какъ послѣднее испытаніе; если старикъ-поселянинъ, сгорбленный тяжелымъ трудомъ, удрученный болѣзнями, засыпая вѣчнымъ сномъ въ своей грязной, дымной хижинѣ, разстается съ жизнью безъ сожалѣнія и радостно предвкушаетъ отдыхъ въ сырой землѣ, обработанной его собственными руками,—все это понятно. И, однакожь, сколько такихъ умирающихъ восклицаютъ съ отчаяніемъ: „я не хочу умирать“, и въ дикой борьбѣ со смертію хватаются исхудалыми руками за грязную постель, за свои лохмотья. Но здѣсь не было ничего подобнаго. Все имѣть и все потерять—какое страшное паденіе!

Въ первую минуту, въ эту ужасную, безмолвную минуту, подъ смутные звуки отдаленной бальной музыки, все, что приковывало этого человѣка къ жизни: власть, почести, богатство, представлялось ему, какъ нѣчто прошлое, невозвратно погибшее. Много надо было имѣть мужества, чтобы перенести такой ударъ безъ всякой себялюбивой мысли. Никого не было въ комнатѣ, кромѣ стараго друга, доктора и слуги, отъ которыхъ у него не было тайнъ; кровать находилась въ полу-мракѣ и, отвернувшись къ стѣнѣ, онъ могъ на свободѣ, никѣмъ незамѣченный, оплакать свою горькую судьбу. Но нѣтъ, у него не было ни секунды слабости, ни одного жеста отчаянія.

Не сломавъ ни одной вѣтки на каштановыхъ деревьяхъ сада, не помявъ ни одного цвѣтка тропическихъ растений на парадной лѣстницѣ, не слышно ступая по мягкимъ коврамъ, смерть тихо явилась къ этому сильному міра сего и, пріотворивъ дверь, поманила его рукой. „Приди“, сказала она, и онъ отвѣчалъ просто: „я готовъ“. Такъ неожиданно, быстро, скромно исчезаютъ свѣтскіе люди изъ блестящихъ гостиныхъ.

Дѣйствительно, герцогъ Мора никогда не былъ ничѣмъ другимъ, какъ свѣтскимъ человѣкомъ. Всю жизнь онъ прожилъ въ маскѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, въ атласномъ нагрудникѣ, надѣваемомъ въ фехтовальныхъ залахъ въ дни торжественныхъ поединковъ, и всѣмъ жертвовалъ для сохраненія незапятнанной этой блестящей внѣшности, замѣнявшей ему мечъ война: онъ неожиданно превратился въ государственнаго человѣка, просто не-

рейдя изъ свѣтской гостиной на болѣе обширную спену, и былъ первостепеннымъ государственнымъ человѣкомъ благодаря своему свѣтскому такту, умѣнью слушать и улыбаться, знанію людей, скептицизму и хладнокровію. Это хладнокровіе не покинуло его и въ послѣднюю минуту.

Понимая, какъ мало времени ему осталось жить, и чувствуя на своемъ лицѣ холодное дыханіе роковой посѣтительницы, непритворившей за собою двери, онъ только думалъ, какъ лучше употребить эти немногіе часы, какъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ приличія, достойно наградивъ всѣхъ, кого слѣдовало, и не окомпрометировавъ ни одного изъ своихъ друзей. Онъ тотчасъ назвалъ нѣсколько лицъ, которыхъ желалъ видѣть, приказалъ послать за ними и потребовалъ своего секретаря, а когда Дженкинсъ замѣтилъ, что все это его слишкомъ утомить, онъ спокойно отвѣтилъ:

— Вы можете поручиться, что я доживу до утра? Я теперь чувствую себя сильнымъ, не мѣшайте мнѣ воспользоваться послѣдними минутами.

Люи спросилъ, надо-ли предупредить герцогиню. Мора прежде, чѣмъ отвѣтить, прислушался къ отдаленному эху бальной музыки, весело гремѣвшей на ея половинѣ, и произнесъ коротко:

— Нѣтъ еще. Мнѣ надо прежде кое-что окончить.

Онъ приказалъ подвинуть къ постели маленькій золоченый столикъ и хотѣлъ самъ разобрать хранившіяся въ немъ письма но чувствуя, что силы его вдругъ стали падать, онъ подозвалъ Монпавона.

— Сожги всё, промолвилъ онъ едва слышнымъ голосомъ и, видя, что Монпавонъ направился къ камину, въ которомъ пылалъ огонь, несмотря на теплую погоду, поспѣшно прибавилъ:— нѣтъ, не здѣсь... ихъ слишкомъ много... могутъ замѣтить...

Монпавонъ взялъ легкій столикъ и пошелъ къ дверямъ, сдѣлавъ знакъ слугѣ, чтобы онъ посвѣтилъ ему. Но Дженкинсъ схватилъ лампу и бросился за нимъ.

— Оставайтесь, Люи! воскликнулъ онъ;— вы нужны герцогу.

Монпавонъ и Дженкинсъ прошли по всѣмъ гостиннымъ и галереямъ, но нигдѣ въ каминахъ не было огня. Долго они блуждали по громадному, великолѣпному жилищу, гдѣ царилъ безмолвный ужасъ, за исключеніемъ одного коцца, въ которомъ раз-

давались веселые звуки, точно пѣснь пташки на крышѣ, готовой обрушиться.

— Нигдѣ нѣтъ огня, что намъ дѣлать? говорили они, обращаясь другъ къ другу въ смущеніи, какъ воры, незнающіе, чѣмъ взломать запертый сундукъ.

Наконецъ, Монпавонъ вышелъ изъ терпѣнія и пошелъ къ единственной дверкѣ, въ которую они еще не заглядывали.

— Если мы не можемъ ихъ съечь, то мы ихъ потопимъ, сказалъ онъ; — посвѣтите мнѣ, Дженкинсъ.

И они вошли. Куда? Только Сен-Симонъ, описывая разгромъ всевозможнаго величія и смутную неурядицу, слѣдующіе за неожиданной смертью сильныхъ міра сего, могъ-бы вамъ сказать, гдѣ они очутились. Монпавонъ своими нѣжными, бѣлыми руками спускалъ воду, а Дженкинсъ рвалъ письма и бросалъ ихъ въ пѣвящійся водоворотъ, гдѣ они крутились, мокли, покрывались пятнами отъ распускавшихся чернилъ и, наконецъ, исчезали со свистомъ въ сточной трубѣ.

Письма эти, надушенные, на атласной, цвѣтистой бумагѣ съ гербами и вензелами, выражали все одно—любовь, во всевозможныхъ ея видахъ, отъ записки искательницы приключеній, начинавшейся со словъ: „я васъ видѣла вчера въ Будонскомъ лѣсу, герцога“, до аристократическихъ упрековъ забытой любовницы. Монпавонъ зналъ все свѣтскія тайны и, бросая поспѣшный взглядъ на мелкій, сжатый, то выпускающій когти, то плѣняющій нѣжными чарами женскій почеркъ, восклицалъ: „Это г-жа Муръ, а это г-жа Атисъ“. И все обворожительныя общанія и горькіе укоры, плоды мимолетнаго каприза и долгой привычки, смѣшивались въ одну смутную, грязную массу и при шумномъ плескѣ клокочущей воды неслись къ забвенію съ этимъ безславнымъ, позорнымъ потокомъ. Вдругъ Дженкинсъ остановился; руки его дрогнули.

— Это кто? воскликнулъ Монпавонъ, смотря съ удивленіемъ на неизвѣстный почеркъ двухъ записокъ на сѣрой, атласной бумагѣ, съ которыхъ ирландецъ не сводилъ глазъ въ лихорадочномъ волненіи. — Если вы будете все читать, докторъ, то мы никогда не кончимъ.

Въ сердцѣ Дженкинса клокотало страстное желаніе взять эти письма и, читая ихъ на свободѣ, истерзать свою душу съ ка-

кимъ-то страннымъ упоеніемъ, а быть можетъ и воспользоваться ими, какъ могучимъ орудіемъ противъ неосторожной женщины, подписавшей подъ ними свое имя. Но строгій видъ маркиза смущалъ его. Какъ отвлечь его вниманіе? Случай представился самъ собою. Неожиданно въ этой грудѣ писемъ одна записка поразила ирландца своимъ мужскимъ, но дрожащимъ, старческимъ почеркомъ, и хотя онъ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, но произнесъ наивно:

— О! Это не любовное письмо! „Герцогъ, помоги, я погибаю; контрольная палата снова суетъ носъ въ мои дѣла“.

— Что вы тамъ читаете? воскликнулъ рѣзко Монпапонъ, вырывая письмо изъ рукъ доктора.

И тутъ впервые, благодаря небрежности Мора, неуничтожавшаго компрометирующихъ записокъ его друзей, маркизу представилось со всѣми ужасающими подробностями то мрачное положеніе, въ которомъ оставляла его смерть могущественнаго покровителя. До сихъ поръ, подъ впечатлѣніемъ неожиданнаго горя, онъ объ этомъ не подумалъ, но теперь въ головѣ его блеснула мысль, что герцогъ въ послѣднихъ своихъ распоряженіяхъ могъ его забыть. И, оставивъ Дженкинса докончить истребленіе любовной переписки Донъ-Жуана, онъ поспѣшно возвратился въ спальню Мора. Однако, не входя въ дверь, онъ остановился передъ тяжелой портьерой и сталъ прислушиваться къ долетавшимъ изъ комнаты звукамъ. Люи слезливымъ голосомъ, точно нищій на улицѣ, старался разжалобить герцога, описывая въ самыхъ черныхъ краскахъ ожидавшую его несчастную судьбу, и умолялъ позволить ему взять нѣсколько свертковъ золота, валавшихся въ ящикахъ.

— Да, да, возьмите все, отвѣчалъ больной едва слышнымъ голосомъ,— но ради Бога дайте мнѣ спать... дайте мнѣ спать!

Затѣмъ послышался шумъ открываемыхъ и закрываемыхъ ящиковъ. Монпапонъ не сталъ болѣе слушать и, не входя въ комнату, пошелъ назадъ. Жадная корысть лакея затронула въ немъ врожденную гордость. Все лучше, чѣмъ такое униженіе.

Сонъ, съ такимъ отчаяніемъ требуемый герцогомъ, или, лучше сказать, столбнякъ, продолжался всю ночь; на слѣдующее утро онъ просыпался нѣсколько разъ, но съ такими страданіями, что его немедленно усыпляли искусственными средствами. Въ эти крот-

кіе промежутки забытыя глаза его открывались, но смотрѣли мутно и, казалось, искали въ пространствѣ какихъ-то неопредѣленныхъ, далекихъ призраковъ. Наконецъ, около трехъ часовъ, онъ совѣтъ очнулся, узналъ Монпавона, Кардальяка и еще двухъ или трехъ пріателей и, обнаруживая сразу единственную свою заботу, спросилъ съ улыбкой:

— Что говорить обо мнѣ Парижъ?

Многочисленны и противоположны были толки, ходившіе по Парижу, но, конечно, весь городъ говорилъ только о немъ и поразительная вѣсть объ опасной болѣзни герцога Мора, разносимая вездѣ газетами со всевозможными комментаріями, волновала улицы, гостиницы, кофейни, фабрики, возбуждала политическіе споры въ газетныхъ редакціяхъ, въ клубахъ, даже въ каморкахъ привратниковъ и на имперіалахъ дилижансовъ.

Герцогъ Мора былъ самымъ блестящимъ воплощеніемъ второй имперіи. Великолѣпное зданіе отличается издали не своей архитектурной массой, не своей твердой или шаткой основой, а золоченой, тонкой ажурной работой. Въ глазахъ Франціи и всей Европы вторая имперія являлась только въ видѣ герцога Мора. Съ его исчезновеніемъ великолѣпное зданіе теряло всю свою красоту и выставяло удивленнымъ взорамъ уродливую, незагладимую трещину. И сколько существованій погибало, сколько богатствъ колебалось отъ смерти этого одного человѣка! Но ни на кого она не имѣла такого всеразрушающаго вліянія, какъ на Жансулэ, неподвижно сидѣвшаго на скамейкѣ подлѣ кѣлѣтки съ обезьянами.

Для него смерть Мора означала его собственную смерть, разореніе и конечную гибель. Онъ хорошо это понималъ и, узнавъ объ отчаянномъ положеніи герцога, не выразилъ ни сожалѣнія, ни сочувствія, не сдѣлалъ никакой свѣтской гримасы, а произнесъ съ жестокимъ, но вполне человѣческимъ эгоизмомъ: „Я погибъ“. И эти два слова онъ повторялъ машинально всякій разъ, какъ весь ужасъ его положенія вдругъ представлялся ему съ мельчайшими подробностями, подобно тому, какъ во время страшныхъ грозъ въ горахъ неожиданный блескъ молніи освѣщаетъ зіяющую бездну до дна, со всѣми острыми камнями и колючими растеніями, точно ожидавшими свою жертву.

Какой-то странный даръ предвидѣнія, сопровождающій роко-

вня катастрофы, открывалъ передъ нимъ всѣ ожидавшія его бѣдствія. Его избраніе, безъ сомнѣнія, будетъ кассировано безъ могущественнаго покровительства герцога, а затѣмъ послѣдуютъ банкротство, нищета и нѣчто еще хуже, потому что несмѣтныя богатства, исчезая, всегда оставляютъ пятно на чести ихъ обладателя. И сколько униженій и страданій придется ему перенести до конечной гибели! Черезъ недѣлю представить ко взыскацію векселя Швальбахъ на восемьсотъ тысячъ франковъ, потомъ Моессаръ требовалъ сто тысячъ франковъ отступного или грозилъ исходатайствовать у палаты дозволеніе преслѣдовать его въ полицейскомъ судѣ; наконецъ, семейства двухъ маленькихъ мучениковъ, умершихъ въ Вифлеемскомъ пріютѣ, начали процессъ противъ основателей этого филантропическаго учрежденія, а затрудненія въ Поземельномъ банкѣ грозили еще болѣе опасностью.

Одна была только у него надежда на поѣздку Поля Жери къ тунискому бею, но и то очень смутная, неопредѣленная.

— Я погибъ! Я погибъ!

Но въ толпѣ, наполнявшей громадную пріемную залу, никто не замѣчалъ его волненія; всѣ эти сенаторы, депутаты, члены государственнаго совѣта и другіе савонники думали только о себѣ, о своихъ разрушенныхъ надеждахъ и погибшихъ самолюбивыхъ ожиданіяхъ. Странно сказать, ни одно лицо не выражало сожалѣнія или горя, а казалось, всѣ какъ-будто сердились на герцога за то, что онъ своею смертью лишалъ ихъ всѣхъ своего могущественнаго покровительства. Вездѣ слышались фразы, произносимыя недовольнымъ тономъ: „Это неудивительно при такой жизни!“ Многіе останавливались у оконъ и разсматривали подѣзжавшіе экипажи, указывая другъ другу на какую-нибудь аристократическую ручку, подававшую въ окно кареты карточку ливрейному лакею.

По временамъ являлись изъ Тюльери приближенныя особы, которыхъ требовалъ больной; получивъ то или другое приказаніе, онѣ исчезали, причѣмъ смущеніе, видѣвшееся на ихъ лицахъ, мгновенно отражалось на окружающихъ. На минуту показался и Дженкинсъ, съ развязаннымъ галстухомъ, разстегнутымъ жилетомъ и смятой рубашкой, свидѣтельствовавшими о тяжелой борьбѣ со смертью, которую онъ выносилъ въ комнатѣ своего

пациента. Его тотчасъ окружили и забросали вопросами. Лицо ирландца выражало величественное горе, отъ котораго грудь его судорожно колыхалась и губы были сжаты; трудно было найти лучшей образецъ для изученія человѣческихъ гримасъ, чѣмъ, по-видимому, занимались обезьяны, съ любопытствомъ слѣдившія за всѣмъ, что происходило передъ ними.

— Агонія началась, сказалъ Дженнингсъ мрачно; — теперь осталось только нѣсколько часовъ. Ахъ! другъ мой, прибавилъ онъ, обращаясь къ Жансулэ, который подошелъ къ нему; — какой это человѣкъ! Сколько у него мужества! И никого онъ не забылъ. Онъ только-что мнѣ говорилъ о васъ.

— Неужели?

— Да, онъ сказалъ: „А что бѣдный Набовъ? Какъ идетъ дѣло объ его избраніи?“

И болѣе ничего. Герцогъ не прибавилъ ни слова, Жансулэ опустилъ голову. Чего-же онъ ожидалъ? Кажется, довольно и того, что въ подобную минуту Мора вспомнилъ о немъ!

Онъ вернулся на свое прежнее мѣсто и снова впалъ въ забытіе. Мало-по-малу обширная зала опустѣла и онъ догадался, что остался послѣднимъ, когда вокругъ него раздался громкій разговоръ лакеевъ.

— Мнѣ довольно. Я болѣе служить не хочу.

— А я останусь при герцогинѣ.

Эти слова лакеевъ, распорядившихся такъ, какъ будто герцогъ уже умеръ, приговаривали его къ смерти вѣрнѣе всѣхъ докторскихъ мнѣній.

Набовъ понялъ, что ему пора уѣхать, но прежде онъ хотѣлъ записать свое имя въ книгу у швейцара. Онъ подошелъ къ столу и швейцаръ указалъ ему на небольшое свободное мѣсто въ концѣ страницы. Написавъ свое имя, онъ вдругъ замѣтилъ, что подъ его подписью находилась подпись Гемерлинга съ большимъ росчеркомъ. Суевѣрный, какъ всѣ южные жители, онъ принялъ это за дурное предзнаменованіе и сердце его наполнилось ужасомъ.

Гдѣ ему обѣдать? Въ клубѣ или дома? Нѣтъ, онъ не хотѣлъ слышать снова безконечные толки о смерти Мора и предпочелъ пойти по улицамъ, куда глаза глядѣли. Вечеръ былъ теплый, благоуханный. Вездѣ было пустынно. Тамъ и сямъ за-



жигались фонари у входовъ въ увеселительныя заведенія и газовые рожки появлялись блестящими точками въ зелени. Шумъ посуды въ одномъ изъ ресторановъ возбудилъ въ головѣ Набоба мысль объ обѣдѣ. Ему подали обѣдъ на стеклянномъ балконѣ, выходявшемъ прямо противъ Дворца промышленности, гдѣ герцогъ въ присутствіи тысячи свидѣтелей привѣтствовалъ его депутатомъ. Онъ, казалось, видѣлъ и теперь подъ мрачнымъ портретомъ тонкое, аристократическое лицо герцога, которое, увы! покоилось въ эту минуту на бѣлоснѣжной подушкѣ одра смерти. Жансулэ случайно взглянулъ на карточку обѣда и съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ тотъ день было 20-е мая. Неужели прошелъ только мѣсяцъ послѣ открытія художественной выставки, а ему казалось, что это было десять лѣтъ тому назадъ. Мало-помалу сытный обѣдъ успокоилъ его нервы. Издали до него долетали разговоры слугъ.

— Есть извѣстія о герцогѣ? спрашивалъ одинъ. — Онъ, кажется, очень плохъ.

— Полно, отвѣчалъ другой, — выкарабкается. Такимъ людямъ вѣчно везеть.

Надежда такъ присуща человѣческому сердцу, что, несмотря на все видѣнное и слышанное Набобомъ, онъ ободрился отъ этихъ словъ, двухъ бутылокъ краснаго вина и нѣсколькихъ рюмочекъ водки. Развѣ не случалось, что выздоравливали умирающіе и доктора часто увеличивали опасность, съ цѣлю потому приписать себѣ чудесное выздоровленіе. „Не пойти-ли опять узнать?“ подумалъ Жансулэ и возвратился въ домъ герцога, утѣшая себя иллюзіями и рассчитывая на счастливую звѣзду, которая часто вывозила его въ жизни. Дѣйствительно, внѣшній видъ дома могъ вполне поддержать его надежды. Все было спокойно, какъ въ обыкновенные вечера, дворъ и алея были плохо освѣщены и почти пустынно; только у подъѣзда стояла большая, старинная карета. Въ передней горѣли двѣ громадныя лампы. Лакей дремалъ въ углу, а швейцаръ читалъ газеты. Онъ посмотрѣлъ черезъ очки на прибывшаго посѣтителя, но не сказалъ ни слова, а Жансулэ не смѣлъ спросить его о здоровьѣ герцога. На столѣ валялась груда журналовъ, и Набобъ, открывъ одну изъ книгъ, старался развлечь себя чтеніемъ; но черезъ нѣсколько минутъ послышался шелестъ платья и какіе-то смутные голоса. Изъ внутреннихъ ком-

натъ появился съдой, сгорбленный старикъ, весь въ кружевахъ и въ красной рясѣ. Онъ шелъ поспѣшными шагами и вполголоса произносилъ молитвы. Это былъ парижскій архіепископъ, сопровождаемый двумя ассистентами. Это видѣніе скоро исчезло и старинная карета отъѣхала отъ подъѣзда, увозя послѣднюю надежду Набоба.

— Это сдѣлано изъ приличія, сказалъ Монпавонъ, неожиданно подходя къ нему; — Мора эпикуреецъ, воспитанный въ идеяхъ... XVIII столѣтія. Но для народа не хорошо, чтобъ такой человѣкъ... Да, нечего говорить, онъ всѣмъ намъ примѣръ, какъ слѣдуетъ держать себя приличному человѣку до послѣдней минуты.

— Такъ все кончено? спросилъ Жансулэ съ ужасомъ. — Нѣтъ болѣе надежды?

Монпавонъ молча махнулъ рукой и сталъ прислушиваться къ глухому шуму колесъ по алеѣ. Раздался звонокъ, извѣщавшій о прибытіи посѣтителей. Монпавонъ громко считалъ: „разъ, два, три, четыре“. При пятомъ звонокѣ онъ всталъ съ мѣста.

— Теперь все кончено, вотъ и другой, сказалъ онъ, намекая на суевѣріе парижанъ, по которому посѣщеніе государя всегда предсказываетъ больному близкую смерть.

Со всѣхъ сторонъ появились лакеи, отворявшіе настежь двери и становившіеся шпалерою, а швейцаръ, стуча булавой о мраморный полъ, возвѣщалъ о прибытіи царственныхъ особъ, которыя, какъ увидалъ издали Жансулэ, медленно поднимались по парадной лѣстницѣ, предшествуемая лакеемъ съ большимъ канделябромъ. Ихъ было двое: она шла прямо, гордо, въ черной испанской мантильѣ; онъ двигался тише, держась за перила, усталый, сгорбленный, въ свѣтломъ пальто съ приподнятымъ воротникомъ, и едва сдерживалъ судорожное рыданіе.

— Пойдемте, Набобъ, здѣсь болѣе нечего дѣлать, сказалъ старый красавецъ, и, взявъ за руку Жансулэ, увлекъ его за собою.

На порогѣ парадной двери онъ, однакожь, остановился и, махнувъ перчаткой, произнесъ, обращаясь къ невидимому умирающему герцогу:

— Прощай, другъ!

Жестъ и тонъ маркиза были безукоризненно приличны, но голось его немного дрожало.

Рѣдко видывали въ клубѣ Королевской улицы, славящейся картежной игрой, такую чудовищную партію, какъ въ эту ночь. Она началась въ одиннадцать часовъ и продолжалась до пяти утра. Громадныя суммы валялись на зеленомъ столѣ, переходя изъ рукъ въ руки, то разбиваясь, то снова скупиваясь; цѣлыя состоянія погибли въ эту ночь, и Набобъ, старавшійся забыть свое горе въ страстномъ азартѣ, кончилъ партію тѣмъ, что выигралъ пятьсотъ тысячъ франковъ. На другой день на бульварахъ рассказывали, что этотъ выигрышъ достигъ до пяти миліоновъ, и всѣ выходили изъ себя, особенно „Messenger“, который въ длинной статьѣ громилъ искателей приключеній, которыхъ напрасно терпятъ въ клубахъ, гдѣ они только губятъ честныхъ людей. Увы! выигрыша Жансулэ едва хватало на оплату первыхъ векселей Швальбаха.

Во время этой безумной игры, невольнымъ виновникомъ которой былъ Мора, ни разу не было произнесено его имя. Ни Кардальякъ, ни Дженкинсъ не являлись. а Монпавонъ, возвратясь отъ герцога, легъ въ постель; онъ былъ болѣе пораженъ неожиданнымъ ударомъ, чѣмъ это выказывалъ. Такимъ образомъ, въ клубѣ не было получено никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій о больномъ.

— Умеръ-ли онъ? спрашивалъ себя Жансулэ, выходя изъ клуба, и ему непремѣнно захотѣлось лично убѣдиться въ этомъ. Его побуждала къ такому шагу уже не надежда, а какое-то нервное, болѣзненное любопытство, заставляющее несчастнаго погорѣльца возвратиться на развалины своего погибшаго дома.

Хотя было еще - очень рано и розовый утренній туманъ стоялъ въ воздухѣ, всѣ двери въ домѣ были отворены настежь, точно кто-нибудь отправлялся въ путешествіе. Лампы дымились на каминахъ, вездѣ видѣлась пыль. Набобъ прошелъ до перваго этажа, никого не встрѣтивъ, и только тогда услышалъ знакомый голосъ Кардальяка, диетовавшій длинный списокъ именъ, и скрипъ перьевъ. Искусный распорядитель праздниковъ въ честь себя занимался съ такой-же пламенной ревностью устройствомъ похоронъ герцога Мора. И какая удивительная дѣятельность! Герцогъ умеръ вечеромъ, а утромъ десять тысячъ приглашенныхъ билетовъ уже печатались и всѣ умѣвшіе писать въ домѣ занимались перепиской адресовъ. Не заглядывая въ эту широ-

визированную контору, Жансулэ прошелъ въ приемную залу, обыкновенно наполненную посѣтителями, а теперь совершенно пустынную. Посреди нея на столѣ лежали шляпа, перчатки и трость герцога; вещи, носимыя нами, всегда сохраняютъ нашъ отпечатокъ. Изгибъ шляпы напоминалъ форму усомъ герцога, свѣтлыя перчатки съ нетерпѣніемъ ожидали минуты обвить наболдашникъ гибкой, китайской трости; все это дышало и жило, точно чрезъ мгновеніе герцогъ войдетъ въ комнату, разговаривая, возьметъ эти вещи и выйдетъ въ парадную дверь.

Но нѣтъ, герцогъ не выйдетъ. Жансулэ достаточно было подойти къ полуотворенной двери спальни, чтобъ увидать на кровати, возвышавшейся на платформѣ съ тремя ступенями, неподвижную, гордую фигуру съ внезапно постарѣвшимъ лицомъ и выросшей въ одну ночь сѣдой бородой. У изголовья стояла на колѣняхъ женщина, вся въ бѣломъ и съ распущенными бѣлокурными волосами; далѣе видѣлись патеръ и монахиня, серьезные, сосредоточенные въ атмосферѣ молитвы, мрака и безсонницы.

Въ этой комнатѣ, гдѣ возникало столько самолюбивыхъ плановъ и столько погибало надеждъ, теперь царилъ тишина смерти. Не слышно было ни малѣйшаго шума, ни даже вздоха. Только, несмотря на ранній часъ, долетали съ моста Согласія рѣзкіе звуки флейты, которые уже не могли раздражить человѣка, спавшаго непробуднымъ сномъ и служившаго испуганному Набобу ровнымъ олицетвореніемъ его собственной судьбы.

Другіе видѣли эту блестящую комнату въ еще болѣе мрачную минуту, когда всѣ окна были открыты и на деревянномъ столѣ лежало обнаженное тѣло, только-что набальзамированное. Мозгъ изъ головы былъ вынутъ и замѣненъ губкой. Его вѣсъ, говорятъ, былъ дѣйствительно необыкновенный. Во всѣхъ газетахъ приводили его точную цифру, но теперь едва-ли кто-нибудь помнитъ, сколько вѣсилъ этотъ мозгъ государственнаго человѣка.

## ГЛАВА V.

### П о х о р о н ы.

— Не плачь, моя фея, ты лишаешь меня всякой бодрости. Ты будешь гораздо счастливѣе безъ твоего дрянного чертенка.

Ты вернешься въ Фонтенебло къ своимъ цыплятамъ. Десяти тысячъ франковъ, полученныхъ отъ Браима, тебѣ хватитъ на устройство, а потомъ не бойся, я тебѣ буду присылать денегъ. Если тебѣ нужны мои статуи, то, будь увѣрена, даромъ свѣ ему не достанутся. Я возвращусь богатой, можетъ быть, султаншей!

— Да, ты будешь султаншей, но я до тѣхъ поръ умру и никогда болѣе тебя не увижу.

И добрая Крежницъ горько плакала, прячась въ углу кареты, чтобъ скрыть свои слезы.

Фелиція оставляла Парижъ. Она бѣжала отъ мрачной бездны грусти и отчаянія, въ которую низвергала ее смерть герцога Мора. Какой ужасный ударъ для гордой дѣвушки! Сбунда, тоска, ревность, месть бросили ее въ объятія этого человѣка; она не пожалѣла для него ни женской гордости, ни дѣвичьяго стыда, и теперь онъ уносилъ въ могилу все, оставляя ее на всю жизнь опозоренной вдовою, лишенной права траура и слезъ. Два, три вѣдана въ Сент-Джемсъ и нѣсколько вечеровъ въ закрытомъ бенуарѣ маленькаго театра, гдѣ большой свѣтъ, стыдился самого себя, ищетъ запрещенной забавы, — вотъ все, что оставалось въ ея памяти отъ двухнедѣльной связи, отъ этого паденія безъ любви, отъ этого позора, неудовлетворявшаго даже мелочному женскому самолюбію трескучимъ блескомъ публичнаго и шумнаго скандала, отъ этого безчестія, ненужнаго, бесполезнаго, но неизгладимаго.

Очувившись въ тупомъ, безысходномъ положеніи женщины, упавшей въ лужу и стыдящейся встать отъ ироническихъ криковъ сожалѣнія глазѣющей толпы, Фелиція въ первую минуту хотѣла застрѣлиться, но ее остановила мысль, что это самоубійство припишутъ искренней любви, сердечному горю. Въ ухахъ ея уже раздавались сантиментальныя возгласы свѣтскихъ дамъ, передъ ея глазами мелькалъ нелѣпный образъ ея предполагаемой страсти среди безчисленныхъ капризовъ герцога; она видѣла съ отвращеніемъ, какъ красавцы Моессары парижской прессы цинично срывали фіалки съ ея голой могилы, вырытой рядомъ съ другою, болѣе знаменитой. Ей оставалось одно — ухвѣть такъ далеко, чтобъ самыя ея мысли потеряли всякую связь съ отдаленной отчизной. По несчастью, у нея не было денегъ. Тогда она вспомнила, что послѣ громаднаго успѣха ея произведеній на вы-

ставкѣ старый Браимъ-бей прѣзжалъ къ ней отъ имени своего государя съ блестящими заказами для Туниса. Въ ту минуту она сказала: нѣтъ; ее не соблазнили ни восточная щедрость, ни роскошное гостепрѣимство, ни мастерская въ великолѣпной галереѣ Бардо. Но теперь все это ей улыбалось. Одного ея слова было достаточно, чтобъ покончить дѣло. Сговорившись обо всѣхъ подробностяхъ по телеграфу, уложивъ поспѣшно чемоданъ и заперевъ свою квартиру, точно уѣзжала на недѣлю, она отправилась на желѣзную дорогу, удивленная сама этой неожиданной рѣшимостью и увлекаемая инстинктивнымъ стремленіемъ своей художественной натуры къ новой жизни въ невѣдомомъ климатѣ.

Яхта бея должна была ждать ее въ Генуѣ. Закрывъ глаза, она уже теперь видѣла передъ собою бѣлые камни итальянскаго порта на берегу моря, сверкающаго роскошью Востока, гдѣ все, даже паруса на синевѣ неба, нѣжно улыбаются, оглашая благоухающій воздухъ сладкой, упительной пѣсней. А въ Парижѣ въ этотъ день было грязно, темно, мокро; частый, постоянный, чисто-парижскій дождь лилъ изъ нависшихъ сѣрыхъ тучъ, образуемыхъ испареніями рѣки, столбами дыма, чудовищнымъ дыханіемъ столицы. Фелиція жаждала покинуть этотъ грязный Парижъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сердилась на кучера, непогонявшаго лошадей, на его несчастныхъ клячъ, которыя едва двигались, на необыкновенную давку у моста Согласія, гдѣ кишѣли кареты и дилижансы.

— Ступай! Ступай скорѣе!

— Нельзя... похороны.

Она высунула голову и тотчасъ съ ужасомъ отскочила отъ окна. Движущаяся масса солдатъ съ опущенными ружьями, блестящія въ воздухѣ каски и обнаженные головы многочисленной публики, глазѣвшей на нескончаемое шествіе, поразили ее въ самое сердце. Это были похороны герцога Мора.

— Не останавливайся, ступай вокругъ! воскликнула она.

Барета съ трудомъ повернула, какъ-бы не желая разстаться съ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, котораго Парижъ нетерпѣливо ждалъ уже четыре дня, и, миновавъ улицы Монтоня и Мальзербя, выѣхала лѣнливой, мелкой рысью къ церкви Св. Магдалины. Здѣсь тѣснота и давка были еще значительнѣе. Въ туманной,

дождливой дымкѣ свѣтились блестяще-освѣщенные окна церкви и раздавались отдаленные звуки службы, близившейся къ концу и полузаглушенной черной суконной драпировкой, а извѣтъ длинная лента торжественнаго кортежа извивалась по Королевской улицѣ до мостовъ, какъ-бы въ послѣдній разъ соединяя покойнаго съ рѣшеткой законодательнаго корпуса, которую онъ такъ часто проѣзжалъ. За церковью разстилалось пустынное шоссе бульваровъ, окаймляемое двумя шпалерами солдатъ, сдерживавшихъ толпы зѣвакъ на тротуарахъ; всѣ магазины были заперты, а балконы, несмотря на дождь, переполнены публикой, которая, вытягивая шеи, ждала съ нетерпѣніемъ траурной колесницы, точно масляничнаго быка или побѣдоносной арміи, возвращавшейся съ войны. Парижъ такъ жаждетъ зрѣлищъ, что тѣшится одинаково междоусобной бранью и похоронами государственнаго чловѣка.

Карета Фелиціи опять повернула назадъ и дала новый крукъ, чтобъ миновать шествіе; легко себѣ представить все неудовольствіе кучера и его клячъ, нарижая въ душѣ, при этомъ непонятномъ бѣгствѣ отъ великолѣпнаго дароваго представленія. Тогда началась капризная, беспорядочная скачка по пустыннымъ улицамъ Парижа, жизнь котораго вся хлынула въ артеріи бульваровъ; но какъ ни хитрилъ кучеръ, какъ ни объѣзжалъ преграды, какъ ни удалялся въ конечныя точки предмѣстій Сен-Дени и Сен-Мартена, чтобъ снова вернуться къ центру по другой дорогѣ, каждый разъ его останавливало все то-же препятствіе, все тотъ-же мрачный кортежъ, тихо подвигавшійся подъ заунывные звуки барабановъ.

Какая пытка для Фелиціи! Это пышное похоронное шествіе, мрачно отражавшееся даже на небѣ, торжественно выставяло напоказъ всему Парижу ея позоръ, паденіе. Гордая дѣвушка, возмущенная такимъ публичнымъ оскорбленіемъ судьбы, закрывала глаза и, отъинувшись на спинку кареты, не хотѣла смотрѣть, не хотѣла видѣть. Хорошая Кремницъ, полагая, что она изнемогаетъ отъ горя, старалась утѣшить ее и плакала при мысли объ ихъ разлукѣ, также прижавшись въ уголокъ; поэтому въ окнѣ кареты видѣлась только алжирская борзая собака съ ея тонкой мордой, дрожащими ноздрями и гордо протянутыми лапами. Наконецъ, послѣ безчисленныхъ объѣздовъ все той-же скучной

волнующей душу рысью, карета остановилась при громкихъ крикахъ окружающихъ, снова сдѣлала нѣсколько шаговъ, колыхаемая, приподнимаемая толпой, и вдругъ какъ-бы замерла на мѣстѣ, какъ-бы бросила якорь среди невозможной давки.

— Боже мой! сколько народу, сказала въ ужасѣ Кремницъ.

Фелиція очнулась отъ своего забытья.

— Гдѣ мы?

Подъ туманнымъ, свинцовымъ небомъ, набрасывавшимъ черныя флере на грустную дѣйствительность, разстилалась широкая площадь, запруженная несмѣтными толпами, которыя, стекаясь изъ сосѣднихъ улицъ, окружали неподвижной массой высокую, бронзовую, украшенную барельефами колону, господствовавшую надъ этимъ бушующимъ океаномъ человѣческихъ головъ, точно гигантская мачта погибшаго въ волнахъ корабля. Эскадроны кирасиръ съ палашами на-голо и батареи тяжелыхъ орудій охраняли широкую, свободную дорогу среди этой давки; быть можетъ, вся эта могучая, дикая сила ждала приближенія торжественнаго шествія съ затаенной мыслью отбить героя дня у грознаго врага, который такъ кичливо, такъ гордо велъ его въ неволю. Увы! всѣ кавалерійскія атаки, всѣ убійственныя канонады были тутъ безсильны. Узника везли скованнаго и защищеннаго тройной стѣнной дерева, метала и бархата. Никакая бомба не могла порвать связывавшихъ его оковъ и не отъ этихъ солдатъ могъ онъ ждать освобожденія.

— Ступай далѣе, я не хочу здѣсь останавливаться! воскликнула съ бѣшенствомъ Фелиція, схвативъ кучера за его мокрое каучуковое пальто.

Преслѣдовавшій ее грозный кошмаръ наполнялъ ея душу безумнымъ страхомъ, который тѣмъ болѣе усиливался, чѣмъ яснѣе слышалось приближеніе роковаго шествія. Но при первомъ движеніи колесъ крики и брань окружающей толпы возобновились съ новою силой. Надѣясь, что ему дозволить переѣхать черезъ площадь, кучеръ съ большимъ трудомъ проникъ до первыхъ рядовъ толпы, но тутъ его такъ сдавили со всѣхъ сторонъ, что невозможно было сдѣлать шага ни впередъ, ни назадъ. Надо было остаться въ этой давкѣ и терпѣливо сносить тяжелое дыханіе народа, пропитанное алкоголемъ, нескромные взгляды, сверкавшіе заранѣе отъ удовольствія поглазѣть на такое необыкновенное зрѣ-



лице. Кремиць перепугалась, но Фелиція не обращала вниманія на общее любопытство окружающихъ, смотрѣвшихъ съ удивленіемъ на юную красавицу, отправлявшуюся въ путешествіе съ такимъ небольшимъ багажемъ и подъ охраной такой маленькой покровительницы. Она думала только объ одномъ: что увидитъ его, что будетъ въ первомъ ряду зрителей при его торжественномъ шествіи.

Вдругъ раздался крикъ:

— Идутъ! Идутъ!

Наступила безмолвная тишина среди этой толпы, ожидавшей уже болѣе трехъ часовъ.

Шествіе приближалось.

Первымъ движеніемъ Фелиціи было спустить стору съ той стороны, гдѣ долженъ былъ пройти кортежъ. Но черезъ минуту, при раздавшемся вблизи барабанномъ боѣ, ею овладѣло какое-то дикое бѣшенство отъ невозможности избѣгнуть страшной пытки или, быть можетъ, она заразилась отъ окружающей толпы лихорадочнымъ любопытствомъ. Она быстро подняла стору и, высунувъ свое блѣдное лицо, поддерживаемое нервно сжатыми маленькими кулаками, казалась, хотѣла сказать:

— Ты хочешь... Ну, вотъ я и смотрю на тебя.

Это были великолѣпные похороны, какіе можно только вообразить, послѣдняя почеть, отданная мертвецу со всевозможнымъ блескомъ, звучнымъ и пустымъ, какъ глухіе перебаты ослиныхъ кожъ, обтянутыхъ крепомъ. Прежде всего видѣлись бѣлыя ризы духовенства въ пяти траурныхъ каретахъ, потомъ, влекомая шестью воронными кровными арабскими лошадьми, медленно двигалась траурная колесница, украшенная перьями, кистями, тяжелыми серебряными слезами и геральдическими коронами надъ колоссальными *М.*—роковыми буквами, какъ-бы издѣвавшимися надъ покойнымъ и замѣнившими его имя безъимянной, увѣчанной герцогской короной вличкой—*Мертвецъ*.

Тяжелый балдахинъ своею роскошной массой нагнеталъ тонкія колонны и колебался при каждомъ движеніи колесъ, какъ-бы потрясаемый сознаніемъ всего величія находившагося подъ нимъ покойника. На гробу лежала шпага, мундиръ и шляпа, никогда неслужившіе покойному и блестящіе золотомъ и перламутромъ среди черныхъ драпировокъ и живыхъ цвѣтовъ, напоминавшихъ

о веснѣ, несмотря на пасмурное небо. За колесницей шли слуги герцога, а далѣе торжественно и одиноко шагала герольдъ, въ мантии, съ черной бархатной подушкой, на которой видѣлись ордена всѣхъ цвѣтовъ и націй. Затѣмъ, предшествуемый церемоніймейстеромъ, выступала законодательный корпусъ въ лицѣ двѣнадцати его членовъ, выбранныхъ по жребію и въ числѣ которыхъ видѣлась колоссальная фигура Набоба въ новомъ, впервые надѣтомъ мундирѣ, точно ироническая судьба хотѣла дать ему вкусить отъ всѣхъ прелестей парламентскаго величія. Друзья покойнаго составляли страшную немногочисленную группу, прекрасно олицетворявшую всю пустоту мимурнаго существованія знатнаго савовника, вынужденнаго довольствоваться дружбой трижды обанкротившагося директора театра, продавца картинъ, разбогатѣвшаго лихвой, разореннаго, запятаннаго аристократа и нѣсколькихъ неизвѣстныхъ бульварныхъ кутилъ. Всѣ шли пѣшкомъ, съ обнаженными головами, и только среди депутатовъ видѣлось нѣсколько шелковыхъ черныхъ колпаковъ. Потомъ начинался безконечный рядъ экипажей.

На похоронахъ великихъ воиновъ за гробомъ всегда слѣдуетъ боевой конь героя, а здѣсь мѣсто этого вѣрнаго товарища побѣды занимала парадная восьмиресорная карета, въ которой герцогъ всегда являлся на свѣтскія и политическія собранія. Обитая чернымъ сукномъ и съ фонарями, покрытыми крепомъ, длинными граціозными складками ниспадавшимъ до самой земли, эта карета представляла новинку, послѣднее слово модныхъ похоронъ. Этому свѣтскому франту и слѣдовало до послѣдней минуты служить образцомъ „шика“ для парижанъ, собѣжавшихся на его похороны, какъ на торжественную скачку смерти.

Три церемоніймейстера открывали затѣмъ торжественный cortege, всегда одинъ и тотъ-же при всевозможныхъ торжествахъ: свадьбахъ, похоронахъ, крестинахъ, открытіи парламента и пріѣздахъ коронованныхъ особъ. Безконечный рядъ золотыхъ каретъ съ зеркальными окнами и блестящія ливреи на лакеяхъ и кучерахъ напоминали восхищенной толпѣ волшебные экипажи Золушки. Всюду раздавались восторженные: а! о! обыкновенно сопровождающіе полетъ блестящихъ ракетъ во дни фейерверковъ, а какой-нибудь услужливый полицейскій или всезнающій буржуа, любитель общественныхъ удовольствій, громко называлъ по именамъ

знатныхъ особъ, медленно двигавшихся подъ прикрытіемъ почетнаго конвоя драгунъ или кирасиръ. Тутъ были, какъ всегда, въ строго-опредѣленномъ іерархическомъ порядкѣ представители императора, императрицы и всѣхъ членовъ императорской фамиліи, члены государственнаго совѣта, маршалы, адмиралы, канцлеръ ордена Почетнаго Легіона, сенаторы, депутаты, судьи и профессора, горностаевныя мантии и парики которыхъ напоминали о древнемъ пышномъ Парижѣ среди нашей скептической эпохи блузы и черныхъ фраковъ.

Чтобъ отогнать отъ себя мрачныя мысли, Фелиція напряженно слѣдила за монотоннымъ, длиннымъ шествіемъ и мало-по-малу въ глазахъ у нея все смѣшалось, какъ-будто она, сидя въ гостинной въ дождливый день, перебирала альбомъ раскрашенныхъ рисунковъ къ исторіи официальныхъ костюмовъ съ древнихъ временъ до нашихъ дней. И всѣ эти сановники, сидѣвшіе неподвижно на кончикѣ бархатныхъ подушекъ, чтобъ глазѣющая публика не потеряла ни вершка ихъ блестящихъ мундировъ, шляпъ съ перьями и золотого шитья, чрезвычайно походили на раскрашенныя картинки; автоматы, выставленные напоказъ общественному любопытству, они равнодушно исполняли свою роль.

Равнодушіе было дѣйствительно характеристичной чертой этихъ похоронъ. Оно видѣлось на всѣхъ лицахъ, чувствовалось во всѣхъ сердцахъ, какъ у государственныхъ сановниковъ, большею частью знавшихъ герцога только официально, такъ и у друзей, слѣдовавшихъ пѣшкомъ за гробомъ, и у блестящихъ слугъ. Равнодушень и даже весель былъ толстый министръ, вице-президентъ совѣта, который своей мощной рукой, привыкшей повелительно ударять по трибунѣ, крѣпко держалъ одну изъ кистей катафалка и шель такъ быстро, точно хотѣлъ опередить лошадей, чтобъ поскорѣе запрятать въ землю своего врага, вѣчнаго соперника, преграждавшаго ему путь къ власти. Другіе три сановника шли гораздо тише и въ ихъ рукахъ кисти лѣниво, апатично дрожали. Равнодушно было духовенство по ремеслу. Равнодушны были слуги, съ которыми умершій обращался, какъ съ неодушевленными предметами. Равнодушень былъ Люи, для котораго этотъ день былъ послѣднимъ днемъ рабства, такъ-какъ онъ достаточно разбогатѣлъ, чтобъ купить себѣ свободу. Даже между друзьями замѣтно было это леденящее равнодушіе, хотя въ числѣ

ихъ были люди истинно преданные покойнику. Но Кардалякъ былъ слишкомъ занятъ наблюденіемъ за правильностью шествія, чтобъ предаться горю; къ тому-же это противорѣчило его натурѣ. Старикъ Монпавонъ былъ пораженъ въ самое сердце, но въ его глазахъ малѣйшая складка въ его накрахмаленной, блестящей полотняной кирасѣ была неприличной слабостью, недостойной его знаменитаго друга. Глаза его были сухи и блестящи, какъ всегда, тѣмъ болѣе, что гробовщики поставляли слезы на аристократическія похороны въ видѣ серебряныхъ блестокъ на черномъ сукнѣ. Однакожь, кто-то плакалъ среди членовъ законодательнаго корпуса, но онъ наивно плакалъ о самомъ себѣ. Это былъ бѣдный Набобъ, растроганный похоронной музыкой; ему казалось, что онъ хоронилъ самого себя, всѣ свои самолюбивыя надежды и ожиданія, такъ что его горе было только видоизмѣненіемъ того-же равнодушія.

Въ публикѣ удовольствіе, доставляемое красивымъ зрѣлищемъ, и неожиданная возможность превратить рабочій день въ праздникъ заглушали всѣ другія чувства. На бульварахъ зрители, наполнявшіе балконы, едва удерживались отъ рукоплесканій, а въ народныхъ кварталахъ неуваженіе къ покойнику выражалась еще откровеннѣе. Шутки, остроты и смѣхъ, возбуждаемый круглыми шляпами равиновъ или шапками цеховыхъ старшинъ, смѣшивались съ барабаннымъ боемъ.

Стоя въ водѣ, въ блузѣ и съ обнаженной, по привычкѣ, головою, бѣдность, непосильный трудъ, стачка, забастовка смотрѣли съ злобой улыбки на этого богатаго обитателя высшихъ сферъ, на этого герцога, лишеннаго теперь всего своего блеска, но при жизни, быть можетъ, никогда незаглядывавшаго въ эти захолустья Парижа. Но такова судьба; дорога на кладбище общая для всѣхъ—черезъ предмѣстье Сент-Антуана и улицу Рокетъ, до рововыхъ воротъ, такъ широко отворяющихся въ вѣчность. Да, чортъ возьми! пріятно видѣть, что такіе вельможи, какъ Мора, герцоги и министры, идутъ той-же дорогой, какъ вѣкъ, туда, куда стремится весь родъ человѣческій. Это равенство передъ смертью сглаживаетъ много несправедливаго въ жизни. Завтра хлѣбъ покажется дешевле, вино лучше и работа легче, потому только, что бѣдный труженикъ можетъ сказать себѣ: „Однако, и старикъ Мора пошелъ одной со всѣми дорогой“.

Шествіе продолжалось. Хоровыя общества, депутаты арміи и флота, офицеры всѣхъ родовъ оружія медленно выступали тѣсно скученной толпой передъ безконечнымъ рядомъ пустыхъ траурныхъ экипажей, присланныхъ ихъ господами только изъ уваженія къ принципу власти; наконецъ, шло войско и въ узкую, длинную Рокетъ, уже переполненную, какъ улей, вторглась цѣлая армія пѣхоты, кавалеріи и артилеріи, оглашая воздухъ лошадинымъ топотомъ, грохотомъ пушекъ и бряцаніемъ оружія, но все-же не заглушая рокового, дикаго боя барабановъ. Фелиція невольно вспомнила погребеніе африканскаго Негуса, при которомъ тысячи жертвъ сопровождаютъ своего государя на тотъ свѣтъ, и она спрашивала себя, не послѣдуетъ-ли вся эта блестящая, нескончаемая свита за великимъ покойникомъ въ пышную могилу, достаточно просторную, чтобъ всѣхъ принять.

— И сотвори ему вѣчную память, аминь, промолвила Крепица, когда карета двинулась по опустѣвшей площади, и эта молитва старой танцовщицы была, быть можетъ, единственной искренней нотой, вырвавшейся отъ чистаго сердца на всемъ протяженіи торжественнаго шествія.

Все кончено; произнесены три длинныя официальные рѣчи, холодныя, какъ склепъ, въ который спустили покойника, и въ которыхъ ораторы старались всего болѣе высказать свою преданность династіи. Пятнадцать пушечныхъ ударовъ возбудили безконечныя эхо владбища и смѣшали пороховой дымъ съ фабричнымъ дымомъ сосѣдняго плебейскаго квартала. Безчисленныя толпы пурпуровыхъ расъ, синихъ и зеленыхъ мундировъ, золотыхъ эксельбантовъ и другихъ официальныхъ эмблемъ спѣшатъ по многочисленнымъ аллеямъ и тропинкамъ между памятниками къ своимъ экипажамъ. По дорогѣ молча обиваются поклонами и знаменательными улыбками, тогда какъ траурныя кареты удаляются съ владбища вскачь. На всѣхъ лицахъ виднѣется нетерпѣливое, вполне законное желаніе поскорѣе освободиться отъ официального хомута и всей траурной внѣшности, которая даже сковывала фізіономіи присутствовавшихъ.

Тяжелый, толстый Гемерлингъ также спѣшилъ къ выходу съ владбища, съ трудомъ волоча опухшія ноги и отказываясь отъ многочисленныхъ предложеній пріятелей подвезти его, такъ-какъ только его карета могла выносить его тяжесть.

— Баронъ. баронъ! для васъ есть мѣстечко.

— Нѣтъ, благодарствуйте, я хочу размять ноги.

Наконецъ, чтобъ отдѣлаться отъ этихъ наскучившихъ ему предложевій, онъ повернулъ въ боковую, почти пустую алею, но не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ въ этомъ раскаялся. Во все время церемоніи онъ боялся встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Жансулэ, который, забывъ святость мѣста, могъ повторить съ нимъ скандальную исторію, случившуюся съ Моессаромъ. Два или три раза онъ замѣчалъ громадную голову его стараго товарища, обращенную къ нему и какъ-бы его отыскивавшую. Еще на большой алеѣ въ толпѣ можно было въ случаѣ несчастья найти спасенье, но тутъ... бррр! Вотъ почему Гемерлингъ ускорялъ свой шагъ, съ трудомъ переводя дыханіе, но все было тщетно. Въ началѣ алеи показалась высокая, здоровенная фигура Набоба; толстяку невозможно было спрятаться въ узкихъ проходахъ между памятниками, а мокрая, скользкая почва подавалась подъ его ногами. Онъ тогда рѣшился принять на себя равнодушный видъ и тѣшилъ себя надеждой, что, можетъ быть, Жансулэ не узнаетъ его. Но вскорѣ за нимъ раздался громкій, дрожащій голосъ:

— Лазарь!

Этого богача звали Лазаремъ. Онъ не отвѣчалъ и старался догнать группу офицеровъ, шедшихъ передъ нимъ.

— Лазарь! Эй! Лазарь!

Гемерлингъ вспомнилъ старое время, когда они вмѣстѣ работали на набережныхъ Марсея, и по привычкѣ хотѣлъ остановиться. Но мысль о томъ злѣ, которое онъ уже сдѣлалъ и еще намѣревался сдѣлать Набобу, наполнила его сердце невыразимымъ страхомъ; когда-же желѣзная рука опустилась на его плечо, холодный потъ выступилъ у него на лбу, ноги его подкосились, лицо пожелтѣло болѣе обыкновеннаго, глаза закрылись и онъ инстинктивно поднялъ руки, чтобъ оградить себя отъ ожидаемаго удара.

— Не бойся, я тебя не трону, сказалъ грустно Жансулэ; — напротивъ, я хочу тебя просить пожалѣть меня.

Онъ остановился, чтобъ перевести дыханіе. Гемерлингъ, изумленный и перепуганный, хлопалъ глазами, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Послушай, Лазарь, ты слышь же меня, я побѣжденъ въ неутомимой борьбѣ, которую мы ведемъ другъ съ другомъ такъ давно. Будь великодушенъ и пожалѣй твоего стараго товарища. Пощади меня, понимаешь, пощади меня!

Всѣ жили дрожали въ этомъ здоровенномъ великанѣ, растроганномъ траурной церемоніей. Толстаго Гемерлинга также пробрали похоронная музыка, отверстая могила, торжественныя рѣчи, пушечная пальба и вообще зрѣлище неминуемой для всякаго смерти. Голосъ-же его стараго друга окончательно пробудилъ все, что оставалось еще человѣческаго въ этомъ громадномъ кускѣ сала. Въ первый разъ послѣ десятилѣтней ссоры онъ видѣлъ такъ близко своего прежняго товарища. Сколько воспоминаній возбуждали въ немъ загорѣлое лицо Набоба, его широкія плечи, вовсе несоотвѣтствовавшія офиціальному мундиру. Передъ его глазами пронеслись, какъ во снѣ, тонкое, изорванное одѣяло, которымъ они вмѣстѣ покрывались, лежа рядомъ на палубѣ „Синая“, скромный обѣдъ, который они дѣлили по-братски между собою, крупныя луковицы, которыя они похищали въ огородахъ Марсея и сѣдали сырыми въ какой-нибудь канавѣ, мелкія суммы, отложенныя вмѣстѣ на черный день, и веселые, вкусныя ужины, которыми они угощали другъ друга, когда счастье начало имъ улыбаться.

Какъ можно было ссориться людямъ, такъ близко знавшимъ другъ друга и вскормленнымъ одной безплодной кормилицей—нищетою? Эти мысли блеснули въ головѣ Гемерлинга съ быстротою молніи и онъ инстинктивно схватилъ протянутую ему руку Набоба. Что-то животное, болѣе могущественное, чѣмъ ихъ вражда, заговорило въ ихъ сердцахъ и эти два человѣка, старавшіеся втеченіи десяти лѣтъ разорить и опозорить другъ друга, стали разговаривать просто, откровенно.

Вообще, когда друзья встрѣчаются послѣ долгой разлуки, то вслѣдъ за первыми привѣтствіями наступаетъ безмолвная тишина— не отъ недостатка, а, напротивъ, отъ избытія предметовъ для разговора. Жансузэ и банкиръ находились именно въ такомъ положеніи; но первый крѣпко держалъ за руку послѣдняго, боясь, чтобъ онъ не ушелъ и не поборолъ въ себѣ добраго порыва.

— Ты не торопиться, не правда-ли? Мы могли-бы немного

пройти съ тобою. Дождь пересталъ и я такъ радъ тебя видѣть, что, кажется, помолодѣлъ на двадцать лѣтъ.

— Да, пріятно встрѣтиться, отвѣчалъ Гемерлингъ, — только я не могу много ходить... мои ноги...

— Ахъ! да, твои бѣдныя ноги. Вонъ тамъ есть скамейка. Сядемъ. Облокотись на меня, старина.

И Набобъ по-братски провелъ толстаго банкира къ каменной скамьѣ, усадилъ его, и естественно ихъ разговоръ коснулся ихъ здоровья и приближавшейся старости. Оба они принимали пилюли Дженкинса — опасное средство, какъ доказала преждевременная смерть Мора.

— Мой бѣдный герцогъ! произнесъ Жансулэ.

— Большая потеря для страны, сказалъ банкиръ тономъ глубокаго убѣжденія.

— Особенно для меня, повторилъ наивно Набобъ; — если-бъ онъ былъ живъ... Ты счастливъ, нечего сказать. Ну, да и силенъ, очень силенъ, прибавилъ Жансулэ, боясь его оскорбить.

Баронъ посмотрѣлъ на своего стараго товарища и такъ странно заморгалъ, что маленькіе черныя глаза его почти исчезли въ желтомъ жирѣ, покрывавшемъ его лицо.

— Не я силенъ, сказалъ онъ, — а Марія.

— Марія?

— Да, баронеса. Принявъ христіанскую вѣру, она переименовала свое имя Іоанны на Марію. Вотъ это женщина. Она знаетъ банкирскія дѣла и Парижъ лучше меня. Теперь она ведетъ фирму.

— Ты счастливъ, сказалъ со вздохомъ Жансулэ, вспоминая съ стѣсненнымъ сердцемъ о своей женѣ.

Послѣ нѣкотораго молчанія баронъ продолжалъ:

— Жена очень сердится на тебя и, конечно, будетъ недовольна, узнавъ, что я съ тобою разговаривалъ.

Говоря это, онъ насупилъ брови, какъ-бы сожалѣя о приниженіи съ старымъ другомъ, которое должно было подвергнуть его всѣмъ непріятностямъ семейной сцены.

— Но я ничего не сдѣлалъ ей, сказалъ Жансулэ.

— Ну, ну, ты съ своей женою оскорбилъ ее въ первый визитъ послѣ нашей свадьбы. Помнишь, какъ твоя жена насъ не приняла и велѣла намъ сказать, что она не знается съ неволь-



ницами. Вѣдь наша дружба, кажется, должна была пересилить всѣ предрассудки. Вотъ этой обиды жена никогда не можетъ забыть.

— Но я тутъ ни причежь. Ты знаешь, какъ горда семья Афчинъ.

Онъ самъ, бѣдный, не былъ гордъ и лицо его выражало такую жалобную мольбу, что баронъ невольно пожалѣлъ товарища своей молодости. Рѣшительно кладбище смягчило его сердце, заплывшее жиромъ.

— Послушай, Франсуа, сказалъ онъ, — если ты хочешь, чтобъ мы по-прежнему были друзьями и чтобъ эта бесѣда не пропала даромъ, то примиришь съ моею женою. Ты не помѣшалъ своей женѣ прогнать насъ и я теперь исполню желаніе баронесы, если она мнѣ скажетъ: „Я не хочу, чтобъ ты съ нею помирися“. Никакая дружба не можетъ сравниться съ семейнымъ спокойствіемъ.

— Но что-же дѣлать? спросилъ съ испугомъ Набовъ.

— Очень просто. Баронеса принимаетъ каждую субботу. Приѣзжай съ женою послѣ завтра. Вы найдете въ моихъ гостинныхъ лучшее парижское общество. О прошедшемъ никто не вспомнитъ, наши жены поговорятъ о тряпкахъ и все будетъ улажено. Мы станемъ, по-прежнему, друзьями, и если ты дѣйствительно тонешь, то мы тебя вытащимъ.

— Ты думаешь? Мнѣ очень плохо, отвѣчалъ Набовъ, качая головой.

— Да, я повернулъ дѣло ловко, отвѣчалъ баронъ и снова его маленькіе глазки исчезли въ окружающемъ ихъ жирѣ; — ты также не промахъ. Пятнадцать миліоновъ, данныхъ взаимнѣю бею — искусный выходъ. Ты молодецъ, только дурно держишь карты. Твою игру видно издали.

Гемерлингъ съ удовольствіемъ видѣлъ смиреніе своего недавняго врага и спокойно давалъ ему совѣты, какъ поправить свои дѣла, которыя, повидимому, онъ отлично зналъ. По его мнѣнію, Набовъ могъ очень легко выйти изъ затрудненій. Все зависѣло отъ утвержденія его выборовъ. Но Жансуа потерялъ всякую надежду на утвержденіе. Лишившись герцога Мора, онъ потерялъ все.

— Ты потерялъ Мора, но нашелъ меня; одинъ другого стоить, замѣтилъ спокойно банкиръ.

— Нѣтъ, уже поздно. Лемеркье кончилъ свой докладъ. Онъ ужасенъ.

— Такъ что-жь? Онъ напишетъ другой, въ твою пользу.

— Какъ?

— Э, да ты поглупѣлъ, произнесъ баронъ съ удивленіемъ;— ему надо дать сто, двѣсти, триста тысячъ, вотъ и все.

— Полно, развѣ можно купить Лемеркье, этого строго-честнаго человѣка, прозваннаго: „моя совѣсть“.

Толстый банкиръ громко разсмѣялся.

— „Моя совѣсть“! Строго-честный человѣкъ! Вотъ насмѣшилъ-то! Развѣ ты не знаешь, что его совѣсть — моя и что... Но что это?

Онъ остановился, испуганный какими-то странными звуками. Это было эхо, повторявшее его смѣхъ въ сосѣднихъ стенахъ, точно мысль о честности Лемеркье разсмѣшила даже мертвецовъ.

— Пройдемся лучше, сказалъ онъ, вставая, — здѣсь, на каменной скамьѣ, что-то холодно.

Они медленно стали пробираться между могилами и баронъ съ педантичной самоувѣренностью объяснилъ бѣдному Набобу, что во Франціи взятка играла такую-же роль, какъ на Востоцкѣ, только она прикрывалась маскою.

— Вотъ, напримѣръ, Лемеркье, сказалъ онъ:— деньгами не возьметъ, но онъ любитъ картины и постоянно имѣетъ дѣла съ Швальбахомъ, который черезъ него получаетъ многихъ католическихъ кліентовъ. Лемеркье нельзя дать, какъ сераскиру, кошелекъ, полный золотыхъ, но ему на память присылаютъ картину, указавъ предварительно на ея цѣну. Впрочемъ, я поѣду съ тобою къ нему и покажу, какъ это дѣлается.

Набобъ былъ вѣ себя отъ удивленія; видя, что его наибольшую лѣстятъ банкиру, онъ еще болѣе таращилъ глаза, а Гермерлингъ, вполне довольный собою, продолжалъ расширять свою лекцію свѣтской, парижской философіи.

— Вотъ видишь, пріятель, въ Парижѣ главное — поддержать вѣѣшность. А ты слишкомъ искрененъ и откровененъ. Ты всѣмъ говоришь о своихъ дѣлахъ и ходишь себѣ по Парижу нара-

пашку, словно ты въ Тунисѣ на сусскомъ базарѣ. Поэтому ты и провалился, мой бѣдный Франсуа.

Толстякъ остановился, чтобъ перевести дыханіе. Онъ въ одинъ часъ прошелъ и наговорилъ болѣе, чѣмъ въ цѣлый годъ.

Между тѣмъ они случайно возвратились къ склепу Мора, находившемуся на небольшомъ открытомъ возвышеніи, съ котораго видѣлись вдали Монмартръ и Шомонъ, составлявшіе вмѣстѣ съ холмомъ Перъ-Лашезъ какъ-бы три волны, обыкновенно образующія морской приливъ. Небо прояснилось, какъ часто бываетъ послѣ дождливаго дня, и на пурпурномъ его фонѣ рельефно выдѣлялся мавзолей герцога съ его четырьмя аллегорическими задумчивыми, грустными фигурами. Ничего не оставалось на этой блестящей гробницѣ отъ всѣхъ официальныхъ сожалѣній и цвѣтистыхъ фразъ. Только притоптанная вокругъ земля и работницы, замывавшіе на мраморномъ полу пятна отъ известки, напоминали о недавнемъ погребеніи. Вдругъ съ шумомъ захлопнулась металлическая дверь герцогскаго склепа и могущественный министръ остался одинъ, совершенно одинъ во мракѣ смерти, еще болѣе черномъ, чѣмъ мракъ ночи, мало по малу окутывавшій сосѣднія алены, пирамиды, статуи, надгробные камни. Могильщики, убѣленные известковой бѣлизной высохшихъ костей, расходились по домамъ съ лопатами и заступами на плечахъ; запоздалые родственники недавно похороненныхъ мертвецовъ торопливо пробирались между могилами, какъ-бы оглашая воздухъ шелестомъ ермляевъ ночныхъ птицъ, а у воротъ кладбища слышался окликъ часовыхъ, запиравшихъ калитку. Вдали въ окнахъ сторожевой будки засвѣтились огни.

— Пойдемъ домой, сказали въ одинъ голосъ старые друзья, которыми все болѣе и болѣе овладѣвалъ окружавшій ихъ холодный мракъ.

— Вотъ человѣкъ, который до тонкости умѣлъ пользоваться внѣшностью, сказалъ Гемерлингъ, указывая на мавзолей герцога.

— Да, онъ былъ силенъ, отвѣчалъ Жансуаэ, взявъ подъ руку банкира, — но ты сильнѣе всѣхъ.

— Я всёми обязанъ своей женѣ, сказалъ Гемерлингъ, — поэтому еще разъ совѣтую тебѣ помириться съ нею, иначе...

— Не бойся, мы приѣдемъ съ женою въ субботу. А потомъ ты повезешь меня къ Лемеркѣ.

И эти двѣ фигуры, одна высокая, могучая, а другая толстая, коренастая, медленно направились къ воротамъ кладбища по лабиринту алей. Голосъ Жансулэ по временамъ раздавался въ темнотѣ: „Сюда, старина, обоприь на мою руку“. Но прежде, чѣмъ они совершенно исчезли, случайный лучъ заходящаго солнца на мгновение освѣтилъ колоссальный, выразительно смотрѣвшій на нихъ бюстъ Балзака съ его громаднымъ лбомъ, осѣненными длинными, приподнятыми къверху волосами, и толстой, иронической верхней губой.

## ГЛАВА VI.

### БАРОНЕСА ГЕМЕРЛИНГЪ.

Въ концѣ длинной, темной галереи, гдѣ находилась контора Гемерлинга и сына, большая, старинная лѣстница съ изящной, чугунной балюстрадой вела въ парадные покои баронесы, которые выходили во дворъ прямо надъ кассой, такъ что лѣтомъ, когда всѣ окна открыты, звяканье золотыхъ монетъ въ конторѣ составляло странный аккомпаниментъ свѣтскихъ разговоровъ, пропитанныхъ католицизмомъ. Впрочемъ, это выражало какъ нельзя лучше характеръ гостиной, въ которой встрѣчались самые разнообразные элементы: клерикализмъ, великосвѣтскость и биржевая игра, однакожь, не сдѣшиваясь и оставаясь рѣзко отдѣленными другъ отъ друга, какъ берега Сены: благородное Сен-Жерменское преддѣстье, подъ покровительствомъ котораго совершилось обращеніе въ христіанство красивой мусульманки, и финансовые кварталы, театръ дѣятельности Гемерлинга. Всѣ представители левантинской, довольно многочисленной въ Парижѣ колоніи, состоящей преимущественно изъ германскихъ евреевъ, которые, наживъ громаднаго состоянія на Востокѣ, еще продолжали торговать по привычкѣ,—являлись акуратно на приемы баронесы. Тунисцы, бывавшіе проѣздомъ въ Парижѣ, считали своимъ долгомъ поблудничать женѣ великаго финансиста, пользовавшагося милостями бея, а старый полковникъ Браимъ, тунискій повѣренный въ дѣлахъ, спалъ каждую субботу на одномъ и томъ-же диванѣ.

— У васъ въ гостиной пахнетъ гарью, говорила старая гер-

доггиня Діонъ новой Маріи, которую она и адвокат Лемеркье восприняли отъ купели.

Однакожь, присутствіе многочисленныхъ еретиковъ, евреевъ, мусульманъ, даже ренегатовъ, и толстыхъ, краснощекихъ левантинокъ, разряженныхъ въ пухъ и унизанныхъ золотыми украшеніями, не мѣшало Сен-Жерменскому предмѣстью посѣщать, покровительствовать и окружать своими попеченіями новообращенную католичку, послушную, живую куклу аристократовъ, которая носилась съ нею, вездѣ показывали ее и съ восхищеніемъ повторяли ея наивныя, ангельскія фразы, представлявшія такой контрастъ съ ея прошедшимъ. Быть можетъ, въ сердцахъ ея любимыхъ покровительницъ срывалась надежда найти въ этомъ многолюдномъ восточномъ обществѣ новый случай обратить кого-нибудь въ христіанство, а за этимъ первымъ торжествомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ церемоній: причащеніе, конфирмація и т. д., что служило поводомъ крестной матери сопровождать свою крестницу, руководить юную христіанскую душу, а также являться въ разнообразныхъ модныхъ костюмахъ, строго соотвѣтствующихъ данной церемоніи. Но не часто бываетъ, чтобъ богатый банкиръ, баронъ, привезъ въ Парижъ армянскую невольницу, только-что вышедшую изъ восточнаго серала и сдѣлавшуюся его законной женой.

Невольница! Вотъ пятно, которое жгло неизгладимымъ позоромъ прошедшее этой восточной красавицы. Купленная на адрианопольскомъ базарѣ для марокскаго императора, она послѣ его смерти и распущенія гарема была продана бею Ахмету. Оттуда взялъ ее Гемерлингъ и хотя тотчасъ женился на ней, но не могъ ввести ее въ туниское общество. Ни одна женщина какого-бы то ни было происхожденія—маврѣтѣйскаго, турецкаго или европейскаго—не хотѣла принимать на равной ногѣ прежнюю невольницу въ силу того предразсудка, который отдѣляетъ непреходимой бездной креолку отъ квартеронки, какъ-бы хорошо она ни была замаскирована. Тотъ-же непобѣдимый острализмъ преслѣдовалъ чету Гемерлинговъ въ Марсели, который слишкомъ близокъ къ Востоку, чтобъ не сохранить отчасти его обычая, и даже въ Парижѣ, гдѣ чужестранныя колоніи составляютъ замкнутые кружки, отличающіеся всѣми мѣстными предразсудками. Такимъ образомъ, Юмина провела два или три года въ совершен-

ножь уединеніи, но она сѣуиѣла воспользоваться этимъ временемъ, какъ самолюбивая и упорная въ своихъ стремленіяхъ женщина. Она основательно выучилась французскому языку, бросила на всегда свои вышитыя куртки и шелковыя розовыя шаровары, прижѣвила свою талію и походку къ европейскимъ модамъ и, наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ въ ложѣ итальянской оперы представила восхищенному Парижу новое зрѣлище мусульманки, красивой, изящной, хотя еще немного дикой, но одѣтой по послѣдней модѣ, съ прелестными обнаженными плечами. За одеждой пожертвована была вскорѣ и религія. Уже давно баронеса отказалась отъ всякихъ внѣшнихъ мусульманскихъ обрядовъ, но теперь Лемеркъ, ея чичероне въ Парижѣ и другъ дома, убѣдилъ ее, что торжественное обращеніе въ христіанство отворить ей двери въ аристократическій міръ, сдѣлавшійся еще болѣе замѣнутымъ съ тѣхъ поръ, какъ окружающее его общество совершенно побраталось съ демократіей. Однажды побѣдивъ Сен-Жерменское предмѣстье, все остальное дастся само собою. И, дѣйствительно, когда распространилась вѣсть, что послѣ надѣлавшаго много шума въ Парижѣ крещенія баронеса Гемерлингъ самыя знатныя имена Франціи не пренебрегали ея суботами, жены Гугенгейма, Фуэрнберга, Карайскаки, Мориса Трота и другихъ миллионеровъ, составившихъ себѣ состояніе въ Тунисѣ, отказались отъ своихъ предразсудковъ и сами просили позволенія бывать у прежней невольницы. Только г-жа Жансулэ, недавно прибывшая въ Парижъ съ восточными идеями, кальяномъ, страусовыми яйцами и другими мелочами туниской жизни, протестовала противъ подобнаго неприличія и объявила, что нога ея никогда не будетъ у „этой женщины“. Между госпожами Гугенгеймъ, Карайскаки и другими левантинками произошла полная реакція, какъ всегда бываетъ въ Парижѣ, и если онѣ слишкомъ далеко зашли, чтобъ вполне ретироваться, то онѣ дали почувствовать баронесѣ всю цѣнность ихъ жертвы и благосклонности. Онѣ обращались съ нею самымъ гордымъ, презрительнымъ тономъ, называли: „моя милая“, „моя добрая“, и при всякомъ удобномъ случаѣ выставляли на показъ жертву, принесенную ими ради нея. Съ тѣхъ поръ ненависть баронесы къ Жансулэ, мужу и женѣ, не знала границъ; это была жестокая, дикая ненависть восточнаго сераля, оканчивающаяся безмолвнымъ убійствомъ, которое труднѣе подго-

готовить въ Парижѣ, чѣмъ на берегахъ озера Эль-Багеира, что, однако, не мѣшало ей втайнѣ готовить орудіе своей мести. Всея левантійской колоніи была извѣстна эта взаимная вражда, а потому можно себѣ представить, съ какимъ удивленіемъ было узнано, что толстая Афчинъ, какъ обыкновенно называли г-жу Жансулэ, не только согласилась видѣться съ баронесой, но должна была первая сдѣлать ей визитъ въ слѣдующую субботу. Конечно, ни Фуэрриберги, ни Троты не могли пропустить такого праздника. Съ своей стороны баронеса ничего не жалѣла, чтобъ придать какъ можно болѣе блеска этому торжественному возстановленію ея оскорбленной чести; она безъ устали писала, выѣзжала и хлопотала, такъ-что, несмотря на конецъ сезона, г-жа Жансулэ, подѣзжая въ четыре часа къ дому Гемерлинга въ предмѣстьи Сент-Оноре, могла-бы видѣть на подѣздѣ, рядомъ съ скромной коричневой ливреей герцогини Діонъ и съ подлинными аристократическими гербами, блестящія фантастическія ливреи и пестрые гербы финансовыхъ тузовъ, даже напудренныхъ лакеевъ Каранскаки.

Наверху въ гостинныхъ былое такое-же странное, блестящее смѣшеніе разнообразныхъ элементовъ. Первые двѣ комнаты были проходныя, а въ третьей, будуарѣ, баронеса дѣлила свои граціозныя улыбки и любезныя фразы между двумя противоположными лагерями: съ одной стороны видѣлись темные, аристократическіе туалеты, повидимому, очень скромные и понятные только людямъ съ изящнымъ вкусомъ, а съ другой—царила вѣчная радужная весна пышныхъ, блестящихъ цвѣтовъ, дорогихъ брилліантовъ, дорогихъ пестрыхъ матерій и чужестранныхъ модъ, въ которыхъ слышалось какъ-бы сожалѣніе о болѣе тепломъ климатѣ и болѣе роскошной жизни. Въ одномъ углу слышался шелестъ большихъ вѣеровъ, въ другомъ — скромный шопоть. Мужчинъ тутъ было очень мало: нѣсколько молодыхъ людей, благомыслящихъ, безмолвныхъ, неподвижно сосавшихъ набалдашникъ своей тросточки; двѣ или три толстыя фигуры разбогатѣвшихъ лавочниковъ, стоявшихъ за спиною своихъ откормленныхъ супруговъ и говорившихъ вполголоса, точно предлагая контрабанду, а въ углу видѣлась почтенная патриархальная борода православнаго армянскаго епископа въ фіолетовой рясѣ.

Чтобъ поддержать хоть какую-нибудь связь между всѣми этими, неизмѣнными ничего общаго личностями, и чтобъ сохранить въ

полномъ составѣ свое общество до великой минуты появленія г-жи Жансулэ, баронеса перебѣгала изъ конца въ конецъ комнаты, поддерживала заразъ десять разговоровъ и щебетала своимъ гармоничнымъ, бархатнымъ голоскомъ, очаровательно извивая свою тонкую талію, изоцпляя свой не менѣе гибкій умъ и смѣшивая въ своемъ увлекательномъ разговорѣ всѣ возможные предметы: туалеты и проповѣди, театры и благотворительныя базары, моды-стокъ и духовниковъ.

Чарующая прелесть ея красоты присоединялась къ изысканному искусству хозяйки дома, обнаруживавшемуся во всемъ, даже въ простомъ черномъ платьѣ, которое рельефно выставляло затворническую блѣдность ея лица, сверкающіе глаза гуріи, роскошныя черныя волосы и маленький ротъ.

Если безусловная сила зла, столь рѣдко встрѣчающаяся въ женщинахъ, которыя по своей впечатлительной физической природѣ подвергаются самымъ разнообразнымъ стремленіямъ, дѣйствительно можетъ совмѣщаться въ человѣческой душѣ, то, конечно, ея присутствіе было замѣтно въ сердцѣ этой красивой невольницы, привыкшей къ невозможнымъ низостямъ и сдѣлкамъ съ совѣстью, возмущенной перенесенными униженіями, но терпѣливо владѣющей собою, какъ всѣ существа, привышія, благодаря постоянно скрывающему ихъ глаза вуалю, лгать безъ страха и стыда. Въ эту минуту никто не отгадалъ-бы, какая внутренняя тревога терзала сердце баронесы, — такъ очаровательно окружала она граціозными ласками старую герцогиню Діонъ, добрую женщину безъ всякихъ претензій, о которой г-жа Фуэрибергъ говорила: „такъ это-то герцогиня?“

— О! пожалуйста, крестная, не уѣзжайте, останьтесь еще немного.

И, говоря это, она становилась передъ герцогиней на колѣни и прелестно извивалась, какъ кошечка, но, конечно, не обнаруживала своего желанія воспользоваться ея высокимъ присутствіемъ для полнаго торжества надъ ненавистной Афчинъ.

— Но мнѣ надо ѣхать съ нимъ, отвѣчала добрая аристократка, указывая на безмолвнаго, величественнаго армянина, — покупать медали. Онъ безъ меня не сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь. Я хочу... Это необходимо. Еще нѣсколько минутъ.



И баронеса изподлобья смотрѣла на старинныя, великолѣпныя стѣнные часы.

Было уже пять часовъ, а толстая Афчинъ все еще не пріѣзжала. Левантинки начинали смѣяться, закрываясь вѣерами. По счастью, въ эту минуту подали чай, испанскія вина и множество разнообразныхъ, чрезвычайно вкусныхъ турецкихъ пирожныхъ, секретъ которыхъ сохраняется въ восточныхъ гаремахъ и вывезенъ изъ Туниса баронессой. Это послужило маленькой диверсіей. Тучный Гемерлингъ, являвшійся по субботамъ изъ своей конторы въ гостиную жены, разговаривалъ съ Морисомъ Тротомъ, нѣкогда банщикомъ Саида паши, попивая мадеру, когда его жена, спокойная и улыбающаяся, подошла къ нему. Онъ зналъ, что подъ этой маской скрывался пламенный гявъъ, и спросилъ шопотомъ, нерѣшительно:

— Никого?

— Никого; вы видите, какому униженію вы меня подвергаете.

— Она пріѣдетъ, она непременно пріѣдетъ! утѣшалъ ее баронъ.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ раздался шелестъ платья и баронеса быстро обернулась къ двери; но, къ величайшей радости левантинокъ, это была не дѣвица Афчинъ, а изящная, высокая блондинка въ безупречномъ туалетѣ, вполне достойная знаменитаго имени, которое она носила.

Однако, въ послѣдніе два или три мѣсяца красивая г-жа Дженкянсъ очень измѣнилась и постарѣла. Въ жизни свѣтской женщины, долго сохранившей свою молодость, настаетъ періодъ, когда всѣ года, незамѣтно пролетѣвшіе надъ ея головою, не оставивъ ни одной морщинки, вдругъ разомъ запечатлѣваютъ свой грубый, неизгладимый слѣдъ. Тогда внезапно перестаютъ говорить: „какъ она хороша“, и замѣняютъ эту фразу другой: „она, должно быть, была красавица“. Это жестокое превращеніе въ прошедшее того, что еще вчера было настоящимъ, вѣрный признакъ приближающейся старости. Разочарованіе-ли видѣтъ жену доктора вмѣсто г-жи Жансулэ или внезапное померчаніе славнаго моднаго доктора послѣ смерти герцога Мора, или другая какая-нибудь причина, но баронеса очень холодно встрѣтила г-жу Дженкянсъ. Слегка поздоровавшись съ нею и сказавъ послѣшню

нѣсколько словъ, она возвратилась къ благородному батальону левантинокъ, которыя энергично работали своими хорошенькими зубами. Дорогія испанскія вина придали одушевленіе всему обществу и шопотъ превратился въ громкій разговоръ. Принесенныя лакеями лампы придавали новый блескъ гостиной, но въ то-же время ясно говорили, что пріемъ близится къ концу, и нѣкоторые изъ гостей, неинтересовавшіеся ожидаемымъ пріѣздомъ, уже направились къ дверямъ. А Жансулэ и его жены все еще не было.

Вдругъ послышались поспѣшныя, тяжелые шаги и въ дверяхъ показался Набобъ въ черномъ сюртукѣ и свѣтлыхъ перчаткахъ; но лицо его, смущенное, взволнованное, носило явные слѣды страшной сцены, только-что разыгравшейся на Вандомской площади. Гордая левантинка не хотѣла пріѣхать. Утромъ Набобъ предупредилъ горничныхъ, чтобъ онѣ одѣли госпожу къ тремъ часамъ. Онъ всегда такъ дѣлалъ, когда выѣзжалъ куда-нибудь съ женою, такъ-какъ эта лѣнивая, апатичная женщина не принимала на себя никакой отвѣтственности, а предоставляла другимъ думать, рѣшать и дѣйствовать; но однажды двинутая съ мѣста, она охотно ѣхала, куда ее везли. На эту особенность ея характера и рассчитывалъ Набобъ, надѣясь, что ему удастся повезти ее къ Гемерлингамъ, не говоря ей до послѣдней минуты, куда они ѣдутъ, а только, въ случаѣ крайности, онъ наиѣревался сказать ей всю правду о грустномъ положеніи своихъ дѣлъ, чего она вовсе не подозрѣвала. Но когда послѣ завтрака онъ, одѣтый и даже въ перчаткахъ, велѣлъ спросить, готова-ли жена. ему отвѣчали, что она въ этотъ день не собирается выѣзжать. Дѣло было до того серьезно, что онъ пренебрегъ прислугой, служившей обычнымъ путемъ сообщеній между мужемъ и женой, и поспѣшно взбѣжавъ по лѣстницѣ, ворвался, какъ порывъ южнаго вѣтра, въ спальню левантинки.

Она лежала еще въ постели, въ широкой мавританской шелковой туникѣ двухъ цвѣтовъ, называемой джебба, и въ маленькой, шитой золотомъ, шапочкѣ, изъ-подъ которой блестящими волнами ниспадали ея роскошные черные волосы, окаймлявшіе ея толстое, раскраснѣвшееся отъ недавно выпитаго кофе лицо. Приподнятые рукава джеббы обнажали громадныя, уродливыя руки, увязанныя браслетами и лѣниво перебиравшія находившіяся передъ нею маленькія зеркальца, стеклянки съ духами, микроско-

пическія трубочки, портсигары и другія безконечныя мелочи, окужающія навританку при ея утреннемъ туалетѣ.

Комната, наполненная одуряющимъ запахомъ турецкаго табака, представляла такой-же беспорядокъ. Негритянки ходили взадъ и впередъ, медленно убирая кофе, любимая газель лизала чашку, опрокинувъ ее на коверъ, а мрачный Кабасю съ трогательной фамиллярностью сидѣлъ у кровати и громко читалъ драму въ стихахъ, которую Бардалякъ ставилъ на своемъ театрѣ. Отъ этого чтенія левантика остолбенѣла.

— Любезный другъ, сказала она, увидавъ мужа и говоря грубымъ акцентомъ фламандки, — я, право, не знаю, о чемъ думаетъ нашъ директоръ. Я читаю новую пьесу, отъ которой онъ сходитъ съ ума, но она производитъ невыносимую скуку.

— Плевать мнѣ на театръ! воскликнулъ Жансулэ вѣвъ себя отъ гнѣва. — Какъ, вы еще не готовы? Развѣ вамъ не сказали, что мы выѣзжаемъ?

— Мы поѣдемъ завтра, сказала она своимъ апатичнымъ, за-спаннымъ тономъ.

— Завтра! Это невозможно. Намъ ждутъ сегодня. Этотъ визитъ чрезвычайно важенъ.

— Къ кому?

— Къ Гемерлингу, отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго размышленія.

Она молча посмотрѣла на него, полагая, что онъ смѣется надъ нею. Тогда онъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ барономъ на похоронахъ герцога Мора и о мировой сдѣлкѣ, заключенной между ними.

— Поѣзжайте, если хотите, отвѣчала она холодно, — но плохо вы меня знаете, если думаете, что я, урожденная Афчинъ, войду къ этой невольницѣ.

Кабасю, видя, что дѣло принимаетъ рѣзкій оборотъ, быстро исчезъ въ сосѣднюю комнату.

— Я вижу, сказалъ Набобъ, — что вы не понимаете, въ какомъ ужасномъ положеніи я нахожусь.

И, не обращая никакого вниманія на прислугу, онъ въ нѣсколько словъ объяснилъ, что все его состояніе захвачено беемъ, что его кредитъ потерянъ, что вся его жизнь зависитъ отъ рѣшенія палаты, что Гемерлингъ можетъ сильно повліять на

докладчика и что поэтому необходимо было пожертвовать всѣмъ, чтобъ достигнуть такого важнаго результата. Онъ говорилъ съ жаромъ и старался убѣдить ее, но она отвѣчала просто, какъ-будто дѣло шло о простой, обыкновенной прогулкѣ.

— Я не поѣду.

— Это невозможно! воскликнулъ Набобъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: — подумайте, что дѣло идетъ о всемъ моемъ состояніи, о будущности нашихъ дѣтей, о сохраненіи незапятнаннымъ нашего имени. Вы не можете отказать въ этомъ визитѣ.

Но она стояла на своемъ, что урожденная Афчинъ не можетъ ѣздить въ гости къ невольницѣ.

— Эта невольница гораздо лучше васъ, воскликнулъ гнѣвно Набобъ:—она своимъ умомъ удесатерила состояніе своего мужа, а вы, напротивъ...

Впродолженіи двѣнадцатилѣтней супружеской жизни Жансулэ въ первый разъ осмѣлился поднять голосъ противъ жены. Стало-ли ему стыдно отъ этого великаго преступленія или онъ понялъ, что такимъ поступкомъ создастъ между собой и женою непроходимую бездну, но онъ тотчасъ переѣвилъ тонъ, всталъ на колѣни передъ кроватью и нѣжными, ласковымъ голосомъ, которыми всегда образумливаютъ дѣтей, сказалъ:

— Моя милая Марта, прошу тебя, встань и одѣнься. Это необходимо для тебя, для твоего счастья. Что станетъ съ тобою, если, по неожиданному капризу судьбы, мы вдругъ очутимся въ нищетѣ!

Слово „нищета“ не имѣло для левантинки никакого значенія, какъ слово „смерть“ для маленькихъ дѣтей... Она не понимала его смысла и потому оно нисколько на нее не подѣйствовало. Твердо рѣшившись не покидать своей постели, она спокойно закурила новую папирску, и пока бѣдный Набобъ упрашивалъ, умасливалъ свою „обожаемую жену“, обѣщая подарить ей новую діадему изъ жемчужовъ, она хладнокровно пускала къ потолку клубы дыма. Наконецъ, передъ этимъ безмолвнымъ отказомъ и упорнымъ упрямствомъ, онъ вышелъ изъ себя и, выпрямившись во весь ростъ, воскликнулъ:

— Вставай, я этого хочу. Одѣньте вашу госпожу, и поскорѣй, прибавилъ онъ, обращаясь къ негрятянкамъ.

Въ немъ проснулась грубая природа марсельскаго носильщика.

Бросивъ на полъ подушки со всѣми находившимися на нихъ мелочами, онъ заставилъ силою соскочить на полъ полуобнаженную левантинку. Она заскрежетала зубами, сбила на бокъ красную съ золотомъ шапочку и, кутаясь въ складкахъ своей джеббы, стала осыпать мужа самыми площадными ругательствами.

— Никогда, слышишь — никогда ты не потащишь меня къ этой...

Изъ ея толстыхъ губъ полился цѣлый потокъ самыхъ отвратительныхъ бранныхъ словъ, которыя переносили Жансулэ въ самую низкую изъ марсельскихъ трущобъ или на берегъ этого южнаго порта, гдѣ генуэзцы и провансальцы постоянно ссорились, выгружая мѣшки съ хлѣбомъ. Это совершенно походило на левантинку, избалованнаго ребенка, которая по вечерамъ съ своей терасы или изъ глубины своей гондолы слыхала грубую брань матросовъ и заучивала ихъ ругательства на всевозможныхъ языкахъ. Бѣдный Набовъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не поѣду, не поѣду! кричала левантинка съ пѣной у рта.

И это была мать его дѣтей, гордая представительница рода Афчинъ!

Вдругъ мысль, что вся его судьба находилась въ рукахъ этой женщины, что ей стоило только надѣть платье для его спасенія и что время идетъ, отуманила его разсудокъ. Онъ поблѣднѣлъ и бросился на нее съ сжатыми кулаками. Левантинка въ испугѣ побѣжала къ дверямъ, въ которыя вышелъ Кабасю, и громко закричала:

— Аристидъ!

Это странное восклицаніе, эта фамиллярность его жены съ презрѣннымъ учителемъ гимнастики, отрезвили Жансулэ. Онъ съ отвращеніемъ выбѣжалъ изъ комнаты, жажда удалиться изъ своего опозореннаго дома.

Спустя четверть часа, онъ вошелъ въ гостиную Гемерлинга и, грустно кивнувъ головой банкиру, пробормоталъ фразу, столь часто повторяемую гостями на его балѣ:

— Жена больна и чрезвычайно сожалѣетъ, что не могла...

Баронеса не дала ему кончить фразы, встала съ кресла и, не смотря на него, сказала:

— Я знала, я знала.

И, болѣе не обращая на него никакого вниманія, подѣла къ другимъ гостямъ. Бѣдный Набобъ подошелъ къ Гемерлингу, но онъ, казалось, былъ занятъ серьезнымъ разговоромъ съ Морисомъ Тротожъ. Тогда Жансулэ сѣлъ рядомъ съ м-съ Дженкинсъ, которая находилась въ такомъ-же одинокомъ положеніи, и, разговаривая съ нею, съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ баронеса принимала гостей въ этой уютной, роскошной комнатѣ, нисколько не походившей на его золоченные сараи.

Гости стали развѣзжаться. Баронеса провожала нѣкоторыхъ изъ дамъ, подставляла свой лобъ материнскому подѣлю старой герцогини, просила благословенія армянскаго епископа, молча улыбалась свѣтскимъ юношамъ съ тросточками въ рукахъ, — однимъ словомъ, прощалась со всѣми, какъ слѣдовало, съ достоинствомъ и любезностью. Бѣдный Набобъ не могъ не сравнить эту восточную невольницу, сдѣлавшуюся истой парижанкой среди лучшаго общества всего свѣта, съ своей женой - европейкой, растлѣнной Востокомъ, отупѣвшей отъ турецкаго табаку и празднои жизни. Его самолюбіе, какъ мужа, было оскорблено такой женою и онъ только теперь увидѣлъ, къ какимъ опасностямъ и къ какой пустотѣ велъ его этотъ бракъ, точно судьба хотѣла его совершенно доканать, лишая даже семейнаго счастья, послѣдняго убѣжища отъ превратностей жизни.

Мало-по-малу гостинная опустѣла. Левантинки удалились одна за другой, а вслѣдъ за ними и м-съ Дженкинсъ, такъ что всего оставалось двѣ или три дамы, за которыми баронеса искусно скрывала себя, очевидно не желая вступать съ нимъ въ разговоръ. Но Гемерлингъ былъ одинъ и Набобъ нагналъ его въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ скрыться въ свою контору. Жансулэ забылъ даже поклониться баронесѣ, — такъ сильно было его волненіе; что-же касается толстаго Гемерлинга, онъ только при жевѣ былъ холоденъ съ своимъ старымъ другомъ, а очутившись на площадѣ лѣстницы, принялъ другой, болѣе искренній тонъ.

— Очень жаль, что г-жа Жансулэ не захотѣла пріѣхать, сказалъ онъ вполголоса, какъ-бы боясь, чтобъ его не подслушали.

Жансулэ только махнулъ рукою въ знакъ отчаянія и полной безпомощности.

— Очень жаль, очень жаль! повторилъ баронъ, отыскивая въ карманъ ключъ отъ своего кабинета.

— Однако, старина, сказалъ Набобъ, взявъ его руку, — если наши жены не могутъ сойтись, то это не причина намъ ссориться. Какъ мы славно съ тобою поболтали на кладбищѣ.

— Конечно, отвѣчалъ баронъ и, отперевъ дверь въ свой кабинетъ, освѣщенный одинокой лампой, остановился на порогѣ. — Ну прощай, мнѣ надо еще много писать.

— Ну, а нашъ визитъ къ Лемерье, голубчикъ? сказалъ Набобъ; — а картина, которую мы хотѣли ему поднести? Когда мы поѣдемъ?

— Ахъ! да, къ Лемерье. Хорошо, хорошо, я тебѣ напишу.

— Это вѣрно? Ты знаешь, что дѣло спѣшное.

— Да, да, я тебѣ напишу. Прощай.

Съ этими словами толстякъ вошелъ въ кабинетъ и захлопнулъ за собою дверь, точно боясь, чтобы жена не застала его съ Набобомъ.

Черезъ два дня Набобъ получилъ записку отъ Гемерлинга которую онъ едва могъ разобрать, ибо почти всѣ слова были не докончены, — хитрая уловка скрыть полную безграмотность.

„Любезн. стар. тов. Я не могу рѣшит. сопровождать тебя къ Лемерк. заваленъ дѣл. Къ тому-же тебѣ наединѣ съ нимъ буд. лучше. Ступай смѣло. Тебя ждутъ. Ад. ул. Кас. каждое утро отъ 8 до 10. Твой пред.

Гемер.“

Внизу записки было прибавлено другимъ, болѣе мелкимъ, но вполне разборчивымъ почеркомъ:

„Картину духовнаго содержанія, получше“.

Какъ было смотрѣть на это письмо? Считать-ли его доказательствомъ искренняго сочувствія или только желаніемъ отдѣлаться? Но времени не оставалось на предположенія, и Жансулэ, преодолевъ весь страхъ, внушаемый ему Лемерье, отправился къ нему на слѣдующее утро.

Лемерье, знаменитый адвокатъ, депутатъ Ліона, повѣренный по дѣламъ всѣхъ крупныхъ монастырскихъ общинъ Франціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повѣренный фирмы Гемерлинга, жилъ въ сообществѣ съ католическимъ клубомъ, котораго онъ былъ председателемъ. Жансулэ остановился передъ стариннымъ домомъ. Взой-

дя по широкой лѣстницѣ, выбѣленной, какъ въ монастыряхъ, онъ почувствовалъ, что вдругъ очутился въ клерикальной провинци, и въ его головѣ воскресли роємъ впечатлѣнія дѣтства, нисколько неизмѣнившіяся, благодаря его долгому отсутствію изъ родины. Набобъ все еще не хотѣлъ вѣрить въ продажность чело-вѣка, про безкорыстіе котораго слышалъ нерѣдко. Его прямо привели въ приемную адвоката съ кисейными занавѣсами и большой, прекрасной копіей „Мертваго Христа“ Тьюторета надъ дверью. Одного взгляда на эту комнату было достаточно, чтобъ вполне убѣдиться въ ложности всего, что онъ слышалъ о Ле-меркье. Вѣроятно, все это были однѣ клеветы, такъ быстро распространяющіяся въ Парижѣ, или, быть можетъ, ему была разставлена новая западня, вродѣ тѣхъ, которыя онъ встрѣ-чалъ на каждомъ шагу въ послѣдніе полгода. Нѣтъ, строгая, неподкупная честность этого холоднаго, суроваго чело-вѣка не позволяла обращаться съ нимъ, какъ съ толстыми пашами, у которыхъ пояса и рукава были нарочю очень широки, чтобъ легче было прятать кошельки съ золотомъ. Предложить взятку такому чело-вѣку было невозможно: онъ, безъ сомнѣнія, оскор-бится.

Набобъ все это говорилъ себѣ, сидя на одной изъ боковыхъ скамеекъ, стоявшихъ по стѣнамъ и лоснившихся отъ частаго при-косновенія къ нимъ шелковыхъ и шерстяныхъ рясъ католическихъ патеровъ. Несмотря на ранній часъ, нѣсколько посѣтителей уже находились въ приемной. Доминиканецъ съ аскетическимъ лицомъ и торжественной фигурой ходилъ взадъ и впередъ торопливыми шагами, двѣ скромныя монахини перебирали четки въ углу, а нѣсколько патеровъ изъ Ліона, какъ обнаружили ихъ шляпы, сидѣли вокругъ большого стола, просматривая тѣ клерикальныя газеты, которыя издавали ежегодно своимъ подписчикамъ въ видѣ премія индульгенцію на будущіе грѣхи.

Царствовавшая въ комнатѣ тишина, прерываемая отъ времени до времени шопотомъ присутствующихъ, полусдержаннымъ каш-лемъ и молитвой, произносимой вполголоса монахинями, напоми-нала Жансуэ то смутное чувство, которое овладевало имъ, когда онъ, въ отдаленные дни своего дѣтства, ждалъ въ полутемной церкви своей очереди исповѣдываться.

Наконецъ его пригласили въ кабинетъ, и если-бъ въ немъ



еще сохранилась тѣнь сомнѣнія насчетъ Лемеркье, то она исчезла бы навсегда при видѣ простаго, строгаго, трезваго кабинета, служившаго достойной рамкой для его суровыхъ принциповъ и длинной, сухой, немного сторбленной фигуры, съ узкими плечами, въ вѣчномъ черномъ фракѣ съ слишкомъ короткими рукавами, изъ которыхъ видѣлись его загорѣлыя, плоскія руки, испещренныя толстыми жилами, какъ палочка туши китайскими гіероглифами. Въ лицѣ клерикальнаго депутата тусклая блѣдность лѣнца дышала жизнью, благодаря его двойному взгляду, блестящему, но непроницаемому чрезъ очки и жгучему, мрачному, недовѣрчивому сверхъ очковъ, причемъ его голова была всегда нѣсколько опущена, а глаза приподняты.

Лемеркье принялъ Набоба почти радушно въ сравненіи съ тѣмъ холоднымъ поклономъ, которымъ они мѣнялись въ палатѣ, и въ его первыхъ словахъ: „Я васъ ждалъ“, быть можетъ, заключался тайный смыслъ. Указавъ Набобу на кресло подлѣ письменнаго стола, Лемеркье сказалъ слугѣ, въ черномъ фракѣ и съ блаженнымъ выраженіемъ лица, не входить въ комнату безъ приказанія, потомъ онъ прибралъ бумаги, валявшіяся на столѣ, откинулся на спинку кресла, скрестилъ ноги и приготовился слушать, устремивъ глаза на зеленую репсовую занавѣсъ, висѣвшую прямо передъ его столомъ.

Минута была рѣшительная. Положеніе Набоба было очень затруднительно; однако, онъ не колебался. Онъ всегда вичился умѣньемъ распознавать людей не хуже герцога Мора, и теперь чутьемъ, которое, онъ думалъ, никогда его не обманывало, онъ понялъ, что передъ нимъ стоялъ человекъ строгаго, неподкупно честнаго, однимъ словомъ, „моя совѣсть“. Поэтому онъ измѣнилъ свою тактику, сбросилъ маску, отказался отъ всякихъ хитрыхъ, двусмысленныхъ фразъ, противныхъ его откровенной, смѣлой натурѣ, и, гордо поднявъ голову, сталъ объясняться на чистоту.

— Не удивляйтесь, почтенный товарищъ, началъ онъ дрожащимъ голосомъ, который, однакожъ, вскорѣ совершенно окрѣпъ, такъ убѣжденъ онъ былъ въ своей правотѣ; — не удивляйтесь, что я пришелъ къ вамъ, а не потребовалъ просто, чтобы выслушали мое объясненіе въ нашемъ отдѣленіи палаты. Дѣло въ томъ, что это объясненіе до того щекотливо и конфиденці-

ально, что я не могъ-бы дать его публично передъ всѣми товарищами.

Лемерье бросилъ странный, испуганный взглядъ на зеленую занавѣсь. Очевидно, разговоръ принималъ неожиданный оборотъ.

— Я не буду касаться самой сущности вопроса о правильности моихъ выборовъ, продолжалъ Набобъ; — я убѣжденъ, что вашъ докладъ безпристрастенъ и благороденъ, какъ ваша совѣсть. Я желаю объясниться только по поводу низкихъ клеветъ, распространенныхъ обо мнѣ и могущихъ повліять на мнѣніе моихъ товарищей. Мнѣ извѣстно, какое довѣріе питаютъ къ вамъ всѣ члены палаты, а потому если мнѣ удастся убѣдить васъ въ своей невинности, то одного вашего слова будетъ достаточно для моей защиты и я не буду принужденъ публично высказывать грустные для меня факты. Вы знаете, въ чемъ меня обвиняютъ. Я говорю о самой ужасной и презрѣнной изъ многочисленныхъ взведенныхъ на меня клеветъ. Мои враги сослались на факты, числа, имена, адреса. Я принесъ вамъ безспорныя доказательства моей невинности. Но помните, что я открываю эту тайну вамъ однимъ и имѣю важныя причины скрывать ее отъ всѣхъ.

Съ этими словами онъ подалъ адвокату свидѣтельство отъ французскаго консула въ Тунисѣ, что онъ впродолженіи двадцати лѣтъ отлучался изъ этого города только два раза: на недѣлю въ Сент-Андеоль, когда умиралъ его отецъ, и на три дня въ Сен-Романъ для торжественнаго приѣма бѣа.

— Отчего-же съ такимъ документомъ въ рукахъ я не привлекъ къ суду моихъ клеветниковъ? Увы! въ иныхъ семействахъ бываетъ тяжелая круговая порука. У меня есть братъ, бѣдное, слабое, испорченное существо; онъ долго жилъ въ Парижѣ и погрязъ въ такихъ позорныхъ трущобахъ, что оставилъ въ нихъ свой разумъ и честь. Дошелъ-ли онъ до того безстыднаго униженія, въ которомъ меня обвиняютъ, я не знаю. У меня никогда не хватало силъ въ этомъ убѣдиться; но мой бѣдный отецъ, знавшій о братѣ всю горькую правду, сказалъ мнѣ шопотомъ передъ самой смертью: „Франсуа, меня убилъ первенецъ; я умираю отъ стыда, дитя мое“.

Набобъ остановился и перевелъ дыханіе.

— Отецъ умеръ, но мать жива, и ради нея, ради ея спокойствія я не хотѣлъ и не хочу теперь публично оправдываться отъ взведенной на меня клеветы. До сихъ поръ вся грязь, которою меня забрасывали, до нея не могла дойти. Она не читаетъ тѣхъ специальныхъ органовъ прессы, въ которыхъ изощряли свое остроуміе мои враги. Но если я пойду въ судъ, то наше семейное несчастье будетъ разглашено по всей Франціи и всѣ газеты, даже мѣстныя, перепечатаютъ статьи газеты „Messenger“. Клевета, моя защита, пятно, которое на-вѣки заклеить ея честное имя, единственную гордость поселяня, — все это можетъ убить ее. Вотъ почему я чувствую въ себѣ достаточно мужества, чтобы молча сносить всѣ оскорбленія, и надѣюсь, что современемъ враги мои устанутъ и бросятъ эту жестокую травлю. Но палатѣ я долженъ представить поручителя въ моей невинности. Я не хочу, чтобы она отвергла меня по такимъ причинамъ, которыя безчестили-бы мое имя, а такъ-какъ васъ выбрали докладчикомъ, то я и открылъ вамъ всю правду, какъ на исповѣди, но прошу не выдавать ее, даже въ моихъ интересахъ. Вотъ все, что я желаю отъ васъ, мой почтенный товарищъ; во всемъ остальномъ я вполне полагаюсь на вашу честность и справедливость.

Онъ всталъ и хотѣлъ удалиться. Лемеркье молчалъ и не сводилъ глазъ съ зеленой занавѣси, точно ожидалъ отъ нея вдохновенія.

— Ваше желаніе будетъ исполнено, почтенный товарищъ, сказалъ онъ, — ваша тайна останется между нами. Вы мнѣ ничего не сказали и я ничего не слышалъ.

Пылкому Набобу казалось, что его откровенность была достойна сочувственнаго отвѣта или горячаго пожатія руки. Холодныя слова Лемеркье и его равнодушный взглядъ были до того странны, что онъ въ смущеніи попятился назадъ, но адвокатъ остановилъ его.

— Подождите, любезный товарищъ, сказалъ онъ, — куда вы торопитесь? Оставайтесь пожалуйста, я очень радъ, что имѣю случай поговорить съ такимъ человѣкомъ, какъ вы. Къ тому-же у насъ съ вами одинаковая страсть. Гемерлингъ говорилъ мнѣ, что вы любитель картинъ.

Жансулэ вздрогнулъ. Сопоставленіе въ одной фразѣ словъ:

„Гемерлингъ и картины“ воскресили въ его умѣ прежнія сомнѣнія. Однакожь, онъ не сразу сдался, а молча выслушалъ желаніе Лемеркье посѣтить его галерею.

— Я буду очень радъ показать вамъ все, что у меня есть, отвѣчалъ Набобъ, польщенный словами адвоката, и, озираясь вокругъ, прибавилъ тономъ любителя: — у васъ также нѣсколько сокровищъ.

— О! произнесъ скромно Лемеркье,—у меня только двѣ три хорошія картины; онѣ теперь очень дороги и страсть къ нимъ можетъ позволить себѣ только очень богатый человѣкъ... Набобъ.

Они оба смотрѣли другъ другу въ глаза и вели свою игру осторожно. Жансулэ чувствовалъ себя неловко; онъ привыкъ вести борьбу смѣло, открыто, а тутъ приходилось хитрить.

— Грустно подумать, продолжалъ адвокатъ, — что я десять лѣтъ увѣшиваю свой кабинетъ картинами и все еще одна стѣна пустая.

Дѣйствительно одна изъ стѣнъ кабинета была пуста, но большой золоченый гвоздь доказывалъ ясно, что тутъ еще недавно висѣла картина и что западня, подготовленная для бѣднаго Набоба, была очень грубая; однакожь, онъ, въ своей наивности, попалъ въ нее.

— Любезный г. Лемеркье, сказалъ онъ добродушно,—у меня есть Мадонна Тинторета, которая пришлась-бы совершенно по мѣркъ къ вашей пустой стѣнѣ...

Въ глазахъ адвоката теперь ничего нельзя было прочесть, такъ-какъ ихъ срывали очки.

— Позвольте мнѣ повѣсить ее здѣсь, прибавилъ бѣдный Набобъ;—она будетъ иногда напоминать вамъ обо мнѣ...

— И о томъ, чтобъ я написалъ помягче докладъ? грозно воскликнулъ Лемеркье, вскакивая съ мѣста и схватившись за колокольчикъ;—я видалъ въ жизни много дерзкихъ нахаловъ, но такого не встрѣчалъ. Мнѣ, въ моей квартирѣ, дѣлать подобныя предложенія!

— Но, любезный товарищъ, клянусь вамъ...

— Проводите этого господина, сказалъ адвокатъ вошедшему слугѣ и, остановившись посрединѣ кабинета, громко сказалъ, такъ-что всякое его слово было слышно въ пріемной: — Вы, ми-

лостивый государь, оскорбили въ лицѣ моемъ всю палату; наши товарищи сегодня-же узнають объ этомъ и вскорѣ торжественно докажутъ вамъ, что Парижъ не Востокъ, что въ немъ не торгуютъ человѣческой совѣстью!

И мужъ чести, изгнавъ изъ святилища презрѣннаго торгаша, затворилъ за нимъ дверь и тихонько подошелъ къ таинственной зеленой занавѣси.

— Вы довольны мною, баронеса Марія? сказалъ онъ сладкимъ голосомъ, составлявшимъ странный контрастъ съ только-что разыгранной имъ сценой гнѣва и негодованія.

## ГЛАВА VII.

### ЗАСѢДАНІЕ ПАЛАТЫ.

Въ это утро не было большого завтрака въ домѣ № 12 на Вандомской площади. Поэтому около часа пополудни Барро торжественно стоялъ во дворѣ среди четырехъ или пяти поваренковъ въ бѣлыхъ колпакахъ и такого-же числа конюховъ въ шотландскихъ шапочкахъ. Эта внушительная группа придавала великолѣпному дому характеръ гостиницы для пріѣзжающихъ, прислуга которой отдыхала между отъѣздомъ одной ватаги путешественниковъ и пріѣздомъ другой. Подобное сходство подтверждалось еще остановившейся у воротъ наемной каретой. Возница медленно вынималъ старинный кожаный чемоданъ, а старуха высокаго роста, въ желтомъ чепцѣ и небольшой зеленой шали, съ корзинкой на рукѣ, легко выскочивъ на тротуаръ, внимательно разсматривала нумеръ дома. Наконецъ, она подошла къ слугамъ и спросила, тутъ-ли живетъ Франсуа Жансулэ.

— Тутъ, отвѣчали ей;—но его нѣтъ дома.

— Это все равно, отвѣчала просто старуха и, возвратясь къ возницѣ, приказала внести во дворъ чемоданъ.

Потомъ она заплатила ему деньги и старательно спрятала въ карманъ портмоне съ чисто-провинціальнымъ недоувѣріемъ къ стolicнымъ жителямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Жансулэ сдѣлался депутатомъ Корсики.

къ нему являлось столько странныхъ личностей, что слуги не удивились при видѣ этой женщины съ загорѣлымъ лицомъ и сверкающими, какъ уголья, глазами. Въ своемъ старинномъ чепцѣ она походила на настоящую корсиканку, хотя отличалась большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ.

— Такъ хозяйна нѣтъ дома? повторила она такимъ тономъ, какъ-будто обращалась къ работникамъ своей фермы, а не къ дерзкой прислугѣ богатаго парижскаго дома.

— Нѣтъ.

— А дѣти?

— Они заняты уроками; вы не можете ихъ видѣть.

— А хозяйка?

— Спать. Въ ея спальню никогда не входятъ ранѣе трехъ часовъ.

Добрая женщина удивилась, какъ можно такъ долго спать. Но истиннѣе, замѣняящій образованіе у возвышенныхъ натуръ, помѣшалъ ей высказать свое мнѣніе въ присутствіи слугъ.

— Я желала-бы видѣть г. Поля Жери, сказала она.

— Онъ уѣхалъ изъ Парижа.

— Такъ Жана-Батиста Бонпена.

— Онъ въ засѣданіи съ господиномъ...

Она нахмурила свои сѣдыя брови.

— Все равно. Внесите въ домъ мой чемоданъ.

И, подмигивая иронически, она гордо прибавила:

— Я мать вашего хозяина.

Поваренки и конюхи почтительно разступились, а Барро поднялъ свой колпакъ.

— Мнѣ показалось въ первую минуту, что я васъ гдѣ то видалъ, сударыня, сказалъ онъ.

— И мнѣ также, голубчикъ, отвѣчала старуха, которая съ грустью вспомнила о неудавшихся празднествахъ въ честь бея.

Всѣ съ необыкновеннымъ уваженіемъ взглянули на женщину, которая называла голубчикомъ такую значительную особу, какъ Барро.

Блескъ и роскошь нисколько не ослѣпляли добрую старушку; поднимаясь по парадной лѣстницѣ, она не обратила вниманія на корзинки съ цвѣтами и канделябры съ бронзовыми фигурами, но замѣтила, что на балюстрадахъ была пыль, а на дорогахъ ков-

рахъ прорѣхи. Ее провели во второй этажъ, гдѣ жили левантинка и дѣти; тамъ, въ большой комнатѣ, служившей, повидимому, кладовой и находившейся рядомъ съ классной, гдѣ слышались дѣтскіе голоса, она стала терпѣливо ждать возвращенія сына, пробужденія невѣстки или радостнаго свиданія съ своими внуками. Все обружавшее ее доказывало, какой безпорядокъ царилъ въ этомъ домѣ, предоставленномъ попеченіямъ слугъ и лишенномъ зоркаго глаза хозяйки. Мать миліонера Жансулэ осталась прежней сельской работницей и потому ей было больно и досадно, какъ бережливой хозяйкѣ, которая сама прядла съ утра до ночи, что комоды съ бѣльемъ, драгоценнѣйшіе предметы домашняго очага, были въ ужасномъ безпорядкѣ. Наконецъ, она не вытерпѣла, вскочила съ мѣста и принялась собственными руками разбирать и раскладывать богатое бѣлье, какъ она дѣлывала въ Сен-Романѣ, гдѣ по временамъ производила общую стирку съ помощью двадцати поденщицъ. Среди этой работы, которая заставила ее забыть, гдѣ она, въ комнату вошелъ человекъ небольшого роста, сутуловатый, съ бородой, въ лакированныхъ сапогахъ и въ бархатной курткѣ, рельефно выставившей его толстую, бычачью шею.

— Это ты, Кабасю?

— Вы здѣсь, г-жа Франсуаза, вотъ сюрпризъ! сказалъ онъ, выпучивъ свои большіе глаза.

— Да, голубчикъ Кабасю, это я. Ты видишь, я только-что пріѣхала и сейчасъ привялась за работу. Мнѣ больно было смотреть на этотъ безпорядокъ.

— Вы пріѣхали на засѣданіе?

— На какое засѣданіе?

— Да на великое засѣданіе законодательнаго корпуса. Оно происходитъ сегодня.

— Нѣтъ, какое мнѣ дѣло до твоихъ собраній, я въ нихъ не пойму ни слова. Я пріѣхала, чтобъ увидать своихъ внучать, признаюсь, въ послѣднее время я очень безпокоилась. Я писала нѣсколько писемъ Франсуа, но онъ мнѣ не отвѣчалъ. Меня стала мучить мысль, не занемогъ-ли который-нибудь изъ дѣтей, или не случилось-ли какой бѣды съ Франсуа — вотъ я и пріѣхала. Но, говорятъ, здѣсь всѣ здоровы.

— Да, слава-богу, всѣ здравствуютъ.

— А Франсуа? Его торговля идетъ хорошо?

— У всякаго человѣка есть заботы; но, я полагаю, ему не на что жаловаться. Но вы, вѣроятно, голодны; я тотчасъ прикажу вамъ подать что-нибудь.

Чувствуя себя болѣе дома въ этомъ роскошномъ жилищѣ, чѣмъ мать хозяина, онъ хотѣлъ позвонить, но она удержала его.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ничего не надо. У меня еще осталась провизія отъ путешествія.

Съ этими словами она вынула изъ корзинки два финика и кусокъ хлѣба.

— А какъ идутъ твои дѣла, голубчикъ? продолжала добрая старуха, принимаясь за свой скромный завтракъ; — ты мнѣ, кажется, очень понравился со времени послѣдняго посѣщенія Сен-Романа. Какое на тебѣ бѣлье, просто чудо! Что ты теперь дѣлаешь?

— Я профессоръ гимнастики, отвѣчалъ серьезно Аристидъ.

— Ты профессоръ? воскликнула старуха съ удивленіемъ.

— Не пойти-ли мнѣ за дѣтьми? сказала Кабасю, желая перемѣнить разговоръ; — ихъ, вѣроятно, не предупредили о прїѣздѣ бабушки.

— Нѣтъ, я сама не хотѣла беспокоить ихъ во время урока, но теперь, кажется, классъ конченъ.

Дѣйствительно за дверью слышался топотъ дѣтскихъ ногъ, нетерпѣливо ожидавшихъ минуты освобожденія; старуха прислушивалась съ жадностью къ этимъ звукамъ и уже предвкушала радостное свиданіе. Наконецъ дверь отворилась. Впереди шелъ наставникъ, съ длиннымъ носомъ, выдающимися скулами, котораго мы уже выдали за парадными завтраками Набоба. Поссорившись съ своимъ епископомъ, самолюбивый аббатъ бросилъ епархію и, скитаясь по свѣту вольнопрактикующимъ духовнымъ лицомъ (духовенство имѣетъ также свою богему), считалъ за счастье воспитывать сыновей Жансулэ, исключенныхъ недавно изъ училища Бурдалу. Онъ выступалъ торжественно, самоувѣренно, подобно тому, какъ, вѣроятно, шагали великіе прелаты, которымъ довѣряли воспитаніе французскихъ дофиновъ. За нимъ шли три маленькыхъ человѣчка, завитые, въ продолговатыхъ шляпахъ, перчаткахъ, короткихъ курткахъ и красныхъ чулкахъ, доходящихъ



до колѣнъ, — однимъ словомъ, въ полномъ нарядѣ велосипедиста.

— Дѣти, сказалъ Кабасю, — это г-жа Жансулэ, ваша бабушка. Она пріѣхала въ Парижъ нарочно, чтобъ васъ повидать.

Мальчики остановились и съ любопытствомъ взглянули на старое, морщинистое лицо, окаймленное желтыми лентами. Изумленіе старухи было не меньше при видѣ прилизанныхъ и гордыхъ франтиковъ, походившихъ на маркизовъ, графовъ и префектовъ, которыхъ ея сынъ привозилъ въ Сен-Романъ.

— Поклонитесь вашей почтенной бабѣ, сказалъ наставникъ, и мальчики поочередно подошли къ доброй женщинѣ и протянули ей руку, какъ они всегда дѣлали въ посѣщаемыхъ ими бѣдныхъ мансардахъ. Эта женщина въ опрятной, но простой одеждѣ напоминала имъ бѣдныхъ, которымъ они раздавали милостыню во время пребыванія ихъ въ училищѣ Бурдалу. Они чувствовали, что она была также чужда и неизвѣстна имъ, потому что родители никогда не говорили имъ о ней ни слова. Аббатъ понялъ, что его воспитанники были въ неловкомъ положеніи, и пустился въ длинное разсужденіе, сопровождаемое энергичными жестами проповѣдника.

— Ну, сударыня, вотъ наступилъ и день, великій день, когда г. Жансулэ сокрушитъ своихъ враговъ, которые его несправедливо преслѣдовали. *Confundantur hostes mei, quia injuste iniquitatem fecerunt in me.*

Старуха набожно преклонилась, услыхавъ церковную латинскую рѣчь, но на ея лицѣ показался испугъ.

— Его враги могущественны и многочисленны, но мы ничего не боимся. Будемъ надѣяться на милость неба и на правоту нашего дѣла. Богъ стоитъ за насъ и мы не погибнемъ. *In medio ejus non commovebitur.*

Въ эту минуту въ дверяхъ показался негръ, громаднаго роста, въ ливреѣ съ золотыми галунами. Онъ объявилъ, что велосипеды были готовы. Прежде, чѣмъ отправиться на ѣзду, мальчики снова пожали морщинистую руку бабушки, которая смотрѣла на нихъ съ стѣсненнымъ сердцемъ и мрачнымъ удивленіемъ. Однако младшій изъ нихъ, дойдя до дверей, вдругъ остановился, повернулъ голову и, едва не сбивъ съ ногъ негра, бросился головой впередъ, какъ маленькій буйволъ, въ объятія старухи. Быть можетъ, онъ, на-

ходясь всѣхъ ближе къ теплому гнѣздышку дѣтства, почувствовалъ необходимость материнской ласки, въ которой ему отказывала левантинка.

— О! голубчикъ, мой милый! воселикнула старуха, покрывая поцѣлуями кудрявую головку, напоминавшую ей другую, болѣе дорогую ея сердцу.

Ребенокъ вскорѣ освободился отъ ея объятій и молча убѣжалъ.

Оставшись наединѣ съ Кабасю, старая Франсуаза, успокоенная нѣсколько этимъ поцѣлуемъ, спросила:

— У моего сына много враговъ?

— Это неудивительно, отвѣчалъ Кабасю, — въ его положеніи.

— Но что это за засѣданіе, о которомъ вы всѣ говорите?

— Сегодня рѣшатъ, будетъ-ли Франсуа депутатомъ или нѣтъ.

— Какъ? Онъ еще не депутатъ! А я вездѣ объ этомъ рассказывала и мѣсяць тому назадъ илюминовала Сен-Романъ; значитъ, я лгала.

Кабасю съ большимъ трудомъ объяснилъ ей парламентское правило о провѣркѣ выборовъ; она едва слушала его и нетерпѣливо ходила взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Онъ тамъ теперь, мой Франсуа?

— Да.

— А женщинъ пускаютъ въ эту палату? Отчего же его жена не тамъ? Я понимаю, что для Франсуа это дѣло важное; и въ такой день ему необходимо видѣть вокругъ себя любимыхъ людей. Знаешь что, голубчикъ: проводи меня въ палату. Это далеко отсюда?

— Нѣтъ, очень близко; но засѣданіе уже началось, отвѣчалъ Аристидъ, — и потомъ г-жа Жансулэ нуждается въ моихъ услугахъ.

— А! ты учишь ее... какъ бишь ты называлъ... чего ты профессоръ?

— Гимнастики. Вотъ она звонитъ. За мною тотчасъ придутъ. Не сказать-ли мнѣ ей, что вы пріѣхали?

— Нѣтъ, нѣтъ, я пойду въ засѣданіе.

— Но у васъ нѣтъ билета.

— Пустяки! Я скажу, что я мать Жансулэ и что пришла слушать, какъ его будутъ судить.

Бѣдная женщина не понимала, какая горькая правда звучала въ ея словахъ.

— Подождите, г-жа Франсуаза. Я дамъ вамъ проводника.

— Нѣтъ, я терпѣть не могу лакеевъ. У меня есть языкѣ, а на улицахъ много народа. Я найду дорогу.

— Берегитесь, сказалъ Кабасю, стараясь въ послѣдній разъ удержать добрую женщину, но не вполнѣ выражая свою мысль, — враги будутъ говорить въ палатѣ противъ него и вы услышите много непріятнаго.

Съ какой-то свѣтлой улыбкой довѣрія и гордости старуха отвѣчала:

— Развѣ я не знаю лучше всѣхъ, чего стоитъ мой сынъ? Развѣ что-нибудь можетъ пошатнуть мою вѣру въ него? Развѣ я неблагодарная и забыла, что онъ для меня сдѣлалъ? Ты говоришь пустяки, голубчикѣ.

И, грозно потрясая своимъ чепцомъ, она вышла изъ комнаты.

Выпрямившись во весь ростъ и гордо закинувъ голову, она быстрыми шагами отправилась въ палату. Мистическія слова аббата и предупрежденія Кабасю встревожили добрую женщину, подтверждая справедливость тѣхъ грустныхъ предчувствій, которыя въ послѣднее время овладѣли ея сердцемъ и побудили ее пріѣхать въ Парижъ, бросивъ все: занятія, привычки, хозяйство, больного. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ судьба набросила на сына и на нее тяжелую золотую мантию, Франсуаза Жансулэ не могла привыкнуть къ своему новому положенію и постоянно ожидала мгновеннаго исчезновенія несмѣтныхъ богатствъ. Неужели теперь наступила минута разоренія? Тутъ передъ глазами ея вдругъ представился дорогой образъ курчаваго ребенка, бросившагося въ ея объятія, и она съ вѣжной, самодовольной улыбкой промолвила:

— Ну, ужъ этого голубчика я не дамъ въ обиду.

Между тѣмъ она достигла дверей палаты.

— Вашъ билетъ, почтеннѣйшая? спросилъ приставъ съ красными отворотами.

— Я мать Франсуа Жансулэ и пришла на его засѣданіе, отвѣчала она.

Дѣйствительно, это было его засѣданіе; въ толпѣ, осаждавшей двери, наполнявшей коридоры, залы и трибуны, только и слышалось его имя, сопровождаемое улыбками и безконечными толками.

Всѣ ожидали большого скандала, ужасныхъ обличеній со стороны докладчика и какой-нибудь дикой выходки со стороны обвиняемаго колосса, а потому это засѣданіе привлекло такое-же множество зрителей, какъ первое представленіе модной пьесы или знаменитый процессъ. Старуха Жансулэ, конечно, не проникла-бы въ этотъ осажденный толпою храмъ, если-бъ золотой дождь, который Набобъ орошалъ вездѣ свой путь, не открылъ ей всѣ двери. Дежурный приставъ проводилъ ее по длинному лабиринту коридоровъ и пустыхъ залъ, въ которыхъ, какъ эхо, раздавались отдаленные звуки болтовни, пропитывавшей въ этомъ громадномъ зданіи даже самые камни стѣнъ. У одной изъ дверей, чрезъ которыя они проходили, Франсуаза увидала маленькаго человѣчка съ загорѣлымъ лицомъ, который гнѣвно кричалъ, обращаясь къ непускавшимъ его приставамъ:

— Скажите г. Жансулэ, что я мэръ Сарлацакро и приговоренъ за него къ пятимѣсячному тюремному заключенію. Кажется, чортъ возьми, я заслужилъ билетъ на это судебное засѣданіе.

Пять мѣсяцевъ тюрьмы за ея сына! Что-бы это значило? Сердце бѣдной женщины еще болѣе затрепетало.

Наконецъ она достигла цѣли своихъ долгихъ странствій — широкой площадки, на которую выходили маленькія двери, какъ у театральнхъ ложъ, съ надписями: „Трибуна сенаторовъ“, „Трибуна дипломатическаго корпуса“, „Трибуна депутатовъ“. Она вошла въ одну изъ этихъ дверей и въ первую минуту ничего не видѣла, кромѣ четырехъ или пяти длинныхъ скамеекъ, наполненныхъ публикой; но потомъ мало-по-малу прямо передъ нею, но очень далеко, чрезъ громадное, пустое, свѣтлое пространство, она замѣтила другой рядъ такихъ-же трибунъ, кишѣвшихъ зрителями. Изумленная, ослѣпленная и оглушенная всѣмъ окружающимъ, она прислонилась къ стѣнкѣ. Кровь ударила ей въ голову отъ духоты, а смутный говоръ, долетавшій до нея изъ открытой бездны, зіявшей за балюстрадой, манилъ ее впередъ. Франсуа долженъ былъ находиться въ этомъ пустомъ пространствѣ и ей неудержимо захотѣлось увидать его. Прижавшись къ стѣнкѣ, она стала пробираться между скамейками, работая исправно локтями и не обращая никакого вниманія на неудовольствія и презрительные взгляды нарядныхъ дамъ, дорогія кружева которыхъ она безжалостно мала. Собраніе, въ которомъ она такъ не-

ожиданно очутилась, было очень блестящее, великосвѣтское; она узнала даже по гордо-выставленной груди и аристократическому носу великолѣпнаго маркиза, посѣтившаго Сен-Романъ, но онъ не замѣтилъ ее. Такимъ образомъ ей удалось пробраться черезъ нѣсколько рядовъ скамеекъ, но, наконецъ, она должна была остановиться передъ громадной спиной человѣка, который, широко разсѣвшись, преграждалъ ей дальнѣйшій путь. По счастью, и съ этого мѣста она могла, протянувъ немного шеи, видѣть почти всю залу съ ея зелеными стѣнами, рядами депутатскихъ мѣстъ, устроенныхъ полукругомъ, и кафедрой въ противоположномъ концѣ, занятой строгимъ, лысымъ господиномъ.

Это новое, непонятное зрѣлище произвело на нее впечатлѣніе школы передъ началомъ классовъ, когда ученики еще толкуются и болтаютъ. Но всего болѣе поразило ее упорное обращеніе всѣхъ взглядовъ, какъ въ залѣ, такъ и въ трибунахъ, на одну точку; слѣдя съ любопытствомъ за этими взглядами, она увидала, что предметомъ общаго любопытства былъ ея сынъ.

На родинѣ Жансулэ можно найти еще и теперь въ нѣкоторыхъ старинныхъ церквяхъ маленькое отверстіе въ стѣнѣ, за которыми въ потаенной нишѣ слушали нѣкогда обѣдню прокаженные. Франсуаза хорошо помнила, что въ дѣтствѣ она видѣла однажды мрачный силуэтъ прокаженнаго, томившагося въ своей каменной клѣткѣ, уединенной среди толпы. Теперь, при видѣ сына, сидящаго одиноко, вдали отъ всѣхъ, это мрачное воспоминаніе возстало передъ ея глазами. „Онъ точно прокаженный“, подумала она. И, дѣйствительно, бѣдный Набобъ былъ прокаженный, страдавшій отъ вывезенныхъ съ Востока миліоновъ какимъ-то страннымъ, таинственнымъ недугомъ. Случайно та скамейка, на которой онъ выбралъ себѣ мѣсто, опустѣла вокругъ него благодаря смерти и отсутствію нѣкоторыхъ депутатовъ, такъ что въ то время, когда остальные члены палаты разговаривали между собою, смѣялись, махали руками, онъ сидѣлъ неподвижно, безмолвно, одинъ на пустой скамьѣ, обращая на себя всеобщее вниманіе, которое, какъ могла замѣтить бѣдная старуха, было ироническое, враждебное. Какъ было дать ему знать, что она находилась въ залѣ, что любящее, преданное сердце билось подлѣ его тревожнаго сердца? Онъ, повидимому, нарочно не смотрѣлъ

на трибуну, въ которой она находилась, какъ-бы чувствуя въ ней враговъ или боясь увидать что-нибудь непріятное.

Вдругъ раздался звонокъ предсѣдателя; по всему собранію пробѣжала дрожь, всѣ головы вытянулись и длинная, худощавая фигура въ очкахъ, поднявшись среди сидѣвшей толпы депутатовъ, произнесла:

— Господа! отъ имени третьяго отдѣленія палаты предлагаю вамъ кассировать выборы во второмъ округѣ департамента Корсики.

За этими словами, смыслъ которыхъ для старой Франсуазы былъ непонятенъ, наступило минутное безмолвіе; толстый господинъ, сидѣвшій передъ нею, началъ тяжело переводить дыханіе и неожиданно хорошенькое личико женщины, сидѣвшей на первой скамьѣ, обратилось къ нему съ выраженіемъ удовольствія на блѣдномъ лицѣ. Въ ея черныхъ глазахъ, окаймленныхъ густыми бровями, свернуло что-то, показавшееся бѣдной Франсуазѣ первымъ блескомъ молніи, предвѣщающимъ грозу.

Между тѣмъ Лемерье началъ читать свой докладъ по тетраджѣ, которую онъ держалъ въ рукѣ. Его тихій, однообразный, апатичный голосъ, мягкій ліонскій акцентъ, медленное покачиваніе головы и всей его длинной фигуры представляли странный контрастъ съ рѣзкимъ, энергичнымъ тономъ его филиппики. Прежде всего онъ упомянулъ о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ на этихъ выборахъ. Никогда не обращались еще съ общей подачей голосовъ такъ безцеремонно, такъ дико. Въ Сарлазачіо, гдѣ соперникъ Жансулэ долженъ былъ, повидимому, одержать побѣду, избирательная урна была уничтожена въ ночь, предшествовавшую дню, назначенному для счета голосовъ. То-же случилось въ Леви, Сент-Андре и Авабесѣ. Всѣ эти похищенія совершены самими мэрами, которые унесли къ себѣ на домъ урны, взломали ихъ и, вынувъ избирательныя записки, разорвали ихъ на мелкіе куски подъ прикрытіемъ своей административной власти. Вездѣ законъ былъ поправъ. Вездѣ царили обманъ, интрига, насиліе. Въ Калькатоціо вооруженный человекъ стоялъ въ обнѣ гостинницы противъ самаго дома мэра и прицѣливался изъ ружья въ cadaго сторонника Себастьяни, соперника Жансулэ, крича во все горло: „Если ты переступишь порогъ, я тебя убью“. Полицейскіе комиссары и мировые судьи открыто становились избирательными

агентами, увлекаая и запугивая необразованную массу, подчиненную ихъ тираническому вліянію; даже патеры, святые служители алтаря, соблазненные роскошными пожертвованіями Жансулэ въ пользу бѣдныхъ и церкви, защищали на кафедрахъ его избраніе. У него были еще союзники болѣе могущественныя, — разбойники. „Да, господа, разбойники, я не шучу“. И довлдчикъ бойкими штрихами описаль корсиканскихъ разбойниковъ вообще и семейство Пьедигриго въ особенности.

Палата слушала со вниманіемъ, хотя сначала на лицахъ многихъ было замѣтно нѣкоторое безпокойство. Человѣкъ, незаконныя дѣйствія котораго такъ рѣзко обличались, былъ официальнымъ кандидатомъ правительства, а бичуемые докладчикомъ избирательныя нравы относились къ странѣ привилегированной во время второй имперіи, къ странѣ, тѣсно соединенной съ судьбою династіи, и нападки на Корсику могли показаться личнымъ оскорбленіемъ императору. Но когда всѣ замѣтили, что сидѣвшій на министерской скамьѣ преемникъ и врагъ герцога Мора, новый государственный министръ, открыто радовался пораженію креатуры покойнаго и одобрялъ съ добродушной улыбкой злобныя выходки Лемеркье, всякое опасеніе исчезло. Министерская улыбка, повторившись на трехъ стахъ усть, превратилась въ едва сдержанный смѣхъ, — тотъ смѣхъ толпы, который не смѣетъ проявляться безъ разрѣшенія ея повелителя. Въ трибунахъ, непривыкшихъ къ интереснымъ докладамъ, рассказъ о разбойникахъ имѣлъ громадный успѣхъ и общее удовольствіе заиграло на лицахъ свѣтскихъ дамъ, обрадовавшихся случаю освѣтить прелестными улыбками окружающую ихъ мрачную обстановку. Медленно, холодно продолжалъ Лемеркье читать свой докладъ, каждое слово котораго пронизывало, леденило душу бѣднаго Набоба, какъ крупныя капли ліонскаго ливня.

— Послѣ всего этого, господа, невольно себя спросишь: какимъ образомъ чуждый Корсикѣ человѣкъ, провансалець, возвратившійся только-что съ Востока, настоящій типъ того, что корсиканцы называютъ съ презрѣніемъ континентальнымъ жителемъ, могъ возбудить въ совершенно ему неизвѣстной странѣ такой энтузіазмъ, такую преданность, которые доходили до преступленія, до святотатства? Все это сдѣлало его богатство, его роковое зо-

лото, бросаемое горстями въ лицо избирателей съ самымъ безстыднымъ цинизмомъ.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе цѣлаго ряда обличительныхъ документовъ: „Я нижеподписавшійся, Антуанъ Крачи, свидѣтельствую, въ видахъ торжества одной истины, что полицейскій комисаръ Нарди пришелъ ко мнѣ однажды вечеромъ и сказалъ: „Послушай, Крачи, клянусь пламенемъ твоей лампы, что если ты подашь голосъ за Жансуле, то завтра утромъ получишь пятьдесятъ франковъ“. Другой писалъ: „Я нижеподписавшійся, Жакъ-Альфонсъ Лавецци, симъ удостовѣряю, что съ презрѣніемъ отказался отъ семнадцати, франковъ, которые мнѣ предложилъ мэръ Паццо-Негро за подачу голоса противъ моего двоюроднаго брата Себастьяни“.

Неподкупная палата кипѣла негодованіемъ. Она бушевала, она волновалась на мягкихъ, бархатныхъ подушкахъ, оглашала воздухъ криками удивленія: о, о! бросала презрительные взгляды, принимала отчаянныя позы, однимъ словомъ, веда себя, какъ будто передъ нею неожиданно предстало отвратительное зрѣлище самаго позорнаго паденія человѣческой личности. И, замѣтьте, большая часть этихъ депутатовъ прибѣгала къ тѣмъ-же самымъ избирательнымъ продѣлкамъ. И тѣ именно изъ нихъ, за кѣмъ числилось болѣе злоупотребленій, кричали громче другихъ и съ злобной ненавистью смотрѣли на одинокую скамью, гдѣ бѣднѣйшій проваженный сидѣль неподвижно и слушалъ, закрывъ лицо руками. Однакожь, среди общаго шума и глума одинъ голосъ раздавался въ его пользу, но голосъ глухой, неопытный, похожій скорѣе на сочувственный лепетъ, среди котораго можно было только разобрать слова: „Большія услуги народонаселенію Корсики... значительныя общественныя работы... Поземельный банкъ“. Этотъ неловкій защитникъ былъ маленькій человѣчекъ въ бѣлыхъ штиблетахъ и съ головой альбиноса, почти лысый. Его внимательство дало поводъ Лемеркье сдѣлать неожиданный, блестящій переходъ въ своей рѣчи. Ядовитая улыбка показалась на его мягкихъ губахъ.

— Достопочтенный членъ палаты, г. Саригъ, упоминаетъ о Поземельномъ банкѣ; мы можемъ ему на это отвѣтить, сказалъ онъ, и въ нѣсколькихъ мѣткихъ, рѣзкихъ фразахъ представилъ картину разбойничьяго притона Паганетти, съ которыми онъ, по-



видимому, былъ хорошо знакомъ. Онъ освѣтилъ блестящимъ свѣтомъ нѣдра мрачнаго вертепа, указалъ всѣ его западни, ловушки, потаенныя трущобы, какъ проводникъ, показывающій съ фавеломъ подземные карцеры старинной инвизиціонной темницы. Онъ разсказалъ о несуществующихъ каменоломняхъ, о желѣзныхъ дорогахъ, проведенныхъ лишь на бумагѣ, о пароходахъ, исчезнувшихъ въ облакахъ своего собственнаго дыма. Не были забыты тавернская пустыня и старинная генуэзская башня, служившая коиторой пароходнаго общества. Но всего болѣе позабылъ палату разсказъ о торжественной церемоніи за недѣлю до выборовъ, устроенной директоромъ Поземельнаго банка Паганетти для открытія работъ по прорытію тунеля въ Монте-Ротондо, гигантскому предиріятію, отлагаемому съ года на годъ и требующему миліоновъ франковъ и тысячъ рабочихъ рукъ. Лемерье комично описалъ, какъ первый ударъ заступа въ громадную гору, покрытую вѣковыми лѣсами, былъ сдѣланъ кандидатомъ, какъ префектъ произнесъ торжественную рѣчь, какъ духovenство благословило работу при крикахъ: „Да здравствуетъ Франсуа Жансул!“ какъ двѣсти рабочихъ трудились день и ночь въ продолженіи недѣли и какъ послѣ выборовъ эта работа была брошена и пробитая въ скалѣ пещера могла только служить новымъ пристанищемъ для корсиканскихъ разбойниковъ. Такимъ образомъ, Поземельный банкъ, долго грабившій акціонеровъ, послужилъ теперь для выманиванія избирательныхъ головъ.

— Впрочемъ, господа, прибавилъ онъ, — вотъ еще подробность, съ которой я могъ-бы начать и тогда я былъ-бы освобожденъ отъ необходимости разсказывать вамъ эту мрачную избирательную комедію. Сегодня начато судебное слѣдствіе противъ Поземельнаго банка и серьезная экспертиза его книгъ, конечно, приведетъ къ одному изъ тѣхъ крупныхъ финансовыхъ скандаловъ, которые, увы! такъ часто повторяются въ наши дни. Честь палаты, безъ сомнѣнія, требуетъ, чтобъ ни одинъ изъ ея членовъ не былъ замѣшанъ въ такихъ позорныхъ дѣлахъ.

Поразивъ своихъ слушателей этой неожиданной вѣстью, докладчикъ остановился, какъ актеръ, разсчитывающій на эффектъ, и въ безмолвной тишинѣ, наступившей на нѣсколько минутъ, слышался скрипъ двери. Директоръ Поземельнаго банка Пага-

нетти вскочилъ съ своего мѣста въ трибунѣ и послѣпно удалился, блѣдный, съ выпученными отъ страха глазами и широко-открытымъ ртомъ, какъ у арлекина, предчувствующаго гигантскій ударъ обухомъ. Монпавоцъ сидѣлъ неподвижно, выпячивая свою грудь. Толстая фигура, сидѣвшая передъ Франсуазой, тяжело переводила дыханіе, отъ котораго колыхались цвѣты на шляпкѣ его супруги. Старуха Жансулэ смотрѣла на своего сына.

— Я только-что упомянулъ о чести палаты... позвольте мнѣ, господа, сказать еще нѣсколько словъ объ этомъ важномъ предметѣ.

Теперь Лемеркье уже болѣе не читалъ по своей тетрадкѣ. Обязанность докладчика была исполнена, наступила очередь оратора или, лучше сказать, грознаго судьи. Ни малѣйшаго движенія, ни малѣйшаго признака жизни не было видно въ его блѣдномъ лицѣ, въ опущенныхъ глазахъ, во всей его фигурѣ: только правая рука, длинная, морщинистая, равномерно опускалась при концѣ каждой фразы, какъ мечъ правосудія, совершающій неумолимую казнь. Дѣйствительно, изумленные слушатели присутствовали при жестокой казни. Ораторъ не желалъ входить въ разсмотрѣніе скандальныхъ легендъ о происхожденіи колоссальныхъ богатствъ Набоба, нажитыхъ въ отдаленной странѣ, въ всякаго контроля, но золото, какъ-бы могущественно оно ни было, не можетъ смыть позорныхъ пятенъ на честномъ имени, которыми всякій нищій и аристократъ одинаково гордятся. Въ жизни кандидата были нѣкоторыя темныя обстоятельства, требующія уясненія... Ораторъ остановился и какъ-бы искалъ словъ достаточно приличныхъ, чтобы выразить позорное обвиненіе.

— Я не желаю унижить возвышеннаго характера нашихъ преній, продолжалъ онъ; — вы меня поняли. Вы знаете, о какихъ говорю я постыдныхъ слухахъ, желалъ-бы сказать—клеветахъ, но истина повелѣваетъ мнѣ не скрыть отъ васъ, что г. Жансулэ, призванный въ третье отдѣленіе палаты, чтобъ опровергнуть взведенныя на него обвиненія, представилъ такія смутныя, неудовлетворительныя объясненія, что мы, хотя и убѣждены въ его невинности, но, оберегая вашу честь, поставлены въ необходимость предложить кассировать кандидатуру, оскверненную подобнымъ пятномъ. Нѣтъ, такой человекъ не долженъ засѣдать среди васъ. Къ тому-же, что ему здѣсь дѣлать? Живя такъ

долго на Востокѣ, онъ забылъ законы и обычаи своей родины. Онъ вѣрить въ необходимость насилія вмѣсто правосудія, въ необходимость правительственныхъ злоупотребленій и, что всего хуже, въ низость, подкупность всѣхъ людей. Это кулакъ, воображающій, что все можно купить за известную сумму, даже голоса избирателей, даже совѣсть своихъ товарищей и членовъ палаты.

Надо было видѣть, съ какими наивными восторгомъ слушали толстые, добродушные, разжирѣвшіе депутаты этого аскета, который въ ихъ собраніи громилъ позорную роскошь лихоимцевъ и вѣроломныхъ измѣнниковъ. Въ трибунахъ энтузіазмъ былъ еще сильнѣе. Хорошенькія головки вытягивались, чтобы видѣть оратора, чтобы насладиться его словами. Крики одобренія колыхали букеты всевозможныхъ цвѣтовъ, какъ вѣтеръ колыхаетъ вазильки на вивахъ. Женскій голосъ съ иностраннымъ акцентомъ восклицалъ: „Браво! Браво!“

А мать Набоба? Она стояла неподвижно, стараясь понять что-нибудь въ этой судебной фразеологіи, въ этихъ таинственныхъ намекахъ, но, какъ глухо-вѣмой, она отгадывала только смыслъ словъ по движенію губъ и выраженію лица. Ей достаточно было видѣть сына и Лемерсье, чтобы убѣдиться, какую пытку выносилъ первый по милости второго, какими ядовитыми стрѣлами эта длинная рѣчь поражала сердце несчастнаго, который казался бы спящимъ, если-бъ не дрожь въ плечахъ и судорожныя движенія рукъ, закрывавшихъ лицо. О! если-бъ только она могла закричать ему: „Не бойся, мой Франсуа; если они тебя презираютъ, твоя мать тебя любитъ. Пойдемъ со мною; къ чему намъ всѣ эти люди“. Но вотъ онъ всталъ, откинулъ назадъ свою курчавую голову и крѣпко схватился руками за деревянный пюпитръ. Докладъ былъ конченъ; наступила его очередь отвѣчать.

— Господа! началъ Жансулэ и тотчасъ остановился, испуганный глухимъ, площаднымъ звукомъ своего голоса. Губы его дрожали отъ сдержанныхъ слезъ, лицо судорожно сжималось и онъ тщетно старался придать своему голосу болѣе изящный отгънокъ. Но если онъ переносилъ въ эту минуту нестерпимую пытку, то она вполне отражалась на лицѣ его старой матери, которая едва переводила дыханіе и нервно шевелила губами, какъ-

**Онъ** желая подсказать ему то, чего онъ не могъ выговорить. Онъ **напѣренно** избѣгалъ глазами эту трибуну, но магнетическій взглядъ **черныхъ** глазъ матери какъ-будто вдохнулъ въ него жизнь и неожиданно слова его полились свободнымъ, бурнымъ потокомъ.

— Прежде всего, господа, я заявляю торжественно, что не **хочу** защищать моего избранія. Если вы полагаете, что избирательные нравы не всегда были такими въ Корсикѣ и что всѣ совершенныя беззаконія причинены развращающимъ вліяніемъ моего золота, а не страстнымъ, безпорядочнымъ характеромъ народа, то выбросьте меня изъ вашей среды. Это будетъ справедливо и я не стану жаловаться. Но въ докладѣ дѣло идетъ не только о моемъ избраніи, но въ немъ заключаются и прямыя обвиненія, затрогивающія мою честь, и только на эти обвиненія я буду отвѣчать.

Голосъ его становился все болѣе и болѣе твердымъ и хотя онъ оставался по-прежнему глухимъ, грубымъ, но въ немъ слышались теперь ноты, невольно трогающія сердце. Въ короткихъ словахъ онъ **разказалъ** свою жизнь, юные годы и отъѣздъ на Востокъ. Этотъ разказъ походилъ на старинное повѣствованіе XVIII вѣка о варварійскихъ корсарахъ, сновавшихъ по Средиземному морю, баяхъ и предпріимчивыхъ провансальцахъ, которые всегда оканчивали тѣмъ, что, женившись на какой-нибудь султаншѣ, „надѣвали тюрбанъ“, какъ выражались марсельцы.

— Мнѣ, говорилъ Набовъ съ добродушной дѣтской улыбкой,—не надо было тюрбана, чтобы разбогатѣть; я довольствовался тѣмъ, что въ этой лѣнливой, празднои странѣ выказалъ дѣятельность, энергію, находчивость француза. Благодаря этимъ качествамъ, я въ нѣсколько лѣтъ **нажилъ** одно изъ тѣхъ громадныхъ состояній, которыя можно пріобрѣсть только въ жаркихъ странахъ Востока, гдѣ все развивается преждевременно и въ колоссальныхъ размѣрахъ, гдѣ цвѣты **вырастаютъ** въ одну ночь, гдѣ одно дерево рождаетъ цѣлый лѣсъ. Оправданіемъ такихъ богатствъ можетъ служить только способъ ихъ расходованія, и я могу смѣло сказать, что никогда баловень судьбы не старался, какъ я, заставить всѣхъ простить мнѣ мое богатство. Но мнѣ это не удалось.

Да, бѣдному Набобу не удалось! Безумно расточаемое имъ зо-

лото принесло ему только общее презрѣніе и ненависть, — ненависть слѣпую, подземную, изрывшую его путь западнями. Онъ былъ слишкомъ богатъ и это богатство, замѣняя всѣ преступленія, всѣ пороки, дѣлало его предметомъ самой злобной вражды, самой неутолимой мести.

— Господа! продолжалъ несчастный Набобъ, поднимая къверху судорожно сжатые руки, — я видѣлъ нищету лицомъ къ лицу и грудью вынесъ борьбу съ нею, и, клянусь, эта борьба тяжелая. Но бороться съ богатствомъ, защищать свое счастье, честь и спокойствіе, которыхъ не могутъ оградить груди золота — это еще тяжелѣе, еще ужаснѣе. Никогда, въ самые мрачные дни моей нищеты, я не испытывалъ такихъ страданій, такихъ мукъ, такихъ бессонныхъ ночей, какъ со времени моего богатства, этого страшнаго богатства, которое я ненавижу и которое меня давить, гнететь. Меня въ Парижѣ называютъ Набобомъ. Но я не Набобъ, а парія, несчастный парія, простирающій свои объятія къ обществу, которое отворачивается отъ него и не хочетъ его знать.

Слова Набоба могутъ показаться на бумагѣ холодными, но въ то время, когда онъ говорилъ, они поразили всю палату своими искреннимъ, величественнымъ краснорѣчіемъ, тѣмъ болѣе, что эта странная, новая, могучая и противорѣчившая всѣмъ парламентскимъ обычаямъ защита была произнесена челоувѣкомъ самаго низкаго происхожденія, безъ образованія, съ грубымъ голосомъ ронскаго судовщика и жестами марсельскаго носильщика. Знаки одобренія мало-по-малу стали проявляться на скамьяхъ, привыкшихъ къ однообразному, сѣрому краснорѣчію администраціи. Но послѣдній вопль злобы и отчаянія противъ богатства, вырвавшійся изъ устъ несчастнаго, который погибалъ, задавленный гудами своего золота, наэлектризовалъ всю палату. Всѣ встали, пламенно рукоплеская, всѣ руки протянулись къ бѣдному Набобу, точно палата желала выразить ему свое уваженіе, котораго онъ такъ жаждалъ, и спасти его отъ гибели.

Жансулэ почувствовалъ эту общую симпатію и, гордо поднявъ голову, продолжалъ твердымъ, звучнымъ голосомъ:

— Васъ увѣряютъ, господа, что я недостойнъ быть въ вашей средѣ, и это говоритъ тотъ, который одинъ знаетъ грустную тайну моей жизни. Онъ одинъ могъ меня защитить и оправдать

передъ вами; онъ этого не захотѣлъ. Дѣлать нечего, я постараюсь самъ себя защитить, чего-бы мнѣ это ни стоило. Оскорбленный и олеветанный передъ всею странюю, я долженъ ради себя, ради своихъ дѣтей публично возстановить мою честь. И я это сдѣлаю.

Говоря это, онъ обернулся лицомъ къ трибунѣ, гдѣ, какъ онъ хорошо зналъ, находился его заклятый врагъ. Но вдругъ онъ остолбенѣлъ. Прямо противъ него, за маленькимъ, блѣдымъ лицомъ баронесы стояла ея мать. Онъ думалъ, что она далеко, въ двухъ стахъ миляхъ, а она смотрѣла на него заплаканными, но гордо сіявшими отъ его успѣха глазами. Дѣйствительно, успѣхъ его былъ громаднй, искреннй, человѣчнй, и недоставало еще нѣсколькихъ словъ, чтобъ превратить его въ полное торжество. „Говорите, говорите!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Но Жансулэ молчалъ. Однако, ему надо было немного сказать: „Клеветники намѣренно смѣшали мое имя съ именемъ другого человѣка: меня зовутъ Франсуа Жансулэ, а его звали Люи Жансулэ“. И болѣе ничего.

Но этого было слишкомъ много для бѣдной матери, которая до сихъ поръ не знала позора своего старшаго сына. Уваженіе къ своему семейству сдерживало его. Онъ, казалось, слышалъ голосъ отца: „я умираю отъ стыда“; бѣдная мать могла умереть отъ разоблаченія роковой тайны. Твердая рѣшимость, овладѣвшая его сердцемъ при низкомъ вѣроломствѣ адвоката, теперь исчезла. На улыбку матери онъ отвѣчалъ взглядомъ, полнымъ возвышеннаго самоотверженія, и глухимъ голосомъ сказалъ:

— Извините, господа, подобное объясненіе свнше моихъ силъ. Прикажете произвести строжайшее слѣдствіе надъ всей моею жизнью, которую я всегда велъ открыто, передъ глазами вѣхъ. Клянусь, что вы не найдете въ ней ничего, что могло-бы мнѣ помѣшать находиться въ средѣ представителей моей родины.

Изумленіе и разочарованіе палаты не имѣли границъ; всѣмъ казалось, что дерзкое нахальство этого выскочки разсѣялось въ послѣднюю минуту, когда надо было доказать фактически свою невиновность. Когда— волненіе нѣсколько утихло, приступили къ балотировкѣ сидя и стоя. Набобъ смотрѣлъ безсознательно, какъ приговоренный къ смертной казни смотритъ съ высоты эшафота

на шумящую у его ногъ толпу. Наконецъ предсѣдатель, среди безмолвнаго молчанія, совершенно просто, равнодушно сказалъ:

— Выборы Франсуа Жансулэ кассированы!

Никогда жизнь человѣка не рѣшалась съ меньшимъ торжествомъ!

Наверху въ трибунѣ мать Жансулэ ничего не поняла и видѣла только, что скамейки вокругъ нея начали пустѣть. Вскорѣ кромѣ нея остались только толстый господинъ и дама въ бѣлой шляпкѣ, которые, перегнувшись черезъ балюстраду, съ любопытствомъ смотрѣли въ ту сторону, гдѣ Франсуа очень спокойно пряталъ бумаги въ портфель, также собираясь уйти. Наконецъ, онъ всталъ съ своего мѣста и удалился. Положеніе общественныхъ дѣятелей, живущихъ на глазахъ у всѣхъ, бываетъ иногда очень тяжело. Жансулэ пришлось публично, передъ всей палатой, медленно сойти съ той скамьи, на которую онъ взлѣзъ цѣною большихъ усилій и пожертвованій и съ которой его свергла неушолимая судьба.

Гемерлинги ждали именно этой сцены униженія и съ злорадствомъ слѣдили за каждымъ шагомъ кассированнаго депутата, какъ-бы выносящаго на себѣ весь позоръ изгнанія. Какъ только онъ исчезъ, они вышли изъ трибуны и старуха не рѣшилась ничего у нихъ разспросить, чувствуя ихъ враждебныя отношенія къ ея сыну. Оставшись одна, она стала внимательно слушать чтеніе слѣдующаго доклада о выборахъ Сарига; полагая, что дѣло все еще касалось ея сына, она досидѣла-бы до конца засѣданія, если-бъ въ трибуну не вошелъ дежурный приставъ. Онъ объявилъ ей, что все кончено и что ей поэтому лучше уйти. Она очень удивилась.

— Неужели кончено? сказала она, вставая какъ-бы съ сожалѣніемъ, и потомъ прибавила въ смущеніи: — Скажите, пожалуйста, что онъ... онъ выигралъ?

Эти слова были такъ наивны и трогательны, что приставъ не имѣлъ духа разсмѣяться.

— По несчастью, нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ онъ, — г. Жансулэ не выигралъ. Но зачѣмъ онъ остановился, когда дѣло шло такъ хорошо? Если дѣйствительно онъ никогда прежде не бывалъ въ Парижѣ и другой Жансулэ сдѣлалъ то, въ чемъ его обвиняютъ, то зачѣмъ онъ не сказалъ этого прямо?

Бѣдная старуха поблѣднѣла и схватилась за перила лѣстницы.

Она все поняла. Неожиданная остановка въ рѣчи Франсуа и жертва, такъ просто принесенная имъ своей семьѣ, а съ другой стороны, позоръ любимаго старшаго сына и несчастье младшаго — все это представилось ей теперь съ ужасающей ясностью. Да, онъ не хотѣлъ высказать всей правды ради нея. Но она не приметъ такой жертвы. Онъ долженъ былъ тотчасъ вернуться и объяснить все палатѣ.

— Мой сынъ? Гдѣ мой сынъ? воскликнула она.

— Внизу, въ каретѣ. Онъ прислалъ меня за вами.

Она пустилась почти бѣгомъ, шагая передъ приставомъ, борюча что-то вслухъ и бессознательно толкая всѣхъ, попадавшихъ ей на-встрѣчу. Пройдя по длиннымъ коридорамъ и залъ Потерянныхъ шаговъ, она очутилась въ большой круглой передней, гдѣ ливрейные лакеи, выстроившись въ рядъ, составляли какъ-бы цеструю, живую панель у обнаженныхъ, высокихъ стѣнъ. Черезъ стеклянныя двери видѣлся парадный дворъ, запруженный экипажами, въ числѣ которыхъ была и карета Набоба. Хорошая женщина узнала въ толпѣ своего толстаго сосѣда по трибунѣ; онъ разговаривалъ съ длинной, блѣдной фигурой въ очкахъ, которая говорила противъ ея сына, а теперь принимала поздравленія со всѣхъ сторонъ. Имя Жансулэ произносилось съ ироніей и насмѣшкой.

— Наконецъ, говорилъ красивый юноша съ лицомъ, напоминавшимъ продажныхъ уличныхъ женщинъ, — онъ не доказалъ несправедливости нашихъ обвиненій.

Услыхавъ эти слова, старуха растолкала группу разговаривавшихъ и, остановившись прямо противъ Моессара, воскликнула:

— То, что онъ вамъ не сказалъ, я вамъ скажу. Я его мать и должна его защитить. Погодите, злой человѣкъ, вы должны меня выслушать, прибавила она, схватывая за рукавъ Демеркье, который хотѣлъ скрыться. — Что вы имѣете противъ моего сына? Вы не знаете, какой это человѣкъ. Я вамъ расскажу.

И она обернулась къ Моессару:

— У меня было два сына...

Но журналистъ исчезъ. Она тогда вернулась къ адвокату:

— У меня было два сына...



Лемеркье также исчезъ.

— О! выслушайте меня кто-нибудь, умоляю васъ! восклицала старуха, разводя руками и стараясь удержать своихъ слушателей.

Но всѣ бѣжали отъ нея. Тщетно хотѣла она рассказать всю исторію депутатамъ и журналистамъ, несмотря на равнодушіе, съ которымъ они встрѣчали ея геніальную ерунду объ ея радостяхъ и горѣ, объ ея материнской любви и гордости. Въ себя отъ волненія и съ сбившимся на сторону чепцомъ, она металась, какъ безумная, представляя вмѣстѣ и смѣшное, и величественное зрѣлище, какъ всякое дитя природы, очутившееся среди драмы современной цивилизаціи; она брала всѣхъ, даже неподвижныхъ ливрейныхъ лакеевъ, въ свидѣтели честности ея сына и несправедливости людей. Вдругъ Жансуле показался въ дверяхъ; безпокоясь, что мать такъ долго не идетъ, онъ отправился къ ней на-встрѣчу.

— Матушка, возьмите мою руку, сказалъ онъ, — здѣсь намъ нечего оставаться.

Онъ произнесъ эти слова такимъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ, что всѣ окружающіе перестали смѣяться, и добрая старуха, волненіе которой тотчасъ утишилось, спокойно вышла изъ зданія палаты среди почтительно разступившихся слугъ. Освѣщенная блескомъ снѣговыхъ миліоновъ, эта почтенная поселанка исчезла въ роскошной каретѣ, служившей теперь жестокой насмѣшкой надъ мрачнымъ отчаяніемъ сына и поразительнымъ символомъ бѣдственной судьбы богатыхъ.

Сначала, прижавшись каждый въ свой уголокъ, они молчали. Но какъ только карета миновала рѣшетку параднаго двора и за ними осталось лобное мѣсто, гдѣ его честь была пригвождена къ позорному столбу, Жансуле, изнемогая отъ страданій, припалъ къ плечу матери, закрылъ свою голову ея зеленой шалью и, заливаясь горячими слезами, лепеталъ, какъ въ дѣтствѣ, въ минуты горя:

— Мама! Мама!

VIII.

П А Р И Ж С К І Я Д Р А М Ы .

Летить быстро время,  
Счастье унося...

Въ полумракѣ большой гостиной на лѣтнемъ положеніи, съ мебелью и люстрами въ чехлахъ, съ опущенными сторонами и открытыми окнами, м-съ Дженкинсъ сидитъ за фортепьяно и разбираетъ новый, меланхолическій романъ моднаго композитора. Его грустные слова и нѣжная мелодія вполне соотвѣтствуютъ безпокойному состоянію ея души.

Летить быстро время,  
Счастье унося...

поетъ бѣдная женщина, и ея голосъ жалобно раздается въ безмолвномъ дворѣ дома, гдѣ тихо журчитъ фонтанъ среди кустовъ рододендроновъ. Вдругъ голосъ ея обрывается, руки машинально бѣгаютъ по клавишамъ, глаза ея по-прежнему устремлены на ноты, но она смотритъ не на нихъ, а въ пустое пространство.

Доктора Дженкинса не было въ Парижѣ. Онъ уѣхалъ на нѣсколько дней по дѣламъ и, какъ часто бываетъ въ одиночествѣ, мысли м-съ Дженкинсъ приняли серьезный, аналитическій характеръ. Дженкинсы давно уже не были счастливой четой. Они видались только за столомъ, почти не говорили другъ съ другомъ, и только иногда докторъ, любезный со всѣми, грубо выражался объ ея сынѣ, о приближавшейся старости той, которую всѣ называли красавицей м-съ Дженкинсъ; всегда спокойная и нѣжная, она глотала свои слезы и переносила все, дѣлая видъ, что ничего не понимаетъ; она не любила его по-прежнему, — это было невозможно при его жестокомъ, презрительномъ поведеніи, — но, какъ говорилъ кучеръ Джо, „она хотѣла, старая вѣдьма, выйти за него замужъ“. До сихъ поръ ея позорное положеніе не могло измѣниться, потому что была еще въ живыхъ законная жена доктора, но теперь, послѣ ея смерти, бѣдная женщина хотѣла во что-бы то ни стало покончить съ этой унизительной комедіей ради сына, который, рано или поздно, могъ съ презрѣніемъ отвернуться отъ матери, и ради свѣта, въ который она

десять лѣтъ являлась съ замираніемъ сердца отъ страха, что ея тайна какъ-нибудь откроется. На ея мольбы Дженкинсъ отвѣчалъ громкими фразами: „Неужели ты сомнѣваешься во мнѣ? Развѣ нашъ союзъ можетъ быть разорванъ?“ Потомъ онъ сталъ выставлять на видъ, что трудно было сыграть сватъбу втайнѣ, а наконецъ въ послѣднее время довольствовался холоднымъ, гнѣвнымъ безмолвіемъ. Смерть герцога и неудача Вифлеемскаго пріюта нанесли послѣдній ударъ ихъ семейной жизни, такъ-какъ несчастье, связующее еще крѣпче любящія сердца, окончательно разрываетъ колеблющійся брачный союзъ. А несчастье стало преслѣдовать Дженкинса. Слава его пилуль внезапно померкла; старикъ Бушери въ академическомъ журналѣ уличилъ его въ шарлатанствѣ; свѣтское общество, испуганное ядовитымъ свойствомъ пилуль, отвернулось отъ ихъ творца и докторъ уже чувствовалъ пережѣну вѣтра, быстро происходящую въ Парижѣ. Ему грозила опасность потерять любовь парижанъ, и онъ счелъ болѣе удобнымъ удалиться изъ Парижа на нѣсколько времени. поручивъ м-съ Дженкинсъ посѣщать по-прежнему свѣтскія гостинныя съ цѣлю слѣдить за общественнымъ мнѣніемъ и по возможности сдерживать его. Трудна была эта задача для бѣдной женщины, которая встрѣчала вездѣ такой-же холодный пріемъ, какъ у Гемерлинговъ. Но она не жаловалась, въ надеждѣ, что горькія испытанія, перенесенныя виѣстѣ, укрѣпятъ связывавшія ихъ узы и ускорятъ бракъ. А такъ-какъ она знала, что въ свѣтѣ всего болѣе дорожили ею за ея артистическій талантъ и постоянную готовность своимъ пѣніемъ придать живость вечерамъ, она стала серьезно заниматься музыкой, остававливаясь преимущественно на грустныхъ современныхъ мелодіяхъ, которыя болѣе говорятъ нашимъ нервамъ, чѣмъ чувствамъ.

Летитъ быстро время,

Счастье унося...

Вдругъ лучъ солнечнаго свѣта проникъ въ гостиную, и горячая, войдя въ дверь, подала м-съ Дженкинсъ карточку; „Герте, страпчій“. Онъ желалъ непременно видѣть хозяйку дома.

— Вы сказали, что докторъ въ отсутствіи?

— Да, но онъ говоритъ, что имѣетъ дѣло именно до васъ.

— До меня? произнесла съ безпокойствомъ м-съ Дженкинсъ; — хорошо, просите.

Стряпчій, входя изъ свѣтлой комнаты въ полутемную, моргалъ глазами и не ясно различалъ предметы. Она-же, напротивъ, съ перваго взгляда замѣтила, что это былъ одинъ изъ тѣхъ мародеровъ закона, которые встрѣчаются въ сосѣдствѣ суда и, по-видимому, рождены пятидесятилѣтними стариками, съ сѣдыми бакенбардами, холоднымъ, деревяннымъ лицомъ и съ портфелемъ подъ мышкой. Онъ сѣлъ на кончикъ стула, который ему указала м-съ Дженкинсъ, и, убѣдившись, что служанка ушла изъ комнаты, началъ преспокойно перебирать бумаги въ портфель. Видя, что онъ ничего не говоритъ, она потеряла терпѣнье и сказала:

— Я должна васъ предупредить, что мужъ мой въ отъѣздѣ, а я ничего не знаю объ его дѣлахъ.

— Мнѣ очень хорошо извѣстно, что м-ра Дженкинса нѣтъ въ Парижѣ, отвѣчалъ стряпчій, продолжая рыться въ своихъ бумагахъ: — я пришелъ по его порученію.

— По его порученію! сказала съ испугомъ м-съ Дженкинсъ.

— Да, сударыня, докторъ, по несчастью, находится, какъ вамъ, конечно, извѣстно, въ очень затруднительномъ положеніи. Несчастливая игра на биржѣ, банкротство финансоваго предпріятія, въ которомъ у него находилось много денегъ, и тяжело расходы по Вифлеемскому пріюту, который теперь остался на его шеѣ, побудили его рѣшиться на геройскій шагъ. Онъ продаетъ свой домъ, лошадей и все движимое имущество, на что и выдалъ мнѣ довѣренность.

Говоря это, онъ напелъ въ портфель отыскиваемую бумагу, одинъ изъ тѣхъ официальныхъ актовъ на гербовой бумагѣ, которыми такъ часто узакониваются ложь и обманъ. М-съ Дженкинсъ хотѣла сказать: „а я? я исполнила-бы всѣ его приказанія...“ Но вдругъ она поняла по небрежному, почти дерзкому обращенію стряпчачаго, что она занимала первое мѣсто въ томъ движимомъ имуществѣ, которое отчуждалъ докторъ, и что ея удаленіе изъ дома должно было послужить сигналомъ общей распродажи. Она быстро вскочила. Но стряпчій, все еще сяди, продолжалъ:

— Теперь мнѣ осталось сказать вамъ, сударыня, какъ это ни грустно, что м-ръ Дженкинсъ, покидая Парижъ на долго и не желая подвергать васъ всѣмъ непріятностямъ его новой, пол-

и́й риска жизни, а также полагая, что онъ не вправѣ разлучать васъ съ вашимъ любимымъ сыномъ...

Она уже ничего не слышала, ничего не видѣла и въ припадкѣ ирраціональнаго отчаянія, а быть можетъ и безумія, повторяла мысленно только-что дѣтній ея романсъ:

Летить быстро время,  
Счастье унося...

Вдругъ чувство гордости пробудилось въ ней.

— Довольно, милостивый государь, сказала она, — всѣ ваши фразы — только лишнія оскорбленія. Дѣло въ томъ, что меня выгоняютъ изъ дома, какъ служанку.

— О! сударыня, ваше положеніе и такъ довольно грустное. не будемъ ухудшать его напрасными неприятными словами. Переи́мая свой образъ жизни, м-ръ Дженкинсъ вынужденъ разстаться съ вами, но онъ въ отчаяніи и вы тотчасъ увидите, какія теплыя чувства онъ все еще питаетъ къ вамъ. Во-первыхъ, что касается мебели и вашего туалета, то мнѣ поручено отдать вамъ...

— Довольно! воскликнула оскорбленная женщина и, позвонивъ, сказала вошедшей горничной: — Дайте мнѣ шляпу, пальто, что хотите. Я тороплюсь.

Пока горничная исполняла ея приказанія, она продолжала:

— Все, что здѣсь находится, принадлежитъ м-ру Дженкинсу. Онъ можетъ распорядиться всѣмъ. Я ничего отъ него не прошу. Не настаивайте, это будетъ напрасный трудъ.

Стряпчій не настаивалъ; онъ исполнилъ данное ему порученіе, а все прочее до него не касалось.

Равнодушно, хладнокровно надѣла она шляпку и пальто, поправилась передъ зеркаломъ и окинула взоромъ всю комнату, чтобы убѣдиться, не забыла-ли она чего драгоценнаго. Нѣтъ, письма ея сына были всѣ въ карманѣ, такъ-какъ она никогда съ ними не разставалась.

— Прикажете заложить карету?

— Нѣтъ.

И она ушла изъ дома.

Было шесть часовъ. Въ эту минуту Жансулэ выходилъ изъ зданія законодательнаго корпуса подъ руку съ своей старухой-матерью, но какъ ни ужасна была драма, разыгравшаяся въ па-

латѣ, эта драма была еще ужаснѣе по своей неожиданности и по своимъ роковымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіямъ. Въ одно мгновеніе, безъ всякихъ подготовокъ, погибла цѣлая жизнь. Ежедневно, ежечасно случаются въ Парижѣ подобныя драмы, и вотъ почему парижская атмосфера всегда напрягаетъ нервы, учащаетъ дыханіе, усиливаетъ пульсъ. М-съ Дженкинсъ шла быстрыми шагами, сама не зная, куда. Какое страшное паденіе! Пять минутъ тому назадъ она была богата и окружена уваженіемъ, роскошью великосвѣтскаго существованія. Теперь все это исчезло. У нея не было ни крова, ни даже имени. Ей оставалось одно—улица. Куда идти? Что дѣлать?

Въ первую минуту она подумала о сынѣ, но сознаться въ своей винѣ, плакать и краснѣть передъ нимъ, любящимъ и почитательнымъ, было сверхъ ея силъ и смерть казалась легче. Умереть какъ можно скорѣе и освободиться навсегда отъ позора—единственный выходъ изъ безвыходнаго положенія. Но какъ умереть и гдѣ? Несчастливая женщина вызывала передъ собою всѣ различные образы смерти. Вокругъ нея жизнь была ключемъ и даже то, чего такъ недостаетъ Парижу зимою, природа, цвѣла на рыночѣ св. Магдалины, благоухающемъ розами и резедой. Вдругъ бѣдная женщина остановилась при мысли, что подумаютъ встрѣчавшіеся знакомые объ ея встревоженномъ лицѣ и поспѣшной, лихорадочной походкѣ. Она пошла тише, обыкновенной поступью свѣтской женщины на прогулкѣ, и останавливалась отъ времени до времени передъ окнами модныхъ магазиновъ. На этихъ блестящихъ выставкахъ все говорило о веснѣ и путешествіяхъ: шляпки, покрытыя волнами газа для защиты отъ солнца, легкія матеріи для платьевъ, зонтики и вѣера всевозможныхъ формъ. Она смотрѣла на всѣ эти мелочи женскаго туалета, но ничего не видѣла; въ зеркальныхъ окнахъ ей мерещилось ея поспѣвшее, мертвое лицо на постели въ какой-нибудь гостинницѣ. куда она зашла съ цѣлюю принять ядъ, или на пустынномъ берегу Сены, куда выбросила волна ея бездыханный трупъ. Которая изъ этихъ двухъ смертей была лучше?

Она долго колебалась и, наконецъ, рѣшившись, снова ускорила шагъ. Въ эту минуту маркизъ Монпапонъ, красивый, нарядный, съ цвѣткомъ въ петличкѣ, издала поклонился ей, снявъ почтительно шляпу. На этотъ шикарнѣйшій изъ поклоновъ, сто-

льстящій самолюбію женщинъ, она отвѣчала любезнымъ привѣтствіемъ парижанки, состоящимъ изъ незамѣтнаго наклоненія стана и безмолвной улыбки глазъ. При видѣ этого обмѣна свѣтскихъ любезностей среди ликующей весенней природы никто не заподозрилъ-бы, что одна и та-же роковая идея вела этихъ двухъ представителей большого свѣта, случайно встрѣтившихся, или въ противоположную сторону, но къ одной цѣли.

Предсказаніе камердинера герцога Мора относительно маркиза вполне осуществилось. „Мы можемъ умереть или потерять власть, тогда у васъ потребуютъ отчета и дѣло будетъ скверное“. Дѣйствительно, дѣло было скверное. Съ большимъ трудомъ Монпавону удалось отдалить на двѣ недѣли уплату въ казну считаемыхъ за нимъ денегъ, и онъ надѣялся, что Жансуле, послѣ утвержденія его выборовъ и возвращенія миліоновъ, одолжитъ ему необходимую сумму. Рѣшеніе палаты отняло у него эту послѣднюю надежду. Но онъ возвратился изъ законодательнаго корпуса спокойно въ свой клубъ, гдѣ его ждалъ Франсуа съ повѣсткой о явѣ на другой день къ слѣдственному судѣ. Относилось ли дѣло, по которому его вызывали, къ дѣятельности его, какъ контролера Поземельнаго банка, или его прежней службы по сбору податей, было неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, грубый, официальный вызовъ въ судъ прямо, безъ всякихъ предварительныхъ, частныхъ разговоровъ, свидѣтельствовалъ о серьезности этого дѣла и о рѣшимости суда дѣйствовать твердо, безпристрастно.

Въ виду такой крайности, впрочемъ, давно предвидѣнной, старшій красавецъ не дрогнулъ. Онъ уже рѣшился, какъ поступить въ такую критическую минуту. Монпавонъ на скамьѣ подсудимыхъ, Монпавонъ въ Мазасѣ! Нѣтъ, это было немислимо. Онъ привелъ въ порядокъ свои бумаги, разорвалъ нѣкоторыя изъ нихъ, опорожнилъ свои карманы, положилъ въ нихъ двѣ или три стѣлянки съ туалетнаго стола и, уходя, сказалъ Франсису:

— Пойду взять ванну... Чортова палата... Какая тамъ пыль!

Маркизь былъ такъ спокоенъ и натураленъ, что камердинеръ повѣрилъ ему. Впрочемъ, Монпавонъ и не лгалъ. Онъ такъ усталъ отъ продолжительнаго стоянія въ душной, пыльной три-

бунѣ законодательнаго корпуса, что мысль о ваннѣ тѣшила чисто-физически стараго сибарита, который задумалъ заснуть въ этой ваннѣ вѣчнымъ сномъ, какъ знаменитые... ну, какъ ихъ тамъ звали, герои древняго міра. И надо отдать ему справедливость, ни одинъ изъ этихъ стойковъ не шелъ на смерть такъ спокойно, какъ онъ.

Съ бѣлой камеліей въ петлицѣ, надъ ленточкой Почетнаго легіона, онъ шелъ бодро, весело по бульвару Капуциновъ и только встрѣча съ м-съ Дженкинсъ нарушила на минуту его спокойствіе. Она показала старому красавцу очень моложавой, сіяющей и пикантной. Великолѣпная м-съ Дженкинсъ, въ черномъ, газовомъ платьѣ, съ длиннымъ шлейфомъ, въ кружевной мантильѣ и съ гирляндой осеннихъ цвѣтовъ на шляпкѣ, и многочисленныя, не менѣе изящныя женскіе силуэты представляли въ его глазахъ такое прелестное зрѣлище, что старый красавецъ грустно опустил голову и невольно пошелъ тише при мысли, что онъ въ послѣдній разъ имъ любитъ. Но вскорѣ новая, совершенно иного рода встрѣча воскресила въ немъ прежнее мужество.

Какая-то сторбленная фигура, ослѣпленная блестящими лучами солнца и какъ-бы стыдящаяся всѣхъ окружающихъ, медленно переходила черезъ улицу. Это былъ старикъ Морестанъ, нѣкогда сенаторъ и министръ, приговоренный за участіе въ скандальномъ дѣлѣ *мальтійскихъ выжимокъ* къ тюремному заключенію на два года и лишенію ордена Почетнаго легіона первой степени, несмотря на его преклонные года и прежнія заслуги. Впослѣдствіи срокъ его заключенія былъ на половину убавленъ и онъ только-что вышелъ изъ тюрьмы, униженный, убитый, не имѣя даже средствъ озолотить свой позоръ, такъ-какъ все его состояніе было конфисковано. Въ настоящую минуту онъ стоялъ на краю тротуара, опустивъ голову и дожидаясь, пока улица немного очистится отъ экипажей, чтобы перейти на другую сторону. Ему было неловко и стыдно стоять, точно напоказъ, въ самомъ людномъ мѣстѣ бульваровъ, среди толпы знакомыхъ, идущихъ пѣшкомъ и ѣдущихъ въ экипажахъ. Монпавонъ замѣтилъ на его лицѣ безпокойный, испуганный взглядъ, въ одно и то-же время умолявшій cadaго знакомаго признать его и старавшійся избѣгнуть какого-бы то ни было вниманія. Неужели и онъ доживетъ до такого униженія? Нѣтъ, это невозможно. И, гордо выпрямив-



шись, выпятивъ впередъ свою могучую грудь, онъ продолжалъ идти твердыми, рѣшительными шагами по своему пути.

Маркизь Монпавонъ шелъ на смерть. Онъ шелъ спокойно по длинной линіи бульваровъ, горѣвшихъ яркими лучами заходящаго солнца у церкви св. Магдалины. Ему нечего было торопиться; минута свиданія зависѣла отъ него. Заложивъ руки за спину и гордо вздернувъ носъ, онъ свободно ступалъ по асфальту; на каждомъ шагу онъ весело улыбался знакомымъ, махалъ рукою покровительственнымъ тономъ или почтительно снималъ шляпу. Все ему нравилось, все его забавляло. Предстоявшая ему смерть напрягала его чувства и онъ ощущалъ всѣ поэтическія тонкости прекраснаго лѣтняго вечера среди блестящаго, шумнаго Парижа, — вечера, послѣдняго въ его жизни и который онъ желалъ продлить до глубокой ночи. По этой причинѣ онъ миновалъ великолѣпныя бани, въ которыя онъ обыкновенно ходилъ, и китайскія бани, гдѣ его также знали. Онъ не хотѣлъ, чтобы Парижъ узналъ въ тотъ-же вечеръ объ его смерти и чтобы она призвела повсюду скандалъ. Старый красавецъ, вѣчно поддерживавшій блестящую внѣшность, желалъ освободиться отъ этого позора и исчезнуть безъ слѣда, какъ тѣ солдаты, которыхъ послѣ кровопролитной битвы заносилъ въ списки ни умершими, ни ранеными, а просто пропавшими. Вотъ почему онъ старательно вынулъ изъ своихъ кармановъ все, что могло бы отождествить его личность.

Мало-по-малу внѣшній видъ бульваровъ измѣнился; толпа стала болѣе скученной и занятой, дома меньшихъ размѣровъ и испещренные вывѣсками. Пройдя ворота Сен-Дени и Сен-Мартенъ, подъ которыми во всякое время дня кишитъ народонаселеніе предмѣстій, Парижъ принимаетъ провинціальный видъ. Тамъ Монпавонъ никого не зналъ и могъ похвалиться, что и его не знали. Лавочники смотрѣли съ любопытствомъ на его блестящую рубашку и сюртукъ изъ тонкаго сукна, принимая его за какого-нибудь знаменитаго актера, который передъ представленіемъ гулялъ для здоровья по старому бульвару, нѣкогда бывшему театромъ его первыхъ успѣховъ. Вѣтеръ становился свѣжѣе, сумерки ступшевывали даль и Монпавону казалось, что его уже сжимали мрачныя объятія ночи. Дрожь пробѣгала по его жиламъ, но онъ

не поддавался чувству страха, а шелъ твердой поступью, гордо поднявъ голову.

Маркизь Монпавонъ шелъ на смерть. Мало-по-малу онъ углубился въ лабиринтъ узкихъ, многолюдныхъ улицъ, гдѣ шумъ дилижансовъ смѣшивался съ тысячею различныхъ звуковъ мелкой парижской промышленности, а дымъ фабрикъ—съ лихорадочнымъ дыханіемъ цѣлаго народа, ведущаго отчаянную борьбу съ голодомъ. Вдругъ Монпавонъ остановился; онъ нашелъ то, чего искалъ. Между черной лавкой угольщика и мастерской укладчика вещей, передъ дверью котораго стояли сосновыя доски, неприятно отозвавшіяся въ сердцѣ Монпавона, видѣлась большая вывѣска надъ воротами, съ надписью: „Ванны“. Онъ вошелъ въ ворота и миновалъ маленькій садикъ, гдѣ уныло журчалъ фонтанъ. Вотъ та мрачная трущоба, которую онъ отыскивалъ. Кому придется въ голову, чтобъ маркизь Монпавонъ пришелъ сюда лишить себя жизни? Самый домъ, небольшой, низкій, съ зелеными ставнями и съ стеклянной дверью, находился въ концѣ двора и подходилъ, какъ всѣ парижскія бани, на дачу. Войдя въ контору, онъ потребовалъ ванну, и пока приготовляли ее, онъ приблизился къ окну и, куря сигару, сталъ смотрѣть на кусты сирени въ саду. Рядомъ видѣлся большой дворъ пожарной команды; устроенная на немъ гимнастика казалась издали въ сумеркахъ массою висѣлицъ. Кто-то игралъ на рожкѣ. Эти звуки перенесли Монпавона за тридцать лѣтъ назадъ, въ Алжиръ, и онъ припомнилъ свои походы, осаду Константины, прибытіе Мора въ полкъ, дуэли, шумные ужины. Какъ хорошо начиналась жизнь! Какъ жаль, что всему помѣшали проклятыя карты! Однако, и то хорошо, что онъ до послѣдней минуты сохранилъ приличную внѣшность, достойную аристократа.

— Ваша ванна готова.

Въ эту самую минуту и съ Дженкинсъ, блѣдная, едва переводя дыханіе, входила въ мастерскую своего сына, куда привлекъ ее истиннѣе, болѣе сильный, чѣмъ ея воля—желаніе поцѣловать свое дѣтище предъ смертью. Отворивъ дверь (онъ ей далъ особый ключъ), она увидѣла съ удовольствіемъ, что его не было дома, такъ-что она могла на свободѣ успокоиться отъ овлачѣвшаго ею волненія, еще болѣе усилившагося, благодаря длинной прогулкѣ, непривычной для богатой женщины, имѣвшей своей эки-

пашъ. На столѣ лежала записка, которую онъ всегда оставлялъ на случай прихода матери, которая, благодаря тираніи Дженкинса, не могла часто и надолго посѣщать сына. Въ этихъ запискахъ онъ увѣдомлялъ ее, когда вернется или гдѣ его можно найти. Эти два существа продолжали нѣжно любить другъ друга, несмотря на разлучившія ихъ жестокія условія жизни и съ Дженкинсомъ, обязанной скрывать отъ сына свою позорную тайну.

„Я на репетиціи моей пьесы и вернусь къ семи часамъ“, говорило на этотъ разъ въ запискѣ.

Это трогательное вниманіе сына, который, повидимому, вѣчно ждалъ ее, хотя она уже три недѣли не была у него, поразило мать въ самое сердце и она горько зарыдала. Она теперь какъ-бы очутилась въ совершенно новомъ мірѣ. Здѣсь было такъ хорошо, такъ свѣтло, такъ спокойно. Послѣдніе лучи солнца искрились на стеклянной крышѣ мансарды, точно вырубленной въ синевѣ неба, и на обнаженныхъ стѣнахъ, украшенныхъ только ея большимъ портретомъ. Это скромное жилище, блестящее радужнымъ свѣтомъ, когда мракъ уже водворялся во всемъ остальномъ Парижѣ, произвело на бѣдную женщину потрясающее впечатлѣніе, несмотря на его нищенскій видъ, плохую, разрозненную, крытую ситцемъ мебель и красовавшіеся на каминѣ два большихъ букета гіацинтовъ, продающихся на улицахъ возами. Какую славную, достойную жизнь могла она вести въ этомъ уединенномъ уголкѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ! И въ одно мгновеніе, какъ во снѣ, представилась ей цѣлая картина. Тутъ она поставила-бы свою кровать, тамъ фортепьяно, и стала-бы давать уроки, заботиться объ ихъ маленькомъ хозяйствѣ, внося свою долю труда и мужественной дѣятельности. Какъ не поняла она, что въ этомъ заключался ея долгъ, что въ этомъ была вся гордость ея, какъ матери и вдовы! Какая презрѣнная слабость, какая непростительная слѣпота овладѣла ею!

Конечно, вина ея была громадная, но не трудно было найти облегчающія обстоятельства въ ея легкомысленной, нѣжной натурѣ и въ хитромъ коварствѣ злодѣя, который долго морочилъ ее общаніемъ жениться, а потомъ, сознавшись, что онъ уже женатъ, такъ пламенно распространялся о своей любви и мрачномъ отчаяніи, что бѣдное созданіе, уже скомпрометированное въ глазахъ свѣта и неспособное на геройскій подвигъ, кончило тѣмъ,

что, поддавшись соблазну, вело въ продолженіи десяти лѣтъ двойную жизнь — блестящую извнѣ и горькую дома. Десять лѣтъ она жила между одуряющими свѣтскими успѣхами и душевными тревогами; десять лѣтъ все ея существованіе основывалось на лжи; десять лѣтъ она пѣла передъ восхищенными слушателями и постоянно страшилась, чтобъ между двумя куплетами не открылась ея страшная тайна; десять лѣтъ она принимала каждое замѣчаніе о незаконныхъ связяхъ за нарекъ, такъ-что, наконецъ, лицо ея приняло выраженіе смиреннаго преступника, просящаго пощады. Въ послѣдніе-же года увѣренность въ измѣнѣ доктора отравляла даже ея вѣншіи блескъ, и какъ много перенесла она душевныхъ страданій и униженій до послѣдняго, страшнѣйшаго изъ всѣхъ!

Пока она грустно вспоминала объ этомъ мрачномъ прошедшемъ, въ уединенномъ, безмолвномъ домѣ раздался взрывъ веселаго, юнаго смѣха. Она вспомнила отервенную исповѣдь сына и послѣднее его письмо, въ которомъ онъ объявлялъ о своей женитьбѣ, и старалась распознать въ молодомъ, звонкомъ хорѣ голосъ ея будущей дочери Элизы, невесты сына, которую она не знала и никогда не должна была узнать. Эта мысль, окончательно развѣнчивавшая въ ней мать, до того усилила въ ея сердцѣ горькое раскаяніе, укоры совѣсти и душевныя страданія, что, несмотря на все ея мужество, она залилась жгучими слезами.

Между тѣмъ медленно наступала ночь. Черное небо какъ-бы нависло надъ наклоненными стеклами крыши. Часы на городскихъ башняхъ мѣрно вторили другъ другу въ окружающей тишинѣ, прерываемой только свистомъ вѣтра, который дулъ съ рѣби, сырой, холодный, какъ-бы напоминая несчастной, что ее ждетъ мрачная пучина. При этой мысли она невольно дрожала подъ своей кружевной мантилей. Зачѣмъ она пришла сюда? Ей теперь хотѣлось жить, а жизнь была немислима послѣ неизбѣжнаго сознанія.

Наконецъ, на лѣстницѣ раздались шаги и дверь съ шумомъ отворилась. Вошелъ Андре. Онъ былъ веселъ и громко пѣлъ. Онъ торопился идти на обѣдъ къ Жюазамъ и сталъ поспѣшно зажигать свѣчку, чтобъ поправить свой туалетъ. Въ безмолвной мастерской что-то зашевелилось.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

Въ отвѣтъ раздалось что-то неопредѣленное: полузаглушенный смѣхъ или вопль. Онъ подумалъ, что это новая выходка дѣвочекъ, и пошелъ на звукъ. Двѣ руки крѣпко обняли его.

— Это я.

И торопливымъ, лихорадочнымъ голосомъ бѣдная женщина сказала, что она отправляется въ далекое путешествіе и пришла съ нимъ проститься.

— Куда ты уѣзжаешь?

— Не знаю, мы отправляемся по дѣламъ на его родину.

— Какъ! ты не будешь на первомъ представленіи моей пьесы? Она пойдетъ черезъ три дня. А потомъ сейчасъ и свадьба. Не можетъ-же онъ помѣшать тебѣ быть на моей свадьбѣ!

Она начала приискивать предлоги къ своему отъѣзду, но очень неловко, и Андре чувствовалъ, что она говорила неправду. Голосъ ея звучалъ какъ-то странно, руки дрожали.

— Нѣтъ, не надо, такъ лучше, сказала она, вида, что онъ хочетъ зажечь свѣчу.— Къ тому-же у меня столько дѣла, что я должна сейчасъ уйти.

Она, дѣйствительно, хотѣла удалиться, но Андре не пускалъ ее, умоляя высказать причину мрачнаго горя, ясно виднѣвшагося на ея лицѣ, несмотря на сумерки.

— Ничего, ничего! увѣряю тебя, отвѣчала она; — мнѣ жаль, что я не могу раздѣлить съ тобою твоего торжества, твоего счастья. Но ты знаешь, какъ я люблю тебя... Я всегда думаю о тебѣ... Сохрани и ты мнѣ мѣстечко въ своемъ сердцѣ. Ну, теперъ поцѣлуй меня. Я уже и то опоздала.

— Нѣтъ, я не отпущу тебя, я чувствую, что въ твоей жизни произошло что-то необыкновенное. Ты скрываешь какое-то горе. Онъ сдѣлалъ какую-нибудь низость...

— Нѣтъ, нѣтъ! Пусти меня!

— Скажи, что съ тобой? удерживалъ онъ ее силой.

Потомъ, нагнувшись, онъ шопотомъ произнесъ мягко, глухо, какъ поцѣлуй:

— Онъ тебя бросилъ?

Несчастная вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Не спрашивай... Я не хочу говорить... Прощай!

— Ты ничего не можешь мнѣ сказать, чего-бы я не зналъ,

бѣдная матушка, сказала Андре, прижимая ее къ сердцу. — Неужели ты не поняла, почему я выѣхалъ изъ вашего дома...

— Ты знаешь...

— Все. Я давно предчувствовалъ то, что случилось сегодня.

— О! несчастная, несчастная! Зачѣмъ я пришла сюда!

— Потому что здѣсь твое мѣсто. Ты видишь, я правъ, не отпуская тебя. Ты десять лѣтъ лишала меня материнскихъ ласкъ, теперь возврати все съ лихвою.

Онъ говорилъ это, стоя на колѣняхъ передъ диваномъ, на который она упала, заливаясь слезами. Долго плакала она; это была послѣдняя вспышка униженнаго самолюбія. Наконецъ, въ дверяхъ показалась вся семья Жуаезъ. Безпокоясь о долгомъ отсутствіи Андре, она явилась въ полномъ своемъ составѣ въ его мастерскую, наводняя ее прелестными юными лицами, вьющимися кудрями, скромными туалетами и невиннымъ, веселымъ смѣхомъ. Вся эта прелестная сцена освѣщалась старой семейной лампой съ большимъ абажуромъ, которую Жуаезъ торжественно держалъ надъ своей головой. Однако, увидавъ незнакомую, блѣдную, плачущую женщину, Жуаезы остановились, а она впиалась глазами въ Элизу, которая, отставъ отъ другихъ въ замѣтномъ смущеніи, ясно обнаруживала, что она невѣста.

— Элиза! воскликнулъ Маранъ, — поцѣлуй твою мать и поблаговари ее. Она будетъ жить съ своими дѣтьми.

Бѣдная женщина очутилась въ объятіяхъ четырехъ маленькихъ, ласковыхъ, любящихъ существъ, давно жаждавшихъ поддержки матери. Она сразу, незамѣтно заняла свое мѣсто у свѣтлаго очага, осушила слезы и отогрѣла свое оледенѣвшее сердце подъ нѣжными лучами семейной лампы, которая горѣла тихо, ровно, не колеблясь, въ мастерской артиста, гдѣ только-что свирѣпствовала роковая буря, отнынѣ забытая навсегда.

Этого священнаго пламени семейнаго очага никогда не знавалъ несчастный, въ эту самую минуту плававшій въ своей крови. Холодный эгоистъ, онъ вѣчно жилъ только напоказъ, гордо выпяливая свою накрахмаленную грудь. Впрочемъ, эта гордость была его лучшимъ качествомъ. Она долго поддерживала его среди полнаго крушенія и теперь стискивала его зубы въ предсмертной агоніи.

Въ маленькомъ садикѣ все такъ-же журчалъ фонтанъ; въ сѣднемъ дворѣ все такъ-же слышались звуки рожка.

— Посмотри, что дѣлаетъ господинъ въ седьмомъ номерѣ, онъ долго не выходитъ, говоритъ хозяйка.

Мальчикъ бѣжитъ наверхъ и черезъ минуту кричитъ въ страшномъ испугѣ:

— Онъ умеръ! Но это не тотъ, его подмѣнили!

Всѣ сбѣгаютъ и дѣйствительно никто не можетъ узнать вошедшаго въ баню красиваго, блестящаго господина въ этомъ пошинѣвшемъ мертвецѣ. Голова его свисла на одну сторону, по лицу струятся румяна, смитая кровью, его руки и ноги беспорядочно раскинулись въ ужасномъ утомленіи отъ роли, сыгранной до конца, до смерти актера. Двухъ ударовъ бритвы по гордо выставленной груди было достаточно, чтобъ все напускное величіе исчезло, разсѣялось. И отъ маркиза Люи-Агенора де-Монпавона, образца свѣтскаго приличія, осталась невѣдомая, безъимянная, разлагающаяся масса костей, жира, грязи и крови.

## ГЛАВА IX.

Изъ записокъ конторщика: послѣднія страницы.

„Второпяхъ и дрожащей рукой я вношу въ свои записки страшныя событія, происшедшія въ послѣдніе дни. Поземельный банкъ погибъ окончательно и съ нимъ погибли всѣ мои самолюбивыя мечты. Банкъ закрытъ полиціей, всѣ книги отправлены къ слѣдственному судѣ, директоръ Паганетти бѣжалъ, а изъ двухъ попечителей одинъ, Буа-Ландри, въ тюрьмѣ, а другой, Монпавонъ, пропалъ. Голова моя идетъ кругомъ. Каково думать, что я могъ, слѣдуя совѣтамъ трезваго разума, уже полгода спокойно воздѣлывать въ Монбарѣ свой виноградникъ и выстроить даже маленькій бельведеръ для вечерняго отдыха, какъ у профессора Шальмета? Но я хотѣлъ обогатиться, пустился въ спекуляціи, и вотъ теперь снова я конторщикъ обанкротившагося банка, кредиторы и акціонеры котораго, внѣ себя отъ злобы, оспраиваютъ меня ежедневно оскорбленіями, какъ-бы желая сдѣлать мою сѣдую голову отвѣтственной за разореніе Набоба и бѣгство директора.

Точно я самъ не потерялъ вторично мое жалованье за четыре года и семь тысячъ франковъ, отданные мною негодяю Паганетти для спекуляцій. Но, вѣрно, мнѣ суждено испить до дна чашу униженія и бѣдствія.

„Меня, тридцать лѣтъ служившаго безупречно въ университетѣ, таскали въ слѣдственномъ судѣ. Проходя по мрачнымъ заламъ суда, кишѣвшимъ адвокатами и тяжущимися, дожидаясь своей очереди въ коридорѣ среди всевозможныхъ мошенниковъ, я понялъ всю опасность спекуляцій. Меня успокоило только одно, что я не принималъ никакого участія въ обманахъ и мошенничествахъ, производившихся въ Поземельномъ банкѣ, такъ-какъ не присутствовалъ въ засѣданіяхъ распорядителей. Когда я очутился передъ слѣдственнымъ судьей въ бархатной шапочкѣ и съ проищательнымъ взглядомъ, я почувствовалъ, что всѣ мои мысли прочтены и что мнѣ оставалось только сознаться. Но въ чемъ? Все равно, только сознаться. Вотъ какъ повліяло на меня правосудіе. Этотъ ужасный человѣкъ около пяти минутъ смотрѣлъ на меня молча, перелистывая страницы тетрадки, исписанной знакомымъ мнѣ почеркомъ. Потомъ онъ сказалъ строго и насмѣшливо:

„— Ну, г. Пасажонъ, давно-ли вы разныгрывали роль носильщика?

„Воспоминаніе о мелкихъ продѣлкахъ въ голодное время банка почти совершенно улетучилось изъ моей головы и я сразу не понялъ, на что намекалъ судья, но нѣсколькихъ его словъ было достаточно, чтобъ доказать, какъ онъ близко зналъ исторію нашего банка. Хотя страхъ приковывалъ мой языкъ къ гортани, мнѣ пришлось рассказать все, что я зналъ о знаменитыхъ засѣданіяхъ совѣта банка, протоколы которыхъ я писалъ, о подпискѣ Паоли и пр. Судья зналъ все до мельчайшихъ подробностей, такъ-что я рѣшительно недоумѣвалъ, откуда онъ могъ получить всѣ эти свѣденія. Мои показанія записывались секретаремъ, а когда я хотѣлъ просвѣтить правосудіе глубокомысленными замѣчаніями, слѣдователь сухо останавливалъ меня словами: „не надо фразъ“. Между прочимъ, онъ задавалъ мнѣ различные вопросы о Набобѣ, о томъ, когда онъ вносилъ деньги, о мѣстѣ храненія нашихъ книгъ, и вдругъ, обращаясь къ человѣку, котораго я до тѣхъ поръ не замѣтилъ, сказалъ:



„— Дайте намъ кассовую книгу, г. экспертъ.

„Маленькій человѣчекъ въ бѣломъ галстухѣ положилъ требуемую книгу на столъ. Это былъ г. Жуаезъ, бывший кассиръ Гемерлинга и сына, но я не успѣлъ ему поклониться, какъ судья указалъ мнѣ на вырванный листъ въ книгѣ.

„— Кто это сдѣлалъ? спросилъ онъ;— не лгите.

„Я, дѣйствительно, ничего не зналъ, такъ-какъ никогда не заботился о конторскихъ книгахъ, но счелъ своимъ долгомъ пояснить, что секретарь Набоба, Жери, часто приходилъ по вечерамъ въ банкъ и одинъ разсматривалъ книги. Мои слова взбѣсили Жуаеза и онъ, покраснѣвъ, воскликнулъ:

„— Г. слѣдователь, это нечѣстность. Жери— тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Онъ являлся въ банкъ, какъ частный человѣкъ, и слишкомъ преданъ бѣдному Жансула, чтобъ уничтожать записи о внесенныхъ имъ суммахъ, которыя могли-бы служить доказательствомъ его, быть можетъ, слѣпой, но безкорыстной честности. Впрочемъ, Жери уже на дорогѣ изъ Туниса и вскорѣ дастъ вамъ всѣ необходимыя объясненія.

„Я понялъ, что моя ревность къ интересамъ банка можетъ меня окопрометировать.

„— Берегитесь, Пасажонъ, сказалъ очень строго слѣдователь,— вы здѣсь, какъ свидѣтель, но если вы будете намѣренно сбивать правосудіе, то можете незамѣтно перейти въ обвиняемаго. Ну, подумайте, кто вырвалъ эту страницу?

„Тогда я вспомнилъ очень кстати, что за нѣсколько дней, до бѣгства изъ Парижа Паганетти приказалъ мнѣ принести всѣ книги къ нему на домъ, гдѣ онъ оставались до слѣдующаго утра. Когда это показаніе было записано, слѣдователь меня отпустилъ, но потомъ снова призвалъ.

„— Возьмите эту тетрадку, г. Пасажонъ, сказалъ онъ,— мнѣ ее больше не надо.

„И онъ мнѣ отдалъ мои собственныя записки, которыя мнѣ не удалось спрятать до полицейскаго обыска.

„Придя домой, первой моею мыслью было уничтожить эти нескромныя страницы, послужившія орудіемъ противъ меня самого; но, подумавъ хорошенько и убѣдившись, что въ нихъ нѣтъ ничего, компрометирующаго лично меня, я рѣшился ихъ не только сохранить, но и продолжать. Въ Парижѣ есть много романи-

стовъ, который-нибудь изъ нихъ купить съ удовольствіемъ мои записки, а я этимъ путемъ отомщу той пайкѣ разбойниковъ, въ которую, по несчастью, я попалъ. Къ тому-же надо что-нибудь дѣлать, а въ банкѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ занятій, кромѣ принятія всевозможныхъ повѣстоковъ.

„Я, по-старому, веду счета г-жи Серафинъ и она снабжаетъ меня съѣстными припасами, которые я снова прячу въ денежномъ сундукѣ. Жена Паганетти также очень добра ко мнѣ и набиваетъ мнѣ карманы провизіей всякій разъ, какъ я посѣщаю ее въ ея роскошномъ домѣ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, ничего не измѣнилось, та-же роскошь, тотъ-же блескъ, даже прибавился еще одинъ ребенокъ. Не даромъ Паганетти перевелъ все, что имѣлъ, на имя жены, которая такъ слѣпо вѣритъ въ него, что, несмотря на его бѣгство, считаетъ его невинной жертвой доброты и довѣрчивости. Надо быть ловкимъ человѣкомъ, чтобъ играть комедію даже въ своемъ семействѣ и до такой степени обойти свою жену.

„Но, право, грустно, что всѣ эти негодяи роскошно ѣдятъ, даже Буа-Ландри требуетъ въ тюрьму обѣды изъ лучшихъ ресторановъ, а бѣдный Пасажонъ долженъ довольствоваться обѣдами съ чужихъ кухонь. Впрочемъ, грѣшно жаловаться: есть люди и несчастнѣе меня, напримѣръ, бѣдный Франсисъ, бывшій камердинеръ Монпавона. Я только-что принялся сегодня утромъ жарить въ каминѣ кусокъ ветчины, какъ онъ вошелъ блѣдный, исхудалый, въ грязномъ, измятомъ бѣльѣ. Сначала онъ сказалъ, что не имѣетъ никакихъ извѣстій о своемъ пропавшемъ господинѣ, что всѣ бумаги Монпавона запечатали, а на вещи наложенъ арестъ въ пользу многочисленныхъ кредиторовъ.

„— Такимъ образомъ, прибавилъ Франсисъ, — теперь у меня дѣла немного разстроены.

„Но въ сущности у него не было ни гроша въ карманѣ, онъ провелъ двѣ noci на скамейкахъ бульваровъ, постоянно тревожимый полиціей, а что касается ѣды, то, я думаю, онъ давно не видалъ ея, такъ-какъ страшно пожиралъ глазами мою ветчину. Я, конечно, предложилъ ему раздѣлить со мною мой скромный завтракъ, но онъ изъ приличія отказался, что, однако, не помѣшало ему наброситься, какъ голодному волку, на ветчину и стаканъ вина, когда я молча подалъ ихъ ему. Черезъ нѣсколько

минуть щеки его покрылись румянцемъ и онъ началъ болтать безъ умолку.

„ — Я знаю, Пасажонъ, гдѣ онъ... я его видѣлъ.

„ — Вы о комъ говорите, г. Франсисъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

„ — О моемъ господинѣ, о маркизѣ. Я нашелъ его въ маленькомъ бѣломъ домикѣ за церковью Богородицы (онъ не упоминалъ слово „моргъ“, какъ слишкомъ неприлично). Я зналъ, что отыщу его тамъ. Признаюсь, маркиза узнать могъ только его камердинеръ. Волосы у него стали сѣдые, зубы выпали, щеки покрылись морщинами. Лежа на мраморномъ столѣ, онъ показался мнѣ такимъ, какимъ я ежедневно видалъ его за утреннїи туалетомъ.

„ — Вы никому не сказали?

„ — Никому. Я знаю ужъ давно его мысли на этотъ счетъ и пусть онъ удалится на тотъ свѣтъ скромно, по-англійски. Но, признаюсь, онъ могъ-бы оставить мнѣ кусокъ хлѣба: я служилъ ему двадцать лѣтъ. Вонъ Люи при смерти герцога Мора стащилъ много свертковъ золота да весь гардеробъ, сотни рубашекъ и халатъ на дорогомъ мѣху въ двадцать тысячъ франковъ. Вотъ и Ноэль, вѣроятно, погрѣлъ себѣ руки, если успѣлъ во-время поживиться. Теперь на Вандомской площади ничего не подѣлаешь. Тамъ всемъ завѣдуетъ строгая старуха, мать Набоба. Она продаетъ Сен-Романъ и картинную галерею, даже половину дома отдаетъ внаймы. Разореніе полное.

„Признаюсь, я не могъ не выразить своего удовольствїа, потому что негодяй Жансулэ — причина всѣхъ нашихъ несчастїй. Онъ вездѣ хвалился своимъ богатствомъ. Всѣ этому вѣрили и лучшей приманкой для всякаго дѣла были слова: „Набобъ участвуетъ“. Положимъ, что онъ потерялъ нѣсколько милїоновъ, но зачѣмъ-же онъ увѣрялъ, что у него ихъ безъ конца? Буа-Ландри арестовали, но слѣдовало-бы арестовать Жансулэ. Если-бы былъ другой экспертъ, онъ давно уже сидѣлъ-бы.

— „Довольно на него посмотрѣть, прибавилъ я, — чтобъ знать, какой онъ человекъ. По лицу видно, что гордый разбойникъ.

„ — И такой грубый.

„ — И безнравственный.

„ — Не имѣетъ никакого понятїа о приличїяхъ. Ну, да онъ погибъ. Виѣсть съ нимъ Дженкинсъ и многіе другіе.

„ — Какъ! и докторъ? Жаль, онъ былъ любезный и учтивый господинъ.

„ — Да, въ его домѣ все продаютъ: лошадей, экипажи, мебель. Замокъ въ Нантервѣ также идетъ съ молотка. Да, почтенный Пасажонъ, наступило полное крушеніе всего современнаго общества. Можетъ быть, мы съ вами не увидимъ конца, но, вѣрьте мнѣ, все такъ гнило, что должно лопнуть.

„ Страшно было смотрѣть, какъ этотъ блѣдный, исхудалый, покрытый грязью, новый Іеремія проповѣдывалъ крушеніе цѣлаго міра, и снова я съ сожалѣніемъ вспомнилъ о своемъ виноградникѣ въ Монбарвѣ.

Р. S. — Важная новость. Г-жа Паганетти только-что привезла мнѣ письмо отъ своего мужа. Онъ въ Лондонѣ и начинаетъ новое великолѣпное предпріятіе. Онъ приглашаетъ меня вновь къ нему поступить и выражаетъ радость, что можетъ вознаградить меня за понесенные убытки. Жалованья я буду получать вдвое противъ прежняго; кромѣ того, мнѣ дадутъ квартиру съ отопленіемъ, пять акцій новаго общества и все, что мнѣ остался долженъ Поземельный банкъ. Только теперь мнѣ необходимо поѣхать въ Лондонъ на свой счетъ и уплатить нѣкоторые самые необходимые долги. Да здравствуетъ Паганетти! Я буду богатъ. Я сегодня-же напишу монбарскому нотаріусу, чтобъ онъ заложилъ мой виноградникъ и выслалъ мнѣ деньги“.

## ГЛАВА X.

### ВЪ БАРДИГЕРЪ.

Какъ говорилъ Жуазезъ слѣдственному судѣ, Поль Жери возвращался изъ Туниса. Онъ провелъ тамъ три недѣли въ тяжелой борьбѣ съ интригами и тайными подкопами Гемерлинга, въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ различныхъ судовъ и министерствъ, помѣщавшихся въ громадной резиденціи бея въ Бардо, соединяющемъ всѣ государственныя учрежденія въ своихъ защищенныхъ пушками стѣнахъ. Съ перваго дня своего прибытія Поль узналъ, что дѣло Жансулэ разсматривалось втайнѣ мѣстнымъ судомъ и что оно было заранѣе рѣшено противъ него; это ясно обнаружилось закрытіемъ конторы Набоба. наложеніемъ печатей на его

имущество и конфискаціею его дворца и кораблей въ гавани, точно онъ уже умеръ гражданской смертію и оставалось только раздѣлить его наслѣдство. Во всей жадной сворѣ, набросившейся на лакомую добычу, Поль не нашелъ ни одного друга, ни одного защитника Набоба; даже французская колонія, повидимому, радовалась паденію временщика, который такъ долго исключительно пользовался всѣми милостями бел. Вырвать изъ рукъ могущественнаго врага все достояніе Набоба было немислимо, если его выборы въ законодательный корпусъ не будутъ утверждены. и потому Жери надѣялся спасти хоть часть тѣхъ денегъ, которыми Набобъ далъ въ послѣднее время займа бею. Но слѣдовало торопиться, потому что каждый день могъ принести грустную вѣсть о парламентскомъ пораженіи Жансуля.

Молодой человѣкъ не жалѣлъ усилий и, благодаря его хладнокровію, энергіи и тонкому знанію французскихъ законовъ, которые служатъ основой тунискаго кодекса, ему удалось, наконецъ, снять севестръ съ десяти миліоновъ изъ пятнадцати, должныхъ беемъ, и даже получить на эту сумму векселя на марсельскій банкъ. Въ то самое утро, когда онъ окончательно спряталъ въ свой портфель драгоценные векселя, имъ была получена депеша изъ Парижа о кассированіи выборовъ Набоба, которую онъ скрылъ отъ всѣхъ. Но возвращаясь изъ Бардо, онъ увидѣлъ по торжествующему лицу скакавшаго туда сына Гемерлинга, что чрезъ нѣсколько часовъ извѣстіе это распространится вездѣ и его векселя могутъ подвергнуться новой конфискаціи. Поэтому онъ прямо отправился на итальянскій пароходъ, отходившій въ Геную на слѣдующее утро, провелъ тамъ ночь и окончательно успокоился, когда на восходѣ солнца капитанъ поднялъ якорь.

Въ Генуѣ сердце его дрогнуло при видѣ яхты подъ тунискимъ флагомъ, стоявшей въ гавани. Онъ боялся, что это погоня за нимъ и что ему придется имѣть дѣло съ итальянской полиціей, но оказалось, что яхта, украшенная разноцвѣтными флагами, ждала какую-то почетную особу, и Поль, не интересуясь узнать имя этой особы, отправился, не теряя ни минуты, въ Марсель по береговой, живописной, но опасной желѣзной дорогѣ. Въ Саванѣ поѣздъ остановился и пассажирамъ было объявлено, что бурный горный потокъ свесъ ночью сохвѣдній маленькій мостъ, и необходимо было подождать около десяти ча-

совъ, пока инженеры исправятъ поврежденіе. Дѣлать было нечего; всѣ разбрелись по гостинницамъ хорошенькаго городка, но Поль Жери, стора я нетерпѣніемъ увидать свою милую Алину, а главное отдать деньги бѣдному Жансуле, честь котораго могла быть еще спасена этими миліонами, отправился въ коляскѣ въ Ниццу. Возница обѣщаль быстро доставить его на лихой четверкѣ, но если-бъ даже онъ и не прѣхаль ранѣе поѣзда желѣзной дороги, то все-же его тревожному сердцу было пріятнѣе видѣть, что съ каждой минутой разстояніе до Парижа хотя медленно, но убавляется, чѣмъ сидѣть безпомощно въ гостинницѣ.

Это путешествіе по берегу Средиземнаго моря въ прекрасный іюньскій день казалось влюбленному юношѣ упоительнымъ, райскимъ блаженствомъ и онъ съ сожалѣніемъ согласился дать вздохнуть лошадямъ часа два въ маленькомъ, хорошенькомъ городкѣ Бардигерѣ, одной изъ многочисленныхъ аристократическихъ зимнихъ станцій между Генуей и Ниццей. Но жизнь тутъ кипитъ только съ ноября мѣсяца, а теперь въ великолѣпномъ, громадномъ отелѣ, гдѣ остановился Жери, царил безмолвная тишина, и хозяинъ, желая привлечь рѣдкаго гостя, отвелъ ему роскошную гостиную съ ковромъ и бѣлыми занавѣсками на окнахъ, изъ которыхъ открывался восхитительный видъ. Уставшій, ослѣпленный бѣдой пылью большой дороги, юноша бросился на диванъ. Передъ нимъ въ открытое окно видѣлись безконечныя терасы оливковыхъ плантацій и апельсиновыхъ рощъ, изъ разнообразной зелени которыхъ кокетливо выглядывали блестяція бѣлыя виллы. Самая ближняя изъ нихъ, отличавшаяся прихотливой архитектурой и громадными пальмами, принадлежала, по словамъ хозяйна гостинницы, богатому банкиру Морису Троту, у котораго теперь гостилъ знаменитый скульпторъ Брега, умиравшій отъ чахотки. Это имя Брега Поль часто слыхалъ въ мастерской Фелиціи и оно невольно воскресило въ его умѣ ея прелестное лицо; онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ Булонскомъ лѣсу почти въ объятіяхъ герцога Мора. Что случилось съ бѣдной дѣвухой послѣ потери этой могучей поддержки? Послужить-ли ей на пользу такой роковой урокъ? И, по странной случайности, пока онъ думалъ о Фелиціи Рюисъ, въ сосѣднемъ саду Мориса Трота пробѣжала борзая собака, походившая двѣ капли воды на Кадура съ его бѣлой короткой шерстью и тонкой розовой па-

ть ю. Въ глазахъ юноши мгновенно пронесся цѣлый рядъ грустныхъ и прелестныхъ видѣній. Казалось, что роскошная природа, разстилавшаяся передъ нимъ, высокій, горный скатъ, покрытый богатой растительностью, уносили его мысли куда-то далеко. Одурающее благоуханіе фіалокъ, пропитанныхъ солнечными лучами, вызывало въ головѣ Поля образы Алины, Фелиціи, витавшіе среди волшебнаго пейзажа и въ южной синевѣ южнаго неба. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались скрипъ двери, шорохъ платья, шелестъ книги, и, наконецъ, кто-то тихо вздохнулъ. Что это, во снѣ или на яву? Въ этомъ вздохѣ ему послышалось отдаленное эхо дикаго рева шакала въ пустынѣ. Нѣтъ, это ему только показалось. Все было тихо. Онъ закрылъ глаза и заснулъ. Всѣ смутныя видѣнія, витавшія передъ нимъ въ полу-дремотѣ, теперь сосредоточились въ одинъ ясный, чудный сонъ. Послѣ вѣнца онъ отправился съ Алиной на желѣзную дорогу. Глаза Алины сіяютъ любовью и вѣрою въ него; они не хотятъ ни знать, ни видѣть никого, кромѣ ея Поля. Они сидятъ за завтракомъ въ этой сахой комнатѣ. Она въ утреннемъ бѣломъ пеньюарѣ, напоминающемъ своими кружевами и запахомъ фіалокъ свадебную корзинку. Все весело, все улыбается: глаза молодыхъ, вино въ стаканахъ, лазуревое небо, жизнь, будущность. Какъ они были счастливы, какъ имъ было хорошо! Но вдругъ среди пламенныхъ поцѣлуевъ Алина насупила брови, слезы покатались по ея щекамъ. „Фелиція здѣсь, ты меня разлюбишь“, шептала она. „Фелиція здѣсь? Пустяки!“ отвѣчалъ онъ со смѣхомъ. „Да, да, здѣсь“, повторила она и дрожащей рукой указывала на сосѣдную комнату, въ которой слышались громкій лай собаки и гнѣвный голосъ Фелиціи: „цыцъ, Кадуръ, цыцъ!“

Влюбленный юноша вскочилъ, какъ стужасшедшій; прелестный сонъ исчезъ, но въ сосѣдней комнатѣ лаяла собака и кто-то стучался въ дверь.

— Отворите. Это я... Дженкинсъ!

Полю встаричилъ глаза отъ изумленія. Дженкинсъ здѣсь? Зачѣмъ? Какимъ образомъ? Съ кѣмъ онъ говорилъ? Кто ему отвѣтитъ? Никто не отвѣчалъ, только послышались легкіе шаги и дверь скрипнула.

— Наконецъ-то я васъ нашель, сказалъ ирландецъ такимъ грубымъ и рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ Полю никогда не

привналъ-бы мягкую, нѣжную рѣчь доктора. — Я васъ искалъ цѣлую недѣлю, безумно летая изъ Генуи въ Ниццу, изъ Ниццы въ Геную. Я зналъ, что вы еще не уѣхали, потому что яхта бѣя стоитъ въ гавани, и уже рѣшился искать во всѣхъ прибрежныхъ гостинницахъ, какъ вдругъ вспомнилъ, что Брега здѣсь. Надѣясь, что вы по дорогѣ посѣтили его, я отправился къ нему; онъ послалъ меня сюда.

Но съ вѣмъ-же онъ говорилъ? Почему ему такъ упорно не отвѣчали? Наконецъ, чудный, хотя грустный голосъ, хорошо знакомый Полю, произнесъ:

— Ну да, Дженкинсъ, это я. Что вамъ надо?

Черезъ стѣну Поль, казалось, видѣлъ ея сжатія съ презрѣніемъ и отвращеніемъ губы.

— Я васъ не пущу, я вамъ не позволю сдѣлать этой глупости.

— Какой глупости? У меня есть заказы въ Тунисѣ. Я должна туда ѣхать.

— Это невозможно, дитя мое.

— Бросьте ваши родительскія нѣжности. Я знаю, что подъ ними кроется. Продолжайте, какъ начали. Я предпочитаю бульдога левреткѣ.

— Просто безуміе ѣхать туда одной въ ваши года.

— Я всегда одна. Неужели надо брать съ собою Констанцію?

— А отчего-же не меня?

— Васъ? произнесла Фелиція съ ироническимъ смѣхомъ. — А Парижъ? А ваши кліенты? Я никогда не рѣшусь отнять у общества его Калиостро.

— Но я пойду за вами всюду, сказалъ рѣшительно Дженкинсъ.

Наступило минутное молчаніе. Поль спросилъ себя, благородно-ли было подслушивать разговоръ, грозившій обнаружить рововныя тайны, но усталость и непобѣдимое любопытство приковали его къ дивану. Такъ долго его мучило и соблазняло это таинственное существо, что онъ жаждалъ убѣдиться, кто именно скрывалась подъ маской свѣтской артистки: несчастная или развратная женщина. Онъ притаилъ дыханіе, боясь проронить слово, но это было совершенно напрасно, такъ-какъ они, считая себя един-



ственными обитателями гостинницы, говорили громко, не стѣсняясь.

— Но чего-же, наконецъ, вы отъ меня хотите?

— Я хочу васъ.

— Дженкинсъ!

— Да, да, я знаю, что вы мнѣ запретили говорить такъ съ вами, но если другой говорилъ съ вами еще откровеннѣе...

— А вамъ какое дѣло, негодяй! произнесла Фелиція съ презрѣніемъ. — Если я поддаюсь скучѣ и забыла свою гордость, то не вамъ упрекать меня. Вы были одной изъ причинъ моего паденія, вы на-вѣки омрачили, испортили мою жизнь.

И она начертила передъ глазами испуганнаго Поля картину отвратительной попытки стараго развратника воспользоваться невинной неопытностью молодой дѣвушки подъ личиной родительской привязанности, — попытки, оставившей въ сердцѣ юнаго существа, выдержавшаго такую преждевременную роковую борьбу, вѣчное отвращеніе къ только-что начатой жизни, а на губахъ мрачный слѣдъ опаленной горемъ улыбки.

— Я васъ люблю... я васъ люблю, сказалъ глухо Дженкинсъ; — страсть оправдываетъ все.

— Ну, такъ любите меня, если это вамъ нравится. А я васъ ненавижу, не только за сдѣланное мнѣ зло, за убитую въ моемъ сердцѣ вѣру, но и за то, что вы представляете въ моихъ глазахъ самое отвратительное олицетвореніе лицемерія и лжи. Да, среди свѣтскаго маскарада, среди этой пестрой груды ложныхъ улыбокъ, низкихъ предразсудковъ и грязныхъ желаній, которые мнѣ такъ опротивѣли, что я бѣгу какъ можно дальше и предпочла бы этому низкому свѣту тюрьму, клоаку, улицу, — вы, великолѣпный Дженкинсъ, мнѣ противнѣе всѣхъ. Вы прибавили къ французскому лицемерію, съ его улыбками и любезными фразами, англійское радушное пожатіе руки, и всѣ закричали: „добрый Дженкинсъ! честный Дженкинсъ!“ Но я васъ знаю и, несмотря на вашъ благородный девизъ, нахально красующійся на вашихъ письмахъ, печатяхъ и каретахъ, я всегда вижу въ васъ... поддеца.

Голосъ ея дико раздавался съвозъ полустиснутые зубы, и Поль ждалъ свирѣпой вспышки Дженкинса, который, очевидно, не могъ снести столько оскорбленій; но, повидимому, ненависть и презрѣ-

нѣ любимой женщины возбудили въ немъ болѣе грусти, чѣмъ гнѣва.

— Какъ вы жестоки! произнесъ онъ печальнымъ, убитымъ тономъ.—Если-бъ вы знали, какъ вы пораждаете мое сердце! Да, я былъ лицомъ, но вѣдъ лицемѣры не рождаются, а жизнь, обстоятельства ихъ дѣлають. Если вѣтеръ дуетъ противный, а надо идти впередъ, то остается только лавировать. Ну, я и лавировалъ. Обвиняйте въ моей низости не меня, а мое несчастное прошедшее, и сознайтесь, что въ одномъ, по крайней мѣрѣ, я былъ искрененъ — въ любви къ вамъ. Ничто не могло уничтожить мою страсть—ни ваше презрѣнiе, ни ваши оскорбленiя. И эта страсть, послѣ всего, что вы только-что сказали, даетъ мнѣ силу отвѣтить вамъ: вы когда-то мнѣ объявили, что вамъ нуженъ мужъ, который слѣдилъ-бы за каждымъ вашимъ шагомъ и смѣнилъ-бы съ дежурства бѣдную Кремницъ; я теперь свободенъ, хотите выйти за меня замужъ, Фелиція?

— А ваша жена? воскликнула молодая дѣвушка.

— Она умерла.

— Умерла? М-съ Дженкинсъ? Вы не ждете?

— Вы не знали той, о которой я говорю; а *другая* была не жена. Встрѣтившись съ нею, я уже былъ женатъ. Моя женитба была насильственная. Двадцати пяти лѣтъ я увидѣлъ себя въ отчаянномъ положенiи. Мнѣ предстояло сидѣть въ тюрьмѣ за долги или жениться на миссъ Странгъ, старой дѣвѣ, сестрѣ ростовщика, который ссудилъ мнѣ пятьсотъ ф. ст. для уплаты за лекціи въ медицинскомъ факультетѣ. Я сначала выбралъ тюрьму, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мое мужество исчезло и я женился. Вы можете себѣ представить, какую жизнь я велъ между уродомъ-сестрою, постоянно меня ревновавшей, и братомъ, слѣдившимъ за каждымъ моимъ шагомъ. Конечно, я могъ-бы бѣжать, но меня удерживало желанiе воспользоваться плодами моей подлости. Но всѣ мои расчеты оказались тщетными. Старикъ Странгъ умеръ безъ гроша, проигравъ передъ смертью все свое состоянiе. Тогда я помѣстилъ свою больную жену въ госпиталь и отправился во Францію. Мнѣ приходилось начинать жизнь съизнова, но я зналъ и презиралъ людей. Нечего распространяться о моей парижской дѣятельности. Я, наконецъ, свободенъ и...

— Хороша свобода! Отчего-же вы не женитесь на бѣдной

женщинѣ, которая такъ преданно и смиренно дѣлила вашу позорную жизнь?

— О! трудно сказать, которая изъ этихъ двухъ пытокъ была тяжелѣе. По крайней мѣрѣ, законной жепѣ я могъ открыто выражать свою ненависть, а съ другой я долженъ былъ разныгрывать комедію семейнаго счастья, тогда какъ любилъ только васъ. Судя по себѣ, я думаю, что и она, бѣдная, радостно вскрикнула, узнавъ о нашей разлукѣ.

— Что заставляло васъ выносить такую пытку?

— Парижъ, общество, свѣтъ! Женатые въ глазахъ всѣхъ, мы должны были тянуть ляжку.

— А теперь васъ ничего съ ней не связываетъ?

— Теперь я думаю только о васъ. Узнавъ о вашемъ отъѣздѣ, я понялъ, что всѣ комедіи кончены и что мнѣ остается только летѣть въ погоню за вами. Вы уѣхали изъ Парижа, — я сдѣлалъ то-же. Вы продали все свое имущество, — я приказалъ своему стряпчему также продать все, что я имѣлъ.

— А она? спросила Фелиція дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. — А честная, благородная подруга вашей жизни? Что станетъ съ нею? Вы мнѣ предлагаете ея мѣсто? А вашъ девизъ, добрый, честный Дженкинсъ: дѣлать добро безъ задней мысли?

Она громко разсмѣялась и этотъ смѣхъ мучительно раздавался въ его сердцѣ, какъ удары плетки по лицу.

— Довольно, довольно! воскликнулъ онъ; — неужели вашу душу не трогаетъ моя любовь, которой я пожертвовалъ всѣмъ: состояніемъ, славою, честью? Посмотрите на меня. Гдѣ моя маска, я ее сорвалъ для васъ, вотъ что случилось теперь съ лицомъ.

И въ безмолвной тишинѣ раздался глухой звукъ преклоненныхъ колѣнъ. Видѣ себя отъ страсти онъ умолялъ ее согласиться на бракъ и дать ему право вездѣ слѣдовать за нею; потомъ его слова смѣшались съ лихорадочными рыданіями и его горе, его любовь были такъ искренни, что никакое сердце не могло-бы остаться равнодушнымъ, особенно среди этой чудной природы, въ этой благоуханной, раздражающей атмосферѣ. Но Фелиція осталась непреклонной.

— Перестаньте, Дженкинсъ, сказала она гордо, — вы просите невозможнаго. Намъ нечего скрывать другъ отъ друга; на вашу

откровенность я отвѣчу тѣмъ-же, хотя мнѣ дорого будетъ стоять это униженіе... Я была любовницей Мора.

Поль это зналъ, но подобное признаніе въ устахъ прелестной молодой дѣвушки показалось ему столь ужаснымъ, что слезы сожалѣнія выступили на его глазахъ.

— Я знаю, сказалъ Дженкинсъ глухо, — у меня всѣ ваши письма къ нему.

— Мои письма?

— Вотъ они, возьмите ихъ. Они мнѣ болѣе не нужны... Я ихъ знаю наизусть... Но я вынесъ и болѣе страшныя муки. Я долженъ былъ подогрѣвать его пламя и посылать къ вамъ вашего холоднаго любовника юнымъ, пламеннымъ. Ты хотѣлъ горѣть, несчастный, ну и гори!

— Скажите прямо, что вы его отравили.

Поль вздрогнулъ. Неужели онъ долженъ былъ сдѣлаться сообщникомъ преступленія? Но судьба не допустила его до подобнаго позора.

Въ дверь комнаты кто-то громко постучалъ и раздался голосъ его возницы:

— Eh signor francese, andiamo.

Въ сосѣдней комнатѣ воцарилась тишина, потомъ послышался шопотъ. Поль Жери выбѣжалъ во дворъ, желая поскорѣе отдѣлаться отъ невольной роли шпиона.

Отбѣзжая въ коляскѣ отъ подъѣзда гостинницы, онъ увидалъ въ одномъ изъ ея оконъ блѣдное лицо, окаймленное великолѣпными волосами и дико сверкавшее черными, огненными глазами. Но ему довольно было взглянуть на портретъ Алины, чтобъ навсегда изгнать изъ своей памяти этотъ долго тревожившій его душу чудный образъ, и снова всѣ его мысли сосредоточились на милыхъ, свѣтлыхъ чертахъ его невинной, прелестной невѣсты.

## ГЛАВА XI.

### Первое представленіе.

— На сцену для перваго акта!

Этотъ громкій крикъ режисера раздается за кулисами Театра Новостей въ день перваго представленія пьесы Марана „Возму-

щеніе“, и со всѣхъ сторонъ, медленно, боясь испортить свои прически и новыя, бальные костюмы, появляются актеры и актрисы. Они безмолвны, блѣдны, смущены, напряженная улыбка едва пробивается подъ румянами и бѣлилами; лихорадочная тревога, овладѣвающая всегда артистами при выходѣ на сцену въ новой роли, замѣтна въ каждомъ ихъ движеніи. Одинъ только директоръ театра Кардальякъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, радостно сіяетъ, расхаживая по сценѣ передъ опущеннымъ занавѣсомъ, отдавая послѣднія приказанія машинистамъ, осматривая всѣ мелочи постановки и поздравляя актрисъ съ удачными костюмами. При видѣ его веселаго, торжествующаго лица никто не подумалъ-бы, что онъ въ этотъ вечеръ поставилъ все на карту и отъ неуспѣха новой пьесы зависѣло его четвертое банкротство, такъ-какъ крушеніе Набоба увлекло за собою въ бездну и бѣднаго Кардальяка. Но онъ не унываетъ. Успѣхъ, какъ всѣ чудовища, пожирающія человѣка, любитъ молодость, и никому неизвѣстное имя молодого писателя, красующееся на афишѣ, служить хорошимъ предзнаменованіемъ въ глазахъ стараго игрока.

Напротивъ, Андре Маранъ далеко не такъ спокоенъ; пораженный холоднымъ видомъ театральной залы, на которую смотреть со сцены въ щелку занавѣса, онъ все болѣе и болѣе теряетъ вѣру въ свое новое произведеніе. Зала кишитъ зрителями, несмотря на весну, и, благодаря усиліямъ Кардальяка, представляетъ такое-же блестящее зрѣлище, какъ въ самый разгаръ зимаго сезона. Тутъ весь Парижъ, являющійся во всѣ театры на первыя представленія новыхъ пьесъ и берущій свои мѣста съ боя, если ему не присылаютъ ихъ по знакомству. Въ оркестрѣ виднѣются открытые сердечкомъ жилеты, лысыя маковки, англійскіе проборы и свѣтлыя перчатки; на балконѣ и въ ложахъ царитъ разнообразная смѣсь всѣхъ обществъ и туалетовъ: скромная, цѣломудренная улыбка честной женщины и дерзкія румяна продажной красоты; министры, посланники, актрисы, кокетки, извѣстные писатели, театральные критики. Въ литерныхъ ложахъ, рѣзко выдающихся своимъ блескомъ, гордо воссѣдаютъ биржевыя тузы и ихъ жены, осыпанныя брилліантами. И все это многочисленное общество, всѣ эти лица, появляющіяся всегда на одномъ мѣстѣ, въ одинаковой позѣ, пропитаны скукой, мрачной, мертвящей скукой, и тѣмъ монотоннымъ, свѣтскимъ однообразіемъ, ко-

торое подъ конецъ каждаго сезона превращаетъ Парижъ въ самый тоскливый, недовольный собой и брѣзгливый провинціальный кружокъ. Съ безпокойствомъ смотрѣлъ Маранъ на эту апатичную, надутую, секущую публику и недоумѣвалъ, какъ заставить ее воспринять его идеи, какъ воодушевить всю эту толпу, занятую только собою, однимъ общимъ электрическимъ токомъ, сосредоточивающимъ въ одинъ центръ всѣ разсѣянные взгляды и разбѣжавшіяся во всѣ стороны мысли. Инстинктивно онъ искалъ поддержки въ той ложѣ бель-этажа, гдѣ сидѣла семья Жюаевъ, впереди Элиза и младшія сестры, а сзади Алина и старикъ отецъ. Весь Парижъ, смотря на эту граціозную группу, казавшуюся живымъ цвѣткомъ среди искусственнаго букета, спрашивалъ съ удивленіемъ: „Это что за люди?“ Но поэтъ поручилъ свою судьбу этимъ маленькимъ ручкамъ въ новенькихъ, нарочно купленныхъ для торжественнаго случая перчаткахъ, которыя смѣло подадутъ сигналъ къ рукоплесканіямъ.

Прочь со сцены! Маранъ едва успѣлъ выскочить за кулисы и вотъ онъ слышитъ далеко-далеко первыя слова своей пьесы, громко раздающіяся въ безмолвной залѣ. Страшная минута! Куда ему идти? Что дѣлать? Остаться за кулисами и ободрять, поддерживать актеровъ, когда онъ самъ нуждался въ поддержкѣ? Нѣтъ, онъ предпочитаетъ встрѣтить опасность лицомъ къ лицу; быстро пробравшись по коридору, онъ тихо входитъ въ закрытый бенуаръ, гдѣ въ глубинѣ прячется женщина, извѣстная всему Парижу. Онъ садится подлѣ нея и, крѣпко прижавшись другъ къ другу, мать и сынъ, невидимые никому, съ лихорадочнымъ трепетомъ слѣдятъ за представленіемъ.

Сначала публика пришла въ туиикъ. Театръ Новостей въ рукахъ остроумнаго Кардальяка сдѣлался самымъ любимымъ въ Парижѣ и, оставаясь вѣрнымъ своему названію, старался ослѣпить зрителей постоянными блестящими сюрпризами, разнообразя свой репертуаръ то волшебной опереткой, раздѣвающей женщинъ, то современной мелодрамой, разлагающей нравы. Но въ этотъ вечеръ новинка, поднесенная Кардальякомъ Парижу, превосходила всякое вѣроятіе. Пьеса была въ стихахъ и вполне честная. Ловкій спекуляторъ понялъ, что наступила минута затронуть эту новую струну, и смѣло сдѣлалъ первый шагъ. Изумленіе, овладѣвшее всѣми, мало-по-малу исчезло и вся зала незамѣтно

подчинилась чарующей силѣ свѣжаго, сильнаго, здороваго произведенія.

— Какъ хорошо! Какъ отдыхаешь!

Это былъ общій крикъ, общее сознаніе. Всѣ чувствовали какой-то пріятный, сладкій отдыхъ, слушая звучные стихи и честную мысль. Отдыхалъ толстый Гемерлингъ, едва переводя дыханіе отъ духоты; отдыхала Сюзанна Блохъ, сверкая бриліантами, отдыхала Ами Фера съ вѣнчальными бѣлыми цвѣтами въ своей кудрявой головѣ. Старыя, намалеванныя коготки, до того поблекшія, что инстинктивно прятались въ глубинѣ ложъ, и юные, напомаженные, съ англійскимъ пробормомъ, изломанные гандены въ одинъ голосъ восклицали: „Какъ хорошо! Какъ отдыхаешь!“ Красавецъ Моессаръ повторялъ то-же себѣ подъ носъ. Всѣ отдыхали, не говоря, однако, отъ какой возмущающей душу работы, отъ какого тяжелаго труда праздныхъ, ни на что ненужныхъ людей.

Сочувственное, все болѣе и болѣе усиливавшееся одобреніе публики начинало придавать залѣ обычную фізіономію великихъ торжествъ. Успѣхъ носился въ воздухѣ; всѣ лица просіяли и красота женщинъ какъ-бы удесятерилась отъ всеобщаго энтузіазма. Молодой поэтъ чувствовалъ гордую радость отъ сознанія, что онъ воодушевилъ всю эту толпу. Вдругъ говоръ въ публикѣ усилился, начали почти вслухъ смѣяться. Что случилось? Андре съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на сцену, но тамъ не было ничего необыкновеннаго. Онъ оглянулъ залу и увидѣлъ, что всѣ бинюкли, всѣ взгляды были обращены на пустую до тѣхъ поръ литературную ложу, въ которой теперь рослая, громадная фигура сидѣла, облокотясь на бархатную рампу. Это былъ Набовъ. Онъ, бѣдный, въ десять дней постарѣлъ на двадцать лѣтъ. Пламенная, южная натуры, непреодолима своей энергіей, опускаются чрезвычайно быстро. Со дня касанія его выборовъ онъ заперся въ своей комнатѣ съ опущенными сторонами и не хотѣлъ видѣть не только людей, но и свѣтъ Божій, который теперь для него представлялся лишь грудой протестовъ и судебныхъ повѣстокъ. Левантинка отправилась на воды съ своими негрятянками и профессоромъ гимнастики, не обращая никакого вниманія на разореніе мужа. Бонпенъ, преслѣдуемый всевозможными требованіями денегъ, не звалъ, что дѣлать и какъ добиться хоть слова отъ Жансула, который без-

словно отворачивался, какъ только упоминали при немъ о дѣлахъ. Одна старуха, его мать, не потеряла головы; зная по своему деревенскому опыту, что платежъ по векселямъ дѣло чести, она принялась энергично за дѣло. Съ утра до ночи она бѣгала по дому, повѣряла счета, контролировала прислугу, приводила все въ порядокъ, не боясь никакихъ трудностей и униженій. По нѣсколько разъ въ день она проходила по Вандомской площади, громко говоря, какъ-бы про себя: „Я иду къ судебному приставу“. И совѣтовалась она съ сыномъ только въ крайнихъ случаяхъ, объясняясь съ нимъ какъ можно короче, даже не смотря на него. Наконецъ, черезъ десять дней письмо Поля Жери изъ Марсея съ извѣстіемъ объ его скоромъ приѣздѣ съ десятью миліонами вывело Набова изъ его забытья. Десятью миліонами онъ могъ предотвратить банкротство и начать съизнова жизнь. Нашъ провансалець воспринялъ отъ своего мрачнаго отчаянія, полный радости и надеждъ. Онъ велѣлъ поднять сторы на окнахъ и потребовалъ газеты. Какой прекрасный случай доставляло ему первое представленіе пьесы Марана показаться парижанамъ во всемъ своемъ прежнемъ блескѣ. Мать инстинктивно отговаривала его отъ поѣздки въ театръ; Парижъ пугалъ ее и она желала увезти своего Франсуа въ уединенный уголокъ родины и тамъ ухаживать за нимъ такъ-же, какъ за его старшимъ братомъ. Но онъ былъ господинъ своимъ дѣйствіямъ и привыкъ, чтобъ передъ его волей всѣ преклонялись. Дѣлать было нечего, она сама могла ему принарядиться и съ гордостью проводила его, великолѣпнаго, величественнаго. Прибывъ въ театръ, Жансулэ тотчасъ замѣтилъ, какое волненіе произошло въ публикѣ при его входѣ въ ложу. Онъ уже привыкъ къ подобнымъ оваціямъ и всегда отвѣчалъ своей широкой, доброй улыбкой, но на этотъ разъ демонстрація была далеко не сочувственная, напротивъ, враждебная.

— Какъ, это онъ?

— Да.

— Какая дерзость!

Эти восклицанія слышались въ оркестрѣ вмѣстѣ со многими другими. Благодаря своему уединенію въ послѣдніе дни, онъ не зналъ, какъ настроено было общество противъ него и какія статьи печатались въ газетахъ насчетъ развращающаго вліянія его богатства. Увлекаемое подобной лицемерной фразеологіей, об-



щественное мнѣніе время отъ времени вымещаетъ на невинныхъ все то снисхожденіе, которое оно оказываетъ виновнымъ. Это было ужаснымъ разочарованіемъ для бѣднаго Набоба и въ первую минуту онъ ощутилъ болѣе горя, чѣмъ гнѣва. Вздохнувшій, онъ старался скрыть свое лицо большимъ биноклемъ и обернулся къ сценѣ, но все-же не могъ избѣгнуть скандальной демонстраціи, устроенной ему публикой, отъ которой у него помутилось въ глазахъ и стучало въ вискахъ, какъ всегда бываетъ передъ приливомъ крови.

По окончаніи акта онъ остался въ томъ-же неловкомъ, неподвижномъ положеніи, но говоръ въ публикѣ, заглушаемый игрою актеровъ, теперь долеталъ до него гораздо явственнѣе, и дерзкое упорство нѣкоторыхъ зрителей, переходившихъ съ мѣста на мѣсто, чтобъ лучше видѣть его, побудило, наконецъ, бѣднаго Набоба бѣжать въ коридоръ. Но тутъ онъ очутился въ толпѣ свѣтскихъ юношей, журналистовъ и продажныхъ красавицъ, смѣявшихся по ремеслу. Изъ отворенныхъ дверей ложъ долетали отрывки разговоровъ, смѣшивавшіеся въ одну пеструю массу.

— Прекрасная пьеса! Какъ свѣжа... Какія честныя мысли.

— А Набобъ! Какова дерзость!

— Да, какъ-то отрадно на душѣ... чувствуешь себя лучше.

— Отчего его не арестовали?

— Совсѣмъ молодой человѣкъ. Это его первая пьеса.

— Говорятъ, Буа Ландри въ Мазасѣ,—это невозможно. Вонъ сидитъ его жена, въ модной шляпкѣ.

— Это ничего не доказываетъ. Она продолжаетъ свое ремесло, вотъ и все. А шляпка очень хорошенькая.

— Дженкинсъ въ Тунисѣ съ Фелиціей. Старикъ Браимъ видѣлъ ихъ обоихъ. Вей, кажется, лечится пилюлями Дженкинса.

— На здоровье.

Далѣе слышались болѣе нѣжные голоса:

— Поди къ нему, папа. Онъ, бѣдный, одинъ!

— Но я съ нимъ незнакомъ.

— Ничего, поклонись ему только. Пусть онъ увидитъ, что не всё отъ него отвернулось.

Маленькій человѣкъ съ краснымъ лицомъ и въ бѣломъ галстухѣ подбѣжалъ къ Набобу и почтительно снялъ передъ нимъ шляпу. Съ какой благодарностью отвѣчалъ Жансулэ на этотъ

поклонъ челоѣвка, котораго онъ вовсе не зналъ, хотя онъ игралъ въ послѣднее время важную роль въ его судьбѣ: безъ Жуаеза президентъ Поземельнаго банка, по всей вѣроятности, раздѣлялъ бы судьбу Буа-Ландри.

Кромѣ Жуаеза, всѣ проходили мимо Набоба, не замѣчая его, смотря пристально въ пространство, и въ десять минутъ бѣдный Жансулэ перенесъ всѣ муки остракизма, изгонявшаго его изъ парижскаго общества, гдѣ онъ не имѣлъ ни родства, ни твердыхъ связей. Онъ дрожалъ отъ стыда. Кто-то произнесъ вполголоса: „Онъ пьянъ“. Несчастному оставалось только запереться въ комнатѣ за своей ложей, куда къ нему прежде всегда приходили во время антрактовъ биржевые тузы и журналисты. Но теперь никто не пришелъ и даже Кардальеъ не счелъ нужнымъ поздороваться съ собственникомъ театра.

— Что я сдѣлалъ имъ? Почему Парижъ не хочетъ меня знать?

Онъ задавалъ себѣ эти вопросы въ мрачномъ уединеніи роскошной комнаты, обтянутой шелковой матеріей и освѣщенной большимъ мавританскимъ фонаремъ. Вся эта роскошь была еще точно съ иглочки, и Набобъ невольно вспомнилъ, что онъ пріѣхалъ въ Парижъ только шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Въ полгода онъ прожилъ массу денегъ! Онъ погрузился въ какое-то тяжелое забытѣе, изъ котораго его вывели громкія рукоплесканія и восторженные крики. Пьеса имѣла большой успѣхъ. Теперь шли сатирическіе монологи и пламенные фразы, заставлявшія биться сердца всѣхъ зрителей. Жансулэ захотѣлъ также посмотреть и послушать, что дѣлалось на сценѣ. Этотъ театръ принадлежалъ ему и онъ заплатилъ миліонъ за свою ложу.

Онъ снова вышелъ въ ложу, въ ту самую минуту, какъ публика, притаивъ дыханіе, религіозно слушала пламенную рѣчь противъ мошенниковъ, которые задирали носъ, наживъ себѣ состояніе самымъ грязнымъ путемъ. Конечно, Маранъ, сочиняя этотъ краснорѣчивый монологъ, имѣлъ въ виду не Жансулэ, но публика приняла это за намекъ на него и, вознаградивъ автора громкими рукоплесканіями, обернулась единодушно къ его ложѣ съ открытымъ и оскорбительнымъ выраженіемъ презрѣнія. Несчастный былъ пригвожденъ къ позорному столбу въ своемъ собственномъ театрѣ, стоимшемъ ему такъ дорого. Но на этотъ разъ

онъ не скрылся отъ оскорбленія, а скрестивъ руки на груди, бросилъ вызывающій взглядъ на толпу, на сотни иронически смотрѣвшихъ на него лицъ, на нравственный *весъ Парижъ*, который, обративъ его въ козла отпущенія, изгонялъ изъ своей среды, взваливъ ему на плечи всѣ свои преступления. Хорошо было общество, которое позволяло себѣ подобную демонстрацію! Прямо противъ Набоба сидѣли въ ложѣ два обанкротившіеся банкира, а посреди нихъ жена одного и въ то-же время любовница другого; рядомъ виднѣлся обычный въ свѣтѣ трио: мать, дочь и мужъ ея, любовникъ матери. Далѣе тянулся безконечный рядъ извѣстныхъ личностей, живущихъ въ незаконной связи, и публичныхъ женщинъ, гордо выставлявшихъ цѣну своего позора въ бриліантовыхъ ожерельяхъ, охватывавшихъ ихъ шеи огненнымъ кольцомъ, какъ собачьимъ ошейникомъ, и жадно, по-скотски пожиравшихъ груды конфетъ, хорошо зная, что чѣмъ болѣе оскотинится женщина, тѣмъ дороже за нее платять. А подлѣ были группы изнѣженныхъ гаденовъ, съ отвѣдными воротничками рубашекъ и крашеными бровями, которые, являясь въ Компьень, привозили въ своихъ чемоданахъ батистовое вышитое бѣлье и бѣлье атласные корсеты. И это общество, мрачная смѣсь всѣхъ униженій и подлостей, проданной и продающейся совѣсти, это общество, позорный плодъ эпохи, лишенной всякаго величія, но заклеянной пороками всѣхъ вѣковъ, хладнокровно смотрѣвшей на бѣшеный канканъ жены министра, знаменитой герцогини, въ публичномъ танцклассѣ Бюлье, отвергивалось отъ него. И эти люди кричали ему: „Пооди прочь... ты недостойнъ быть среди насъ“.

— Я недостойнъ? Но я лучше васъ во сто брать, стадо подлецовъ! Вы меня корите моими миліонами, но кто ихъ сожралъ? Ты, товарищъ, низкій, коварный предатель, скрывающій въ глубинѣ ложи свое разжирѣвшее брюхо, ты нажился на мои деньги, когда я еще по-братски дѣлилъ съ тобою все, что имѣлъ. За тебя, издыхающій отъ разврата маркизъ, я заплатилъ сто тысячъ, чтобъ тебя не прогнали изъ клуба. Тебя, продажная красавица, я осыпалъ бриліантами, выдавая за свою любовницу, ради вашей бессмысленной моды; но ты знаешь, что я никогда отъ тебя ничего не требовалъ. А ты, презрѣнный журналистъ, продающій свою совѣсть и тѣло, ты воображилъ, что стоишь до-

роже заплаченныхъ мною денегъ, и завидаль меня грязью!.. Да... да... смотрите на меня, подлецы!.. Я гордо могу поднять голову! Я лучше васъ!

Все это несчастный говорилъ себѣ въ глубинѣ души, но по его дрожавшимъ отъ бѣшенства губамъ можно было опасаться, что вотъ онъ громко выскажетъ всю правду оскорбляющей его толпѣ, отвѣтитъ ей браню за брань, обидой за обиду, а быть можетъ, бросившись, какъ ужаленный звѣрь, убьетъ перваго, кто попадется ему на пути. Но вдругъ онъ почувствовалъ какое-то нѣжное прикосновеніе къ своему плечу и, быстро обернувшись, схватилъ дружески протянутую ему руку Поля Жери.

— Милый... милый! могъ только сказать онъ.

Неожиданно происшедшая въ немъ реакція разразилась истерическимъ плачемъ и страшнымъ приливомъ крови къ головѣ. Онъ побагровѣлъ и только махнулъ рукою: „Уведите меня“. Опираясь на Поля и едва волоча ноги, онъ дошелъ до двери и грохнулся на полъ въ коридорѣ.

— Bravo! Bravo! кричала публика и гулъ рукоплесканій стоялъ въ воздухѣ, когда бездыханное тѣло Набова незамѣтно пронесли два машиниста черезъ толпу, тѣснившуюся за кулисами. Его положили на диванъ въ мастерской и при немъ остались Поль Жери и докторъ. Кардальякъ, поглощенный блестящимъ успѣхомъ пьесы, сказалъ, что придетъ навѣдаться по окончаніи пятаго акта.

Ни горчичники, ни рожки, ни кровопусканіе не могли возвратить къ жизни несчастнаго; все его существо, казалось, уже было сковано холодной смертью. Среди ирочной театральной мастерской, едва освѣщенной однимъ тусклымъ фонаремъ, окруженный старыми декораціями и брошенными, изломанными аксесуарами, лежалъ Франсуа Жансулэ, также обломокъ, безжалостно выброшенный бѣшеннымъ водоворотомъ парижской жизни вмѣстѣ съ несчастными остатками его призрачнаго богатства. Грустно смотрѣлъ Жери на его лицо, сохранявшее въ своей неподвижности рѣзкое, но все-же добродушное выраженіе безобиднаго существа, хотѣвшаго разъ въ жизни огрызнуться, и то поздно. Юноша упрекалъ себя за неумѣніе спасти своего друга. Что случилось съ его добрыми намереніями провести благополучно Набова по пути, усѣянному запад-

нями? Онъ успѣлъ только сохранить для него нѣсколько миліоновъ, да и тѣ опоздали.

Кто-то отворилъ балконъ, кипѣвшій народомъ и залитый блестящимъ свѣтомъ газа, еще болѣе выставлявшимъ мракъ унылой мастерской. Пьеса кончилась. Публика черной, волнуемой, шумной массой хлынула по тротуарамъ, разнося вѣсть о громадномъ успѣхѣ вчера еще неизвѣстнаго, а завтра знаменитаго драматурга. Этотъ праздничный шумъ и гамъ бульварной жизни, столь любимой Навобомъ, воскресили его на мгновеніе. Посинѣвшія губы его зашевелились, но тщетно, и только глаза грустно, жалобно уставились на Поля, какъ-бы прося его быть свидѣтелемъ одной изъ величайшихъ несправедливостей, совершенныхъ когда-либо Парижемъ.

# ВЪ НѢДРАХЪ РОДНОЙ ЗЕМЛИ.

(ИТОГИ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.)

(Окончаніе.)

## I.

Въ самой тѣсной связи съ желѣзною промышленностью повсюду находится добываніе такъ-называемаго „чернаго золота“, т. е. каменнаго угля, который въ народномъ хозяйствѣ нашего *деревяннаго* отечества только съ недавняго времени началъ играть экономическую роль. Въ Англіи каменно-угольное отопленіе стало приѣмляться въ широкихъ размѣрахъ уже со второй половины прошлаго вѣка. Когда тамъ уже существовали заводы съ минеральнымъ отопленіемъ рядомъ съ такими заводами, которые еще отапливались дровами, каждая доменная печь на первыхъ заводахъ давала въ годъ почти 60,000 пуд. выплавленного чугуна, между тѣмъ какъ на вторыхъ добывалось его только 33,000 пуд. Разница эта ясно указываетъ на громадную экономическую роль, которую играетъ минеральное топливо въ желѣзно-промышленномъ дѣлѣ.

Россія безспорно богаче лѣсами всѣхъ другихъ европейскихъ странъ, такъ-какъ въ ней еще къ 1870 году, т. е. послѣ многолѣтняго классическаго ихъ истребленія, все еще не успѣли безслѣдно исчезнуть съ лица земли 180 мил. десятинъ лѣса, составляющіе болѣе 30% всей государственной территоріи и болѣе 70% всего лѣсного пространства Европы. Вслѣдствіе-ли этого богатства или благодаря нашей привычкѣ не задумываться надъ

будущимъ, мы нещадно жгли и вырубали эти лѣса, или, точнѣе говоря, жжемъ и вырубамъ ихъ, какъ нѣчто предназначенное самимъ Провидѣніемъ для безошаднаго истребленія, даже не заботясь о томъ, чтобы извлечь себѣ изъ этого истребленія хотя временно большую выгоду. Изъ 150 мил. р., въ которне Шницлеръ оцѣниваетъ стоимость всего ежегодно истребляемаго количества русскихъ лѣсовъ, только около 50 мил. р. с. представляютъ опредѣленный фондъ въ нашемъ народномъ бюджетѣ. Около 14 мил. р. выручается за строевой лѣсъ, отправляемый за-границу; остальное-же количество служить для постройки нашихъ рѣчныхъ судовъ, которыя мы потомъ сжигаемъ на дрова, въ величайшему изумленію иностранныхъ политико-экономистовъ, никакъ немогущихъ понять, что есть-же на свѣтѣ такіе чудачки, которые рѣшаются раскуривать грошоваыя сигары 25-рублевыми асигнаціями. Правда, чудовищному истребленію подвергаются преимущественно лѣса, составляющіе частную собственность; казенные-же, которыхъ у насъ больше 107 миліоновъ десятинъ, находятся на нѣсколько иномъ основаніи и даже приносятъ казнѣ ежегодный доходъ по 4 копейки съ полшуквой на десятину (не считая еще 3 или 4 коп., которыя расходятся по карманамъ управляющихъ и лѣсничихъ), между тѣмъ какъ въ Пруссіи каждая десятина приноситъ ежегодно средняго дохода отъ 1 р. 50 к.—2 р.

Впрочемъ, выжигать лѣса мы соглашаемся только до тѣхъ поръ, пока они у насъ подъ рукою, пока они сами, такъ-сказать, лѣзутъ подъ топоръ нашъ; да и въ самомъ дѣлѣ, не отправляться-же за ними въ тѣ отдаленныя окраины, въ которыя рѣшается проникать только такой отважный піонеръ, какъ г. Сидоровъ. Когда всѣ, находившіеся по близости жилыхъ мѣстъ, лѣса были на-чисто истреблены, дрова немѣрно стали дорожать, а уральскіе наши заводчики по пальцамъ разочли, что черезъ какія-нибудь 20, много 25 лѣтъ имъ придется прекращать вовсе свою патриотическую дѣятельность, — тогда только мы замѣтили, что щедрая мать-природа, имѣя въ виду наше безобразное хищничество, припрятала для насъ, въ разныхъ углахъ русской земли, каменный уголь на черный день. За исключеніемъ сѣвера, онъ встрѣчается въ Россіи повсюду, хотъ и неодинаковаго достоинства. До сихъ поръ наибольшимъ обиліемъ отличались южный, донецкій бассейнъ и Царство Польское: но мы судимъ только по количеству мате-

рія, дѣйствительно добываемаго, а оно зависитъ отъ слишкомъ многихъ условій, неимѣющихъ ничего общаго съ обиліемъ залежей. Легко можетъ оказаться, что бассейны московскій, уральскій, кавказскій дѣйствительно способны давать неизмѣримо больше тѣхъ ничтожныхъ крупицъ, которыя мы извлекаемъ изъ нихъ до настоящаго времени. О Сибири мы уже и теперь можемъ съ достовѣрностью сказать, что она принадлежитъ къ числу странъ, особенно богатыхъ каменно-угольными копами, хотя до сихъ поръ еще и не давала намъ даже 1 миліона пуд. въ годъ минеральнаго топлива.

Тѣ немногія цифры добычи каменнаго угля, которыя имѣются у насъ подъ рукою, отличаются какимъ-то напряженнымъ, судорожнымъ характеромъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ этой отрасли производства мы дѣйствуемъ не столько по расчету, сколько по наитію. Такъ, горячечное движеніе 1866 года, когда было добыто всего 16,563,708 пуд. угля (въ томъ числѣ антрацита 10,279,676 пуд.), вдругъ смѣнилось полнымъ охлажденіемъ въ дѣлу въ 1868 году, когда всего угля было разработано только 12,311,741 пудъ (изъ этого числа антрацита 5,455,944 пуда). Чѣмъ объяснить это неожиданное стремленіе вспять — мы совершенно не знаемъ, такъ-какъ русская предпріимчивость вообще отличается нѣкоторой телячьей игривостью. Новыя предпріятія возникаютъ у насъ каждый годъ и нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ наблюдателя какимъ-то героическимъ характеромъ. Иначе мы не знаемъ, какъ назвать дѣятельность, напримѣръ, г. Э. Вернекина, который въ богородицкомъ уѣздѣ тульской губерніи купилъ паровикъ въ 12 лошадин. силъ и нанялъ 400 рабочихъ для того, чтобы съ помощію ихъ извлечь втеченіи цѣлаго года до полумиліона пуд. угля. При самой высокой оцѣнкѣ продукта, это все-же не даетъ и 40 р. с. въ годъ на cadaго работника. А между тѣмъ въ той-же самой мѣстности, при помощи паровика въ 8 лошадин. силъ и всего только 150 рабочихъ, на кояхъ графа Бобринскаго, втеченіи того-же года было разработано до 1½ мчл. пуд. Конечно, рассматриваемая нами теперь промышленность еще молода и зелена и надъ ней, на основаніи даже такихъ противорѣчій, нельзя произносить рѣшительныхъ приговоровъ; тѣмъ не менѣе ясно, что и тутъ, какъ и въ другихъ отрасляхъ нашего хозяйства, руководить нами не



математическій расчетъ, а какая-то случайная стихійная сила. И никто болѣ насъ не игнорируетъ того общаго правила, что на свѣтѣ не существуетъ такихъ золотыхъ росыпей, изъ которыхъ-бы можно было черпать богатства, не давъ себѣ труда тщательно изучать самыя условія производства. Слишкомъ напряженныя надежды охлаждаются слишкомъ легко; у насъ-же въ особенности всякое горячо предпринимаемое дѣло обыкновенно оканчивается жаромъ, застоємъ и разочарованіемъ. Это общая черта нашихъ предпринимательскихъ горячекъ. Каменный уголь, при самой рациональной разработкѣ его, соединенной съ обиліемъ самаго матеріала, принадлежитъ къ числу тѣхъ продуктовъ, которые должны разсчитывать преимущественно на мѣстное потребленіе. И если нѣкоторые изъ нашихъ пионеровъ каменно-угольнаго дѣла на югѣ принимались за производство съ надеждою, что ихъ продуктъ найдетъ себѣ сбытъ въ отдаленныхъ частяхъ Россіи, гдѣ концентрируются наши высшія и крупнѣйшія производства, то они горько ошибались въ своихъ расчетахъ. Желѣзныя дороги и пароходы могутъ оказать имъ только одну услугу, являясь сами потребителями ихъ каменнаго угля. Перевозить-же его въ столицы, даже при менѣ обременительномъ тарифѣ, чѣмъ нашъ, они не могутъ, такъ-какъ доставка даже моремъ каменнаго угля изъ Лондона въ Петербургъ составляетъ расходъ, большій стоимости самаго угля, т. е. отъ 6 до 8 к. за пудъ. Привозъ къ намъ англійскаго угля, который держится все механическое производство въ столицахъ, достигало въ 1864 г. 4,800,000 р. сер. Въ слѣдующій-же затѣмъ годъ онъ упалъ на 1,710,192 р. и продержался цѣлыхъ 4 года на цифрѣ, меньшей чѣмъ 2 мил. р. с. Ясно, что русскіе заводчики дѣлали попытки освободиться отъ иностранной зависимости при помощи угля, добываемаго въ разныхъ частяхъ имперіи. Но уже съ 1869 г. привозъ каменнаго угля изъ Англій возвращается къ 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> мил. р. с. и начинаетъ съ каждымъ годомъ возрастать; въ 1868 г. привезено около 3 мил. пуд.; въ 1869 г. болѣ 4 мил. пуд.; въ 1870 г. около 5 мил. пуд. и т. д. Кстати замѣтить, что вышеприведенная официальная оцѣнка угля, привозимаго къ намъ изъ Англій, по крайней мѣрѣ, въ 2 или 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> раза ниже тѣхъ суммъ, которыя мы ежегодно выплачиваемъ иностранцамъ по этой части, такъ-какъ въ официальныхъ отчетахъ уголь оцѣнивается по 5 коп. сер., что онъ и стоитъ въ Англій, но съ доставкой

въ Петербургъ онъ никогда не обходится нашимъ заводчикамъ дешевле, какъ отъ 11 до 13 коп. сер. за пудъ. Къ числу другихъ невыгодъ концентрированія нашихъ механическихъ заводовъ въ Петербургъ и его окрестностяхъ надо отнести и то, что мѣстность эта, чуть-ли не одна въ предѣлахъ имперіи, не имѣетъ своего каменнаго угля и неспособна получать его инымъ путемъ, какъ моремъ изъ-за границы.

Справедливость нашего предположенія, что только мѣстная промышленность можетъ питать каменноугольное наше производство, подтверждается какъ нельзя лучше тѣми колебаніями, которыя мы видимъ на итогахъ каменноугольнаго производства. Только одинъ замосковскій бассейнъ представляетъ нѣкоторое, хотя и не вполне правильное, но все-же прогрессивное движеніе. Колебанія его очень незначительны; такъ въ 1868 г. оно уже съ 1,800,000 пуд. поднимается на 2,900,000 пуд. Конечно, и эта цифра еще слишкомъ скромна сравнительно со всею суммою нашего годичнаго потребленія, но вѣдь и кліентомъ замосковскихъ углекопателей является тоже очень скромно развитая заводская и фабричная дѣятельность.

Но что сказать объ уральскомъ бассейнѣ, котораго производительность ежегодно падаетъ съ изумительною быстротою, такъ-что въ концѣ одного только пятилѣтія изъ 1,163,000 пуд. остается только 323,645 пуд.?! Никто не станетъ отрицать, а сами уральскіе заводчики твердятъ на всѣ лады, что вопросъ дешеваго топлива составляетъ вопросъ жизни и смерти для нашей горной промышленности на Уралѣ; притомъ-же грозная смерть эта имѣетъ наступить не въ какомъ-нибудь отдаленномъ будущемъ, въ которомъ мы привыкли относиться спустя рукава, а, быть можетъ, черезъ 15, много 20 лѣтъ. Въ предчувствіи столь близкаго конца, нѣкоторыми изъ свѣтилъ уральской желѣзной промышленности овладѣло такое уныніе, что они не только не раздѣляютъ увлеченія нашихъ черезчуръ сангвиническихъ предпринимателей насчетъ каменнаго угля, но даже теоретически берутся доказывать, что для желѣзной промышленности въ этомъ краѣ каменный уголь не имѣетъ никакого значенія, такъ-какъ его тамъ слишкомъ мало, и это убѣжденіе успѣли они внушить и австрійскому комерціалъ-рату фон-Тунену. Но специалистъ по этому вопросу, графъ Гельмерсенъ, утверждаетъ, что подобными разсужденіями уральскіе заводчики

прикрываютъ только собственную свою экономическую несостоятельность. Имѣя въ своемъ распоряженіи богатѣйшія копи, они не дали себѣ труда ихъ изслѣдовать; тѣ-же немногіе владѣльцы, которые, какъ, на примѣръ, гг. Всеволожскій, Лазаревъ, графъ Строгановъ и др., составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила, извлекаютъ уже теперь изъ небольшого числа эксплуатируемыхъ уральскихъ залежей немалую пользу. По собственнымъ изслѣдованіямъ графа Гельмерсена, на Уралѣ оказывается цѣлая группа каменноугольныхъ копей, глубиною не менѣе 20 фут., тянущаяся на протяженіи 15 миль, отъ Луневской до Вашкура. Южнѣе оны указываютъ другія залежи, значительно меньшей глубины, но зато лежація на протяженіи цѣлыхъ 200 верстъ. Къ сожалѣнію, всѣ сдѣланные до сихъ поръ опыты подтверждаютъ, что уральскій уголь не годится для выжиганія изъ него хорошаго кокса, необходимаго для выплавки желѣза изъ руды. Впрочемъ, во Франціи, на примѣръ, при очень развитой техникѣ желѣзнаго производства, выплавка чугуна все еще и теперь производится при помощи древеснаго угля. Если наши уральскіе заводчики поставятъ свое дѣло на ту высоту, которой оно уже достигло во Франціи, то и это будетъ великимъ благополучіемъ для страны. Уральскія каменноугольныя копи даютъ имъ необходимыя для этого улучшенія средства; такъ-что мы все-же недоумѣваемъ, гдѣ слѣдуетъ искать причинъ столь постояннаго и быстраго вымирания только-что зародившейся каменноугольной промышленности въ уральскомъ бассейнѣ? Вѣроятно-же всего, что привилегированное положеніе ея избавляетъ нашихъ заводчиковъ отъ хлопотъ о техническомъ улучшеніи самаго производства, и ходъ ихъ дѣла, крайне убыточный для страны, съ точки зрѣнія самихъ предпринимателей все еще достаточно выгоденъ.

Не надо забывать, что каменный уголь не составляетъ продукта, способнаго имѣть самостоятельное потребленіе, и участь промышленности, его добывающей, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ общимъ ходомъ промышленнаго развитія страны. Конечно, обиліе дешеваго топлива составляетъ одинъ изъ очень важныхъ элементовъ промышленнаго прогресса; но если-бы, при нашей классической нерасчетливости, слишкомъ усиленно устремилась предприимчивость на это поприще, то она грозила-бы лишить другія производительныя отрасли капиталовъ и силъ, необходимыхъ для ихъ оживленія. Если-бы это случи-

лось, то самое каменноугольное производство первое потерпѣло-бы отъ вызваннаго имъ промышленнаго кризиса. Нельзя не пожелать этой, почти только-что зарождающейся отрасли, полнѣйшаго успѣха; но успѣхъ этотъ гораздо больше зависить отъ умѣнья, которое окажется у предпринимателей, установить необходимое соотвѣтствіе между размѣрами ихъ предпріятій и общимъ промышленнымъ развитіемъ страны, а также отъ ихъ способности дать правильную организацію народному труду, гораздо больше, чѣмъ отъ тѣхъ привилегій и поощреній, которыми спѣшить заручиться у насъ всякое промышленное и торговое предпріятіе.

Выше мы уже замѣтили, что слабые зачатки недавно зародившагося у насъ машиннаго производства группируются въ той единственной полосѣ Россіи, которая не имѣетъ своего каменнаго угля и по-необходимости должна быть снабжаема имъ извнѣ. Это, конечно, составляетъ одну изъ многочисленнѣйшихъ аномалій нашего промышленнаго строя. Но судьба, эта великодушная защитница нищихъ духовъ, и тутъ открываетъ намъ возможность хоть нѣсколько уменьшить протекающее отъ этого зло: вся сѣверо-западная полоса Россіи изобилуетъ торфяными болотами, которыя, за исключеніемъ остзейскихъ провинцій, служили у насъ только въ тому, чтобы въ нихъ ежегодно морить и надѣлать всякими болѣзнями большее или меньшее количество крестьянъ, занимающихся добываніемъ въ нихъ торфа столь-же первобытнымъ способомъ, какъ и замосковское дудочное добываніе желѣза. Самъ по себѣ торфъ не имѣетъ никакого экономическаго значенія и даже въ очень скромныхъ хозяйствахъ можетъ быть примѣняемъ только въ такихъ случаяхъ, когда онъ добывается непосредственно на мѣстѣ самаго требованія. Однако, въ остзейскихъ провинціяхъ давно уже догадались выдѣлывать изъ торфяной грязи родъ кирпичей, подвергая ее пресованію и извлекая изъ нея торфяное масло и смолу, представляющія очень разностороннее хозяйственное примѣненіе. Пресованный торфъ во многихъ случаяхъ можетъ съ успѣхомъ замѣнять каменный уголь и также способенъ быть пережигаемъ въ коксъ. Въ какой мѣрѣ это топливо можетъ освободить нашихъ заводчиковъ отъ непріятной зависимости отъ Англіи и повліять на столь невыгодный для насъ балансъ нашей заграничной торговли?—этого мы рѣшать не беремся. Замѣтимъ только, что нѣсколько опытовъ, произведенныхъ на царскосель-

ской желѣзной дорогѣ надъ коксомъ изъ торфа, добытаго въ ораниенбаумскихъ болотахъ, дали вполне удовлетворительный результатъ. Пудъ такого пресованнаго торфа обошелся бы въ Петербургѣ всего только въ 5 коп. сер., т. е. въ  $2\frac{1}{2}$  раза дешевле каменнаго угля.

## II.

Значеніе металловъ въ экономическомъ быту обратно пропорціонально ихъ цѣнности. Между тѣмъ какъ дешевое желѣзо составляетъ насущный хлѣбъ въ народномъ хозяйствѣ, сравнительно дорогая мѣдь находитъ себѣ гораздо болѣе ограниченное и менѣе разностороннее примѣненіе. Въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ даже въ артилерійскомъ дѣлѣ легкія стале-литейныя орудія стали вытѣснять тяжелыя бронзовыя, цифры годичнаго потребленія мѣди держатся повсюду въ Европѣ довольно скромныхъ размѣровъ. Россія принадлежитъ къ числу странъ, наиболѣе потребляющихъ мѣдныхъ продуктовъ. Не говоря уже о множествѣ громадныхъ колоколовъ, которыми гордится православная Русь, не говоря о классическихъ самоварахъ, у насъ костюли и иная кухонная посуда изъ мѣди составляютъ неотъемлемую принадлежность всякаго мало-мальски достаточнаго хозяйства. Въ западной-же Европѣ мѣдь употребляется сравнительно мало; посуда изъ эмальированнаго желѣза замѣняетъ тамъ нашу мѣдную, не потому только, что она обходится значительно дешевле, но и потому, что ее гораздо легче содержать въ чистотѣ и что она совершенно устраняетъ случаи отравленія мѣдными окисями, неизбежныя при дурной полудѣ мѣди.

Мѣдная руда въ изобиліи находится почти на всѣхъ горныхъ окраинахъ европейской Россіи: на Уралѣ, на Кавказѣ, даже въ волынской губерніи, правда, въ очень ограниченномъ количествѣ; такъ-что производство пластованной или листовой мѣди, играющее довольно значительную роль въ народномъ хозяйствѣ этихъ мѣстъ, поддерживается преимущественно сырьемъ, привозимымъ изъ-за границы. Мѣдные рудники въ Финляндіи тоже довольно скудны; но за то въ степи сибирскихъ киргизовъ ихъ много и добываемая въ нихъ руда отличается богатствомъ своего содержа-

нія. Уральское рудное мѣсторожденіе захватываетъ части казанской и вятской губерній. Добросовѣстный Шницлеръ въ своемъ извѣстномъ „Empire des Tzars“ говорить о мѣдныхъ рудникахъ въ самарской губ., гдѣ существованіе ихъ весьма вѣроятно, но ни одинъ изъ статистическихъ сборниковъ, имѣвшихся въ нашихъ рукахъ, о нихъ даже не упоминаетъ.

Впрочемъ, относительно нашихъ мѣдныхъ рудныхъ мѣсторожденій приходится только повторить то, что уже было высказано въ главѣ о желѣзной промышленности; т. е., что сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ опредѣлить наше металургическое богатство путемъ специальныхъ изслѣдованій и развѣдокъ до сихъ поръ еще не было сдѣлано, несмотря на то, что мѣдная промышленность составляетъ древнѣйшую вѣтвь нашего горнаго хозяйства. Многіе изъ теперь еще существующихъ на Уралѣ заводовъ были основаны въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, казенные юговской и суксунскій, успѣли уже вовсе истощить эксплуатируемую ими руду, такъ что принуждены или вовсе прекратить свою дѣятельность, или работать въ убытокъ. Но о рациональныхъ развѣдкахъ мѣстности, даже лежащей въ непосредственномъ ихъ сосѣдствѣ, до сихъ поръ нѣтъ и рѣчи. Такимъ образомъ, о мѣдномъ нашемъ богатствѣ приходится судить тоже не на основаніи прямыхъ и точныхъ данныхъ, а только по догадкамъ и по предполагаемому соотношенію руды, дѣйствительно скрывающейся въ нѣдрахъ русской земли, къ тому ея количеству, которое, хотъ и съ грѣхомъ пополамъ, ежегодно добывается у насъ соединенными усиліями частной и казенной предпріимчивости.

Все количество ежегодно добываемой мѣди представляетъ значительныя колебанія съ очень примѣтными, однакожъ, преобладаніемъ постоянно возрастающей убыли. Шницлеръ для шестидесятихъ годовъ опредѣляетъ среднюю цифру добычи въ 280,000 пуд. въ годъ. За предшествовавшее десятилѣтіе ее можно принять въ 300,000 пуд., и еще въ 1860 г. добыто больше этой средней цифры, т. е. 315,000 слишкомъ пуд. Какъ-бы то ни было, при средней годовой добычѣ въ 280,000 пуд., заводы одной только пермской губ. дали почти 212,000 пуд., уфимскіе и оренбургскіе вмѣстѣ дали всего только 52,000; такъ-что на всю остальную Россію оставалось всего какихъ-нибудь 20,000

пуд. или много-много что 10% всего количества, добытаго въ одной пермской губ., причеъъ 4,500 пуд. были доставлены заводами, недавно учрежденными въ степи сибирскихъ киргизовъ. Въ 1867 г. пермскіе заводы дали уже только 167,500 пуд. Всѣ остальные уральскіе заводы вмѣстѣ дали только 20,000. Изъ этихъ цифръ оказывается не только значительный упадокъ добычи на нашихъ уральскихъ заводахъ втеченіи немногихъ лѣтъ, но еще и то, что, несмотря на этотъ упадокъ, вся наша мѣдная промышленность сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на Уралѣ и преимущественно въ пермской губ., которая одна доставляетъ 75% всего наличнаго мѣднаго богатства. Здѣсь-же находится и самый знаменитый изъ мѣдно-литейныхъ заводовъ, ниже-тагильскій г. Демидова, гдѣ мѣдная руда разрабатывается только въ числѣ прочихъ минеральныхъ богатствъ, но который тѣмъ не менѣе поставяетъ среднимъ числомъ болѣе 100,000 пуд. чистой мѣди въ годъ. Заводъ этотъ принадлежитъ къ числу очень немногихъ промышленныхъ учрежденій Россіи, пользующихся всесвѣтною репутаціей. Изъ этого, однако, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы демидовская мѣдь, какъ, напримѣръ, демидовское желѣзо, отличалась какими-нибудь особенными достоинствами, которыя-бы дорого цѣнились на международномъ рынкѣ. Прежде всего, ни демидовская, ни иная уральская мѣдь никогда не переѣзжаетъ черезъ европейскія границы и въ Азію сбывается только на скромную цифру 180,000 р. с. въ годъ. Ниже-тагильскій заводъ также не отличается никакими особенностями технического производства, которое даже оказывается здѣсь обставленнымъ весьма неблагопріятно. Такъ, для того, чтобы добыть 100,000 пуд. мѣди, ему приходится переплавлять болѣе 3 миліоновъ пуд. руды. Благодаря этому, продукты его уже на самомъ мѣстѣ производства обходятся очень дорого. Своею универсальною извѣстностью мѣдные рудники Демидова обязаны единственно тому, что они-же служатъ мѣсторожденіемъ лучшаго въ свѣтѣ малахита, который въ Ниже-Тагильскѣ отличается не только превосходствомъ природной окраски и разнообразіемъ узоровъ, но также и тѣмъ, что онъ добывается здѣсь громадными глыбами. На парижской всемірной выставкѣ обращалъ на себя вниманіе кусокъ демидовскаго малахита, вѣсившій 2,300 килограмовъ. При бѣдственномъ положеніи нашихъ горныхъ заводовъ на Уралѣ, мала-

хитъ могъ-бы служить далеко нелишнимъ пособіемъ для тѣхъ счастливицевъ, въ чьихъ владѣніяхъ природа разсыпала столь щедрою рукою этотъ рѣдкій и дорого цѣнимый за-границею камень. Къ сожалѣнію, шлифовка его въ Россіи обходится непомерно дорого, чѣмъ за-границею, а иностранные потребители вовсе не расположены платить налогъ въ пользу нашей технической неумѣлости.

Такииъ образомъ, главнымъ источникомъ добыванія мѣди и до сихъ поръ остается уральскій бассейнъ, хотя уже давно раздаются жалобы на упадокъ этой промышленности и быстрое регрессивное движеніе ея. Ежегодную убыль добычи уральской мѣди можно считать въ среднемъ итогъ на 12%, и это объясняется не столько истощеніемъ самой руды, сколько нераціональными приемами разработки ея, переходившими въ продолженіи полутора вѣка изъ поколѣнія въ поколѣніе, и совершеннымъ отсутствіемъ правильно-организованнаго труда. Нѣтъ сомнѣнія, что эта убыль съ избыткомъ могла-бы быть восполнена разработкой мѣдныхъ рудниковъ въ киргизской степи и на Кавказѣ, гдѣ находится мѣдь въ такомъ-же изобиліи, какъ на Уралѣ, но для этого необходима частная предприимчивость, способная стоять на своихъ собственныхъ ногахъ, а не та рутинная и худосочная, которая вѣчно ожидаетъ всѣхъ благъ и прогрессовъ отъ покровительственныхъ тарифовъ и монополій. Безъ нихъ мы совершенно беспомощны и далѣе хищническаго истощенія природы неидемъ. Явимся въ Сибирь, выловимъ звѣря, опустошимъ минеральныя богатства, и идемъ дальше; на Волгѣ выловимъ рыбу, загадимъ русло одной изъ величайшихъ рѣкъ, и опять идемъ дальше, съ вѣчною слезною жалобою на недостатокъ воды и земли, на все и на всѣхъ, кромѣ самихъ себя. Такъ было и съ богатѣйшими мѣдными рудниками Урала. Болѣе 150 лѣтъ ковыряли мы ихъ изъ земли, и доковырялись до того, что, вмѣсто прогрессивнаго хода дѣла, привели его къ полному застою.

При такомъ порядкѣ вещей, разработка мѣди въ киргизскихъ степяхъ, несмотря на самыя благоприятныя условія, какъ, напр., обиліе каменнаго угля въ этой мѣстности, подрываетъ самыя скромныя надежды. И дѣйствительно, до сихъ поръ добыча мѣди равняется здѣсь ничтожному количеству, немногимъ болѣе 11,000 пуд.

На Кавказѣ добываніе мѣди шло такииъ-же точно путемъ.



Начавшись въ эпоху всеобщаго оживленія, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, оно было заброшено совершенно нѣсколько лѣтъ спустя, поглотивъ значительные капиталы и весь находившійся въ наличности запасъ предприимчивости отечественныхъ капиталистовъ. Опаливъ разъ свои крылья, они, вѣроятно, на долгое время закаялись-бы пускаться въ рискованное предпріятіе, не заручившись благодѣтельной опекою тарифовъ и всякихъ официальныхъ поощреній. Къ счастью, нѣкоторые иностранные предприниматели, гораздо лучше нашихъ умѣющіе ходить безъ помочей, обратили свое вниманіе на богатства, бесплодно зарытыя у подножія кавказскаго хребта. Такимъ образомъ, мѣдная промышленность была здѣсь возрождена иностранною инициативою. Къ началу семидесятихъ годовъ, фирма братьевъ Сименсъ и К<sup>о</sup> (Simens brothers and Co) доставила на нижегородскую ярмарку до 50,000 пуд. кавказской мѣди. Главная-же часть этого метала, добываемаго на заводахъ эриванской и тифлисской губерній, отправляется прямо въ Англію. А между тѣмъ уральская мѣдь, даже на отечественныхъ рынкахъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вытѣсняется мѣдью, привозимою изъ Чили и Австраліи, т.-е. изъ странъ, выступившихъ гораздо позже Россіи на культурный путь, да къ тому-же лежащихъ на противоположномъ концѣ земного шара. Въ 1868 г. мы уже получали изъ-за границы чистой мѣди и разныхъ мѣдныхъ сплавовъ больше 175,000 пуд., т.-е. около 40% всего потребляемаго нами количества, заплативъ за это иностранцамъ болѣе полутора миліона руб.

Упадокъ мѣдной промышленности стараются объяснить разными предлогами. Одни приписываютъ его будто-бы слишкомъ высокимъ пошлинамъ, платимымъ нашими заводчиками, хотя пошлины эти не превышаютъ 10% на земляхъ владѣльческихъ и 15% на посесіонныхъ \*), и неопредѣленности поземельныхъ отношеній. По мнѣнію другихъ, истощеніе самой руды и топлива и крайне нерациональное веденіе хозяйства на уральскихъ заводахъ должны считаться главною причиною упадка ихъ. Третьи утверждаютъ, что зло это есть неизбѣжный результатъ отдаленности рудныхъ мѣсторожденій отъ всякихъ центровъ потребленія и фабричной дѣятельности, и что оно устранится само-собою съ проложеніемъ

\*) См. „Военно-Статистич. Сборникъ“, томъ IV, „Россія“.

новыхъ рельсовыхъ путей и преимущественно черезъ проведеніе вѣчно проектируемой сибирской желѣзной дороги черезъ Нижне-Тагильскъ. Каждое изъ этихъ мнѣній, можетъ быть, и имѣетъ за собою большую или меньшую долю основательности, но противъ каждаго изъ нихъ можно сдѣлать и множество не безъосновательныхъ возраженій. Странно, напримѣръ, говорить объ истощеніи руды при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ специальныхъ изслѣдованій. Богатыхъ мѣдныхъ жилъ однимъ верхнимъ чутьемъ угадать нельзя. Отрицать ихъ существованіе на Уралѣ могъ-бы съ нѣкоторою основательностью только тотъ, кто дѣйствительно искалъ ихъ тамъ съ соблюденіемъ приемовъ, строго предписываемыхъ разумомъ и наукою. Мы знаемъ, что г. Гельмерсенъ, добросовѣстно изслѣдовавшій уральскія каменноугольныя копи, рѣшительно не раздѣляетъ пессимистскихъ воззрѣній, высказываемыхъ въ этомъ отношеніи самими заводчиками. Легко можетъ оказаться, что и положеніе самой мѣдной руды при тщательномъ изслѣдованіи окажется еще вовсе не безнадежнымъ. Что-же касается бездорожья, то, конечно, нельзя отрицать, что оно тяжелымъ бременемъ ложится на всѣ наши уральскіе полу-продукты; но мы уже много разъ имѣли случай замѣтить, что выгода отъ постройки большихъ линій желѣзныхъ дорогъ для перевозки громоздкаго и тяжелаго сырья представляется крайне сомнительной. Притомъ наши индустріалы и литературные ихъ защитники никакъ не хотятъ понять, что перечень препятствій, съ которыми вынуждена бороться та или другая промышленная вѣтвь, вовсе не есть оправданіе застоя самой промышленности. Все промышленное развитіе есть ничто иное, какъ рядъ побѣдъ, одерживаемыхъ человѣческою предприимчивостью, мыслью и знаніемъ надъ разными естественными преградами. А тутъ-то мы и оказываемся совершенными Митрофанами. Наша промышленность, напримѣръ, лишаетъ себя нѣсколькихъ миліоновъ въ годъ, признавая рѣшительно невозможнымъ намолотъ порядочной муки изъ неподмоченной пшеницы, а предприимчивые янки еще въ прошломъ году обогатили себя на 40 миліоновъ франковъ, ухитрившись снабжать европейскіе рынки мясомъ, отчасти даже въ свѣжемъ видѣ, несмотря на то, что ему приходилось иногда оставаться до 60 дней въ пути. Казалось-бы, послѣдняя задача не въ примѣръ труднѣе первой, тѣмъ не менѣе она разрѣшена, мы же стоимъ передъ своею, какъ быки передъ горой, меланхоли-

чески озираясь по сторонамъ, и плачемся на нашу вѣчную злую долю.

Выдѣлкою разныхъ издѣлій изъ мѣди, добываемой на отечественныхъ заводахъ или привозимой изъ-за границы, занимались у насъ въ началѣ текущаго десятилѣтїя, по официальнымъ даннымъ, 170 фабрикъ съ 3,500 рабочихъ, поставившія всего продукта почти на 3<sup>1</sup>/<sub>2</sub> мил. р. въ годъ. Данныя эти, вѣроятно, нѣсколько ниже дѣйствительности, притомъ-же они совершенно не имѣютъ въ виду ремесленного и кустарнаго производства. Впрочемъ, для насъ они представляютъ нѣкоторый интересъ только по отношенію числа работниковъ къ цѣнѣ годового продукта этой промышленной отрасли. Нельзя не замѣтить, что отношеніе это въ общей сложности оказывается довольно благоприятнымъ послѣ тѣхъ скромныхъ цифръ, съ которыми намъ приходится встрѣчаться на каждомъ шагѣ при обзорѣ нашей промышленности. Даже принимая въ расчетъ значительную стоимость сырой мѣди (отъ 12 до 17 р. за пудъ), цифра годичнаго производства въ 1,000 р. с. на каждого работника не можетъ быть названа низкою для металлургическаго дѣла въ Россіи.

Въ главѣ о желѣзной промышленности, не экстрактивной, а обрабатывающей, мы уже указали тѣ двѣ категорїи, которыя легко могутъ быть установлены для этого рода издѣлій: 1-е, предметы высшаго культурнаго назначенія (машины, снаряды и пр.), предназначаемые для ограниченнаго, такъ-сказать, привилегированнаго потребленія; и 2-е, предметы обыденные (косы, гвозди, подковы и т. п.), необходимыя для каждого производителя, даже въ самомъ скромномъ быту. Мы показали также, что предметы первой категорїи въ желѣзномъ дѣлѣ подавляютъ у насъ предметы второй категорїи съ крайнею невыгодою не только для экономическаго, но и вообще для культурнаго развитія всей страны.

Относительно мѣдныхъ издѣлій подраздѣленіе это должно существовать въ болѣе слабой степени. Съ одной стороны, мѣдныя издѣлія не спускаются до того демократическаго уровня или до той всенародности, которая присуща желѣзнымъ фабрикатамъ: массы нашихъ крестьянъ и работниковъ, совершенно неспособныя существовать безъ гвоздей, косъ, топоровъ, легко обходятся безъ

мѣдныхъ кострюль и самоваровъ, безъ подсвѣчниковъ, лампъ и т. п. Съ другой стороны, и высшее культурное или официальное потребление мѣди также гораздо ограниченнѣе. Художественныя бронзы вообще поглощаютъ слишкомъ мало матеріала, а у насъ и слишкомъ мало рабочихъ рукъ, такъ-что ихъ совершенно можно оставить въ сторонѣ. Но такіе предметы, какъ пушки, колокола, бронзовые монументы и т. п., очевидно, играютъ въ народномъ быту совершенно иную роль, чѣмъ вышеупомянутые предметы домашняго хозяйства. Литье пушекъ, колоколовъ, статуй и т. п. представляетъ также промышленную отрасль, существенно отличную отъ изготовленія разныхъ хозяйственныхъ мѣдныхъ предметовъ. Первые требуютъ и большихъ капиталовъ, и большей технической умѣлости; вторые обрабатываются у насъ на мелко-фабричномъ, если не на ремесленномъ или кустарномъ основаніи. Первое производство сосредоточивается если не на казенныхъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, на екатеринбургскомъ монетномъ дворѣ, съ годовымъ оборотомъ въ 1,700,000 р. с., то на близкихъ къ столицѣ заводахъ, какъ, наприм., мѣдно-литейномъ заводѣ г. Чикина въ царскосельскомъ уѣздѣ. Производство-же хозяйственныхъ мѣдныхъ издѣлій гораздо больше сродни тѣмъ ножевымъ и стальнымъ заводамъ, которые находятся въ губерніяхъ: нижегородской, владимірской, тульской и пр. Эти мѣдные заводы второй, такъ-сказать, демократической категоріи, сосредоточены преимущественно въ губерніяхъ: московской и тульской, гдѣ около нихъ группируются многочисленныя ремесленники и кустари. Нечего и говорить, что на сторонѣ этихъ послѣднихъ, т. е. демократическихъ мѣдныхъ заводовъ, оказывается громадное большинство. Въ самомъ городѣ Тульѣ ихъ 50, не считая мелкихъ заводовъ въ уѣздахъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точной статистики отношенія мѣднолитейныхъ заводовъ первой категоріи къ числу тѣхъ многочисленныхъ заведеній, на которыхъ фабрикуются самовары, кострюли, подсвѣчники и т. п. мѣдная утварь; но если принять во вниманіе, что екатеринбургскій монетный дворъ и вышеупомянутый царскосельскій заводъ г. Чикина поставляютъ уже продукта болѣе, чѣмъ на 2,200,000 р. с. въ годъ, при общей оцѣнкѣ нашихъ мѣдныхъ издѣлій ниже 3<sup>1</sup>/<sub>2</sub> мил., то легко будетъ сообразить, что крупной мѣдной промышленности у насъ уже негдѣ и раз-

вернуться. Правда, въ той-же петербургской губ. мы знаемъ заводы гг. Цвернера и Стуколкина, принадлежащіе, очевидно, къ высшей, привилегированной категоріи, такъ-какъ, при дороговизнѣ жизни въ столицѣ и отдаленности ея отъ населенныхъ мѣстностей Россіи, въ ней рѣшительно не могутъ существовать фабрики, занятыя производствомъ малоцѣнныхъ обиходныхъ продуктовъ. Отношеніе заводовъ первой категоріи ко второй для насъ особенно интересно потому, что на нихъ годовая производительность каждаго работника выражается необыкновенно благопріятными цифрами. Такъ, наприм., заводъ г. Чикина, доставляющій продукта на полмиліона рублей въ годъ, употребляетъ всего только 200 рабочихъ (средн. 2,500 р. с. въ годъ на каждаго работника.) Заводъ Цвернера, при 6 рабочихъ, даетъ продукта на 12,000 р. с., а г. Стуколкинъ ухитрился даже довести годовую цифру производительности каждаго своего рабочаго до небывалой въ лѣтописяхъ нашей промышленности величины 7,000 р. с. Правда, у него ихъ всего только 4 человѣка. Еще выгоднѣе отношеніе на заводѣ г. Стемпковскаго въ Варшавѣ, гдѣ 15 человѣкъ, занятые исключительно фабрикаціею мѣдныхъ снарядовъ для сахароваренія, даютъ годового продукта на 128,000 р. с. (средняя свѣше 8,500 р. с. на каждаго работника.) Но Царство Польское относительно промышленности находится въ совершенно другихъ условіяхъ; въ той-же Варшавѣ заводъ Петерсиля, выдѣлывающій самыя обыденные предметы, напримѣръ, ручки для дверей, стѣнки для печей и т. п., съ 3 работниками, имѣетъ годового оборота на 10,000 р. с.

Конечно, вышеприведенныя крупныя цифры должны-бы заставить радостно вострепетать сердце каждаго патріота, способнаго понять, что вопросъ истиннаго величія и благополучія родины рѣшается на засѣянныхъ нивахъ, на фабрикахъ и въ мастерскихъ гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе, чѣмъ на полѣ битвы. Къ сожалѣнію, радость эта значительно омрачается тѣмъ соображеніемъ, что столь высокая производительность выпадаетъ на долю едва какихъ-нибудь 250 человѣкъ, занятыхъ фабрикаціею мѣдныхъ издѣлій на немногихъ привилегированныхъ заводахъ, тогда какъ на всю значительную массу остальныхъ приходится даже въ общей сложности крайне ничтожная цифра продукта. Всѣ 50 заводовъ въ Тулѣ доставляютъ издѣлій только

на 416,625 р. с. Изъ нихъ одинъ только заводъ братьевъ Батшовыхъ имѣетъ годового оборота на 150,000 р. с., при 300 рабочихъ на самой фабрикѣ и еще 150 внѣ ея. Такимъ образомъ, цифра годовой производительности каждаго работника внезапно понижается на 330 р. с. и съ трудомъ поддерживается на этой высотѣ, и то только на самыхъ лучшихъ тульскихъ заводахъ. Маттеи указываетъ на 613 человекъ, работающихъ на мелкихъ заводахъ въ той-же самой мѣстности и доставляющихъ въ общей сложности продукта на 137,370 р. сер. въ годъ, но это еще далеко не минимумъ доходности этого рода промышленности въ тульской губерніи, такъ-какъ мы знаемъ о существованіи въ тульскомъ уѣздѣ еще 95 мастеровъ, ведущихъ свое дѣло на полуфабричномъ и полугустарномъ основаніи и выработывающихъ среднимъ числомъ продукта на 170 руб. с. въ годъ каждый.

Въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ московской губерніи (въ Богородицкомъ, подольскомъ) мѣдное производство ведется на гораздо болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ въ Тулѣ, такъ-какъ здѣсь всего только 12 заводовъ даютъ годового продукта на 590,000 руб. сер.; однакожъ, производительность каждаго работника и на московскихъ заводахъ значительно ниже средняго термина.

Такимъ образомъ, средняя доходность фабрикаціи мѣдныхъ продуктовъ на нашихъ заводахъ колеблется между 200 руб. сер. и 8,500 руб. сер. въ годъ, даже не считая 95 вышеупомянутыхъ мастеровъ тульского уѣзда! Слѣдуетъ-ли приводить еще новыя доказательства тому, что наши производительныя силы находятся въ состояніи полнѣйшей дезорганизаціи, даже немислимои въ странѣ, гдѣ промышленная дѣятельность сдѣлала хоть первый шагъ на пути своего раціональнаго развитія?

### III.

Такъ-называемые драгоценные металлы относятся къ числу предметовъ, дѣйствительная цѣнность которыхъ значительно повышается каждый годъ, съ каждымъ новымъ успѣхомъ цивилизаціи. Золото и серебро составляютъ хотя и привилегированный, но все-

таки товаръ, котораго цѣна неизбѣжно обусловливается изобиліемъ его на рынкѣ и дѣйствительной или мнимой полезностью. Привилегированность этого товара заключается въ томъ, что онъ одинъ изъ всего разнообразнаго количества имѣющихся въ обращеніи продуктовъ носить на себѣ официальное клеймо общественной санкціи и принимается во всѣ платежи, а это дѣлаетъ его продуктомъ универсальнымъ по преимуществу. За то ни одинъ родъ продуктовъ не подверженъ столь постоянному вліянію условій, понижающихъ его цѣнность, какъ золото и серебро въ видѣ монетъ, слитковъ или издѣлій.

Каждый успѣхъ цивилизаціи вообще или промышленной техники въ частности имѣетъ неизбѣжнымъ своимъ результатомъ возрастающее изобиліе продуктовъ; но большая часть продуктовъ неспособна накопляться втеченіи долгихъ промежутковъ времени, такъ-какъ всѣ они дѣйствительно потребляются въ болѣе или менѣе короткій срокъ. Золото же и серебро не съѣдаются и не изнашиваются. Каждый годъ въ разныхъ частяхъ свѣта добываются все большія количества золота и серебра. Истощеніе однихъ рудниковъ съ лихвою вознаграждается открытіемъ новыхъ, а въ особенности приобщеніемъ новыхъ народовъ и странъ ко всемірному торжищу. Изобиліе на рынкѣ всякаго продукта или сырья вызываетъ новыя примѣненія этого продукта, порождаетъ новыя промышленныя отрасли. Гоголевскій Костанжогло и изъ накопившейся рыбеи шелухи ухитряется варить клей. Драгоценныя-же металлы въ самой ничтожной степени способны вмѣщать въ себя иной трудъ, кромѣ необходимаго для того, чтобы извлечь ихъ изъ глубины рудниковъ. Дѣйствительная или мнимая полезность ихъ уменьшается едва-ли не еще въ быстройшей прогрессіи, чѣмъ выростаетъ ежегодно имѣющееся въ оборотѣ ихъ количество. По мѣрѣ своего удаленія отъ первобытныхъ культурныхъ ступеней, человѣчество очень примѣтно начинаетъ утрачивать склонность прокалывать себѣ носы и уши, чтобы втыкать въ нихъ драгоценныя или красивые побрякушки. Точно также золотыя и серебряныя чары, чаши и сулеи, составлявшія необходимое украшеніе пировъ нашихъ предковъ, переплавляются въ монеты или сдаются на храненіе въ музеи. Всего-же болѣе уменьшеніе полезности драгоценныхъ металловъ обнаруживается въ ихъ монетномъ значеніи, т. е. въ ихъ представительствѣ при торговыхъ и кредитныхъ операціяхъ. Распро-

страняться о томъ, въ какой мѣрѣ уже въ настоящее время бумажные и кредитные знаки всякаго рода вытѣснили изъ обращенія звонкую монету, было-бы, конечно, совершенно излишне, въ особенности-же у насъ, гдѣ рѣдкость звонкой монеты, на нашемъ денежномъ рынкѣ, всегда была ощутительна. Нельзя, однакожь, не сознаться, что здравые взгляды на реальное значеніе драгоцѣнныхъ металловъ въ торговомъ и финансовомъ быту далеко недостаточно еще распространены даже въ средѣ руководящихъ классовъ нашего общества. Ошибочное убѣжденіе, будто цѣнность бумажныхъ денегъ обуславливается отношеніемъ обращающихся въ странѣ кредитныхъ знаковъ къ будто-бы обезпечивающимъ ихъ металлическимъ фондамъ, надѣлало уже не мало вреда нашимъ, и безъ того разстроеннымъ финансамъ. Всѣмъ извѣстны неудачные результаты операцій государственнаго банка, затѣявшаго „для поднятія нашихъ курсовъ“ скупать золото на выпускаемые ad hoc кредитные билеты. Оказалось, что до количества золота, хранящагося въ кладовыхъ Петропавловской крѣпости, никому нѣтъ дѣла, и что цѣнность бумажнаго рубля только еще болѣе упала вслѣдствіе новаго наводненія рынка лишними кредитными знаками... Съ другой стороны, взглядъ на скопленіе значительныхъ запасовъ золота, какъ на необходимое условіе государственнаго богатства, отражается еще слишкомъ явно на многихъ нашихъ правительственныхъ распоряженіяхъ. Давно-ли вывозъ золота съ сибирскихъ рудниковъ въ Китай карался, какъ государственное преступленіе? Впрочемъ, и теперь еще очевидная заботливость правительства объ ограниченіи привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ обуславливается не только желаніемъ поощрить нашу отечественную промышленность, но также и опасеніемъ невыгоднаго баланса нашей международной торговли. Дѣйствительно, при маломъ количествѣ имѣющихся у насъ отпускныхъ товаровъ, намъ, при отсутствіи сильно-покровительственныхъ тарифовъ, естественно пришлось-бы уплачивать иностранцамъ ежегодно значительныя суммы золотомъ. Но въ какой мѣрѣ такой порядокъ былъ-бы убыточнѣе для нашего экономическаго развитія? Это другой вопросъ, слишкомъ часто, къ сожалѣнію, рѣшаемый у насъ на основаніи предположеній, давнымъ-давно уже выказавшихъ свою теоретическую несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, для народовъ, какъ и для частныхъ лицъ, можно признать нормальнымъ только такой порядокъ,



при которомъ ежегодные продукты труда одного лица обмѣниваются на ежегодные же продукты труда всѣхъ другихъ, входящихъ съ нимъ въ сдѣлки. Какъ скоро одинъ изъ торгующихъ вынужденъ за *доходъ* другого уступать ему часть своего *капитала*, онъ естественно кладетъ начало своему разоренію. Выше уже было сказано, что именно такое невыгодное положеніе создается мы себѣ, вывозя ежегодно вмѣстѣ съ нашими хлѣбными запасами за-границу часть наследственнаго нашего капитала, т. е. плодородія нашихъ полей, безвозмездно истощаемаго нашимъ поддѣчнымъ, переложнымъ и трехпольнымъ хозяйствомъ. Если-бы, вмѣсто этой пшеницы, мы вывозили за-границу соотвѣтственныя количества золота, то несомнѣнно истощали-бы этимъ наши золотые рудники, такъ-какъ однажды извлеченнаго золота обратно туда уже не положишь. Тѣмъ не менѣе, остающаяся дома пшеница, или всякое другое сырье, можетъ послужить матеріаломъ для новой промышленности, можетъ воплотить нашъ народный трудъ въ болѣе сложной и болѣе цѣнной формѣ, тогда какъ отъ золота, хранящагося въ сибирскихъ рудникахъ или въ подвалахъ государственнаго банка, нельзя ожидать особенной пользы. Кромѣ того, истощеніе сибирскихъ золотыхъ россыпей, безспорно, менѣе, чѣмъ истощеніе нашихъ полей, грозитъ намъ безъисходнымъ разоромъ въ будущемъ.

Всѣ эти соображенія необходимо было напомнить читателю для того, чтобы онъ могъ оцѣнить то дѣйствительное значеніе, которое добываніе драгоценныхъ металловъ имѣетъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всемірное торговое и промышленное развитіе сложилось такъ, что драгоценность золота и серебра въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ станетъ преданіемъ, баснею. Но до этого дѣло еще не дошло нигдѣ. За немнѣишъ другого употребленія, наше золото можетъ еще съ большимъ успѣхомъ замѣнить, по крайней мѣрѣ, часть того огромнаго количества сырья, которое мы ежегодно отправляемъ за-границу. Съ этой точки зрѣнія нельзя не замѣтить, что чѣмъ скорѣе мы успѣемъ извлечь изъ глубины нашихъ рудниковъ скрывающіяся въ нихъ богатства, тѣмъ драгоценнѣе будутъ самыя эти богатства, и опасность истощенія рудниковъ отнюдь не должна-бы служить препятствіемъ къ развитію нашей золотопромышленной дѣятельности. Но кромѣ вывоза за-границу, драгоценные металлы

необходимы еще у насъ и для удовлетворенія, быть можетъ, временной, но тѣмъ не менѣе весьма настоятельной внутренней потребности, которую мы и постараемся уяснить здѣсь въ немногихъ словахъ.

Цѣнность кредитныхъ знаковъ обеспечивается не металлическимъ фондомъ, не ихъ размѣномъ на звонкую монету, а единственно числомъ и размѣрами тѣхъ сдѣлокъ, при которыхъ эти знаки являются необходимыми посредниками. Къ сожалѣнію, необходимое въ этомъ дѣлѣ равновѣсіе не можетъ быть вычислено и опредѣлено напередъ никакими теоретическими соображеніями. Конечно, малѣйшее нарушеніе этого равновѣсія сказывается слишкомъ ощутительно для народнаго кармана. Наши финансовые мудрецы и руководители нашего экономического развитія, по всеобщему вздоржанію всѣхъ продуктовъ, легко могли-бы опредѣлить тотъ моментъ, когда выпускъ кредитныхъ знаковъ перешелъ за предѣлъ, положенный ему наличнымъ торговымъ развитіемъ страны, когда, слѣдовательно, становится необходимымъ не только прекратить дальнѣйшій выпускъ, но даже приступить къ погашенію излишней части уже пущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ знаковъ. Но прежде, чѣмъ требовать рѣдко встрѣчаемыхъ совершенствъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, весьма естественно было-бы озаботиться объ огражденіи равновѣсія на нашемъ денежномъ рынкѣ инымъ путемъ, который самъ въ себѣ и независимо отъ личныхъ доблестей кого-бы то ни было, заключалъ-бы гарантіи противъ паденія цѣнности денежныхъ знаковъ, выражающагося непомѣрнымъ вздоржаніемъ жизни. Такимъ путемъ было-бы у насъ возвращеніе къ счетамъ на звонкую монету, которое безспорно представляетъ собою сравнительно отсталый моментъ финансоваго быта, но именно потому и гармонируетъ съ общимъ строемъ нашего экономического развитія. На этихъ страницахъ мы уже не разъ указывали вредъ, проистекающій отъ несвоевременнаго усвоенія культурной вишности, вовсе несоотвѣтственной печальному застою нашихъ производительныхъ и культурныхъ силъ. При веденіи сдѣлокъ на звонкую монету, временно-нарушенное равновѣсіе восстанавливается вновь безъ значительныхъ потрясеній вслѣдствіе того, что вздешевѣвшая въ Россіи монета направилась-бы за-границу.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что, несмотря на всѣ разглагольствованія о суетности презрѣнныхъ въ поэзіи, но все еще

очень драгоценныхъ на практикѣ металловъ, добываніе золота и серебра составляетъ далеко не седьмую спицу въ колесницѣ нашего народного хозяйства, что эта промышленная отрасль, загнанная въ самыя неприступныя дебри Сибири, стоящая, повидимому, совершенно изолированно и неспособная даже поставлять сырье для производительности нашихъ рабочихъ, — затрогиваетъ тѣмъ не менѣе за-живое самыя существенныя интересы разнообразныхъ и многочисленныхъ классовъ нашего народонаселенія, многія единицы котораго такъ и кончаютъ свою многострадальную жизнь, даже не повидавъ ни разу на своемъ вѣку очаровательнаго блеска этой „металлизированной народной крови“.

Обладая при маломъ вѣсѣ и объемѣ большою цѣнностью, способною оплачивать издержки далекаго перевоза, золото и серебро гнѣздятся обыкновенно въ глухихъ мѣстахъ, служа приманкою для заселенія этихъ мѣстъ смѣлыми и предприимчивыми промышленниками. Въ этомъ направленіи они уже оказали всесвѣтной культурѣ тоже немаловажныя заслуги. Перу и Мексика, Калифорнія и Австралія обязаны своими успѣхами и самымъ своимъ приобщеніемъ къ культурной жизни той алчной погонѣ за наживою, которая одна привела туда сотни тысячъ европейскихъ промышленниковъ. Въ особенности въ двухъ послѣднихъ изъ только-что упомянутыхъ странъ золотоисканіе давно потеряло свой первоначальный характеръ азартной игры; самыя богатые рудники и пласеры успѣли истощиться, но случайно занесенная туда однажды культура пустила прочныя корни, хищная погоня за наживою уступила мѣсто рациональной и энергической промышленной дѣятельности. Такой-же точно услуги вправѣ были и мы ждать отъ нашихъ искателей драгоценныхъ металловъ, разсѣянныхъ щедрою рукою по различнымъ сибирскимъ мѣстностямъ.

Добываніе серебра началось съ самаго начала прошлаго столѣтія не только въ ближайшихъ къ европейской границѣ склонахъ Алтайскихъ горъ, но и на болѣе отдаленныхъ нерчинскихъ рудникахъ. Разработка серебряныхъ рудниковъ составляла монополію правительства и производилась при помощи ссыльно-каторжныхъ. Немного лѣтъ спустя, съ открытіемъ богатыхъ западно-сибирскихъ рудниковъ, наше серебряное производство достигаетъ внезапно крупной цифры 1,270 пудовъ въ годъ и начинаетъ все рѣшительнѣе сосредоточиваться въ алтайскихъ мѣстностяхъ, близъ Бар-

науда и Колывани, между тѣмъ какъ нерчинская разработка уже въ 1785 году достигла своего максимума (381 пудъ въ годъ) и съ тѣхъ поръ начала уже падать въ болѣе или менѣе быстрой прогрессіи. Съ этого-же самаго года начинается разработка серебряныхъ и свинцовыхъ рудъ на нѣсколькихъ другихъ, вновь открытыхъ въ сосѣдствѣ Колывани рудниковъ: ридеровскаго на рѣкѣ Ульбѣ, крюковского, зверяновскаго, которые, вмѣстѣ со змѣи-погорскимъ, скоро заслужили себѣ всемірную извѣстность богатствомъ своего содержанія. Такое блистательное начало, конечно, вправѣ было вызывать самыя розовыя надежды, казавшіяся тѣмъ болѣе основательными, что большая часть горныхъ сибирскихъ мѣстностей дѣйствительно изобилуетъ богатыми свинцово-серебряными рудниками.

Правительство уже съ начала текущаго столѣтія стало выдавать въ видѣ привилегіи право частнымъ лицамъ искать драгоценные металлы въ Сибири. Однакожь, охотниковъ вступать съ нимъ въ состязаніе на поприщѣ разработки серебряныхъ рудниковъ оказывается мало и до сихъ поръ. Это главнѣйшимъ образомъ слѣдуетъ приписать тому, что добываніе серебра, несмотря на значительную цѣнность продукта, все-же нѣкоимъ образомъ не можетъ представлять интереса азартной игры, такъ-какъ оно требуетъ значительныхъ затратъ капитала на первоначальное обустройство и значительныхъ техническихъ свѣденій. Вѣроятно, отсутствію и того, и другого слѣдуетъ приписать, что немногочисленныя частныя попытки разрабатывать серебро не въ отдаленныхъ сибирскихъ мѣстностяхъ, но даже на Уралѣ, гдѣ серебряная руда встрѣчается хоть и въ небольшомъ количествѣ, но за то въ непосредственномъ сосѣдствѣ многихъ другихъ цѣнныхъ минераловъ, оказались скоро совершенно несостоятельными. Съ открытіемъ-же золота въ Сибири интересъ частныхъ предпринимателей къ серебряному дѣлу охладѣлъ совершенно. Разработка серебряныхъ рудниковъ, по крайней мѣрѣ, въ вышепоименованныхъ мѣстностяхъ и на Кавказѣ, составляетъ *de facto* такую-же монополію правительства, какъ и полтораста лѣтъ тому назадъ. Психологическое объясненіе этому явленію найти не трудно, и вышеупомянутая конкуренція золота легко объясняетъ охлажденіе нашихъ частныхъ антрепренеровъ къ сравнительно дешевому и труднѣе добываемому серебру. Къ тому-же сибирскіе пионеры

не безъ нѣкотораго основанія замѣчаютъ, что, не располагая даровымъ трудомъ каторжниковъ, они имѣли-бы мало шансовъ подвизаться съ успѣхомъ на томъ поприщѣ, на которомъ само правительство, при всѣхъ, находящихся въ его распоряженіи громадныхъ средствахъ, достигаетъ далеко не блистательныхъ результатовъ.

Гораздо труднѣе объяснить себѣ крайне вялый ходъ казенной предприимчивости въ этомъ важномъ дѣлѣ. Большую часть рудниковъ, колыванскихъ и алтайскихъ, никакъ нельзя еще считать истощившимися, такъ-какъ они еще очень недавно, въ періодъ полнѣйшаго упадка нашей серебряной промышленности, давали еще 1,000 пудовъ серебра, 12,000 пудовъ мѣди и слишкомъ 20,000 пудовъ свинца. Нѣкогда знаменитый змѣиногорскій рудникъ дѣйствительно давно уже истощился, хотъ и не до того предѣла, какъ нерчинскіе, но такія частныя истощенія не могутъ имѣть рѣшительно никакого значенія въ странѣ, которой рудныя богатства столь мало еще изслѣдованы, какъ у насъ. По свидѣтельству специалиста, г. Л. Озеровскаго, громадное большинство нашихъ серебряныхъ росыпей до сихъ поръ еще вовсе не разслѣдовано. Ни дороговизна хлѣба, ни недостатокъ рабочихъ рукъ, обыкновенно приводимые, какъ неопровержимый аргументъ, въ оправданіе промышленнаго застоя въ Сибири, здѣсь, очевидно, не могутъ играть никакой роли, такъ-какъ казенные заводы наши работаютъ не съ вольнонаемными работниками, а съ каторжными и съ горнозаводскими крестьянами, которыхъ такъ или иначе а нужно-же прокормить и которые въ настоящее время заняты въ большомъ числѣ едва-ли менѣе тяжелой работой на казенныхъ-же винокурняхъ. Военно-статистическій сборникъ указываетъ, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, затормозившихъ развитие нашей серебряной промышленности на Уралѣ, на фактъ перечисленія почти 30,000 горнозаводскихъ крестьянъ въ забайкальское казачье войско въ виду предполагавашагося заселенія Амура. Мы, признаемся, не вполне понимаемъ значеніе этого аргумента, тѣмъ болѣе, что переселеніе это относится къ сороковымъ годамъ, упадокъ-же нашей серебряной промышленности начинается обнаруживаться главнѣйшимъ образомъ съ конца пятидесятихъ годовъ. Съ 1865 года вся сибирская добыча серебра почти не превышаетъ уже 1,000 пудовъ въ годъ. Въ этомъ-же

году прекращена добыча серебра въ киргизской степи. Что-же касается алагирскаго (казеннаго) рудника на Кавказѣ, дающаго руду менѣе богатую, чѣмъ сибирская, но расположеннаго въ болѣе благоприятныхъ географическихъ условіяхъ, то онъ, достигнувъ въ 1866 году своего максимума въ 32 пуда 5 фунт., въ слѣдующемъ затѣмъ году далъ уже только 22 пуда 38 фунт., а въ 1868 году производство еще упало въ гораздо значительнѣйшей степени и вся добыча равнялась 12 пуд. 15 фунт. По вычисленію Шницлера, на всемъ свѣтѣ добывается ежегодно 1,261,260 вилограм. серебра, что составляетъ приблизительно 77,000 пудовъ. Петерманъ въ своихъ „Geographische Mittheilungen“ оцѣниваетъ эту добычу въ 75,000,000 прусскихъ талеровъ. На долю Россіи выпадаетъ немногимъ болѣе 1% всей этой суммы, и мы рѣшительно не можемъ доискаться истинныхъ причинъ столь печальнаго результата нашего состязанія на этомъ, вообще говоря, очень благодарномъ поприщѣ. Еще невозможно опредѣлить, въ какомъ отношеніи количество ежегодно извлекаемаго нами на свѣтѣ божій серебра состоитъ къ тому его количеству, которое дѣйствительно таятся въ нѣдрахъ сибирскихъ и кавказскихъ горъ, въ киргизской степи и, можетъ быть, еще во многихъ другихъ частяхъ русской территоріи. Несомнѣнно только то, что уже къ концу шестидесятихъ годовъ недостатокъ серебра ложится крайне тяжелымъ бременемъ на нашъ бюджетъ и на нашу торговлю. За отчеканеніемъ въ 1868 году серебряныхъ рублей 83<sup>1</sup>/<sub>2</sub> пробы, на сумму 800,000 руб. сер., мы уже вынуждены были чеканить мелкую монету 48 пробы, да и то едва-ли не исключительно изъ изъятыхъ изъ обращенія прежнихъ высокопробныхъ монетъ, во всякомъ-же случаѣ не изъ добытаго въ этомъ-же году серебра, такъ-какъ дѣйствительная цѣнность всѣхъ, отчеканенныхъ въ этомъ году полтинниковъ, четвертаковъ и пр., значительно превышаетъ все количество ежегодно добываемаго на всѣхъ нашихъ рудникахъ серебра.

Серебряные рудники служатъ также мѣсторожденіемъ вовсе не драгоцѣннаго, но очень пригоднаго въ хозяйственномъ отношеніи металла, а именно свинца, который и добывается попутно при проплавкѣ серебряныхъ рудъ. Усиленное требованіе на этотъ металлъ во время крымской кампаніи заставило нѣкоторые заводы обратить особенное вниманіе на этотъ побочный продуктъ. Съ

тѣхъ поръ производство его значительно усилилось и превышаетъ 100,000 пудовъ. Впрочемъ, половина этого количества потребляется на тѣхъ-же самыхъ заводахъ для дальнѣйшей обработки серебра, такъ-что къ намъ ежегодно привозятъ свинецъ изъ-за границы въ размѣрахъ свыше 350,000 пуд.

Прежде, чѣмъ перейти къ золоту, которымъ мы и закончимъ этотъ черезъ мѣру растянувшійся обзоръ нашихъ промышленныхъ доблестей, мы должны еще сказать надгробное слово одной недавно отжившей отрасли сибирскаго металлургическаго производства. Мы говоримъ о платинѣ, которая, за исключеніемъ Урала, встрѣчается только въ Америкѣ и является совершенно необходимымъ элементомъ нѣкоторыхъ аппаратовъ, предназначенныхъ противостоять дѣятельности сильныхъ кислотъ, а также точныхъ математическихъ инструментовъ. Кроме того, въ Россіи, какъ извѣстно, нѣкогда чеканилась платиновая монета, Впрочемъ, давно уже изъятая изъ обращенія.

Драгоценный металл этотъ встрѣчается обыкновенно въ алювіумѣ, подъ слоемъ золотоноснаго песку, въ смѣси съ родіумомъ, палладіумомъ и вридеюмъ. Для освобожденія его изъ этого сплава требуется довольно сложная процедура. По свидѣтельству Военно-статистическаго сборника, упадокъ нашей платиновой промышленности главнѣйшимъ образомъ слѣдуетъ приписать тому, что правительство обязывало промышленниковъ отдавать эти сплавы для обработки на монетный дворъ, гдѣ работы производились слишкомъ медленно и обходились слишкомъ дорого. Слѣдуетъ, однакожъ, замѣтить, что казенный златоустовскій заводъ первый прекратилъ свою дѣятельность по этой части. Нижнетагильскій заводъ г. Демидова, кажется, и до сихъ поръ еще, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, не отказался отъ добыванія платины, хотя ежегодныя цифры добычи его представляютъ значительныя колебанія. Еще въ 1868 году въ статьяхъ нашего заграничнаго отпуска значится 79 пудовъ 22 фунта нижнетагильской платины, на 116.143 руб. сер. На приискахъ-же вянгины Бушера-Радали въ Міяскѣ въ этомъ году платина уже не добывалась вовсе. Впрочемъ, за послѣдніе годы платина привозится къ намъ изъ-за границы въ размѣрахъ, значительно превышающихъ не только цифры нашего вывоза, но и максимумы годового производства.

Золотопромышленность въ Сибири почти на цѣлыя сто лѣтъ старше калифорнской и австралийской, такъ-какъ, по свидѣтельству горнаго департамента, начало ея относится къ 1754 году. Какъ и промышленность серебряная, она втеченіи очень долгаго времени монополизировалась на казенныхъ заводахъ, но развивалась гораздо медленнѣе серебряной, такъ-что цифры годичной добычи за 1814 годъ держались на совершенно ничтожномъ итогѣ. Въ этомъ первомъ ея періодѣ разрабатывались только рудники и приски, лежавшіе на казенныхъ дачахъ при Уралѣ. Несмотря на то, что съ 1814 года производство вдругъ значительно повысилось, тѣмъ не менѣе за весь промежутокъ 1814 — 1820 годовъ добыто меньше 115 пудовъ чистаго золота. Уже съ 1812 года позволено было частнымъ лицамъ тоже искать золото на Уралѣ; но наша частная предприимчивость, повидимому, отвѣтила на этотъ призывъ крайне флегматически; по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока золотопромышленность наша ютилась исключительно на Уралѣ, въ казну не поступило и 800 руб. сер. пошлинъ съ частныхъ присковъ. Только съ открытіемъ сибирскихъ росыпей, а въ особенности со времени разрѣшенія частнымъ лицамъ, сперва въ видѣ привилегіи (1826 г.), разрабатывать на свой страхъ уже найденные и объявленные приски, золотопромышленность начинаетъ примѣтно оживляться: такъ, за все третье десятилѣтіе текущаго столѣтія у насъ добыто золота 2,074 пуд., причеиъ казенныхъ пошлинъ съ частныхъ присковъ поступило 2,655,396 р. с. Съ разрѣшеніемъ уже безъ привилегіи искать золота въ Сибири дворянамъ, почетнымъ гражданамъ и купцамъ 1 и 2 гильдіи, весь продуктъ нашей промышленности за десятилѣтіе 1831—40 г. больше чѣмъ удваивается, т. е. достигаетъ 4,282 пуд. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла выражается нижеслѣдующими цифрами за каждое послѣдующее десятилѣтіе:

	Добыто золота.	Заплачено пошлинъ.
1841—50 г.	13.479 пуд.	29,264,399 р. с.
1851—60 „	15.526 „	29,085,179 „ „
1861—70 „	15,075 „	? ?

Такииъ образомъ, золотопромышленность уже въ пятидесятихъ годахъ достигла вышаго своего предѣла и съ тѣхъ поръ, до 1870 года включительно, остановилась на точкѣ замерзанія, несмотря на



громадность золотоносныхъ пространствъ, совершенно нетронутыхъ и неразвѣданныхъ. Въ частности-же. казенные прииски на Уралѣ имѣли еще болѣе короткій періодъ процвѣтанія (съ 1830 до 1833 г.), когда они давали по высшей мѣрѣ 150 пуд. въ годъ. Съ тѣхъ-же поръ ихъ производительность быстро падаетъ на 130, затѣмъ 92 и 100 пуд., между тѣмъ какъ издержки растутъ все въ болѣе угрожающей прогрессіи. Въ 1854 г. накладные и цеховые расходы вмѣстѣ составляли только 38% со всей цѣны добычи; въ 1864 г. уже 66%, а въ 1866 г. выше 73%. Въ нерчинскомъ округѣ, съ открытіемъ богатой карійской росыпи на Шилкѣ, золотопромышленность начинаетъ подавать блистательныя надежды, ради которыхъ добываніе серебра здѣсь уже совершенно заброшено съ 1850 г. Но два или три года спустя, золотоносные пески уже были истощены и только за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ здѣсь замѣтно нѣкоторое усиленіе производства.

Частная золотопромышленность въ пермской и оренбургской губ. истощила весь запасъ втеченіи первыхъ-же 25 лѣтъ своего существованія. Въ Сибири, съ уничтоженіемъ монополии, она развивалась гораздо быстрѣе и уже въ концѣ сороковыхъ годовъ достигла высшаго предѣла. 14 лучшихъ росыпей енисейской губ., давшія втеченіи одного 1848 г. больше 800 пуд., въ 1858 г. дали только 265 пуд., затѣмъ 220, а въ 1860 г. уже только 192 пуд. Богатство процентнаго содержанія золотоносныхъ песковъ во всей этой мѣстности понизилось среднимъ числомъ въ три, а въ нѣкоторыхъ округахъ и въ четыре раза.

Изъ данныхъ министерства финансовъ явствуетъ, что въ началѣ истекающаго въ этомъ году десятилѣтія на частныхъ сибирскихъ приискахъ замѣчается нѣкоторое оживленіе, обусловленное, впрочемъ, увеличеніемъ числа работающихъ на приискахъ и приходящихъ туда изъ европейской Россіи рабочихъ:

	Работали.	Промыли.	Добыли.
въ 1867 г.	49,036 чел.	718,000,000 п. песку	1,414 ф. зол.
„ 1868 „	55,154 „	902,000,000 „ „	1,767 „ „
„ 1870 „	60,701 „	тоже „ „	1,874 „ „

Такимъ образомъ, 1870 годъ представляетъ рѣшительно благоприятныя условія; но все, добытое въ этомъ году золото

едва покрываетъ сумму процентовъ, ежегодно выплачиваемыхъ нами по иностраннымъ займамъ (35,000,000 р. с. въ бюджетъ того-же года).

Въ 1871 г. открытіе новыхъ богатыхъ росыпей на Олекѣ и Витимѣ даетъ этому дѣлу новый импульсъ, о размѣрахъ котораго мы можемъ судить по тому, что, вмѣсто ожидавшихся 300,000 р. с. пошлинъ съ присковъ, ихъ дѣйствительно поступило свыше 839,000 руб. с. Явленіе это, конечно, само по себѣ очень отрадно; къ сожалѣнію, оно служитъ новымъ доказательствомъ того, что золотопромышленное дѣло въ восточной Сибири и до сихъ поръ еще носитъ на себѣ характеръ азартной игры, который оно утратило во всѣхъ другихъ странахъ въ первыя-же десять лѣтъ своего существованія. Вмѣсто того, чтобы служить—какъ въ Калифорніи и Австраліи—стимуломъ къ заселенію золотоносныхъ мѣстностей и къ быстрому развитію другихъ, лежащихъ тамъ богатствъ, у насъ золотопромышленное дѣло само страдаетъ отъ недостатка населенія и служитъ препятствіемъ къ развитію даже серебряныхъ промысловъ. Работы на самыхъ доходныхъ приискахъ остаются при своихъ первобытныхъ приемахъ, вслѣдствіе чего богатѣйшія росыпи истощаются очень быстро, давъ намъ только ничтожную часть своего цѣннаго содержанія, а присковая жизнь удерживаетъ сполна свой кочевой характеръ.

Среднимъ числомъ, на всѣхъ нашихъ приискахъ приходится на 1 работника всего только 1 фунт. 26 золотн. чистаго золота въ годъ. При существующей на европейскихъ рынкахъ цѣнѣ въ 1,820 франк. за фунтъ, это даетъ около 580 металлическихъ рублей. Содержаніе же каждаго работника обходится до 330 и болѣе р. с., а всю совокупность издержекъ по добыванію Шницлеръ высчитываетъ въ 75% нашей средней годовой добычи. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ прииски европейской Россіи даютъ въ дѣйствительности гораздо меньше этой средней, а именно въ персской губ. 61 золотн., а въ оренбургской—37 золотн. на каждаго работника. За то уже на нерчинскихъ казенныхъ и на алтайскихъ кабинета е. в. приискахъ средняя годовая добыча равняется 2 фунт. 32 золот. и 2 фунт. 63 золот.; а это даже по шницлеровскому расчету должно-бы дать выгодный результатъ и не оправдывать отовсюду раздающихся песимистскихъ воплей о крайне неблагоприятныхъ будто-бы естествен-

ныхъ условіяхъ золотопромышленнаго дѣла въ Сибири. На Олекмѣ средняя годовая добыча, конечно, еще гораздо значительнѣе и превышаетъ 3 фунт. на каждого работника въ годъ, т. е., по самому умѣренному разсчету, больше 1,350 металлическихъ рублей. Но на Олекмѣ намъ извѣстны только 39 присковъ, въ то время, какъ во всей восточной Сибири ихъ было 1,190, въ западной — 327, а въ уральской мѣстности, гдѣ, какъ мы уже видѣли, игра далеко не стоятъ салыныхъ свѣтъ, число ихъ доходило до 711.

Замѣтимъ въ заключеніе, что изъ 20,750 пуд. золота, ежегодно добываемыхъ въ тѣхъ частяхъ свѣта, насчетъ которыхъ имѣются хоть приблизительныя свѣденія, Россіи принадлежитъ только  $\frac{1}{12}$  часть.

Прослѣдивъ разнообразную дѣятельность и тощіе итоги нашей промышленной предпріимчивости на поверхности и въ недрахъ родной земли, зададимъ себѣ снова вопросъ, который мы уже поставили въ самомъ началѣ этихъ очерковъ: — сдѣланы-ли нами хоть первый шагъ къ выясненію нашего національнаго экономическаго призванія, къ опредѣленію наивыгоднѣйшаго поприща примѣненія нашего народнаго труда, къ цѣлесообразной группировкѣ нашихъ производительныхъ силъ въ виду тѣхъ культурныхъ задачъ, которыя намъ предстоитъ разрѣшить для того, чтобы не тащиться во хвостѣ другихъ промышленныхъ странъ и занять подобающее мѣсто въ ряду нашихъ западно-европейскихъ сверстниковъ и сосѣдей?

Въ отвѣтъ на это мы уже можемъ съ полною достовѣрностью сказать, что:

1) наша роль на международномъ рынкѣ едва-ли не сдѣлалась болѣе темною и менѣе обезпеченною теперь, чѣмъ была сто лѣтъ тому назадъ; мы не натурализовали у себя ни одной промышленной отрасли и не имѣемъ даже права назвать себя поставщиками сырья для западной Европы, такъ-какъ нашъ хлѣбъ, кожи, шерсть и проч. находятъ себѣ съ каждымъ годомъ все болѣе случайный сбытъ, подрываемый австралійскимъ и американскимъ рынками;

2) населеніе наше является по-прежнему распределеннымъ подѣ

дѣянiемъ отжившихъ историческихъ причинъ, т. е. скученнымъ гамъ, гдѣ нѣтъ элементовъ для промышленной дѣятельности, между тѣмъ какъ щедро одаренные природою округа страдаютъ отъ недостатка рабочихъ рукъ и осуждаются на безысходный застои;

3) производительность нашихъ работниковъ не только по различнымъ отраслямъ, но и въ каждой изъ нихъ, колеблется между такими противоположными крайностями, изъ которыхъ бесплодно было-бы выводить среднiй статистическiй расчетъ; впрочемъ, съ громаднымъ преобладанiемъ такихъ низкихъ цифръ, которыя очевидно неспособны оплачивать издержекъ самаго скуднаго чловѣческаго существованiя;

4) мы выписываемъ изъ-за границы сырье для такихъ промышленныхъ отраслей, которыя рѣшительно неспособны стоять у насъ на своихъ ногахъ, между тѣмъ какъ матерьялъ для крайне выгодной промышленной дѣятельности (кожи и вообще животныя продукты) отсылается нами въ сыромъ и крайне убыточномъ для насъ видѣ;

5) мы потребляемъ и отчасти сами производимъ нѣкоторые высше культурные продукты, между тѣмъ какъ громадная масса нашихъ производителей, и по приѣмамъ производства, и по всей совокупности своихъ бытовыхъ условiй, живетъ еще въ томъ культурномъ періодѣ, которому несвойственны ни паровые двигатели, ни другiя сложнѣйшия изобрѣтенiя современной цивилизаціи, которыя потому и являются какими-то экзотическими растенiями въ душной закутѣ нашего экономическаго застоя.

„Свѣту! больше свѣту!“ — закончимъ мы этотъ обзоръ словами, которыми Гете закончилъ свое земное странствiе.

Л. Мечниковъ.

## ДУМА.

(Посвящается Н. В. Чесову.)

Какъ жутко въ чудный, свѣтлый день,  
Въ концѣ весны, въ началѣ лѣта,  
Когда цвѣтеть уже сирень  
И ландышь не утратилъ цвѣта,—  
Замѣтить снѣжное пятно  
Въ глухомъ, безжизненномъ оврагѣ,  
Гдѣ притаилось оно  
Въ пріютѣ сумрака и влаги.

Такъ наше сердце иногда  
Смущаетъ горестная дума,  
И старость мертвая угрюмо  
Грозится издали, когда  
Еще въ цвѣтущіе года  
Среди красотъ незамѣнимыхъ,  
Завѣтовъ жизненной весны,—  
Случится намъ въ вудряхъ любимыхъ  
Подмѣтить нити сѣдины.

С. А.

# СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

## ПРОДУКТЪ ПОЛИТИКИ XIX ВѢКА.

(Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield, vol. I. London, 1877.)

(*Окончаніе.*)

### V.

Наконецъ „крупная дичь“, которую такъ долго выжидалъ Дизраэли, стала попадаться. Явился моментъ въ исторіи англійскихъ партій, когда безцеремонная рѣшимость его, опиравшаяся на безспорный талантъ и на довольно значительныя способности, выдвинула его на первый планъ и отдала въ руки крещеному еврею самую гордую аристократію въ мірѣ.

Къ группѣ романовъ Дизраэли, отражающихъ фантазіи „молодой Англій“, кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ, принадлежитъ еще „Танкредъ“, появившійся въ 1847 г. Я ни на минуту не остановлюсь на его содержаніи или даже на общихъ чертахъ его направленія. Я укажу только на одну его особенность. Выраженіе „архинеспособность“, съ которымъ уже познакомилъ своихъ читателей Дизраэли и которое онъ прилагалъ къ давно стгнившему въ могилѣ, дѣйствительному политическому ничтожеству, лорду Ливерпулю, теперь было приложено въ „Танкредѣ“ къ другой личности; и это былъ тотъ-же самый политическій дѣятель, котораго такъ горячо восхвалялъ тотъ-же авторъ въ письмахъ Роннимеда и въ „Конингсби“, но уже гораздо умѣреннѣе въ „Сибилѣ“. Это былъ недавній „диктаторъ“ Великобританіи, сэръ Робертъ Пиль.

Политическая дуэль между Дизраэли и Пилемъ, охватывающая 1843—1846 годы и окончившаяся низверженіемъ послѣдняго, составляетъ, конечно, самый блестящій эпизодъ „охоты за круп-

ной дичью“ въ жизни Дизраэли и представляет не мало поучительнаго.

Въ 1842 г. Пиль предложилъ законъ, который былъ первымъ, но довольно явнымъ шагомъ къ принятію системы свободной торговли. Виги, конечно, немедленно обвинили его въ томъ, что онъ, будучи министромъ, отказывается отъ принциповъ протекціонизма, которые защищалъ въ рядахъ оппозиціи. Старые торы-протекціонисты, какъ герцогъ Ричмондъ и другіе, были очень недовольны, но Дизраэли произнесъ рѣчь въ защиту Пила, причемъ говорилъ, что подобное обвиненіе опирается на недостаточное изученіе фактовъ, что виги вовсе не могутъ претендовать на монополію начала свободной торговли, что Питтъ и торы его времени поддерживали это начало противъ нихъ. Законъ прошелъ, но оставилъ за собой въ рядахъ торы значительную долю неудовольствія противъ ихъ предводителя. Съ каждымъ днемъ это неудовольствіе росло. Между тѣмъ Дизраэли встрѣчалъ со стороны сэра Роберта Пила все-таки очень мало предупредительности и готовности выдвинуть въ первые ряды талантливаго, хотя и безцеремоннаго сторонника. Тогда Дизраэли увидѣлъ, что наступаетъ минута, когда онъ можетъ воспользоваться комбинаціей обстоятельствъ для своей цѣли, и разомъ перемѣнилъ политику относительно Пила.

Торы были формально господствующей партіей, но ихъ начала были такъ мало согласны съ духомъ времени, что искренними защитниками этихъ началъ могли являться лишь люди крайне ограниченные. Изъ таковыхъ и состояла, въ своемъ большинствѣ, ихъ партія, на-сколько она дѣйствительно поддерживала свои старыя традиціи. Но давно уже эта партія видѣла, какъ многіе ея талантливые люди переходятъ къ вигамъ (подобно Пальмерстону), и какъ ея предводители ея-же руками проводили мѣры, прямо противоположныя ея традиціямъ. Квиннингъ въ иностранной политикѣ стоялъ на сторонѣ революціонныхъ принциповъ на югѣ Европы и въ Америкѣ; Вэлингтонъ и Пиль провели эмансипацію католиковъ; теперь Пиль, примирившись съ реформою парламента, касался весьма безцеремонно самаго больнаго мѣста партіи—ея упорнаго протекціонизма. Но что было дѣлать? Онъ былъ *единственнымъ* возможнымъ первымъ министръ торы, потому что кругомъ его стояли ничтожества вроде герцоговъ Ричмонда и Бокингэма, или весьма непрочныя личности, вроде Стэнли (будущаго Дерби), вчерашняго ренегата изъ самыхъ рѣшительныхъ реформаторовъ. По таланту, по знанію дѣла, по уму и влиянію на страну Пиль не имѣлъ въ эту минуту соперниковъ ни въ какой партіи и тѣмъ менѣе могъ быть замѣненъ какимъ-либо другимъ предводителемъ изъ числа торы. Паденіе Пила могло быть только торжествомъ виговъ, и это было

тѣмъ болѣе досадно людямъ, поневолѣ становившимся подъ его руководство, что самая личность Пилля скорѣе отталкивала, чѣмъ привлекала.

„Сэръ Робертъ Пилль, писалъ его біографъ, Джоржъ Генри Фрэнсисъ,—одинокъ между живущими государственными людьми. Рассчитанная таинственность облакаетъ всѣ его цѣли; холодная сдержанность отталкиваетъ политическую дружбу. Его современники чувствуютъ его силу; позднѣйшая лѣтопись его страны будетъ свидѣтельствовать о силѣ его ума. Но никто не говоритъ о немъ хорошо; рассказываютъ даже, что у него нѣтъ ни одного друга... Тори боятся его; виги ненавидятъ его; чартисты привидываются, будто презираютъ его. Тѣ, которые смотрятъ назадъ и сожальютъ о прошедшемъ, обвиняютъ его въ измѣнѣ; тѣ, которые смотрятъ впередъ и думаютъ о будущемъ... смѣются надъ его претензіями быть практическимъ государственнымъ человѣкомъ при помощи законодательныхъ *обрывковъ*. Они говорятъ, что онъ управляетъ безъ всякаго принципа управленія. Неискренность и непоследовательность составляютъ самыя слабыя формы политическихъ пороковъ, которые ему приписываются... Его манера держать себя въ палатѣ общинъ предполагаетъ сознаніе, что его могущество основано на мнѣніи этой палаты. Онъ, повидимому, увѣренъ, что имѣетъ здѣсь вѣсъ. Когда онъ входитъ въ зеленую дверь подъ перилами и члены всѣхъ партій инстинктивно раздвигаются передъ нимъ, онъ не смотритъ ни на кого, не узнаетъ никого, ему никто не кланяется. Онъ какъ-будто-бы не узнаетъ ни одного изъ присутствующихъ членовъ и незнакомъ ни съ однимъ изъ нихъ. Онъ идетъ прямо, медленно скользя по полу, какъ нѣчто лишенное реальности, шагая нѣсколько бокомъ своими „двумя лѣвыми ногами“, какъ выразился О'Коннель... Широко-, полное тѣло, склонное къ ожирѣнію въ послѣдніе годы и кажущееся еще болѣе полнымъ въ широкомъ жилетѣ и во фракѣ съ широкими полами, какъ-бы слишкомъ тяжело для его ногъ... Лицо его выражаетъ формализмъ и озабоченность; черты его просты и правильны, но кажутся широкими, плоскими и лишенными характеристичности. Привычка сдерживать чувство удалила съ лица выразительность. Спокойно-серьезное выраженіе смѣняется строго-холоднымъ, или брови поднимаются съ высокоуміемъ для него неестественнымъ, и какъ-бы противъ воли появляется странная улыбка, слегка конвульсивная и полная противорѣчій, иногда почти юмористическая, иногда какъ-бы выражающая презрѣніе къ самому себѣ. Она какъ-бы говорить: „мы всѣ участвуемъ въ торжественномъ фарсѣ, и я въ немъ играю главную роль“. Но мгновеніе—и снова лицо его становится неподвижно, холодно; онъ углубляется въ себя; онъ какъ-бы



презрительно относится къ окружающему; голова высовывается впередъ изъ узкаго галстука и конвульсивно движется два-три раза, какъ-бы значительное внутреннее усиленіе нужно было для того, чтобы удержать величественность позы, приличную человѣку, знающему, что на него обращено пятьсотъ паръ глазъ. Дойдя до своего мѣста, онъ не обмѣнивается привѣтомъ съ своими ближайшими товарищами, но садится особо, наклонивъ тѣло надъ скрещенными ногами, надвинувъ шляпу на уши, вытянувъ голову впередъ съ упорнымъ вниманіемъ или съ лицомъ, нервно передергивающимся, между тѣмъ какъ его правая рука, съ раздвинутыми двумя пальцами, потихоньку гладитъ носъ или бессознательно играетъ съ его печатами или съ ключемъ его портфеля, который лежитъ передъ нимъ на столѣ предсѣдателя“.

Дѣйствительно, въ палатѣ вліяніе Пила было громадное. „Этотъ замѣчательный человѣкъ, писалъ о немъ впоследствии Дизраэли въ біографіи лорда Бентинка,—былъ въ частной жизни неловокъ и часто смущался, никогда не могъ свободно и спокойно говорить на публичномъ митингѣ или на обѣдѣ, и вообще говорилъ въ этомъ случаѣ что-либо напыщенное или даже смѣшное, но въ парламентѣ былъ всегда готовъ къ возраженію, владѣлъ самою спокойною, свободною, гибкою и ловкою рѣчью. Онъ игралъ на палатѣ общинъ, какъ на старой скрипкѣ“. Могущественное вліяніе въ этомъ случаѣ приписываютъ „особенно гармоническому и гибкому его голосу“. „Звуки этого голоса, писалъ его біографъ, капитанъ Мартинъ, — имѣли особенность, которую я не встрѣчалъ ни у кого, ни на сценѣ, ни въ ея. Это былъ голосъ, способный приравливаться ко всѣмъ отгѣнкамъ мысли и чувства, чрезъ которые проходилъ говорившій“. Но и по содержанію его рѣчи имѣли нѣкоторыя замѣчательныя особенности, приравленные во многихъ случаяхъ къ привычкамъ и предразсудкамъ мысли тѣхъ, къ которымъ онъ обращался. Пилъ зналъ, что имѣлъ передъ собою нѣсколько тупую и очень упрямую аудиторию, особенно въ рядахъ своихъ приверженцевъ, которые не охотно допускали какую-либо новизну и которыхъ нужно было часто принуждать къ поддержкѣ предложенія ихъ предводителя. Поэтому онъ почти всякое свое предложеніе пытался представить, какъ нѣчто давно уже на практикѣ существующее, давно принятое, но нуждающееся лишь въ легальной формѣ, или какъ измѣненіе весьма маловажное. Онъ дѣлалъ многочисленныя ссылки на громкія и уважаемыя имена. Но, кромѣ того, онъ почти никогда не выставлялъ прямо своего предложенія, и прежде всего разбиралъ всевозможныя предложенія, которыя были сдѣланы или могли быть сдѣланы по этому поводу, и доказывалъ несостоятель-

ность всѣхъ проектовъ, кромѣ того, который именно составлялъ его предложеніе.

При содѣйствіи всѣхъ этихъ обстоятельствъ Пиль съ 1842 по 1845 г. былъ не только первымъ министромъ Англій, но его съ нѣкоторою справедливостію называли ея *диктаторомъ*. Онъ не только имѣлъ большинство въ 90 голосовъ въ палатѣ, но его личное вліяніе на аудиторію было подавляющимъ. Его поддерживали часто и виги, и тори; когда-же его раздраженные послѣдователи отступались отъ него, то либеральные ораторы выступали ему на помощь. Случалось, что они поддерживали Пиля даже противъ собственнаго предводителя, и по многимъ рѣчамъ того времени можно судить, что многіе виги рассчитывали болѣе на Пиля, чѣмъ на Росселя.

Противъ этого-то „министра всей страны“ безцеремонный Бенжаменъ Дизраэли рѣшился начать войну, взбунтовать его традиціонныхъ приверженцевъ, организовать расгущее неудовольствіе тупыхъ протестантовъ и жадныхъ протекціонистовъ и образовать новую партію тори, въ которой душою и руководителемъ сдѣлался-бы самъ Бенжаменъ Дизраэли. Онъ прекрасно зналъ, что первымъ результатомъ этого мятежа партіи будетъ торжество виговъ, но ему было очень мало дѣла до дѣйствительной побѣды тори или виговъ, если только тотъ или другой парламентскій оборотъ дѣлъ выдвинетъ его самого на первый планъ. Можетъ быть, онъ считалъ Росселя и Пальмерстона, самыхъ талантливыхъ представителей виговъ въ это время, за личности, поборотъ которыхъ ему не будетъ особенно трудно, и не рассчитывалъ, что изъ рядовъ „янычаръ“ Пиля выйдетъ самый сильный его соперникъ въ будущемъ, Гладстонъ.

Первыя, осторожныя нападки на Пиля со стороны Дизраэли мы встрѣчаемъ въ апрѣлѣ 1843 г., но ихъ можно было приписать еще недовольству рвенію и плохой дисциплинѣ. Пиль отнесся къ нимъ довольно высокоумно.

Въ августѣ 1843 г., по поводу ирландскихъ дѣлъ, Дизраэли уже прямо напалъ на противорѣчіе мѣръ, предложенныхъ Пилемъ, съ тою политикою, которой послѣдній слѣдовалъ въ оппозиціи. И съ этихъ поръ Дизраэли не упускалъ ни одного случая, когда онъ могъ нападать на Пиля и возбуждать противъ него умы его официальныхъ сторонниковъ. Онъ особенно часто возвращался къ чрезвычайно-строгой дисциплинѣ, которую ввелъ въ свою партію Пиль, напоминалъ тори, какъ безусловно „рабски“ они довѣряли своему предводителю и какъ онъ нетерпимо относился къ малѣйшей оппозиціи съ ихъ стороны, даже по второстепеннымъ вопросамъ. Дизраэли указывалъ на „капральское“ отношеніе Пиля къ

его сторонникамъ, на приписываніе всякому возраженію личныхъ и низкихъ мотивовъ. Онъ совѣтовалъ Пиллю „либеральнѣе“ обращаться съ партией, его поддерживавшей.

Далѣе онъ снова и снова возвращался къ указанію, что Пилль въ мѣрахъ, имъ предложенныхъ, слѣдуетъ программѣ своихъ политическихъ противниковъ и уже потому не долженъ удивляться, если депутаты, посланные въ палату избирателями-тори, часто съ нимъ расходятся.

„Я былъ присланъ, говорилъ Дизраэли 28 февраля 1845 г.,— чтобы увеличить большинство партіи тори, чтобы поддерживать министерство тори. Существуетъ-ли министерство тори, я не берусь рѣшать, но я вѣрю, что большинство партіи тори существуетъ... Я увѣренъ, что я не толкую ложно поведеніе высокопочтеннаго джентльмена. Я знаю: иные думаютъ, что онъ высматриваетъ новыхъ союзниковъ. Я никогда не вѣрилъ ничему подобному. Положеніе высокопочтеннаго джентльмена ясно и опредѣленно. Я не думаю, что онъ стремится къ коалиціи партій, хотя многіе изъ моихъ избирателей думаютъ это. Высокопочтенному джентльмену стоитъ лишь остаться какъ-разъ на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ находится. Высокопочтенный джентльменъ засталъ виговъ, когда они купались, и унесъ ихъ платье. Онъ оставилъ ихъ вполне наслаждаться ихъ либеральною опозиціею, а самъ сдѣлался строгимъ консерваторомъ... ихъ одежды“.

Призывая тори къ бунту противъ Пилля, Дизраэли столь-же энергически призывалъ виговъ, такъ часто становившихся сторонниками Пилля, къ ихъ традиціонной оппозиціи. „Я почти въ отчаяніи, говорилъ онъ въ 1845 г.,— что мнѣ приходится взывать къ ихъ наслѣдственнымъ обязанностямъ, къ ихъ конституціоннымъ убѣжденіямъ, къ ихъ историческому положенію; но мнѣ кажется, что благородный лордъ, сидящій съ противоположной стороны (Россель), едва-ли не утомленъ тѣмъ, что его все тащитъ за собой триумфальная колесница побѣдителя, который побѣдилъ его не въ честной битвѣ и равнымъ оружіемъ...“

Однако, не только общее положеніе Пилля въ отношеніи партіи, во имя которой онъ правилъ Англіей и которая подчинялась ему все съ большимъ и большимъ неудовольствіемъ, давало хорошее оружіе въ руки искуснаго и безцеремоннаго противника, но множество другихъ частныхъ вопросовъ, вызванныхъ этимъ-же ложнымъ и двусмысленнымъ положеніемъ, позволяли Дизраэли безпрестанно нападать на Пилля во имя блага народа, во имя конституціонныхъ принциповъ или чести Англіи, во имя политической и общечеловѣческой нравственности. Ни въ одномъ государствѣ традиціонная политика уступовъ и сдѣлокъ не ставила всякое ми-

нистерство въ столь открытое для нападокъ положеніе, какъ именно въ Англии, и никакое англійское министерство не могло въ подобномъ случаѣ доставить болѣе почвы для нападокъ, какъ министерство Пила, который, по принципу, проводилъ измѣненія „кусками“, нисколько не заботясь о гармоніи каждой мѣры съ общою системою мѣръ той или другой отрасли управленія. Я, впрочемъ, ограничусь лишь самымъ краткимъ указаніемъ на эти многочисленныя стычки между министерствомъ и новою оппозиціею тори подъ руководствомъ Дизраэли, на разныхъ пунктахъ, которые представлялись ходомъ событій.

На первомъ мѣстѣ, конечно, стоялъ ирландскій вопросъ—это большое мѣсто Англии вообще,—вопросъ, который *невозможно* было рѣшить удовлетворительно ни одному англійскому министерству, всегда поставленному между непримиримыхъ предрасудковъ англійскихъ ханжей съ одной стороны и нестерпимымъ положеніемъ ирландскаго народа съ другой. Ирландскій вопросъ вызвалъ первый расколъ среди тори во имя эмансипаціи католиковъ въ двадцатыхъ годахъ и навлекъ на Пила тогда первое обвиненіе въ измѣнѣ партіи. Ирландскій вопросъ долженъ былъ послужить поводомъ и къ его окончательному паденію. И теперь этотъ вопросъ, возвращаясь все снова и снова въ разныхъ формахъ, давалъ Дизраэли оружіе для нападеній на министерство. А рядомъ съ Дизраэли стоялъ еще „великій агитаторъ“, Даниель О’Коннелъ, доживавшій свои послѣдніе годы (онъ умеръ 72 лѣтъ, въ 1847 году), всегда готовый напасть на всякое министерство во имя ирландскихъ интересовъ и все еще страшный въ своихъ рѣчахъ.

Дизраэли, старый противникъ О’Коннеля (отношенія ихъ читатель могъ видѣть въ моей первой статьѣ), въ своей оппозиціи Пилу иногда становился рядомъ съ О’Коннелемъ, какъ защитникъ „справедливости для Ирландіи“, пытаясь привлечь къ себѣ ирландскихъ членовъ, и его биографъ (нѣсколько подкупленный, можетъ быть, предметомъ) находить, что его рѣчь 16 февраля 1844 года по ирландскимъ дѣламъ есть лучшая рѣчь Дизраэли (стр. 505.)

„Говорятъ, что справедливость для Ирландіи заключается въ тождественности ея учреждений съ англійскими, говорилъ Дизраэли. — Онъ полагаетъ, что это наибольшее изъ заблужденій. Онъ всегда думалъ, что главная причина бѣдствій Ирландіи есть тождественность ея учреждений съ англійскими.. Какъ можетъ народъ желать тождественности учреждений, когда ирландскому народу ненавистно самое основное и наиболѣе важное англійское учрежденіе, именно союзъ церкви и государства... Онъ думаетъ, что, вмѣсто установленія тождественности учреждений, парламентъ

долженъ былъ устранить всѣ англійскія учрежденія, которыя онъ насильственно внесъ въ Ирландію“. Далѣе онъ говорилъ о населеніи Ирландіи: „Это густое населеніе, страшно бѣдствуя, живетъ на островѣ, гдѣ существуетъ государственная церковь, которая не есть церковь народная; существуетъ землевладѣльческая аристократія, самые богатые члены которой живутъ въ отдаленныхъ столицахъ Европы. Итакъ, голодный народъ, аристократія абсентистовъ и чуждая народу церковь, а въ прибавокъ къ этому самая слабая исполнительная власть въ мірѣ—вотъ въ чемъ заключается ирландскій вопросъ. Что сказали-бы почтенные джентльмены, если-бы они читали о странѣ, находящейся въ подобномъ положеніи? Они сейчасъ сказали-бы, что „лекарство заключается въ революціи“. Но ирландцы не могли произвести революціи, а почему? Потому, что Ирландія была соединена съ другой, болѣе сильной страной. Какковы-же были слѣдствія этого? Связь съ Англіей сдѣлалась причиною нынѣшняго состоянія Ирландіи. Если связь съ Англіею устранила революцію, а революція была единственнымъ лекарствомъ, то Англія была поставлена логически въ отвратительное положеніе причины всѣхъ бѣдствій Ирландіи. Какова-же поэтому обязанность англійскаго министра? Произвести путемъ государственныхъ мѣръ тѣ измѣненія, которыя революція произвела-бы насильственно. Въ этомъ заключается ирландскій вопросъ въ его полномъ объемѣ“.

Въ другомъ случаѣ, по поводу тѣхъ-же ирландскихъ дѣлъ (именно по поводу небольшого увеличенія пособія, назначаемаго парламентомъ издавна мѣйнотской католической коллегіи), Дизраэли нападалъ на прежнее участіе Пилы въ эмансипаціи католиковъ, говоря, что съ тѣхъ поръ парламентъ пересталъ состоять изъ лицъ, исключительно связанныхъ съ господствующею церковью, слѣдовательно, пересталъ быть „свѣтскимъ соборомъ“ епископальной церкви. „Я твердо вѣрю въ прочность нашей церкви, говорилъ онъ,—но думаю, что истинный источникъ опасности, ей угрожающей, заключается въ ея связи съ государствомъ, ставящей ее подъ наблюденіе палаты общинъ, которая не принадлежитъ непременно къ ея исповѣданію... Я отвергаю, что англійская церковь есть созданіе государства. Союзъ между ними былъ образованъ и поддержанъ, какъ союзъ между равными, и если-бы сдѣлана была, какъ, повидимому, имѣютъ въ виду сдѣлать это,—попытка поставить церковныя дѣла подъ руководство министровъ и подчинить ихъ такому-же контролю, какой существуетъ въ Пруссіи надъ религіозными учрежденіями, то народъ этой страны никогда не потерпитъ подобной системы; я объявляю это высокопочтенному джентльмену“.

Въ этой рѣчи Дизраэли съ особеннымъ искусствомъ выставилъ на видъ обычные риторическіе приемы Пилля: и его исчерпываніе всѣхъ путей рѣшенія вопроса для предварительнаго ослабленія возможныхъ возраженій, и его многочисленныя ссылки на прецеденты, доказывающія, что онъ не предлагаетъ ничего особенно новаго. Ловко воспользовался ораторъ тѣмъ, что Пилль сослался на одного изъ ничтожнѣйшихъ министровъ старой ничтожной группы министерства тори, на Персиваля.

„Я знаю, говорилъ Дизраэли,—высокопочтенный джентльменъ, внося билль, сказалъ, что по этому предмету можно выбрать три пути. Я никогда не слыхалъ, чтобы высокопочтенный джентльменъ предлагалъ какую-либо мѣру, не сдѣлавъ того-же самаго заявленія... Въ нѣкоторомъ смыслѣ, и принимая въ соображеніе его личное положеніе, онъ правъ. Есть путь, который оставленъ высокопочтеннымъ джентльменомъ, есть путь, которымъ онъ идетъ, и есть, обыкновенно, путь, которымъ ему слѣдовало-бы идти... Высокопочтенный джентльменъ указываетъ намъ на прецеденты; у него всѣ крупныя мѣры всегда основываются на маленькихъ прецедентахъ. Онъ возводитъ паровую машину къ чайнику. Его прецеденты всегда — прецеденты вродѣ чайника. Въ настоящемъ случаѣ онъ ссылается на Персиваля... Какъ долженъ удивиться духъ Персиваля, если у него есть духъ, что на него ссылаются! Если-бы высокопочтенный джентльменъ для рѣшенія вопроса цитировалъ Питта, или Фокса, или Борка, то мы могли-бы почувствовать господствующее надъ нами влияніе великой тѣни. Но какой смыслъ имѣеть призывъ Персиваля для рѣшенія вопроса?“

Были и другіе, болѣе мелкіе вопросы, но тѣмъ не менѣе раздражавшіе Пилля и затрогивавшіе его за живое. Въ 1842 г. господствовалъ въ Англіи голодъ и неудовольствіе противъ министерства въ массахъ было значительно. На улицѣ былъ убитъ частный секретарь Пилля, и большинство, въ томъ числѣ и самъ Пилль, думало, что онъ былъ убитъ по ошибкѣ вмѣсто самого министра. Вскорѣ послѣ того Кобденъ въ парламентѣ, въ одной изъ своихъ рѣчей противъ хлѣбныхъ законовъ, объявилъ сэра Роберта Пилля „лично отвѣтственнымъ“ за состояніе страны. Нервный Пилль не выдержалъ; его холодная маска исчезла и онъ въ горячемъ отвѣтѣ почти прямо обвинилъ Кобдена въ вызовѣ на убійство. Послѣдовала очень непріятная для всѣхъ сцена. Кобденъ, со взглядами котораго Пилль впоследствии все болѣе и болѣе сближался, уступая мало-по-малу общественному мнѣнію, не придавалъ, конечно, черезъ три года этому взрыву перваго министра никакого значенія, но Дизраэли и по прошествіи трехъ лѣтъ счумѣлъ при случаѣ бросить въ глаза Пиллю его тогдашнее увлеченіе.

Гораздо серьезнѣйшій и въ самомъ дѣлѣ возмутительный поводъ къ нападкамъ на министерство представился Дизраэли вскорѣ послѣ этого событія. Лишенное всякихъ принциповъ въ своей политикѣ, оппортунистское министерство Пила, несмотря на высокія политическія способности премьера, не могло иногда не дѣлать возмутительныхъ вещей, какъ большею частію дѣлаетъ ихъ всякій, кто не выработалъ себѣ опредѣленныхъ руководящихъ принциповъ дѣятельности. Изъ желанія принести выгоды націи пріязненнымъ отношеніямъ къ правительству Меттерниха министерство распорядилось, чтобы письма Маццини, жившаго въ Англіи, были вскрываемы. Слѣдуетъ сейчасъ-же сказать, что это былъ вовсе не спеціальныи грѣхъ министерства тори: при министерствѣ Мельбурна происходили точно такія-же вещи. Но теперь результатъ былъ трагическій. Братья Бандіера заплатили жизнью за пріятельскую услугу сэра Джемса Грегэма, англійскаго министра внутреннихъ дѣлъ, Меттерниху. При всеобщемъ возбужденіи умовъ въ Англіи по этому поводу, стали говорить, что распечатываютъ не только письма иностранцевъ—для гордыхъ островитанъ это было-бы еще не столь отвратительно, когда оскорблялись права „визшихъ“ народностей — но и письма англичанъ. Донкомбъ заявилъ, что въ 1842 г., во время разгара перваго чартистскаго движенія, были распечатаны письма его, члена парламента. Дизраэли воспользовался этимъ возбужденіемъ для энергической рѣчи противъ министерства, нападая сначала на сэра Джемса Грегэма и потомъ на самого Пила, обвиняя ихъ въ позорномъ шпіонствѣ.

Гораздо больніе было для Пила не разъ повторяемое напоминаніе о его отступничествѣ отъ Каннинга въ то время, когда Каннингъ, составляя свое министерство послѣ самоубійства Кэстльри, рассчитывалъ на дружбу и поддержку Пила. Такъ, въ рѣчи 26 февраля 1845 г. Дизраэли, напирая на привычку Пила цитировать авторитеты, говорилъ такъ:

„Высокопоставленный джентльменъ знаетъ, какое значеніе имѣетъ великое имя, введенное въ пренія, какъ важенъ эффектъ, этимъ произведенный, и какъ онъ дѣйствуетъ иногда электрически. Онъ никогда не цитируетъ автора, который не великъ или котораго иногда не любятъ—Каннинга, напимѣрь. Этого имени, я увѣренъ, нельзя упомянуть въ палатѣ общинъ безъ волненія. Мы всѣ удивляемся генію Каннинга, всѣ — или, по крайней мѣрѣ, большинство—оплакиваемъ его раннюю кончину и сочувствуемъ ему въ трудной борьбѣ, которую онъ выдерживалъ противъ высокихъ предразсудковъ и противъ величественной посредственности, противъ искреннихъ враговъ и „простодушныхъ друзей“. Высокопоставленный джентльменъ можетъ быть увѣренъ, что цитата подоб-

наго авторитета всегда произведетъ свое дѣйствіе,—напримѣръ, нѣсколько словъ о дружбѣ, написанныхъ Каннингомъ и цитированныхъ высокопочтеннымъ джентльменомъ! Сюжетъ, авторъ, ораторъ,—какая это была-бы счастливая комбинація! Ея вліяніе въ преніяхъ было-бы поразительно, и я увѣренъ, что если-бы подобная цитата была обращена ко мнѣ, мнѣ не оставалось-бы ничего болѣе, какъ публично поблагодарить высокопочтеннаго джентльмена не только за его хорошую память, но и за его мужественную добросовѣстность“.

Но все это была лишь перестрѣлка передовыхъ отрядовъ. Существеннымъ пунктомъ нападенія былъ, какъ всегда, вопросъ экономическій. Интересы землевладѣльцевъ и фермеровъ, задѣтые уже ранѣе Пилемъ въ принятыхъ имъ въ 1842 г. мѣрахъ по тарифу на хлѣбъ (мѣрахъ, поддержанныхъ, какъ показано выше, Дизраэли, который еще надѣялся тогда пробить себѣ дорогу въ рядахъ приверженцевъ Пила), вооружались все болѣе и болѣе противъ министерства. Заявленія Пила въ пользу протекціонизма становились съ каждымъ годомъ менѣе рѣшительны. Сельскіе хозяева жаловались. При этихъ условіяхъ нѣкто Майльсъ (Miles) предложилъ 17 марта 1845 г., чтобы избытокъ бюджета былъ асигнованъ на пособіе сельско-хозяйственнымъ интересамъ, и это дало поводъ Дизраэли обвинить министерство прямо въ лицемѣріи.

Онъ напомнилъ палатѣ, что въ 1836 г. подобное-же предложеніе было сдѣлано маркизомъ Чэндосомъ (въ 1845 г. герцогомъ Бокингемомъ) при министерствѣ виговъ, что при этомъ все члены нынѣшняго министерства Пила подали голоса за предложеніе Чэндоса и что Пиль одинъ присоединился въ этомъ случаѣ къ вигамъ. Выразивъ иронически ожиданіе, что, во имя послѣдовательности, товарищи Пила и теперь подадутъ голосъ за предложеніе Майльса, Дизраэли продолжалъ о тогдашней дѣятельности Пила:

„Высокопочтенный баронетъ велъ себя во все это время самымъ прекраснымъ образомъ. Онъ не высказалъ неудовольствія противъ нескромныхъ усилій партіи, которая чуть-чуть не сдѣлала его министромъ; онъ не обратился къ партіи съ выговоромъ; онъ не утверждалъ, что партія взбунтовалась, хотя она подала голоса противъ своего предводителя. Высокопочтенный баронетъ остался послѣдователемъ и сохранилъ самыя лучшія отношенія къ своей партіи“.

Затѣмъ Дизраэли сталъ иронически упрекать сельскихъ хозяевъ за ихъ неудовольствіе противъ Пила. „Конечно, говорилъ онъ,—есть разница въ поведеніи высокопочтеннаго джентльмена, какъ предводителя оппозиціи и какъ министра королевы. Но это—



старая исторія: не надо очень напирать на противоположность между временемъ ухаживанія за женщиною и временемъ обладанія ею. Совершенно вѣрно, что поведение высокопочтеннаго джентльмена измѣнилось. Я помню его рѣчи въ смыслѣ протекціонизма. Это были лучшія рѣчи, которыя я когда-либо слышалъ. Хорошо было слушать, когда высокопочтенный джентльменъ говорилъ: „я скорѣе хочу быть руководителемъ джентльменовъ Англіи, чѣмъ пользоваться довѣріемъ государей“. Это было хорошо. Теперь мы мало слышимъ о „джентльменахъ Англіи“. Ну такъ что-же? Они имѣютъ удовольствіе воспоминаній, прелесть возвращенія къ минувшему. Они были его первою любовью, и если онъ теперь не преклоняетъ передъ ними колѣни, какъ въ часы страсти, то они могутъ вызывать мечтою прошлое; ничто не можетъ быть менѣе полезно и менѣе умно, какъ сцены обвиненій и упрековъ, такъ какъ мы знаемъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, когда предметъ любви пересталъ прельщать, совершенно напрасно взывать къ чувствамъ. Вы знаете, что это правда, и мы всѣ прошли чрезъ это. Мои почтенные друзья упрекаютъ высокопочтеннаго джентльмена. Высокопочтенный джентльменъ дѣлаетъ, что можетъ, чтобы усмирить ихъ: онъ то прибѣгаетъ къ высокомѣрному молчанію, то обращается къ нимъ съ величественною холодною, и если-бы они сколько-нибудь понимали человѣческую натуру, они догадались-бы и замолчали. Но они не молчатъ... И таково положеніе великихъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ,—этой красавицы, за которой всѣ ухаживали и которую одинъ человѣкъ обманулъ. Подобная красота имѣетъ роковую силу, и, повидимому, мы приближаемся къ катастрофѣ въ ея существованіи. Протекціонизмъ, какъ намъ кажется, находится въ такомъ-же положеніи, какъ протестантизмъ въ 1828 г. (наканунѣ эмансипаціи католиковъ). Что касается меня, если мы должны имѣть свободу торговли, я, уважая геніальность, предпочелъ-бы, чтобы подобныя мѣры были предложены почтеннымъ членомъ изъ Стокпорта (Кобденомъ), чѣмъ человѣкомъ, который, при помощи искусныхъ парламентскихъ маневровъ, обманулъ довѣріе великаго народа и великой партіи. Я лично, продолжалъ ораторъ,—не забочусь о результатахъ. Распустите, если вы этого хотите, парламентъ, которому вы измѣнили, и обратитесь къ народу, который, я думаю, не довѣряетъ вамъ. Я имѣю, по крайней мѣрѣ, случай выразить публично мое убѣжденіе, что консервативное правительство есть организованное лицемеріе“.

И позже, въ томъ-же году, въ своей рѣчи о Мэйнотской коллегіи для католиковъ Дизраэли говорилъ о Пилѣ, какъ о „человѣкѣ, который обманываетъ одну партію и обираетъ другую, пока

онъ добудеть себѣ положеніе, имъ вовсе незаслуженное, и тогда онъ восклицаетъ: „теперь не должно быть болѣе вопросовъ партіи, но прочное обладаніе“. Дизраэли кончилъ эту рѣчь слѣдующимъ обращеніемъ къ политической нравственности страны:

„Да будетъ эта палата отголоскомъ того, что я считаю самодержавнымъ мнѣніемъ страны; скажемъ высокопоставленнымъ особамъ, что хитрость не есть осторожность и что обычная лживость не составляетъ высшей государственной политики... Внесемъ въ палату то, чего она была лишена столь долгое время,—законное вліяніе и здоровое противодѣйствіе конституціонной оппозиціи. Этого именно требуетъ страна, этого ждетъ она. Сдѣлаемъ это сразу, единственнымъ путемъ, которымъ это можетъ быть сдѣлано,—низвергнемъ эту династію обмана, положивъ конецъ нестерпимому ярму официальнаго деспотизма и парламентской лжи“.

Да, реальный Вивіанъ Грей, для котораго человечество было „крупной дичью“, былъ поставленъ обстоятельствами въ выгодное положеніе защитника политической нравственности и во имя этого принципа могъ если не набросить покровъ на свое собственное прошлое, то доказывать всему свѣту, что самые хваленые государственные люди его времени были въ сущности такими-же безцеремонными ренегатами политическихъ программъ, такими-же образцовыми продуктами политики XIX-го вѣка, какъ и онъ самъ. Но его ожидалъ въ ближайшемъ будущемъ еще болѣе удобный случай для разыгрыванія роли рыцаря политической нравственности: 1846 годъ долженъ былъ принести комбинацію обстоятельствъ, которая одновременно дала нѣсколько важныхъ результатовъ: она сломила могущество диктатора Великобританіи, въ то-же время какъ она облекла его однимъ изъ самыхъ блестящихъ историческихъ ореоловъ, и она-же поставила Дизраэли во главѣ партіи, которая не представляла ему не только болѣе сильнаго руководителя, но и никакого достойнаго соперника.

Я говорилъ выше о томъ, какъ, во имя экономическихъ интересовъ, сельскіе хозяева и крупные землевладѣльцы все болѣе вооружались противъ Пилъ и какъ Дизраэли пользовался этимъ растущимъ раздраженіемъ въ своихъ нападкахъ на министерство. Въ этомъ случаѣ Пилъ уступалъ шагъ за шагомъ давленію общественнаго мнѣнія, которое было систематически взволновано продолженіемъ нѣсколькихъ лѣтъ пропагандою особой организаціи, именно лиги противъ хлѣбныхъ законовъ (Anti-Corn-Law-League). Успѣхи ея въ короткое время ея существованія были едва вѣроятны и показываютъ, какъ много могутъ сдѣлать нѣсколько энергическихъ и талантливыхъ личностей, которыя въ надлежащую

историческую минуту угадываютъ надлежащій девизъ эпохи и во имя этого девиза начинаютъ агитацію.

Въ 1845 году лига существовала всего семь лѣтъ. Основаніе было положено ей 18 сентября 1838 года, въ Манчестерѣ, на обѣдѣ сэра Боуринга, и къ ней приступило тогда нѣсколько десятковъ личностей. Въ началѣ 1839 года она имѣла уже отрасли не только въ Манчестерѣ, но и въ Лондонѣ, Бирмингэмѣ, Лидсѣ, Ливерпулѣ, Глазгоу. Депутаты всѣхъ этихъ вѣтвей собрались 4 февраля 1839 года въ Лондонѣ и черезъ нѣсколько дней членъ парламента Вильерсъ (Villiers) представилъ уже въ палату общинъ требованіе, которое повторялъ систематически до 1846 г.— о назначеніи парламентомъ комисиіи для изслѣдованія дѣйствія хлѣбныхъ законовъ. Рядомъ съ парламентомъ, который, конечно, едва обратилъ вниманіе на предложеніе происходили публичныя пренія въ отелѣ, гдѣ собирались сторонники лиги, и тутъ впервые сдѣлалось извѣстнымъ Европѣ имя Ричарда Кобдена. Онъ говорилъ о неизбѣжности побѣды „ганзеатическаго союза городовъ“ и представителей трехъ миліоновъ избирателей, когда лига начинала борьбу противъ „феодалныхъ хищниковъ, охранителей высокихъ цѣнъ на хлѣбъ“. Съ тѣхъ поръ онъ, Джонъ Брайтъ и Фоксъ сдѣлались неутомимыми проповѣдниками отмены хлѣбныхъ законовъ, прямо и рѣшительно выставляя принципъ: „мы не хотимъ болѣе пошлинь (на хлѣбъ), мы хотимъ ихъ полной, немедленной, безусловной отмены“. Въ 1842 г. лига уже отправила депутацію къ Пиллю, только-что низвергнутому виговъ. Во всѣхъ городахъ раздавались голоса проповѣдниковъ лиги. Газеты сообщали отчеты о засѣданіяхъ главнаго лондонскаго собранія ея членовъ съ такимъ-же вниманіемъ, какъ о преніяхъ въ парламентѣ. Впродолженіи 1842 г. лига израсходовала 100,000 фунтовъ на пропаганду; въ поддержку ея миссиіи было произнесено 2,000 рѣчей, распространено 5,000,000 экземпляровъ брошюръ. Новый законъ 1842 г., о которомъ сказано было выше, давалъ надежду еще успѣшнѣе дѣйствовать въ городахъ. Кобденъ и Брайтъ направили свои силы на сельскихъ фермеровъ. Въ то-же время къ лигѣ приступили, подъ вліяніемъ увлеченія времени, нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ: лордъ Рэдворъ, графы Доси (Ducie) и Спенсеръ, герцогъ Бедфордъ. Въ 1843 г. палата общинъ должна была уже посвятить два раза по 5 дней преній вопросу, къ которому такъ презрительно отнесся парламентъ за четыре года до того. Въ 1845 г. лига была уже громадною силою, съ которою приходилось считаться всѣмъ партіямъ, и, нападая постоянно на Пилля за его полумѣры, Кобденъ и Брайтъ сознавали въ немъ своего союзника.

Они обращались къ публикѣ со сцены самыхъ большихъ театровъ Лондона—со сцены Ковент-Гардена и Дрюри-Лэна, нанятыхъ для этого лигою. Пользуясь своими большими денежными средствами, она создавала даже новый классъ избирателей, сдѣлавшись торговымъ агентомъ для покупки небольшихъ домовъ, доставлявшихъ владѣльцамъ право голоса. Надежды на скорую побѣду, высказанныя Кобденомъ еще въ 1839 г. и повторенныя имъ еще съ большею увѣренностью въ 1842 г. въ парламентѣ, гдѣ онъ теперь засѣдалъ за Стопорть, становились, очевидно, близкими къ осуществленію, когда онъ 13-го марта 1845 г. обращался къ англійскому дворянству съ своею знаменитою рѣчью, гдѣ признавалъ за нимъ въ прошедшемъ мужество и политическій умъ, но напоминалъ ему, что времена измѣнились: „Настало новое время, говорилъ онъ,— время соціальнаго прогресса, а не войны и феодальныхъ забавъ. Вы живете въ промышленномъ вѣкѣ, который бросаетъ вамъ въ руки богатства цѣлаго міра. Нельзя одновременно охранять и выгоды отъ торговли, и феодальныя привилегіи. Но вы все-таки можете остаться тѣмъ, чѣмъ были, если будете за одно съ духомъ времени. Англійскій народъ смотритъ на джентри и на дворянство, какъ на своихъ предводителей. Я не принадлежу къ нимъ, но просто заявляю, что въ ихъ пользу существуетъ въ странѣ крѣпко-укоренившійся, наслѣдственный предразсудокъ. Но вы его завоевали и удержите его за собою не противодѣйствіемъ духу времени. Если вы останетесь равнодушны ко благу сельскаго населенія, если вы будете упираться противъ развитія торговли, связывающаго народъ въ мирномъ обмѣнѣ, если вы будете бороться съ открытіями, которыя какъ-бы придаютъ дыханіе и жизнь вещественной природѣ, если вы будете становиться препятствіемъ всему, чему Провидѣніе предназначило идти впередъ,—тогда вы перестанете быть англійскимъ джентри и найдутся другіе, которые займутъ ваше мѣсто“.

Но между тѣмъ, какъ росло раздраженіе защитниковъ хлѣбныхъ законовъ и самоувѣренность ихъ противниковъ, Пиль, дѣлая по-немногу уступки послѣднимъ, все отстаивалъ энергически ту постепенность въ уступкахъ, которую онъ считалъ необходимою, и большинство въ покорномъ парламентѣ все снова и снова было за него. Предложенія Кобдена и Вильерса точно такъ-же не имѣли успѣха, какъ, съ другой стороны, предложеніе Майльса, о которомъ сказано выше. Примирительное предложеніе Джона Росселя, предводителя виговъ, было также отвергнуто, и 9 августа 1845 г. сессія кончилась при самыхъ благопріятныхъ для министерства об- стоятельствахъ, безъ необходимости для Пила измѣнить въ томъ

или другомъ отношеніи осторожный путь послѣдовательныхъ уступокъ, имъ принятый.

Но расчеты всемогущаго диктатора были уничтожены тѣми безсознательными процессами природы, которые принято называть „высшею силою“: именно такъ и озаглавливаетъ Паули главу своей новой исторіи Англіи, охватывающую послѣдніе мѣсяцы 1845 г. и первые 1846 г.

За 4 дня до закрытія сессіи Вилерсъ высказалъ сомнѣніе объ урожаѣ 1845 г. Черезъ 2 дня послѣ этого закрытія министерство получило извѣстіе о симптомахъ болѣзни, поразившей картофель, и скоро не могло уже быть сомнѣнія въ томъ, что дожди уничтожили урожай, а картофель, составлявшій основаніе питанія большинства ирландскаго населенія, почти весь пораженъ болѣзнью, какъ предсказывалъ Уильямъ Коббетъ еще въ 1834 году. Великобританію и Ирландію постигло страшное бѣдствіе. Цѣны на хлѣбъ поднялись съ 45 шил. 9 пенса до 60 шиллинговъ. Весь октябрь прошелъ въ перепискѣ между Грегэмомъ, Пилемъ, Велингтономъ о необходимости принять самыя энергическія мѣры. И когда министерство собралось 31 октября, Пиль рѣшился: хлѣбные законы должно бросить за бортъ, на зло традиціи партіи, на зло всѣмъ прежнимъ рѣчамъ самого Пила; съ другой стороны, Стэнли, недавно оставившій ряды виговъ, сталъ въ оппозицію, рассчитывая скоро быть премьеромъ министерства чистыхъ тори. Лига противъ хлѣбныхъ законовъ подняла цѣлую бурю. Она открыла подписку въ 250,000 фунтовъ для цѣлей пропаганды. Кобденъ гремѣлъ въ Манчестерѣ 28 октября противъ выжидательнаго министерства, требуя немедленнаго открытія портовъ для иностраннаго хлѣба. „Смотрите на Россію, на Турцію, на Германію, на Голандію, на Бельгію, говорилъ онъ. — Эти правительства не выжидали, но какъ только ихъ народамъ угрожалъ недостатокъ хлѣба, отворили всѣ двери, а въ иныхъ случаяхъ, желая сохранить своимъ подданнымъ необходимыя къ жизни средства, ограничили вывозъ. Отчего у насъ не дѣлается того-же? Зачѣмъ ждутъ, чтобы научиться христіанской любви у турокъ, челоуколюбію у русскихъ? Неужели наше правительство менѣе милосердо, чѣмъ мусульманскій султанъ? Неужели наша прославленная конституціонная власть менѣе челоуколюбива, чѣмъ власть всероссійскаго самодержца? Или нашъ первый министръ, занимающій въ этой странѣ отвѣтственную должность султана, опасается сдѣлать естественный и надлежащій шагъ, думая, что его не поддержать? Если таковы его сомнѣнія, то мы здѣсь собраны, чтобы оказать ему все содѣйствіе, которымъ располагаемъ... Но у него достаточно силы. Ни одинъ челоукъ въ мірѣ, ни падишахъ, ни царь, не имѣютъ болѣе власти, какъ сэръ

Робертъ Пиль въ этой странѣ... а вмѣстѣ съ этою властью онъ обязанъ взять на себя и связанную съ нею отвѣтственность“. „Times“ перешелъ на сторону лиги. Ловкій предводитель виговъ, Джонъ Россель, еще недавно стоявшій на почвѣ умѣренного покровительства сельскимъ хозяевамъ, сталъ рѣшительно въ ряды могущественной лиги, обнародовавъ 22 ноября свое письмо къ избирателямъ лондонскаго Сити. Виги вступали въ явный союзъ съ противниками хлѣбныхъ законовъ. Министерству оставалось или подать въ отставку, или самому стать во главѣ измѣненія, въ неизбежности котораго Пиль былъ убѣжденъ.

Съ 25 ноября по 5 декабря министры собирались ежедневно. „Times“ 4 декабря заявилъ, что правительство рѣшило отмѣнить хлѣбные законы и созываетъ для этого парламентъ въ началѣ января. На другой день въ „Standard“ появилось возраженіе подъ заглавіемъ: „Возмутительная ложь „Times““. Но „Times“ 6 декабря снова напечаталъ: „мы поддерживаемъ наше первое извѣстіе, что парламентъ будетъ открытъ въ началѣ января и что отмѣна хлѣбныхъ законовъ будетъ предложена въ одной палатѣ сэромъ Р. Пилемъ, въ другой—герцогомъ Велинктономъ“. Разнообразные слухи волновали Лондонъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, пока 11 ноября стало извѣстно, что министерство подало въ отставку и лордъ Джонъ Россель призванъ къ королевѣ.

Когда Стэнли (будущій Дерби) и герцогъ Боклю объявили свое несогласіе поддерживать Пиля въ его рѣшительной мѣрѣ, министерство подало въ отставку, уже 5 декабря, но Россель былъ въ Шотландіи. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней онъ пробовалъ составить министерство, но скоро убѣдился въ невозможности этого. Лига заявила устами Кобдена въ Ковент-Гарденѣ, что она рѣшилась имѣть „реформу (хлѣбныхъ законовъ), хотя-бы безъ министерства, но никакого министерства безъ реформы“. 20 декабря Пиль вступилъ снова въ управленіе, поддерживаемый Велинктономъ, Грегэмомъ и приобрѣтя снова Гладстона, который, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, оставилъ министерство изъ-за разногласія по закону о Мейнутской комисіи для католиковъ; возвратившееся къ дѣламъ министерство было облечено такимъ полномочіемъ, какъ только позволяли законы Англіи.

Наканунѣ открытія парламента, 21 января 1846 г., появился новый органъ англійскаго либерализма, приобрѣтшій въ послѣдствіи такое громадное значеніе, именно „Daily News“. Въ рѣчи королевы, 22 января, заключалось явное указаніе на измѣненіе системы налоговъ. Немедленно началась битва и Пиль выступилъ рѣшительно, какъ „министръ страны“, отвергающій всѣ узы партій.

„Повѣрьте, говорилъ онъ, — управленіе этою страной — трудная дѣло“, № 12. 1877 г.

обязанность... Не легко вести къ согласной дѣятельности старинную монархію, гордую аристократію и обновленное представительство. Я сдѣлалъ все, что могъ и что считалъ согласнымъ съ консервативною политикою, чтобы примирить эти три отрасли государственнаго управленія... Таковы были мои цѣли, когда я вступилъ въ должность. Эта тяжесть слишкомъ большая для моихъ физическихъ силъ и далеко превосходящая мои силы умственные; величайшимъ благодѣніемъ для меня было-бы избавиться отъ нея съ честью. Но такъ-какъ сильное чувство чести и обязанности требуетъ исполненія этихъ отвѣтственныхъ функций, то я объявляю, что я готовъ на это испытаніе, готовъ нести эту тяжесть и встрѣтить лицомъ къ лицу эти опасности. Но я не хочу дѣлать этого шага съ искалѣченною властью и со стѣсненнымъ вліяніемъ... Я не желаю быть англійскимъ министромъ, но пока я имѣю высокую честь исполнять эту должность, я рѣшился не исполнять ея ни при какихъ рабскихъ условіяхъ. Я не хочу при ней никакихъ другихъ обязательствъ, кромѣ обязательства подавать совѣты для общаго блага и заботиться о общественной безопасности“.

Что значительная часть тори не пойдетъ за Пилемъ при его рѣшительномъ переходѣ къ началамъ свободной торговли, было совершенно очевидно, но что имъ было дѣлать? Кого выбрать въ предводители? Для Стэнли, вчерашняго члена министерства, было неудобно стать во главѣ той рѣзкой оппозиціи, которая кипѣла въ душахъ раздраженныхъ землевладѣльцевъ, да и не вѣрили достаточно вчерашнему союзнику Росселя. Герцоги Ричмондъ и Бокингемъ, которые разомъ бросились на „измѣнника“ партіи, были крупныя ничтожества. „Его свѣтлость, герцогъ Ричмондъ, пишетъ биографъ Дизраэли,—былъ, повидимому, однимъ изъ самыхъ наглыхъ и глупыхъ людей, даже изъ носившихъ его фамилію и принадлежавшихъ къ его классу“. Пришлось выдвинуть впередъ „конюшенный умъ“ (stable mind) лорда Джоржа Бентинка, изъ герцогскаго дома Портлендовъ,—Бентинка, который многіе годы уже сидѣлъ въ парламентѣ, не произнося ни слова, и весь запасъ своихъ умственныхъ способностей употреблялъ на заботу о скачкахъ и объ охотѣ; впрочемъ, это былъ человекъ честный, прямой и энергическій, который могъ быть очень удобнымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе ловкаго политическаго интригана, неимѣющаго еще возможности явно стать на первое мѣсто. Этой-то душою новой партіи тори, организованной *противъ* Пила, сдѣлался, конечно, Бенжамень Дизраэли, и должно сознаться, что онъ въ этой борьбѣ интригъ противъ министра, поддерживаемаго мнѣніемъ страны, но вышедшаго изъ всѣхъ партій, выказалъ немалое искусство. Дѣло было въ томъ, какъ я уже сказалъ выше, что, дѣйствуя противъ Пила, то-

рійская оппозиція явно дѣйствовала въ пользу виговъ, и, слѣдовательно, ослабляла себя, какъ партію; но для Бенжамена Дизраэли было совершенно все равно, побѣдитъ-ли въ данномъ случаѣ партія, къ которой онъ присталъ; ему существенно было лишь то, что въ этой толпѣ неспособностей онъ становился необходимымъ членомъ, руководящею силою, и какая-бы партія ни торжествовала, онъ, во всякомъ случаѣ, завоюетъ себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ политическомъ мирѣ Англiи.

Виродженіи полугода Дизраэли организовалъ систему нестерпимыхъ и самыхъ оскорбительныхъ нападеній на личность сэра Роберта Пила, — систему, которую современные журналы (The League) называли системою „политическаго живоусъченія“. „Тяжело видѣть и слышать, пишеть эта газета, — какъ собраніе христіанъ и джентльменовъ усердно наслаждается процесомъ сдиранія кожи съ живой лягушки“. Дизраэли далъ тонъ всей борьбѣ уже первою рѣчью, которую онъ произнесъ немедленно послѣ лорда Джона Росселя, когда послѣдній, по окончаніи рѣчи Пила 22 января, изложилъ парламенту свои напрасныя попытки организовать министерство. „Когда благородный лордъ кончилъ, писалъ впоследствии Дизраэли въ биографіи Бентинка, — палата, рѣдко возбужденная впродолженія засѣданія, была смирна и уныла. Вообще согласились, что великій вопросъ не долженъ быть поднятъ въ этомъ случаѣ... Повидимому, занавѣсъ долженъ былъ опуститься при условіяхъ, благопріятныхъ для правительства. При его положеніи остаться спокойнымъ въ первый вечеръ сессіи было, сравнительно, торжествомъ. Хотя элементы оппозиціи были значительны, но если они были такъ недѣятельны и безнадежны, это могло повліять на страну. Замѣтивъ это, одинъ членъ, хотя и сидѣвшій на скамьяхъ тори, но высказывавшій уже впродолженіи двухъ сессій оппозицію министерству, рѣшился встать и напасть на министра“.

Само собою разумѣется, что этотъ членъ былъ Дизраэли, и онъ разомъ сталъ въ оппозицію защитника политической нравственности и высшихъ принциповъ правды и послѣдовательности.

„Я воздержался-бы, говорилъ онъ, — отъ необходимости навязать мою рѣчь палатѣ въ настоящую минуту, если-бы высокопочтенный джентльменъ не употребилъ особеннаго тона въ своей рѣчи. Я думаю, что этотъ тонъ не долженъ пройти незамѣченнымъ... Я, можетъ быть, членъ павшей партіи... Я остаюсь вѣренъ мнѣніямъ, которыя я высказывалъ въ этой палатѣ въ пользу протекціонизма. Во имя этихъ мнѣній я былъ выбранъ въ эту палату, и если-бы я измѣнилъ этимъ мнѣніямъ, я отказался-бы и отъ моего мѣста... Высокопочтенный джентльменъ, говорилъ онъ далѣе о Пилѣ, — сказалъ, что онъ пришелъ къ своему заключенію не столько въслѣдствіе си-



лы аргументовъ (противниковъ хлѣбныхъ законовъ), сколько вслѣдствіе могущества наблюдаемыхъ фактовъ. Но, конечно, наблюденіе, сдѣланное высокопочтеннымъ джентльменомъ, могло имѣть мѣсто, когда онъ занималъ постъ не менѣе значительный нынѣшняго и пользовался властью не менѣе обширной, чѣмъ та, которою онъ пользуется въ этой палатѣ. Я желалъ-бы знать, почему высокопочтенный джентльменъ, который, конечно, достигъ мѣтъ полной зрѣлости, не дошелъ до своихъ мнѣній... въ то время, когда его теперешнее управленіе составлялось? Далѣе Дизраэли находитъ, что во всей исторіи есть лишь одно аналогическое явленіе нынѣшней дѣятельности Пилы,—это поступокъ адмирала турецкаго флота, который отвелъ этотъ флотъ прямо въ непріятельскій портъ. „И турецкій адмиралъ, по этому случаю, подвергся очень многимъ напраснымъ нападкамъ. Его также называли измѣнникомъ и онъ также оправдывался. „Правда, говорилъ онъ,—я сталъ во главѣ этой воинственной армады; правда, что мой государь обнималъ меня; правда, что всѣ муфтіи имперіи молились о моемъ успѣхѣ; но я былъ противъ войны. Я находилъ, что напрасно продолжать борьбу, и я принялъ начальство надъ флотомъ съ единственною цѣлью окончить войну, измѣнивъ моему государю...“ Я повторю, это прекрасно, что высокопочтенный джентльменъ подходитъ къ этому столу и говорить: я думаю о потомствѣ, хотя, конечно, я *думаю* на этой сторонѣ стола противное тому, что я *говорилъ* на противоположной сторонѣ. Но мои чувства возвышенны, мои цѣли—цѣли героя, и, зывая къ потомству, я не забочусь ни о вашихъ похвалахъ, ни о вашемъ порицаніи“.

Затѣмъ слѣдовалъ величественный идеалъ настоящаго государственнаго человѣка:

„По моему понятію, великій государственный человѣкъ представляетъ великую идею,—идею, которая, можетъ быть, доставить ему власть; идею, съ которою онъ, можетъ быть, отождествить свое существованіе; идею, которую онъ, можетъ быть, разовѣсть; идею, которую онъ, можетъ быть, будетъ въ состояніи запечатлѣть въ мысли и въ сознаніи націи. Такъ понимаю я свойства, дѣлающія человѣка великимъ государственнымъ дѣятелемъ. Мнѣ все равно, кто онъ—фабрикантъ или сынъ фабриканта. Его положеніе величественно; это—положеніе героя. Но для меня не имѣетъ значенія положеніе человѣка, который никогда не можетъ дать начало идеѣ; положеніе наблюдателя за состояніемъ атмосферы; положеніе человѣка, который, по собственному сознанію, слѣдитъ за погодой и когда находитъ, что вѣтеръ принялъ опредѣленное направленіе, измѣняетъ сообразно тому свой путь. Такая личность, можетъ быть, сдѣлается могущественнымъ министромъ, но она столь-же далека

отъ великаго государственнаго человѣка, какъ тотъ, кто садится на запятки экипажа, далекъ отъ права на названіе искуснаго возницы“.

Къ концу своей рѣчи Дизраэли выступалъ все съ большимъ и съ большимъ пафосомъ, какъ рыцарь политической нравственности. „Если конституція, которая управляетъ Англіею, говорилъ онъ,— есть конституція, вслѣдствіе которой люди предлагаютъ то, съ чѣмъ они несогласны, то чѣмъ скорѣе мы избавимся отъ этой конституціи, тѣмъ лучше... Число людей, слава которыхъ достигаетъ до потомства, не особенно превосходитъ число планетъ. Но одно очевидно: между тѣмъ, какъ мы взываемъ къ потомству, между тѣмъ, какъ мы допускаемъ начала распущенной торговли, мы подвергаемся крайней опасности допустить начала распущенной политики. Пусть люди остаются вѣрны принципамъ, которые выдвинули ихъ, будутъ-ли эти принципы вѣрны или ошибочны. Я не допускаю исключеній. Если кто ошибается, пусть онъ отойдетъ въ ту тѣнь частной жизни, которою намъ такъ часто грозили наши руководители... Поэтому, когда вы видите, что высокопоставленный человѣкъ измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ, не привѣтствуйте его, не награждайте съ такою готовностью политическое отступничество. Прежде всего поддерживайте черту раздѣленія партій, потому что лишь поддерживая независимость партій, вы можете поддерживать честность общественныхъ дѣятелей, а вмѣстѣ съ тѣмъ могущество и вліяніе самаго парламента“.

Впослѣдствіи Дизраэли такъ судилъ о вліяніи этой своей рѣчи: „Въ большомъ собраніи умѣстность иногда доставляетъ болѣе успѣха, чѣмъ самыя большія усилія эрудиціи и разума... Не столько удары говорившаго, сколько долго сдерживаемая страсть палаты, которая нашла себѣ исходъ, превратила ледяное молчаніе собранія въ общее возбужденіе и волненіе“.

И въ продолженіи преній, длившихся до половины мая, Дизраэли имѣлъ нѣсколько случаевъ выступить рыцаремъ политической правдивости. Онъ говорилъ 20 февраля объ обязанностяхъ партій: „Мы слышимъ много комментаріевъ съ этихъ скамей о поведеніи партій, но мы соединяемъ съ этимъ словомъ идеи, весьма различныя отъ тѣхъ, которыя, повидимому, поддерживаетъ высокопочтенный джентльменъ. Мы понимаемъ подъ словомъ „партія“ лишь воплощеніе общественнаго мнѣнія. Мы протестуемъ противъ ученія высокопочтеннаго джентльмена, что есть разница между политической партіей и общественнымъ мнѣніемъ. Мы утверждаемъ, что въ партіи воплощается общественное мнѣніе, будетъ-ли то мнѣніе большинства или меньшинства, во всякомъ случаѣ партія представляетъ мнѣніе значи-

тельной доли общества“. Въ способѣ дѣйствія Пилъ Дизраэли находилъ „оскорбленіе общественнаго мнѣнія“ именно тѣмъ, что Пилъ „устранилъ законный путь рѣшенія вопроса при помощи партіи или воплощеннаго общественнаго мнѣнія“. Конституціоннымъ путемъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ онъ признавалъ лишь отмѣну ихъ вигами, если-бы тѣ получили большинство въ палатѣ.

Въ самомъ концѣ преній объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ Дизраэли еще разъ излилъ на министра всю жолчь своего негодованія.

„Болѣе года тому, говорилъ онъ,—я утверждалъ съ этого мѣста, что протекціонизмъ, какъ мнѣ кажется, находится почти въ такомъ-же положеніи, какъ протестантизмъ въ 1828 г. Я помню, что мои друзья были очень возмущены этимъ утверженіемъ, но съ тѣхъ поръ они имѣли любезность замѣтить, что это была не клевета, а пророчество. Однако, на основаніи личнаго опыта, я обязанъ высказать, что, съ незначительнымъ исключеніемъ, о которомъ я упомянулъ, высокопочтенный баронетъ можетъ поздравить себя съ полною удачею въ намѣреніи обмануть свою партію... Высокопочтеннаго джентльмена обвиняли въ предумышленной измѣнѣ, въ давно задуманномъ обманѣ, въ желаніи, недостойномъ великаго государственнаго человѣка, даже лишеннаго всякихъ принциповъ, въ томъ, что онъ всегда имѣлъ намѣреніе отбросить въ сторону мнѣнія, съ помощію которыхъ онъ достигъ власти. Я совершенно не допускаю въ высокопочтенномъ джентльменѣ какого-либо подобнаго намѣренія, и дѣлаю я это потому, что, если я разсматриваю карьеру министра, которая теперь заняла значительное мѣсто въ парламентской исторіи страны, то нахожу, что вотъ уже 30 или 40 лѣтъ... какъ высокопочтенный джентльменъ промышляетъ чужими идеями и чужимъ умомъ. Его жизнь была однимъ великимъ процесомъ присвоенія. Онъ—грабитель чужого ума. Просмотрите указатель Битсона отъ временъ Вильяма Завоевателя до окончанія послѣдняго царствованія—и вы не найдете ни одного государственнаго человѣка, который въ такихъ значительныхъ размѣрахъ занимался-бы мелкимъ политическимъ воровствомъ... Высокопочтенный джентльменъ говоритъ намъ, что онъ не чувствуетъ стыда. Невозможно одному человѣку знать чувства другого. Чувства зависятъ отъ темперамента; они зависятъ отъ идіосинеразіи личности; они зависятъ отъ организаціи чувствующаго животнаго. Но я могу сказать высокопочтенному джентльмену одно: если онъ не чувствуетъ стыда, то страна должна-бы чувствовать за него стыдъ. Какъ приятно для самосознанія великой націи, какъ почетно для гордости Англіи, когда личность, которой удалось достигъ положенія, обязывающаго ее быть передовымъ гражданиномъ Англіи, есть личность, о которой можно-бы сказать то, что говоритъ Свифтъ о

другомъ министрѣ, именно, что онъ имѣеть „несчастіе постоянно быть невѣрно понятымъ“. Даже теперь, въ этой послѣдней сценѣ драмы, когда партія, которой министръ не намѣренно измѣнилъ, будетъ не намѣренно уничтожена,—даже въ этой послѣдней сценѣ высокопоставленный джентльменъ, вѣрный закону своего существованія, предлагаетъ проектъ, который, какъ общеизвѣстно, я думаю, онъ не самъ придумалъ... Я на-столько довѣряю здравому смыслу или, вѣрнѣе, здравому духу нашихъ согражданъ, что, думаю, они не долго будутъ сносить эту рыночную тиранію министерства, этихъ политическихъ коробейниковъ, которые купили свою партію на самомъ дешевомъ рынкѣ и продали на самомъ дорогомъ“.

Сэръ Робертъ Пиль былъ такъ раздраженъ рѣчью Дизраэли, что онъ, который спокойно сносилъ нападки Брума и Каннинга, Стэнли и лорда Росселя, хотѣлъ было послать вызовъ Дизраэли. Можетъ быть, это слѣдуетъ приписать затаенному раздраженію, съ которымъ Пилю приходилось выдерживать нападки въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, можетъ быть, и возмущенію, которое испытываетъ всякій, видя, что нравственная гадина, человѣкъ, неимѣющій ни малѣйшаго слѣда политическаго убѣжденія, выступаетъ противъ васъ рыцаремъ нравственности, и особенно когда онъ дѣлаетъ это съ нѣкоторымъ видимымъ правомъ по вашей собственной винѣ. Въ парламентѣ Пиль отвѣтилъ только: „я предвидѣлъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе, что я долженъ лишиться друзей, которыхъ высоко цѣнилъ; что я долженъ разорвать политическія связи, которыми искренно гордился; но наименьшимъ изъ всѣхъ наказаній, мною ожидаемыхъ, были постоянныя ядовитыя нападенія представителя Шрюсбери“.

На-сколько былъ искрененъ Дизраэли, хотя-бы случайно, при своихъ рыцарскихъ выходкахъ за политическую нравственность, видно изъ сравненія ихъ съ его-же собственными словами, изъ которыхъ одни восходятъ къ 1835 г., другія произнесены имъ въ 1867 г., послѣ того, какъ онъ, Дизраэли, въ качествѣ перваго министра, провелъ новый билль реформы.

Въ 1835 г. въ своей „Защитѣ англійской конституціи“, обращаясь къ лорду Линдгэрсту, Дизраэли писалъ о министерствѣ Пилля при довольно сходныхъ обстоятельствахъ:

„Если, для поддержанія моего аргумента, я сошлюсь на мѣры, принятія сэромъ Робертомъ Пилемъ и министерствомъ, въ которомъ вы были хранителемъ большой печати Англій, въ доказательство, что тори не враждебны мѣрамъ общественнаго улучшенія, то мнѣ, можетъ быть, возразятъ знаменитой дилемой или неискренности, или ренегатства,—дилемой, которую, во время по-

слѣднихъ выборовъ, высказывали виги на избирательныхъ собраніяхъ съ видомъ неотразимаго торжества,—видомъ, который былъ-бы менѣе забавенъ, если-бы имѣлъ лучшее основаніе. Я соглашусь, что сэръ Робертъ Пиль и его товарищи первоначально противодѣйствовали мѣрамъ, которыя были имъ тогда предложены. Но въ этотъ промежутокъ времени третье сословіе государства получило новое устройство и преобладающее значеніе перешло къ небольшому классу, который не сталъ-бы поддерживать министерства, перѣшающагося провести подобную мѣру. Если тори допустили-бы, что имъ невозможно предложить принятія подобной мѣры, они въ то-же время допустили-бы, что они никогда уже не могутъ достигнуть власти; они уступили-бы вигамъ монополію власти подъ ложнымъ названіемъ монополіи мѣръ для реформы, и олигархія, противъ которой они такъ долго боролись, была-бы установлена. Неужели такъ должны были поступить сэръ Робертъ Пиль и его товарищи?\*

Точно также, защищая въ 1867 г. свою собственную дѣятельность по введенію права голоса для всѣхъ домовладѣльцевъ, Дизраэли говорилъ:

„Я нахожу, что нѣтъ ничего безсодержательнѣе недавно высказаннаго мнѣнія, что мы вторглись въ область, войти въ которую мы не имѣемъ права; что наши политическіе противники пріобрѣли исключительное право на этотъ вопросъ о народномъ представительствѣ; что они уже 70 лѣтъ борются за то, чтобы дать англійскому народу право голоса для всѣхъ домовладѣльцевъ; что мы выступили въ послѣднее мгновеніе безъ всякаго основанія и присвоиваемъ себѣ славу результата, намъ непринадлежащую. Я могу только сказать, что, насколько меня касается, съ того времени, когда, по просьбѣ моихъ друзей, я сталъ руководить общественными дѣлами, я никогда не упускалъ ни одного случая, какъ только этотъ вопросъ былъ поднятъ, требовать для тори права рѣшать его, полагая, что исторически мы имѣемъ такое-же и даже лучшее право, чѣмъ наши противники, но что совершенно независимо отъ этихъ соображеній, мы пришли-бы въ фатальное положеніе, допустивъ, что одна изъ великихъ конституціонныхъ партій Англій во главѣ своей программы ставить тезисъ, что, по самому важному и интересному общественному вопросу, на эту партію должно смотрѣть, какъ на устраненную отъ всякаго вмѣшательства“.

Впрочемъ, читателю предъидущихъ страницъ, я думаю, нечего доказывать, что всѣ рыцарскія выходки Дизраэли никогда и не могли имѣть источникомъ какое-либо убѣжденіе.

Какъ-бы то ни было, побѣда осталась на сторонѣ Пилля. Въ 4 часа утра 16 мая допущено было большинствомъ 327 голосовъ

противъ 229 третье чтеніе билля, отмѣнявшаго черезъ три года пошлины на хлѣбъ, при постепенномъ пониженіи этихъ пошлинъ въ продолженіи этихъ трехъ лѣтъ. Предложенія консерваторовъ отвергнуть эту мѣру точно также не прошли, какъ и предложеніе фритрадеровъ немедленно отмѣнить всякую пошлину. Въ палатѣ лордовъ, куда билль перешелъ 18 марта, пренія затянулись до 25 іюня. Тамъ 77-лѣтній Велингтонъ сказалъ лордамъ 28 мая, между прочимъ, слѣдующее: „Эта мѣра объявлена въ тронной рѣчи и принята значительнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ... Если мы отвергнемъ рѣшеніе двухъ другихъ отраслей управленія, то палата лордовъ будетъ одинока. Въ такое положеніе вы не можете и не должны себя ставить, потому что это сдѣлало-бы васъ бессильными. Вы имѣете большое вліяніе на общественное мнѣніе (?); но отдѣлившись отъ короны и отъ нижней палаты, вы не можете ничего сдѣлать“. Со времени билля о реформѣ 1832 г. палата лордовъ, бывшая когда-то руководительницею англійской политики, на-столько потеряла вліяніе, что въ настоящую минуту она не могла уже думать о сопротивленіи. Большинствомъ 47 голосовъ она допустила второе чтеніе билля и 25 іюня „два сонные masters in chancery пробормотали въ палатѣ общинъ, что лорды приняли билль о хлѣбныхъ законахъ и пошлинахъ“, какъ писалъ Пилъ 4 іюля въ Калькутту сэру Генри Гэрдинджу. На другой день королева утвердила законъ и экономическая опора партіи землевладѣльцевъ перестала существовать въ Англии. Самый смыслъ партіи тори исчезъ. Буржуазія безразличнаго промышленнаго капитала одержала свою послѣднюю, самую блестящую побѣду.

Побѣда принадлежала Пилу, но ядовитыя нападки и искусная агитація Дизраэли не могли не принести своихъ плодовъ. Оскорбленные интересы землевладѣльцевъ-спекуляторовъ и самолюбивыхъ приверженцевъ старыхъ девизовъ не могли не искать перваго случая для мести. „Желаніе мести, пишетъ Дизраэли въ біографіи Бентинка,—замѣнило въ душѣ большинства надежду отстоять свое дѣло. Битва была проиграна, но, во всякомъ случаѣ, воздаяніе должно было настигнуть измѣнниковъ“. Случай представился очень скоро и, по одной изъ тѣхъ ироній судьбы, примѣры которыхъ не особенно рѣдки въ исторіи, въ тотъ самый день, когда „сонные“ чиновники пришли извѣстить Пила въ палатѣ общинъ о его побѣдѣ въ палатѣ лордовъ, въ тотъ самый день въ самой палатѣ общинъ коалиція всѣхъ враждебныхъ ему интересовъ и раздраженій нанесла смертельный ударъ его министерству.

Поводъ къ тому дала опять Ирландія,—эта никогда незакры-

вающаяся рана Англии. Въ 1845 г. аграрныя преступленія въ ней возрасли до громадныхъ размѣровъ. Число преступленій противъ личности, собственности и общественнаго благочинія возрасло отъ 1,495 въ 1844 до 3,642 въ 1845 г., и разсчитывали, что оно можетъ въ 1846 г. перейти за 5,000. Официальный отчетъ насчитывалъ 136 убійствъ, 138 случаевъ поджигательства, 483 взлома, 544 насильственныхъ нападенія, 551 случай похищенія оружія, 1,944 угрожающихъ писемъ. И все это происходило въ 10 графствахъ, изъ которыхъ 5 „не представляли уже ни малѣйшей безопасности для жизни“. „Убійства, пишетъ О'Конноръ,—были двухъ родовъ. Одни были совершены ландлордами и ихъ называли законными. Другія были совершены поселенцами на земляхъ ландлордовъ и были, само собой разумѣется, преступны. Въ сессіи 1846 г. сэръ Робертъ Пиль внесъ билль для подавленія преступленій; но любопытно, что билль предлагалъ подавить лишь одинъ родъ преступленій: онъ предлагалъ искорененіе незаконныхъ убійствъ, которыя, конечно, опасны, но не касался убійствъ законныхъ, которыя несравненно опаснѣе“.

Этотъ билль, предложенный, по традиціи для этого рода законовъ, сначала въ палатѣ лордовъ 14 февраля 1846 г., требовалъ послѣднихъ мѣръ и потому министерство рѣшило вести пренія о немъ одновременно съ преніями объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ. Раздѣленіе партій было по этому вопросу совѣмъ иное. Въ палатѣ лордовъ и тори, и виги были за билль. Въ палатѣ общинъ, кромѣ ирландцевъ, руководимыхъ О'Коннелемъ (доживавшимъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни), противъ билля были и виги, руководимые Росселемъ, который, впрочемъ, въ виду поддержки Пила, пока хлѣбные законы не были отмѣнены, подалъ 2 мая голосъ за первое чтеніе ирландскаго закона; противъ билля были фритредеры, заявлявшіе въ лицѣ Кобдена свое неудовольствіе за то, что пренія по этому вопросу мѣшали достаточно скорому движенію впередъ билля о хлѣбныхъ законахъ. Дизраэли совѣтовалъ и своей партіи присоединиться немедленно къ этой оппозиціи и съ помощью ея низвергнуть министерство, но новый глава партіи оппозиціонныхъ тори, лордъ Джоржъ Бентинкъ, не согласился съ этимъ во имя старинныхъ традицій партіи тори по ирландскимъ дѣламъ. Онъ произнесъ рѣчь, сочувственную Ирландіи, гдѣ высказалъ свое мнѣніе, что „невозможно не замѣтить связи между аграрными преступленіями и бѣдностью народа“, и подалъ 2 мая голосъ тоже за первое чтеніе. Затѣмъ министерство, находя неудобнымъ продолжать пренія по ирландскому биллю одновременно съ биллемъ о хлѣбныхъ законахъ, назначило пренія о второмъ чтеніи сперва на 25 мая, потомъ на 8 іюня. Въ этотъ день билль о хлѣбныхъ за-

конахъ прошелъ уже чрезъ второе чтеніе въ палатѣ лордовъ, а потому вигамъ и фритредерамъ не было особенной причины поддерживать Пила. Озлобленіе же тори было доведено до той степени, когда „конюшенный умъ“ лорда Джоржа Бентинка, какъ умъ всякой тупицы, неспособной понять дѣйствительныхъ принциповъ нравственной дѣятельности, поддался на искушенія Дизраэли, и честный Бентинкъ сталъ во второмъ чтеніи нападать на тотъ самый билль, который поддерживалъ при первомъ, да еще въ союзѣ съ Росселемъ, который тоже подалъ тогда голосъ за билль.

„При такомъ положеніи дѣлъ, пишетъ Дизраэли въ биографіи Бентинка, — лорду Джоржу Бентинку были представлены соображенія, что, повидимому, можно избрать лишь одинъ путь, который хотя и сопряженъ съ затрудненіями, но, при смѣлости и ловкости, позволяетъ рассчитывать хотя-бы на возможность успѣха... Правительство объявило, что предложить второе чтеніе ирландскаго билля въ понедѣльникъ 8 іюня. Если-бы это чтеніе встрѣтило оппозицію и отъ лорда Джона Росселя, и отъ лорда Джоржа Бентинка, то поражение правительства было-бы болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ“. Правда, что за два мѣсяца тотъ-же Бентинкъ говорилъ: „я призываю всѣхъ, вмѣстѣ съ которыми я дѣйствую, чтобы они сердечно и честно поддерживали правительство ея величества, пока это правительство выказываетъ серьезное желаніе подавить убійства и защитить собственность въ Ирландіи... Я, конечно, буду поддерживать правительство при проведеніи этой мѣры“. Совѣты Дизраэли подѣйствовали. Вопросъ былъ уже не объ Ирландіи или объ Англіи, не объ убійствахъ и о защитѣ собственности, не о государственныхъ интересахъ, а о личномъ раздраженіи противъ чловѣка, который въ эту минуту занималъ во мнѣніи англійскаго народа и во мнѣніи Европы положеніе, рѣдко достигающееся государственнымъ людямъ; дѣло было въ дуэли за вліяніе на отупѣлую партію консерваторовъ между гордымъ министромъ, презрительно относившимся къ собственной партіи, и ловкимъ интриганомъ, который чувствовалъ, что именно въ эту минуту ему всего удобнѣе будетъ уловить окончательно все ускользавшую изъ его рукъ до сихъ поръ „крупную дичь“. Такъ мало дѣйствительнаго интереса возбуждалъ въ эту минуту грозный законъ, направленный противъ несчастной Ирландіи, что существеннѣйшая часть преній шла о поступкахъ Пила въ *двадцатыхъ годахъ*.

Впрочемъ, въ своей рѣчи Бентинкъ недолго остановился на поводахъ къ измѣненію своей политики относительно Ирландіи. Онъ весьма откровенно высказалъ, что нападаетъ не столько на билль, сколько на министерство, его предлагающее. „Мы отказываемъ



въ довѣріи министрамъ ея величества, сказалъ онъ.—Да, мы не будемъ болѣе довѣрять имъ“. Впрочемъ, при началѣ засѣданія 8 іюня ничего не было рѣшено и ожидали отчета агента, посланнаго разузнать настроеніе разныхъ группъ. Онъ принесъ извѣстіе, по которому нельзя было заключить ничего опредѣлительнаго относительно приверженцевъ Бентинка; о Росселѣ говорилось, что онъ колебался. Рѣшено было дѣйствовать разомъ и энергически.

Рѣчь Бентинка была, дѣйствительно, достаточно рѣзка и полна личныхъ нападокъ на Пилъ.

„Я помню, говорилъ онъ,—какъ высокопочтенный баронетъ говорилъ намъ, что онъ не согласится быть министромъ изъ милости, но я думаю, что онъ долженъ быть вполне ослѣпленъ лестью окружающихъ, если онъ не понимаетъ, что онъ теперь министр изъ милости, котораго швыряютъ съ одной стороны на другую: что онъ находится въ зависимости то отъ почтенныхъ джентльменовъ противной стороны, то отъ моихъ друзей, и что его поддерживаютъ лишь его сорокъ оплаченныхъ янычаръ да еще около семидесяти другихъ ренегатовъ, половина которыхъ, поддерживая его, сознаются, что дѣлаютъ это со стыдомъ... Поэтому я спрашиваю его, развѣ онъ не потерялъ довѣріе всякаго честнаго человѣка въ этой палатѣ и всякаго честнаго и уважающаго себя человѣка внѣ палаты?“

Пилъ, конечно, возражалъ, что Бентингъ, которымъ, очевидно руководилъ Дизраэли, искажаетъ факты. Но 15 іюня Дизраэли возобновилъ нападеніе уже лично и кончилъ рѣчь эффектнымъ восклицаніемъ Каннинга и слѣдующимъ ехиднымъ восклицаніемъ:

„Настроеніе и духъ палаты въ настоящее время не такъ высоки и мужественны, какъ во время Каннинга, и я не удивляюсь этому, потому что коршунъ господствуетъ тамъ, гдѣ царствовалъ орелъ. Высокопочтенный джентльменъ однажды сказалъ, что Ирландія составляетъ для него самое большое затрудненіе. Я спрашиваю высокопочтеннаго джентльмена, почему Ирландія сдѣлалась для него большимъ затрудненіемъ и имѣло-ли-бы мѣсто это затрудненіе, если-бы онъ дѣйствовалъ съ Каннингомъ откровенно въ отношеніи своего сообщенія лорду Ливерпулю въ 1825 г.? Высокопочтенный джентльменъ долженъ чувствовать это въ настоящую минуту, види, какъ мы готовимся къ голосованію по ирландскому вопросу,—голосованію, которое можетъ быть гибельно для продолженія его власти. Немезида вдохновляетъ эти пренія, руководить нашимъ голосованіемъ и запечатлѣваетъ клеймомъ парламентскаго осужденія катастрофу, которой кончается эта пагубная карьера“.

Рѣчь Дизраэли имѣла громадный успѣхъ въ палатѣ, гдѣ у

Пила не было друзей и гдѣ поддерживавшіе его недавно виги и фритредеры были, въ сущности, рады всякому его поражению, такъ какъ оно облегчало имъ дорогу къ власти. Эта рѣчь, имѣвшая свои бесспорныя достоинства, конечно, не какъ образецъ политическаго ораторства, но какъ образецъ полемики парламентскаго интриганства, потрясла даже самообладаніе Пила. „Министръ, писалъ Дизраэли въ послѣдствіи въ біографіи Бентинка, — всталъ смущенный и страждущій. Онъ сказалъ, что не имѣетъ права отвѣчать, но продолжалъ высказывать порицанія и слабыя возраженія. Окончательно онъ предложилъ палатѣ воздержаться отъ рѣшительнаго сужденія, пока ему представился случай отвѣтить... Палата прекратила пренія до четверга (18 іюня). По общему мнѣнію, министру былъ нанесенъ сильный ударъ, и если-бы голосованіе произошло немедленно, то правительство осталось-бы въ меньшинствѣ“.

Объясненія, данныя Пилемъ 19 іюня, выказали достаточно несомнительность обвиненій Бентинка и Дизраэли. Это признали немедленно предводители виговъ (Россель, Морпетъ) и предводители радикаловъ (Юмъ, Робуэ). Даже Дизраэли писалъ въ біографіи Бентинка: „Никогда не было болѣе успѣшнаго объясненія“, и прибавлялъ: „Разрѣшеніе этой задачи, впрочемъ, должно быть предоставлено Эдипу, причемъ слѣдуетъ вполне признать, что хотя лордъ Джоржъ Бентинкъ имѣлъ достаточныя основанія высказать въ частномъ случаѣ то обвиненіе, которое онъ высказалъ, — тѣмъ не менѣе это обвиненіе не имѣло реальныхъ основаній“. Впрочемъ, „честный“ лордъ Бентинкъ не далъ объясненію, котораго было достаточно для остальной палаты, проникнуть и въ тушу соображенія его „конюшеннаго ума“: онъ послѣ рѣчи Пила преспокойно повторилъ свои обвиненія.

Еще разъ Пиль отразилъ нападающихъ; еще разъ Дизраэли, при своемъ немаломъ искусствѣ нападать на правительство, показалъ палатѣ свою полную безцеремонность относительно оружія, имъ употребляемаго; но что ему было за дѣло до нравственнаго результата? Временный успѣхъ выдвинулъ его еще выше среди бездарныхъ тори. Минутное потрясеніе репутаціи Пила еще болѣе содѣйствовало коалиціи всѣхъ противниковъ министерства. Эта коалиція была готова. Озлобленіе противниковъ и настроеніе вчерашнихъ союзниковъ не позволило Пилу сомнѣваться, что дни его управленія сочтены. По ирландскому биллю министерство должно было остаться въ меньшинствѣ, когда виги, радикалы и партія Бентинка-Дизраэли собирались подать вмѣстѣ голоса противъ билля, а на сторонѣ Пила оставались, кромѣ небольшого числа его личныхъ приверженцевъ, лишь немногіе тори, которые (какъ Инглись, Спунеръ, Чэндось) даже изъ ненависти къ

Пило за хлѣбные законы не рѣшались измѣнить основному догмату программы тори—давить Ирландію гдѣ и какъ было возможно. Въ запискѣ, поданной Пилемъ членамъ министерства 21 іюня, онъ предоставлялъ имъ рѣшить: „будетъ-ли соотвѣтствовать интересамъ короны и страны, чести и характеру управленія оставаться на своемъ мѣстѣ послѣ того, какъ пройдутъ законы о ввозѣ хлѣба и объ измѣненіи пошлинь... Каждое правительство, писалъ онъ,—должно имѣть *естественную* опору. Если оно консервативно, то этою опорю должна быть консервативная партія. Безсодержательною и безславною надо назвать поддержку, вытекающую изъ сожалѣнія враговъ или даже изъ личнаго расположенія тѣхъ, которые на основаніи своихъ политическихъ принциповъ, *должны* противо-дѣйствовать правительству. Мы можемъ быть увѣрены, что мы не проведемъ ирландскаго билля“.

Голосованіе 25 іюня показало справедливость этого предсказанія, обозначило собою часъ, когда партія тори, давно уже несостоятельная политически, только-что разбитая экономически, сама признавала себя и нравственно несостоятельною, попадая подъ руководство будущаго лорда Виконсфильда. Какъ сказано выше, въ этотъ самый день пришло извѣстіе изъ палаты лордовъ, что она приняла билль объ отгнѣхъ хлѣбныхъ законовъ и объ измѣненіи ввозныхъ пошлинь. Послѣднимъ говорилъ Кобденъ. Отрекаясь отъ всякой солидарности съ группою Бентинка при подачѣ голосовъ противъ ирландскаго билля, онъ сказалъ: „Мы были-бы преступниками противъ общественнаго мнѣнія, если-бы мы допустили такое объясненіе нашего голосованія въ то время, даже въ тотъ самый день, когда намъ возвращена изъ другой палаты самая популярная мѣра, которую когда-либо провелъ министр... Мнѣ остается лишь сказать прямо противно благородному лорду (Бентинку), что если высокопочтенный баронетъ выйдетъ въ отставку вслѣдствіе этого голосованія, онъ унесетъ съ собою уваженіе и благодарность болѣе значительной массы населенія этой страны, чѣмъ когда-либо унесъ съ собою низвергнутый министр... Онъ былъ весьма сдержанъ относительно господъ, засѣдающихъ на той сторонѣ, когда онъ не воспользовался могуществомъ, которымъ онъ пользуется въ странѣ, и не обратился къ послѣдней прежде, чѣмъ ставить власть. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то я увѣренъ, что выражаю мнѣніе народа,—не только избирателей, но въ особенности рабочихъ классовъ,—когда я искренно благодарю высокопочтеннаго баронета отъ своего имени, какъ я могъ-бы сдѣлать это и отъ имени ихъ, за неутомимую настойчивость, за неуклонную увѣренность и за большое искусство, съ которыми онъ въ продолженіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ провелъ сквозь палату

общинъ одну изъ величайшихъ реформъ, совершенныхъ въ какой-либо странѣ". Голосованіе дало 292 голоса противъ второго чтенія билля и 219 за него. Палата выслушала безмолвно результатъ голосованія, но когда Пиль вышелъ изъ зданія парламента на площадь, его встрѣтили восторженные крики толпы народа. Бѣдный, вѣчно обманутый, вѣчно страждущій народъ еще разъ вѣрилъ, что отмѣна хлѣбныхъ законовъ оградитъ его отъ тѣхъ бѣдствій, которыя душили его со всѣхъ сторонъ. Въ министрѣ, отмѣнившемъ эти законы и низвергнутомъ за это собственною партіею, онъ видѣлъ своего защитника, своего героя. Побѣжденный Пиль поднялся въ общественномъ мнѣніи страны еще выше, чѣмъ стоялъ когда-либо.

29 іюня Веллингтонъ въ палатѣ лордовъ и Пиль въ палатѣ общинъ объявили о выходѣ министерства въ отставку. Счастливое совпаденіе событій принесло выходящему министерству еще одну конфетку: въ этотъ самый день пришло изъ Америки извѣстіе объ устраненіи недоразумѣній съ Сѣверо-Американскими Штатами по вопросу объ Орегонѣ. Въ длинной рѣчи отдалъ Пиль отчетъ о результатахъ своего управленія и затѣмъ обратился къ палатѣ съ слѣдующими словами:

„Я не сказалъ, надѣюсь, ничего, что могло-бы при настоящихъ обстоятельствахъ возобновить споръ, котораго я желаю избѣгнуть. Что ни думали-бы о величинѣ опасности, которая грозила намъ вслѣдствіе неурожая важнаго средства для жизни, я высказываю лишь истину, когда говорю, что правительство ея величества, предлагая мѣры торговой политики, которыя лишили его довѣрія многихъ изъ тѣхъ, на кого оно до тѣхъ поръ опиралось, не имѣло иного желанія, кромѣ заботы о благѣ страны. Мы желали отклонить опасности, которыя намъ казались грозными; желали прекратить споръ, который, по нашему мнѣнію, долженъ былъ скоро привести во враждебное столкновеніе великія и могучія сословія этой страны. О сохраненіи власти тутъ не могло быть и рѣчи, такъ-какъ я не сомнѣвался, что во всякомъ случаѣ, при удачѣ или неудачѣ предложенныхъ мѣръ, онѣ навѣрное повлекутъ за собою конецъ этого управленія. Можетъ быть, этотъ исходъ выгоденъ и для общаго блага. Совершенно естественно, что многіе изъ нашихъ друзей лишили насъ своего довѣрія. Когда министры дѣлаютъ предложенія, находящіяся въ противорѣчій съ ихъ прежними дѣйствіями, и этимъ подвергаютъ себя обвиненію въ непослѣдовательности, то, можетъ быть, выгодно для страны и для общаго характера государственныхъ людей, чтобы это предложеніе, сдѣланное при подобныхъ обстоятельствахъ, повлекло за собою то, что считается приличнымъ въ этомъ случаѣ наказаніемъ, именно удаленіе отъ

дѣлъ. Поэтому я не жадуюсь, такъ-какъ я считаю это гораздо лучшимъ, чѣмъ оставаться въ управленіи, потерявъ полную увѣренность въ довѣріи палаты. Я повторяю еще разъ совершенно искренно, что, предлагая наши мѣры торговой политики, я не хотѣлъ похитить у другихъ заслугу, которая имъ принадлежитъ въ проведеніи этихъ мѣръ. Что касается почтенныхъ членовъ противной стороны и насъ самихъ, что я долженъ сказать, что заслуга въ этомъ случаѣ не принадлежитъ ни имъ, ни намъ. Партіи, обыкновенно дѣйствующія другъ противъ друга, въ этомъ случаѣ вступили въ союзъ; этотъ союзъ и вліяніе правительства повлекли за собою окончательный результатъ. Но имя, которое останется связаннымъ съ успѣхомъ этихъ мѣръ, не есть ни имя благороднаго лорда, органа партіи имъ предводительствуемой (Росселя), ни мое. Имя, которое навсегда будетъ соединено съ этими мѣрами, есть имя человѣка, который, какъ я думаю, изъ чистыхъ и безкорыстныхъ мотивовъ обратился къ нашему разуму съ неутомимомъ настойчивостію и придавъ этому обращенію силу тѣмъ болѣе изумительной убѣдительности, что она не опиралась ни на искусство, ни на украшенія: это—имя Ричарда Кобдена.

„Я кончаю замѣчанія, которыя я хотѣлъ сдѣлать этой палатѣ, искреннею благодарностью за снисхожденіе, съ которымъ она меня выслушала при этомъ послѣднемъ актѣ моей государственной жизни. Вѣроятно, чрезъ нѣсколько часовъ власть, которою я обладалъ въ продолженіи пяти лѣтъ, перейдетъ въ руки другого; я не буду горевать и жаловаться и буду живѣе вспоминать поддержку и довѣріе, которымъ я пользовался въ продолженіи многихъ лѣтъ, чѣмъ въ противодѣйствіе, которое встрѣтилъ недавно. Передавая власть, я оставляю за собою имя, строго осуждаемое, какъ я опасаюсь, многими, которые изъ политическихъ мотивовъ глубоко сожалеютъ о разрывѣ связей партіи, сожалеютъ не изъ себялюбія, но изъ убѣжденія, что вѣрность партіи, существованіе и поддержаніе великой партіи, могутъ быть могучимъ орудіемъ управленія. Я буду строго осужденъ и другими, которые безъ всякихъ себялюбивыхъ поводовъ поддерживаютъ покровительственную систему, потому что считаютъ ее существенною для благоденствія и для выгодъ страны. Я оставляю имя, проклинаемое всякимъ монополистомъ, который изъ менѣ честныхъ побужденій кричитъ о покровительствѣ, приносящемъ ему особенную выгоду. Но, можетъ быть, я оставляю имя, которое съ выраженіемъ сочувствія вспомнить въ хижинахъ тѣ, кто обречены на трудъ и на приобрѣтеніе насущнаго хлѣба въ потѣ лица, вспомнить тогда, когда они будутъ возобновлять свои истощенныя силы достаточною и необремененною пошлинами пищею, которая имъ

будеть тѣмъ слаще, что ея не будетъ портить вкусъ несправедливости“.

Черезъ нѣсколько минутъ низверженный диктаторъ Англіи вышелъ изъ палаты, опираясь на руку одного изъ своихъ пріятелей. Громадная толпа наполняла площадь и улицы передъ дворцомъ парламента. Всѣ сняли шляпы. Толпа разступалась молча предъ сэромъ Робертомъ Пилемъ. Многіе пошли за нимъ молча до дверей его дома.

Ровно черезъ 4 года, въ этотъ самый день, 29 іюня, совершилась катастрофа, которая прошла электрическимъ ударомъ по Лондону, по Англіи, по цивилизованнымъ центрамъ Европы. Випроложеніи нѣсколькихъ дней экипажи принцевъ, экипажи аристократіи породы и аристократіи капитала и еще болѣе громадная масса народа, сдерживаемая полиціей, наполняли паркъ и улицы около того самаго дома, въ который молчаливая толпа проводила 29 іюня 1846 г. низверженнаго министра. Безпрестанно бросали бюлетени въ толпу буржуазіи и рабочихъ, бѣдныхъ женщинъ съ грудными дѣтьми на рукахъ. Безпрестанно скакали курьеры во дворецъ королевы, въ засѣданія палатъ, гдѣ еще 28 іюня 1850 г. раздавался голось сэра Роберта Пила. Теперь онъ умираетъ, сброшенный лошадыю у воротъ Гринъ-парка. Была переломлена ключица и нервный больной, который и въ обыкновенное время не былъ въ состояніи выносить физическаго страданія, потребовалъ, чтобы сняли перевязку. Было переломлено пятое лѣвое ребро и давило на легкія. Четверо сутокъ длилась агонія. Въ ночь 2 іюля извѣстіе о его смерти пришло въ палату пэровъ во время рѣчи Стэнли. „Въ торжественномъ молчаніи, какъ статуи, сидѣли пэры“, пишетъ Паули. На другой день палата общинъ, въ утреннемъ засѣданіи, по предложенію радикала Юма, при сочувственныхъ словахъ со стороны представителей всѣхъ партій и группъ, отложила засѣданіе изъ-за общественнаго горя, постигшаго страну. На слѣдующій день лордъ Стэнли и маркизъ Лэнсдоунъ, лордъ Брумъ и пережившій всѣхъ своихъ сотоварищей „железный герцогъ“ въ палатѣ пэровъ высказали свое глубокое уваженіе къ „диктатору Англіи“, который недавно долженъ былъ вынести столько оскорбленій. Въ палатѣ общинъ лордъ Россель причислилъ его къ тѣмъ немногимъ, которые предъ современниками и предъ потомствомъ оказали высшія услуги Англіи. Государство могло поставить ему лишь статую въ Вестминстерскомъ абатствѣ, потому что гордый комеръ-миліонеръ завѣщалъ похоронить себя скромно въ семейномъ склепѣ, отказался еще при Вильямѣ IV отъ графскаго титула“.

„Дѣло“, № 12, 1877 г.

3

тула, при Викторіи отъ ордена Подвязки, никогда не хотѣлъ перейти въ палату пэровъ и выразилъ въ своемъ завѣщаніи „надежду и требованіе, чтобъ никто изъ его потомковъ не искалъ, или, въ случаѣ предложенія, не принималъ никакого титула, званія или награды за услуги, которыя онъ могъ оказать въ своей парламентской или правительственной дѣятельности“. Сэръ Роберту Пилю въ эпоху его смерти было 62 года.

Таковъ былъ эпилогъ парламентской драмы, въ которой побѣда фактически осталась за Дизраэли, но изъ которой побѣжденный вышелъ съ ореоломъ, скрывшимъ отъ глазъ современниковъ и многихъ историковъ всѣ недостатки политической фигуры этого государственнаго человѣка, — ореоломъ, выпадающимъ весьма рѣдко на долю государственныхъ людей.

А его счастливый соперникъ?

Бенжамень Дизраэли выказалъ себя во всемъ этомъ дѣлѣ такимъ искуснымъ организаторомъ оппозиціи, такимъ ловкимъ вожакомъ парламентской интриги, такимъ ѣдкимъ дебатеромъ, когда дѣло шло о личныхъ нападкахъ, что партія тори должна была признать его совершенно необходимымъ элементомъ для своего существованія, особенно съ той минуты, когда Велингтонъ и Пиль были выброшены изъ ея рядовъ и всѣ старые принципы торійской программы: безусловное преобладаніе государственной церкви, представительство, находившееся въ рукахъ поземельной аристократіи, экономическое преобладаніе поземельныхъ интересовъ — были унесены волною историческаго движенія. Еще въ некоторое время Дизраэли приходилось выдвигать впередъ призракъ руководителей партіи, Бентинковъ и Стэнли-Дерби, но душою партіи былъ онъ. Всякій могъ предвидѣть время, когда этотъ крещенный еврей, „безъ роду и племени“ въ глазахъ наслѣдниковъ именъ, восходившихъ къ крестовымъ походамъ и къ завоеванію Англіи Вильямомъ нормандскимъ, слѣдается ихъ заявленнымъ лидеромъ, и дорога къ титулу лорда Биконсфильда была ему открыта. Человѣчество XIX вѣка выработало въ одной изъ главныхъ традиціонныхъ партій традиціонно-либеральнаго государства такую комбинацію безпринципности и отсутствія талантовъ, что охота Вивіана Грея за „крупной дичью“ была увѣнчана блестящимъ успѣхомъ.

Самъ Дизраэли, можетъ быть безсознательно, даетъ намъ удобный случай оцѣнить эту партію, которая теперь была въ его рукахъ. Въ своей біографіи Бентинка онъ описываетъ обычнымъ ему, взбитымъ, какъ сливки, слогомъ засѣданіе 25 іюня 1846 года, когда старые приверженцы Пила своимъ голосованіемъ положили конецъ его управленію, и при этомъ Дизраэли перечисляетъ самыя громкія имена

изъ тѣхъ, которые стали тогда подъ его руководство. Прощаясь съ реальнымъ Вивіаномъ Грэмъ въ ту самую минуту, когда онъ достигъ, наконецъ, своей жизненной цѣли, приведу эту страницу, гдѣ онъ самъ восхваляетъ свой триумфъ:

„Наконецъ, около половины второго галереи были очищены, потребовано было голосованіе и поставленъ вопросъ. При всѣхъ предъидущихъ голосованіяхъ, когда рѣшалась судьба правительства, можно было предугадать, какъ подастъ голосъ каждый членъ, почти безъ исключенія; это не имѣло мѣста въ настоящемъ случаѣ, и всѣ заботливо слѣдили за направлениемъ, по которому выходили члены, оставляя свои мѣста. Болѣе ста протекціонистовъ послѣдовали за министромъ; около восьмидесяти устранились отъ голосованія, но изъ этихъ было нѣсколько членовъ противоположныхъ мнѣній; почти такое-же число вышло съ лордомъ Бентинксомъ. Но не одно число ихъ обращало на себя заботливое вниманіе министерской скамьи, когда протекціонисты проходили мимо министровъ къ враждебному послѣднимъ выходу. Невозможно было ему (сэру Роберту Пилю) замѣчать ихъ безъ волненія: это былъ цвѣтъ великой партіи, которая такъ гордилась тѣмъ, что слѣдуетъ за нимъ, когда и онъ такъ гордился тѣмъ, что руководить ею. Завоеваніе привязанности этихъ людей и ихъ отцовъ было цѣлью и радостью его жизни. Они ему безгранично вѣрили и безпредѣльно удивлялись ему. Они поддерживали его въ самыя мрачныя минуты и вынесли его изъ глубины политической безнадежности на самое высокое положеніе изъ живущихъ людей. Были-ли они правы или неправы, — это были люди честные, породистые, утонченнаго развитія, люди высокаго и благороднаго характера, люди, имѣющіе большой вѣсъ и значительное положеніе въ странѣ, причемъ этотъ вѣсъ и это значеніе они предоставляли въ его распоряженіе. Они были не только его послѣдователями, но его друзьями; они раздѣляли съ нимъ его развлеченія, пили съ нимъ изъ одной чаши и въ удовольствіяхъ частной жизни вмѣстѣ съ нимъ забывали о заботахъ и о борьбѣ политики. Онъ долженъ былъ почувствовать кое-что изъ этого, когда Мэннерсы и Соммерсетъ, и Бентинкъ, и Лоусеры, и Ленноксы проходили мимо его. А затѣмъ эти деревенскіе джентльмены, „эти джентльмены Англіи“, о которыхъ не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ онъ говорилъ, вызывая эхо парламента, что онъ гордится быть ихъ лидеромъ! Если его сердце ожесточилось противъ сэра Чарльза Найтли, сэра Джона Тролопа, то онъ, навѣрно, почувствовалъ боль въ сердцѣ, когда его глаза остановились на сэрѣ Джонѣ Ярдѣ Боллерѣ, его образцовомъ сельскомъ джентльменѣ, котораго онъ самъ выбралъ и пригласилъ тому 6 лѣтъ высказать недовѣріе къ министерству



виговъ, для того, чтобы, противъ желанія двора, поставить на ихъ мѣсто сэра Роберта Пиля. Они шли толпою: всѣ эти желѣзные люди, всѣ эти сквайры съ обширными владѣніями, которыхъ онъ такъ часто возбуждалъ и къ совѣту которыхъ онъ такъ часто обращался въ своихъ прекрасныхъ консервативныхъ рѣчахъ въ Уайтголь-Гарденѣ. Бэнксъ, котораго имя въ парламентѣ восходило за два столѣтія, и Кристоферъ изъ этого широкаго Линкольншейра, значеніе котораго было создано протекціонизмомъ; были здѣсь Майльсы и Гэнли, были здѣсь Донкомбы, Лиддели и Йорки; Девонъ послалъ туда смѣлое сердце Бока, Уильтшэйръ—любезнаго Вальтера Лонга. Былъ тутъ и Ньюдегэтъ, котораго самъ сэръ Робертъ рекомендовалъ избирателямъ Варвикшейра, какъ человѣка, на котораго онъ возлагалъ самыя большія надежды; былъ тутъ и альдермэнъ Томпсонъ, который, тоже по выбору сэра Роберта, поддерживалъ нападеніе на виговъ, начатое сэромъ Джономъ Боллеромъ. Но списокъ длиненъ, а не названы еще хорошія имена“.

Можно быть увѣреннымъ, несмотря на послѣднія слова, что въ этомъ подражаніи Гомеру Дизраэли назвалъ все, что было замѣчательнаго въ новой партіи, которая дѣлалась его орудіемъ. Именъ, дѣйствительно, тутъ много, но съ 1846 года прошло болѣе 30 лѣтъ; эти „желѣзные люди“, эти „породистые“ люди или померли, или на-столько постарѣли, что отъ нихъ трудно въ будущемъ ожидать чего-либо особеннаго. Какой-же слѣдъ отъ своей жизни оставили они, эти герои съ громкими именами, съ обширными владѣніями въ исторіи своей страны, въ исторіи человечества? Именно это перечисленіе можетъ служить современному читателю доказательствомъ, какое безтолковое стадо представляли эти „англійскіе джентльмены“, какъ образцовые, такъ и необразцовые, когда они выступали въ роли гончихъ собакъ ловкаго охотника за „крупной дичью“. Впрочемъ, это доказательство едва-ли нужно, когда мы знаемъ, что въ настоящую минуту ихъ признаннымъ лидеромъ былъ „воишвенный умъ“ лорда Джоржа Бен-тинга.

Дизраэли одержалъ побѣду не только надъ Пилемъ, но и надъ парламентомъ. То, что онъ предсказывалъ въ 1837 году, сбывалось менѣе, чѣмъ черезъ девять лѣтъ. Онъ заставилъ себя слушать, и слушать внимательно; въ этомъ должны были сознаться его самыя рѣзкіе противники; но какого рода было это вниманіе, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка рѣчи Робука, такого-же мастера, какъ Дизраэли, въ личной полемикѣ въ парламентѣ. Дѣло было въ томъ, что Дизраэли нападалъ, какъ обыкновенно, на Пиля за его измѣну убѣжденіямъ и, защищая протекціонизмъ, имѣлъ

дерзость цитировать Джона Стюарта Миля—противъ свободы торговли (!). Робукъ, на котораго онъ напалъ предварительно съ своею обыкновенною безцеремонностью, высказался такъ:

„Намъ было обѣщано, что придетъ время, — хотя, къ несчастью, оно никогда и не должно было придти,—когда, между прочимъ, членъ отъ Шрюсбэри долженъ былъ уяснить палатѣ всѣ свои теории политической экономіи. Но въ послѣдній разъ, когда почтенный джентльменъ уяснилъ или пытался уяснить ихъ палатѣ, его рѣчь состояла изъ предложеній такого рода: „Я полагаю, что вы всѣ ошибаетесь, но теперь не время доказывать это“. Я оставляю въ сторонѣ всѣ украшенія, приданныя почтеннымъ членомъ его предложенію, такъ-какъ почтенный членъ вполне понимаетъ настроеніе палаты и знаетъ, что какъ ни была-бы проникнута отсталыми взглядами его рѣчь, какъ ни было-бы бесодержательно его словоизверженіе, каковы-бы ни были софизмы, имъ высказываемые, все это пройдетъ, если онъ приправитъ это небольшими личными нападками.“

„...Почтенный членъ за Шрюсбэри говоритъ, что въ рѣчи, только-что имъ выслушанной, было что-то ему знакомое. Конечно. Это были слова партіи, въ которой участвовалъ самъ почтенный членъ, какъ человѣкъ этой партіи. Онъ началъ свою жизнь въ трагическихъ роляхъ, но затѣмъ оставилъ трагедію и нашелъ, что для него успѣшнѣе посвятить свой талантъ приличной комедіи. Почтенный членъ забылъ, что было время, когда онъ собирался идти по стопамъ почтеннаго члена за Монтрозъ (Юма), когда онъ принялъ рекомендацію отъ почтеннаго и ученаго члена за Кёркъ (О'Коннеля). Почтенный членъ забылъ, что онъ, бывало, ходилъ на митинги въ Мэрилеборъ, чтобы декламировать радикальныя рѣчи. Ему слѣдовало-бы подумать, по крайней мѣрѣ, что въ настоящую минуту неудобно нападать на кого-нибудь за измѣненіе его мнѣній, когда тутъ есть другой человѣкъ, который высказывалъ опредѣленный родъ мнѣній въ то время, когда его частные интересы были затронуты и онъ надѣялся получить что-либо отъ данной партіи, присоединяясь къ ней. а затѣмъ, когда ему не удалось обратить на себя вниманіе однимъ сортомъ мнѣній, прихватилъ другой и выступилъ въ противоположной роли по тому-же самому поводу, какъ прежде. Я понимаю, что можно жаловаться на подобную перемѣну, но эта перемѣна не есть уже дѣло государственнаго человѣка, а чего-то совсѣмъ иного“.

Относительно ссылки Дизраэли на Миля отвѣтъ Робука былъ еще болѣе презрителенъ.

„Почтенный членъ, какъ читатель и какъ литераторъ, долженъ знать кое-что объ опасности „перелистывать“ книги — не

изучать ихъ, а только перелистывать, открывая тамъ и здѣсь, выхватывая въ другомъ мѣстѣ фразу и выказывая себя очень ученымъ вслѣдствіе числа своихъ цитатъ“. Затѣмъ, доказывая совершенно ясно, что Миль высказывалъ и не могъ не высказывать мнѣнія, совершенно инья сравнительно съ тѣми, которыя приписывалъ ему Дизраэли, Робукъ сказалъ: „Почтенный членъ или не читалъ книги, или привелъ ложную цитату. Я не могу считать возможнымъ, что почтенный членъ способенъ быть виновнымъ въ приведеніи ложной цитаты, и потому, во имя любви къ ближнему, заключаю, что почтенный членъ никогда не читалъ книги“. Онъ еще и еще указалъ взгляды Милия и прибавилъ: „На эту-то книгу хотѣлъ опереться почтенный членъ въ нѣкоторое будущее за сѣданіе, когда онъ долженъ будетъ привести свои собственные неотразимые аргументы для доказательства, что нельзя бороться противъ враждебныхъ тарифовъ путемъ свободной торговли. Я попрошу почтеннаго члена, когда онъ снова станетъ разсматривать взгляды какого-нибудь автора, не цитировать сочиненія, пока онъ не прочтетъ его дѣйствительно, и не приводитъ имени какого-нибудь джентльмена въ поддержку подобныхъ аргументовъ, когда онъ не убѣдился, каковы именно мнѣнія этого джентльмена“.

Дизраэли могъ имѣть успѣхъ и имѣлъ его; могъ занять видное и даже очень видное мѣсто въ новой политикѣ партій при ихъ столкновеніяхъ, при ихъ борьбѣ за власть и за вліяніе — и онъ занялъ подобное мѣсто; но приобрести уваженіе къ своему характеру или къ своему пониманію государственныхъ вопросовъ онъ не былъ никогда въ состояніи и этого уваженія онъ никогда не приобрѣлъ.

## VI.

Разставаясь съ Дизраэли въ минуту его самаго блестящаго успѣха, я припомню читателю сказанное въ началѣ этой статьи, что „намъ важенъ“ собственно не Дизраэли, какъ личность, но какъ „образчикъ“, по которому можно судить, чѣмъ сдѣлалась политика въ Европѣ XIX вѣка, какого рода люди въ этотъ періодъ либеральныхъ завоеваній или патріотическихъ девизовъ выдвигались въ первые ряды этой политики.

Дѣйствительно, Дизраэли былъ хотя и весьма характеристическимъ образчикомъ этихъ политиковъ, но былъ однимъ изъ многихъ ея образчиковъ. Мы видѣли, каковъ былъ персоналъ политическихъ людей этого времени во всѣхъ партіяхъ, какъ безцеремонно большинство изъ нихъ переходило отъ одной партіи къ

другой или, въ виду парламентской интриги противъ лица, готово было подать голосъ противъ основныхъ принциповъ программы партіи. Можетъ быть, одинъ изъ самыхъ характеристическихъ симптомовъ этого равнодушія къ существеннѣйшимъ вопросамъ государственной жизни представлялъ тотъ самый эпизодъ, который низвергъ Пила. Вы читаете главные рѣчи, высказанныя съ той и другой стороны, слѣдите за тревогами публики въ газетахъ, за впечатлѣніемъ, произведеннымъ голосованіемъ, и вы убѣждаетесь, что у всѣхъ на умѣ одно: будетъ-ли Пилъ министромъ или Россель заступитъ его мѣсто? Личный вопросъ министерства заслоняетъ все другое. Подъ этимъ *главнымъ* вопросомъ стоитъ на второмъ мѣстѣ другой, опять-таки личный: какъ произойдетъ новая группировка партій, когда тори, отвергнувшіе Пила, пытаются организоваться въ новое цѣлое, а пилисты выжидаютъ, куда примкнутъ? Еще далѣе въ заботахъ законодателей Великобританіи стоялъ въ эту минуту вопросъ о томъ, какое вліяніе на экономическія отношенія между классами будетъ имѣть отмѣна хлѣбныхъ законовъ? Она совершилась, и страсти, возбужденныя преніями о ней, вызывали однихъ къ поддержкѣ министерства, другихъ къ неутомимой борьбѣ противъ него на всякой почвѣ, но эти аффективныя побужденія были въ значительной мѣрѣ перемѣшаны съ личными вопросами, о которыхъ я только-что сказалъ. Какую-же роль во всѣхъ этихъ соображеніяхъ и заботахъ игралъ тотъ вопросъ, о которомъ шло голосованіе? Или это былъ предметъ вовсе не важный? Дѣло шло о громадномъ населеніи, которое уже долго бѣдствовало и должно было въ концѣ этого самаго года дать до 2,000,000 голодающихъ, болѣе полумиліона живущихъ государственною милостынею. Дѣло шло о законѣ, который давалъ губернаторамъ нѣкоторыхъ графствъ Ирландіи (лордамъ-лейтенантамъ) громадныя права, между прочимъ, право запрещать населенію выходить изъ домовъ по закатѣ солнца (!). Судьба нѣсколькихъ миліоновъ умирающихъ отъ голода, судьба сотни тысячъ людей, отданныхъ въ руки ненавистныхъ имъ и презирающихъ ихъ иноплеменныхъ полицейскихъ диктаторовъ была для законодателей самаго либеральнаго государства Европы лишь поводомъ къ мести противъ личности, поводомъ къ замѣнѣ одного министерства другимъ. Надо было, чтобы политическая безнравственность зашла достаточно далеко въ странѣ, гордившейся своимъ политическимъ смысломъ, если подобное равнодушіе къ самымъ существеннымъ интересамъ народа могло имѣть мѣсто. Интриганство Дизраэли, его безцеремонныя рѣчи о политической нравственности, которую онъ никогда не думалъ осуществить на практикѣ и которую много разъ отвергалъ въ теоріи, его готовность употреблять противъ враговъ

оружіе обвиненій, которымъ онъ самъ не вѣрилъ, блѣднѣютъ передъ превіями цѣлаго парламента представителей націи, для котораго голодная смерть, грозящая миліонамъ, грубое ограниченіе свободы ихъ согражданъ обращаются въ орудіе борьбы партій, — орудіе, неизмѣющее самостоятельнаго значенія.

Самъ противникъ Дизраэли, сэръ Робертъ Пиль, котораго политическая катастрофа и скоро послѣдовавшая затѣмъ смерть поставили на столь высокой исторической пьедесталь, можетъ служить характеристическимъ образчикомъ политическаго разложенія общества, именно потому, что онъ, по своему государственному уму, по своему таланту и характеру, стоитъ головою выше своихъ современниковъ. Едва-ли можно усомниться, что онъ не былъ искренно убѣжденъ въ необходимости эмансипаціи католиковъ, когда провель эту эмансипацію, на зло своей прежней программѣ, въ концѣ 20-тыхъ годовъ, или когда онъ явился защитникомъ свободы торговли въ срединѣ сороковыхъ годовъ, такъ-же рѣшительно отказываясь отъ своей собственной старой программы. Въ первомъ случаѣ—онъ немедленно потерялъ свое мѣсто въ парламентѣ; во второмъ—онъ потерялъ мѣсто министра, причемъ въ обоихъ случаяхъ онъ понималъ совершенно ясно, чѣмъ онъ рискуетъ, отступая отъ интересовъ и предразсудковъ своей партіи. Правда, что въ первомъ случаѣ онъ былъ немедленно избранъ въ другомъ мѣстѣ. Правда, что, судя по ходу дѣлъ, и его отставка 1846 г. не могла быть очень продолжительна, если-бы внезапная смерть не прекратила его карьеры чрезъ четыре года послѣ того. Онъ стоялъ слишкомъ высоко во мнѣніи всѣхъ партій, пользовался довѣріемъ королевы и довѣріемъ массъ, и весьма вѣроятно, явился-бы скоро предводителемъ новыхъ виговъ, подобно Гладстону, который шелъ рядомъ съ нимъ въ послѣдніе годы. Но все-таки для политическаго человѣка оставить даже временно власть, которую онъ любилъ и которою умѣлъ пользоваться, было свидѣтельствомъ искренности убѣжденія, тѣмъ болѣе, что, при безцеремонности англійской политической прессы и (въ то время) англійскаго парламентскаго краснорѣчія, онъ шелъ не только на временную потерю власти, но и на рядъ личныхъ оскорбленій, которыя и обрушились на него, какъ мы видѣли выше, въ весьма достаточной мѣрѣ, и которыя, для нервнаго и гордаго человѣка, подобнаго Пилу, должны были отозваться въ немъ болѣзненно.

Но можно-ли сказать, что политическая дѣятельность Пила можетъ быть оправдана во имя общихъ началъ социологіи? Можно-ли сказать, что онъ, для своего времени, представлялъ въ практической дѣятельности отраженіе высшихъ результатовъ, добытыхъ государственнымъ мышленіемъ, типъ истиннаго государ-

ственного человѣка? Можно-ли сказать, что онъ, по своему политическому соображенію, стоялъ выше своихъ современниковъ и потому именно долженъ былъ поступать съ ними такъ круто, какъ поступалъ, что угадывать истинное благо народа, гдѣ другіе колебались? Едва-ли было-бы справедливо придать сэру Роберту Пилю подобное политическое значеніе.

Основными и руководящими началами политики Пили можно признать два положенія: во-первыхъ, что принципы партій должны въ глазахъ государственнаго человѣка уступать требованіямъ общественнаго блага; во-вторыхъ, что дѣло правительства заключается не въ томъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ и во всѣхъ отрасляхъ законодательства и управленія руководиться какимъ-нибудь общимъ началомъ, но при всякомъ отдѣльномъ случаѣ, въ каждой отдѣльной отрасли дѣлъ государственной жизни, дѣлать то, что въ этомъ именно случаѣ, въ этой именно отрасли соответствуетъ требованію общественнаго блага. Политикамъ этого склада не особенно было трудно доказывать, что они — настоящіе патріоты, когда рядомъ съ ними стояли люди, которые, отвергая первое правило, подчиняли патріотизмъ интригамъ партій, благо всѣхъ — благу или даже предрасудку немногихъ. Имъ было не особенно трудно доказывать, что они — настоящіе реалисты въ политикѣ, несвязанные никакими политическими обобщеніями, противники-же ихъ — узколобые доктринеры, которые готовы вызывать кровопролитныя войны и опасныя революціи, лишь-бы не отступить ни на шагъ отъ отвлеченнаго начала, которое само-по-себѣ никогда не можетъ соответствовать всей широтѣ жизненныхъ требованій. Исторія старыхъ тори, съ ихъ упорнымъ сопротивленіемъ всѣмъ требованіямъ новаго времени, могла служить при этомъ прекрасною иллюстраціей того, чѣмъ могла сдѣлаться партія, ставившая догматы своего катехизиса выше народнаго блага. Исторія новыхъ французскихъ доктринеровъ, съ Гизо во главѣ, безсознательно подготовлявшихъ понемногу взрывъ февральской революціи, могла служить столь-же удобной иллюстраціей для доказательства вреда упорнаго руководства отвлеченными положеніями.

Вообще, существующія традиціонныя партіи всѣхъ странъ имѣли въ эту эпоху такъ мало жизненности и такъ надобли обществу своими искусственными програмами, что было довольно естественно считать великимъ политикомъ человѣка, сѣмъ-вашаго быть выше банальностей старыхъ девизовъ и видѣть государственное пониманіе въ проведеніи новыхъ мѣръ силами тѣхъ самыхъ партій, которыя ставили своею програмою борьбу противъ этихъ мѣръ. Точно также полстолѣтіе, окончившееся въ эпоху борьбы за

отмѣну хлѣбныхъ законовъ, представило столько примѣровъ политическихъ измѣнъ во имя личнаго интереса дѣятелей, что скептицизмъ относительно широкихъ руководящихъ принциповъ ставился совершенно естественнымъ результатомъ общественнаго опыта. Широкіе принципы не помѣшали значительному числу республиканцевъ 1793 года толкаться впоследствии въ переднихъ пераго консула и французскаго императора, не помѣшали многимъ солдатамъ республики и имперіи быть защитниками отжившей гнили во время реставраціи; не помѣшали многимъ республиканцамъ, имперіалистамъ и легитимистамъ искать теплыхъ мѣстечекъ при королѣ-буржуа и спекулировать общественнымъ достояніемъ среди эпидеміи спекуляцій, распространившейся по Франціи 40-хъ годовъ. А потому вопросы общественнаго блага, какъ оно понималось для *спеціальной* отрасли дѣлъ большинствомъ въ данную минуту, стали казаться государственною цѣлью, гораздо болѣе честною и допускающею менѣе маскировки, чѣмъ служеніе общимъ государственнымъ задачамъ, не только допускавшимъ истолкованіе, но требовавшимъ этого истолкованія, а потому всегда способнымъ прикрывать самыя эгоистическія цѣли. Изъ этого-то выходило, что въ парламентской борьбѣ Пийя съ Дизраэли, Бентинкомъ и другими ихъ сообщниками, хотя послѣдніе являлись защитниками широкихъ нравственныхъ принциповъ въ политикѣ, а Пийя не могъ скрыть своей измѣны тѣмъ самымъ догматамъ, которые доставили ему поддержку избирателей и парламентскаго большинства, тѣмъ не менѣе въ искренность и въ дѣйствительную нравственность побужденій Пийя вѣрила даже большая часть его противниковъ, тогда какъ подъ политико-нравственными проповѣдями Дизраэли видѣли одно лицемѣріе и политическое актерство.

Но самая эта complicація взглядовъ, дѣлавшая предметомъ общественнаго уваженія измѣнниковъ своей программѣ и вызывавшая систематическое подозрѣніе противъ публичныхъ защитниковъ политической нравственности, служила для даннаго общества доказательствомъ патологическаго состоянія его политическихъ взглядовъ и его политическихъ привычекъ.

„Догматы партіи должны уступать общественному благу“.

Прекрасно, но чтобы подобное положеніе могло имѣть смыслъ, приходилось сознаться, что политическія партіи, т. е. свободные союзы людей, озабоченныхъ вопросами о безопасности страны, о средствахъ, обеспечивающихъ ея развитіе и общественное благосостояніе, ставятъ себѣ „догматами“ такія мертвыя и бессмысленныя положенія, что эти положенія оказываются въ прямомъ противорѣчій съ „общественнымъ благомъ“. Но въ такомъ случаѣ,

какой смысл имѣютъ эти догматы? Какой смысл имѣютъ самыя партіи? Какъ приходилось смотрѣть на политическое развитіе и политическія убѣжденія въ странѣ, гдѣ заботы объ общественной безопасности и объ общественномъ благѣ приводятъ руководящія партіи къ подобнымъ нелѣпымъ догматамъ? Очевидно, догматы партій и самыя партіи оказывались лишь окаменѣлыми остатками старыхъ традицій, потерявшихъ всякую жизненность при новыхъ обстоятельствахъ, въ новые періоды общественной жизни. Очевидно, государственный умъ заключался-бы въ томъ, чтобы найти новые принципы, около которыхъ группировались-бы новые свободные союзы людей, озабоченныхъ вопросами объ общественномъ благѣ, т. е. создавать *новыя* партіи съ новыми программами на развалинахъ старыхъ и, провозгласивъ эти программы, организовавъ эти партіи, проводить эти догматы *именно потому*, что эти догматы, какъ отраженіе *живыхъ* потребностей общества, служили-бы въ глазахъ ихъ приверженцевъ формулою для современнаго пониманія „общественнаго блага“. Такъ поступали знаменитые государственные люди XVII вѣка, положившіе начало политикѣ неограниченной монархіи, какъ верховнаго судьи того, что надо сохранить и что надо реформировать во имя общественнаго блага. Такъ поступали знаменитые государственные люди XVIII вѣка, создавшіе парламентское правленіе въ Англіи, положившіе начало Соединеннымъ Штатамъ въ сѣверной Америкѣ, противопоставившіе монархіи Бурбоновъ начала правъ человѣка во Франціи. Такъ дѣйствовали для специальной цѣли отмѣны хлѣбныхъ законовъ или для проведенія народной хартіи въ самое время диктаторства сэра Роберта Пилля члены лиги и чартисты. Сэръ Робертъ Пилль не стоялъ въ уровень съ крупными государственными людьми прежняго времени именно потому, что у него не было тѣхъ данныхъ, которыя ставятъ человѣка главою *новой* партіи, позволяютъ ему выставить *новую* программу, обозначить своею дѣятельностью не только эпизодъ въ фатальномъ разрушеніи стараго, но и эпизодъ въ построеніи новаго общественнаго строя. Онъ оставался подъ гнетомъ традиціи тѣхъ самыхъ партій, въ жизненность которыхъ онъ уже не вѣрилъ и не могъ вѣрить. Ему приходилось становиться въ положеніе измѣнника тѣмъ людямъ, которые его поддерживали; ему приходилось призывать къ подобнымъ-же сомнительнымъ поступкамъ и своихъ приверженцевъ, такъ-какъ они уступали ему и шли за нимъ вовсе не изъ-за того, что видѣли благо общества въ какой-либо новой программѣ политической дѣятельности, имъ выставленной, не потому, что уступали его *личному* авторитету и вѣрили, что онъ *лично* есть необходимый человѣкъ для Англіи. Но подобное настроеніе неизбѣжно вело не



только къ разрушенію связей старыхъ партій, но къ невозможности какой-бы то ни было политической группировки около опредѣленной программы дѣйствій, внѣ личныхъ вліяній и личныхъ связей. Оно какъ-бы возводило въ принципъ, что вовсе не существуетъ такихъ политическихъ началъ, которыя могли-бы служить основаніемъ для общественнаго блага и около которыхъ можно было бы группировать партію истинныхъ патриотовъ.

Во время Пиза и Кобдена, насколько мнѣ извѣстно, не придуманъ былъ еще терминъ „опортюнизмъ“, получившій такое значеніе въ наше время, но политическая теорія Пиза можетъ быть совершенно вѣрно названа министерскимъ опортюнизмомъ. Она предполагаетъ, что *возможно* улучшить положеніе общества частными законами и частными мѣрами, и беретъ за основаніе правило, что слѣдуетъ измѣнить лишь то въ данномъ частномъ случаѣ, противъ чего въ этомъ частномъ случаѣ возстаетъ общественная потребность. Подобный опортюнизмъ точно также отходитъ отъ исторической практики государственныхъ людей, какъ и пустое доктринерство, чуждое истинному пониманію общественныхъ потребностей. Государственный человѣкъ понималъ *дѣйствительную* сущность политической задачи, передъ нимъ стоявшей, и принималъ свои мѣры во имя этой дѣйствительной сущности, а не пустой формулы доктринерства; онъ оставлялъ нетронутыми нѣкоторыя стороны общественной жизни, потому что, опять-таки, понималъ невозможность бороться на этой почвѣ вслѣдствіе условій среды, но, въ противоположность государственному опортюнисту, онъ не давалъ своимъ мѣрамъ возможно *узкій* объемъ, оставляя *имъ* ихъ, что *могъ оставить*; напротивъ, онъ проводилъ свое начало какъ можно *шире*, оставляя внѣ его лишь то, чего *не могъ не оставить*. Доктринеръ ломалъ общественную жизнь, подрывалъ общественное благосостояніе и, большею частью, ломалъ себѣ голову, стремясь осуществить невозможное вслѣдствіе своего непониманія жизни. Опортюнистъ даетъ разростись и укрѣпиться общественному злу, потому что не трогаетъ его, пока оно не становится слишкомъ явно-опаснымъ для существованія общества; онъ всегда оставляетъ въ полной силѣ общественную болѣзнь, потому что видитъ лишь ея симптомы, и всѣ его мѣры оказываются недѣйствительными, потому что онъ не понимаетъ и не хочетъ понимать основнаго начала общественной жизни, ея органической цѣлости и связи во всѣхъ ея частяхъ. Истинный государственный человѣкъ именно эту связь понимаетъ, и понимаетъ въ то-же время требованія жизни и условій среды, дѣйствуетъ во имя этого пониманія, и потому достигаетъ не только осуществленія нѣкоторыхъ частныхъ цѣлей данной минуты, но и обширной государственной задачи.

Сэръ Робертъ Пиль былъ лучшимъ типомъ англійскаго политическаго опортюниста и потому великимъ государственнымъ чело­вѣкомъ его назвать нельзя. И результаты его дѣятельности до­казали самымъ лучшимъ образомъ практическую несостоятельность подобнаго опортюнизма. Самыя крупныя мѣры, въ которыхъ онъ, вмѣстѣ съ Велингтономъ, пошелъ противъ традиціонной политики тори во имя государственной необходимости данной минуты, были—эмансипація католиковъ въ 20-хъ годахъ и отмена хлѣбныхъ законовъ въ 40-хъ годахъ. Первая мѣра имѣла цѣлью умиротвореніе Ирландіи, волненія въ которой все росли; вторая—облегченіе эконо­мическаго положенія недостаточнаго населенія Великобританіи, бѣдствія котораго были нестерпимы. Можно-ли сказать, что эти двѣ мѣры достигли цѣли, для которой были придуманы? Можно-ли сказать хоть то, что въ минуту проведенія этихъ мѣръ ника­кой другой, болѣе передовой програмы не было на лицо, и Пиль, проведя эти мѣры, опираясь на свой громадный политическій авторитетъ, во всякомъ случаѣ выказалъ, что онъ стоялъ въ числѣ людей, которые, для своего времени, наилучшимъ образомъ пони­мали потребности общества, хотя, можетъ быть, мѣры эти оказа­лись впоследствии недостаточными, такъ-какъ впоследствии выдвинулись на видъ новыя стороны вопросовъ, тогда еще заслоняемыя задачами данной минуты? Исторія слѣдующаго времени не позво­ляетъ отвѣчать утвердительно не только на первый, но и на вто­рой изъ этихъ вопросовъ.

Волненія въ Ирландіи зависѣли отъ комбинаціи столькихъ эконо­мическихъ, политическихъ, культурныхъ и религіозныхъ условий, что рѣшеніе (да и то частное) вопроса религіозно-политическаго, которое пытались дать Велингтонъ и Пиль въ двадцатыхъ го­дахъ, не могло повести ни къ чему иному, какъ къ новымъ вол­неніямъ. Дѣйствительно, никогда агитація О'Коннеля не прини­мала до того такого широкаго объема и такого угрожающаго ха­рактера, какъ въ годы, послѣдовавшіе за эмансипаціей. Періодъ самаго сильнаго развитія знаменитой Riband organisation, съ ея многочисленными аграрными убійствами, былъ между 1835 и 1848 годами. О страшномъ положеніи Ирландіи въ „черный со­рокъ седьмой“ я имѣлъ случай упомянуть. Но еще ранѣе, въ 1842 году, въ Ирландіи образовалась партія „молодой Ирландіи“, которая шла далѣе великаго агитатора, умершаго въ 1847 году, поколебала его авторитетъ и въ 1848 году, подъ предводитель­ствомъ О'Брина, обратилась прямо къ открытому возстанію. Затѣмъ началась борьба между ланд-лордами и наемщиками земли, сопровождаемая опять аграрными убійствами и волненіями. Затѣмъ возникло тайное общество Феникса. Затѣмъ произошло фенианское

движеніе съ его разнообразными перипетіями въ сѣверной Америкѣ и Ирландіи. И теперь, когда экономическое положеніе народа въ Ирландіи, сравнительно, улучшилось; теперь, когда политика феніанъ перешла въ болѣе мирную агитацію изъ-за самоуправленія Ирландіи (Home-rule), все еще ирландскія дѣла представляютъ сложный вопросъ, который рано или поздно придется рѣшить *итѣликомъ*, потому что всѣ частныя рѣшенія Пилей, Росселей, Дизраэли, Гладстоновъ оказались безсильными. Едва поставлена заплатка на разлѣзающееся платье, какъ оно рвется въ другомъ мѣстѣ. Аграрныя убійства повторяются. Волненіе продолжается. И снова и снова парламентъ Соединеннаго Королевства долженъ рѣшать грозный ирландскій вопросъ. Читатели могутъ почерпнуть подробнѣйшія свѣденія объ этомъ изъ только-что вышедшихъ двухъ трудовъ Соливана, и Ротерфорда (*A. M. Sullivan: „New-Ireland“, Samson Low, 1877; John Rutherford: „The Secret History of the Fenian Conspiracy“, C. Regan Poul, 1877*), причѣмъ оба автора принадлежатъ къ партизанамъ мирной борьбы за улучшение положенія Ирландіи; Соливанъ особенно напираетъ на огромное измѣненіе, происшедшее въ Ирландіи въ послѣдніе полвѣка, — измѣненіе, которое онъ приписываетъ распространенію школъ; но тѣмъ не менѣе изъ этихъ трудовъ легко видѣть, какъ много еще осталось сдѣлать для умиротворенія Ирландіи и какъ безсильна была въ этомъ отношеніи та частная мѣра, которую провели Пиль и Велингтонъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ.

Что касается вліянія отмѣны хлѣбныхъ законовъ на благосостояніе англійскаго рабочаго населенія, то и тутъ опять, какъ во всѣхъ странахъ міра, смѣшно было-бы предположить даже на минуту, что сложное экономическое развитіе, вызвавшее существованіе рабочаго пролетаріата во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра въ данный періодъ времени и фатально ухудшающее положеніе этого пролетаріата вслѣдствіе всего строя экономическихъ отношеній современной цивилизаціи, могло-бы быть остановлено для данной страны отмѣною какого-нибудь одного отдѣльнаго закона. Пила можно извинить тѣмъ, что въ сороковыхъ годахъ не онъ одинъ, но всѣ около него вѣрили, что отмѣна хлѣбныхъ законовъ будетъ универсальнымъ лекаствомъ противъ народныхъ бѣдствій. Этому вѣрили члены лиги; этому вѣрили представители обширной литературы, поэтической и прозаической, направленной противъ хлѣбныхъ законовъ (въ послѣдніе мѣсяцы я видѣлъ, кажется, въ одномъ изъ нашихъ большихъ журналовъ статью о знаменитомъ въ то время *Corn-Law-Rhymer*, Элліотъ); этому вѣрили массы народа. Но прошли годы. За отмѣною хлѣбныхъ законовъ послѣдсвало введеніе различныхъ улуч-

еній въ рабочее законодательство. Однако, отчеты парламентскихъ комисій, изслѣдованія частныхъ людей, свидѣтельства королей при случаяхъ смерти отъ голода, судебныя пренія при нѣкоторыхъ преступленіяхъ, наконецъ, все болѣе грозная борьба тачекъ и выпираній (lock-out) доказываютъ совершенно безспорно, что вопросъ о растущемъ пауперизмѣ рабочаго класса въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, даже не приближается къ своему рѣшенію. Обычный путь политическаго и экономическаго шпортюнизма, путь частныхъ мѣръ противъ частнаго зла, оказывается несостоятельнымъ. Вопросъ требуетъ *цѣльнаго рѣшенія по существу*. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ, поставившая такъ высоко сэра Роберта Пила во мнѣніи его современниковъ, оказывается ничтожною политическою мѣрою, неостановившею даже на минуту фатальнаго процесса экономической борьбы за существованіе для однихъ, борьбы за обогащеніе для другихъ. Оказывается, что даже програма чартистовъ, подавленныхъ движеніемъ противъ хлѣбныхъ законовъ, програма сама по себѣ крайне недостаточная, была все-таки болѣе широка и цѣлесообразна, чѣмъ задача, изъ-за которой Кобденъ и Брайтъ приобрѣли себѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи, а Пилъ выказался политическимъ героемъ.

Я остановился въ особенности на Пилѣ потому, что изъ его соперниковъ никто не можетъ оспорить у него первое мѣсто въ англійской политикѣ того времени по способностямъ, по энергіи и по умѣнью руководить дѣлами. Но и этотъ „необходимый“ человѣкъ для Англіи, этотъ „диктаторъ“ свободнаго государства, является передъ нами не великимъ государственнымъ человѣкомъ съ широкою програмою, съ угадываніемъ истинныхъ потребностей и истинныхъ задачъ общества въ данную минуту, но человѣкомъ съ узкимъ пониманіемъ политическихъ вопросовъ, нисколько невозвышающимся надъ большинствомъ своихъ современниковъ; человѣкомъ, накладывающимъ только заплаты на разрывающееся снова и снова платье государства, причемъ эти заплаты вызываютъ немедленно новыя дыры и новыя трещины. Сэръ Робертъ Пилъ является намъ въ другомъ родѣ столько-же характеристическимъ образчикомъ распадѣнія политическихъ идей и пониженія политическаго пониманія въ XIX вѣкѣ, какъ и Бен-жамень Дизраэли.

И это относится не къ одной Англіи. Разсмотрите политическій персоналъ, окружающій Люи-Филиппа въ послѣдніе годы его царствованія. Тупое доктринерство Гизо и мелочное интриганство юркаго Тьера кажутся еще широкою политикою рядомъ съ спекуляторствомъ Тэстовъ, Кюбьеровъ, Дюшателей съ многочислен-

ною компанією, ихъ окружающею. Разсмотрите персоналъ политическихъ дѣятелей около Фридриха-Вильгельма IV, на котораго при его вступленіи на престолъ возлагали такія широкія надежды. Я не говорю уже о тупыхъ реакціонерахъ министерства Эйхгорнъ-Арнима, которые, по крайней мѣрѣ, знали, чего хотѣли, и употребляли для подавленія всякой свободной мысли обычные рутинные приемы всякой реакціи. Но посмотрите на оппозицію въ Пруссіи и Германіи вообще, на Шэна, который въ 1842 г. принимаетъ министерство при условіяхъ, которыя не позволяли сдѣлать чего-либо какому-бы то ни было министру; на Бюлова-Камерова, съ его вялою критикою положенія Пруссіи, безъ всякой энергической и новой программы; перечтите руководящія статьи представителей южно-германскаго либерализма того времени, Ротгеба и Велькера, и вы увидите, что въ то самое время, когда либерализмъ французскихъ конституціоналистовъ выказывалъ такъ полно свою несостоятельность въ монархіи Люи-Филиппа, въ то время, какъ англійскій парламентаризмъ выработывалъ типы, подобные Дизраэли, эти предводители нѣмецкихъ либераловъ, въ своихъ самыхъ смѣлыхъ теоріяхъ, все вертѣлись въ заколдованномъ кругѣ того-же самаго парламентарнаго либерализма и никто изъ нихъ не рѣшился-бы даже поддерживать програму чартистовъ. Посмотрите, наконецъ, на безспорно умнаго, ловкаго и даровитаго экономиста-политика-амфибію, готовившагося къ роли новаго Мазарини, на Росси, служившаго итальянской реставраціи и Мюрату, бывшаго членомъ Большаго Свѣта Женевы, членомъ государственнаго совѣта Люи-Филиппа, министромъ „либеральнаго“ папы Пія IX. Посмотрите, наконецъ, на руководителя дѣлами Европы въ продолженіи многихъ десятилѣтій, на престарѣлаго князя Меттерниха, наканунѣ 1848 года. Что сдѣлали всѣ эти люди, изъ которыхъ инымъ, какъ Росси, нельзя отказать въ весьма замѣчательныхъ способностяхъ, а за другими, какъ за Меттернихомъ, нельзя не признать замѣчательной энергіи въ проведеніи своихъ плановъ и замѣчательнаго умѣнья подчинять себѣ политическія силы, даже вовсе нерасположенныя, по сущности, дѣйствовать въ его пользу? Что предвидѣли эти люди въ эту бурную эпоху, когда старое общество разрушалось, а новые вопросы выступали со всѣхъ сторонъ? У кого изъ нихъ можно указать настоящій государственный взглядъ, способный воспользоваться наличными общественными силами для своей политической цѣли, какова-бы она ни была? Не погружены ли всѣ въ рутину старыхъ приемовъ, старыхъ формулъ, ни на что болѣе негодныхъ? Не слѣпы-ли они всѣ наканунѣ потрясенія, которое пройдетъ по всей Европѣ? И когда эта буря пройдетъ, когда ошибки дѣятелей 1848 года снова бросятъ европей-

ское общество къ ногамъ новаго карикатурнаго цезаря во Франціи, къ ногамъ новыхъ представителей реакціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ, то можно-ли сказать, что хотя-бы гдѣ-нибудь вынесенъ былъ этою бурей къ кормилу правленія человѣкъ, котораго можно было-бы назвать великимъ государственнымъ умомъ, способнымъ понять свое время, овладѣть его силами и направить эти силы къ своей опредѣленной политической цѣли? Нигдѣ. Реакція пятидесятихъ годовъ ничему не научилась изъ бури, пронесшейся надъ Европою. Либералы повторяли свои старыя, давно заученныя ими уроки. Силы будущаго бродили въ обществѣ, не находя себѣ представителей въ числѣ тѣхъ, которые, по мѣстамъ, ими занимаемымъ, титуловали себя государственными людьми.

Отчего такое безлюдье въ политическомъ мірѣ? Отчего такое безсиліе мысли среди людей, способностей и энергіи которыхъ отрицать было нельзя во многихъ случаяхъ? Неужели поколѣніе XIX вѣка понизилось въ умственномъ отношеніи сравнительно съ министрами, политическими дѣятелями и реформаторами XVII и XVIII вѣковъ?—Конечно, нѣтъ, и объясненіе политическому безлюдью, которое продолжается до нашего времени, приходится искать въ самомъ ходѣ исторіи человѣчества, въ смѣнѣ фазисовъ этой исторіи, выдвигающихъ поочередно то тотъ, то другой общественный элементъ на первый планъ.

Средніе вѣка думали, что основа общественной дѣятельности есть религіозное убѣжденіе, и около религіознаго убѣжденія группировались ихъ главныя заботы. Вопросы о догматахъ и культѣ стояли на первомъ мѣстѣ. Папы и епископы играли самыя видныя роли. Въ духовенство шли самыя крупныя умы, и тотъ, кто хочетъ знать силу средневѣковаго ума, долженъ оцѣнить эту силу въ полемикахъ о предметахъ, касающихся религіи или философіи и политики въ ихъ отношеніи къ религіи.

Но наступило время гуманизма и создался небывалый до тѣхъ поръ типъ: свѣтскаго литератора, свѣтскаго ученаго; духовныя лица въ этотъ періодъ занимаютъ и тутъ самыя видныя мѣста, но это—люди, которые носятъ платье духовенства, маскируются духовными, между тѣмъ какъ ихъ интересы иные. И переворотъ въ мысли былъ такъ силенъ, что даже при попыткахъ религіознаго возрожденія въ обществѣ, въ эпоху реформаціи, поколѣніе замѣчательныхъ представителей религіозной мысли быстро изсякло. По смерти Лютера и Кальвина схоластика протестантизма падаетъ ниже средневѣковой схоластики католицизма. Замѣчательныя умы XVII вѣка всѣ выбираютъ иную дорогу. Даже блестящіе пропо-

вѣдники двора Людовика XIV, Боссюэтъ, Фенелонъ, Флешье, Бурдалу, Массильонъ, замѣчательны какъ ораторы, какъ авторы Телемака или рѣчи о всеобщей исторіи, но не какъ богословы; производительность мысли въ этой сферѣ вымерла на Западѣ, какъ она за много вѣковъ передъ тѣмъ вымерла въ Византіи. За то старая выработка ума въ духовенствѣ выдвигаетъ изъ его рядовъ Гишелье, Мазарини, Альберони, и вмѣстѣ съ тѣмъ политическая мысль привлекаетъ къ себѣ лучшія силы поколѣній. Являются убѣжденные защитники монархическихъ, конституціонныхъ, республиканскихъ теорій, вырабатывающіе живыя для ихъ времени программы либеральнаго прогресса; этотъ прогрессъ пытаются осуществить государи-реформаторы и министры-новаторы путемъ официальныхъ распоряженій, борцы парламентовъ—помощью свободныхъ преній, герои революцій—помощью силы народныхъ массъ. Падаютъ головы королей и министровъ, падаютъ головы либераловъ и радикаловъ. Поочередно захватывается власть представителями разныхъ программъ, разныхъ убѣжденій, и вотъ, наконецъ, въ началѣ 30-хъ годовъ, политика Меттерниховъ подорвана въ большинствѣ передовыхъ странъ Европы. При восторгахъ всего свѣта „славные іюльскіе дни“ начинаютъ царствованіе короля-буржуа. При восторгѣ всего англійскаго народа реформа парламента разрушаетъ вліяніе палаты лордовъ и отдаетъ палату общинъ въ руки буржуазіи.

Казалось, золотой вѣкъ политики долженъ начаться для міра, и вдругъ политическіе люди исчезаютъ со сцены исторіи. Ни убѣждений, ни государственнаго пониманія! Куда дѣвался умъ человечества? Куда ушли его искуснѣйшіе борцы? — Дѣло очень просто: съ XVII-го вѣка растетъ въ Европѣ новая сила централизаціи капиталовъ. Она дала себя знать уже въ молодости Людовика XIV, вырабатывая откупщиковъ, которые соперничали въ великолѣпіи и въ любовныхъ интригахъ съ королемъ-солнцемъ. Она испугала Европу громадностью своихъ силъ во время эпидеміи предпріятій Ло. Она выдвинула въ Англійю остъ-индскихъ набобовъ, директоровъ компаній, которые изъ своихъ конторъ въ Сити завоевывали страны, заключали мирные договоры, высасывали силы и кровь изъ цѣлыхъ націй. Она въ продолженіи вѣковъ обращала поля „веселой Англій“ въ настбища для барановъ и истребляла систематически знаменитыхъ іоменовъ (yeomen) стараго времени. Она выросла до невѣроятной величины, опираясь на техническія изобрѣтенія Уаттовъ, Аркрайттовъ, Стефенсоновъ. Она изъ биржъ стала руководить политикою Европы, судьбами народовъ, и кабинеты, парламенты, „свободная пресса“ оказались органами этой силы. Совершенно естественно умы, которые шли въ средніе вѣка на бо-

гословскіе споры, которые выработывались въ XVII и XVIII вѣкахъ въ государственныхъ людей, въ политическихъ ораторовъ и агитаторовъ, въ руководящихъ публицистовъ, пошли на техническія работы и на денежныя спекуляціи, которыя доставляли *лучшую* карьеру, доставляли *болѣе значительное* вліяніе въ борьбѣ за увеличеніе наслажденій, доставляли ловкому борцу мѣсто среди царей биржи.

Какъ только сила экономическихъ вліяній въ политикѣ выказалась, старыя партіи, старыя программы потеряли смыслъ, скептицизмъ проникъ въ среду политическихъ дѣятелей, душа улетѣла изъ политическихъ преній. *Съ помощью чисто-политическихъ мѣръ ничего не сдѣлаешь*, — вотъ былъ страшный приговоръ, который тяготѣлъ надъ всякимъ мыслящимъ политикомъ и публицистомъ: реформы и революціи одинаково безсильны для блага народовъ, если въ средѣ общества совершается разложеніе, котораго не могутъ остановить ни парламенты, ни министры. И въ душѣ Пилей выработывалось презрѣніе ко всѣмъ традиціямъ партій, презрѣніе ко всѣмъ принципамъ, — выработывался политическій опортюнизмъ. А рядомъ росло поколѣніе спекуляторовъ на политическомъ рынкѣ, — спекуляторовъ, которые, столь-же мало вѣря въ принципы партій, готовы были высоко поднять знамя съ какимъ угодно девизомъ, священнымъ для прежнихъ поколѣній, чтобы достигнуть своихъ *личныхъ* цѣлей. Ихъ видѣли насквозь, ихъ презирали, ихъ провозглашенію „великихъ принциповъ“ не вѣрили, но, при отсутствіи новыхъ политическихъ принциповъ и программъ, при полномъ безсиліи большинства найти исходъ изъ господства биржевиковъ и промышленниковъ, все-таки рады были старой игрушкѣ, старому знамени, и если спекуляторъ на политику былъ ловокъ и талантливъ, партіи поднимали его на щитъ, презирая его, признавали его своимъ предводителемъ, чувствуя въ нему отвращеніе.

Это и есть объясненіе карьеры Бенжамена Дизраэли, когда онъ, никѣмъ нелюбимый, никѣмъ неуважаемый еврей-перекрестъ, добился безцеремонностью и наглостью своихъ нападеній на противниковъ перваго мѣста въ самой гордой аристократической партіи Англии. Онъ былъ не лучше, да и не хуже другихъ. Въ обществѣ вѣра въ политическія программы вымирала. Оставалось въ политикѣ мѣсто лишь для опортюнистовъ или для спекуляторовъ. Дизраэли спекуляція удалась послѣ нѣсколькихъ маленькихъ политическихъ банкротствъ, и вотъ онъ сдѣлался лордомъ Биконсфильдомъ, сдѣлался премьеромъ, отъ слова котораго зависитъ въ настоящую минуту судьба народовъ, европейская война или миръ.

II. Уг — жовѣ.



# ЧЕГО ОЖИДАТЬ ОТЪ ВОСПИТАНІЯ?

(Воспитаніе умственное, нравственное и физическое, соч. Герберта Спенсера. издание Карбаспикова. Спб., 1877 г.)

## I.

Съ того времени прошло почти четверть вѣка: дѣти стали отцами, взрослые состарѣлись, старики успѣли умереть, и вступившее въ жизнь новое поколѣніе, также какъ и предыдущее, завершаетъ свое двадцатипятилѣтіе войнокъ.

Новымъ словомъ дѣйствующаго теперь поколѣнія было: „знаніе, наука, просвѣщеніе“. И слово стало главнымъ дѣломъ. Статистика просвѣщенія даетъ самое блистательное доказательство практическихъ воспитательныхъ усилій нашего времени.

Двадцать пять лѣтъ назадъ у насъ издавался только одинъ педагогическій журналъ—„Педагогическій Вѣстникъ“; теперь его смѣнили болѣе десяти педагогическихъ изданій—„Семья и Школа“, „Воспитаніе и Обученіе“, „Женское Образованіе“, „Дѣтское Чтеніе“, „Педагогическій Музей“ и т. д. У каждаго изъ нихъ столько-же подписчиковъ, сколько было ихъ у „Педагогическаго Вѣстника“. Читателей увеличилось вдесятеро.

Но литературѣ воспитанія не было русскихъ руководствъ; по крайней мѣрѣ, мы не помнимъ ни одного, которымъ-бы пользовались наши матери. Теперь забылись уже Маутнеръ и Комбъ, некогда раскупавшіеся на расхватъ, и явились книги Манасеиной, Водовозовой, Копради, Вессель, Паульсонъ; переведены всѣ воспитательныя статьи Спенсера, завелись цѣлыя мастерскія и склады учебныхъ педагогическихъ пособій: Фену, Онгирскій, Исаковъ, Надѣишь.

„Книжечъ для чтенія“ была всего одна—Максимовича; теперь Ушинскій, Водовозовъ, Водовозова, Бунаковъ, Паульсонъ, Попова, Соловьевъ-Несмеловъ и т. д., заставили давно забыть Максими-

га. Книжныя лавки завалены массою ихъ изданій, и одинъ Вольфъ тапечаталъ болѣе ста тысячъ экз. дѣтскихъ книгъ.

По воспитательной психологіи у насъ не было ровно ничего. Гелеръ явились „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“, Ушинскаго, масса популярныхъ и непопулярныхъ руководствъ по психологіи, переводы Спенсера, Бэна и даже попытка пересоздать русскую воспитательную педагогикѣ вообще.

Народной литературы почти не существовало, были только лучшія изданія картинъ да сказокъ. Теперь одинъ московскій комитетъ грамотности издалъ болѣе 200 т. экз. разныхъ книжекъ, явилось болѣе 200 изданій губернскихъ народныхъ чтеній—„Общественной Пользы“, особаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, Исакова, Фену, „Досугъ и Дѣло“, Погосскаго, Зыкова и друг. Для народа открыты публичныя лекціи въ Петербургѣ, Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ; народу показываются туманныя картины; ему даютъ читать Тургенева, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, не считая массы книгъ духовнаго содержанія и по естествознанію. Есть народныя книжки по сельскому хозяйству, о банкахъ и о дешевомъ кредитѣ. Миліоны книгъ ушли въ народъ за это время.

Прежде гимназіи считались единицами; теперь даже въ уѣздныхъ городахъ явились прогимназіи, а въ большинствѣ губернскихъ—даже по двѣ гимназіи. Рядомъ съ классическими явились гимназіи реальныя, техническія училища, въ университетахъ увеличено число кафедръ, прежніе корпуса—лѣсной, горный—превратились въ академіи; школы земледѣлія, какъ Горигорѣцкій институтъ, выросли въ петровско-разумовскую академію, а народныя школы, едва считавшіяся сотнями, составляютъ болѣе трехъ тысячъ.

О сѣздахъ не имѣли никакого понятія и умственное общеніе было неизвѣстно. Теперь каждый, болѣе выдающійся губернский городъ, устраиваетъ у себя сѣзды учителей, учительскіе курсы, учительскія бесѣды, сѣзжаются сельскіе хозяева, техники, врачи, лѣсничіе, сѣзжаются желѣзно-дорожники. Общеніе и обмѣнъ если не идей, то попытокъ имѣтъ идеи, вошла въ обычай.

Учителей было мало, учебниковъ почти вовсе не было. Мученія учениковъ, которымъ приходилось переписывать уроки или записывать подъ диктовку лекціи—давно забытое преданіе. Учебники по всѣмъ предметамъ знанія, одобренные министерствомъ народнаго просвѣщенія, масса соперничающихъ руководствъ, даже по одному и тому-же предмету, затрудняютъ учениковъ въ выборѣ. Тысячи новыхъ и свѣжихъ дѣятелей-педагоговъ, учителей, учительницъ, смѣнили жалкія единицы былого времени и предлагаютъ свои услуги юношеству, ищущему знаній и подготовки.

Былая система воспитанія, когда учениковъ не только сѣкли, но чуть-ли не казнили, смѣнилась системою свободы и мягкаго, гуманнаго обращенія,—системою, гдѣ учитель и ученикъ съ первыхъ шаговъ проникаются чувствомъ взаимнаго человѣческаго достоинства. Наконецъ, саморазвитіе смѣнило прежнюю систему подавляющаго воспитанія.

И несмотря на то, что одного Ушинскаго разошлось болѣе пятисотъ тысячъ книжекъ, что Водовозовъ напечаталъ болѣе двухсотъ тысячъ экземпляровъ, не считая Бунакова, Евтушевскаго и др., не считая, по меньшей мѣрѣ, миліона экз. разныхъ руководствъ, по которымъ учатся гимназисты и гимназистки, не считая массы учителей и учительницъ,—это лихорадочное развитіе педагогическаго міра и его воспитательныхъ средствъ кажется все еще недостаточнымъ; воспитательная лавина катится и растетъ, а земство напрягаетъ всѣ свои силы, урываетъ повсюду свой бюджетъ, чтобы увеличить число школъ, создать новыхъ и новыхъ грамотныхъ людей, въ которыхъ все еще и повсюду чувствуется недостатокъ.

Семейное воспитаніе сдѣлало такой шагъ впередъ, о какомъ двадцать пять лѣтъ назадъ никто и не думалъ. О физическомъ воспитаніи наши отцы и не мечтали. Книжка Маутнера, учившая уходу за дѣтми, явилась неслыханнымъ откровеніемъ. Новая система явилась полнымъ отрицаніемъ всего, что дѣлалось раньше. Она изгнала пеленанье, укучиванье, ввела кормленье по часамъ, ванны, систематическія прогулки; повсюду устроились дѣтскіе сады. Кончилось зазубриваніе басень, и новыя матери, проникшись рациональною теоріей, взялись энергично за воспитаніе здоровыхъ, свободныхъ дѣтей.

Но вотъ другой рядъ фактовъ. Раньше времени, о которомъ мы говоримъ, воспитаніе не составляло „вопроса“, ни частнаго, ни общаго; дѣти росли безъ „ухода“, матери не знали ни Комба, ни Маутнера, учителя учебныхъ заведеній не знали никакихъ руководствъ, печатные учебники были только по исторіи, да и то Кайдановъ, по географіи существовалъ Ободовскій. Объ этомъ времени вспоминали, какъ о времени жалкомъ и тупомъ, заглушавшемъ всякое дарованіе. И странная вещь: сколько именъ оставило это время и въ русской наукѣ, и въ русскомъ искусствѣ, и въ русской литературѣ, и на русскомъ военномъ поприщѣ, и въ области гражданской дѣятельности. Въ русскихъ университетахъ, особенно московскомъ, дѣйствовала цѣлая плеяда свѣтиль. давшая небывалый толчокъ русской мысли, и Россія хранить и будетъ хранить память о Грановскомъ, Кудрявцевѣ, Крыловѣ, Рѣдкинѣ, Рулье, Линовскомъ, Мейерѣ. Отъ этихъ людей вѣяло даровитостью, правдой и искренностью; они сами вѣрили въ то,

что говорили, и вѣрили въ науку ихъ слушатели. Даже „скучное“ сельское хозяйство Линовскій умѣлъ сдѣлать словомъ живой жизни и читалъ его такъ, что къ нему собирались студенты другихъ факультетовъ. О Грановскомъ въ московскомъ университетѣ, о Мейеръ—въ казанскомъ до сихъ поръ живо преданіе; но сохранятъ-ли память о себѣ нынѣшніе профессора?

Въ литературѣ тоже дѣйствовала цѣлая плеяда, извѣстная подъ именемъ писателей 40-хъ годовъ; ихъ смѣнили писатели 60-хъ годовъ. Имена тѣхъ и другихъ писателей извѣстны. Теперешнее поколѣніе и читаетъ больше, и знаетъ, повидимому, больше, и учится больше, и думаетъ больше, и наблюдаетъ больше, и имѣетъ больше матеріала для наблюдений и знаній, но какихъ людей выставила намъ современная наука, литература и искусство, дала-ли послѣдняя четверть вѣка хоть одно яркое имя? Гдѣ новые публицисты, гдѣ новые критики, гдѣ новые романисты? Возьмемъ-ли мы театр, музыку—вездѣ то-же. Мочаловъ, Каратыгинъ, Мартыновъ, Щепкинъ, Садовскій смѣнились Сазоновымъ, Нильскимъ. Въ музыкѣ Глинка размѣнялся на Кюи и Мусоргскаго.

Что-же создало этихъ людей съ именами? Школа, грамотность, образованіе техническое, классическое, реальное? Было-ли тогдашнее домашнее воспитаніе лучше? Нѣтъ, оно было хуже. Было лучше общественное воспитаніе?—тоже нѣтъ. Было больше свободы для развитія личности?—сомнительно. Была шире общественная жизнь и шире свобода слова? — нѣтъ. Во всѣхъ отношеніяхъ теперь и лучше, и свободнѣе, и больше средствъ для образованія, и больше возможности учиться, а людей все-таки меньше. Говорятъ, болѣе даровитыя личности уходятъ туда, гдѣ имъ представляется больше выгодъ и больше возможности приложить свои силы. Дѣйствительно, если даровитому человѣку предстоитъ получать на коронной службѣ тысячу, двѣ, три жалованья, а гдѣ-нибудь въ банкѣ, на желѣзной дорогѣ — шесть, десять, онъ предпочтетъ частную службу. Если при командованіи ротой или полкомъ даровитый человѣкъ получитъ меньше, чѣмъ управляя частнымъ дѣломъ, онъ пойдетъ въ частное. Этимъ способомъ люди большихъ способностей постепенно оставляютъ спеціальныя поприща и переходятъ на другія, гдѣ ихъ способности приносятъ большія выгоды. Но вѣдь есть поприща, которыя каждая даровитая личность предпочтетъ всѣмъ остальнымъ. Такимъ поприщемъ является искусство въ обширномъ смыслѣ. Въ этой области хотя и неизбежно знаніе и образованіе, но еще больше—особенное душевное содержаніе, которое не дается никакой школой, никакимъ гувернеромъ, никакой наукой. Пушкинъ получилъ самое ничтожное образованіе и хотя

оно всегда сказывалось въ его произведеніяхъ, но онъ все-таки вышелъ Пушкинымъ. Вышелъ Лермонтовымъ и Лермонтовъ, несмотря на то, что онъ воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпорщиковъ. Каратыгинъ воспитывался въ горномъ корпусѣ и вышелъ европейскимъ талантомъ. Самойловъ былъ лѣсничимъ. А плохое театральное училище, создавшее Мартынова, при своемъ теперешнемъ лучшемъ устройствѣ, не создало никого ему на смѣну. Чтобы читатель понималъ, что это вопросъ не специально русскій, мы могли-бы сослаться и на Европу. И тамъ ни Шиллера, ни Гёте, ни Моцарта, ни Бетховена не создаетъ теперешняя Германія. Титановъ нѣтъ и во Франціи. Въ Англіи о государственныхъ людяхъ сохранилось лишь преданіе, и либеральный вождь либеральной партіи, Гладстонъ, является очень маленькимъ рядомъ съ старикомъ Питтомъ. Не тѣ вопросы волнуютъ теперь Европу и для этихъ вопросовъ не нужны прежніе люди. Конечно, измѣнилась не природа человѣка. Мы, мечтатели, особенно женщины и особенно когда, отвернувшись отъ всего предъидущаго, захотѣли создать новое и новыхъ людей,—мы накинудись съ увлеченіемъ на воспитаніе и думали, что имъ можно вылечить и Россію, и все человѣчество отъ всѣхъ прежнихъ и будущихъ золъ. Женщины, которыя ничего не умѣютъ дѣлать спокойно, безъ увлеченія, первыя-же разочаровались, первыя и опустили руки. Пока матери управлялись въ дѣтской, гдѣ имъ никто не мѣшалъ, пока онѣ обмывали и одѣвали ребенка по Маутнеру и Комбу, пока устраивали конвертики вмѣсто свивальниковъ—воспитаніе шло безъ помѣхи, потому что кормилицу и няню можно было заставить повиноваться, а мужа попросить не вмѣшиваться. Но вотъ ребенокъ растетъ, ему пять, шесть, семь лѣтъ, у него являются товарищи, сынъ или дочь поступаютъ въ гимназію, товарищество еще болѣе, образуется цѣлая „среда“, каждый членъ этой среды вноситъ въ нее нѣчто „свое“. Начальники, учителя, дисциплина заведенія вносятъ своего еще больше: образуется уже цѣлый міръ разныхъ теченій, стремленій, направленій, и передъ матерью, которая прежде имѣла дѣло только съ своею дѣтской, встаетъ уже цѣлая масса новыхъ невѣдомыхъ ей условій, требованій, препятствій, трудностей, передъ которыми у нея опускаются руки. А какъ все казалось просто, пока о воспитаніи только мечталось въ четырехъ стѣнахъ дѣтской, гдѣ мать была одна съ своимъ ребенкомъ и гдѣ она могла дѣлать, что ей вздумается! Теперь многія изъ матерей, вмѣсто того, чтобы рваться, какъ прежде, махнули рукой, потеряли вѣру во всемогущество воспитанія и въ силу средствъ, которыми владѣли. Маутнеръ, и Комбъ, и Манасеина, „Воспитаніе и Обученіе“, и „Семья и Школа“, и Ушинскій, и Водовозовъ, и Буна-

ковъ, и Паульсонъ, вся эта толпа современныхъ педагогическихъ писателей потеряла свой прежній кредитъ. Ихъ только терпятъ, но слову ихъ уже не вѣрятъ. Къ безвѣрію пришли не однѣ маменьки. Педагогъ—практическій и теоретическій, учитель и педагогическій писатель,—прежде гордо державшій свою голову, считавшій себя творцемъ будущаго человѣчества, русскимъ Руссо, и „носителемъ идеи“, опустилъ теперь голову и лишился своего ореола.

Вы, гувернантки и учителя, вы, наши руководители и наставники, вы, наши педагоги и педагогическіе писатели, не огорчайтесь тѣмъ, что кредитъ вашъ упалъ и вы теперь не въ авантажѣ. Вѣра исчезла не въ васъ лично. Исчезла вѣра въ спасительность того дѣла, которымъ вы хотѣли насъ спасти. Повторяя Руссо, вы говорили, что воспитаніе — все; но развѣ вы дали это все? Но и васъ винить нельзя: вы сами вѣрили тому, что обѣщали, а теперь этому не вѣрите, и не вѣрите потому, что и васъ обманула педагогика, и вамъ она не дала того, чего вы отъ нея ожидали. Не дала-же она потому, что и не можетъ дать, что не школа исправляетъ человѣчество, не школа творить таланты, не школа создаетъ жизнь.

И не у насъ однихъ живетъ подобная вѣра во всемогущество воспитанія: ему сильно вѣрятъ представители и педагогической науки въ Германіи, вѣрятъ ему и въ Англии. Спенсеръ, какъ послѣдователь Руссо, тоже смотритъ на воспитаніе преувеличенно. Изданный г. Карбасниковымъ переводъ статей Спенсера о воспитаніи въ частностяхъ вещь очень полезная, но мы сомнѣваемся, чтобы книжка эта по общей своей идеѣ принесла ту пользу, какой отъ нея ожидаютъ поклонники и почитатели Спенсера. И его авторитетъ у насъ уже блекнетъ, и не безъ причины: Спенсеръ—слишкомъ англичанинъ.

## II.

Если сравнивать теперешнихъ людей съ людьми отдаленнаго былого, хотя-бы среднихъ вѣковъ, то оказывается, что тѣ люди были больше и выносили больше, что, напр., въ рыцарскія времена мальчикъ 12 лѣтъ выносилъ на себѣ доспѣхи въ два пуда, а нынѣшній человѣкъ въ доспѣхахъ Карла Великаго или Балдуина задохся-бы. Теперь дѣти не достигаютъ роста своихъ родителей; нынѣшніе медики говорятъ, что люди не могутъ выносить такой потери крови, какъ прежде; плѣшивость, раннее выпаденіе зубовъ встрѣчаются на каждомъ шагу и нынѣшній человѣкъ даже въ удовольствіяхъ не вынесетъ того, что выносилъ прежде.

Шлоссеръ приводитъ рядъ фактовъ, какъ веселились люди прошлаго столѣтія; они могли танцовать по трое сутокъ сряду, могли пьянствовать по нѣскольку дней сряду, и люди, выпивавшіе ведро бургонскаго вина въ одинъ вечеръ, не составляли исключенія. Несмотря на то, что предки и даже отцы наши вели неправильную жизнь, мало заботились о свѣжести воздуха, объ опрятности, о регулярности жизни, они даже и въ старости могли выносить необыкновенно продолжительныя энергическія занятія. Мы, смѣнившее ихъ поколѣніе, возвели гигиену въ основную науку личнаго благосостоянія, не пьянствуемъ, какъ наши отцы и дѣды, не ѣдимъ, какъ Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, освѣжаемъ свои комнаты чистымъ воздухомъ, на лѣто уѣзжаемъ въ деревню или на дачу для подкрѣпленія здоровья, развели массу медиковъ, аптекъ и больницъ, и, несмотря на то, мы гораздо слабѣе нашихъ предковъ, которые о здоровьѣ не думали. Вѣдь прежніе люди тоже терпѣли отъ объяденія, да только могли ѣсть больше, они терпѣли отъ пьянства, да могли пить больше, они терпѣли и отъ напряженнаго труда, да могли работать больше, терпѣли и отъ простуды, да простуживались рѣже. Отчего-же прежній чловѣкъ могъ выносить больше, чѣмъ теперешній?

„Куда-бы вы ни пошли, говоритъ Спенсеръ—онъ говоритъ объ Англіи—вы встрѣтите вездѣ дѣтей или молодыхъ людей обоихъ половъ, здоровье которыхъ разстроено непосильными занятіями. То вы видите ученика, котораго для поправленія здоровья уволили изъ училища на годъ, то отъ усиленныхъ занятій у ребенка сдѣлается хроническій приливъ крови къ мозгу, то ученика выносятъ въ обморокъ изъ класса, потому что занятія ему не по силамъ, то, наконецъ, отъ такихъ-же занятій дѣлается съ ребенкомъ горячка. Еще чаще подобные случаи съ дѣвочками. Дѣти повсюду не въ состояніи выносить того умственнаго напряженія, которое имъ приходится выносить, и въ доказательство этого Спенсеръ приводитъ образчикъ распредѣленія времени въ среднихъ женскихъ училищахъ Англіи. Сутки распредѣляются тамъ такимъ образомъ:

Въ постели . . . . .	9	час. (младшія 10 час.).
Въ школѣ за классными и приготовительными занятіями. . . . .	9	„
Въ школѣ или дома, старшія за добровольными занятіями, младшія въ играхъ . . . . .	3½	„ (младшія 2½ час.)
За завтраками и обѣдами. . . . .	1½	„
Упражненія на открытомъ воздухѣ подъ видомъ формальной прогул-		

ки, часто съ учебниками въ рукахъ,  
если погода хорошая . . . . . 1

Послѣдствіями этихъ изумительныхъ правилъ—слабость, блѣдность, дурное расположеніе духа, общее дурное состояніе здоровья. Спенсеръ посѣтилъ одну учительскую семинарію, учрежденную съ цѣлью снабженія школъ хорошо подготовленными учителями, и въ этомъ разсадникѣ будущихъ воспитателей, въ заведеніи, находящемся подъ официальнымъ надзоромъ и, слѣдовательно, заключающемъ больше ручательства въ цѣлесообразности порядковъ, онъ нашелъ такое распредѣленіе времени:

Въ 6 часовъ студентовъ будятъ.

Отъ 7 до 8 часовъ уроки.

„ 8 „ 9 „ чтеніе священнаго писанія, молитвы и завтракъ.

„ 9 „ 12 „ уроки.

„ 12 „ 11 $\frac{1}{4}$  „ свободное время, номинально назначенное для прогулки или другихъ упражненій, но употребляемое на уроки.

„ 1 $\frac{1}{2}$  „ 2 „ обѣдъ.

„ 2 „ 5 „ уроки.

„ 5 „ 6 „ чай и отдыхъ.

„ 6 „ 8 $\frac{1}{2}$  „ уроки.

„ 8 $\frac{1}{2}$  „ 9 $\frac{1}{2}$  „ приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню.

Въ 10 часовъ ложатся спать.

Слѣдовательно, 8 часовъ изъ 24 назначаются для сна, 10 $\frac{1}{2}$  на занятія, 1 $\frac{1}{4}$  тѣлеснымъ упражненіямъ, которыя, впрочемъ, не обязательны и часто избѣгаются. Въ практикѣ и эти часы не выдерживаются такъ строго. Занятія бывають часто до 11 $\frac{1}{2}$ , потому что ученики посвящаютъ книгамъ и занятіямъ часть своего рекреационнаго времени. Другіе встають въ четыре часа утра, потому что иначе не успѣють приготовить уроковъ. Послѣдствіями этого порядка прежде всего блѣдность учениковъ, затѣмъ недостатокъ аппетита, несвареніе желудка и поносъ, отъ котораго страдаетъ нерѣдко треть учениковъ. На головную боль жалуются почти всѣ.

Природа—хорошій счетчикъ, какъ выражается Спенсеръ, и потому она всегда покажетъ, если въ ея счетѣ не выходитъ вѣрнаго баланса. Природу человѣка нельзя надавливать, нельзя требовать отъ нея большаго, чѣмъ она можетъ дать. Человѣкъ заключаетъ въ себѣ извѣстное, точно опредѣленное количество силъ, и его организмъ не можетъ произвести больше работы, чѣмъ сколько въ состояніи. Въ ребенкѣ и въ юношѣ спросъ на жизненную силу весьма разнообразенъ. Если заставить организмъ производить излишнюю фи-



зическую работу, излишекъ пойдетъ на средства мозга; заставивъ излишне работать мозгъ, мы отнимемъ часть силъ отъ тѣла. Перевариваніе тяжелаго обѣда производить утомленіе мозга и тѣло тратитъ столько силъ, что нерѣдко требуется послѣобѣденный сонъ. Произведите слишкомъ большую физическую работу, напр. пройдите верстъ тридцать или протанцуйте всю ночь, и вслѣдъ за этимъ вы почувствуете неспособность къ умственному усилію. У крестьянъ, проводящихъ жизнь въ мускульномъ трудѣ, умственная дѣятельность очень слаба. Дѣти, которыя растутъ скоро, обнаруживаютъ вялость, т. е. упадокъ энергіи и умственную, и физическую слабость. Сильное мускульное напряженіе послѣ ѣды останавливаетъ пищевареніе. Дѣти, которыхъ рано приучаютъ къ тяжелой работѣ, бываютъ малорослы. При избыткѣ умственныхъ усилій послѣдствія гораздо серьезнѣе и тѣлу наносится наибольшій вредъ. Мозгъ въ ранніе годы относительно великъ по объему, но несовершененъ по строенію. При усиленной работѣ онъ подвергается большому структурному развитію и въ окончательномъ результатѣ получается недостатокъ и въ объемѣ, и въ силѣ. Здѣсь повторяется то-же, что такъ легко наблюдать при развитіи дѣвочекъ и мальчиковъ. Дѣвочки, которыя быстро развиваются физически и умственно, перестаютъ расти раньше. Мальчики развиваются гораздо медленнѣе. Когда дѣвочка достигаетъ зрѣлости и полного развитія всѣхъ способностей, мальчикъ, развитіе котораго требуетъ больше жизненныхъ силъ, еще относительно несовершененъ по строенію, что и обнаруживается въ немъ мѣшковатостью, физической и умственной. Если начать усиливать развитіе какого-нибудь одного органа ребенка, то непомѣрное его развитіе ведетъ за собою остановку его роста, что именно и случается съ мозгомъ, когда слишкомъ объ немъ заботятся. Только въ этомъ и причина, что такъ-называемыя скороспѣлыя дѣти внезапно останавливаются въ развитіи и не оправдываютъ надеждъ своихъ родителей. При усиленныхъ головныхъ занятіяхъ даже чувства развиваются невѣрно и неправильно, слабѣютъ энергія, активность, воля и всѣ факторы характера остаются въ зачаточной формѣ.

Относясь порицательно къ системѣ подобнаго воспитанія, Спенсеръ замѣчаетъ, что сохраненіе здоровья есть обязанность и что существуетъ физическая нравственность, о которой большинство людей не имѣетъ понятія. Конечно, каждый воленъ обходиться съ своимъ тѣломъ, какъ ему заблагоразсудится, но и физическіе законы организма имѣютъ также свои права, которыя они затѣмъ и предъявляютъ. Мало того, что отъ несоблюденія физической нравственности пострадаетъ тотъ, кто ее нарушалъ,—за его физическіе грѣхи пострадаетъ и его потомство.

Рядомъ съ этими фактами, на которыхъ мы остановили вниманіе читателя, Спенсеръ представляетъ еще рядъ фактовъ, которые именно и убѣждаютъ, что воспитаніе вовсе не панацея отъ всѣхъ золъ. Тотъ-же Спенсеръ, который только-что доказывалъ, какъ напряженіе умственныхъ силъ вредитъ жизни, приводитъ другой рядъ фактовъ, которыми доказывается, что безъ сильнаго головного напряженія погибнешь въ борьбѣ за существованіе. Спенсеръ указываетъ на постоянно возрастающее напряженіе, составляющее cadaго дѣйствовать съ небывалой энергіей умственныхъ и физическихъ силъ. То патріархальное время, когда можно было изжить всю свою жизнь не выѣзжая изъ родного города, миновало безвозвратно; во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ отношеніяхъ явился нынче такой запросъ на человѣческую силу, что соперничество между людьми достигло небывалаго до селѣ напряженія. Прежде работы однихъ отцовъ было достаточно, чтобы могла существовать семья, теперь пошли въ работники не только дѣти, но и женщины. Женская половина человѣчества стала теперь такой-же рабочей силой, какъ и мужская. Даже „женскій вопросъ“ въ сущности вопросъ о кускѣ хлѣба. Какія женщины разрѣшаютъ „женскій вопросъ?“—только тѣ, которымъ живется трудно, только тѣ, которыя обременяютъ семью. Масса голодныхъ ртовъ составляетъ нынче не благословеніе божіе, какъ прежде, а бремя; они не скрѣпляютъ, а разъединяютъ семью. Ежедневныя заботы о кускѣ хлѣба разрушаютъ семейный миръ и создаютъ несчастіе тѣхъ, чей трудъ оказывается недостаточно производительнымъ. Еще-бы дѣвушкѣ или женщинѣ не рваться изъ такого домашняго ада! Гдѣ-же она найдетъ свой рай—въ замужествѣ? Но развѣ мужчина женится теперь такъ легко, какъ прежде? Онъ ясно видитъ въ будущемъ голодные рты, которыхъ ему не накормитъ, видитъ массу дѣтей, которыхъ ему не воспитать. И вотъ мужчина воздерживается отъ брака, число холостыхъ дѣвушекъ увеличивается, а съ ними и „женскій вопросъ“ становится настоятельнымъ.

Никогда еще человѣческой трудъ не былъ такъ недостаточенъ и неуспѣшенъ, какъ нынче, и никогда отъ людей не требовалось такой небывалой, чудовищной энергіи. Десятичасового труда въ день мало для ученика въ школѣ, десятичасового труда въ день мало мускульному рабочему, мало интеллектуальному рабочему. А результаты оказываются все-таки недостаточными. Общественныя нужды выросли до небывалаго прежде размѣра; бюджеты государствъ, удовлетворявшіеся сто лѣтъ тому назадъ тысячами, не удовлетворяются нынче и миліонами. Въ полтавскую битву, рѣшившую судьбу Сѣвера, было у Петра Великаго всего 15,000 войска; теперь съ такими силами дѣлаютъ простую рекогносци-

ровку, а судьбы государствъ рѣшаются миліонными арміями. Народное образованіе, юстиція, общественное и городское благоустройство поглощаютъ другіе миліоны. Конечно, въ старину города не знали ни газоваго освѣщенія, ни мостовой и уличное благоустройство было неизвѣстно. Теперь жизнь городовъ стала свѣтлѣе, разнообразнѣе, утонченнѣе, кипучѣе, но за то и достигла послѣдней степени напряженія. Никогда трата мускульной и нервной силы не была такъ велика, какъ нынче. Никогда отдѣльный человѣкъ и ради общественныхъ, и ради государственныхъ, и ради своихъ личныхъ и семейныхъ нуждъ не тратилъ столько рабочей силы, не сосредоточивалъ въ себѣ столько энергіи, чтобы побѣдить соперничество, которое стоитъ передъ нимъ, какъ страшное.

Цивилизація требуетъ образованія и для удовлетворенія этого требованія явились въ Европѣ миліоны школъ; для миліоновъ школъ требуются десятки миліоновъ учителей, но чтобы каждый изъ миліона могъ сохранить свое мѣсто, онъ долженъ работать изъ всѣхъ силъ, иначе на его мѣсто явятся два претендента, а за ними выростутъ еще четыре, готовые смѣнить этихъ, если они окажутся непригодными. Развившаяся промышленность вызвала кредитныя учрежденія, комисіонныя конторы и десятимлліонный промышленный личный составъ — управляющихъ, приказчиковъ, комисіонеровъ, конторщиковъ, счетчиковъ, бухгалтеровъ, на смѣну которыхъ стоятъ опять новые десять миліоновъ: конторщиковъ, бухгалтеровъ, счетчиковъ, готовые смѣнить ихъ, если они не выдержатъ напряженія. Желѣзнымъ дорогамъ нуженъ опять млліонный личный составъ — начальниковъ, ревизоровъ, машинистовъ, бухгалтеровъ, счетчиковъ, писцовъ, и всѣ они работаютъ напряженно, неправильно, безпорядочно, безъ всякой экономіи силъ, до которой и нѣтъ никому никакого дѣла. Вся эта заведенная машина должна удовлетворять какому-то невидимому повукателю. должна приноровляться къ его вкусамъ и часамъ, а люди при ней — только послушное орудіе какой-то вѣшной силы, которая, въ свою очередь, двигаетъ млліонами людей и сотнями миліоновъ грузовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ той-же цивилизаціи. И повсюду и вездѣ, въ частной и общественной жизни, каждый работаетъ полнымъ напоромъ силъ, каждый борется за свое существованіе, потому что существованію каждаго грозитъ претендентъ, борющійся тоже за свое существованіе. А жизнь дѣлается все напряженнѣе и дороже, требованія растутъ все больше и больше.

Спенсеръ и самъ признаетъ эти трудности жизни, но имъ онъ, къ сожалѣнію, посвятилъ всего одну страницу. Вотъ-что онъ говоритъ о напряженіи современной жизни: „На старыхъ и на мо-

лодыхъ давленіе современной жизни налагаетъ постоянно возрастающее напряженіе. Во всѣхъ дѣлахъ и должностяхъ усиливающееся соперничество обременяетъ силы и способности взрослыхъ. Для того, чтобы подготовить молодыхъ принять участіе въ этомъ усиливающемся соперничествѣ, они подвергаются болѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ прежде. Вредъ, такимъ образомъ, усиливается. Отцы, которыхъ со всѣхъ сторонъ стѣсняють умножившіеся соперники и которые, трудясь при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, должны поддерживать болѣе дорогой образъ жизни, бывають принуждены работать круглый годъ съ утра до ночи, дѣлая мало движенія и пользуясь только короткими отдыхами. Организмы, разстроенные этимъ постояннымъ превышающимъ силы трудомъ, наследуются дѣтми, а потомъ эти сравнительно слабыя дѣти, предрасположенныя къ изнуренію даже отъ обыкновеннаго напряженія силъ, должны пройти болѣе обширный курсъ, чѣмъ тотъ, который предписывался менѣе ослабленнымъ дѣтямъ прошлыхъ поколѣній“. Вотъ и все. Не придавъ почти никакого значенія требованіямъ современной цивилизаціи, Спенсеръ перенесъ весь центръ тяжести собственно на воспитаніе. Въ другомъ мѣстѣ онъ пытается даже объяснить, почему теперешняя система воспитанія наслѣдуетъ преимущественно мозгу. Но и это объясненіе имѣетъ не тотъ характеръ, чтобы могли выясниться причины современной общественной болѣзни. Спенсеръ говоритъ, что физическое воспитаніе было главною цѣлью человѣчества въ его первобытныя времена, когда главную общественную дѣятельность составляли нападеніе и защита. Тогда первую цѣлью воспитанія была тѣлесная сила съ сопровождающимъ ее мужествомъ. Объ умственномъ развитіи заботились мало, и потому, что главный запросъ былъ на физическое мужество, къ умственному, какъ, напр., въ феодальныя времена, часто относились съ презрѣніемъ.

Въ наше относительно мирное время всякій соціальныи успѣхъ зависитъ гораздо больше отъ умственной силы и потому понятно, что воспитаніе наше сдѣлалось почти исключительно умственнымъ. Спенсеръ думаетъ, что современное общество кинулось въ другую крайность. вмѣсто былого уваженія тѣла и пренебреженія ума, мы теперь уважаемъ умъ и пренебрегаемъ тѣломъ. Но почему-же эта крайность? Почему-же явилась такая необходимость обратить все вниманіе на развитіе ума? Если могло-бы сдѣлаться иначе, отчего оно не сдѣлалось? На-сколько здѣсь участвуютъ ошибки людей, на-сколько здѣсь ошибка мысли и на-сколько требующимъ факторомъ является самая жизнь? Отецъ, просиживающій за конторкой больше десяти часовъ въ сутки, работающій при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, развѣ можетъ хоть на полчаса сократить

сроки своихъ занятій? Развѣ, готовя сына къ тому-же дѣлу, онъ не долженъ дать ему тѣхъ знаній, безъ которыхъ ему нельзя будетъ занять мѣсто за подобной-же конторкой? Вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ труда, требуются нынче высшія способности и высшая производительность. На мануфактурахъ успѣшность труда достиглась введеніемъ машинъ, но для сферъ умственнаго труда машинъ никакихъ нѣтъ. Значить, для успѣшности труда остается одно — усиленіе способностей и усиленіе производящей энергіи. Удовлетворить этимъ требованіямъ можно только однимъ — воспитаніемъ людей, соотвѣтствующихъ времени. И вотъ воспитаніе налагаетъ на развитіе ума, ибо умъ и знаніе—все. Но когда воспитаніе захотѣло удовлетворить этому требованію и сложилось въ систему, порицаемую Спенсеромъ, то обнаружались кой-какія неустраивимыя противорѣчія, которыхъ крайніе защитники воспитанія не хотятъ видѣть. Жизнь требуетъ высшихъ способностей и развитаго ума. Школа, удовлетворяя требованіямъ жизни, старается воспитывать такихъ людей и сама видитъ въ то-же самое время что напряженное развитіе умственныхъ силъ ведетъ къ истощенію физическому и умственному, къ упадку знаній и способностей. Стремясь къ одному, школа достигаетъ другого. Цивилизація требуетъ знанія, жизнь требуетъ необыкновенной затраты нервной силы—и школа усиливается отвѣтить этому требованію. Но какъ только она берется за воспитаніе именно такихъ людей, на которыхъ существуетъ запросъ, снова получается совсѣмъ не то, чего требуетъ жизнь; вмѣсто энергичныхъ и сильныхъ людей съ характеромъ получаютъ истощенные мучные черви, малокровные, инертные, неспособные на энергію, неспособные ни на какую борьбу, неспособные на трудъ въ размѣрѣ, предъявляемомъ жизнью. Что дѣлать школѣ? Убавить школьныя требованія — значить убавить интеллектуальныя силы, тогда какъ жизни нужны только онѣ. Человѣкъ—ничто безъ знаній, а между тѣмъ знанія такъ обширны, что нужно быть гениемъ, чтобы понять все, узнать все и обнять все. Жизни нужны люди съ громаднымъ запасомъ знаній, и въ то-же время ни одна школа не въ состояніи дать ихъ вполнѣ. Начиная воспитывать, она не доводитъ своего дѣла до конца, потому что не можетъ дать ученикамъ даже и половины тѣхъ знаній, которыя существуютъ. Школа-ли губить поэтому людей и ей-ли ихъ спасти? Если-бъ школа захотѣла сократить умственную работу, она создала-бы только умственную односторонность, тупыхъ, узкихъ специалистовъ, филистеровъ знанія. Но какъ только школа вздумаетъ создать другихъ людей и расширить свои программы, на нее сыплются нападки со всѣхъ сторонъ—и совершенно справедливо,—потому что вмѣсто здоровыхъ работниковъ получаютъ не-

пригодные для жизни истеричные мужчины и истеричныя женщины. Для жизни нужны люди съ характеромъ — мозговое развитіе ихъ наддамываетъ въ корнѣ. Для успѣшнаго труда нужны вѣрпкіе организмы, а соперничество и напряженность сразу разбиваютъ то людское полусиліе, которое даетъ школа. Какой-же выходъ? Что можетъ сдѣлать воспитаніе? Оно-ли творитъ жизнь или жизнь творитъ школу? Можетъ-ли школа измѣнить требованія современной цивилизациаи или-же она сама будетъ всегда находиться подъ ея давленіемъ? Имѣемъ-ли мы всегда право предъявлять школѣ и воспитанію такія строгія требованія, какія предъявляетъ Спенсеръ, или должны сознаться, что школа—вовсе не такая могучая сила, и на воспитаніе нельзя возлагать такихъ надеждъ, какія возлагали на него нѣкогда Руссо и всѣ его послѣдователи, начиная съ Песталоцци и кончая Спенсеромъ.

### III.

Порицая старую систему воспитанія, Спенсеръ дѣлаетъ вполне вѣрную критику ея недостатковъ. Въ воспитаніи до сихъ поръ „украшающее“ предшествуетъ полезному. Знанія, приводящія къ личному благосостоянію, ставятся ниже знаній, доставляющихъ одобреніе. Въ древнихъ греческихъ школахъ главными предметами изученія были музыка, поэзія, риторика, тогда какъ знанія, непосредственно приложимыя къ жизни, считались второстепенными. Теперешніе европейскіе университеты и школы придерживаются того-же правила. „Стало избитой истиной, говоритъ Спенсеръ, — что изъ десяти мальчиковъ девятерымъ латинскій и греческій языки не пригодятся ни для какихъ практическихъ цѣлей. Знаніе это, на пріобрѣтеніе котораго употребляется столько лѣтъ, примѣняется къ дѣлу очень мало, такъ мало, что обыкновенно большая часть выученнаго вскорѣ совершенно забывается. Если-же человѣкъ иногда и произноситъ латинскую цитату или ссылается на греческій мифъ, то дѣлается это скорѣе ради эффекта, чѣмъ для объясненія предмета“. Во всемъ этомъ дѣйствуетъ болѣе господствующая мода, чѣмъ сознательное пониманіе того, что должно быть. Воспитаніе стремится создавать „джентльменовъ“, сообщить человѣку внѣшнее отличіе, указывающее на его извѣстное социальное положеніе и вызывающее извѣстное уваженіе.

Въ женскомъ воспитаніи декоративный элементъ преобладаетъ еще болѣе, чѣмъ въ мужскомъ. Практика жизни передѣлала мужчинъ скорѣе, чѣмъ она передѣлала женщинъ. Начавшись съ внѣшняго, т. е. съ одежды, дѣло дошло, наконецъ, и до воспитанія, въ

которомъ тоже начинаетъ замѣчаться предпочтеніе пользы украшенію. Женщины оказались гораздо консервативнѣе. „Ношеніе серегъ, колець, браслетовъ, замысловатыхъ головныхъ уборовъ, употребленіе румянъ, чрезмѣрные усилія сдѣлать одежду привлекательною и большія неудобства, претерпѣваемые ради моды,—все это показываетъ, что въ женской одеждѣ желаніе одобренія значительно преобладаетъ надъ желаніемъ теплоты и удобства“. И въ женскомъ воспитаніи преобладаетъ такой-же перевѣсъ пріятныхъ для общества искусствъ надъ полезными знаніями. И до сихъ поръ танцы, манеры, музыка, пѣніе, рисованіе ставятъ на первомъ планѣ. Языки изучаются не для того, чтобы извлекать пользу изъ книгъ, а чтобы пѣть иностранные романсы да вести салонные разговоры. Остальные знанія сообщаются легко, какъ-нибудь. Даже практическія знанія преподаются больше для пріобрѣтенія хорошаго мнѣнія другихъ, чѣмъ для непосредственнаго личнаго благосостоянія.

Главное порицаніе, которое дѣлаетъ Спенсеръ современному воспитанію, заключается въ томъ, что оно даже не потрудилося опредѣлить сравнительную цѣнность разныхъ знаній. Какіе родители прежде, чѣмъ начать учить своихъ дѣтей, подумали о томъ, что нужно знать ихъ дѣтямъ, и въ распредѣленіи занятій руководствовались размышленіемъ, а не обычаями, вкусами и предубѣжденіемъ? Чтобы отвѣтить на вопросъ, чему и въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ учить, Спенсеръ устанавливаетъ порядокъ главнѣйшихъ родовъ человѣческой дѣятельности, по дарвиновскому закону. Первыми должны быть знанія, непосредственно способствующія самосохраненію; вторыми—знанія, обезпечивающія жизненные потребности, служащія къ самосохраненію посредственно; третьими—тѣ, которыя имѣютъ цѣлью воспитаніе и обученіе потомства; четвертыми—знанія, поддерживающія правильныя соціальныя и политическія отношенія, и, наконецъ, пятыми—различнаго рода знанія, наполняющія свободное время и служащія къ удовлетворенію вкусовъ и чувствъ. Конечно, во всѣхъ этихъ родахъ дѣятельности первыми и наиболѣе важными должны быть тѣ, которые обезпечиваютъ непосредственное существованіе. Такъ-какъ возможность прокормить самого себя стоитъ раньше требованія прокормить свое потомство, то и знанія, ведущія къ непосредственному самосохраненію, настоящѣе знаній, нужныхъ для благосостоянія семейства. Такъ-какъ семейство возникаетъ прежде государства, то и благосостояніе семейное служитъ основой благосостоянія государственнаго. Понятно, наконецъ, что пріятныя занятія, пополняющія собою свободный досугъ—музыка, поэзія, рисованіе, являются наименѣ существеннымъ знаніемъ, отъ котораго меньше всего зави-

сить и гражданское благоустройство, и общественные порядки, и благосостояніе непосредственныхъ производителей предметовъ матеріальнаго благосостоянія.

Мы не станемъ вдаваться въ подробности тѣхъ доказательствъ, которыя приводитъ Спенсеръ для оправданія вѣрности приводимаго имъ порядка знаній. Мы только замѣтимъ, и то собственно по поводу нашего домашняго воспитанія, что тѣ заботы, которыя взяли на себя матери новаго поколѣнія и которыми онѣ ограничили свою воспитательную дѣятельность, не требуютъ особенныхъ знаній и составляютъ такой отдѣлъ воспитанія, въ которомъ больше всего имъ помогаетъ сама природа ихъ дѣтей. Ребенокъ на рукахъ няни, кричащій при видѣ незнакомца или отворачивающійся отъ него, обнаруживаетъ первое проявленіе инстинкта самосохраненія и попытку убѣжать отъ опасности. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, тотъ-же инстинктъ самосохраненія является въ дальнѣйшемъ развитіи. При видѣ, напримѣръ, незнакомой собаки ребенокъ крикомъ призываетъ на помощь или-же бѣжитъ къ своей матери подъ защиту. Рядомъ съ этимъ ребенокъ на каждомъ шагѣ пріобрѣтаетъ самъ собою познанія, служація къ непосредственному самосохраненію. Узнавъ изъ опыта, что всякое паденіе сопровождается ушибомъ, ребенокъ старается держать свое тѣло въ равновѣсіи. Наскакивая въ бѣготнѣ на разные предметы, ребенокъ, чтобы избѣгнуть боли, пріучается направлять свои движенія такъ, чтобы не случилось столкновенія. Ребенокъ личнымъ опытомъ опредѣляетъ тяжесть и твердость тѣлъ, онъ узнаетъ, какія изъ нихъ при паденіи причиняютъ ему боль и т. д. Всю эту массу свѣденій ребенокъ пріобрѣтаетъ самъ собою, безъ всякаго пособія со стороны матери. Не потому-ли нашимъ матерямъ такъ легко давался отдѣлъ физическаго воспитанія, а слѣдующій отдѣлъ, гдѣ требуется больше знаній и борьбы съ обществомъ, былъ далеко не по ихъ силамъ?

Въ замѣну старой системы, признанной отцами педагогики неудовлетворительною, Спенсеръ предлагаетъ для умственнаго воспитанія „естественный методъ“. Сущность и требованія этого метода очень просты. Вотъ воспитательная програма Спенсера по этому методу.

Подобно тому, какъ неразвитой глазъ замѣчаетъ сначала только разницу между свѣтомъ и темнотою и только впоследствии научается различать разные цвѣта и оттѣнки ихъ, такимъ же точно образомъ дѣйствуетъ и развивается умъ. Умъ начинаетъ съ грубаго различія предметовъ и дѣйствій; прогрессивно подвигаясь впередъ и достигая законченнаго строенія, онъ, наконецъ, уже отличаетъ отчетливо и ясно различіе понятій и представленій.



Способъ и порядокъ воспитанія долженъ согласоваться съ воспитаніемъ всего человѣчества, разсматриваемаго исторически, т. е., что развитіе знаній ребенка должно идти тѣмъ-же путемъ, какъ шло развитіе расъ. Законъ этотъ основанъ на томъ, что если существуетъ порядокъ въ мірѣ, по которому отдѣльный народъ или все человѣчество достигало различныхъ родовъ знаній, то и въ ребенкѣ будетъ развиваться наклонность усваивать знанія въ томъ-же порядкѣ. Между умомъ и явленіями существуетъ тѣсная связь. Если умъ человѣчества длиннымъ путемъ размышлений, сравненій, опытовъ дошелъ до своего настоящаго знанія предметовъ, то ясно, что онъ не могъ достигнуть этого знанія другимъ путемъ, а такъ-какъ отношеніе дѣтскаго ума къ явленіямъ такое-же, то и постепенность развитія дѣтскаго ума должна быть та-же.

При образованіи ума слѣдуетъ идти отъ эмпирическаго къ рациональному. Каждая наука развилась изъ соответствующаго ей искусства; абстрактное вышло изъ конкретнаго. Такъ-какъ наука есть организованное знаніе, — слѣдовательно, сначала нужно приобрѣсти знанія, а уже потомъ ихъ организовать. Уча дѣтей языкамъ, мы начинаемъ съ практики и уже потомъ переходимъ къ грамматикѣ. Такъ должно быть и во всемъ остальномъ.

Воспитаніе по возможности должно поощрять процессъ саморазвитія. Дѣти должны дѣлать собственныя изслѣдованія и выводить личныя заключенія. Человѣчество развивалось умственно безъ учителей, только тѣмъ, что оно само доходило до открытій. Точно такъ-же нужно вести и дѣтей. Процессъ саморазвитія въ ребенкѣ такъ силенъ, что нѣтъ рѣшительно никакой возможности слѣдить за непрерывными наблюденіями, изслѣдованіями и выводами, которые происходятъ въ умѣ ребенка. Обыкновенное воспитаніе скорѣе мѣшаетъ, чѣмъ помогаетъ. Безпрерывныя толкованія, которыя мы позволяемъ себѣ при такъ-называемомъ развитіи дѣтскаго ума, есть слѣдствіе нашей безтолковости, а не безтолковости ребенка. Мы отвлекаемъ его вниманіе отъ фактовъ, которые занимаютъ его, и предлагаемъ собственные факты, ему неинтересные, т. е. слишкомъ сложные для его пониманія. Когда мы увидимъ, что ребенокъ эти факты добровольно усваивать не хочетъ, мы вбиваемъ ихъ ему въ голову угрозами и наказаніями. Заставляя-же ребенка замѣчать факты и знанія, съ которыми онъ не въ силахъ еще справиться, мы вмѣсто здраваго создаемъ болѣзненный процессъ мышленія, производимъ въ дѣтскомъ организмѣ физиологическіе безпорядки, оставляя въ немъ неприятное впечатлѣніе, и создаемъ отвращеніе къ знанію вообще.

Наконецъ, воспитаніе должно быть пріятнымъ. Спенсеръ ссы-

лается на общій законъ, что при нормальныхъ условіяхъ здравая дѣятельность познавательныхъ способностей доставляетъ удовольствіе. Если-же удовольствія не существуетъ, то дѣятельность ненормальна.

Если читатель захочетъ сравнить принципы „естественной системы“ съ тѣмъ, что практикуется и въ домашнемъ воспитаніи, и въ школахъ, то онъ увидитъ, что практика теперешняго воспитанія далеко не отвѣчаетъ этимъ требованіямъ. Разсматривая вопросъ только съ этой точки зрѣнія, нельзя не согласиться, что школа должна быть реорганизована, что должны сложиться новые методы преподаванія, что должны быть созданы новыя учебныя средства, новыя пособія, новые учителя, новые воспитатели. Всматриваясь въ теперешнюю школу, нельзя не почувствовать передъ собою такую громадную стѣну препятствій и неустройствъ, коренныхъ ошибокъ и невѣрностей, неспособностей и незнанія, рутинны и безсилія, что становится страшно за „человѣка“. Но главный вопросъ все-таки не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, насколько воспитаніе можетъ дать то, чего отъ него требуютъ, и ослабить напряженіе жизни, которое сламываетъ нынче самый крѣпкій организмъ; вопросъ въ томъ, насколько Руссо и Песталлоцци правы въ своей воспитательной мечтательности, а продолжатели ихъ видятъ зло не тамъ, гдѣ оно есть, или отводятъ отъ него глаза публики?

Спенсеръ говоритъ совершенно вѣрно, что, воспитывая своихъ дѣтей, мы больше заботимся о томъ, чтобы знакомить ихъ съ суевѣріями и предрасудками, господствовавшими двѣ тысячи лѣтъ назадъ, вмѣсто того, чтобы давать знанія, необходимыя для жизни. Итакъ, значитъ нужно давать знанія. Но какія-же знанія нужны для жизни и можетъ-ли воспитаніе дать ихъ всё? А если оно не можетъ, обнаружить-ли воспитаніе тѣ перемѣны къ лучшему, которыхъ отъ него ожидаетъ Спенсеръ? При теперешнемъ всеобщемъ экономическомъ напряженіи, когда каждый долженъ работать изо всѣхъ силъ, когда цивилизація создала желѣзныя дороги, телеграфъ, чудеса архитектуры, когда проводятся кабели по дну океана, роются тунели черезъ рѣки и горы, устраиваются воздушныя дороги, небывалые виадуки, чудовищныя доки, невиданныхъ величинъ плотины, — ни одна изъ построекъ невозможна безъ тѣхъ математическихъ знаній, при которыхъ-бы постройка оказалась соотвѣтствующей цѣлямъ. Инженеръ, незнающій механики, говоритъ Спенсеръ, — построить такой мостъ, который провалится, фабрикантъ, у котораго дѣйствуютъ худыя машины, не будетъ въ состояніи производить предметовъ такого качества и въ такомъ количествѣ, какъ фабрикантъ, у котораго дѣйствуютъ машины,

устроенныя по законамъ механики. Военный инженеръ, нестоящій на высшей точкѣ своего знанія, построить укрѣпленія, которыя разсыпятся отъ перваго ядра. Кораблестроитель, незнакомый съ новѣйшими образцами, выстроить пароходъ или корабль, который долженъ будетъ уступить судамъ, построеннымъ по научному расчету. Вездѣ, во всякомъ производствѣ, начиная съ земледѣлія, производящаго сырье, безъ знаній химическихъ законовъ нельзя ступить шагу. Нельзя ни сварить сахара, ни приготовить мыла, ни изготовить хорошаго стекла, фарфора, ни приготовить порядочной водки, ни добыть даже уксуса. Публика требуетъ, напр., дешеваго и хорошаго пива, но чтобы быть хорошимъ пивоваромъ, нужно изучать это дѣло специально пять-шесть лѣтъ. При теперешнемъ развитіи хлопчато-бумажнаго производства, хорошей колленкоръ можно сдѣлать только тому, кто знаетъ хорошо химію бѣлильнаго производства. Набивныя матеріи требуютъ знанія красиваго искусства; а оно—цѣлая наука. А добываніе рудъ, желѣза, серебра, свинца, олова, цинка, мѣди, безъ которыхъ невозможенъ современный промышленный прогрессъ! Тутъ требуется опять цѣлая масса знаній. Рациональнее земледѣліе невозможно безъ знанія законовъ біологіи и нынѣшнее сельское хозяйство оттого только и дурно, что держится на эмпирикѣ. Однимъ словомъ, чудовищное развитіе промышленности требуетъ такой массы знаній, и знаній специальныхъ, безъ которыхъ промышленность невозможна. Развѣ эти знанія въ состояніи дать школа? А знанія высшаго порядка, тѣ, которыми создается развитіе понятій? Гдѣ и какими науками они преподаются? Спенсеръ винить во всемъ воспитаніе и не спросить себя, можно-ли привлекать его къ суду. Спенсеръ недоволенъ, что воспитаніе учитъ многому, и хочетъ, чтобы оно учило еще большому.

Воспитаніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, конечно, называется неудовлетворительнымъ, но объ этой неудовлетворительности говорится болѣе ста лѣтъ. Такъ-какъ изъ прежней школы ничего не вышло, то Руссо ее забраковалъ и было рѣшено, что жизнь плоха потому, что нѣтъ людей, а людей нѣтъ потому, что нѣтъ воспитанія. Явилось новое требованіе и новые люди пожела-ли, чтобы школа и воспитаніе передѣляли жизнь. Но какъ-же создать этого иного человѣка? Руссо сказалъ, что нужна новая „естественная система“. Черезъ сто лѣтъ Спенсеръ говорить снова, что нужна „новая естественная система“. Какая-же? Читатель знаетъ, какая. Какъ достигнуть этого лучшаго? Спенсеръ говорить, что нужно беречь дѣтямъ физическія силы и воспитывать ихъ лучше. Тотъ-же Спенсеръ при этомъ прибавляетъ, что надо давать дѣтямъ дѣйствительныя, истинныя и полезныя знанія. Но можеть-

ли общество дать дѣтямъ эти знанія? Какія точныя свѣденія можетъ оно имъ преподать? Есть у насъ науки, о которыхъ никто не спорить, напримѣръ, математическія, и между ними на первомъ планѣ механика, затѣмъ химія и технологія. Пользуясь этими знаніями, современное воспитаніе создало дѣйствительно массу искусныхъ инженеровъ, машинистовъ, механиковъ, красильщиковъ, бѣлильщиковъ, людей всякаго механическаго труда и массу всякихъ механическихъ головъ и рутинныхъ людей, рутинныхъ учителей, рутинныхъ воспитателей, рутинныхъ конторщиковъ, бухгалтеровъ. Затѣмъ-же, когда воспитанію приходится создавать людей своеобразной мысли, оказывается, что оно не располагаетъ для этого рѣшительно никакими средствами. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ тѣ учебники, по которымъ готовились-бы самостоятельно мыслящія головы? Гдѣ та настоящая исторія, политическая экономія и социологія, которыхъ не достааетъ воспитанію? И развѣ это науки, а не стремленія? Развѣ политическая экономія даетъ что-нибудь безспорное и развѣ люди не пользуются спорнымъ, чтобы не дать настоящаго знанія? Намъ предлагаютъ естественный методъ, точно этотъ естественный методъ что-нибудь поправитъ въ дѣйствительности. Будто тотъ порядокъ и тѣ науки, которые Спенсеръ ввелъ-бы въ школы, уничтожили-бы то напряженіе жизни, которое создалось современной экономической лихорадкой и обезцѣненіемъ человѣческаго труда. Какіе-же могутъ воспитаться люди, если кромѣ механическихъ знаній мы не владѣемъ никакими другими, когда общество, поколебавшись въ старыхъ понятіяхъ, не выработало себѣ никакихъ новыхъ и встало на распутьи? Не зная, что дѣлать, можно-ли дѣлать? Мы, хоть-бы русское общество, въ двадцать пять послѣднихъ лѣтъ не могли рѣшить даже, какой долженъ быть букварь; мы не знаемъ еще даже, какой лучшей способъ для обученія грамотѣ? Мы не рѣшили даже, какой лучшей учитель для первоначальной школы—нѣмецъ или русскій? Когда года два назадъ графъ Толстой сказалъ, что вмѣсто нѣмецкаго намъ нуженъ учитель русскій, намъ показалось, что мы слышимъ откровеніе. Не порѣшивши даже съ грамотой, можно-ли ожидать отъ насъ рѣшенія чего-нибудь болѣе далекаго?

Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы Спенсеръ безусловно ошибался. Мы хотимъ только сказать, что онъ сѣзнулъ вопросъ, и спасеніе должно придти не съ той стороны, съ которой онъ его ждетъ. Воспитаніе превратилось для насъ въ яблоко раздора и всякій сваливаетъ свою личную вину на неповинныхъ. Отъ этого является только рядъ противорѣчій; новаторы и послѣдователи „естественнаго метода“ говорятъ, что нѣтъ людей, потому что нѣтъ воспитанія. И вотъ мы видимъ, что въ послѣднія сто лѣтъ воспи-

таніе вездѣ улучшилось и въ то-же время въ цѣломъ мірѣ и на всѣхъ поприщахъ уменьшилось число даровитыхъ людей и крупное размѣнялось на мелочи. Специалистовъ явились сотни тысячъ и съ увеличеніемъ ихъ уменьшилось число мыслителей, но за то прибавилось число счетчиковъ. Жизнь требуетъ людей здоровыхъ, энергичныхъ, съ характеромъ, потому что труднѣе сдѣлался механизмъ жизни, а воспитаніе даетъ людей нервныхъ, болѣзненныхъ, не энергическихкихъ, слабохарактерныхъ. Воспитаніе, говорятъ, учитъ слишкомъ многому, а повсюду раздаются жалобы, что нѣтъ людей знающихъ. Прежде было недовольство общественными руководителями, которые не понимали жизни, теперь общественные руководители совсѣмъ исчезли. Специалистовъ явилась масса, а людей, имѣющихъ общій взглядъ на жизнь — ни одного. Спенсеръ жалуется на недостатокъ людей, а самъ, для того, чтобы дать перевѣсъ въ жизни полезному надъ красивымъ, расширяетъ спеціальныя программы. Прежде никто не жаловался на воспитаніе и были люди, теперь всѣ имъ недовольны, а людей нѣтъ. Прежде никто не требовалъ отъ школы Ньютоновъ, Шекспировъ, Декартовъ и Наполеоновъ, а они являлись. Теперь и школа лучше, и воспитаніе лучше, и „естественный методъ“ вытѣсняетъ отсталые методы, а ни Ньютонъ, ни Шекспиръ, ни Декартъ, ни Байронъ не являются. Право можно придти въ отчаяніе!

Мы не отрицаемъ того, что воспитаніе плохо, но прежде, чѣмъ произвести реформу въ воспитаніи, нужно произвести реформу въ обществѣ. Не школа создаетъ людей, а жизнь, не школа вноситъ въ общество новыя требованія и начала, а, напротивъ, социальная жизнь проводитъ ихъ въ школы. Для школы есть и учебники, и учителя, и естественный методъ, и наглядныя пособія, а какіе для развитія общества существуютъ школы, учителя, наглядныя пособія и методы? Намъ стало трудно, потому что мы сами устроили напряженную жизнь, которую выносить не въ силахъ, и это напряженіе перешли въ школу. И чѣмъ труднѣе будетъ жить намъ, тѣмъ труднѣе будетъ воспитаніе и тѣмъ больше оно будетъ требовать. Плачась на свою жизнь, мы переносимъ плачь на школу и хотимъ, чтобы школа устроила для насъ всѣ удобства и сдѣлала-бы жизнь для насъ легкою. Школа во всемъ этомъ безсильна, воспитаніе не облегчитъ намъ борьбы за существованіе, не измѣнитъ путаницы экономическихъ затрудненій, и пока у самого общества не явятся лучшія учрежденія, пока само общество не додумается до того, чтобы создать себѣ болѣе свободную жизнь, — воспитаніе будетъ все сильнѣе и сильнѣе давить на растущія поколѣнія и создавать постоянно вырождающееся потомство.

Мы статью кончили. Выясняя мысли Спенсера, мы хотѣли выяснить себѣ, почему мы, заливовавъ такъ двадцать пять лѣтъ назадъ и возмечтавъ объ искупленіи путемъ воспитанія, наконецъ, пришли къ разочарованію и опустили руки. Причина этого въ томъ, что мы думали найти спасеніе въ школѣ въ то время, какъ школа ждетъ спасенія отъ общества. Воспитаніе всегда будетъ такимъ, каково само общество, и не школа руководить имъ, а оно школой.

**Н. Языковъ.**

## НОВЫЯ КНИГИ.

Русскій среди американцевъ, М. Владимірова. Спб., 1877.

Объ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ у насъ трактовалось не мало. Не говоря уже о переводной литературѣ, у насъ есть и оригинальныя сочиненія Лакіера, Э. Цимермана, Славинскаго, Бутина, Огородникова, Курбскаго. Казалось-бы, рассчитывать нашимъ туристамъ на возбужденіе новаго интереса въ публикѣ къ ихъ дальнѣйшимъ очеркамъ, путешествіямъ и впечатлѣніямъ очень трудно; ибо, какъ ни лихорадочно движется жизнь въ американскихъ Штатахъ, все-же результаты этого движенія не таковы, чтобы наполнить новизной 398 страницъ новаго г. П. Огородникова, который, не зная англійскаго языка и проѣхавъ по желѣзной дорогѣ „отъ Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно“, пожелаетъ повѣдать міру о томъ, что онъ по дорогѣ видѣлъ и ощутилъ. Но въ томъ-то и дѣло, что не всѣ, пишущіе объ Америкѣ, похожи на г. П. Огородникова. Поэтому, если-бы даже Соединенные Штаты оставались на китайскомъ положеніи относительно поступательнаго хода жизни, все-же книги *различныхъ авторовъ* объ этой странѣ могутъ обладать значительнымъ разнообразіемъ, а стало быть и интересомъ. При этомъ я всего менѣе имѣю въ виду относительную литературную талантливость лица. Характеръ путешествія или, лучше, того, что изъ него вынесено и предлагается читателю, опредѣляется, помимо литературной бойкости, всѣмъ внутреннимъ складомъ наблюдателя: его прошлою жизнью, порожденными ею привычками, воззрѣніями, вкусами, руководящими имъ цѣлями, наконецъ, личнымъ характеромъ самого автора. Для Диксона американскіе Штаты суть прежде всего — страна необычно-

венныхъ сектъ, кровавой расправы и всевозможныхъ эффектовъ; но это потому, что для мистера Гэпфорда Диксона всякая мѣстность есть страна эффектовъ: кто читалъ его „Свободную Россію“, хотя-бы во французскомъ переводѣ, тотъ знаетъ, что Диксонъ по преимуществу сочинитель эффектныхъ сценъ. Для Эд. Цимермана Соединенные Штаты прежде всего—страна политической свободы, добывшая ее себѣ геройской борьбой, и, благодаря этой свободѣ, идущая гигантскими шагами по пути культурнаго прогресса. Напротивъ, для Макри, какъ шотландца, Соединенные Штаты представляютъ интересъ только по аналогіи ихъ съ Великобританіей; онъ тщательно собираетъ всѣ отличительныя черточки быта и общества — въ литературѣ, въ языкѣ, въ нравахъ, во вѣщности; онъ останавливается также на очень важномъ соціально-историческомъ фактѣ, по преимуществу интересномъ для англичанъ — на междоусобной войнѣ и ея послѣдствіяхъ. Для А. Курбскаго, человѣка, очевидно, упорнаго, энергичнаго и, главное, *способнаго*, Штаты являются страной личной энергіи и разумной борьбы, въ которой пропадаетъ лишь малосильный или антисоціальный убудокъ; поэтому общій колоритъ рисуемой имъ картины чрезвычайно свѣтелъ и, такъ-сказать, бодръ. Но возьмите подобную-же картину, нарисованную человѣкомъ туповатымъ и неимѣющимъ умственнаго развитія на-столько, сколько его нужно не только для обобщенія наблюдаемыхъ явленій, но и для пониманія ихъ чисто-внѣшней стороны, и вы вмѣсто ярко-нарисованной картины видите какое-то сѣрое пятно на грязномъ фонѣ. Поэтому личность того или другого путешественника имѣетъ важное значеніе для читателя. Когда г. П. Огородниковъ, сперва объяснивъ, что онъ по-англійски не говоритъ, затѣмъ собственныя имена „Wasatch“, „Wyoming“, „Junction“ съ полной развязностью произносить „Усайчъ“, „Вьомингъ“, „Юнгшенъ“ и увѣряетъ не безъ апломба, что „здѣсь въ Калифорніи“ монету въ 25 центовъ называютъ *одинъ битъ* (стр. 119), то я уже знаю, какую цѣну имѣютъ его анекдоты о безстыжей калифорнской лѣди.

Но личность русскаго туриста для насъ, русскихъ читателей, представляетъ, кромѣ этого контролирующаго значенія, еще и другой, самостоятельный интересъ. Вѣдь русскій туристъ есть наша плоть и кровь, и наблюдая его, мы наблюдаемъ себя. Волею историческихъ судебъ Русь сложилась въ страну опеки по преимуществу. Волею тѣхъ-же судебъ Соединенные Штаты сформировались по ничѣмъ нестѣсненному принципу *laissez faire, laissez aller*. Попадая въ Соединенные Штаты, русскій человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ совершенно непривычной сферой, гдѣ все борется и кипитъ дѣятельностью, гдѣ личная энергія—если не все,



то почти все, и гдѣ „жалиться на обидчиковъ“ некому. Что-же представляетъ изъ себя русскій человекъ, подвергнутый такому искусу? Какую степень живучести, какую степень нравственной, умственной и органической упругости проявляетъ его личность? Какъ чувствуетъ онъ себя безъ отеческаго указанія г. квартальнаго надзирателя, столь необходимаго ему даже въ такомъ несложномъ дѣлѣ, какъ приличное поведеніе на улицѣ или въ клубѣ?

Наблюдая русскаго среди янки, мы получаемъ своего рода сеансъ нагляднаго обученія, который сразу даетъ намъ и фактическіе отвѣты на поставленные выше вопросы, и наводитъ на многія поучительныя размышленія. И тѣ, и другія тѣмъ болѣе цѣнны, что не допускаютъ никакихъ „можно не соглашаться, но должно признаться“. *Фактъ*—что противъ него скажешь? И самъ нашъ знаменитый популяризаторъ формулы „можно не соглашаться, но должно признаться“ въ ея чистѣйшемъ видѣ — г. Коршъ, и тотъ, вѣроятно, передъ фактомъ только разведетъ руками и вмѣсто обычнаго „можно не соглашаться“ сошлется на другую истину, не менѣе твердо имъ усвоенную: „нельзя-же противу рожна прати“.

Что-же представляетъ изъ себя г. Владиміровъ, этотъ „русскій среди американцевъ“?

„Лѣтъ десять тому назадъ, рассказываетъ г. М. Владиміровъ, — насъ, совершенныхъ юношей-товарищей, интересовали повѣсти и рассказы изъ американской жизни. Увлекательны были описанія горъ, лѣсовъ, водъ, полей, индѣйцевъ, буйволовъ, и молодая фантазія рисовала волшебныя картины. Плавая по Волгѣ, мы силились представлять Миссисипи и Мараньонъ, бродя по лѣсамъ и степямъ саратовской губ., намъ думалось: а въ Америкѣ все это величественнѣе и лучше. Рядомъ такихъ мыслей у насъ какъ-то само собою возникло желаніе составить компанію и начать какое-нибудь дѣло, чтобы жить совершенно независимо. Такой оборотъ мечтаній чрезвычайно обрадовалъ всѣхъ, но когда кто-то упомянулъ объ Америкѣ, то всѣ испугались: какъ юноши, мы фантазировали свободно, а сдѣлать положительный шагъ на практической почвѣ — не тверды были наши ноги... Но первая робость прошла и, вмѣсто Америки, мы порѣшили отправиться на Кавказъ, чтобы основать тамъ земледѣльческую колонію. У насъ не было ни знаній, ни средствъ, — порѣшили достать и то, и другое. У кого было двѣ пары сапогъ—одну продали, у кого было два сюртука—одинъ обратили въ деньги; у кого были деньги, тотъ давалъ ихъ, и, вручивъ избранному товарищу, снарядили его въ Петербургъ учиться. Сами мы разбрелись въ разныя

стороны просвѣщать юношество и копить деньги. Кромѣ учительства, я занимался торговлей, самъ лилъ свѣчи и т. д., а другой изъ товарищей—хлѣбопашествомъ, но получилъ громадный минусъ отъ своего предпріятія. Года черезъ два я возвратился въ Саратовъ, имѣя небольшую житейскую практику за плечами и до двухъ сотъ рублей въ карманѣ. Посланный въ Петербургъ, едва не умеръ отъ болѣзни на дорогѣ и полу-живой вернулся назадъ. У другихъ дѣла не клеились, да, вѣроятно, и поостыли желанія—и наше коллективное намѣреніе разлетѣлось прахомъ.

„Продолжая читать американскіе рассказы и повѣсти, меня вдругъ поразила мысль, что тамъ была все кровь, кровь и кровь. Я ужаснулся и съ тѣхъ поръ не бралъ въ руки ни одной книги съ подобнымъ содержаніемъ; но желаніе видѣть Америку осталось“.

Такимъ образомъ, въ этихъ неясныхъ порывахъ, сомнѣніяхъ и колебаніяхъ прошли дѣльные годы, „но вотъ наступили святки 1871—2 года. Въ одномъ изъ домовъ первостатейной улицы большая компанія знакомыхъ поетъ, пляшетъ, смѣется, шутитъ,—словомъ, веселится, какъ обыкновенно веселятся въ это время. Припоминая отсутствующихъ, коснулись и тѣхъ личностей, которыя уже находились въ Соединенныхъ Штатахъ. Очень естественно, каждый интересовался, какъ онѣ тамъ живутъ, что дѣлаютъ и т. д. Скоро Америка сдѣлалась общимъ предметомъ разговоръ; послышались желанія видѣть эту „чуждую страну“, подышать вольнымъ воздухомъ и проч., но всѣхъ связывалъ недостатокъ средствъ.

„— Съ деньгами хорошо путешествовать, а безъ денегъ, братъ, плохо! ввернулъ кто-то. И удивительно! съ этимъ философомъ всѣ согласились. Бесѣда приняла иной оборотъ: на-сколько путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ полезно для Россіи вообще и для отдѣльнаго лица въ частности? Толковали достаточно долго на эту тему и въ принципѣ всѣ согласны были признать пользу за поѣздкой. Тенерь само собою всплылъ другой вопросъ: какимъ образомъ привести въ исполненіе принятое намѣреніе? Здѣсь мнѣнія разошлись несравненно рѣзче, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Одни, подобно философу, не видѣли иной возможности, кромѣ готовыхъ денегъ; другіе предлагали скопить для этого достаточную сумму, и, конечно, дѣло укладывалось въ одинъ изъ дальнѣйшихъ ящиковъ; по мнѣнію третьихъ, можно было отправляться хоть сейчасъ, но при одномъ существенномъ условіи: не бояться работы и рѣшительно во всемъ полагаться только на себя. Указавъ на важность и трудность названнаго условія, естественно возникъ и третій вопросъ: кто рѣшится привести такой планъ въ исполненіе? Перебивая другъ друга, у всѣхъ находились уважительныя или

повидимому-уважительныя причины оставаться дома. Нѣсколько человѣкъ разомъ указали на меня.

„— Вотъ онъ можетъ!

„— Да, ему можно, подтверждали другіе.

„Нѣкоторымъ изъ этихъ господъ были извѣстны мои прежніе порывы, а двое или трое даже раздѣляли ихъ когда-то. Обнимая въ головѣ весь трудъ предпріятія и не будучи въ состояніи держаться на ногахъ отъ сильнаго волненія, я опустился на стулъ“.  
(Русскій среди американцевъ, стр. I—IV.)

На слѣдующій-же день будущій путешественникъ выписываетъ изъ Питера англійскіе учебники и принимается за обученіе токарному ремеслу, какъ будущему капиталу, долженствующему покрыть издержки путешествія. Впрочемъ, г. Владиміровъ опредѣляетъ этотъ капиталъ еще шире: не однимъ только ремесломъ, но и *доверіемъ къ собственнымъ силамъ*. Асигновавъ пять лѣтъ на путешествіе, нашъ соотечественникъ рѣшилъ: „поработавъ въ одномъ городѣ и скопивъ деньги, переѣзжать въ другой; здѣсь опять работать и копить, чтобы ѣхать въ третій, и т. д. вплоть до тѣхъ поръ, пока все путешествіе не придетъ къ концу“.

Такимъ образомъ, все предпріятіе принимало характеръ торжества или фіаско личной энергіи, выносливости и трудолюбія предпринимателя. И г. Владиміровъ рѣшилъ бросить себя въ этотъ житейскій горнь, чтобы испробовать свою нравственную упругость.

Такимъ образомъ, вся книга г. Владимірова получаетъ для насъ значеніе по преимуществу съ этой личной стороны. Читатель убѣдится въ этомъ еще полнѣе, если обратится къ самой книгѣ: во временахъ энтузіазма и нѣкоторый священный трепетъ, съ которыми авторъ выражается о своемъ „предпріятіи“, лишаетъ возможности сдерживать улыбку, при всемъ нашемъ желаніи. Мы уже видѣли, что при одной мысли о путешествіи онъ, „не въ силахъ будучи держаться на ногахъ, опустился на стулъ“. Черезъ день по выходѣ корабля изъ Гавра нашъ предприниматель садится за чистую тетрадь, приготовленную для „Дневника“, и на первой страницѣ его пишетъ о своемъ путешествіи: „задумалъ я, исполняю я, и всѣ послѣдствія рѣшенія принимаю на себя“. Подумаешь, Бисмаркъ пишетъ предъ объявленіемъ войны Австріи или Франціи!.. „Вызывая на борьбу *всю напасть вселенной*, человѣкъ можетъ сдѣлать это только для того, чтобы доказать имъ все ихъ ничтожество“. Если-бы не упоминаніе дальше о „величественной фигурѣ лорда Нэпира, когда онъ задавалъ себѣ вопросъ: что такое страхъ?—я его не знаю“,—то фразу эту можно-бы приписать самому Прометею. „Задуманное дѣло доведено до конца и въ этомъ

заключается мое утѣшеніе“, говорится на предпоследней страницѣ книги.

Какъ-бы то ни было, но 20-го іюля 1872 г. отправился русскій степнякъ, бывшій семинаристъ и сельскій учитель, съ одной изъ уѣздныхъ волжскихъ пристаней въ свое путешествіе. При немъ былъ чемоданъ да 300 р. денегъ. Онъ безъ году недѣлю учился токарному мастерству, умѣлъ пѣть по нотамъ, занимался французскимъ языкомъ, съ англійскимъ былъ знакомъ на-столько, что ходилъ въ Нью-Йоркѣ съ лексикономъ подъ мышкой и все-таки не обошелся безъ переводчика, а по-нѣмецки не зналъ вовсе. Съ этимъ легкимъ умственнымъ и матеріальнымъ багажомъ г. Владиміровъ робко пустился въ отдаленное плаваніе, и на 17-й день благополучно прибылъ въ Нью-Йоркъ. Отдохнувъ и оглядѣвшись недѣли полторы, нашъ предприниматель сталъ искать работы. Счастье улыбнулось ему и онъ нашелъ ее съ перваго-же шага, что въ Нью-Йоркѣ, переполненномъ населеніемъ всякаго рода, далеко не общее правило. Но тотчасъ-же оказалось, что радоваться было еще рано: черезъ 1½ часа ему отъезжали. Дѣло въ томъ, что американская работа не европейская: надо было работать на паровомъ станкѣ, а на немъ даже самый искусный мастеръ, работавшій на обыкновенномъ станкѣ, окажется неучемъ. Однако, присмотрѣвшись къ снаровкѣ одного земляка и попрактиковавъ, благодаря его дружескому участію и ловкости, нашъ искатель впечатлѣній и работы нашелъ новое мѣсто и сталъ получать по доллару въ день. Черезъ 7 дней отказали ему и здѣсь за медленность работы. Но г. Владиміровъ не унываетъ и вскорѣ устраивается у третьяго „боса“ (хозяина работъ), хорошаго и снисходительнаго человѣка, но черезъ мѣсяць мастерская этого боса сторѣла, а съ нею и платье, и инструменты рабочихъ.

Тогда Владиміровъ заводитъ собственную мастерскую. Замерзая въ холодной, отвратительной квартирѣ съ разбитыми окнами, не выручая иной день и 5 центовъ и потому питаюсь впроголодь, онъ, наконецъ, не выносить этой собачьей жизни и отправляется во Флориду, продавъ мастерскую и теплое платье для уплаты долговъ и реализировавъ 40 долларовъ на дорогу.

Но Флорида—штатъ небогатый, послѣ войны еще значительно упавшій: работы нѣтъ и только урывками, переходя отъ токарнаго станка къ переносѣ тяжелыхъ досокъ и горбылей, а отъ этого къ штукатуркѣ дома—удалось нашему путешественнику *не голодать и имѣть квартиру*. Послѣ разныхъ приключеній онъ, съ этапа на этапъ, избираетъ своей рабочей станціей Новый Орлеанъ, откуда съ двумя доларами въ карманѣ онъ спѣшитъ отправиться на пароходѣ вверхъ по Миссисипи до Сан-Луиса. Во время сна украли у него и послѣдніе 2 долара, а плохо проведенныя ночи и недо-

статокъ въ пищѣ значительно ослабили силы. Но стѣсненное положеніе теперь уже не пугало нашего туриста; онъ достаточно ознакомился съ условіями американской жизни, а въ силы свои никогда не терялъ вѣры. „Какъ и что дѣлать?—это я заранѣе обдумалъ на пароходѣ, тотчасъ-же послѣ кражи, говоритъ г. Владиміровъ;—но и на всякій случай готовъ былъ встрѣтить всевозможныя непріятности. Скоро нашлась квартира за 4 долара въ недѣлю и содержатель оказался на-столько любезнымъ, что согласился подождать деньги нѣсколько часовъ. Досталъ я изъ кармана часы, вытеръ ихъ какъ могъ чище и поручилъ на сохраненіе ростовщику, что дало мнѣ возможность заплатить за квартиру, съ маленькимъ остаткомъ. Идя по улицѣ, случайно наткнулся я на земляныя работы по желѣзно-дорожному тунелю и, замѣшавшись въ толпу, смотрю внизъ, гдѣ нѣсколько сотъ рабочихъ копошились, какъ муравьи въ своемъ муравейникѣ. Вмѣсто того, чтобы взглянуть, не лучше-ли спросить тамъ работу для себя? Сожалѣвъ внизъ, отыскалъ формѣна и прошу его взять меня въ работники. Тотъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и указалъ на лопату“.

(Стр. 56.)

Работа была тяжелая, но оплачивалась по 2 долара въ день и недостатка въ ней не предвидѣлось. Дѣйствительно, переходя съ тунеля на работы по водопроводу, оттуда къ выравниванію мостовой, таская кирпичи, плотничая, нашъ путешественникъ нигдѣ не получалъ менѣе 2 долларовъ, а то и 2<sup>3</sup>/<sub>4</sub>. Но это были еще свѣтлые дни для нашего труженика, а за ними не мало предстояло и черныхъ. „Была недѣля, говоритъ г. Владиміровъ, находившійся въ это время въ Чикаго,—когда я заработалъ 2 долара 10 сент., въ другую—1 доларъ, а затѣмъ—ни сента. Я бѣгалъ въ одномъ скюртучишкѣ, и меня страшно донималъ холодъ; въ моемъ карманѣ не было ничего; надежда на работу почти совсѣмъ улетучилась. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ я просилъ „Русскій кружокъ“ выслать мнѣ 6 долларовъ на теплое пальто; эти деньги я скоро получилъ и одеждой былъ обезпеченъ. Нужда гоняла меня по всѣмъ концамъ города“, но напрасно. Несмотря на дѣятельную поддержку русскаго американца, бывшаго севастопольскаго полковника, а нынѣ отставнаго генерала Соединенныхъ Штатовъ (онъ дрался въ рядахъ аболиціонистовъ), и агента по продажѣ земель, принадлежащихъ центральной желѣзной дорогѣ Иллинойса, Владиміровъ не могъ найти работы ни на одинъ сентъ и въ-концѣ-концовъ весьма налегѣвъ долженъ былъ отправиться „въ страну“, т. е. „въ деревню“ по нашей современной терминологіи.

„Деревня“, въ которой туристъ-работникъ принялся таскать тачки съ землей, рубить дубы (чему, по неопытности, приходилось

еще учиться „самоучкой“) и т. п., была тоже нѣчто вполне американское: это былъ устраиваемый (съ коммерческими цѣлями) на пустомъ мѣстѣ городъ или „колонія“ „Радомъ“: семь домовъ (въ которыхъ уже помѣщались 2 кабака, сапожникъ и кузнецъ) и много размѣченныхъ въ лѣсу, но еще невырубленныхъ улицъ; рабочему приходилось поэтому спать сперва въ бараки.

1 апрѣля 1874 г. Владиміровъ получилъ сразу весь свой заработокъ (онъ жилъ на хозяйскомъ столѣ) и сталъ владѣльцемъ 51 долара. Тогда съ чувствомъ внутренняго довольства и съ ощущеніемъ полной независимости спросилъ себя „русскій среди американцевъ“: куда-же теперь? Онъ переѣхалъ Атлантическій океанъ и Мексиканскій заливъ, видѣлъ торговаго царя американскаго востока — Нью-Йоркъ, видѣлъ нѣсколько южныхъ штатовъ и ихъ торговое средоточіе Нью-Орлинсъ, глядѣлъ на бушующій Мичиганъ и, центральный, земледѣльческій Иллинойсъ съ его чикагоскими и иными диковинками. Очевидно, оставалось познакомиться съ „западомъ“ и съ этой цѣлью пересѣчь его, достигнувъ крайняго и знаменитѣйшаго пункта у Восточнаго океана — Сан-Франциско.

Съ поселеніемъ въ Сан-Франциско начинается новый періодъ американской жизни г. Владимірова. Здѣсь было нѣсколько русскихъ семействъ; большинство русскихъ устроилось хорошо. Скоро устроился и Владиміровъ въ качествѣ агента по продажѣ дичи и учителя (сперва нотнаго пѣнія, а потомъ и другихъ предметовъ) въ русскихъ семействахъ. Эти новые амплуа уже не были похожи, по заработку, на амплуа чернорабочаго, да и свободнаго времени оставалось вчетверо, впятеро больше. Понятно, почему съ этихъ поръ личная сторона замѣтокъ нашего туриста-работника мало-по-малу блѣднѣетъ, а сторона объективная все развивается, богатѣетъ и вдается все въ большія и большія подробности: авторъ можетъ дѣлать экскурсіи за городъ (напр. на учительскій съѣздъ) и внимательно присматриваться къ ходу политической жизни. Наконецъ онъ рѣшаетъ, что зажилъ въ Калифорніи, что пора продолжать путешествіе. Съ 1-го августа 1875 г. Владиміровъ отказывается отъ всѣхъ своихъ занятій въ Франциско, давшихъ ему сбереженіе въ 641 долларъ золотомъ. Такая сумма сразу выводитъ его изъ положенія кочующаго рабочаго и ставитъ исключительно въ положеніе путешественника-наблюдателя. И вотъ онъ—уже съ спеціальной цѣлью наблюденія—отправляется сперва въ пѣшеходную экскурсію по Калифорніи, а потомъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ возвращается на востокъ. Въ Калифорніи онъ любитъ ея волшебными водопадами и вообще природой, особенно — Йоземитской долиной, ея „окаменѣлымъ лѣ-

сомъ“, ея единственными въ мірѣ роцями гигантскихъ сосенъ. Отправляясь на востокъ, онъ посѣщаетъ Омаху, пересѣкаетъ штаты Айову и Илинойсъ, осматриваетъ Детройтъ, Ніагарскіе водопады, Ольбэни (столицу штата Нью-Йоркъ), наконецъ пріѣзжаетъ въ Бостонъ—это средоточіе американской умственной и эстетической жизни. Ознакомившись со всѣми болѣе замѣчательными предметами, съ реликвіями американской свободы, за которую такъ долго и такъ много боролся Бостонъ, русскій туристъ приступилъ къ изученію общественной американской школы, и если-бы образованіе г. Владимірова равнялось его энергіи, то и кругозоръ его наблюдений, и ихъ качества были-бы достойны полнаго вниманія читателя. Къ сожалѣнію, усердію его далеко не отвѣчало развитіе, и потому онъ ничего новаго не сообщаетъ читателю изъ области своихъ объективныхъ наблюдений. Будучи самъ рабочимъ человѣкомъ, онъ, конечно, интересовался бѣдствіями и вообще положеніемъ трудящагося класса; все общепольное въ смыслѣ развитія гражданственности и блага человѣческой личности не могло не привлечь вниманія туриста, а случаевъ для подобныхъ наблюдений было слишкомъ много. Остановившись, по дорогѣ изъ Бостона, на недѣлю въ Нью-Йоркѣ, г. Владиміровъ проѣхалъ въ Вашингтонъ—средоточіе высшихъ административныхъ мѣстъ, а слѣдовательно, и бесплатно раздаваемыхъ отчетовъ о ихъ дѣятельности, съ которыми онъ насъ и знакомитъ. Тутъ нашъ путешественникъ встрѣтилъ 1876-й годъ—столѣтній юбилей американской республики,—происшествіе, естественно дающее поводъ наблюдать много интереснаго. Тутъ-же находится единственная въ свѣтѣ колегія для глухонѣмыхъ и оригинальный Смитсоньянскій институтъ—„учрежденіе для распространенія знаній между людьми“, дѣятельность котораго сводится, главнымъ образомъ, съ одной стороны, къ метеорологическимъ наблюденіямъ, съ другой—къ поощренію и оказанію помощи авторамъ оригинальныхъ сочиненій по общимъ и спеціальнымъ наукамъ. Посѣтивъ Балтиморъ, гдѣ, между прочимъ, помѣщается институтъ знаменитаго Пибоди, нашъ туристъ закончилъ свое путешествіе Филадельфіей, этимъ средоточіемъ американскихъ благотворительныхъ учреждений всевозможныхъ родовъ и видовъ, мѣстомъ, гдѣ расположилась столѣтняя всемірная выставка въ Соединенныхъ Штатахъ. Описаніемъ открытія этой выставки и очеркомъ русскаго отдѣла ея заключается книга г. Владимірова. Выставка имѣла для него, кромѣ общаго, и личное значеніе: здѣсь онъ въ послѣдній разъ въ Америкѣ надѣлъ свою рабочую блузу и еще разъ взялся за топоръ, пилу и долото. Глядя потомъ, въ качествѣ одного изъ посѣтителей этого торжества столѣтней народной независимости, личной энергіи и многовѣко-

вой культуры, на деревянную внутренность одного изъ отдѣловъ, бывшій плотникъ имѣлъ удовольствіе узнать тѣ мѣста ея, которыя были созданы на общую пользу трудомъ его рукъ. Этотъ послѣдній короткій періодъ физической работы нашего путешественника не обошелся безъ очень непріятныхъ оказій. Изъ нихъ главнѣйшая была та, что босъ бѣжалъ, не уплативъ денегъ. Много рабочихъ пострадало отъ этого въ Филадельфіи.

Я, однако, не стану слѣдить за разсказомъ автора, съ его объективной точки зрѣнія, такъ-какъ этотъ разсказъ не представляетъ того интереса и той непосредственной реальности, которыми отличаются его личныя наблюденія и пройденная имъ школа житейскихъ опытовъ, а эта сторона путешествія г. Владимірова кончается на томъ пунктѣ, когда онъ снимаетъ съ себя рабочую *блузу* и снова облачается въ культурный *сюртукъ*.

Въ іюлѣ 1876 года окончилъ русскій культурный человѣкъ свою задачу: удовлетворить путемъ личной энергіи и упорнаго труда своей любознательности — ознакомиться собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ съ страной политической свободы и индивидуальной предпріимчивости. Выполненіе оказалось успѣшнѣе ожиданій: нашъ путешественникъ, планируя свое предпріятіе, клалъ на него пять лѣтъ, а выполнилъ въ четыре. Онъ выѣхалъ краснѣющимъ, нерѣшительнымъ птенцомъ, а возвратился возмужалымъ и богатымъ опытностью человѣкомъ.

Если-бы на мѣстѣ г. Владимірова былъ американецъ или англичанинъ, даже нѣмецъ или французъ, то мы не только не удивлялись-бы его предпріятію, но и не обратили-бы на него вниманія, — такъ оно обыденно и обыкновенно въ жизни этихъ народовъ. Но г. Владиміровъ — русскій, изъ той-же глины, какъ и мы съ вами, читатель; онъ принадлежитъ къ той-же привилегированной средѣ, съ тѣмъ-же складомъ воспитанія, общественаго характера и міросозерцанія, какъ и всѣ мы, люди теплой культуры. Ничего сверхъестественнаго, конечно, не совершилъ г. Владиміровъ, не подарилъ онъ чего-нибудь человѣчеству --вродѣ лишней части свѣта: вѣдь онъ ѣздилъ въ Америку не только послѣ Колумба, но даже послѣ г. П. Огородникова. Ничего подобнаго не сдѣлалъ г. Владиміровъ. И мы вовсе не удивляемся тому, что русскій человѣкъ способенъ преслѣдовать какую-нибудь личную цѣль съ геройскимъ упорствомъ, не 4 или 5 лѣтъ, а всю свою жизнь; съ увлеченіемъ Плюшкина онъ будетъ собирать старыя подошвы на улицахъ и складывать въ кучу; съ невозмутимымъ спокойствіемъ Коробочки онъ станетъ откладывать копейку къ копейкѣ и ни на одинъ шагъ не отвернется отъ своего курятника, чтобы посмотреть, что дѣлается внѣ его. Равнымъ образомъ, нѣтъ у насъ не-



достатка въ труженникахъ, всецѣло углубленныхъ въ стремленіе къ знанію и совершенствованію: развѣ мало видимъ мы студентовъ и студентокъ, перебивающихся—не 4 и не 5 лѣтъ — такъ, какъ перебивался Владиміровъ до Сан-Франциско? Я не сталь-бы удивляться и безкорыстной преданности идеѣ въ русскомъ человѣкѣ, ни его способности перешагнуть черезъ свое образованіе, свои привычки, свои вкусы и родственныя связи, чтобы поступить на какой-нибудь патронный заводъ, подобно покойному Далматову, или начать перекидывать землю лопатой на желѣзнодорожномъ полотнѣ; къ счастью, русскій человѣкъ съ гордостью можетъ сказать, что видѣлъ въ своей средѣ довольно фактическихъ доказательствъ такой преданности... Но это все не то. Люди внутренне взрослые, имѣющіе уже опредѣленное, объективное дѣло на пользу родного народа (работающихъ на пользу всего человѣчества *не* въ формѣ дѣятельности въ предѣлахъ родного — немного), естественно уже покончили съ выработкой своего *я*, какъ съ главной задачей, и посвятить 4 года неустанныхъ усилій чисто-личной задачѣ не могутъ. Тѣ-же, для которыхъ задача личнаго совершенствованія и личной формировки есть первенствующая — вслѣдствіе-ли ихъ молодости, при которой она неизбѣжна и непремѣнна, или за неизбѣжимъ общественныхъ задачъ и интересовъ по ихъ силамъ — тѣ идутъ проторенной дорожкой, предпочитая скучать или образовывать школьнымъ и вообще книжнымъ путемъ одинъ свой умъ вмѣсто того, чтобы выработать изъ себя цѣлаго человѣка, способнаго затѣмъ вдвое быстрѣе усвоить любое знаніе. Наконецъ, представители *преустьянія* и *пріуможенія* въ огромномъ числѣ эземпляровъ обладаютъ тою предприимчивостью, активной бодростью, практической находчивостью и тѣмъ „легкимъ духомъ“, которыхъ такъ не хватаетъ въ предыдущей категоріи; но, конечно, они путешествовать не ѣздятъ (развѣ на Минерашки, а кто почище—въ Парижъ) и ни о внутренней формировкѣ, ни о внутреннемъ совершенствованіи не заботятся. „Вотъ какъ или почти такъ говорить Агафья Тихоновна въ „Женитьбѣ“, — если-бы къ носу Ивана Кузьмича да ротъ Петра Семеныча, да еще, пожалуй, прибавить значительности Павла Ивановича...“ Но, понятно, такіа сочетанія бывають при данныхъ условіяхъ рѣдко, и вотъ почему, если попадаютъ, ихъ нельзя не назвать исключительными.

Въ самомъ дѣлѣ, вы только представьте самого себя, читатель, въ положеніи и роли г. Владимірова. Я уже не говорю о трудѣ чернорабочаго втеченіи 2—3 лѣтъ сряду; но я спрашиваю васъ: неужели вы рѣшились-бы, вы, культурная русская сила, какъ вамъ угодно думать о себѣ, обречь себя на такіа страшныя лишенія добровольно, испытать столько нужды и подвергать себя

рису голодной смерти, чтобы только изъ конца въ конецъ пройти чуждую вамъ страну и испробовать упругость вашей нравственной энергии? Это, конечно, не безпримѣрное геройство, но далеко и не по силамъ тепличнаго человѣка, не въ характерѣ тѣхъ Тряпичиныхъ, которыми кипитъ русская земля. Хотите, я вамъ подскажу, какъ-бы вы поступили въ случаяхъ, изъ которыхъ нашъ путешествующій рабочій выпутывался силою личной предприимчивости и безбоязненности передъ послѣдствіями, — и подскажу не на основаніи собственной фантазіи, а на основаніи печатныхъ показаній третьяго лица.

Одинъ русскій путешественникъ, тоже изъ культурныхъ, получилъ на станціи Омаха свой багажъ. „Навозился я здѣсь съ своими тремя сак-воежами, рассказываетъ онъ. — Ихъ нужно было перевести *всего шаговъ за тридцать*, въ багажную залу новаго поѣзда, гдѣ перемѣнялись и чеки. *Никого не найдешь или никто не хочетъ братья*. Едва нашель за 20 центовъ. Почему-бы здѣсь не организовать, какъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, артелей багажныхъ и артелей переносчиковъ вещей?“ \*). Почему-бы, въ самомъ дѣлѣ, не организовать? Я даже нахожу желаніе благовоспитаннаго русскаго путешественника черезчуръ скромнымъ. Я-бы къ его проекту присоединилъ требованіе, чтобы въ средѣ каждой такой артели были носильщики изъ *всѣхъ* націй, ибо согласитесь, что если на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ янки обыкновенно путешествуютъ на-легкѣ, а въ случаѣ надобности не считаютъ невозможнымъ протащить багажъ лично, попадаютъ путешественники, чувствующіе настоятельную надобность въ организаціи артелей для переноски сак-воежей за 30 шаговъ, то могутъ попасться и такіе, которые не знаютъ ни слова ни на какомъ языкѣ, кромѣ, напримѣръ, русскаго, португальскаго или новозеландскаго. Какъ-же они-то будутъ?—А то вотъ еще есть очень почтенные русскіе обыватели и обывательницы, которые не могутъ заснуть, если имъ не почешутъ спины или пятокъ на сонъ грядущій. Отчего-бы и для нихъ не организовать артелей чесальщиковъ?

„Сильный холодъ ночью непрерывно будилъ меня, рассказываетъ тотъ-же культурно-русскій человѣкъ, — несмотря на фуфайку и два пальто, въ которыя я укутался: *печь-то пассажиры польнулись затопить на ночь*“ \*\*). Это восхитительно! Ему холодно, но виноватъ въ этомъ не онъ: онъ только *несчастенъ* — тѣмъ, что

\*) „Отъ Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно въ Россію“, П. Огородникова, Сиб., 1872, стр. 72—73.

\*\*\*) *Idem.*, стр. 88.

ѣдетъ съ такими „пассажирами“, которые лѣнятся затопить, чтобы ему было теплѣе! При этомъ мнѣ невольно вспадеетъ на память характеристическій рассказъ объ одномъ русскомъ туристѣ, постоянно жившемъ за-границей и постоянно вздыхавшемъ о своемъ отечествѣ, будто-бы неоцѣнившемъ его генія и гражданскихъ добродѣтелей. Это былъ коренной москвичъ, немножко отполированный подъ европейскій лакъ, лѣтъ до пятидесяти зубрившій англійскій языкъ, котораго онъ такъ и не могъ одолѣть, богатый, скупой, ограниченный, но вѣчно къ чему-то идеальному порывавшійся. Женился онъ, противъ воли отца и наперекоръ его родительскимъ проклятіямъ, на живой и умной дщери французскаго пролетаріата и разошелся съ ней недѣли черезъ три изъ-за того, что она не раздѣляла его восторженныхъ мнѣній о романѣ Ж.-Занда *Номасе*. Этотъ странствующій и все къ чему-то стремившійся, но ни на чемъ неостановившійся Basile обо всемъ судилъ, все измѣрялъ своимъ личнымъ комфортомъ, съ точки зрѣнія котораго онъ считалъ свое верховное Я чуть не центромъ вселенной. Плохо владѣя нѣмецкимъ языкомъ, онъ не любилъ Германію и находилъ, что кромѣ кислой капусты и жирной ветчины въ ней нѣтъ ничего хорошаго. Въ Италію, по дорогѣ въ Римъ, его обокрали и онъ послѣ этого прискорбнаго казуса возненавидѣлъ ее, несмотря на свою платоническую любовь къ монументальнымъ остаткамъ классическаго величія. Когда онъ садился въ ванну и его дряблое тѣло нѣжилось подъ искуснымъ натираніемъ ловкаго гарсона, онъ обыкновенно восклицалъ: „Voilà, ce que c'est la civilisation européenne!“ Но когда банщикъ какъ-нибудь неосторожно царапалъ его до боли, онъ тотчасъ-же перемѣнялъ тонъ и говорилъ рѣзко: „Ils ont raison—ces slavophyles, quand ils écrasent cette civilisation maudite“. О смерти и вообще о печальныхъ событіяхъ онъ не любилъ говорить, не потому, чтобы ему хотѣлось быть вѣчнымъ коптителемъ неба въ земной юдоли, а потому, что онъ боялся разстаться съ своимъ личнымъ комфортомъ, съ тѣмъ излюбленнымъ курятникомъ, въ которомъ онъ выросъ. И эти Базилы вовсе не составляютъ исключенія; имя имъ легионъ на обширной русской землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли найдется между нами такихъ, которые-бы могли стать выше личнаго и мелко-эгоистическаго самосозерцанія Базилей и П. Огородниковыхъ? Загляните въ какую угодно сферу общественной, семейной и административной дѣятельности и вы на каждомъ шагѣ чувствуете, такъ-сказать, оцупываете ихъ. Интересы своего курятника—на первомъ планѣ, и нѣтъ того общественнаго дѣла, нѣтъ того бѣдствія, изъ котораго-бы они не извели своей личной выгоды. Отъ военной фуракировки и до школьнаго воспитанія, все служить Базилямъ

на пользу ихъ личныхъ стяжаній и на улагодвореніе ихъ алчныхъ похотей.

Какъ-же послѣ этого не отнестись сочувственно и съ нѣкоторымъ удивленіемъ къ такому упорному и энергическому труду, къ такой изъ ряда вонъ выступающей предприимчивости, на которые рѣшился нашъ культурный степнякъ, г. Владиміровъ?

---

### Планъ С.-Петербурга въ Санитарномъ отношеніи. Докт. мед. Ю. Губнера. С.-Петербургъ, 1877 г.

Столицы являются казовымъ концомъ государствъ. Присматриваясь къ характеру столичной жизни, вы можете сказать, на какой ступени цивилизаціи стоитъ то или другое общество. Смотри на петербургскую жизнь, можно придти только къ тому заключенію, что европеизмъ покуда привился къ намъ чисто-внѣшнимъ образомъ. Одинъ любитель парадоксовъ замѣтилъ, что нужно показать только три вещи, чтобы ознакомить иностранца съ русской жизнью, а именно: нужно провезти его на петербургскихъ дрожкахъ весною по петербургскимъ мостовымъ, чтобы онъ понялъ, что мы еще не сознаемъ необходимости удобныхъ и быстрыхъ путей сообщенія; потомъ нужно его привести на Сѣнную площадь и сказать ему что эта площадь замѣняетъ намъ парижскій Halle centrale, чтобы онъ понялъ, что русскіе еще не сознали всей важности хорошаго и здороваго продовольствія для общества; наконецъ, нужно его привести куда-нибудь на загородное гулянье, гдѣ среди жалкихъ и нищенскихъ увеселеній зѣваютъ отъ скуки и бродятъ, какъ мухи осенью, петербуржцы, чтобы онъ понялъ, что русскіе не умѣютъ даже веселиться, какъ веселятся въ Европѣ. Въ этихъ парадоксальныхъ совѣтахъ есть извѣстная доля правды: Петербургъ дѣйствительно остается до сихъ поръ самую неудобною для жизни, самую неопытною и притомъ самую небогатою изъ европейскихъ столицъ. Въ Петербургѣ нѣтъ до сихъ поръ канализаціи или какой-нибудь другой порядочной системы отвода нечистотъ; въ немъ до сихъ поръ имѣется одинъ постоянный мостъ черезъ Неву, такъ что населеніе Петербургской и Выборгской сторонъ отрѣзывается два раза въ годъ отъ города огромнымъ разстояніемъ; въ немъ до сихъ поръ нѣтъ газоваго освѣщенія во многихъ мѣстахъ, вродѣ Песковъ, находящихся о-бокъ съ Невскимъ проспектомъ; въ немъ нѣтъ „пріята мертвыхъ“ ( morgue); въ немъ почти нѣтъ тѣхъ общественныхъ зданій, которыя извѣстны по лаконической надписи „для мужчинъ“, „для дамъ“,

въ немъ до сихъ поръ существуетъ множество немощныхъ улицъ, деревянныхъ домовъ, пустырей съ покосившимися заборами; въ немъ разводятся скверы, но существующіе сады поддерживаются скверно и тогда какъ нынче развелось еще нѣсколько жидкихъ и жалкихъ скверовъ, старыя ален по дорогѣ къ Митрофаніевскому кладбищу или по берегу Обводнаго канала въ Елатерингофъ погибли совсѣмъ безъ присмотра; въ немъ нѣтъ таксы для извозчиковъ и нѣтъ сносныхъ извозчичьихъ экипажей; въ немъ есть полиція, но это далеко не европейская полиція и т. д. Да, Петербургъ—самая бѣдная и самая неудобная изъ европейскихъ столицъ, поражающая неумѣлымъ хозяйствомъ, апатичностью думы, безсиіемъ этого учрежденія, ничтожествомъ всѣхъ этихъ членовъ думы, и въ то-же время, какъ это всегда бываетъ при дурномъ хозяйствѣ, Петербургъ является самою дорогою изъ столицъ: жизнь здѣсь стоитъ вдвое, втрое дороже, чѣмъ въ какой-нибудь другой столицѣ Европы, и притомъ даже дорого оплачиваемая жизнь здѣсь лишена всякихъ удобствъ: въ Петербургѣ вы должны платить гораздо дороже, чѣмъ въ Парижѣ, напримѣръ, даже за хлѣбъ, хотя во Францію этотъ хлѣбъ вывозится изъ Россіи, но въ то-же время вы не можете даже доставить себѣ въ Петербургѣ за дешевую цѣну удовольствія, и если вамъ нуженъ билетъ въ театръ, то хорошія мѣста на новую пьесу, хотя-бы вы пришли до зари къ кассѣ, вы можете достать только у барышниковъ, платя имъ нерѣдко громадную контрибуцію.

Посмотрите, во что обходится хозяйство другихъ столицъ, и вы изумитесь, какъ бѣденъ Петербургъ въ сравненіи съ ними. Ежегодный бюджетъ города Парижа въ 1873 году равнялся 328,315,582 франкамъ 16 сантимамъ. Парижъ потреблялъ въ 1872 году газа 147,668,330 кубическихъ метровъ и газовыя трубы составляли 1,543,029 метровъ длины. Городъ получилъ съ газоваго общества въ 1872 году 7,708,953 франка. На одно ежедневное убраніе сора съ улицъ Парижъ тратитъ до 900,000 франковъ, причежъ отдѣльно на уборку устричныхъ раковинъ тратится въ годъ отъ 25 до 30 тысячъ франковъ. Въ Парижѣ признаютъ всю пользу посадки деревьевъ и не шадятъ средствъ на этотъ предметъ. Одни парижскіе бульвары состояли въ 1872 году изъ 102,154 деревьевъ. Каждое дерево, съ пересадкою на мѣсто, съ рѣшеткою, защищающею дерево, обходилось въ 184 франка. Каждая улица или дорога, которой ширина равняется 26 метрамъ, непременно имѣетъ два ряда деревьевъ, по одному съ каждой стороны; въ улицахъ и на дорогахъ въ 36 метровъ ряды дѣлаются двойные. Въ Нью-Йоркѣ имѣется 23 парка, занимающіе 1.007 акровъ земли. Центральный паркъ занимаетъ до 344 гектаровъ земли, при-

чемъ 17 заняты прудами. Въ этомъ паркѣ 71 километръ дорогъ для экипажей, 8,849 метровъ для ѣзды верхомъ и 45 километровъ дорогъ для пѣшеходовъ. Этотъ паркъ ничего не стоитъ городу, такъ-какъ доходы и продукты парка покрываютъ расходы. Въ 1870 году число посѣтителей парка въ экипажахъ доходило до 112,245 человекъ. Въ Туринѣ бульвары занимаютъ 36 километровъ въ длину и обсажены 18,500 деревьями. Берлинскій „Тиргартенъ“ занимаетъ одно лье въ длину и одно лье съ четвертью въ ширину. Въ Парижѣ до осады было 8,428 скамеекъ на улицахъ и въ садахъ и каждая стоила городу по 4 франка въ годъ. Послѣ осады пришлось возобновить до 3,000 скамеекъ. Въ Парижѣ небольшихъ ретирадныхъ мѣстъ для мужчинъ въ 1871 году было до 687. Они поглощали 5,435 кубическихъ метровъ воды въ день. Въ какомъ-нибудь небольшомъ Мюльгаузенѣ вы найдете множество общественныхъ бань и прачечныхъ для народа, для бѣдняковъ, о чемъ мы не имѣемъ понятія въ Петербургѣ: такъ въ улицѣ Диденгеймѣ существуетъ съ 1851 года превосходная баня съ 8 нумерами, для одного человека каждый, и съ двумя теплыми бассейнами, каждый въ два квадратныхъ метра, для семейнаго купанья; всего здѣсь можетъ мыться отъ 14 до 15 человекъ заразъ; баня стоитъ 15 *сантимовъ*; при баняхъ находится прачечная, гдѣ за 5 *сантимовъ* можно стирать *два часа*; при заведеніи есть всѣ усовершенствованныя машины для сушки, катанья и глаженья бѣлья. Въ этомъ заведеніи въ 1865 году, по 15 декабря, было взято 8,348 бань и было 41,805 посѣщеній прачечной. Въ другомъ подобномъ-же заведеніи въ Мюльгаузенѣ было въ 1864 г. взято 9,906 нумеровъ для мытья и 37,658 для стирки. Эти цифры говорятъ сами за себя. Но Мюльгаузенъ не столица, а небольшой городъ, и въ немъ подобныхъ заведеній много. Вы найдете въ Петербургѣ сотни „гласныхъ кассъ ссудъ“, гдѣ васъ обдерутъ, какъ липку, ростовщики. Но что-же сдѣлалъ городъ, чтобы избавить бѣдняковъ отъ этой страшной язвы? Ровно ничего. Въ Парижѣ-же знаменитое „Mont-de-Piété“ подавило, въ сущности, всякое ростовничество закладчиковъ: оно принимаетъ въ залогъ всевозможныя вещи; оно имѣетъ центральное управленіе, два отдѣленія, двадцать четыре бюро и четырнадцать комисіонеровъ. Здѣсь вы не встрѣтите никакихъ затрудненій, какія встрѣчаются у насъ въ единственномъ казенномъ ломбардѣ, гдѣ принимаются только золотыя и серебряныя вещи,—принимаются притомъ не во всѣ дни, не во всякое время дня и за крайне дешевую и вполнѣ произвольную цѣну, такъ что одну и ту-же вещь въ одно полугодіе берутъ за одну цѣну, а въ другое—за другую. Наша столица не умѣетъ наблюдать ни за чѣмъ,—взгляните хоть на кладбища и

вы увидите, что русскія петербургскія кладбища содержатся хуже петербургскихъ нѣмецкихъ кладбищъ, что здѣсь царствуетъ грязь, доходящая до неприличія. Стоитъ только взглянуть на то, какъ на Смоленскомъ или на Митрофаніевскомъ кладбищахъ устроены „ретирадныя мѣста“, изъ которыхъ послѣднее находится притомъ въ какихъ-нибудь тридцати шагахъ отъ церкви. Достаточно сказать, что двери въ мужское и женское отдѣленія не закрываются плотно и представляютъ въ сущности только двѣ половинки одной двери. А между тѣмъ именно наши кладбища посѣщаются массой народа, проводящей иногда здѣсь цѣлые лѣтніе дни. Представьте же себѣ, какой чистоты и какихъ нравовъ нужно ожидать здѣсь, гдѣ нужно-бы имѣть хоть какое-нибудь уваженіе къ послѣднему пристанищу людей. Но этого мало: сама администрація кладбищъ поступаетъ очень часто безобразно. Пишущему эти строки пришлось годъ тому назадъ заплатить вторыя деньги за могилу, на которой уже давно стоялъ памятникъ. Дѣло въ томъ, что кладбищенской конторой, какъ выразился главный завѣдывающій кладбищемъ, управлялъ нѣсколько лѣтъ назадъ „мошенникъ“ и потому выданныя этимъ „мошенникомъ“ квитанціи оказались недействительными. „Но развѣ вы выставляете образцы квитанцій на дверяхъ конторы? спросилъ я.—Развѣ весь этотъ бѣдный людъ, хоронящій своихъ ближнихъ, знаетъ, какія квитанціи настоящія и какія мошенническія? Почему-же за мошенничество конторы долженъ платиться онъ, а не контора, допустившая мошенничество? Напримѣръ, кто поручится мнѣ, что и теперь мнѣ выдается не мошенническая квитанція?“ Мои слова показали обидными, но обиженный тотчасъ притихъ, когда я сказалъ, что мошеннической квитанціи я ему не отдамъ, а оставляю ее у себя *на память*, какъ документъ на всякій случай. Тѣмъ не менѣе пришлось заплатить за могилу 30 рублей, когда за нее было уже заплачено 40 рублей. Все это мелочи, но именно изъ этихъ мелочей слагается жизнь и игнорировать ихъ не слѣдуетъ. „Многія лица, говорилъ еще Франклинъ, касаясь вопроса о пыли, — могутъ подумать, что это такіе пустяки, которые не заслуживаютъ того, чтобы о нихъ думать, чтобы о нихъ говорить. Дѣйствительно, не особенно важно, если немного пыли попадетъ въ глаза одного человѣка, или если она ворвется въ какую-нибудь лавчонку въ вѣтряный день; но большее число пыли и частое повтореніе этихъ маленькихъ случайностей въ многолюдномъ городѣ имѣетъ и вѣсь, и значеніе, и нельзя осуждать тѣхъ, кто обращаетъ хоть сколько-нибудь вниманія на эти предметы, столь низкіе на первый взглядъ“. Да, спросите, какъ приходится терпѣть отъ этихъ „мелочей“ жителямъ Петербурга, когда въ лѣтніе мѣсяцы приходится имъ дышать вмѣсто

воздуха пылью и пить вмѣсто воды какую-то навозную гущу изъ Фонтанки.

При такомъ плохомъ состояніи, при такомъ плохомъ хозяйствѣ Петербурга, не можетъ быть не дорого каждое изслѣдованіе, указывающее на тѣ или другія темныя стороны нашей столицы, и въ этомъ отношеніи нельзя не сказать спасибо гг. Эрисману, Архангельскому, Губнеру и тому подобнымъ изслѣдователямъ санитарнаго положенія нашей Сѣверной Пальмиры. Лежащій передъ нами „Планъ С.-Петербурга въ санитарномъ отношеніи д-ра Ю. Губнера“ принадлежитъ къ числу такихъ полезныхъ трудовъ, хотя мы и сомнѣваемся, чтобы его привяли во вниманіе разные гг. Домонтовичи, засѣдающіе въ думѣ чуть-ли не сто лѣтъ.

Крайне большая смертность Петербурга уже давно обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователей. Въ таблицѣ смертности, предлагаемой въ одномъ изъ трудовъ Фонсагрива, мы находимъ слѣдующія цифры:

Въ Лисабонѣ	1	смертный случай на	42
„ Копенгагенѣ	1	„ „ „	39
„ Стокгольмѣ	1	„ „ „	39
„ Лондонѣ	1	„ „ „	38
„ Парижѣ	1	„ „ „	35
„ Мюнхенѣ	1	„ „ „	34
„ Брюсселѣ	1	„ „ „	27
„ Петербургѣ	1	„ „ „	24

„Заключенія о причинахъ чрезмѣрной болѣзненности и смертности, говоритъ Губнеръ, — бывають, обыкновенно, болѣе или менѣе гадательны, такъ-какъ основываются на существованіи того или другого болѣзнетворнаго дѣятеля, безъ отношенія его къ населенію. Въ С.-Петербургѣ до сихъ поръ пренебрегаютъ изученіемъ санитарнаго состоянія самаго населенія и довольствуются указаніемъ на однѣ лишь общія причины, предполагаемыя или существующія, каковы, напримѣръ, непостоянство погоды, болотистость почвы, пьянство, наплывъ рабочихъ, загрязненіе каналовъ и т. п. Между тѣмъ въ вопросѣ о вліяніи враждебныхъ здоровью причинъ необходимо брать въ расчетъ не только существованіе этихъ причинъ, но и степень защиты противъ нихъ, которою располагаетъ населеніе, такъ-сказать, его стойкость“.

Г. Губнеръ беретъ два участка, имѣющіе среднимъ числомъ по 17,577 жителей. Одинъ участокъ находится въ Адмиралтейской части, другой—въ Рождественской, и, несмотря на то, что въ первомъ изъ нихъ есть казармы, смертность въ немъ равняется 21,<sub>28</sub> на тысячу, тогда какъ во второмъ она достигаетъ 41,<sub>01</sub> на тысячу. Г. Губнеръ изслѣдуетъ причины такой разницы и приходитъ



къ слѣдующему заключенію: „жители Песковъ находятся въ худшемъ экономическомъ положеніи; они менѣ защищены противъ вліянія общихъ болѣзнетворныхъ причинъ и потому подвержены большей болѣзненности и смертности; жилища ихъ не только хуже, но, вслѣдствіе скученности въ нихъ населенія, въ свою очередь, служатъ источниками болѣзней; наконецъ, низкому санитарному уровню населенія Песковъ содѣйствуютъ неблагоприятныя почвенныя условія и, сравнительно, болѣе слабыя мѣры медико-полицейскаго благоустройства. Къ категоріи этихъ мѣръ, кромѣ водоснабженія, удаленія нечистотъ и опрятнаго содержанія улицъ и дворовъ, относится также весьма вредное, въ санитарномъ отношеніи, скопленіе чернорабочихъ въ домахъ, совершенно неприспособленныхъ для жизни въ нихъ рабочихъ. Такихъ домовъ нѣтъ вовсе въ лучшихъ центральныхъ участкахъ столицы, но по окраинамъ ея, а также вокругъ Сѣнной площади и въ мѣстности Рождественской части, они представляютъ настоящія клоаки нечистотъ и центры заразныхъ болѣзней“. Такимъ образомъ, при болѣе разумномъ управленіи городомъ городской думою можно было-бы устранить значительное число смертныхъ случаевъ. Смертность въ Петербургѣ крайне неравномѣрна и ея неравномѣрность зависитъ отъ неравномѣрности тѣхъ условій, въ которыя поставлено населеніе города, гдѣ дума заботится о чистотѣ и улучшеніяхъ только въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ центрѣ, оставляя окраины города на произволь судьбы. „Половина всѣхъ жителей столицы (49,9%) въ общей сложности, говорить г. Губеръ, — пользуется почти вдвое лучшимъ санитарнымъ состояніемъ, нежели другая половина ихъ, составляющая какъ-бы особый городъ. На планѣ видно, что 19 худшихъ участковъ С.-Петербурга дѣйствительно образуютъ нѣчто цѣлое, въ видѣ сплошного пояса вокругъ центральной мѣстности города, который прерывается только въ двухъ пунктахъ: съ восточной стороны I участкомъ Александр-Невской части и съ сѣвера I и II участками Выборгской части. Петербургъ сберегалъ-бы ежегодно болѣе пяти съ половиною тысячъ жизней, если-бы состояніе общественнаго здоровья въ худшей половинѣ его было улучшено до того, въ сущности невысокаго, уровня, какимъ пользуется населеніе 19 центральныхъ участковъ. Что санитарный уровень въ лучшей половинѣ столицы не высокъ, можно заключить по даннымъ о движеніи народонаселенія въ благоустроенныхъ столичныхъ городахъ. Такъ, на тысячу жителей приходится въ годъ умершихъ: въ Лондонѣ 21, а въ Парижѣ 23 человекъ. Такой процентъ смертности существуетъ въ С.-Петербургѣ лишь въ двухъ самыхъ лучшихъ его участкахъ: I Спасскомъ и I Адмиралтейскомъ, т. е. для 5<sup>0</sup>/<sub>0</sub> всего населенія. По отношенію къ эпидемическимъ

болѣзнямъ, разница въ санитарномъ положеніи обѣихъ половинъ столицы еще замѣтнѣе. Во второй группѣ участковъ изъ тысячи жителей умерло: отъ холеры 2,<sub>52</sub> и отъ оспы 6,<sub>78</sub>, т. е. почти вдвое больше противъ 19 участковъ первой группы. Правда, что въ смертности отъ тифозныхъ горячекъ разность не такъ велика, но тѣмъ не менѣе наибольшіе проценты существуютъ въ участкахъ, принадлежащихъ ко второй группѣ, а именно: въ IV участкѣ Московской, во II и III участкахъ Нарвской, въ III участкѣ Рождественской, во II участкѣ Васильевской и въ III участкѣ Выборгской частей. Кромѣ того, кажущаяся равномерность въ распредѣленіи тифозныхъ горячекъ по участкамъ города въ дѣйствительности не существуетъ, такъ-какъ множество больныхъ изъ среды рабочаго класса уѣзжаютъ изъ С.-Петербурга на родину. Замѣчательная разница въ смертности не только въ участкахъ, но даже въ двухъ половинахъ Петербурга, невольно наводитъ на мысль, что она находится въ прямой зависимости отъ мѣстныхъ санитарныхъ условій, разумѣя подъ этими послѣдними какъ болѣзнетворныя причины, такъ и степень защиты противъ нихъ. Въ этомъ отношеніи данныя переписи представляютъ весьма важныя разъясненія. Оказывается, во-первыхъ, что населеніе худшей половины столицы заключаетъ въ себѣ 76,<sub>8</sub>% непривилегированныхъ сословій, и въ числѣ ихъ только 7,<sub>1</sub>% личной прислуги, тогда какъ на долю первой группы участковъ непривилегированныхъ сословій приходится 72,<sub>3</sub>%, съ 15,<sub>2</sub>% личной прислуги. Дальше видно, что половина жителей С.-Петербурга, проживающихъ въ лучшихъ участкахъ, размѣщена въ квартирахъ несравненно просторнѣе и, слѣдовательно, пользуется болѣе здоровымъ воздухомъ, чѣмъ другая половина столичнаго населенія. Отношеніе между обѣими группами участковъ таково, что въ первой группѣ на 10 комнатъ приходится 15 жителей, а во второй—21. Наконецъ, изъ тѣхъ-же данныхъ переписи можно заключить, что населеніе худшихъ участковъ, въ общей сложности, терпитъ не только отъ вреднаго вліянія испорченнаго воздуха, но и отъ недостатка хорошей воды. Хотя разность въ процентѣ домовъ съ проведенною водою между обѣими половинами города весьма велика, а именно: въ лучшихъ участкахъ насчитывается 50% домовъ, снабженныхъ невской водою, а въ худшихъ участкахъ—16%, но эти цифры получаютъ еще большее значеніе, если прослѣдить на планѣ расположеніе участковъ по отношенію къ Невѣ и другимъ водамъ столицы. Въ центральныхъ участкахъ водопроводная сѣтъ имѣетъ довольно общественныхъ крановъ, при посредствѣ которыхъ водоснабженіе незатруднительно, къ тому-же, при достаточномъ числѣ чиновъ наружной полиціи, водовозы лишены возможности набирать воду изъ каналовъ.

Что-же касается I и II участковъ Выборгской части и IV участка Петербургской части, входящихъ въ составъ первой группы, то жители ихъ хотя лишены проведенной воды, но поставлены въ необходимость пользоваться чистой невской водой, по отсутствію другихъ водохранилищъ. Почти то-же надо сказать и относительно I участка Васильевской части, имѣющаго только около 23% домовъ съ проведенной водой, такъ-какъ онъ съ двухъ сторонъ омывается Невой и находится на большомъ разстояніи отъ грязной Смоленской рѣчки. Если эти четыре участка исключить изъ числа участковъ первой группы, то въ ней процентъ домовъ съ проведенной водой возрастетъ до 62%. Совершенно инныя условія водоснабженія существуютъ въ большей части участковъ второй группы. Въ числѣ ихъ только III участокъ Спасской и III участокъ Московской частей достаточно снабжены водопроводами и весьма немногіе участки свободны отъ зараженныхъ нечистотами рѣкъ и каналовъ. Вся южная часть Петербурга, заключающая въ себѣ мѣстности Ямской (II и III участки Александро-Невской части), Семеновскаго полка (IV участокъ Московской части), Измайловскаго полка (I и II участки Нарвской части) и III участокъ Нарвской части, расположенный за грязной рѣчкой Таракановкой, очень скудно снабжена проведенной водой и значительно удалена отъ Невы, единственнаго источника чистой воды. Въ этой части города довольно распространено пользованіе водой изъ зараженныхъ нечистотами каналовъ и рѣкъ, каковы: Обводный и Введенскій каналы, Фонтанка, Лиговка и др. Такъ оно и должно быть при извѣстной неприхотливости нашего простолюдина, не говоря уже о томъ, что рабочій человѣкъ весьма часто не имѣетъ довольно средствъ и досуга для того, чтобы пользоваться водой изъ общественныхъ водоемовъ. Западныя окраины города хотя и омываются съ одной стороны Невой, но вода въ ней по бережьямъ весьма сомнительнаго качества. Такъ, по берегу II участка Коломенской части невская вода загрязняется водами Мойки и Фонтанки, а по берегу III участка Васильевской части множествомъ судовъ, имѣющихъ здѣсь пристань. Одинъ изъ рукавовъ Невы — Малая Нева, протекающая между Васильевскимъ и Петербургскимъ островами, несетъ чистую невскую воду, но она загрязняется по берегамъ судами возлѣ биржи и вдоль набережной II участка Васильевской части нечистотами съ барокъ мусорной пристани. Съверная сторона этого участка омывается весьма грязною Смоленскою рѣчкою, которая издавна пользуется дурною славою среди обывателей Васильевскаго острова. Петербургская часть со всѣхъ сторонъ окружена Невой и ея рукавами съ хорошею, чистою водою, но въ сѣверной части ея протекаетъ весьма грязная и зло-

вонная рѣчка Карповка, служащая причиною постоянныхъ жалобъ. Жалобы на то, что водовозы берутъ воду изъ Карповки, неоднократно проникали даже въ столичные органы печати. Наконецъ, къ восточнымъ окраинамъ столицы, входящимъ въ составъ участковъ второй группы, принадлежать три участка Рождественской части (Пески) и Охта (III участокъ Выборгской части.) Изъ числа этихъ мѣстностей, только часть Песковъ (западная половина I и II участковъ Рождественской части), прилегающая къ Лиговкѣ, удалена отъ Невы и потому болѣе другихъ нуждается въ проведенной водѣ. Однако, нельзя не упомянуть о томъ, что въ сѣверной части III участка Рождественской части, въ близкомъ сосѣдствѣ съ городской водокачальной, находится обширная лѣсная пристань Громова, съ востока-же, по берегу I участка той-же части, расположена еще болѣе обширная Калашниковская пристань, которыя не мало содѣйствуютъ загрязненію воды по этимъ побережьямъ. Берега Охтенскаго участка также не отличаются чистотой и, кромѣ того, жители могутъ брать воду изъ рѣчки Охты и грязнаго притока ея—Черной рѣчки, протекающей черезъ Охтенское кладбище. Къ этому надо прибавить, что ни одна столица не блещетъ такимъ отсутствіемъ цистернъ и фонтановъ, изъ которыхъ-бы рабочій людъ могъ утолить свою жажду въ лѣтнюю пору.

Изъ этого краткаго обзора водоснабженія столицы видно, что распространеніе водопроводной сѣти и вообще степень пользованія хорошей водой въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ распределеніемъ болѣзненности и смертности среди населенія. Со времени переписи въ декабрѣ 1869 года, изъ которой заимствованы данныя о числѣ домовъ съ проведенною водой, водопроводная сѣть втеченіи пяти лѣтъ расширилась весьма мало. Въ зарѣчныхъ частяхъ города, какъ извѣстно, только въ послѣднее время приступлено къ устройству водопроводовъ, такъ-что вліяніе ихъ на уменьшеніе болѣзненности и смертности собственно среди нуждающагося населенія можетъ вполнѣ выясниться впоследствии. Во всякомъ случаѣ, должно принять, что совпаденіе процента смертности въ обѣихъ половинахъ столицы съ тѣсною въ жилищахъ и распространеніемъ водопроводовъ не есть явленіе случайное, зависящее, въ свою очередь, исключительно отъ степени зажиточности населенія. Въ той-же мѣрѣ степень городского благоустройства по отношенію къ чистотѣ и хорошему содержанію домовъ, дворовъ, улицъ и проч. хотя и совпадаетъ съ распределеніемъ болѣзненности и смертности, но далеко не всегда идетъ объ руку съ матеріальнымъ благосостояніемъ жителей. Грустно видѣть заботу о чистотѣ, въ интересахъ благообразія, и заботу о постройкахъ, въ интересахъ соблюденія красоты города. Грустно

видѣтъ также полное безучастіе горожанъ къ санитарнымъ нуждамъ объ руку съ бесполезными филантропическими затѣями и фатальнымъ убѣжденіемъ, что противъ бѣдности и ея послѣдствій ничего не подѣлаешь. Бѣдные виноваты въ томъ, что почва и городскіе каналы загрязнены и отравлены болѣзнетворными ядами. Бѣдные причиною того, что 80% населенія томатся въ тѣсныхъ и сырыхъ квартирахъ, а 50% лишены чистой воды. Они-же, бѣдные обыватели столицы, виноваты въ алчности домохозяевъ и въ нерадивости богатыхъ къ собственному своему животу. Но кто-же эти бѣдные и кого можно назвать въ С.-Петербургѣ богатымъ? Богатъ тотъ, кто имѣетъ квартиру *для себя*, съ просторными, сухими и свѣжими комнатами, съ водопроводомъ и другими удобствами, необходимыми для жизни въ большомъ городѣ и въ холодномъ климатѣ. Такихъ богачей, въ средѣ жителей Петербурга, едва-ли наберется больше 10%. Возлѣ нихъ, по задворкамъ, чердакамъ и вообще въ служебныхъ пристройкахъ, ютятся и кормятся до 20% столичныхъ обывателей, въ качествѣ прислуги и приживальщиковъ. Но по отношенію къ квартирному удобству, въ смыслѣ требованій гигиены, прислуга принадлежитъ къ жителямъ бѣднымъ. Въ томъ-же смыслѣ къ жителямъ бѣднымъ должно отнести и остальные 70% петербургскаго населенія. Изъ нихъ около 25% жителей съ 15% прислуги только бѣдны, такъ-какъ не находятъ для себя квартиръ съ тѣми удобствами, которыми пользуются богатые; остающіеся затѣмъ 30% жителей, заработокъ которыхъ не превышаетъ 30 рублей въ мѣсяцъ, нельзя назвать бѣдными. Это нищія, для большаго числа которыхъ остаются полутемныя каморки, углы и нары, отдаваемые въ наемъ отъ жильцовъ, въ подвальныхъ и надворныхъ помѣщеніяхъ. Въ С.-Петербургѣ рабочій человекъ, получающій отъ 50 к. до полутора руб. въ день, не болѣе, какъ нищій. Подобно богатому и бѣдному обывателю столицы, онъ охотно платилъ-бы  $\frac{1}{2}$  своего заработка за квартиру, но таковыхъ для него нѣтъ. Въ С.-Петербургѣ не строятъ домовъ для рабочихъ съ квартирами въ одну комнату, а городское управленіе находитъ излишнимъ поощрять къ тому предпринимателей. Такимъ образомъ, матеріально обезпеченный рабочій дѣлается невольнымъ бѣднякомъ только вслѣдствіе ненормальнаго строя городского хозяйства. Если обезпеченные заработкомъ жители С.-Петербурга находятся въ такомъ незавидномъ положеніи, то что-же надо сказать о тѣхъ пролетаріяхъ, которые не имѣютъ постоянныхъ средствъ къ существованію, вслѣдствіе нетрезвой жизни или по другимъ случайнымъ причинамъ? Немногіе изъ нихъ ютятся въ углахъ и каморкахъ запущенныхъ домовъ, насчетъ добротныхъ подацій и благотворительныхъ обществъ; большая-же часть вовсе не имѣетъ постоян-

наго крова и въ холодное время года ищетъ пріюта въ больницахъ, ночлежныхъ домахъ и такихъ трушобахъ, образцы которыхъ можно видѣть въ районѣ Сѣнной площади. Естественно, это бездомное населеніе столицы больше другихъ подвержено вліянію болѣзнетворныхъ причинъ и становится первыми жертвами эпидемическихъ болѣзней. Къ счастью, число пролетаріевъ въ С.-Петербургѣ не велико и по отношенію къ общему числу жителей едва-ли превышаетъ полпроцента. Какъ неизбѣжный атрибутъ каждаго большого города, пролетаріатъ нуждается въ самомъ бдительномъ надзорѣ со стороны общественнаго управленія. Хорошо устроенные пріюты какъ для ночлега, такъ и для пребыванія въ нихъ днемъ, народныя кухни, отсылка на родину и воспитаніе сиротъ— вотъ главнѣйшія формы помощи, съ которыми городское управленіе, въ интересахъ охраненія общественнаго здоровья, должно спѣшить навстрѣчу неимущимъ. Понятно, что отвѣтственность въ дѣлѣ охраненія общественнаго здоровья падаетъ всецѣло на городское общественное управленіе, какъ учрежденіе, сосредоточивающее въ себѣ всѣ отрасли городского хозяйства. Пассивное отношеніе горожанъ къ санитарнымъ нуждамъ не только затрудняетъ медико-полицейскій надзоръ, но служитъ также причиною односторонности санитарныхъ мѣръ. Устройство водопроводовъ и клозетовъ въ домахъ вмѣстѣ съ спускомъ изъ нихъ нечистотъ въ рѣки и каналы, забота о леченіи больныхъ вмѣстѣ съ равнодушіемъ къ существованію центровъ заразныхъ болѣзней и вредной тѣсноты въ больницахъ, закладка новыхъ кладбищъ безъ ограниченія погребеній на старыхъ и безъ установленія правилъ для перекопки могилъ и т. п. противорѣчія, встрѣчающіяся въ С.-Петербургѣ на каждомъ шагу, указываютъ на отсутствіе единства въ городскомъ хозяйствѣ“.

Къ сожалѣнію, всѣ указанія подобныхъ изслѣдователей, какъ г. Губернъ, еще долго будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынь и наше городское самоуправленіе будетъ по-прежнему относиться спустя рукава и къ своимъ задачамъ, и къ указаніямъ печати. И то сказать, изъ года въ годъ наше городское управленіе находится въ рукахъ однихъ тѣхъ-же лицъ, которыя и ведутъ дѣло, какъ вели его ихъ дѣды и отцы.

Рашъ. Черногорія. Очерки. картины и рассказы. Перев. съ нѣмецкаго. М. 1877.

Въ одной восточной легендѣ разсказывается слѣдующій случай: одному несчастному бѣдняку, неимѣвшему ни семьи, ни крова, незнавшему, что такое радость и спокойствіе, потерявшему всякую надежду на улучшеніе своего положенія, пришла смѣлая мысль спросить Аллаха: „будеть-ли конецъ его страданіямъ? И если не будетъ, то зачѣмъ-же онъ произвелъ его на свѣтъ?“ Аллахъ, снисходя къ совершенно естественной просьбѣ своего правовѣрнаго, почтилъ его слѣдующимъ отвѣтомъ черезъ своего пророка: „конецъ будетъ, если рабъ не измѣнитъ своему прежнему терпѣнію“. И въ то-же время всемогущій Аллахъ пожелалъ узнать, чѣмъ-бы хотѣлъ быть горемыка?—Не долго думая, бѣднякъ выразилъ непрямънное желаніе сдѣлаться прямо валифомъ и ждать своего чудеснаго превращенія не долѣе трехъ дней. Возмущенный такимъ безцеремоннымъ требованіемъ, Аллахъ постановилъ свое мудрое рѣшеніе: такъ-какъ бѣднякъ требуетъ невозможнаго, то отнять у него послѣдніе остатки разума, чтобы онъ безъ ропота и жалобъ влачилъ свое существованіе въ табунахъ верблюдовъ.

Бѣднякъ этотъ, превращенный волею Аллаха въ верблюда, напоминаетъ намъ собою многихъ изъ нашихъ публицистовъ славянофильскаго толка. До сихъ поръ миролюбивые и молчаливые, позволявшіе себѣ только платонически вздыхать объ освобожденіи братьевъ-славянъ, они вдругъ заговорили такимъ воинственнымъ тономъ, что становится страшно отъ ихъ завоевательныхъ замысловъ. Прежде они требовали только освобожденія славянъ отъ турецкаго ига, а теперь говорятъ: нѣтъ, этого мало! Освободительная миссія Россіи не должна ограничиваться однимъ Балканскимъ полуостровомъ,—нѣтъ, она должна простираться на весь міръ, гдѣ только есть обиженные и угнетенные. Оказывается, что историческое призваніе Россіи въ томъ и состоитъ, чтобы отыскивать по міру разныхъ оскорбленныхъ и угнетенныхъ и—хотять, не хотять они нашей великодушной помощи—во что-бы то ни стало освобождать ихъ. Вотъ какъ выражается на этотъ счетъ одинъ изъ такихъ космополитическихъ рыцарей, г. Вессель: „Дорогю кровью сыновъ своихъ, витійствуетъ онъ,—Россія уже освобождаетъ христіанскихъ подданныхъ Порты отъ постыднаго мусульманскаго ига: *Россіи-же предстоитъ освободить и 200-миліонное населеніе Индіи* отъ британскаго ига, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *всю Европу* отъ эксплуататорской политики Англіи. Россія исполняетъ свое историческое назначеніе, его-же нельзя преминуть“. (Вессель. Восточный во-

прось, стр. VI.) Разумѣется, только изъ скромности г. Вессель не науськиваетъ насъ на американцевъ, у которыхъ тоже надо освобождать краснокожихъ индѣйцевъ, на тунискаго бей, отъ деспотизма котораго придется освобождать не только подданныхъ его, но и собственныхъ его женъ. Задача, какъ видите, не маловажная, и мы начинаемъ серьезно думать, не разгнѣвались-ли уже Аллахъ на г. Весселя и не обратилъ-ли онъ, во гнѣвъ своемъ, его человѣческую голову въ верблюжку? И гдѣ-бы, вы думали, проповѣдуетъ это Вессель? На страницахъ почтеннаго органа г. Краевского, который еще въ прошломъ году былъ уличенъ въ туркофильскихъ тенденціяхъ и не зналъ, куда дѣваться отъ нихъ.

Чтобы нѣсколько охладить свою разнузданную фантазію и не гнѣвить еще болѣе Аллаха, не мѣшало-бы г. Весселю прочитать хоть книжку Раши о Черногоріи. Она не отличается никакими особенными достоинствами и не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ очерковъ туриста, но изъ нея, при самой скромной способности къ анализу, ясно можно видѣть, какъ дѣйствительно освобождаютъ себя народы отъ ненавистнаго гнета. Микроскопическая страна, въ двадцать разъ менѣе населенная, чѣмъ, напр., Сербія, Черногорія, однакожь, не рассчитываетъ на другихъ въ своемъ освобожденіи. Вотъ уже около двухъ лѣтъ она одна борется съ турками и удивляетъ весь міръ своимъ мужествомъ и побѣдами. Когда Сербія была разбита на Дьюнишскихъ холмахъ и искала спасенія въ заступничествѣ Россіи, Черногорія и не думала положить оружіе, напротивъ, удвоила свою энергію и стойкость. Чѣмъ-же объясняется эта необыкновенная сила маленькаго государства, умѣющаго противостоять втрое болѣе сильному врагу? Ужь, конечно, не подавляющей массой войска, не богатствомъ военной организаціи, не военнымъ искусствомъ, не индивидуальной храбростью ея вождей, а чѣмъ-то инымъ, чего никакъ не могутъ понять верблюжки головы Весселей. Это что-то иное заключается во внутреннемъ содержаніи Черногоріи, въ ея соціальномъ и политическомъ устройствѣ, въ томъ несокрушимомъ духѣ свободы, которую она столько-же уважаетъ у себя дома, сколько и у другихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи Раши даетъ нѣсколько поучительныхъ данныхъ.

---

Еще сербскій писатель Вукъ Караджичъ говорилъ, что „большинство европейскихъ ученыхъ и дипломатовъ лучше знаютъ о томъ, что происходитъ на Евфратѣ и Нилѣ, чѣмъ въ Герцеговинѣ и Черногоріи“. Недалеко ушли эти свѣденія и въ настоящее время. „Европа, говоритъ Раши, — познакомилась съ Черногоріей только въ началѣ прошлаго вѣка. Для большинства европейцевъ эта



страна и до сихъ поръ относится къ сказочной области чудесныхъ разсказовъ о разбойникахъ и кровавыхъ битвахъ, въ которыхъ на первомъ планѣ обыкновенно рисуются отрубленныя турецкія головы, турецкіе носы и уши“. Вотъ почему, какъ ни скуденъ матеріалъ, представляемый книгой Рапа, мы думаемъ, что читатель не посѣтуетъ, если мы остановимся нѣсколько подробнѣе на описаніи этой интересной и мало извѣстной страны.

Исторія Черногоріи, какъ самостоятельнаго княжества, начинается съ конца XIV столѣтія. Почти одновременно съ паденіемъ сербской независимости послѣ роковой битвы на Коссовомъ полѣ (15 іюня 1389 г.) возникаетъ независимость Черногоріи. До этого чернаго для сербскаго народа дня нынѣшня Черногорія входила въ составъ области Цетѣ, которая управлялась членами сербскаго царствующаго дома. Иво Черноевичъ увелъ остатки сербскаго воинства въ угрюмыя и неприступныя ущелья Черныхъ горъ и положилъ начало свободной странѣ „ускочковъ“, гдѣ могъ найти убѣжище всякій, кто не въ силахъ былъ выносить тяжесть турецкаго гнета. Крѣпость Жаблякъ на сѣверо-восточной сторонѣ Скутарійскаго озера была первоначальной резиденціей. Но передъ напоромъ турокъ черногорцы не могли держаться на озерѣ и потому Иво выстроилъ монастырь Цетинье и перенесъ резиденцію въ эту новую столицу. Сынъ Иво, Георгій Черноевичъ, женатый на дочери венеціанскаго дожа Монцениго, удалился въ Венецію, передавъ, съ согласія народа, свою власть цетинскому владыкѣ или митрополиту Черногоріи. Такимъ образомъ, было положено начало теократическому правленію Черногоріи и въ лицѣ владыки соединялась свѣтская власть князя съ духовной властью архипастыря. До конца XVII вѣка владыки избирались изъ разныхъ фамилій, а съ 1647 года власть владыки перешла къ фамилии Негошей, которая выставила цѣлый рядъ владыкъ-героевъ и реформаторовъ. При случаѣ — а вся исторія Черногоріи есть непрерывный рядъ такихъ случаевъ — владыки такъ-же храбро брались за мечъ и отстаивали независимость своей страны, какъ и ихъ свѣтскіе преемственники. Перечислять имена владыкъ и непрерывный рядъ битвъ съ турками было-бы слишкомъ долго, а потому мы остановимся только на важнѣйшихъ фактахъ исторіи Черногоріи.

Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія царствовалъ Петръ I Петровичъ Негошъ. Народъ прозвалъ его „великимъ владыкою“ и онъ дѣйствительно заслужилъ это имя. Все 60-ти-лѣтнее царствованіе Петра I (1770—1830) прошло въ непрерывныхъ войнахъ съ турками, французами и австрійцами и вездѣ, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, онъ сумѣлъ поддержать независимость Черногоріи. „Передъ именемъ „Чернаго монаха“ — такъ прозвали

турки Петра I, постоянно носившаго поповское одѣяніе, — въ ужасѣ трепетали всѣ мусульмане Босніи, Албаніи и Герцеговины, какъ иѣкогда передъ именемъ англійскаго короля Ричарда „Львиное сердце“ трелетали ихъ предки“. Важнѣйшей побѣдой Петра I надъ турками была блестящая побѣда при Круссѣ (22 сент. 1796 г.), въ которой 6,000 черногорцевъ сражались противъ 30-тысячной арміи паша Кара-Махмуда. Вся турецкая армія была уничтожена: паша, 26 турецкихъ полководцевъ и 3,000 солдатъ погибли въ волнахъ Морачи; тысячи частью „посѣченны“, частью попали въ плѣнъ; 15 знаменъ и множество дорогого оружія достались побѣдителю. Эта рѣшительная побѣда была зрой для Черногоріи: Европа и даже самъ султанъ признали за ней независимость и Турція уже болѣе не отваживалась требовать съ нея „хараджъ“, хотя и не прекратила попытокъ потушить въ потокахъ крови ярко горѣвшій свѣточъ черногорской свободы, соблазнительный и для прочихъ славянскихъ подданныхъ Оттоманской имперіи.

Обаяніе этого замѣчательнаго человѣка на подданныхъ было по-истинѣ изумительно. Несокрушимой энергіей, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, храбростію полководца и кротостію архинастыря, а также простотою образа жизни онъ сумѣлъ внушить къ себѣ повсемѣстное уваженіе, перешедшее по смерти его въ благоговѣйное поклоненіе памяти великаго владыки. Всѣ узаконенія и реформы его преемниковъ санкціонировались обнародованіемъ ихъ во имя покойнаго властителя, воля котораго была священна.

Петръ I умеръ бездѣтнымъ и назначилъ себѣ наслѣдника въ лицѣ племянника своего Петра II Петровича. Ободренные смертію „Чернаго монаха“ и молодостію его наслѣдника, турки не замедлили возобновить свои попытки къ порабоженію Черногоріи. Но, подъ свѣжимъ воспоминаніемъ битвы при Круссѣ, они перемѣнили тактику. Порта осыпала юнаго владыку золотомъ и обѣщаніями округлить его владѣнія со стороны Скутари, если только онъ согласится признать надъ собою ея протекторатъ. Молодой правитель, въ отвѣтъ на это предложеніе, двинулъ своихъ „соколовъ“ на-встрѣчу арміи великаго визири и подъ Мартининами нанесъ туркамъ жестокое пораженіе. Этотъ неожиданный отпоръ прекратилъ на-время турецкія атаки, и юный владыка, воспитанный въ принципахъ цивилизованной жизни, всю свою дѣятельность направилъ на внутреннія преобразованія почти первобытнаго строя жизни черногорцевъ. Онъ понималъ, что дѣйствительная сила его страны — не въ однихъ храбрыхъ воеводахъ и его „соколахъ“, но въ томъ внутреннемъ благоустройствѣ, подъ влияніемъ котораго растетъ и воспитывается не просто хорошее *пушечное*

мясо, но истинно-доблестный народъ. Онъ понималъ, что любить и отстаивать свободу сознательно можетъ только та нація, которая обладаетъ ею, которая знаетъ ей цѣну по собственному опыту. Вотъ почему все мирное время было посвящено имъ внутреннимъ преобразованіямъ, не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ. Онъ смягчилъ нравы своихъ подданныхъ и приучилъ ихъ къ социальной жизни. Онъ уничтожилъ кровавую месть, постоянныя распри и обычай похищенія дѣвушекъ; издалъ строгій законъ противъ грабежа, распредѣлилъ налоги и установилъ правильную администрацію, учредивъ сенатъ — высшій законодательный корпусъ и высшую судебную инстанцію—состоявшій изъ предсѣдателя и 12 сенаторовъ.

Умирая бездѣтнымъ, Петръ II указалъ себѣ преемникомъ племянника своего. Молодой Данило Петровичъ вернулся въ 1852 году на родину, былъ выбранъ народомъ и утвержденъ сенатомъ. Реформаторская дѣятельность князя Данилы пошла еще дальше, чѣмъ дѣятельность его предшественника. Онъ провозгласилъ себя княземъ Черногоріи и Брды съ гражданскою и военною властью, а духовныя обязанности владыки передалъ одному изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ. Но прежде, чѣмъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, Данило снесся съ петербургскимъ кабинетомъ и съ султаномъ. Въ Петербургѣ, конечно, согласились; Порта протестовала и подкрѣпила свой протестъ 60-ти-тысячною арміею, съ которою Омеръ, Османъ и Рейсъ-паши съ трехъ сторонъ вторглись въ Черногорію. Битвы происходили во всѣхъ областяхъ страны; черногорцы вездѣ давали блистательный отпоръ, но сила подавляла и положеніе княжества было критическимъ. Тогда-то Австрія, изъ соревнованія съ Россіею, въ первый разъ вступилась за Черногорію. Въ Константинополь былъ отправленъ чрезвычайный посолъ, фельдмаршалъ графъ Лейнингенъ, съ настойчивымъ требованіемъ немедленнаго очищенія Черногоріи. Порта не смѣла не повиноваться и Черногорія была спасена. Покончивъ съ турками, князь Данило принялся за осуществленіе новыхъ реформъ. Законы были рассмотрѣны вновь, причемъ гражданскіе отдѣлены отъ уголовныхъ; порядокъ престолонаслѣдія установленъ по мужской линіи фамиліи Петровичей и вообще Черногорія сильно подвинулась на пути свободнаго самостоятельнаго развитія. Понятно, Турція не отказывалась отъ своихъ верховныхъ правъ на Черногорію и время отъ времени паши принесли въ жертву этимъ притязаніямъ кровавыя гекатомбы изъ турецкихъ солдатъ. Такъ при томъ-же Данилѣ турки обложили Грахово, но были разбиты на голову братомъ князя, храбрымъ воеводой Мирко Петровичемъ. Князь Данило былъ убитъ въ Катарро изъ личной мести въ 1860 году,

оставивъ преемникомъ себѣ сына своего храбраго брата, воеводы Мирко Петровича, Николая, нынѣ царствующаго князя.

Князь Николай воспитывался въ Парижѣ и 20-ти-лѣтнимъ юношею, возвратившись въ отечество, вступилъ на престоль. Тяжелы были первые годы его царствованія. Голодъ и холера свирѣпствовали внутри, а извнѣ подступали новыя полчища турокъ, считавшихъ внезапную смерть энергическаго князя Давиды благоприятнымъ моментомъ для покоренія Черногоріи. Въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ герой Мирко Петровичъ помогъ своему юному сыну. Въ битвѣ подъ Сагарацемъ онъ уничтожилъ турецкую армію. Здѣсь, на полѣ сраженія, легли костями 16 Петровичей, двоюродныхъ братьевъ князя Николая. Послѣ этой побѣды Черногорія нѣсколько успокоилась, но юный правитель ея не опочилъ на лаврахъ, а воспользовался этимъ спокойствіемъ для внутренняго развитія страны.

„Первымъ дѣломъ князя Николая, говоритъ Рапшъ,—было добровольно, безъ всякихъ принужденій, единственно въ силу своихъ философскихъ и политическихъ убѣжденій, предоставить черногорцамъ законодательную власть и дать имъ самоуправленіе. Онъ отдѣлилъ духовную власть отъ свѣтской, передавъ первую митрополиту Иларіону, и даровалъ государству конституцію, въ силу которой вся власть въ государствѣ сосредоточивается въ рукахъ народнаго собранія. Относительно законодательства удержалъ онъ за собою и сенатомъ право предлагать законы. Право-же утверждать, измѣнять и отмѣнять ихъ предоставилъ тоже народному собранію. Онъ уничтожилъ смертную казнь и отдѣлилъ свое маленькое частное имущество отъ церковнаго и государственнаго. Управленіе государственнымъ имуществомъ онъ поручилъ одному сенатору, котораго назвалъ министромъ финансовъ, вмѣнивъ ему въ обязанность представлять народному собранію ежегодные отчеты. Церковныя и монастырскія имущества передалъ онъ въ распоряженіе новаго митрополита, вмѣстѣ съ которымъ и предназначилъ доходы съ этихъ имуществъ на распространеніе образованія и учрежденіе и поддержаніе школъ. За собою-же оставилъ онъ только представительство націи и бремя государственнаго управленія, скромно опредѣливъ свой цивильный листъ въ 30,000 гульденовъ (т. е. около 20,000 р.)“ (Черногорія, стр. 102.)

Правитель, добровольно отказывающійся отъ своей абсолютной власти, представляетъ исключительное явленіе въ исторіи. Онъ на дѣлѣ доказываетъ, что свобода народа для него не мертвая буква, а та живая сила, въ которой онъ самъ и его подданные черпаютъ свою неодолимую крѣпость. Князь Николай не боялся дать полное самоуправленіе странѣ, которая во мнѣніи многихъ

считается страной варварской и, слѣдовательно, еще недоразвившейся до конституціонныхъ порядковъ, какъ, обыкновенно, думаютъ политиканы нашего времени.

Въ то-же время Николай сознавалъ, что конституціонное государство должно опираться на широкое народное образованіе. И онъ далъ народному образованію такой сильный импульсъ, что, по мнѣнію Раша, безграмотный черногорецъ дѣлается исключеніемъ, и это при томъ ничтожномъ бюджетѣ (120,000 руб.), котораго-бы въ другой странѣ не хватило на содержаніе какого-нибудь опернаго театра.

Вступая на престолъ, Николай нашелъ въ Черногоріи всего двѣтри школы, а теперь ихъ около семидесяти. Въ Цетиньѣ существуетъ учительская семинарія и высшее женское учебное заведеніе, а по всей странѣ много элементарныхъ школъ, съ бесплатнымъ преподаваніемъ и вполне обеспеченнымъ содержаніемъ учителей и учительницъ, которымъ подъ старость назначается пенсія. Рашъ весьма лестно отзывался о состояніи этихъ училищъ: „я посѣтилъ, говорить онъ, — не одну сельскую школу и долженъ сознаться, что, относительно способа преподаванія, учителямъ сельскихъ школъ Австріи и Пруссіи не худо-бы было поучиться въ презрѣнной Черногоріи“. Въ Цетиньѣ-же имѣется типографія, въ которой печатается офиціальныи „Гласъ Черногорца“, а въ послѣдніе годы заведены почта и телеграфъ. Не менѣе важными должно считать работы по проведенію большой удобной дороги, которая перерѣжетъ все княжество и сослужитъ ему громадную службу.

Но народъ, нѣсколько вѣковъ отстаивающій свою независимость противъ могущественнаго врага, — народъ, вѣчно вооруженный съ ногъ до головы, подъ вліяніемъ непрерывныхъ войнъ, не могъ не огрубѣть, и эта грубость, впрочемъ чисто-внѣшняя, прежде всего отразилась на женщинахъ Черногоріи. Положеніе женщины здѣсь довольно печально. Вся тяжесть хозяйственныхъ хлопотъ и занятій лежитъ на ней; покончивъ свои земледѣльческія работы, ухаживая за скотомъ и рыболовствомъ, черногорецъ считаетъ выполненными свои семейныя обязанности и предпочитаетъ покуривать на досугѣ трубку и толковать съ пріятелями о будущихъ великихъ битвахъ съ турками, вмѣсто того, чтобы низменными домашними работами унижать достоинство храбраго юнака. „Въ Черногоріи, какъ и на Востокѣ, говорить Рашъ,—принято жевщинамъ избѣгать постороннихъ; когда же сдѣлать этого невозможно, тогда черногорецъ, какъ-бы извиняясь, говорить: „извините — это моя жена; извините — это моя сестра“, точно будто онъ унижилъ свое мужское достоинство, назвавши женщину. И онѣ сами такъ привыкли къ своему подчи-

ненію, что не считаютъ для себя унижительнымъ даже цѣловать руку у мужа. Съ другой стороны, рыцарскій взглядъ мужчинъ на женщинъ, какъ на слабыхъ, бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи, предохраняетъ ихъ отъ всякаго недостойнаго и грубаго съ ними обхожденія. Какъ слабая и бѣдная, женщина въ народномъ понятіи — неприкосновенна; она безстрашно довѣряется всякому ей незнакому человѣку, зная, что ей нечего бояться съ его стороны никакого недостойнаго поступка. И дѣйствительно, въ Черногоріи женщина никогда не бываетъ игрушкою или прихотью мужа, какъ это нерѣдко случается въ цивилизованныхъ странахъ; тамъ немислимо грубое обращеніе съ женщиною, а тѣмъ болѣе побои“.

Съ другой стороны, развратъ и распущенность неизвѣстны въ Черногоріи. „Нарушеніе цѣломудрія и супружеской вѣрности еще рѣже встрѣчается въ Черногоріи, чѣмъ пьянство. Черногорцы любить спиртуозныя напитки—вино и пиво, но пьяны бываютъ весьма рѣдко. Каждый слѣдитъ за собою, чтобы не дойти до этого состоянія. И я тоже, говоритъ Рашъ,—не видалъ въ Черногоріи ни одного пьянаго, даже во время пиршествъ, на которыхъ вино подавалось въ изобиліи. Точно также не видалъ я въ Черногоріи и нищихъ. Пьянство и нищенство черногорецъ считаетъ недостойнымъ себя и своей національной чести.“ (Стр. 154—155.)

Въ настоящее время Черногорія переживаетъ важный историческій моментъ. Она борется за свою экономическую независимость, за право существовать при лучшихъ соціальныхъ условіяхъ. Черногоріи нуженъ территоріальный просторъ, болѣе широкія границы для ея дальнѣйшаго развитія; ей необходимо сойти съ своей черной и бесплодной скалы въ плодоносныя долины и, положивъ свой мечъ, начать правильную культурную жизнь. Постоянныя побѣды, въ которыхъ проявилось столько жизненной силы этого симпатичнаго народа, должны, наконецъ, увѣнчаться успѣхомъ. Рано или поздно, но Черногорія добьется своего; за это ручается вся ея мученическая исторія. Такіе народы не умираютъ, а растутъ и развиваются до цвѣтущихъ и великихъ націй.

## КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

„Итакъ, свершилось!“ — Публицисты-чревоущатели.— Картинка будущаго и моя къ ней поправка.— Что намъ дѣлать съ Константинополемъ? — Проектъ мира.— Праведные судьи.— Г. Сологубъ, оберегающій „семейныя основы“. Наказаніе, постигшее г. Сологуба.— Наказаніе отставного солдата, наступившаго одесской дамѣ на шлейфъ.— Васильсурскій баронъ и васильсурскій судья.— Старобѣльскій судья г. Гапоновъ и его исполнительные листы.— Помѣщикъ Мариновъ, заключающій „добровольныя“ условія съ крестьянами и взыскивающій съ крестьянъ на сумму иска въ 93 руб. 1,064 руб. неустойки.— Рѣшеніе маленькой задачи.— Спены выборовъ.— Правы города Одессы.— „Пускай я буду воромъ, я все-таки вора выберу!“— Выборы въ Тамбовѣ.— „Кто первый палеу взялъ, тотъ и капраль“.— Робость въ общественныхъ дѣлахъ.— Общественная жилка въ народѣ.— „Воровскія“ телеграммы.— Равнодушіе читателя.— „Телефонъ“ въ видѣ преміи.— Учетъ доходовъ г. Варшавскаго.— Трогаеть-ли это его?— Русскіе и англійскіе корреспонденты.— Интересный процессъ въ Тифлисѣ.— Тифлискіе педагоги, предлагающіе надѣть намордникъ на мѣстную печать.— Выпускной экзаменъ на женскихъ медицинскихъ курсахъ.— Письмо профессора Тарханова.

Боже ты мой! Какихъ только безстыдствъ не вытерпѣла въ послѣдніе дни печатная бумага и какихъ только образчиковъ риторства не выкидывали передъ читателемъ въ послѣднее время!

Событіе, безъ сомнѣнія, весьма важное и пріятное—я говорю о паденіи Плевны и капитуляціи арміи Османа-паши—послужило заманчивымъ поводомъ разразиться тѣмъ якобы патриотическимъ восторгомъ, который, начинаясь обычнымъ: „итакъ, свершилось“, оканчиваясь не менѣе банальнымъ: „итакъ, впередъ, въ Царьградъ!“ отличается не столько обиліемъ искренняго чувства и мысли, сколько обиліемъ восклицательныхъ знаковъ и краткихъ періодовъ.

Но странное дѣло! Этотъ публицистическій „восторгъ“ словно выдохся отъ слишкомъ частаго и не всегда умѣстнаго употреб-

ленія при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ и всѣ эти трогательныя изліянія вмѣстѣ съ грознымъ кличемъ „въ Константинополь!“ имѣли видъ пододрѣтаго кушанья.

Прочитывая за послѣднее время всѣ эти „итакъ, свершилось“ или „наконецъ, Плевна пала!“ напрасно искали-бы вы свѣжести чувства, оригинальности, искренности. Ничего этого не было! Всѣ точно сговорились и подарили насъ однообразно составленными статьями съ одними и тѣми-же началомъ, серединой и концомъ. Въ началѣ, конечно: „итакъ“, въ серединѣ притягиваніе за шпироть изъѣзженнаго многотерпѣливаго „русскаго народа“, восхваленіе его доблести и терпѣнія, а въ концѣ, конечно, „ура“ и столько восклицательныхъ знаковъ, сколько допускаетъ типографское приличіе. Ни достойной скромности, ни сознанія неумѣстности слишкомъ большой расточительности междометій и восклицательныхъ знаковъ.

Только немногія изъ нашихъ газетъ и—надо отдать справедливость и недругу!—въ томъ числѣ „Московскія Вѣдомости“ сѣумѣли отнестись надлежащимъ образомъ къ этому, несомнѣнно важному и пріятному для насъ событію. Московскій органъ выразилъ пріблизительно слѣдующее: поболѣе скромности! Событіе, конечно, весьма важное, но не надо забывать, что Плевна есть искупленіе многихъ жертвъ. Будемъ надѣяться, что мы убережемся отъ новой Плевны и не станемъ обольщать себя легкостью дѣла. Пріятно, конечно, освободиться отъ препятствія, передъ которымъ пало столько человѣческихъ жизней, но отъ скромнаго сознанія до звона во всѣ колокола такъ-же далеко, какъ отъ истиннаго патріотизма до напускнаго.

Безспорно, извѣстіе о взятіи Плевны, распространившееся по городу въ тотъ-же день, хотя официальныя телеграммы еще не были обнародованы, должно было вызвать чувство радости, что однимъ препятствіемъ къ миру меньше. Этимъ, конечно, и объясняется несомнѣнное чувство удовольствія, сказавшееся среди петербургскаго рабочаго люда и выразившееся въ сочувственныхъ демонстраціяхъ, которыя на этотъ разъ не возбудили никакого недоразумѣнія среди городскихъ и околоточныхъ. И, разумѣется, въ этихъ проявленіяхъ не было и тѣни того шовинизма, которымъ щеголяли на другой день такъ-называемые представители общественнаго мнѣнія. Рабочій людъ инстинктивно понялъ значеніе Плевны, понялъ, что она тормозила дѣло цѣлые шесть мѣсяцевъ,—отсюда чувство довольства и увѣренности, что дѣло ближе къ миру.

Не успѣла еще заняться заря слѣдующаго дня, не успѣли еще мы старую печальную „Плевну“ переварить въ новую радостную



„Плевну“, не успѣли еще сосчитать количества новыхъ жертвъ войны, какъ въ нѣкоторыхъ печатныхъ листахъ ужь „засіялъ Востокъ“, гдѣ русская армія „зажгла наше солнце“ (красивую метафору оставляю на ответственности публициста) и мы, россияне, призывались „властвовать на Востокъ“.

О, Господи, какъ скоро забыли эти „властители“ то время, когда раздавалось горькое стечаніе съ прииѣвомъ о „мокрой курицѣ“... Еще Плевна не успѣла, такъ-сказать, обсохнуть на губахъ, а передъ читателемъ, на горячихъ порахъ, рисовалась такая занимательная, чортъ возьми, картина:

„Русскія пушки охраняютъ входъ въ Черное море. Царьградъ сдѣлался свободнымъ пріютомъ разныхъ племенъ и русскій человѣкъ чувствуетъ себя тамъ, какъ дома (то-есть такъ-же привольно). Заливъ Золотого Рога наполненъ русскими кораблями, которые принесли туда произведенія нашего юга. Вотъ мечети, съ стройными минаретами, и рядомъ съ ними надъ роскошными садами возвышается крестъ св. Софіи. То, что отнято у христіанскаго Бога, чѣмъ началъ свое торжество турокъ въ Царьградѣ, торжество Магомета надъ Христомъ, то возвращено Христу. Много другихъ христіанскихъ храмовъ гордо возвышаютъ свои куполы, осѣненные крестами. Черное море блещетъ русскими флагами и всѣ порты для насъ открыты (а развѣ до войны были заперты?) Идетъ гигантская работа сооруженія желѣзныхъ дорогъ и въ городахъ Черноморья мирная кипучая дѣятельность. Смѣло и отважно смотритъ русскій человѣкъ и говоритъ: все это—мое дѣло, все это куплено тяжелымъ трудомъ, дорогою цѣной, но за то и результаты великіе“.

„Доживемъ-ли мы до этого?“ все-таки сомнѣвается авторъ этой картины и, не предрѣшая вопроса о томъ, „будетъ-ли Плевна преддверіемъ къ Царьграду“, все-таки зоветъ: впередъ, впередъ! чѣмъ и оканчиваетъ благополучно передовую статью.

Картина, какъ видитъ читатель, заманчивая. Публицистъ знаетъ очень хорошо, чѣмъ тронуть добродѣтельнаго подписчика, знакомаго съ „капиталистическимъ производствомъ“, если не въ теоріи, то, конечно, на практикѣ. И „корабли“, и „гигантская работа сооруженія желѣзныхъ дорогъ“, и „мирная кипучая дѣятельность“—все это такъ щекочетъ слухъ пріятными, знакомыми мотивами и сулитъ столько „гешефтовъ“, конечно, самаго законно-невиннаго свойства, одно воспоминаніе о которыхъ должно радовать сердце, точъ-въ-точъ, какъ тѣ медоточивыя рѣчи о развитіи промышленности и торговли, которыми восхищаются иностранныхъ лавочниковъ опытные ответственные министры Запада и которыми утѣшаютъ самихъ себя отечественные и совершенно безответственные (по крайней мѣрѣ, передъ здравымъ смысломъ) наши дѣя-

тели „общества содѣйствія промышленности и торговлѣ“, на самомъ дѣлѣ содѣйствующіе развитію болтливости въ отечествѣ.

Но для полноты заманчивой картины недостаетъ еще кое-чего, умысленно или неумысленно пропущеннаго ея авторомъ. Читатель, конечно, догадывается, что въ царьградской „пасторальной симфоніи“ недостаетъ „мирныхъ поселянъ“, которые, „чувствуя себя въ Царьградѣ, какъ дома“, выгружаютъ и нагружаютъ подъ знакомые звуки „охъ, дубинушка, ухнемъ“ изъ „русскихъ кораблей“ „произведенія юга“ и затѣмъ, по окончаніи работъ, надѣваютъ черные скюртуки, перчатки и цилиндры (если только славянофилы не выплуютъ ихъ за это изъ города) и отправляются на лекціи, въ то самое время, какъ жены ихъ, надѣвъ шляпки „Анго“, идутъ въ театръ Буффъ. Лунная ночь опускается надъ этимъ пріютомъ разныхъ племенъ промышленности и торговли. Сладкая тишина ночи, смѣнившая гигантскую работу сооружеія желѣзныхъ дорогъ при 5<sup>0</sup>/<sub>0</sub> гарантіи, нарушается только бодрствованіемъ городского, который, какъ добрый ангель, охраняетъ безмятежный сонъ царьградскихъ жителей и, въ поэтическомъ настроеніи, вполголоса напѣваетъ изъ Гейне:

Море жемчугъ свой имѣетъ,  
 Небо—звѣздки свои,  
 У меня-же въ сердцѣ, въ сердцѣ,  
 Въ сердцѣ есть своя любовь.

Городовой умолкъ и въ задумчивости склонился надъ заливомъ Золотого Рога. И вспомнилъ онъ, что у него нѣтъ здѣсь ни папеньки, ни маменьки, — они остались въ Лештуковомъ переулкѣ, — и тихія слезы закапали изъ-подъ козырька его вели прямо въ зеркальную поверхность Золотого Рога. Не вдаль-лѣ зазвучала веселая пѣсня. То поютъ „поселяне“, возвращающіеся съ засѣданія „общества содѣйствія промышленности и торговлѣ“. Городовой поднялъ голову и прислушивается не съ какой-либо коварной задней мыслью, а просто изъ склонности къ эстетическимъ наслажденіямъ. Вотъ ближе, ближе и до него долетаютъ веселыя слова пѣсни:

Что за чудная столица—  
 Развеселый Царградъ...

— Доброй ночи, почтенные граждане! любезно привѣтствуетъ ночной стражъ.

— И вамъ также, почтенный фараонъ! (причемъ слово „фараонъ“ произносится въ ласкательномъ смыслѣ, а не въ томъ, въ какомъ произносится петербургскіе извозчики, когда ихъ гоняютъ отъ тротуаровъ и отъ театровъ).

— Каково было засѣданіе?

— Прекрасное. Разсматривался вопросъ о томъ, какъ лучше пить чай: съ сахаромъ или безъ сахара.

— И что-же?

— Мнѣнія раздѣлились: одни находили, что съ сахаромъ, другіе находили, что при извѣстной силѣ воли можно и безъ сахара, однако рѣшили узнать мнѣніе сахарозаводчиковъ и послѣ того ходатайствовать передъ правительствомъ объ изданіи соответствующихъ правилъ...

— Гмъ! Интересно!..

— Очень даже... Однако, спокойной ночи, любезный фараонъ!

— Спокойной ночи, любезные граждане. Да хранить васъ Господь Богъ и Николай Чудотворецъ!

Они ушли и снова зазвучало въ воздухѣ:

Что за чудная столица —  
Развеселый Цареградъ!

А городской ласково, нѣжно, подъ влияніемъ воспоминаній о папенькѣ съ маменькой, глядѣлъ имъ вслѣдъ.

Тихими, незамѣтными шагами подѣхалъ на арабскомъ конѣ частный приставъ и нѣжно спросилъ:

— Сержантъ! Вы бодрствуете?

— Бодрствую, г. частный приставъ!

— Происшествій никакихъ?

— Ни малѣйшихъ, г. частный приставъ!

— Какая чудная ночь, сержантъ!

— Очаровательная, г. частный приставъ!

— Вы помните, какъ говорить поэтъ:

Какъ милы темныя красы  
Ночей роскошнаго Востока!  
Какъ сладко льются ихъ часы  
Для обожателей пророка!

— Очень хорошо-съ помню, г. частный приставъ, и могу сказать, что не для однихъ обожателей пророка сладко льются ихъ часы!.. не безъ игривости замѣчаетъ городской.

— Вы думаете, сержантъ? смѣется г. частный приставъ.

— Думаю, г. частный приставъ... Я, сказать по правдѣ, самъ знаю —

Какая нѣга въ ихъ домахъ,  
Въ очаровательныхъ садахъ,  
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ...

Нынче, по случаю слянія, я это даже очень хорошо узналъ, г. частный приставъ...

— Ну, будьте здоровы, сержантъ, и помните, что высшая добродѣтель есть исполненіе долга.

— Счастливо оставаться, г. частный приставъ.

Арабскій конь унесъ частнаго пристава—и снова тишина.

Съ такимъ вполне натуральнымъ добавленіемъ къ „кораблямъ“, „стройнымъ минаретамъ“ и „мирной кипучей дѣятельности“, мнѣ кажется, картина, набросанная русскимъ публицистомъ, будетъ гораздо полнѣе и, главное, правдивѣе...

— Однако, что-же, въ самомъ дѣлѣ, мы будемъ дѣлать въ Константинополѣ?

Такой вопросъ былъ заданъ надняхъ однимъ милымъ молодымъ человѣкомъ, который, казалось-бы, долженъ былъ раньше рѣшенія вопроса о томъ, что онъ будетъ дѣлать съ Константинополемъ, задаться не менѣе важнымъ (по крайней мѣрѣ, для него лично) вопросомъ о томъ, что онъ будетъ дѣлать съ собой, такъ-какъ прогулка по Невскому, посѣщеніе театровъ и клубовъ, забѣганіе на „полчаса“ въ департаментъ и займы, не только внутренніе, но и виѣшніе, могли, въ-концѣ-концовъ, привести этого молодого человѣка въ необходимость стянуть первую попавшуюся подъ-руку кассу и покинуть Старый Свѣтъ для Новаго.

Но удивительная черта въ русскомъ человѣкѣ вообще, а въ бывшемъ воспитанникѣ моднаго училища въ особенности! Этотъ самый близкій и естественный вопросъ именно и не интересовалъ его нисколько и онъ даже всегда обижался, когда слышалъ отъ пріятелей хотя отдаленные объ этомъ намеки.

— Что-жь мы съ Константинополемъ будемъ дѣлать? снова задать онъ вопросъ, очевидно, занятый судьбой этого города гораздо болѣе, чѣмъ своей собственной, и уже третировавшій этотъ вопросъ съ нѣкоторой фамильярностью, водворившейся снова во всемъ существѣ этого добраго малаго вслѣдъ за прочтеніемъ плевненской телеграммы.

— А вы еще не рѣшили?

— Не рѣшилъ! Только въ этомъ проклятомъ городѣ и затрудненіе, а то остальные условія мира ясны, какъ божій день: Арменія, проливы, контрибуція, флотъ, гирла, независимыя государства подъ нашей властью, съ иностранными принцами во главѣ,—на эти мѣста охоткивовъ найдется много—весело засмѣялся онъ, — и занятіе болгарскаго четырехугольника впредь до усмотрѣнія... Но что сдѣлать съ Константинополемъ, вотъ въ чемъ вопросъ?

Но кто ему могъ дать отвѣтъ? Онъ ушелъ отъ меня подъ бременемъ неразрѣшеннаго сомнѣнія и, разумѣется, не одинъ мирный петербургскій житель былъ въ тотъ день приведенъ въ смущеніе такимъ назойливымъ вопросомъ молодого человѣка.

Проекты мира уже готовы. Каждая из газетъ, начиная съ самой большой и кончая самой маленькой, уже предложила по своему проекту, такъ-что министерству иностранныхъ дѣлъ не остается никакого труда: стоитъ только выбрать одинъ изъ нихъ и дѣло въ шляпѣ. Но куда дѣлосъ „безкорыстіе“ и высокая „освободительная“ цѣль? Одинъ только князь А. И. Васильчиковъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ рекомендовалъ при заключеніи мира ограничиться контрибуціей турецкаго броненоснаго флота; остальные всѣ уже не довольствуются „освобожденіемъ“ и „независимой Болгаріей“ съ иностраннымъ принцемъ. Одни хотятъ непременно поставить пушки у входа въ Босфоръ и захватить всю Арменію съ Эрзерумомъ; другіе, менѣе требовательные, предъявляютъ минимумъ: часть Арменіи съ Карсомъ, Ардаганомъ и Батумомъ.

Спросите: неужто Россіи, и безъ того раскинувшейся на невообразимое пространство, еще нужны новыя провинціи, которыя если и прибавятъ намъ что-нибудь, то развѣ прибавятъ расходы? Если, какъ свидѣтельствуетъ официальное: „*Annuaire des finances russes*“, Кавказъ и Закавказье, которыми мы владѣемъ уже давно, доставляютъ до сихъ поръ до 20,000,000 рублей убытка, несмотря на громадныя естественныя богатства, Туркестанъ требуетъ до 5,500,000 приплаты, а Амурскій край, о которомъ когда-то писали, какъ о краѣ, гдѣ текутъ медовыя рѣки, 200,000, то неужели есть какая-нибудь нужда въ Арменіи? Сройте Карсъ, чтобы онъ не мѣшалъ вамъ, но зачѣмъ онъ намъ?

Чуть-ли не ежедневно прочитываешь въ газетахъ корреспонденціи изъ внутреннихъ нашихъ уѣздовъ, начинающіяся обычнымъ началомъ, что „экономическое состояніе уѣзда“ внушаетъ опасенія; всѣ мы очень хорошо знаемъ, что это экономическое состояніе оставляетъ еще „желать многого“; само правительство сознало, что податная реформа является крайней необходимостью; всѣ мы понимаемъ, что народное образованіе требуетъ большихъ расходовъ, что вопросъ объ общинѣ требуетъ серьезнаго изслѣдованія,— и въ то-же время, вмѣсто того, чтобы обращать неуклонное вниманіе читателей на эти вопросы, обязательные, казалось-бы, для каждаго честнаго публициста, вамъ суютъ проекты мира съ новыми генераль-губернаторствами, съ сонмомъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, съ блестящей перспективой тысячи русскихъ флаговъ, покрывающихъ Черное море, съ величественной картиной вывоза произведеній, гигантскихъ сооружений и т. п. Но при этомъ точно забываютъ другія картины соломеннаго царства, забываютъ ту „сельскую идилію“, которая сказывается въ большей части корреспонденцій, въ правдивыхъ очеркахъ молодыхъ белетристовъ и въ

серьезныхъ изслѣдованіяхъ, вродѣ книгъ А. И. Васильчикова, Скалдина, Головачева, Мордовцева и т. п.

А относительно „братьевъ славянъ“, которыхъ такъ желаютъ устроить наши „братья публицисты“, я боюсь, чтобы освобожденные не воскликнули впоследствии, какъ и предрекалъ еще въ шестидесятыхъ годахъ одинъ извѣстный русскій писатель, что „друзья одолѣли!“ Вы освободили угнетенныхъ—превосходно, но дайте-же имъ самимъ устроиться; не навязывайте имъ вашихъ услугъ, иногда очень дорогихъ; они сами устроятся; и, конечно, устройство это будетъ имъ стоить гораздо дешевле, чѣмъ исполненіе тѣхъ проектовъ благополучія, которые предлагаются „братьями публицистами“.

Все это такія азбучныя истины, которыя, казалось-бы, и стыдно повторять, но, къ прискорбію, именно эти азбучныя истины и исключены нынѣ изъ употребленія, вслѣдъ за упраздненіемъ „внутреннихъ вопросовъ“, по предложенію одного писателя...

Недавно одинъ добродушный и крайне почтенный господинъ настаивалъ въ одномъ домѣ на Карсѣ, Эрзерумѣ, Ардаганѣ и Батумѣ.

— Ваше превосходительство, зачѣмъ они намъ? скромно замѣтилъ ему молодой статистикъ, скромный, какъ красная дѣвица, и благонамѣренный, какъ большая часть статистиковъ.

— Какъ зачѣмъ?... Оплотъ!

— Но и турки новый „оплотъ“ могутъ возвести...

— Наконецъ, рынки.

— Въ Туркестанѣ тоже рынки, но наша мануфактура все-таки вытѣснена „всесвѣтной торговкой“...

Но добродушный господинъ какъ зарядилъ: „оплотъ“, „рынки“, „торговый флотъ“, то такъ и повторялъ эти слова на всѣ лады. Онъ даже разсердился на статистика, который позволилъ себѣ усомниться и въ развитіи торговаго флота, такъ-какъ нѣтъ для того надлежащихъ элементовъ, и въ важности „оплота“, и въ значеніи „рынковъ“, по крайней мѣрѣ теперь, когда на „внутреннемъ рынкѣ“ такъ „слабо“, такъ „слабо“, что архангельцы бьютъ свою скотину за недостаткомъ лошадей, южане волками воютъ, продавая хитрому ростовскому и таганрогскому греку хлѣбъ изъ нужды почти-что за безцѣнокъ, и вообще...

— Знаемъ мы эти „вообще“! перебилъ почтенный господинъ. — Вы, господа, вообще... По-вашему, такъ и заключить „пустой“ миръ?...

Въ разговорѣ приняли участіе и другіе присутствовавшіе и скоро снова зазвучали тѣ „жалкія слова“, которыми ежедневно большими порціями снабжаютъ своихъ читателей газеты.

— Нѣтъ, господа! вдругъ воскликнулъ съ необыкновеннымъ па-

фосомъ тотъ молодой человѣкъ, который заботится о судьбѣ Константинополя болѣе, чѣмъ о своей собственной, и который появляется рѣшительно вездѣ, гдѣ можно разсчитывать на даровую закуску.

— Нѣтъ, господа... Только въ нечистыхъ рукахъ проходимца вродѣ Наполеона слава можетъ служить оружіемъ для низменныхъ цѣлей... У насъ слава обязываетъ... Мы...

Но тутъ, по счастью, позвали ужинать и мы забыли о славѣ, забыли даже о Плевнѣ, и стали разсказывать такія хорошія сплетни про нашихъ общихъ знакомыхъ, что разговоръ скоро принялъ самое вѣрное и единственно возможное у насъ направленіе.

Расходясь, мы порѣшили, что настоящихъ условий мира надо ждать отъ начальства, и направились по домамъ. Одинъ только „молодой человѣкъ“, садясь на извозчика, воскликнулъ, какъ Репетиловъ:

— Вези куда-нибудь!

Отъ мира къ мировымъ судьямъ рукой подать, тѣмъ болѣе, что обязанность ихъ главнымъ образомъ заключается въ водвореніи мира между ссраждапами. Но не всегда, вѣрнѣе, даже рѣдко „правда и милость“ царствуетъ въ камерахъ нашихъ праведныхъ судій, благодаря различнымъ условіямъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, и цѣлые очерки (какъ, напримѣръ, „Записки провинціального адвоката“) и весьма частыя газетныя корреспонденціи свидѣтельствуютъ, что ближайшее правосудіе не только не ведетъ къ миру, но, напротивъ того, еще усиливаетъ рознь между гражданами. За послѣднее время газеты сообщили цѣлую серію такихъ „праведныхъ рѣшеній“, отъ которыхъ пришелъ-бы въ ужасъ самъ знаменитый неправедный судья Бридуазони. Во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ проглядываетъ знаменательное тяготѣніе, съ одной стороны, къ „благородству крови“, а съ другой — къ черзчуръ ужъ усердному огражденію правъ тѣхъ лицъ, которыя и безъ всякаго мирового могутъ, какъ Кить Китычъ, „всякаго обидѣть“, если не дубьемъ, то рублемъ. Изъ всей серіи мировыхъ судей, рѣшеніями которыхъ я займу читателя, одинъ только мировой судья Сологубъ пострадалъ изъ-за женщины, только изъ-за женщины, изъ усердія къ „семейнымъ основамъ“.

Съ этого „рыцаря“ я и начну серію.

Дѣло было въ конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ и въ прочихъ мѣстахъ отечества:

Судья мировые  
 Мирно правятъ судъ,  
 Гдѣ дѣла худыя  
 Даромъ не пройдутъ.

Мирно и легально,  
Дѣло разобравъ,  
Слишкомъ либерально  
Назначаютъ штрафъ,—

если дѣло идетъ о порубѣ или потравѣ, этихъ *bêtes noires* нашихъ судей, но если вдругъ дойдетъ слухъ о томъ, что страдаютъ „основы“, то тогда, если праведный мировой судья таковъ, какъ конотопскій г. Сологубъ,—

Войтесъ мирового,  
Непреклоненъ, грубъ,  
Хуже звѣря злого  
Будетъ Сологубъ!

Въ томъ-же уѣздѣ, гдѣ правилъ г. Сологубъ, имѣла несчастіе жить г-жа Забелло. До праведнаго судьи дошли частнымъ путемъ слухи, будто г-жа Забелло отзывается неодобрительно о дѣятельности мѣстныхъ властей, какъ-то мирового судьи г. Сологуба, волостного старшины и мирового посредника, и говоритъ, что мѣстныя выборныя власти—люди не честные, мошенники.

Тогда г. Сологубъ дѣлаетъ запросъ мѣстному священнику, состоить-ли г-жа Забелло въ бракѣ съ мужемъ и записаны-ли въ метрическія книги ихъ дѣти. Что отвѣтилъ священникъ, изъ дѣла не видно. Но г. Сологубъ составилъ протоколъ по заявленію о слухахъ и привлекъ г-жу Забелло къ отвѣтственности.

Затѣмъ началась переписка съ разными лицами и мѣстами о званіи привлеченной, которая велась втеченіи десяти мѣсяцевъ, и во все это время г-жа Забелло не знала покоя. Сологубу представляются доказательства, что Марія Константиновна — жена Забелло, полиціею пересылается видъ на жительство и удостовѣреніе о званіи путемъ формулярнаго списка Забелло. Сологубъ не довольствуется этимъ и оглашаетъ при публикѣ, что Марія Константиновна не есть жена Забелло; заголовокъ повѣстки о вызовѣ въ судъ „именующей себя Марією Константиновною Забелло“ читается при волостномъ старшинѣ и публикѣ вслухъ. Потомъ, когда Забелло явилась въ камеру, то судья угрожаетъ отослать ее къ становому приставу, затѣмъ дѣлаетъ постановленіе отправить ее по этапу въ городъ Конотопъ для удостовѣренія ея личности и отмѣняетъ это постановленіе только тогда, когда мужъ Забелло упросилъ передать ему жену съ тѣмъ, что онъ самъ отправить ее въ городъ. Сологубъ соглашается, но все-таки отправляетъ супруговъ подъ стражею.

Харьковская судебная палата, признавая Сологуба виновнымъ, приговорила его къ аресту на гауптвахтѣ на пять дней. Въ про-



тестъ своемъ товарищъ прокурора ходатайствовалъ объ увеличеніи наказанія, а Сологубъ просилъ объ освобожденіи его отъ всякой отвѣтственности.

Правительствующій сенатъ, въ которомъ 22 ноября разбиралось дѣло, призналъ протестъ заслуживающимъ уваженія и приговорилъ Сологуба, на основаніи 131 и 14 ст. уст. о наказ., къ аресту на военной гауптвахтѣ на одинъ мѣсяць.

Г. Сологубъ получилъ возмездіе. Онъ наказанъ полутора-мѣсячнымъ арестомъ за десятидневную нравственную пытку, кторой онъ съ отмычно-утопченнымъ варварствомъ подвергъ господа Забелло. Замѣтьте еще одно обстоятельство: у г-жи Забелло есть мужъ, естественный, такъ-сказать, защитникъ. Каково было-бы положеніе женщины-вдовы, на примѣръ, если-бы подобный судья сталъ удостовѣряться въ правильности ея брачной записи и метрическихъ свидѣтельствъ ея дѣтей? Полутора-мѣсячный арестъ едва-ли достаточное устрашеніе для подобныхъ баши-бузукъ мирового института и едва-ли достаточная гарантія противъ тѣхъ quasi-защитниковъ „семейныхъ основъ“, которые, подобно г. Сологубу, не останавливаются передъ нарушеніемъ закона ради желанія опозорить женщину. Очень легко можетъ быть и такой случай: какой-нибудь мировой ловеласъ, потерпѣвшій фиаско въ своихъ ухаживаніяхъ, попробуетъ отомстить женщинѣ совершенно такъ-же, какъ г. Сологубъ, и заплатится арестомъ, причинивъ непоправимое зло женщинѣ, имя которой, особенно въ провинціи, станетъ волочиться по всѣмъ перекресткамъ и, какъ-бы ни была невинна оскорбленная, въ общественномъ мнѣніи все-таки покроется слоемъ грязи на всю жизнь.

Въ то самое время, какъ г. Сологубъ наказывается арестомъ, одесскій мировой судья приговариваетъ отставного солдата, наступившаго на шлейфъ дамѣ, къ двухнедѣльному тюремному заключенію. По словамъ корреспондента „Голоса“, одесскій судья мотивировалъ свой приговоръ, усмотрѣвъ въ поступкѣ отставного солдата, наступившаго на шлейфъ, „оскорбленіе дѣйствіемъ извѣстной части тѣла“ (!?). Очевидно, почтенный судья, защищающій дамскіе шлейфы, имѣетъ крайне пристрастное расположеніе къ шлейфамъ и, пожалуй, подозрѣваетъ, что одесскія дамы носятъ шлейфы для прикрытія хвостовъ. Только такое приравненіе одесскихъ дамъ къ кievскимъ вѣдьмамъ можетъ до нѣкоторой степени объяснить ту „извѣстную часть тѣла“, которую нашель подъ шлейфомъ одесскій судья. Все это можетъ быть, но отъ этого отставному солдату не легче.

Если одесскій судья выказываетъ особую щекотливость по отношению къ шлейфамъ со стороны, такъ-сказать „духа“, то ста-

робѣльскій судья, г. Гапоновъ, отличается въ томъ-же направленіи со стороны „матеріи“. Первые защищаютъ неприкосновенность крови, второй — довольно оригинальнымъ образомъ способствуетъ приращенію капиталовъ, причѣмъ теорію приращенія главнымъ образомъ основываетъ на неустойкахъ. Газета „Новости“ приводитъ слѣдующіе замѣчательные исполнительные листы, выданные г. Гапоновымъ помѣщику Маринову. По словамъ „Новостей“, подлинность этихъ листовъ несомнѣнна. Вотъ они въ копіи:

1) „1877 года, января 10 дня, я, мировой судья харьковской губерніи, старобѣльскаго уѣзда, 4-го участка, разобравъ дѣло о взысканіи повѣреннымъ землевладѣльца Александра Маринова, титулярнымъ совѣтникомъ Эмануиломъ Богуславскимъ, съ крестьянина Іуды Безсмертнаго за невыполненіе обязательствъ (какихъ?), опредѣлилъ: взыскать съ крестьянина Іуды Безсмертнаго въ пользу Маринова 8 руб. за 1 четверть пшеницы и, за неуплату ихъ въ срокъ, 360 р. неустойки по условію, а всего триста шестьдесятъ восемь руб. и т. д.“

2) „1877 года, января 11 дня, я, мировой судья... опредѣлилъ: взыскать съ крестьянъ сл. Боровской, въ пользу землевладѣльца Александра Львовича Маринова, неотданныя ими деньги за пшеницу: съ Тимофея Агафонова 8 р., Харитона Орлова 3 р., Николая Попова 8 р., а Ивана Агафонова 4 р. Кромѣ того, взыскать съ нихъ, въ пользу Маринова, неустойки за неотдачу къ сроку этихъ денегъ... по стѣ руб. съ cadaго изъ помянутыхъ четырехъ отвѣтчиковъ и т. д.“ (Дѣло № 36).

3) Отъ того-же числа. Опредѣленіе: „1) Взыскать съ крестьянъ сл. Боровской неотданныя ими землевладѣльцу Александру Маринову за пшеницу деньги: съ Емельяна Росухина 12 руб., съ Іосифа Агафонова 6 руб. 2) Взыскать съ нихъ-же въ пользу Маринова неустойку, опредѣленную въ условіи за неотдачу этихъ денегъ къ 29 іюня 1876 г., именно: съ Росухина 200 р. и Агафонова 100 р. и т. д. (Дѣло № 32).“

4) 1877 года, января 10-го дня. Опредѣленіе: „взыскать съ крестьянина Калины Есипова въ пользу землевладѣльца, Александра Маринова, 5 руб., неотданные имъ за пшеницу, и, вмѣсто опредѣленной по условію денежной неустойки, обязать его сдѣлать къ Николину дню, въ маѣ нынѣшняго года, одинъ станъ хорошихъ новыхъ колесъ или-же, если сего не исполнить, то взыскать съ него неустойки сорокъ рублей. (Дѣло № 20).“

5) 1877 года, января 18-го дни. Опредѣленіе: взыскать въ пользу землевладѣльца Александра Маринова съ крестьянъ сл. Боровской: Клима Росухина 12 руб. за пшеницу и 100 руб. неустой-

ки по условію, за неотдачу тѣхъ денегъ въ срокъ, и Константи-на Матрѣяна 8 руб. за пшеницу и 100 руб. таковой-же неустой-ки и т. д. (Дѣло № 40).

По первому исполнительному листу на 8 руб. приходится 360 руб. неустойки, по второму на 23 р.—400 р. (все-же меньше!), по третьему на 18 р.—300 руб., по четвертому на 5 руб.—100 руб. или „стань хорошихъ колесъ“ (тутъ свобода выбора между денежной или натуральной неустойкой) и по пятому на 20 руб.—200 руб. Итого со всѣхъ крестьянъ, на сумму иска въ 94 руб., неустойки 1,064 рубля!!!

Примѣровъ подобной контрибуціи даже съ непріятеля едва-ли найдется. Г. Мариновъ, очевидно, заключая эти условія, пользо-вался примѣрами Германіи по отношенію къ Франціи и ростов-щиковъ по отношенію ко всѣмъ лицамъ безъ разбора національ-ностей; затѣмъ, вѣроятно, не остались безъ вліянія на г. Маринова и газетныя статьи, опредѣляющія количество заработка по подра-дамъ г. Варшавскаго и компаніи товарищества, и, такимъ обра-зомъ, эти вліянія, вмѣстѣ съ алчностью, составляющею уже лич-ную собственность г. Маринова, диктовали тѣ знаменитыя усло-вія, образчики которыхъ передъ читателями. Оказывается, что у г. Маринова губа не дура. Онъ желаетъ получить за 94 рубля 1,158 рублей. При такомъ способѣ приращенія нѣтъ ничего муд-ренаго, что въ весьма короткое время г. Мариновъ сдѣлается миллионеромъ и, по примѣру многихъ, ему подобныхъ, заключае-мая условія которыхъ едва-ли лучше „мариновскихъ“, будетъ съ гордостью повторять дѣтямъ и внукамъ, что онъ нажилъ состоя-ніе „честными трудами“, „ни передъ кѣмъ спины не гнулъ“ и „фальшивыхъ бумажекъ не фабрикавалъ“. Такимъ способомъ не мало дѣлается на Руси состояній, и едва-ли людей, подобныхъ г. Маринову, называютъ грабителями. Они дѣйствуютъ на закон-номъ основаніи: вѣдь условіе было писано „добровольно“. Съ этой стороны дѣло является сдѣланнымъ „чисто“, и если наворачивает-ся вопросъ, то развѣ въ рѣшеніи задачи: въ какой промежутокъ времени господа, подобные г. Маринову, могутъ пустить по міру окрестныхъ сосѣдей? Въ одинъ годъ, въ два или въ три?

„Вольно-же было крестьянамъ заключать такія условія!“ ска-жетъ, конечно, одинъ изъ тѣхъ близорукихъ господъ, которые любятъ отдѣлываться отъ назойливыхъ вопросовъ ссылкой на ле-гальность добровольныхъ условій, забывалъ, что когда человѣку, положимъ, печого вѣсть и семья его находится въ томъ-же поло-женіи, то человѣкъ въ состояніи самымъ „добровольнымъ“ обра-зомъ заключить условіе, по которому за пять фунтовъ чернаго хлѣба обяжется уплатить пятьсотъ тысячъ неустойки.

Но и г. Гапоноєъ, узаконивающій подобныя условія, едва-ли не дѣлается попустителемъ чисто-дневного грабежа. Онъ, какъ мѣстный житель, очень хорошо понималъ, при какихъ обстоятельствахъ заключаются подобныя условія, и, рѣшая дѣло по совѣсти, могъ-бы отказать въ выдачѣ своихъ исполнительныхъ листовъ, вносящихъ такое разоренье среди крестьянъ, о которомъ болгаре и не догадывались подъ турецкимъ игомъ. Но г. Гапоноєъ, вмѣстѣ съ г. Мариновымъ, вѣроятно, проливаютъ слезы объ участи болгаръ, въ то-же самое время разоряя своихъ ближнихъ. Такимъ образомъ, рознь, существующая по самой силѣ вещей, еще усиливается черезчуръ вопіющимъ грабежомъ, который вдобавокъ прикрывается легальностью.

Я не знаю, какой данъ ходъ этимъ исполнительнымъ листамъ: приведены-ли они въ исполненіе или потерпѣвшіе обжаловали приговоръ. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ г. Мариновъ не остановится передъ новыми добровольными „актами разоренья“, передъ которыми законъ безсиленъ, какъ безсильна вопіющая бѣдность передъ силой кулачества. Про праведныхъ судей, вродѣ тѣхъ, которые явились въ моихъ „Картинкахъ“ передъ читателемъ, нельзя, въ сожалѣнію, сказать, что они „исключеніе“, подтверждающее только хорошее правило.

По словамъ одесской газеты „Правда“, недавно въ Одессѣ у мирового судьи разбиралось уголовное дѣло по обвиненію городскими избирателями 3 разряда секретаря городского головы, дворянина Гернета.

Сущность обвиненія состояла въ томъ, что секретарь достаточно хорошо извѣстнаго городского головы г. Новосельскаго, до сихъ поръ неразъяснившего статью англійской газеты „Нонс“, обвинявшей одесскій муниципалитетъ въ громадной взяткѣ съ англійской водопроводной компании,—по поводу избранія г. Пашкова въ гласные сказалъ: „воры избрали вора“. Изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что г. Гернетъ дѣйствительно совѣтовалъ не выбирать Пашкова и говорилъ избирателямъ, что „они сами будутъ ворами, если выберутъ вора“, но на это г. Огурковъ (избиратель) отвѣтилъ: „пусть мы будемъ ворами, а вора все-таки выберемъ!“

Г. Гернета обвинили въ клеветѣ.

Вотъ вамъ картинка одесскихъ нравовъ. Кто воръ, кто не воръ — такъ трудно рѣшить въ этомъ избирательномъ канканѣ города Одессы, гдѣ секретарь головы обзываетъ другихъ ворами и получаетъ въ отвѣтъ, что вора все-таки выберемъ; гдѣ самъ городской голова подвергался такимъ нападкамъ печати, разъясненіе которыхъ, казалось-бы, слѣдовало сдѣлать хоть изъ приличія, и, це-

смотря на то, что избранъ былъ большинствомъ, кажется, одного или двухъ голосовъ, все-таки засѣдаетъ на креслѣ лорда-мера; гдѣ членъ бывшей управы г. Палаузовъ обвиняется въ растратѣ общественныхъ суммъ; гдѣ въ прошломъ году одного почетнаго мирового судью судили-цѣло свои товарищи по обвиненію въ большой взяткѣ, взятой будто-бы съ англичапъ; гдѣ въ городскомъ управленіи вообще идетъ такой рядъ скандальныхъ открытій, намековъ, иногда даже черезчуръ ясныхъ, что разобраться въ нихъ и отдѣлить козлищъ едва-ли въ состояніи былъ-бы самъ праведный Саломонъ.

Какъ боятся городскіе граждане, владѣющіе секретомъ избранія лорда-мера, особенно въ большихъ торговыхъ городахъ, гдѣ „именитые“ заботятся о сохраненіи своихъ интересовъ хотя-бы и во вредъ „неименитыхъ“, чего-нибудь выдающагося, свидѣтельствуемъ, на примѣръ, слѣдующій случай:

Въ одномъ изъ бойкихъ южныхъ городовъ, который обжегся уже разъ на одномъ слишкомъ бойкомъ лордѣ-мерѣ, партія болѣе ревнивыхъ къ общественной пользѣ гражданъ предложила избрать на эту должность одно весьма почтенное лицо, пользующееся еще добавокъ репутаціей хорошаго публициста. Что-бы, вы думали, отвѣтили люди вліяющіе? Они такъ-таки на чистоту и отрѣзали:

— Онъ намъ не ко двору. Очень ужъ хорошій человекъ, а намъ нужно такую яблоню, отъ которой яблоки лежали-бы не вдалекѣ.

И они избрали такую яблоню, которая колыхнется по направленію, избранному именитыми. „Неименитые“ ворчатъ, но увы! цивилизація еще не коснулась ихъ на-столько, чтобы понять секретъ избирательныхъ фокусовъ, и они нерѣдко играютъ роль бараньяго стада, ведомаго кучкой волковъ.

Въ pendant къ городскимъ выборамъ, недурную картинку земскихъ выборовъ въ Тамбовѣ рисуетъ тамбовскій корреспондентъ „Новаго Времени“. На первомъ-же засѣданіи, при провѣркѣ правъ гласныхъ оказалось, что въ собраніи есть лицо, неназначенное волостнымъ сходомъ въ выборщики и, слѣдовательно, неимѣющее права быть гласнымъ. На другой день въ собраніи былъ поднятъ вопросъ, что такихъ, неимѣющихъ права быть гласными, такъ-какъ они не изъ числа выборщиковъ, избранныхъ волостными сходами, оказалось еще 11 человекъ. Недоумѣніе. Хотѣли провѣрить списки выборщиковъ, но списковъ въ управѣ не оказалось. Тогда предсѣдатель собранія заявилъ, что если въ первомъ собраніи списокъ гласныхъ былъ утвержденъ, хотя-бы эти 12 человекъ и не были представителями волостныхъ сходовъ, то ихъ слѣдуетъ признать гласными.

Казалось, нельзя было и допустить мысли, чтобы въ списки гласныхъ были занесены лица, неимѣющія на то права, но оказалось, по откровенному заявленію одного изъ полавшихъ неспособныхъ гласныхъ, „что такъ водилось всегда“. Гласныхъ утвердили и, за-мѣчаетъ корреспондентъ,—вслѣдствіе такого оригинальнаго способа провѣрки и признанія правъ гласныхъ, 43 волости, выбравшія на сходахъ 1,268 человѣкъ выборщиковъ, очутились въ земскомъ собраніи болѣе, чѣмъ на половину, безъ голоса. И такъ ужь ихъ представительство въ земскомъ собраніи было ничтожно (на 1,268 человѣкъ 25 выбранныхъ крестьянами), а тутъ еще 12 человѣкъ, явившихся со стороны. И вѣдь это на три года“.

Недурна та-же система выборовъ въ разные комисіи, въ томъ числѣ и въ ревизіонную. Членовъ не балотировали. Предсѣдатель, въ виду согласія старыхъ, предложилъ оставить ихъ.

„Вслѣдствіе такого патріархальнаго способа балотировать и щевотливости давать отвѣтъ при такихъ условіяхъ, всё были оставлены на три года. Однако, нѣсколько человѣкъ не совладали съ собой и заявили о неудовлетворительности такого способа избранія“.

— Такъ пусть и они будутъ членами ревизіонной комисіи!

Такимъ образомъ, совершенно случайно комисія обогатилась новыми членами.

Да, кто первый взялъ палку, тотъ и капраль! Прииѣненіе этого положенія намъ, русскимъ людямъ, приходится видѣть чуть-ли не на каждомъ шагу во всѣхъ собраніяхъ, начиная съ земскихъ и кончая самыми незначительными. И всего забавнѣе то, что всякій ворчитъ, но не рѣшается заявить объ этомъ, когда нужно, и терпѣть чортъ знаетъ какого проходимца, имѣющаго за собой только храбрость первому взяться за палку.

И еще черта: исторія насъ такъ приучила къ невозможности обходиться безъ начальства, мы такъ привыкли, возставъ отъ сна и подходя къ окну, видѣть „бдительное око“ казого-нибудь начальства и не разставаться съ нимъ втеченіи дня, вечера и даже ночи (во снѣ, являющемся отраженіемъ дѣйствительности), что и на выбранныхъ нами-же разныхъ членовъ комитетовъ, комисій и т. п. мы смотримъ какъ на начальство.

И, разумѣется, самые члены этихъ разныхъ правленій, комитетовъ и т. п. немедленно послѣ выборовъ чувствуютъ себя начальствомъ и сейчасъ-же практикуютъ: „Да я... да вы... Я вамъ...“ и такъ далѣе. Обыкновенно бываетъ такъ, что всё эти комисіи и комитеты даже рѣдко и собираются (то лѣнь, то некогда), а отважный капраль, взявшій первый палку, единолично распоряжается на-право и налѣво отъ имени разныхъ комитетовъ. Прииѣры славян-

скаго благотворительнаго общества и многих наших учреждений наглядно свидѣтельствуютъ о чисто-бараньей терпѣливости нашихъ культурныхъ людей.

— Да вѣдь это проходимецъ! ворчатъ обыкновенно другъ другу на ухо избиратели, указывая на какого-нибудь комитетскаго или комисіоннаго Наполеона.

— Это вѣрно.. проходимецъ!

— Еще, пожалуй, кассу стибрить.

— А то и похуже пакость сдѣлаетъ!

Но раздайся тутъ-же чей-нибудь энергичный голосъ: „Такъ чего-же терпѣть этакого проходимца? Вѣдь мы хозяева. Долой его!“ немедленно-же вокругъ васъ порѣдѣтъ кучка и раздадутся голоса:

— Ово, конечно... да какъ-же... Пожалуй, и не на такого еще нарвешься.

— Онъ, по крайней мѣрѣ, хоть не далекъ, но трудолюбивъ.

— Относительно меня онъ даже, можно сказать, очень вѣжливъ.

И вы-же окажетесь „безпокойнымъ человѣкомъ“, и тѣ-же ворчуну, при видѣ какого-нибудь капрала Ивана Ивановича, спѣшать позвать ему руку, справиться о здоровьѣ и полебезить, даже безъ всякой корыстной цѣли, а просто полебезить, такъ-какъ и Иванъ Ивановичъ все-таки, въ нѣкоторомъ родѣ, начальство.

Такое явленіе сразу кидается въ глаза во всѣхъ собраніяхъ, даже въ собраніяхъ наикультурнѣйшихъ людей... Всѣ точно робѣютъ, боятся, какъ-бы того... не попастьъ еще, чего Боже храни, въ неприятное положеніе или какъ-бы не обмолвиться... Каждый про себя, быть можетъ, и думаетъ думу и даже, пожалуй, самая энергическая рѣчь сидитъ у него въ головѣ, но выпустить ее онъ не рѣшается, не то отъ застѣнчивости, не то отъ равнодушія и недостаточно развитой общественной жилки, которая свое „я“ ставитъ на задній планъ въ виду общаго интереса.

Оттого всѣ наши собранія и сборища такъ безцвѣтны и вялы. Всякій точно боится, что его сейчасъ-же: „а почему вы, милостивый государь?“ и т. д., хотя, казалось-бы, по смиренству онъ гарантированъ отъ всяческихъ сюрпризовъ; словно-бы пришибленный, сидитъ этотъ російскій интеллектъ и хлопаетъ глазами, слушая, какъ отважный капралъ покрѣкиваетъ на него и расточаетъ направо и налево: „Да я васъ... да я вамъ“, въ той или другой формѣ.

— Что-же вы будете дѣлать, когда вамъ и взаправду придется говорить не въ одномъ только благородномъ собраніи? невольно хочется спросить у всѣхъ этихъ культурныхъ членовъ, ро-

бьющихъ при одной мысли о протестахъ, заявленіяхъ и тому подобныхъ выраженіяхъ солидарности мнѣнія, невозбраняющихся ни въ засѣданіяхъ разныхъ обществъ, ни на собраніяхъ въ клуббахъ и т. п.

И въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, опять-таки приходится учиться у народа. Кто бывалъ на сходахъ, тотъ долженъ былъ видѣть, по крайней мѣрѣ, ту драгоценную и весьма важную въ общественныхъ дѣлахъ черту, которая блещетъ отсутствіемъ въ собраніяхъ культургерровъ. При обсужденіи какого-нибудь мірскаго дѣла вы замѣтите полное забвеніе своего „я“, полное отсутствіе того болѣзненнаго самолюбія, которое, отодвигая самое дѣло на второй планъ, на первый планъ выставляетъ свою личность и часто неуимѣннымъ самообожаніемъ пакостить всякое дѣло, за которое берется. На мірскихъ сходахъ нѣтъ личныхъ пререканій, нѣтъ борьбы самолюбій, личныхъ дразгъ. Дѣло поглощаетъ личные счеты, весь грязный соръ осѣдаетъ на днѣ и вы видите, что интересъ дѣла не пропадаетъ въ интересахъ лицъ. Эта драгоценная черта, при которой только и возможно какое-нибудь дѣло, свидѣтельствуетъ, что общественная жилка еще сильна въ русскомъ народѣ, несмотря на всевозможныя историческія комбинаціи. Нашъ братъ поговорить, поговорить, и если видитъ, что его свой-же братъ не слушаетъ, какъ Іоанна Златоуста, сейчасъ-же въ сторону да и надуется, какъ мышь на крупу, соболѣзнуя, что безъ него-де все пойдетъ прахомъ.

— Больно ужъ обидчивъ баринъ-то! говорилъ мнѣ объ одномъ господинѣ столярѣ.—Позвалъ меня посовѣтоваться насчетъ мебели, да самъ-же и закричалъ на меня, зачѣмъ я ему сказалъ, что онъ нашего столярнаго дѣла не понимаетъ. Выходить—звалъ за дѣломъ, а вышла обида!

Благодаря тому, что газеты „не щадятъ трудовъ и издержекъ“, публика въ послѣднее время имѣетъ удовольствіе читать, кромѣ военныхъ и политическихъ телеграмъ, еще и „воровскія“ телеграммы. Въ самомъ дѣлѣ, съ недавнихъ поръ стали проявляться депеши, извѣщающія въ лаконической формѣ: „обнаружена растрата такая-то“, „изъ такого-то банка украдено столько-то“ и т. п. Особенно отличается въ послѣднее время Новочеркасскъ (хотя и другіе города маху не даютъ!) Двадцатаго ноября отсюда телеграфируютъ: „Въ кассѣ окружнаго суда обнаружена растрата 34,000. Казначей скрылся. Приняты мѣры къ розыску казначея и депешъ“.

Читатель прочитываетъ и думаетъ: „Богъ съ нимъ, съ казна-



чеемъ, вѣрно добрый человѣкъ былъ, лишь-бы деньги нашлы!“ Проходить день, другой—ни казначея, ни денегъ! Но двадцать четвертаго телеграфъ изъ того-же Новочеркаска радуеть читателя слѣдующей телеграмой: „Здѣсь обнаружена растрата довѣренными торговаго общества 27,000 рублей. Здѣсь просто эпидемія на растраты. Кассиръ окружного суда Ароновъ пойманъ въ Харьковѣ“.

Оказался „одинъ казначей“, о деньгахъ телеграфъ умалчиваетъ. „Вѣрно, казначея поймали безъ денегъ!“ думаетъ читатель и ждетъ подробностей.

Но подробности извѣстно какія: жилъ человѣкъ богато, задавалъ пиры, держалъ лошадей, вель игру, купилъ даже имѣнiе, хотя всякій зналъ, что человѣкъ этотъ получалъ небольшое жалованье. Все это дѣлалось на глазахъ у всѣхъ обывателей г. Новочеркаска. Всѣ у него пили, ѣли и завидовали, что человѣкъ такъ хорошо устроился. Неизвѣстно, радовалось или завидовало начальство? Вѣроятно, радовалось, такъ-какъ хорошее начальство всегда должно радоваться, если подчиненному хорошо и онъ хорошо устроился. Звало-ли начальство, что у казначея, кромѣ жалованья, нѣтъ ничего? Вѣроятно, знало; какъ въ провинціи да не знать чужихъ дѣлъ? Звало, но, по всей вѣроятности, полагало, что казначей экономный человѣкъ и умѣлъ на небольшое содержаніе вести жизнь, требующую большихъ денегъ. Надо такъ полагать. Конецъ обыкновенный. Пришли въ кассу—пусто. Гдѣ добрый казначей—скрылся. Однако, какъ ни какъ, а мѣры нужно принять. „Мѣры приняты“ и относительно казначея, и относительно денегъ, но „мѣры“ настигли въ Харьковѣ только казначея, но не настигли „денегъ“. И то: найти „человѣка“ гораздо труднѣе, чѣмъ деньги, но за то поймать человѣка гораздо легче, чѣмъ деньги.

Такъ размышлялъ, можетъ быть, философъ-читатель, какъ снова, по прошествіи семи дней, 1 декабря, изъ того же Новочеркаска (ужь видно болтливую столицу донскихъ казаковъ!) снова телеграмма: „Казначей консисторіи, Тихвинскій, арестованъ по обвиненію въ растратѣ 19,000 рублей свѣчнаго сбора“.

„Эко ихъ прорвало, однако“, замѣтитъ, пожалуй, читатель, спокойно ожидая дальнѣйшихъ подробностей о казначей консисторіи. Нельзя, конечно, винить читателя за то, что онъ далеко не обнаруживаетъ нетерпѣнія въ этомъ ожиданіи. Во-первыхъ, онъ такъ привыкъ къ растратѣ, во-вторыхъ, суммы такія маленькія (32. 24, 19,000), ничего нестоящія, передъ такими цифрами, которыя растрчивалъ, напримѣръ, Московскій банкъ, или передъ тѣми цифрами, которыми вычисляютъ доходъ г. Варшавскаго съ подводъ. Тамъ—цифры, а здѣсь—нестоящія вниманія „растратки“ (даже и

не растраты); въ-третьихъ, подробности заранѣе извѣстны: былъ хорошій человѣкъ, ходилъ къ обѣднѣ, мнѣнія имѣлъ благонамѣренныя, начальство почиталъ, равныхъ уважалъ, подчиненныхъ любилъ, выписывалъ три изданія и пострадалъ по молодости лѣтъ: ему было всего 53 года. Пострадалъ отъ излишняго довѣрія къ кредитному рублю (онъ игралъ бумагами) и, можно даже сказать, изъ патріотизма. А что онъ былъ хорошій патріотъ, то объ этомъ свидѣлствуютъ его пожертвованія въ пользу Краснаго Креста и рѣчь, произнесенная въ клубѣ о продолженіи войны, пока крестъ не возсіяетъ... и т. д.

Все это болѣе или менѣе краснорѣчиво изобразить агентство корреспонденцій Мейна (это новое знаменіе литературной эксплуатаціи) и все это ужъ навѣрное гораздо краснорѣчивѣе разовѣсть г. присяжный повѣренный, когда изъ газетъ дѣло попадетъ въ залу суда. Напрасно только Новочеркасскъ жалуется, что эпидемія растраты является въ одномъ этомъ городѣ. Эпидемія эта одинаково свирѣпствуетъ по всѣмъ городамъ, гдѣ только есть что украсть (вѣдь у насъ есть такіе города,—и уже не говорю про села,—гдѣ, при всемъ желаніи, нечего украсть) и гдѣ живутъ и дѣйствуютъ, т. е. по возможности расхищаютъ представители культуры въ банкахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. д., и т. д.

Въ-концѣ-концовъ все это до того надоѣло, что даже телеграфныя извѣщенія не могутъ всбудить притупленныхъ въ этомъ отношеніи нервовъ читателя. Остается надежда на телефонъ, и для многихъ редакцій это изобрѣтеніе можетъ оказаться очень хорошей преміей, а то всѣ преміи, обыкновенно предлагаемыя подписчикамъ, начиная съ тувель и кончая 12-ю лучшими русскими и иностранными романами, уже надоѣли и извѣрили читателя. Если-бы редакціи, „нежалѣющія трудовъ и издержекъ“ и общающія самыя лучшія преміи, завели-бы у себя большіе телефоны и вошли-бы въ прямыя сношенія съ знаменитыми расхитителями, еще непопавшими въ суды, и предоставили-бы подписчику право разъ или два въ мѣсяцъ (смотри по „трудамъ и издержкамъ“) бесѣдовать „по душѣ“ съ знаменитостями по части растраты, причѣмъ знаменитости обязались-бы „откровенностью“, то тогда, пожалуй, среди подписчиковъ явилось-бы нѣкоторое оживленіе къ „растратамъ“ и дѣло пошло-бы бойко, въ виду интереса узнать изъ „вѣрныхъ источниковъ“, какъ можно расхищать, обкрадывать, расточать и притомъ избѣгать товарища прокурора.

Премія имѣла-бы уснѣхъ.

Кажется, первый „Голосъ“, познакомившій публику съ знаменитымъ контрактомъ г. Варшавскаго, сталъ точно вычислять ежедневный доходъ г. Варшавскаго. Но, по всей вѣроятности, въ вычисления почтеннаго, солиднаго органа вкралась ошибки, такъ-какъ г. Немировичъ-Данченко, военный корреспондентъ „Новаго Времени“, въ одной изъ своихъ корреспонденцій представляетъ новыя и, конечно, уже самыя „точные“ цифры. По арифметическому расчету, произведенному г. Немировичемъ-Данченко при помощи одного слѣженія и вычитанія, слѣдовательно заслуживающему въ этомъ случаѣ вѣры, оказывается, что чистаго дохода г. Варшавскій получилъ (уже почти получилъ) въ семь контрактныхъ мѣсяцевъ 7,448,000 рублей. „Это самыя точныя цифры“, обязательно сообщаетъ корреспондентъ. По „Голосу“, сколько помнится, цифра была чуть-чуть больше. Такимъ образомъ, читатель теперь сталъ счастливѣе: онъ узналъ, во что обошелся контрактъ съ г. Варшавскимъ, и, слѣдовательно, можетъ вполне успокоиться, зная, что г. Варшавскій нажилъ 7,448,000, и, при случаѣ, несмотря на точность вычисленія, наживетъ, если, какъ говорятъ испанцы, „Богъ и женщина захочетъ“, — еще 7,000,000, предоставивъ полную свободу тому-же г. Немировичу-Данченко исчислять эту цифру не въ одной, а даже въ десяти корреспонденціяхъ, такъ-какъ г. Варшавскій очень хорошо понимаетъ, какую цѣну имѣютъ у насъ пока газеты и сами русскіе корреспонденты въ глазахъ людей, мнѣнія которыхъ только и обязательны для г. Варшавскаго.

По словамъ г. Н. Максимова, бывшаго корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „куда, бывало, онъ ни совался“, а по обязанности корреспондента ему приходилось, конечно, соваться мало-ли куда, „отъ него бѣжали, какъ отъ чумы“, но за то англійскимъ корреспондентамъ было раздолье: имъ говорили комплименты, ихъ ласкали, ихъ поили“ и т. п. И здѣсь, напримѣръ, корреспондентъ „Times'a“ попалъ туда, куда русскій журналистъ не скоро попадетъ, именно въ кладовыя государственнаго банка, видѣлъ тамъ запасы и серебра, и золота и о своемъ посѣщеніи сообщилъ своей газетѣ.

Что дѣлать? Русскій журналистъ можетъ перепечатать объ этомъ изъ того-же „Times'a“, но ему даже и на мысль не придетъ пойти къ г. Ламанскому и просить посмотреть: много-ли серебра и золота припрятано у г. Ламанскаго въ государственномъ банкѣ.

Я могу представить себѣ изумленіе г. управляющаго, если-бы русскій журналистъ явился и выразилъ-бы такое желаніе...

Выходитъ—цѣна наша маленькая; это понимаемъ и мы сами, и ужь, конечно, понимаетъ это (чуть-ли не лучше нашего) и всякій „дѣлецъ“. Онъ превосходно знаетъ, какаѣ цѣны русскому корреспонденту—грошъ или червонецъ.

На этомъ основаніи, вѣроятно, „дорогимъ читателямъ“ и надо-ѣли всѣ эти вычисленія доходовъ, тѣмъ болѣе, что эти баснословныя цифры только раздражаютъ многихъ „дорогихъ читателей“, неимѣвшихъ возможности изъ дорогихъ читателей сдѣлаться „дорогими подрядчиками“... спекуляціи и важивы.

Но какъ, однакожь, ни мала цѣна журналисту, а есть не мало людей, которые даже и на этого невиннаго младенца, издающаго по большей части звуки радости и торжества, зарятся и не прочь были-бы забить ему въ ротъ такую затычку, которая оставила-бы мѣсто только для издаванія однихъ междометій, и, конечно, радостнаго характера. И добро-бы такое желаніе обнаруживали люди, находящіеся въ открытомъ разрывѣ съ просвѣщеніемъ,—это еще было-бы, по крайней мѣрѣ, понятно; но дѣло въ томъ, что подобное желаніе обнаруживается именно тѣми людьми, которые, напротивъ, служатъ официальными представителями просвѣщенія и, казалось, должны были-бы радоваться вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ объ обилии журналовъ, если-бы только обиліе это въ самомъ дѣлѣ существовало. Но на дѣлѣ оказывается другое, и недавній процессъ, возбужденный по обвиненію учителемъ тифлисской классической гимназій Стадлинымъ (сотрудникомъ „Русскаго Вѣстника“) редактора „Тифлисскаго Вѣстника“, князя Бебутова, въ дифамаци, раскрылъ такія темныя стороны кавказскаго педагогическаго мира и такія его воззрѣнія на печать, которая не особенно далеко отстоятъ отъ воззрѣній печальной памяти Магницкаго.

По словамъ корреспондента „Голоса“, сущность дифамаци состояла въ томъ, что князь Бебутовъ, редакторъ „Тифлисскаго Вѣстника“, обвинялъ, въ нѣсколькихъ нумерахъ своей газеты за прошлый годъ, г. Стадлина въ нанесеніи побоевъ ученику Оникову, въ классѣ, и даже въ дракѣ съ нимъ, по поводу неправильныхъ отиѣтокъ, причемъ указывалъ, что г. Стадлинъ сталъ придирчивъ къ ученику Оникову, жившему у него прежде къ качеству пансіонера, именно послѣ того, какъ Ониковъ былъ взятъ отъ г. Стадлина.

Процессъ этотъ давно ожидался въ Тифлиссѣ, помимо своего общественнаго интереса, еще и потому, что возбужденіе его имѣло свою предъидущую исторію.

За послѣдніе годы „Тифлискій Вѣстникъ“, какъ извѣстно, подцензурная газета, печатала много статей противъ лицъ кавказскаго учебнаго округа, обвиняя ихъ, какъ пишетъ корреспондентъ „Голоса“,—„въ совершеніи неправильныхъ контрафтовъ, въ злоупотребленіи частными уроками, въ неправильномъ производствѣ экзаменовъ, въ торгашествѣ нѣкоторыхъ лицъ учебнаго вѣдом-

ства, въ чудесномъ превращеніи ганцелярской мебели учебныхъ заведеній въ дамскія трюмо и рабочіе столики; въ томъ, что одинъ директоръ гимназій, въ комнатахъ, предназначенныхъ для приготовительнаго класса, помѣстилъ свою экономку, а мужу ея предоставилъ жалованье учителя гимнастики, милостиво разрѣшивъ ему не давать уроковъ; въ томъ, что инспекторъ классической гимназій классически пьянствовалъ и въ одинъ бурный вечеръ былъ посаженъ пьяными писарями въ бочку и спущенъ съ горы; въ томъ, что директоръ двухъ смежныхъ губерній невзбранно избралъ своимъ мѣстопробываніемъ губернской городъ третьей губерніи и т. д.“

Всѣ эти изобличенія, какъ я уже упомянулъ, печатались въ подцензурномъ изданіи въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, но всѣ затронутыя лица молчали и только изъ процесса г. Стадлина, единственнаго представителя учебнаго вѣдомства, имѣвшаго гражданское мужество всбудить судебное преслѣдованіе, оказалось, что г. Стадинъ все-таки лучшій изъ педагоговъ, потому что не побоялся предоставить разобрать дѣло суду. Другіе-же педагоги, тѣ, которые молчали, замѣшляли къ что другое, гораздо худшее, чѣмъ сткрытое обращеніе г. Стадлина къ суду.

Кореспондентъ „Голоса“ разсказываетъ, что „свидѣтель Желиховскій, бышій обружный инспекторъ кавказскаго учебнаго округа, послѣ долгихъ колебаній, по настоянію г. предсѣдательствующаго, показалъ, въ отвѣтъ на настойчивыя вопросы подсудимаго, что въ одномъ изъ послѣднихъ собѣтовъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, былъ противъ воли и личнаго мнѣнія его составленъ, по почину директора тифлискаго гимназій, адресъ на имя высшихъ властей съ просьбою о „воспрещеніи „Тифлискаго Вѣстнику“ печатать обличительныя статьи противъ кавказскаго учебнаго округа“. Въ оригинальномъ адресѣ этомъ редація „Тифлискаго Вѣстника“ обвинялась въ революціонномъ, противоправительственномъ и антинаціональномъ направленіяхъ! Къ вѣщшему огорченію педагоговъ, слѣдствіемъ подачи этого адреса обазалось не требуемое воспрещеніе, а рядъ еще болѣе обличительныхъ статей, направленныхъ противъ округа“.

Судъ оправдалъ редактора „Тифлискаго Вѣстника“. Но, въ ролятно, тифлискіе педагоги не рады, что г. Стадинымъ былъ возбужденъ этотъ процессъ, раскрывшій, по настоянію подсудимаго, причины молчанія и гресловутый адресъ къ высшимъ властямъ о „воспрещеніи печатать обличительныя статьи противъ кавказскаго учебнаго округа“.

Бѣдвыи Магницкій! За что онъ одилъ несетъ на себѣ проклятіе истомства за его отврешное искорененіе „духа“... Духъ его

не умеръ въ кавказскихъ ученикахъ и, однакожь, ихъ не только не проклиняютъ, но имъ даже ввѣряютъ воспитаніе дѣтей... Офиціальныя друзья просвѣщенія втихомолку сооружаютъ адресъ съ почтительной просьбой заткнуть глотку для того, чтобы классная мебель такъ-же свободно превращалась въ трюмо и зеркала (и какъ это педагоги дѣлаютъ такіа превращенія!), а гимнастика служилабы нѣкоторымъ вознагражденіемъ для потерявшаго мужа. Чего-же ждать отъ открытыхъ враговъ просвѣщенія, если признанные друзья его хлопочутъ о стѣсненіи журналистики?

Кажется, нельзя особенно жаловаться на обиліе изданій тамъ, гдѣ на 200,000 челоѣкъ приходится одинъ подписчикъ. И не только мы не можемъ жаловаться на обиліе своихъ изданій, но даже и иностранныхъ, которыя можно получать по почтѣ изъ-за границы.

„Голосъ“ сообщаетъ, что списокъ этотъ обнимаетъ 132 изданія на французскомъ языкѣ, 63 на англійскомъ, 186 на нѣмецкомъ, 13 на италіянскомъ, 7 на греческомъ, 28 на разныхъ славянскихъ, 13 на шведскомъ и три на норвежскомъ языкахъ.

Сопоставляя этотъ списокъ съ доставленнымъ „Голосу“ изъ Берлина спискомъ журналовъ, которые получаютъ по германскимъ почтамъ, по словамъ „Голоса“, видно, „что берлинскій списокъ заключаетъ въ себѣ: 4,596 нѣмецкихъ изданій, 831 французское, 704 англійскихъ, 142 италіянскихъ, 26 норвежскихъ, три португальскихъ, 89 шведскихъ, пять сербскихъ, 27 испанскихъ, два армянскихъ, 18 чешскихъ, три вroatскихъ, 62 датскихъ, одно финское, девять греческихъ, шесть еврейскихъ, 80 голандскихъ, два литовскихъ, два персидскихъ, 65 польскихъ, 34 румынскихъ, 69 русскихъ, два русинскихъ, одно словацкое, четыре словенскихъ, четыре турецкихъ, 28 венгерскихъ, пять фламандскихъ, шесть вендскихъ; всего 6,822 изданія на разныхъ языкахъ и нарѣчійхъ. Въ этомъ числѣ славянскихъ изданій насчитывается 167, между тѣмъ какъ въ Россіи, причисляя къ вышеуказаннымъ 28 заграничнымъ изданіямъ еще журналы и газеты, выходящія въ самой Россіи (69 русскихъ и 25 польскихъ), общее число періодическихъ изданій на славянскихъ языкахъ составляетъ всего 122, т. е. на 45% менѣе, чѣмъ въ Германіи. Что-же касается общей совокупности всѣхъ вообще періодическихъ изданій, получаемыхъ въ Германіи, то цифра ихъ превышаетъ цифру изданій, читающихся въ Россіи, на 6,174 изданія“.

А еще педагоги, въ свою очередь, стараются!

Въ настоящее время держать выходной экзаменъ слушательницы женскихъ курсовъ, употребившія пять лѣтъ упорнаго труда и научной подготовки. Нѣкоторыя изъ нихъ, бывшія на театрѣ военныхъ дѣйствій въ качествѣ ординаторовъ, по словамъ доктора Ильинскаго, корреспондента „Голоса“, снискали общее расположеніе своимъ уходомъ за больными и уваженіе со стороны товарищей, докторовъ за то знаніе дѣла, энергію и находчивость, которыя онѣ выказали.

Мнѣ рассказывали, что лица, случайно встрѣтившія студентокъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и прежде, по слухамъ, не безъ скептицизма относившіяся къ серьезно-учащейся русской женщинѣ, были просто изумлены, увидавъ, какое благотворное и полезное вліяніе имѣли эти будущіе врачи-женщины на нашихъ солдатъ и съ какимъ знаніемъ и трудолюбіемъ онѣ дѣлали свое дѣло. Онѣ исполняли обязанности младшаго ординатора: дѣлали операціи, прописывали лекарства, сортировали больныхъ, дежурили по очереди съ врачами-мужчинами.

По словамъ г-жи Кирпотенко, одной изъ студентокъ, бывшихъ въ военномъ госпиталѣ въ Булгарени, напечатавшей письмо въ „Русскомъ Обзорѣніи“, — „имъ приходилось отдыхать не болѣе 3—4 часовъ въ сутки, но онѣ не замѣчали усталости“. По словамъ г-жи Кирпотенко, самая трудная работа — накладываніе гипсовыхъ повязокъ. Ей пришлось наложить болѣе двухсотъ такихъ повязокъ.

О степени знанія и успѣховъ студентокъ, окончившихъ курсъ, свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо профессора медико-хирургической академіи Тарханова, которое перепечатываемъ изъ „Голоса“ цѣликомъ:

„М. Г. Позвольте подѣлиться въ нѣсколькихъ строкахъ, черезъ посредство вашей многоуважаемой газеты, тѣмъ впечатлѣніемъ, которое я вынесъ изъ экзаменовъ выпускнымъ воспитанницамъ женскихъ врачебныхъ курсовъ по анатоміи, гистологіи и физиологіи, происходившихъ 1-го и 2-го декабря.

„Подобное заявленіе не можетъ не имѣть интереса для общества, въ среду котораго скоро вступить цѣлая группа молодыхъ женщинъ, быть можетъ, съ полными правами врачей. Каждому интересно знать, каковы результаты пяти-лѣтняго изученія медицины воспитанницами женскихъ врачебныхъ курсовъ и съ какимъ запасомъ свѣденій выступаютъ онѣ на практическую дѣятельность.

„Находясь въ сторонѣ отъ преподаванія на женскихъ врачебныхъ курсахъ и присутствуя на экзаменахъ въ качествѣ гостя, я нахожусь въ условіяхъ болѣе или менѣе безпристрастнаго отно-

шенія къ дѣлу. Съ другой стороны, зная по опыту нѣсколькихъ лѣтъ уровень знаній выпускныхъ студентовъ медикохирургической академіи, мнѣ дана возможность сопоставить подготовку ихъ съ подготовкою выпускныхъ воспитанницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ. Конечно, сказанное относится, главнымъ образомъ, къ физиологіи и къ наиболее связаннымъ съ нею предметамъ анатоміи и гистологіи, составляющихъ основы медицины.

„Выслушавъ внимательно отвѣты всѣхъ 36-ти воспитанницъ, экзаменовавшихся 1-го и 2-го декабря по указаннымъ предметамъ, я пришелъ къ слѣдующимъ отряднымъ заключеніямъ: Въ общемъ выводѣ отвѣты отличались опредѣленностью, ясностью и весьма часто оживляющей бойкостью. Наиболее глубокия и тонкія свѣденія воспитанницы обнаружили по анатоміи и гистологіи. Подобный характеръ отвѣтовъ былъ тѣмъ болѣе цѣненъ, что воспитанницамъ приходилось сдавать экзаменъ изъ трехъ предметовъ одновременно, да къ тому-же по программамъ весьма полнымъ, неуступающимъ соответствующимъ программамъ медикохирургической академіи или медицинскихъ факультетовъ разныхъ университетовъ. Не взирая на все это, да къ тому-же на весьма возбужденное состояніе многихъ воспитанницъ, выражающееся въ гораздо меньшей степени у студентовъ, отвѣты, въ среднемъ выводѣ, ни въ чемъ не уступали отвѣтамъ студентовъ медикохирургической академіи. Справедливость-же требуетъ прибавить, что среди воспитанницъ нашлись три, четыре такихъ, которыя своими отвѣтами, богатыми по содержанію и блестящими по формѣ, привели въ восторгъ всѣхъ слушавшихъ; по совѣсти, мнѣ не приводилось видѣть ничего подобнаго ни во время моего студенчества, ни преподавательской дѣятельности. Такіе отвѣты дѣлаютъ честь высшимъ женскимъ врачебнымъ курсамъ и предвѣщаютъ блестящее будущее высшему женскому образованію.

„Надо думать, что и по остальнымъ предметамъ медицинскаго образованія воспитанницы снабжены не меньшимъ запасомъ свѣденій, о чемъ, конечно, въ свое время специалисты, должно быть, сдѣлаютъ заявленіе, и тогда, конечно, за воспитанницами врачебныхъ курсовъ придется, по справедливости, признать тѣ-же права на врачебную практику, которыми пользуются врачи-мужчины.

„Предвидя блестящій конецъ испытаніямъ воспитанницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, мы съ глубокимъ сочувствіемъ приветствуемъ впередъ первый выпускъ женщинъ-врачей и желаемъ, чтобъ онѣ заняли въ обществѣ то почетное мѣсто, котораго онѣ достойны, какъ по суммѣ пріобрѣтенныхъ знаній, такъ и по серьезному и упорному труду, потраченному ими для своей подготовки“.



Остается только отъ души привѣтствовать первыхъ нашихъ женщинъ-врачей, окончившихъ курсъ дома, и пожелать имъ самыхъ счастливыхъ успѣховъ на избранномъ ими поприщѣ. Впереди имъ предстоитъ еще трудная дорога. Еще со многими предразсудками имъ придется бороться, но онѣ уже закалены въ борьбѣ и, надо надѣяться, выйдутъ изъ нея побѣдительницами, какъ вышли и теперь. На этомъ отрадномъ явленіи закончу свои картинки.

**Откровенный писатель.**

## ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

Дорого-стоящія современныя войны.—Что значить для нихъ частная благотворительность? — Литература „Краснаго Креста“. — Факты порицательныя, факты хвалебныя, факты оправдательныя, факты организаціонныя.—Насколько справедливо обвиненіе Краснаго Креста?—Вина его въ его безденежьи.—Невозможность удовлетворить потребностямъ Краснаго Креста одними благотворительными взносами. — Еще невозможно удовлетворить личной помощью вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ.—Первый шагъ къ обязательной помощи бѣднымъ, первая попытка къ налогу для бѣдныхъ.

„Мечты о мирѣ и мирномъ развитіи человѣчества, говоритъ авторъ „Вооруженнаго мира“, — принадлежать лучшимъ эпохамъ исторіи, а мечты о войнѣ и всѣ ея ужасы были обыкновенными спутниками мрачныхъ періодовъ, плодомъ религіознаго изуверства, политическихъ спекуляцій и національныхъ ненавистей. Война всегда была зломъ, но въ наше время это зло оплачивается такъ дорого, что богатая страна истощается на-долго, а бѣдная разоряется въ конецъ. Современныя войны—это бездонныя пропасти, куда безслѣдно проваливаются громады массы человѣческихъ жизней, силы, труда, знанія и матеріальнаго обезпеченія; если вооруженный миръ Европы обходится ей въ нѣсколько миллиардовъ, то чего-же должны стоить настоящія войны, какъ моменты высшаго напряженія экономическихъ, соціальныхъ и нравственныхъ силъ народа? Чего должны стоить эти гуртовыя истребленія армій, эти продолжительныя осады крѣпостей съ ихъ колоссальнымъ вооруженіемъ, это продовольствіе полумиліонныхъ войскъ, эти длинныя хвосты санитарныхъ и медицинскихъ учреждений, сопровождающіе дѣйствующія арміи, наконецъ, это потрясеніе государственныхъ бюджетовъ, частныхъ состояній воюющихъ націй и общей міровой промышленной дѣятельности? Перевести все это на реальный языкъ цифръ и итоговъ нѣтъ никакой возможности, потому что то, что уноситъ война въ годъ, восстанавливается только

десятками лѣтъ, иногда нѣсколькими поколѣніями. И такъ-какъ вся тяжесть войны падаетъ на народъ, отнимая у него лучшія силы въ настоящемъ и обременяя его новыми налогами въ будущемъ, то изъ всѣхъ анти-демократическихъ явленій—война самый рѣзкій и выдающійся фактъ. И что можетъ значить ничтожная частная благотворительность въ этомъ страшномъ кругоротѣ лопающихся состояній, громаднхъ потерь и страданій?" (*La Paix armée, par Crézy. Bruxelles, p. 21.*)

Да, что значить частная филантропія, съ ея копейками, тамъ, гдѣ требуются миліоны? Настоящая война съ Турціей вызвала у насъ такую частную благотворительность, какой мы не встрѣчаемъ въ нашей исторіи. Общество, повидимому, натянуло до послѣдней крайности свои благотворительные ресурсы и отъ мужа до великовѣтской барыни всѣ готовы были жертвовать въ пользу раненыхъ, сиротъ павшихъ воиновъ и т. п., кто своимъ личнымъ трудомъ, кто деньгами, кто чѣмъ могъ. Но какой-же получился результатъ отъ этого филантропическаго одушевленія?

Красному Кресту принадлежитъ первая и главная роль въ благотворительномъ дѣлѣ, и потому мы остановимся на немъ преимущественно.

О Красномъ Крестѣ пишется у насъ весьма давно, пишется много и съ разныхъ сторонъ. Все, что писалось и пишется о немъ, составило уже такую обильную массу фактовъ, что, безъ особенной наклонности къ систематизаціи, ихъ можно расположить по слѣдующимъ четыремъ группамъ. Первая группа—факты порицательные; вторая—хвалебные; третья—оправдательные; четвертая — организаціонные.

#### ФАКТЫ ПОРИЦАТЕЛЬНЫЕ.

Въ статьѣ „Голоса“: „Красный Крестъ въ тылу арміи“ сообщается цѣлый рядъ фактовъ этого рода и, между прочими, разсказывается, какъ строились въ Корнештахъ санитарные бараки. Для постройки десяти бараконъ арендовано шесть десятинъ земли, срокомъ до ноября, т. е. какъ-разъ до того времени, когда начнется настоящая зима. Землю эту предлагали отдать безвозмездно, а между тѣмъ ее заарендовали по 200 руб. за десятину, когда въ той-же мѣстности можно купить десятину за 80 руб. въ вѣчное владѣніе. Для постройки бараконъ покупается на 27,000 рублей лѣсу въ Австріи, хотя въ Корнештахъ есть превосходный, береженный дубовый и буковый лѣсъ, десятина котораго продается за 800—1,000 рублей. Рабочіе для постройки выписываются изъ Петербурга и платится имъ въ мѣсяць отъ 35—40 рублей. Работа-

же такая: на сваяхъ дѣлается изъ перекалины остовъ, остовъ обшивается съ обѣихъ сторонъ досками, а въ промежуткахъ между ними кладутся подушки изъ тростника. Въ концѣ іюля торжественно освящаютъ бараки и посылаютъ всюду телеграммы, что бараки готовы, а готовы изъ десяти три и въ нихъ ни оконъ, ни дверей и никакого намека на печи. До конца сентября бараки не кончены; рабочимъ за послѣдніе мѣсяцы не платятъ денегъ; для окончанія построекъ не хватаетъ матеріала.

Можно, конечно, допустить, что въ этихъ фактахъ, ради усиленія впечатлѣнія, явилось нѣкоторое преувеличеніе; но мы не имѣемъ никакого права предполагать, чтобы было сочинено то, чего вовсе не бывало. Изъ другихъ источниковъ и изъ объясненій г. Абазы извѣстно, сколько было путаницы при постройкѣ новгородскихъ и псковскихъ барачковъ. Приѣзжаетъ, на примѣръ, санитарный персоналъ новгородскаго Краснаго Креста въ Рахны; кругомъ пустыня: надо строить; надо найти лѣсъ; надо знать и условія постройки; санитарный персоналъ думаетъ, что все это просто, но оказывается, что не такъ просто, какъ онъ думалъ. Прежде, чѣмъ положить первый кирпичъ, санитарный персоналъ долженъ имѣть кровати, стулья, столы, котлы, однимъ словомъ, все, что нужно для лазарета; долженъ имѣть извѣстный комплектъ хирургическихъ и другихъ инструментовъ. А кроватей между тѣмъ нѣтъ: высланныя изъ Новгорода куда-то пропали. Стульевъ нѣтъ, ихъ нужно купить въ Одессѣ. Наборъ инструментовъ оказывается совсѣмъ не такой, какой требуется. Думали, что постройка барачковъ будетъ проста и легка, но и тутъ новыя непредвидѣнности. Архитекторъ, состоящій при главномъ уполномоченномъ, требуетъ, чтобы подъ каждымъ барачкомъ была вынута земля на 8 вершковъ и затѣмъ яма заполнена щебнемъ и пескомъ. Но гдѣ взять рабочихъ? Собираютъ кое-какой народъ изъ окрестныхъ крестьянъ, заставляютъ работать монаховъ, состоящихъ санитарями, фельдшеровъ, работаютъ даже сами доктора. Проходятъ три дня; старшій фельдшеръ является къ врачу и проситъ уволить его отъ службы: „я имѣю ученый аттестатъ, но въ землекопы не готовился“, разсуждаетъ фельдшеръ и т. д. Наконецъ, бараки сооружены, кровати добыты; бараки приняты видъ госпиталя; всѣ довольны, даже смѣются надъ тѣмъ, что еще недавно всѣхъ такъ бѣсило. Виновать-ли кто-нибудь въ этой неурядицѣ или никто тутъ не виноватъ, но фактъ остается фактомъ. Врачи ѣхали лечить, а имъ пришлось быть архитекторами. Фельдшеры и санитары ѣхали для ухода за ранеными, а имъ пришлось быть землекопами. Конечно, все уладилось къ общему удовольствію, но прежде, чѣмъ явилось это удовольствіе, пришлось бороться съ цѣлой массой непредвидѣнностей, слу-

чайностей, неожиданностей, которыхъ не предусмотрѣлъ никто, и потому возникъ цѣлый рядъ пререканій и взаимныхъ неудовольствій между отдѣленіемъ Краснаго Креста и его врачами. Отдѣленіе желало, чтобы все было устроено врачами, а врачи были недовольны, что Красный Крестъ возложилъ на нихъ, кромѣ ухода за больными, еще массу мелкаго, хлопотливаго, незнакомаго имъ и въ высшей степени непріятнаго дѣла. Этотъ опытъ можно обобщить. Всѣмъ докторамъ, отправленнымъ отъ Краснаго Креста, если имъ приходилось самимъ устраивать бараки да закупать кровати, стулья, столы, котлы, чашки, ложки и массу мелочей, необходимыхъ для лазарета,—всѣмъ имъ пришлось продѣлать этотъ опытъ.

Но вотъ бараки готовы. Плевна и Шибка стали высылать пациентовъ. Наступилъ второй моментъ опыта—эвакуаціи больныхъ и развозки ихъ въ лазареты внутреннихъ губерній. Беру для примѣра Орель и санитарный поѣздъ, 13 августа привезшій больныхъ и раненыхъ изъ Кіева. О роскошныхъ санитарныхъ поѣздахъ Краснаго Креста и другихъ благотворителей публика уже слышала давно и потому въ вокзалѣ и на платформѣ стояла огромная толпа любопытныхъ. Подошелъ поѣздъ. Онъ состоялъ изъ одного вагона 2 класса, трехъ, четырехъ или пяти вагоновъ третьяго класса и цѣлаго ряда товарныхъ вагоновъ. Публика шущукается и спрашиваетъ: „Неужели это поѣздъ санитарный?“ На лицахъ видно недоумѣніе, но недоумѣніе исчезаетъ, когда солдатъ, сопровождавшій поѣздъ, отворяя двери вагоновъ, выкрикиваетъ: „господа больные, выходите!“ И вотъ платформа наполняется хромыми, безрукими, больными, съ повязками на головахъ, съ повязками на ногахъ, на рукахъ. Одни изъ больныхъ еле вышли, другихъ вела публика, а нѣкоторые такъ и остались въ вагонахъ. На платформѣ послышался ропотъ: „гдѣ-же койки, гдѣ тѣ удобства, о которыхъ столько писали и говорили?“— „Санитарныхъ поѣздовъ не хватаетъ“.— „Зачѣмъ-же не всѣ вагоны второго класса?“— „И вагоновъ второго класса не хватаетъ“.— „Зачѣмъ вагоны второго класса не замѣщены вагонами третьяго“.— „Тоже не хватаетъ“.— „Зачѣмъ, наконецъ, въ товарныхъ вагонахъ не подстлапы сѣно или солома? Или тоже не хватаетъ?“ Начались разспросы. „Ты гдѣ раненъ?“ спрашиваютъ солдата.— „Подъ Плевной“.— „Куда?“— „Въ руку, въ ногу и контуженъ въ голову“.— „Какъ-же ты попалъ въ товарный вагонъ?“— „Какъ попалъ! Кто здоровѣе, тотъ раньше займетъ хорошее мѣсто; а кто не можетъ повернуться, ну тотъ и садись въ товарный“.

Желая встрѣтить раненыхъ съ честью, городъ даетъ имъ тутъ-же на платформѣ и ужинъ. Пять-шесть сестеръ милосердія снуютъ взадъ и впередъ, выбываясь изъ силъ. Какой-то господинъ съ

изображеніемъ на рукѣ краснаго креста идетъ имъ навстрѣчу. — „Послушайте, останавливаетъ его сестра милосердія, — хлѣба нѣтъ.“ — „Гдѣ-нибудь достанемъ“, отвѣчаетъ господинъ, уходя. — „Водки нѣтъ!“ кричитъ ему вслѣдъ сестра. — „Достанемъ...“ Два солдата несутъ корзину съ булками. Ихъ останавливаетъ сестра милосердія. — „Сколько тутъ булокъ?“ — „Не знаю.“ — „Поставь!“ Солдаты ставятъ корзину на платформу. Несутъ другую корзину и повторяется та-же исторія. — „Сколько у тебя хлѣба?“ спрашиваетъ сестру милосердія другая подбѣжавшая къ ней сестра. — „Не знаю! вотъ, видишь, двѣ корзины“. — „Я тоже двѣ корзины промыслила, но у меня не хватило хлѣба, многіе получили только по полу-булки“. Бѣжитъ господинъ съ краснымъ крестомъ. — „У меня не хватило булокъ, многіе получили только по половинкѣ“, говоритъ сестра. — „Дайте имъ еще по булкѣ!“ отвѣчаетъ господинъ и исчезаетъ. — „Ахъ, Боже мой! тутъ въ потемкахъ ничего не разберешь. Хоть-бы фонарь дали!“ кричитъ сестра милосердія, раздавая хлѣбъ. Но фонаря не дали, а принесли въ большихъ лоханкахъ борщъ, который пришлось разливать и ѣсть въ темнотѣ. Между тѣмъ поѣздъ съ оставшимися въ вагонахъ больными ушелъ для перевода на другіе рельсы, очищая путь пассажирскому поѣзду. — „Больные въ вагонахъ ничего не ѣли!“ кричатъ сестры. Но крикъ ихъ остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Поѣздъ поставленъ на четвертый путь. — „Господа больные, садитесь!“ кричитъ солдатъ. И господа больные толпой двинулись съ мѣста. — „Какъ-же они съ платформы сходить будутъ?“ хлопочутъ сестры. — „Садитесь скорѣе въ вагоны, идетъ пассажирскій поѣздъ!“ раздается крикъ. — „Да какъ-же они сходить будутъ?“ бесплодно взываютъ сестры. Но больные сами разрѣшили задачу: кто спрыгнулъ, кто скатился, и затѣмъ поплелись, ковыляя, на четвертые рельсы Пассажирскій поѣздъ приближался. — „Сестрица, слышится изъ вагона, — у насъ воды нѣтути!“ — „Сестрица, мы ничего не ѣли!“ — „Сестрица, дайте хлѣбца!“ — „Сестрица!..“ — „Сестрица!..“ Локомотивъ прибывшаго поѣзда скрылъ за собою остальные сцены, отдѣливъ санитарный поѣздъ отъ платформы.

И тутъ мы готовы допустить нѣкоторое художественное преувеличеніе. Очень можетъ быть, что господинъ съ краснымъ крестомъ не былъ такъ комиченъ; очень можетъ быть, что и распределеніе больныхъ по вагонамъ было нѣсколько лучше. Очень можетъ быть, что раненые не сваливались съ платформы кубаремъ и что изъ вагоновъ раздавалось меньше бесплодныхъ взываній къ сестрицамъ. Но даже при слабыхъ краскахъ не уничтожается общее впечатлѣніе картины. А ея общее впечатлѣніе—сумятица. И сумятица, сопровождавшая санитарные поѣзды, подвергается цѣ-

люю массой извѣстій отовсюду, гдѣ совершался пріемъ больныхъ и раненыхъ: телеграммы не всегда сообщали точную цифру привозимыхъ больныхъ; поѣзды почти никогда не приходили во-время: въ угоненіи больныхъ чаемъ, булками, ужинами замѣчалось повсюду больше усердія и добраго желанія, чѣмъ счета и расчета, а бывало и такъ, что больнымъ или ничего не доставалось, или-же предлагалось не то, что имъ нужно. Сумятица продолжаетъ сопровождать и до сихъ поръ санитарные поѣзды, особенно если они впервые явятся въ какую-нибудь мѣстность. Впечатлѣніе сумятицы усиливается еще фактами непредусмотрительности. Несмотря на то, что война ведется почти полгода, въ половинѣ октября въ Пензу прибылъ санитарный поѣздъ, на которомъ больные и раненые были доставлены „въ самомъ ужасномъ видѣ: они были размѣщены въ багажныхъ вагонахъ, двѣ недѣли не пережѣвали бѣлья и по четыре, по пяти сутокъ не имѣли горячей пищи. На всемъ поѣздѣ находилась одна сестра милосердія. У раненыхъ раны были перевязаны кое-какъ, потому что они перевязывали другъ друга“. Это газетное извѣстіе хотя вызвало возраженіе, что больные были доставлены не съ харьковскимъ санитарнымъ поѣздомъ, но не было доказано, чтобы подобные больные вовсе не были доставлены. Или: шелъ одинъ поѣздъ съ ранеными изъ Яссъ и вездѣ по пути его встрѣчали члены общества Краснаго Креста и помогали сестрамъ кормить раненыхъ и больныхъ, а въ Балтѣ раненыхъ и больныхъ угостили обѣдомъ, чаемъ, водкою. Приходить поѣздъ въ Полтаву. Ночь. Дождь льетъ. Темнота страшная. На платформѣ никого. Гдѣ-же члены Краснаго Креста? спрашиваютъ сестры. Жандармъ отвѣчаетъ, что ихъ никогда не бываетъ. Хорошо еще, что нашлись добрые люди между проезжающими и мѣстной публикой, случайно бывшей на станціи. Кое-кто изъ дамъ и изъ купцовъ дали деньги. Но гдѣ-же на станціи найти 300 булокъ? Хотѣли купить водки, да и той оказалось мало... И это извѣстіе не представляетъ ничего такого, почему-бы его можно было заподозрить въ злонамѣренности. Сами по себѣ факты подобнаго рода нисколько не противорѣчатъ общему ходу всякаго новаго дѣла, всякой новой организациі, гдѣ не всегда возможно все предусмотрѣть, предрѣшить, устранить, гдѣ поэтому много остается на долю случайности, личнаго пониманія, даже личныхъ вкусовъ, наклонностей, а подчасъ личныхъ отношеній и личныхъ настроеній.

#### ФАКТЫ ХВАЛЕБНЫЕ.

Изъ Александрополя случайный корреспондентъ „Голоса“ пишетъ, что ему пришлось, какъ частному лицу и не по обязанно-

стямъ службы, посѣтить госпитали и лазареты, устроенныя на кавказско-турецкой границѣ. Случайный корреспондентъ пришелъ въ восторгъ отъ всего имъ видѣннаго и говорить, что госпитали „не только заслуживаютъ похвалы, но и удивленія“.

Чтобы отгнать рѣзче госпитали „Краснаго Креста“, корреспондентъ указываетъ на госпитали военнаго вѣдомства, которые напомнили ему казармы, тогда какъ лазареты Краснаго Креста носятъ на себѣ вполне отпечатокъ благотворительности. Отъ главнаго врача госпиталя, профессора дерптскаго университета, корреспондентъ приходитъ въ восторгъ. „Съ перваго-же взгляда видно, что все здѣсь дѣлается отъ сердца. Не будучи даже посвященъ въ подробности дѣла, чувствуешь, что страждущимъ оказывается здѣсь болѣе, нежели материнская заботливость, требуемая для перевязки ихъ ранъ. При лазаретѣ состоятъ болѣе шестнадцати сестеръ милосердія и санитары изъ духоворцевъ“.

Лазаретъ петербургской голандской общины представляетъ собою образецъ всякихъ удобствъ. Палата этого госпиталя единственная въ своемъ родѣ во всемъ кавказскомъ районѣ. Она сдѣлана изъ двойныхъ парусинныхъ стѣнъ. У каждаго больнаго свой столикъ, а на немъ звонокъ, игры для развлечения, посуда для питья, принадлежности куренья. Порядокъ, чистота, опрятность напоминаютъ ту страну, флагъ которой развѣвается надъ лазаретомъ. Личный составъ лазарета, главный врачъ, два помощника и двѣ сестры милосердія, „прекрасныя молодыя дѣвушки, соперничающія своимъ усердіемъ и самоотверженіемъ. Кажется, будто больные, за которыми онѣ ухаживаютъ и которые покоятся на чистыхъ постеляхъ, застланныхъ тонкимъ бѣльемъ, сыновья на попеченіи ихъ матерей“.

Въ александропольскомъ госпиталѣ тридцать сестеръ милосердія, которыя „съ сердцемъ женщины и съ нервами медика присутствуютъ при самыхъ тяжкихъ операціяхъ, и сколько при этомъ совершается тихо, неслышно, безъ шума и выставки, истинно-геройскихъ подвиговъ самоотверженія и любви къ ближнему, на которые способно только женское сердце“. И корреспондентъ приводитъ въ примѣръ сестру милосердія Лебедеву, которая для заживленія ранъ генерала Комарова позволила вырѣзать изъ каждой ея руки по девяти кусочковъ кожи, каждый въ квадратный сантиметръ.

Конечно, случайный корреспондентъ „Голоса“ говорить больше о голандскомъ госпиталѣ, но есть много свѣденій совершенно подобнаго-же рода и о нашихъ лазаретахъ Краснаго Креста. Даже самыя строгіе отрицатели, люди, которые, кажется, для того и посѣщали лазареты „Краснаго Креста“, чтобы усмотрѣть въ нихъ



что-нибудь дурное, и тѣ должны были сознаться, что госпитали устроены превосходно, что сестры милосердія ухаживаютъ за больными какъ ангелы, что больные окружены комфортомъ и роскошью и что лазареты устроены такъ хорошо, что строптивыхъ больныхъ пугаютъ тѣмъ, что ихъ переведутъ въ военные госпитали. Не скроемъ мы, однако, что хотя госпитали русскаго „Краснаго Креста“ и описывались какъ безусловно прекрасные, но наибольшая доля похвалъ досталась голандскому госпиталю на азіятскомъ театрѣ войны и евангелическому—на европейскомъ. Но вѣдь то нѣмцы и голандцы, у которыхъ земля не велика и не обильна, а порядка въ ней всегда было много. Общее впечатлѣніе остается, во всякомъ случаѣ, благоприятнымъ, и нельзя не признать, что „Красный Крестъ“, въ которомъ сосредоточилась русская благотворительность, оказывалъ и оказываетъ раненымъ больнымъ такія услуги, которыми въ предъидущія войны наши солдаты не были избалованы.

#### ФАКТЫ ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ.

Статья „Красный Крестъ въ тылу арміи“ вызвала подробное объясненіе главнаго уполномоченнаго. Г. Абаза доказываетъ, что кишиневское управленіе вовсе не страдаетъ канцеляризмомъ. Напр. новгородскій госпиталь запоздалъ открытіемъ не потому, что ждали накопленія „дѣла“, а потому, что его госпитальный грузъ не пришелъ въ свое время. Кровати госпиталя затерялись и главное управленіе сейчасъ-же дало свои 50 кроватей. Къ этому можно бы прибавить, что новгородскому госпиталю не везло во многихъ другихъ отношеніяхъ и сумятица при его устройствѣ происходила вовсе не по винѣ главнаго уполномоченнаго. Точно также г. Абаза доказываетъ, что и при устройствѣ псковскаго госпиталя виновность его вовсе не такъ велика и что сумятица и путаница происходили отъ разныхъ другихъ причинъ. Также не совсѣмъ точно и описаніе злополучныхъ приключеній съ госпиталемъ нѣмецкихъ колонистовъ. Изъ объясненій г. Абазы видно, что всѣ его строгости и несговорчивость происходили изъ такихъ побужденій, при которыхъ имѣлись въ виду только польза дѣла и интересы больныхъ и раненыхъ. Порицатель, указывая на дурное, по словамъ г. Абазы, умолчалъ, однако, о томъ, какъ въ Яссахъ на стаціи желѣзной дороги устроена дезинфекція прибывающихъ изъ Румыніи поѣздовъ съ больными и ранеными. Дезинфекція производится паромъ посредствомъ нанятаго локобиля и дезинфекціонными средствами. Благодаря этимъ мѣрамъ, яскій баракъ, черезъ который по настоящее время прошло до 60,000 раненыхъ и больныхъ, не зараженъ міазмами и въ городѣ не развилась эпидемія. На

окаинѣ города устроена прачечная и въ особой сушильнѣ сушится до 1,700 штукъ бѣлья въ день. Бывали дни, когда въ прачечную поступало до 5,000 штукъ бѣлья, и прачки, число которыхъ доходило до 60, едва-едва успѣвали, при 20,000 перемѣнѣ бѣлья, доставлять необходимое количество его въ яскій эвакуаціонный баракъ и на военные поѣзды.

Нѣкоторые изъ фактовъ, сообщенныхъ порицателемъ за достовѣрные, г. Абаза положительно отвергаетъ. Такъ, напр., песокъ стоилъ не 1,000 р., а 374 р.; ремонтъ всѣхъ палатокъ, т. е. веревокъ, колевъ, зашиваніе дыръ и т. д., а не одно зашиваніе, были сданы одному еврею, а не тремъ, и оптомъ за 150 р., а не 150 руб. въ мѣсяцъ.

Г. Абаза не ограничился тѣмъ, что написалъ свое объясненіе, но онъ самъ явился въ Петербургъ и представилъ въ главное управленіе подробныя объясненія всей своей дѣятельности и расходовъ, подкрѣпленныя положительными данными и документами. Все это было рассмотрѣно управленіемъ, и такъ-какъ объясненія г. Абазы обнаружили, между прочимъ, совершенную неосновательность указаній, выводовъ и обвиненій, которые содержались въ порицательной статьѣ, то главное управленіе, признавъ распоряженія и дѣйствія г. Абазы вполне сообразными съ пользою дѣла и съ цѣлями общества, равно какъ и тѣ чрезвычайныя нужды и затрудненія, среди которыхъ приходилось ему дѣйствовать, еще больше утвердилось въ томъ полномъ довѣріи, которое оно неизмѣнно сохраняло къ дѣятельности своего главнаго уполномоченнаго въ тылу арміи. Все это такъ и должно было быть, хотя въ то-же время объясненіе г. Абазы, напечатанное въ „Голосѣ“, не удовлетворило вполне общественное мнѣніе.

Но самые любопытные факты, факты, къ которымъ мы теперь переходимъ, это:

#### ФАКТЫ ОРГАНИЗАЦІОННЫЕ.

Нужно-бы думать, что дѣятельности Краснаго Креста предшествовалъ точно-опредѣленный планъ и програма. Казалось-бы, это должно такъ бытъ, да, вѣроятно, такъ и было. Но тѣмъ не менѣе въ печати явились два мнѣнія, мѣстами даже противорѣчащія одно другому, о томъ, какъ-бы должно быть организовано дѣло Краснаго Креста. Если подобныя статьи могли явиться, то, конечно, только потому, что были данныя основанія, которыя ихъ вызвали.

Въ одной статьѣ, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, разбираются причины возникновенія Краснаго Креста и задачи, которыя онъ долженъ преслѣдовать. Авторъ думаетъ, что всякій,

кому знакомы потребности военнаго времени въ медицинскомъ отношеніи, согласится, что мы въ этомъ случаѣ далеко не обладаемъ даже самыми необходимыми средствами облегчать участь больныхъ и раненыхъ. По мнѣнію автора, никакое государство и не можетъ обладать необходимыми для того средствами, и потому дѣло общества и частной благотворительности придти на помощь къ правительству. Эта-то необходимость и выразилась повсюду въ учрежденіи общества Краснаго Креста.

Авторъ думаетъ, что общество Краснаго Креста у насъ такая новинка, что ему едва-ли и была достаточная возможность уяснить свои дѣла и обязанности. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что мы, „къ несчастію, не всегда хотимъ пользоваться уроками прошлаго, а большею частью дѣйствуемъ по шаблону, начертанному въ тихомъ кабинетѣ, при мерцаніи огонька привѣтливаго камина, а потому впадаемъ въ ошибки“. Нужно замѣтить, что статья эта была написана 20 сентября, т. е. какъ-разъ въ то время, когда для практики Краснаго Креста было открыто уже широкое поле; а еще любопытнѣе, что авторъ начинаетъ *ab ovo*, точно „Краснаго Креста“ не существуетъ, и ставитъ вопросъ: „въ чемъ должна выражаться и заключаться дѣятельность Краснаго Креста?“ Авторъ дѣлитъ ее на дѣятельность въ районѣ военныхъ дѣйствій и на дѣятельность внѣ этого предѣла. Дѣятельность въ районѣ военныхъ дѣйствій должна, по мнѣнію автора, заключаться въ томъ, чтобъ не оставлять раненыхъ на полѣ сраженія на долгое время, успокоить ихъ нравственно, подать во-время первую медицинскую помощь, подчасъ утолить ихъ жажду и голодъ и заблаговременнымъ принатіемъ всѣхъ этихъ мѣръ предотвратить смертельные исходы отъ истощенія нервной системы. Чтобы исполнить эту обязанность, Красный Крестъ долженъ имѣть знающихъ санитаровъ, со всѣми переносными и перевозочными средствами, которыя и доставлять на перевязочный пунктъ. Санитары не только должны знать свое дѣло, но и кругъ обязанностей ихъ долженъ быть категорически опредѣленъ. Такіе отряды санитаровъ не только необходимы для того, чтобы сохранить тысячи жизней своевременной уборкой раненыхъ, но и дѣлаютъ экономію военной силы, ибо для уборки раненыхъ не нужно отнимать людей отъ дѣйствующей арміи.

Госпитали отъ Краснаго Креста въ районѣ военныхъ дѣйствій авторъ считаетъ совершенно лишними, въ особенности тамъ, гдѣ объ этомъ позаботилось правительство. А въ настоящую войну въ этихъ госпиталяхъ недостатка не ощущается, тѣмъ болѣе, что на нихъ потребуются слишкомъ большія суммы, которыя могутъ быть употреблены болѣе производительно.

Эти производительныя затраты заключаются въ доставленіи такихъ матерьяловъ и вещей для военныхъ госпиталей, которые не положены по табели: напримѣръ, чаю, сахару, вина, табаку, разнѣзнаго бѣлья для раненыхъ, подушекъ, клеенокъ, фланелей и нѣкоторыхъ инструментовъ, неположенныхъ по табели.

Вторая главная задача общества Краснаго Креста заключа-лась-бы въ дезинфекціи полей сраженія, дезинфекціи лагерныхъ стоянокъ, санитарныхъ станцій, лечебныхъ заведеній и, наконецъ, эвакуаціи больныхъ и раненыхъ. Чтобы спасти армію отъ болѣзней, которыя уносятъ большій процентъ солдатъ, чѣмъ непріятельское оружіе, забота о предупрежденіи заболѣваній должна-бы считаться первой и самой главной заботой.

Что касается эвакуаціи больныхъ, то Красному Кресту, вла-дѣющему достаточными средствами, казалось-бы, нѣтъ причинъ не имѣть необходимаго количества приспособленныхъ для этого экипажей и устроить этапные пункты по пути слѣдованія транспорта. Нынче-же, вслѣдствіе недостатка удобныхъ приспособленій, трудно больныхъ и раненыхъ скопляють, по словамъ автора, въ госпиталяхъ, и вообще эвакуація, неустроенная рационально, при настоящемъ первобытномъ способѣ передвиженія больныхъ и раненыхъ, даетъ навѣрно большой процентъ смертности.

Наконецъ, лазареты въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ района военныхъ дѣйствій, Красному Кресту слѣдовало-бы устраивать безъ той ненужной роскоши и щегольства, за которую гоняются до сихъ поръ. Простота необходима ужъ для одного того, чтобы больные и раненые, разъ побывавшіе въ лазаретахъ, снабженныхъ голандскимъ бѣльемъ и разными поварскими утонченностями, не оставались-бы недовольными и черезчуръ требовательными, попадая въ военные госпитали, которые этого дать не могутъ. Роскошь, обходящаяся дорого, имѣетъ еще и другое неудобство: во-первыхъ, она не включаетъ въ себѣ ручательства, что процентъ выздоравливающихъ въ роскошныхъ лазаретахъ больше, а во-вторыхъ, на тѣ-же деньги можно имѣть большее число кроватей.

Статья эта получаетъ еще большее значеніе, если ее сопоставить со статьей „Что дѣлаетъ общество Краснаго Креста“, напечатанной въ № 244 „Голоса“. Послѣдняя статья явилась еще позже, а именно 13 октября; значить вопросы, поднятые обѣими статьями относительно организаціи и плана дѣйствій „Краснаго Креста“, остаются и до сихъ поръ неразрѣшенными вопросами.

Статья „Голоса“ начинается съ того, что въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются замѣчанія и вопросы насчетъ дѣятельности Краснаго Креста. Понятно, что если подобныя вопросы являются, значить есть поводы и основанія имъ являться.

Статья, о которой мы говорили раньше, желала-бы организовать дѣятельность Краснаго Креста такъ, чтобы онъ взялъ на себя на полѣ военныхъ дѣйствій лишь санитарную обязанность; что же касается лазаретовъ, то Красный Крестъ долженъ устраивать ихъ лишь внутри имперіи. Изъ послѣдней статьи оказывается, что такъ и было условлено между Краснымъ Крестомъ и военнымъ министерствомъ.

Несмотря, однако, на составленный планъ, оказалось невозможнымъ выдержать его строго, ибо „потребности были такъ многочисленны и разнообразны, что общественная и частная благотворительность, руководимая чувствомъ челоѣколюбія, стала пробивать себѣ и другіе пути“. Или, говоря точнѣе, первоначальный планъ былъ нарушенъ и, помимо воли Краснаго Креста, стали устраиваться лазареты на самомъ театрѣ войны, заказывались подвижныя аптеки, походныя кухни, доставлялись предметы улучшеннаго продовольствія и т. д., и т. д. А между тѣмъ нѣсколькими строками выше въ статьѣ говорилось, что военные госпитали на мѣстѣ военныхъ дѣйствій формировались съ такими медицинскими средствами, какихъ они не имѣли прежде никогда. Какъ примирить эти противорѣчія? Если военные госпитали имѣли „все“, зачѣмъ помощь Краснаго Креста? Ужь, конечно, она-бы не явилась, если-бы не требовалась.

Дальше: вторая статья говоритъ, что эвакуація и прирѣніе раненыхъ внутри страны вошли сами собою въ систему и развивались довольно быстро. И измѣнить такое направленіе стало и невозможно, и нежелательно. А между тѣмъ первая статья высказываетъ желаніе, чтобы эвакуація и прирѣніе внутри страны составляли обязанность Краснаго Креста. Какъ согласить это желаніе и нежеланіе и какъ объяснить, что эвакуація и прирѣніе больныхъ внутри страны намѣтились и вошли въ систему подъ какимъ-то внѣшнимъ давленіемъ, помимо воли общества Краснаго Креста? Тутъ чувствуется два теченія: одно головное, организаціонное, стремящееся къ системѣ и порядку; другое—внѣшнее, случайное, подчиняющееся исключительно чувству челоѣколюбія и частной благотворительности. Красный Крестъ подчинился второму давленію, т. е. тому чувству челоѣколюбія, которое желало доставить по возможности всѣмъ больнымъ и раненымъ наивозможно лучшія удобства, и для этого отправляло на мѣсто дѣйствій такіе предметы и вещи, какихъ штатные лазареты дать не могли. Но, какъ видно, частная благотворительность заявляла больше свое челоѣколюбіе и гуманность, чѣмъ давала средствъ, соответствующихъ размѣру этихъ чувствъ. И потому, по словамъ автора, оказывается, „что почти вся дѣятельность по второстепеннымъ от-

раслямъ осталась мало ослзаемою, а иногда и совсѣмъ незамѣтною". Затѣмъ вторая статья дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „такъ-кова участь слишкомъ широкихъ задачъ, несогласенныхъ съ средствами“. Говоря яснѣе, общественная и частная благотворительность, руководимая однимъ чувствомъ челоуѣколюбія, не сообразила своихъ матеріальныхъ средствъ и выразилась больше въ благотворительномъ порывѣ, можетъ быть очень скоро остывшемъ, чѣмъ въ дѣйствительной практической помощи.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ Красный Крестъ отвѣтилъ своей главной задачѣ, т. е. эвакуаціи больныхъ и раненыхъ. Сначала, согласно обѣщанію, данному военному министерству, было устроено десять санитарныхъ поѣздовъ, потомъ еще шесть, потомъ предположены еще два. Большая часть внутреннихъ санитарныхъ поѣздовъ приспособлена къ перевозкѣ раненыхъ на счетъ самого общества. Въ этихъ поѣздахъ нѣтъ той роскоши, за которую упрекали Красный Крестъ, и воздушные звонки, бархатъ, шелкъ и т. д. встрѣчались лишь въ поѣздахъ, устроенныхъ частными лицами. Впрочемъ, это и не главное обвиненіе. Главный упрекъ, который дѣлаютъ Красному Кресту, заключается въ томъ, что, взявъ на себя перевозку раненыхъ, онъ отправлялъ ихъ съ товарными поѣздами. Но это приходилось дѣлать частью потому, что у Краснаго Креста не было достаточнаго числа своихъ вагоновъ, а во-вторыхъ, потому, что при огромномъ и постоянномъ подвозѣ изъ Россіи всякаго рода военныхъ грузовъ, шла обратно цѣлая масса порожнихъ, большею частью товарныхъ вагоновъ, которыми и вошло въ практику пользоваться. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что такъ часто раздавались жалобы раненыхъ, что ихъ перевозятъ, не обращая особеннаго вниманія на состояніе ихъ здоровья. Оказывается, однако, что общество Краснаго Креста даже и не принимало до послѣдняго времени участія въ этого рода транспортировкѣ, кромѣ развѣ „случайныхъ пособій, мѣстами оказанныхъ“. Кто-же, значить, распоряжался судьбою больныхъ и раненыхъ и къ кому должны были обратиться нареканія общества, жертвующаго свои деньги? Вторая статья говоритъ, что когда „нѣкоторые случаи“ указали на совершенную необходимость хоть какихъ-нибудь приспособленій товарныхъ вагоновъ въ обратныхъ поѣздахъ, „то было рѣшено сформировать шесть или семь отрядовъ изъ необходимѣйшаго санитарнаго персонала, съ запасомъ нужнѣйшихъ вещей, для приданія случайному поѣзду возможнаго санитарнаго характера“. Значить ясно, что неудовольствія, выразившіяся въ печати на безжалостную перевозку раненыхъ, имѣли не только полное основаніе, но, какъ оказывается, „Красный Крестъ“ совершенно игнорировалъ этотъ вопросъ и обратилъ на него вниманіе лишь тогда,

когда дошли до него общія жалобы. Ясно также, что Плевна и Шибка застали общество Краснаго Креста врасплохъ и не было составлено заранее плана относительно организаціи порядка перевозки раненныхъ. Вторая статья говоритъ, что сформированіе походныхъ поѣздовъ съ приспособленіями—дѣло очень трудное и „неподдающееся удовлетворительному рѣшенію, потому что всѣ больничныя вещи и санитарныя приспособленія должны быть доставляемы обратно“. Мы не отрицаемъ, что все это должно быть дѣйствительно трудно, но взять Карсъ было еще труднѣе, однако его взяли. Взять Плевну было тоже очень трудно, но и ее взяли, значитъ вопросъ не въ трудности. „Красный Крестъ“ на то и Красный Крестъ, что онъ взялся за трудное дѣло, которое не можетъ быть выполнено частными людьми. Весь вопросъ лишь въ томъ, располагаетъ-ли Красный Крестъ достаточными средствами? Мы думаемъ, что вопросъ этотъ даже гораздо важнѣе разныхъ крупныхъ беспорядковъ и неустройствъ, на которые раздавались печатно и не печатно претензіи.

Мы и не придаемъ особенной важности беспорядкамъ и сумятицамъ, которые характеризовали первоначальную дѣятельность общества Краснаго Креста. Каждое новое, небывалое дѣло, особенно многосложное и особенно у насъ, у русскихъ, не избѣгнетъ ни сумятицы, ни путаницы, ни недоразумѣній. Слѣдовательно, и тѣ столкновенія, какія происходили въ началѣ при устройствѣ барачковъ, и послѣдующія сумятицы на желѣзныхъ дорогахъ при поѣздахъ раненныхъ, когда имъ не давали ни чая, ни хлѣба, не дѣлали перевязокъ, не представляютъ такой особенной важности, чтобы слѣдовало ими возмущаться, обвиняя Красный Крестъ чуть-ли не въ злодѣяніяхъ. Мы не отрицаемъ, что о больныхъ и раненныхъ можно было-бы позаботиться больше; мы не отрицаемъ, что нельзя было перевозить больныхъ на голомъ полу; нельзя было допускать ихъ до того, чтобы они отмораживали себѣ руки и ноги; мы не отрицаемъ, что нельзя было не кормить ихъ по два и по три дня; но мы говоримъ, что не въ этомъ душа вопроса. Конечно, человѣколюбивое чувство имѣетъ полное право скорбѣть отъ подобныхъ невниманій; но вѣдь на войнѣ солдатамъ приходилось выносить гораздо больше. Жить по цѣлымъ мѣсяцамъ въ траншеяхъ, въ сухъ аряхъ, да еще и заплесневѣвшихъ, конечно, потруднѣе, чѣмъ путешествіе въ товарныхъ вагонахъ даже и безъ особенныхъ санитарныхъ приспособленій. Еще разъ повторимъ, что такъ-какъ мы не пишемъ ни обвиненій, ни оправданій Красному Кресту, а только констатируемъ факты и хотимъ ихъ выяснять, то и все неустройство, и характеръ случайности, который обнаружилъ Красный Крестъ въ своихъ дѣйствіяхъ, неумѣлость, непредусмо-

трительность, даже отсутствіе строго-опредѣленнаго систематическаго плана поведенія и подробно-разработанной программы съ соотвѣтственными практическими средствами для ея выполненія, не составляютъ для насъ перваго вопроса. Главный вопросъ не въ доброжелательной идеѣ и не въ чувствѣ человѣколюбія. И то, и другое настолько растяжимы, что, какъ мы уже и видѣли на опытѣ, излишнее человѣколюбіе можетъ привести къ устройству такихъ санитарныхъ поѣздовъ, съ шелкомъ, бархатомъ, электрическими звонками, зеркалами и бронзой, въ какихъ не ѣзжали и аристократическія особы. При слишкомъ порывистомъ человѣколюбіи и такой-же фантазіи можно дойти даже до желанія устроить для больныхъ и раненыхъ сады Семирамиды. И устраивайте, если у васъ есть для этого средства. Но въ томъ-то и вопросъ, что при всемъ непомерномъ чувствѣ человѣколюбія, которое готово было выразиться въ частной благотворительности, дѣйствительное выраженіе его оказалось далеко ниже требованій, предъявленныхъ те-перешней войной. Напримѣръ, изъ второй статьи мы узнаемъ, что со времени приготовленія къ войнѣ и по октябрь Краснымъ Крестомъ израсходовано 4,600,000 р., состоитъ на лицо 3,000,000 р., заявлено, но еще не поступило 2,800,000 р. а всего 10,400,000 р. Нужно прибавить, что военное министерство платитъ за каждаго больного въ день по 40 к. и платитъ за наемъ вагоновъ и ихъ пробѣгъ. Какъ велика вся сумма взносовъ военнаго министерства, мы не знаемъ, но думаемъ, что она должна порядочно сократить размѣръ частной денежной благотворительности. Итакъ, мы дали Красному Кресту 10 мил., считая тутъ-же и деньги военнаго министерства. Нѣмцы во время франко-прусской войны собрали на раненыхъ 21 миліонъ рублей, а американцы въ междоусобную войну—125 мил. долларовъ. Чтобы эти цифры были яснѣе, мы сдѣлаемъ слѣдующее сопоставленіе. Въ Германіи 40 мил. жителей и они дали 21 миліонъ. У насъ 80 миліоновъ жителей и мы дали 10 миліоновъ. Чтобы пожертвованія нашего общества сравнялись съ жертвованіями нѣмцевъ, намъ-бы слѣдовало внести 40 мил. Въ Америкѣ 35 мил. жителей, собрано 125 мил. долларовъ, т. е. каждый житель далъ 3½ долара, а намъ, чтобы сравниться съ американцами, пришлось-бы дать вмѣсто 10 мил. 320 мил. Предположите, что Красный Крестъ владѣетъ этой суммой. Полагаете-ли вы, что онъ не сумѣлъ-бы устроить не только порядка и роскоши, не завалилъ-бы лазаретовъ всякими консервами и голландскимъ бѣльемъ? У него достало-бы денегъ не только на устройство изумительныхъ санитарныхъ поѣздовъ, но и на проведеніе второго ряда рельсовъ, въ недостаткѣ которыхъ и заключается



главная причина, какъ говорятъ, мизерной перевозки больныхъ, которымъ приводилось валяться на голомъ полу безъ соломы.

Изъ того-же источника мы узнаемъ, что денегъ, которыми располагаетъ Красный Крестъ, хватить ему не надолго. Издержки Краснаго Креста идутъ въ возрастающей прогрессіи, а не въ убывающей. Съ наступленіемъ зимы и съ предстоящими рѣшительными сраженіями расходы должны увеличиться значительно. А между тѣмъ изъ 3-хъ миліоновъ, считающихся наличными, въ распоряженіи главнаго управленія находятся 880 тысячъ. Изъ ожидаемыхъ 2,800,000 р. на долю главнаго управленія поступить только 1,800,000. Всего 2,680,000. Въ приходѣ-же по главному управленію было за сентябрь 193,000. Принимая эту цифру за будущій ежемѣсячный приходъ, а за норму расхода—нѣсколько увеличенные расходы августа и сентября, или 800,000, получимъ выводъ крайне неутѣшительный, а именно, что въ февралѣ мѣсяцѣ все средства главнаго управленія изсякнутъ. Хорошо, если къ этому времени кончится война, а если нѣтъ? А если оправдается предсказаніе американца, высказанное имъ, когда мы еще не переступали Дуная, что война протянется два года, или, еще хуже, предсказаніе Мольтке, что война протянется четыре года? Понятно, на-сколько интересующіеся дѣломъ Краснаго Креста пугаются такой перспективы и призадумываются серьезно надъ присканіемъ источниковъ для пополненія казны общества. Вѣдь не о Красномъ Крестѣ мы заботимся: мы заботимся о десяткахъ тысячъ новыхъ раненыхъ и новыхъ больныхъ. Французско-прусская война стоила однимъ нѣмцамъ 100,000 народа. У насъ вычеркнуто изъ списковъ почти 75,000 и это только въ началѣ войны. Ну, а если оправдается пророчество Мольтке и теперешніе 10 мил., истраченные Краснымъ Крестомъ, придется помножить на четыре? Гдѣ мы возьмемъ эти 40 мил.? Явилось два мнѣнія. По мнѣнію однихъ, Красный Крестъ долженъ сократить расходы; по мнѣнію другихъ, онъ долженъ обратиться къ народной помощи.

Сокращеніе средствъ вызвало въ печати возраженіе, но возражатели едва-ли правы. Учрежденія Краснаго Креста, если и не отличаются особенною изысканностью и роскошью, то, съ другой стороны, и нельзя сказать, чтобы они не допускали экономіи. Экономія можетъ быть сдѣлана на всемъ: тѣ-же венгерскія телѣги, тѣ-же приспособленія г. Завадскаго могутъ быть сдѣланы дешевле. Можетъ быть нѣсколько сокращено и содержаніе больныхъ, уже потому, что въ военныхъ госпиталяхъ тратится на нихъ въ половину меньше. Сократить расходы Краснаго Креста вовсе не значитъ лишить раненыхъ необходимаго или бросать раненыхъ на полѣ сраженія безъ всякаго ухода. Значить, нечѣмъ и возмущаться, нечего и предполагать, что сокращеніе приведетъ къ какимъ-ни-

будь ужасамъ. Кто-же не знаетъ, что Крестъ при постройкѣ, на-примѣръ, бараковъ и арендованіи земли, при наймѣ квартиръ подъ лазареты тратилъ больше, чѣмъ нужно, и что спекуляторы пользовались этой щедростью, отдавая за 1,000 р. дома, стоявшіе пустыми и неприписавшіе ни копейки дохода? Слѣдовательно, ясно, что сокращеніе возможно. Но главная рѣчь не объ этомъ; рѣчь о томъ, что если къ февралю всё средства Краснаго Креста изсякнутъ, можетъ-ли экономія, сдѣланная въ послѣдніе три мѣсяца, дать на февраль, на мартъ и т. д. по 800.000 рублей? Ясно, что нѣтъ. Слѣдовательно, экономія не достигнетъ цѣли.

Но и народная помощь дасть-ли Кресту то, что ему нужно, если война протянется только одинъ годъ? Изъ поступленій денежныхъ пожертвованій въ Красный Крестъ извѣстно, что самыя крупныя пожертвованія далъ „общественный сундукъ“. Петербургъ далъ 1 мил., Москва дала 1 мил., клубы, банки, земства, городскія, мѣщанскія, ремесленныя и дворянскія общества дали больше 2-хъ миліоновъ. Что-же касается кружечнаго сбора и отдѣльных частныхъ пожертвованій, собранныхъ при посредствѣ мѣстныхъ управленій, волостныхъ правленій и всякихъ канцелярій, то ихъ, напр., въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ собралось всего нѣсколько болѣе 200,000 руб. И это явленіе повторяется вовсе не съ одною кассою главнаго управленія; въ мѣстныхъ отдѣлахъ то-же самое. Пожертвованія съ сентября повсюду уменьшились, и что-бы ни говорили сторонники народной помощи, а дающая рука значительно оскудѣла, но вовсе не оттого, что сердобольное чувство ослабѣло, чтобы народъ относился хладнокровнѣе къ больнымъ и раненымъ, а просто потому, что, во-первыхъ, и съ самаго начала народъ не проявлялъ такого энтузіазма, какъ люди, завѣдующіе общественнымъ сундукомъ; а во-вторыхъ, что онъ и самъ настолько нуждается и бѣденъ, что рѣдкая народная копейка едва-ли дасть все то, что нужно Красному Кресту. Наконецъ, будемъ говорить правду. Зат.нузшаяся война слишкомъ всёхъ натомила, общій интересъ къ ней значительно ослабѣлъ и дѣлается она какимъ-то хроническимъ недугомъ. Конечно, можно надавливать на народъ и дѣйствовать на него черезъ канцеляріи, исправниковъ, волостныя правленія, но такое надавливаніе измѣнитъ совершенно весь характеръ народной помощи и превратитъ ее изъ добровольной въ обязательную, изъ жертвы въ налогъ.

На-сколько мы сами не увѣрены въ нашихъ денежныхъ источникахъ, убѣждаютъ тѣ хитроумныя измышленія, которымъ мы отдаемъ, придумывая разныя средства для продолженія войны, для помощи Краснаго Креста и для вдовъ и сиротъ убитыхъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, напр., взывали къ разнымъ старуш-

камъ и дамамъ, предлагая имъ жертвовать свои сережки, записки, лишнее серебро; другіе желали, чтобы каждый сократилъ свой обѣдъ на одно блюдо и эту экономію принесъ-бы на алтарь отечества; третьи предлагали дамамъ носить вмѣсто шелковыхъ шерстяныя платья, а экономію въ видѣ лепты опять нести на алтарь отечества. Наконецъ, нѣкто помѣстилъ въ „Голосъ“ финансовый проектъ для обезпеченія средствъ попечительства о вдовахъ и сиротахъ павшихъ воиновъ. Авторъ проекта обращается, конечно, къ чувствамъ и къ моральнымъ побужденіямъ и прежде всего не сомнѣвается въ томъ, что „и мы, и дѣти наши, и внуки, и самое отдаленное потомство, и исторія наша не забудутъ павшихъ на полѣ брани за честь и славу родины и за освобожденіе угнетенныхъ слабыхъ братьевъ нашихъ во Христѣ, а церковь наша будетъ изъ вѣка въ вѣкъ возносить молитвы къ Всевышнему объ упокоеніи ихъ душъ“. Изъ этого авторъ проекта заключаетъ, что если ни церковь, ни исторія не забудутъ убитыхъ, а хоронятъ ихъ нынче просто, сваливая въ одну яму десятки и сотни безъ ненужныхъ, но дорогихъ и пышныхъ погребальныхъ церемоній, то и каждому изъ насъ слѣдуетъ отбросить свою земную гордость, бесполезную передъ Богомъ, и каждому, кому придется умереть, слѣдуетъ распорядиться заранѣе, чтобы его похоронили какъ можно проще. Если допустить, что похороны должны требовать расхода не болѣе 250 р. и если вычестъ эту сумму изъ издерживаемыхъ зачастую на церемоніалъ нѣсколькихъ тысячъ рублей, „то составилъ-бы громаднѣйшій капиталъ, который значительно облегчилъ-бы обществу въ уплатѣ его долга осиротѣвшимъ семействамъ воиновъ“. Но чтобы и чувство тщеславія и земной гордости было-бы удовлетворено, авторъ предлагаетъ, чтобы за гробомъ жертвователя несли флагъ Краснаго Креста. Курьезность этого проекта, конечно, не въ иллюзіи расчета на какія-то особенныя чувства, а въ самой его финансовой несостоятельности. Авторъ обращается къ такимъ будущимъ покойникамъ, расходы погребенія которыхъ могутъ стоить 1,000 р. и болѣе. Конечно, автору извѣстенъ законъ смертности и рожденій; онъ знаетъ, что у насъ въ Россіи, гдѣ смертность очень велика, умираетъ по деревнямъ отъ 30 до 35 на 1,000. Въ городахъ умираетъ меньше, и меньше всего ихъ умираетъ между тѣми, кто можетъ тратить на похороны по 1,000 и болѣе рублей. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, сколько у насъ такихъ тысячныхъ тузовъ, а, въ-третьихъ, на сколько человѣкъ можно разсчитывать, что они постараются умереть въ пользу семействъ убитыхъ воиновъ? Хотя въ сей моментъ мы и не имѣемъ подъ руками цифръ для точнаго разсчета, но даже приблизительно можемъ утверждать, что ни для вдовъ и си-

ротъ, ни для Краснаго Креста смерть тысячниковъ не оказалась бы существенно полезной. На-сколько этотъ проектъ не возбудилъ къ себѣ сочувствія, видно изъ того, что съ 19-го декабря, когда проектъ явился въ печати, и по настоящій день, ни Петербургъ, ни другой городъ Россіи не видѣлъ погребальной процесіи, за которой-бы несли флагъ Краснаго Креста.

Каждому дѣлу прежде всего долженъ предшествовать расчетъ, а въ дѣлѣ помощи—денежная смѣта. Мысль о томъ, чтобы обезпечить вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ, не могла не встрѣтить общаго сочувствія, и когда открылось главное попечительство, начались, какъ и вначалѣ на Красный Крестъ, усиленныя приношенія и пожертвованія. По 1-е ноября собрано всего 329,216 р. 94½ к. и двѣ квитанціи сербскаго 6% займа, по 15 р. каждая. Въ этихъ взносахъ наибольшая доля участія принадлежитъ Государынѣ Императрицѣ, отъ которой поступило 302,153 р. Были еще крупныя пожертвованія—отъ нижегородскаго ярмарочнаго купечества въ 4,020 р., отъ г. Любимова — 3,000 р., отъ гр. Паниной—5,000 р., а все остальное составляетъ пяти, трехъ, одно-рублевый сборъ. Сколько-же нужно попечительству, чтобы не только обезпечить содержаніе всѣхъ вдовъ и сиротъ, но обезпечить и воспитаніе дѣтими? Точно разрѣшить этотъ вопросъ, конечно, мудрено. Предполагая, однако, что война затянется, предполагая, что число убитыхъ, изувѣченныхъ и лишившихся возможности работать будетъ тысячь сто человекъ, что нисколько не противорѣчитъ статистикѣ франко-прусской войны и теперешнимъ кровопролитіямъ; предполагая изъ этого числа четверть женатыхъ и у нихъ по одной вдовѣ съ ребенкомъ, получимъ 25,000 вдовъ, 25,000 сиротъ, да тысячь пятьдесятъ искалѣченнаго народа, который будетъ тоже нуждаться въ помощи. Одна изъ земскихъ управъ назначила на содержаніе вдовъ 2 р. въ мѣсяць. Принимая эту цифру и для сиротъ, и для инвалидовъ, получимъ такой расчетъ: 25,000 вдовъ, 25,000 сиротъ, 50,000 инвалидовъ=100,000×24=2,400,000 въ годъ. Капитализируя эту сумму изъ 5%, получимъ 48,000,000. Но это еще не все. На воинѣ окажутся убитыми массы офицеровъ, женамъ которыхъ будетъ производиться не 24-хъ-рублевая пенсія. О воспитаніи ихъ дѣтей тоже ужь поднять вопросъ и въ одномъ педагогическомъ собраніи даже обсуждалось, какого рода помощь должна быть имъ оказана. Для того, чтобы не увеличивать расчета, мы не введемъ этого расхода въ нашъ расчетъ да готовы и тѣ цифры, которыя привели выше, сократить на половину. Въ такомъ случаѣ все-таки потребуется 24,000,000. Кто-же не знаетъ, какъ энергично собирались деньги для Краснаго Креста и все-таки, увы! явилась боязнь, что средства его изсякнутъ и будетъ

нечѣмъ ихъ пополнить. Подобной энергіи при собираніи денегъ въ пользу вдовъ и сиротъ убитыхъ мы не ожидаемъ, потому что, если она не явилась вначалѣ, то ужь, конечно, не явится впоследствии. На-сколько это предположеніе вѣрно и на-сколько само правительство не довѣряетъ частнымъ пожертвованіямъ, какъ прочному и неистощимому источнику, служить доказательствомъ „высочайше утвержденныя временныя правила объ учрежденіи попечительствъ для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ“.

По этимъ правиламъ попечительства устраиваются для такихъ семействъ и лицъ, которыя, вслѣдствіе призыва на военную службу *родственникововъ*, доставлявшихъ имъ средства къ жизни, будутъ нуждаться въ посторонней помощи. Если окажется возможнымъ, то пособія также выдаются лицамъ и семействамъ, которыя впадутъ въ крайнюю нужду *вслѣдствіе вліянія войны*. Учрежденіе такихъ попечительствъ необязательно; они, какъ сказано въ правилахъ, „могутъ“ учреждаться. Далѣе попечительства состоятъ изъ проживающихъ въ данной мѣстности лицъ обоого пола, „изъявившихъ готовность“ содѣйствовать дѣлу учрежденія. По заявленіи нѣсколькими лицами „желанія“, губернаторъ даетъ разрѣшеніе, а лицамъ, которымъ будетъ дано полномочіе производить сборъ, выдаются книжки за шнуромъ и печатью — въ уѣздахъ земской управой, а гдѣ не имѣется земскихъ учреждений — земской полиціей, въ городахъ — городскимъ управленіемъ, а гдѣ ихъ нѣтъ — городскимъ головою.

Въ этихъ правилахъ нельзя не обратить вниманія на то, что помощь предполагается оказывать не только тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ война отняла работниковъ, но и тѣмъ лицамъ, которыя впадутъ въ нужду вслѣдствіе вліянія войны. Пунуть этотъ очень важенъ уже по одной своей растяжимости и потому, что вліяніе войны признано впервые официально, какъ экономической факторъ. Но что значить вліяніе войны и кто судья этого вліянія? Судьями сдѣланы попечительства, т. е. сами тѣ, кто будетъ оказывать помощь. Вліяніе войны, конечно, можетъ быть очень широко; напр., по изслѣдованію Я. Соловьева, оказывается, что смоленская губернія даже въ 50-хъ годахъ не оправилась отъ вліянія 12-го года. „Times“ говоритъ, что вліяніе теперешней войны будетъ чувствоваться въ Россіи двадцать лѣтъ, и въ этомъ, намъ кажется, нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія, если имѣтъ въ виду, какими послѣдствіями сопровождалась франко-прусская война на такія сильныя государства, какъ Франція и Германія. Конечно, это вліяніе обнаружится на общей экономической дѣятельности Россіи, о которой можно судить по итогам сельско-хозяйственной и фабричной промышленности и по итогам вывоза и ввоза. Но оно обнаружится

и на личномъ, частномъ хозяйствѣ лицъ, которыя, повидимому, а можетъ быть и въ дѣйствительности, не принимаютъ участія въ этихъ итогахъ. Если это дѣленіе принять за основаніе, то задача попечительства не будетъ особенно трудна, но за то и обнаружится, что въ Россіи существуетъ цѣлая группа людей, личныя и производительныя средства которыхъ стоятъ далеко ниже ихъ потребностей, т. е. классъ неимущихъ или бѣдныхъ людей, нуждающихся въ общественной помощи. Необходимость этой общественной помощи до сихъ поръ не признавалась официально; теперь она признана, по крайней мѣрѣ, настолько, что если въ данной мѣстности явятся нуждающіеся люди вслѣдствіе вліянія войны, то *могутъ* учреждаться особыя мѣстныя попечительства. Правительство, конечно, и не могло выставить другого условія и провозгласить обязательнымъ то, что можетъ составлять лишь заботу общества. Но эта забота, однако, признана официально, она допущена, ей придано юридическое и даже законодательное значеніе.

Другое обстоятельство, на которое нельзя не обратить вниманія, это то значеніе, которое придается земству. Лица, которымъ разрѣшено производить сборъ, снабжаются книжками отъ уѣздныхъ земскихъ управъ. Еще точнѣе указано на обязанности земства въ высочайшемъ повелѣніи „о призрѣніи чиновъ запаса и ратниковъ государственнаго ополченія, призванныхъ въ военное время на службу“. Жены и дѣти призваннаго на службу, *къ какому-бы обществу, сословію или состоянію они ни принадлежали*, имѣютъ право получать: отъ города или селенія, въ которомъ проживаютъ, бесплатное помѣщеніе съ отопленіемъ, если не имѣютъ собственнаго жилища или дароваго пріюта, и отъ земства, въ предѣлахъ котораго находятся на жительствѣ, продовольствіе натурою или деньгами, полагая на каждое призрѣваемое лицо безъ различія возраста не менѣе 1 п. 28 ф. муки, 10 ф. крупы и 4 фунт. соли въ мѣсяць.

Здѣсь весьма точно обозначено обязательство земства призрѣвать бѣдныхъ, и если пока это обязательство распространяется лишь на лицъ, потерпѣвшихъ отъ войны, то въ этомъ нужно видѣть только какъ-бы начальную переходную мысль, настолько же переходную, какъ и самая форма помощи, соединяющая денежную и натуральную помощь. Такъ земство помогаетъ помѣщеніемъ съ отопленіемъ, выдачею муки, крупы, соли, но можетъ замѣнить все это и деньгами. Впрочемъ, для нашей цѣли и не составляетъ особенно важнаго вопросъ о формѣ помощи, потому что это не больше, какъ вопросъ времени. И другія натуральныя повинности у насъ не перешли еще въ денежныя, но онѣ непременно перейдутъ съ развитіемъ народной производительности, а слѣдовательно

помощь бѣднымъ, которая практикуется въ видѣ подаванія натурой, должна будетъ принять ту-же денежную форму. Мы отмѣчаемъ лишь тотъ фактъ, что помощь бѣднымъ, имѣвшая до сихъ поръ исключительно личный характеръ, стремится принять не только добровольно-общественный, но и обязательный. Таеь, помощь обязательна лицамъ, потерпѣвшимъ отъ войны, и дѣятельнымъ агентамъ при этомъ является земство.

Обращеніе къ земству есть неизбѣжное послѣдствіе той невозможности протянуть руку помощи бѣднымъ, если это дѣло будетъ являться чѣмъ-то личнымъ, раскинутымъ, несосредоточеннымъ, какъ оно было до сихъ поръ.

Не нужно-ли думать, что и средства Краснаго Креста изсякаютъ только потому, что они имѣютъ чисто-личный, благотворительный характеръ и зависятъ отъ чувствъ, а не принимаютъ строгаго характера общественно-государственнаго обязательства? Потому, что все зависѣло отъ увлеченія, а не являлось обязательнымъ долгомъ, Красный Крестъ, собравъ 10 мил., рискуетъ къ февралю мѣсяцу не имѣть ничего. Если-бы деньги, поступающія въ вѣденіе Краснаго Креста, являлись-бы къ нему изъ государственнаго казначейства, то, конечно, подобной непредвидѣнной неприятности случиться-бы не могло. Предположите, что средства Краснаго Креста къ февралю дѣйствительно изсякнутъ или уменьшатся на половину, т. е. вмѣсто 800,000 составить 400,000. Такъ-какъ нельзя-же оказать помощь только половинѣ больныхъ и раненыхъ, или однимъ больнымъ, или однимъ раненымъ, то ясно, что недостающая помощь будетъ оказана правительствомъ. Вѣдь и нынче военное министерство даетъ по 40 коп. въ день на каждаго призрѣваемаго Краснымъ Крестомъ и платитъ за ихъ перевозку. Слѣдовательно, и теперь помощь оказывается почти на половину правительствомъ. Далѣе извѣстно, что самыя крупныя пожертвованія были сдѣланы изъ общественнаго сундука, т. е. изъ такихъ суммъ, которыя собираются земствомъ и городами въ видѣ обязательнаго налога. Если вмѣсто этой смѣшанной помощи, имѣющей характеръ личной, общественной и правительственной, явится единство и благотворящее лицо замѣнится помощью общества, но не благотворительной, не милостыней, какъ нынче, а обязательной, съ государственно-общественнымъ характеромъ, то весь вопросъ получить совсѣмъ иной характеръ. Это уже не будетъ повтореніемъ тѣхъ подачекъ, какія дѣлали и дѣлаютъ сердобольные купцы и купчихи, а вопросъ о бѣдности явится вопросомъ, какъ его понимаетъ и какъ его выработала Европа. Во Франціи, напр., вопросъ о бѣдныхъ разрабатывался очень серьезно со времени Людовика XIV, и разные пробы, опыты и попытки, въ

особенности сдѣланные Наполеономъ I, привели къ тому, что личная благотворительность и личная помощь признаны недействительными и помощь бѣднымъ объявлена государственно-общественной обязанностью. И намъ не избѣгнуть подобнаго-же вывода.

Если-бы содѣйствіе Красному Кресту оказало государственное казначейство, то въ томъ миліардѣ, который теперь уже истраченъ на войну, 10 мил. на больныхъ и раненыхъ оказались-бы совершенно каплей въ морѣ. Но тѣ-же 10 мил., собранные посредствомъ частныхъ пожертвованій, составляютъ весьма чувствительную сумму для общества и нѣтъ ничего мудренаго, что дающая рука начала оскудѣвать. Относительно помощи вдовамъ и сиротамъ можно сказать то-же самое. Если для нихъ потребуется 2,400,000 въ годъ, если для этого придется собрать особенный фондъ въ 48,000,000, то нечего и говорить, что намъ этихъ денегъ никогда не собрать. Но если 2,400,000 будутъ идти изъ расходовъ государственнаго казначейства и собираться въ формѣ налога, то, не говоря уже про полную увѣренность, что бѣдные будутъ обеспечены, но и самое собираніе денегъ въ видѣ налога для бѣдныхъ или-же отдѣленіе отъ другихъ источниковъ не представитъ особеннаго затрудненія.

Намъ возражать, почему мы указываемъ на государственный бюджетъ и помощь бѣднымъ включаемъ въ государственную смету? Намъ скажутъ, что помощь должна быть общественной и составлять обязательство земства. Это совершенно вѣрно. Но нужно замѣтить, что до сихъ поръ у насъ еще не установились строгія финансовыя отношенія между правительственнымъ финансовымъ хозяйствомъ и земскимъ. Земство признается такимъ подспорьемъ, къ которому правительство обращается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда расходы его не составляютъ прямой правительственной сметы. Но въ то-же время земству не предоставлено соотвѣтствующаго широкаго права увеличивать свои доходы посредствомъ обложенія имуществомъ и единственнымъ источникомъ земскихъ доходовъ является земля. Такъ-какъ земскіе доходы ограничены, а между тѣмъ обязательства земства производить тѣ или другіе расходы являются иногда совершенно неожиданно, какъ, напр., нынче относительно вдовъ и сиротъ, то ясно, что этотъ вопросъ не больше, какъ часть того вопроса о налогахъ и реорганизаціи всей нашей финансовой системы и государственнаго народнаго хозяйства, который выступаетъ теперь на очередь, вызванный потребностями войны.

Мы очень хорошо понимаемъ, что Красный Крестъ не долженъ-бы черпать своихъ средствъ непосредственно изъ государственной кассы, точно также какъ и тѣ вдовы и сироты, для



которыхъ потребуются теперь новые миліоны. Это дѣло общества, это дѣло земства, это не дѣло органовъ правительства. Но сущность вопроса не въ этомъ; сущность въ томъ, что всѣ налоги, какъ-бы они ни раздѣлялись государственнымъ финансовымъ хозяйствомъ, будутъ-ли они поступать въ государственное казначейство, въ земскій сундукъ, въ городской, въ попечительство о бѣдныхъ, въ попечительство о раненыхъ,—всѣ они берутся изъ того же народнаго кошелька и плательщикомъ является то-же общество, тотъ-же народъ, то-же промышленное сословіе. Распределеніе собранныхъ денегъ по тѣмъ или другимъ сундукамъ — не больше, какъ механическій трудъ. Весь вопросъ въ томъ, что въ числѣ обще-русскихъ расходовъ на государственныя, земскія нужды является еще одна новая небывалая статья—помощь бѣднымъ, которая, наконецъ, должна сложиться въ правильно-организованный налогъ, въ налогъ, признанный громко, офиціально, утвержденный правительственною властію—въ налогъ для бѣдныхъ. При предстоящемъ разрѣшеніи податнаго вопроса, конечно, подобный налогъ, или, какъ желаютъ другіе, классная подать, не явятся новой надбавкой на тѣхъ, кто и теперь уже обремененъ платежами, и не выразится въ привлеченіи къ платежамъ владѣльцевъ бумагъ, а охватитъ гораздо шире. Податной вопросъ явится, конечно, новой системой финансоваго управленія, основанной уже на рациональныхъ началахъ государственно-народнаго хозяйства. Всякое иное разрѣшеніе едва-ли приведетъ къ благотворнымъ результатамъ и едва-ли вызоветъ къ дѣятельности новые источники народной производительности. Въ этомъ смыслѣ мы, не придавая особенной важности строгому опредѣленію мѣста, которое долженъ получить налогъ въ пользу лицъ, пострадавшихъ отъ войны, указываемъ на него, какъ на неизбѣжный налогъ для бѣдныхъ, который долженъ явиться нашимъ обязательнымъ народнымъ расходомъ. Что-же касается того мѣста, которое будетъ ему отведено общимъ финансовымъ хозяйствомъ, и на-сколько будутъ расширены податныя права земства, на-сколько экономія собственно правительственныхъ и государственныхъ расходовъ дастъ возможность удовлетворить многимъ народнымъ нуждамъ, можетъ быть, даже безъ новаго народнаго обложенія,—вопросовъ этихъ мы не касались. Мы хотѣли только констатировать тотъ фактъ, что помощь бѣдности, вызванная обстоятельствами войны, не достигнетъ своей цѣли ни въ дѣятельности Краснаго Креста, ни въ попечительствахъ о вдовахъ, сиротахъ и родственникахъ убитыхъ, пока она будетъ зависѣть отъ случайной частной благотворительности отдѣльныхъ лицъ: что она должна быть организована въ нѣчто твердое и прочное, систематическое; что она должна быть обезпечена постоянными,

неколеблющимися взносами и что, начавшись нынче съ помощи  
лицамъ, потерпѣвшимъ отъ войны, она необходимо своей собствен-  
ной внутренней логикой разовьется, наконецъ, въ общественно-го-  
сударственную помощь бѣднымъ и вопросъ о бѣдныхъ сдѣляется,  
наконецъ, такимъ-же отдѣломъ государственнаго хозяйства, какимъ  
былъ до сихъ поръ вопросъ о богатыхъ. Богатые не могли не служить  
предметомъ заботливости, ибо они изображали изъ себя платеж-  
ную силу. Въ этомъ смыслѣ бѣдные и нищій, какъ обратная  
сторона медали, заслуживаютъ не меньшаго вниманія. Государствен-  
ный интересъ, если онъ заключается только въ одномъ томъ, что-  
бы усиливать платежные источники и увеличивать податную силу  
платящихъ, уже и съ одной этой точки зрѣнія не можетъ не при-  
знать, насколько важно превратить податную неспособность въ  
податную способность, увеличивающую государственныя средства.  
Очень можетъ быть, что въ такой болѣе широкой постановкѣ и  
не будетъ сдѣлано предстоящее разрѣшеніе нашего податного во-  
проса, но ни теоретически, ни практически мы не находимъ при-  
чинъ, чтобы онъ не могъ быть разрѣшенъ въ этомъ направленіи.

## Н. Ш.

## ВОЕННАЯ ХРОНИКА.

Со взятіемъ Плевны окончился третій, оборонительный, періодъ настоящей войны, начавшійся послѣ нашей второй неудачи подъ Плевной, 18 августа. Если-бъ это важное событіе,—взятіе въ плѣнь арміи Османа-паши, надѣлавшей намъ много хлопотъ и вырвавшей много храбрыхъ изъ строя нашихъ войскъ, — если-бъ это событіе случилось мѣсяцемъ ранѣе, оно привело-бы, по всей вѣроятности, къ самымъ рѣшительнымъ результатамъ. Турція, лишившаяся двухъ армій,—одной подъ Плевной, другой въ Малой Азіи,—не въ силахъ была-бы оказать большого сопротивленія быстрому и рѣшительному наступленію нашихъ войскъ къ Адрианополю. Теперь иное дѣло: по сообщенію официальной телеграммы, въ Балканахъ выпалъ глубокій снѣгъ и стоятъ 20-градусные морозы; въ долинахъ тоже не особенная благодать: снѣгъ, можетъ быть, и не такъ глубокъ, но морозы доходятъ до 18°. При такихъ климатическихъ условіяхъ воевать не легко; наступательныя дѣйствія до крайности затруднительны. Скажутъ, бывали примѣры зимнихъ кампаній: во время Прейсишъ-эйлаускаго сраженія падалъ снѣгъ хлопьями и морозъ стоялъ такой чувствительный, что у многихъ солдатъ и въ русской, и во французской арміи оказались отмороженными пальцы на рукахъ и ногахъ; Барклай-де-Толли перешелъ черезъ ледъ по Ботническому заливу. Можно представить еще не мало фактовъ изъ военной исторіи, доказывающихъ, что зимняя кампанія не только возможна, но иногда даже приводитъ къ особенно-благоприятнымъ результатамъ. Все это вѣрно, но что возможно и удобно на равнинѣ или на льду залива или, еще болѣе, въ странѣ густонаселенной, съ хорошими путями сообщенія, въ странѣ граждански-развитой, — можетъ быть даже пагубнымъ въ горной странѣ, лишенной сносныхъ путей сообщенія и гражданского развитія. Снѣжные заносы въ Балканахъ бывають такъ велики, что бук-

важно образуютъ собою горы. Преодолѣть всѣ эти препятствія, конечно, возможно, но какихъ усилій это потребуетъ! Вопросъ теперь въ томъ, что выгоднѣе: идти-ли съ возможной быстротой впередъ и постараться извлечь скорѣе результаты отъ одержанной побѣды или-же ожидать наступленія болѣе благоприятной погоды, что послѣдуетъ черезъ мѣсяць отъ настоящаго числа, слѣдовательно, почти черезъ два послѣ взятія Плевны? А два мѣсяца въ военное время въ третьей четверти XIX столѣтія — это вѣкъ. Паника, естественно овладѣвшая турецкою арміею послѣ такихъ потерь, какъ Карсъ и Плевна, пройдетъ; турецкое правительство не будетъ сидѣть сложа руки и постарается воспользоваться льготнымъ временемъ для пополненія убыли въ войскахъ и сформирования резервовъ; и если ему удастся достигнуть этой цѣли, наша армія на своемъ пути къ Адрианополю можетъ встрѣтить нѣсколько укрѣпленныхъ позицій, которыя придется брать съ боя, что всегда бываетъ сопряжено съ значительными потерями. На какомъ планѣ остановился главный штабъ — неизвѣстно. Ходятъ слухи, что на всѣхъ пунктахъ расположенія нашихъ войскъ на болгарскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій происходятъ передвиженія, что можетъ одинаково свидѣтельствовать и о намѣреніи перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и о сдѣланномъ распоряженіи занять зимнія квартиры. Корреспонденты какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ газетъ безмолвствуютъ на этотъ счетъ; впрочемъ, они дѣлаютъ намеки, что имъ извѣстно кое-что, о чемъ говорить еще несвоевременно. Они проговариваются только о томъ, что рѣшено занять Софію. Если это состоится въ скоромъ времени, то турецкому виддинскому корпусу, сражающемуся съ сербами, можетъ угрожать очень серьезная опасность.

Хотя сербы приняли участіе въ войнѣ позже, чѣмъ отъ нихъ этого ожидали, но своимъ вмѣшательствомъ значительно усилили шансы къ скорѣйшему заключенію мира. Ихъ диверсія къ Нишу, конечно, нисколько не ослабила турецкой арміи, дѣйствовавшей противъ русско-румынскихъ войскъ, но за то она заставила турокъ бросить на произволъ судьбы Боснію и Герцеговину, облегчила черногорцамъ дальнѣйшія наступательныя дѣйствія. Въ этомъ отношеніи вмѣшательство сербовъ плодотворно. Порицать-же ихъ за позднее приступленіе къ союзу противъ турокъ, какъ сдѣлали нѣкоторыя наши газеты, неосновательно. Сербы должны были выжидать, не имѣя возможности дѣйствовать, потому что несвоевременное открытіе военныхъ дѣйствій легко могло окончиться для нихъ весьма плачевно. Во время войны трудно заранѣе рассчитывать на удачу. Пока въ Плевнѣ стояла армія Османа-паши, сербы могли основательно опасаться вторженія турокъ въ Сербію и по-

вторенія прошлогодняго разоренія. Сербы поступили, можетъ быть, не по-рыцарски, не вполне великодушно, но, во всякомъ случаѣ, благоразумно.

Никто, конечно, у насъ не сомнѣвается въ важномъ значенія сдачи въ плѣнъ арміи Османа-паши и занятія нами Плевны. Одѣнка этому событію выразилась въ томъ восторгѣ, съ каковымъ принялъ весь русскій народъ извѣстіе о немъ. Но, увлекаясь побѣдой, не слѣдуетъ преувеличивать ея результатовъ. Этой побѣдой мы только исправили нашу ошибку, сдѣланную въ началѣ іюля, когда мы начали быстрое наступленіе, не озаботившись вполне обезпечить свой правый флангъ. Мы могли помѣшать туркамъ и не помѣшали воздвигнуть на нашемъ флангѣ сильно-укрѣпленную позицію, почти крѣпость. Взявъ эту позицію, мы возвратились въ то положеніе, въ какомъ находились передъ нашими первыми неудачами подъ Плевной. Безъ сомнѣнія, наше положеніе значительно лучше, чѣмъ въ то время. Наша армія, уже обстрѣленная, въ настоящее время значительно превосходитъ своей численностію армію въ началѣ іюля, большая часть которой еще не бывала въ огнѣ. Съ турецкой арміей случилось какъ-разъ наоборотъ: тогда она была многочисленнѣе и бодрѣе духомъ, чѣмъ послѣ сдачи Карса и Плевны. Въ нашихъ рукахъ теперь болѣе балканскихъ переходовъ, чѣмъ тогда, но все-же мы еще не пересекли за Балканы, не вошли въ блаженную Румелию, гдѣ такъ хорошо будетъ отогрѣться нашему солдатику, хотя и привычному къ зимѣ, но крѣпко забнущему во время снѣжныхъ мятежей въ горной странѣ. Разумѣется, еще будетъ лучше, если онъ и совсѣмъ не побываетъ въ Румелии, что можетъ произойти только въ одномъ случаѣ: если будетъ заключенъ миръ ранѣе, чѣмъ явится настоятельная необходимость вести войска къ Адрианополю.

О плевенской побѣдѣ мы пока имѣемъ еще краткія официальныя извѣстія, сообщенныя въ телеграмахъ. Послѣ побѣдъ, одержанныхъ гвардейскимъ корпусомъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, положеніе Османа-паши стало критическимъ. Подвозъ продовольствія къ его арміи совершенно прекратился въ концѣ сентября. Остававшійся небольшой, сравнительно, запасъ продовольствія съ каждымъ днемъ истощался; суровое время года еще болѣе усиливало лишенія войскъ Османа-паши, находящихся въ строгой блокадѣ. Ожидать помощи было не откуда, потому что вся западная Болгарія между Балканами и Дунаемъ, почти до сербской границы и Виддина, находилась въ нашихъ рукахъ. Лишенія плевенской арміи дошли до того, что Осману-пашѣ уже болѣе ничего не оставалось, какъ сдать на капитуляцію. Но турецкій генералъ, державшійся 4<sup>1</sup>/<sub>2</sub> мѣсяца противъ значительно превосхо-

дящей его численностию армии, принадлежит къ числу мужественныхъ, энергичныхъ людей. Надо прибѣгнуть къ послѣднему крайнему средству—пробиться съ оружіемъ въ рукахъ, рѣшилъ онъ, и 28 ноября утромъ перешелъ черезъ р. Видъ и съ отчаянной храбростью напалъ на лѣвый флангъ нашего гренадерскаго корпуса. Всю тяжесть турецкаго натиска первое время пришлось выдержать одному сибирскому гренадерскому полку; онъ геройски отстаивалъ свою позицію противъ непріятеля, сражавшагося съ отчаяніемъ людей, знающихъ, что назадъ имъ вернуться невозможно и что спасеніе ихъ зависитъ отъ того, удастся-ли имъ пробиться или нѣтъ. Вскорѣ на помощь сибирскому явились астраханскій и самогитскій полки, но бой съ каждой минутой становился ожесточеннѣе; турецкія войска нѣсколько разъ врвались въ наши траншеи и батареи. Наконецъ, дружными усиліями гренадеръ, турки были окончательно выбиты изъ нашихъ укрѣпленій, причемъ потеряли одно знамя и 6 орудій. Послѣ этого гренадеры перешли въ наступленіе и отгѣснили турокъ обратно за р. Видъ. Идти назадъ въ Плевну Осману-пашѣ было уже невозможно: въ тылу и на флангахъ его двигались массы нашихъ и румынскихъ войскъ, успѣвшихъ занять турецкій укрѣпленный лагерь. Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и исполнивъ до конца все, что потребовалъ отъ него долгъ военной чести, турецкій главнокомандующій, притомъ раненый, прекратилъ бесполезную борьбу и со всею арміею сдался на капитуляцію. Сдавшаяся въ плѣнъ армія состояла изъ 10 пашей, болѣе 2,000 офицеровъ, 42,000 ниж. чиновъ и 77 орудій. Наша потеря заключалась въ 57 офицерахъ и 1,800 ниж. вышедшими изъ строя.

Послѣднія реляціи, перечисляющія наши трофеи, очевидно показываютъ, что въ турецкой армии сравнительно менѣе артилеріи, чѣмъ въ нашей. Армія Османа-паши, численностью почти въ 60,000 человекъ (цифру, превышающую число сдавшихся въ плѣнъ, надо отнести на потери въ нѣсколькихъ сраженіяхъ), имѣетъ всего 77 орудій, тогда какъ ей по расчету, принятому въ нашей армии, слѣдовало имѣть, по крайней мѣрѣ, 120. Надо удивляться, какъ Османъ-паша, имѣя сравнительно мало артилеріи, могъ защищать такую длинную оборонительную линію, какою была плевненская позиція. Это доказываетъ только, что Османъ-паша дѣйствительно талантливый генералъ, и наши войска достойно оцѣнили его мужество. Во всѣхъ корреспонденціяхъ описанъ приемъ Осману-пашѣ, сдѣланный нашими офицерами и солдатами. Обращаясь къ безпристрастному источнику—къ корреспонденціи газеты „Daily News“. „Генералъ Скобелевъ съ 30 или 40 офицерами, пишетъ корреспондентъ,—подѣхалъ по софійской дорогѣ, на которой „Дѣло“, № 12, 1877 г.

войска его находились уже съ утра, къ мосту на разстояніе близкаго ружейнаго выстрѣла отъ турецкой цѣпи. Я примкнулъ также къ этой группѣ. Мы остановились шагахъ въ 50 отъ моста и въ 75 отъ утесовъ, за которыми расположены были густыя массы турецкой пѣхоты. Ген. Скобелевъ и двое или трое изъ офицеровъ махали бѣлыми носовыми платками. Въ отвѣтъ на это турки подняли на длинномъ шестѣ большой кусокъ бѣлой кисеи. Затѣмъ съ турецкой стороны выѣхали два всадника съ бѣлыми флагами. Всадники эти подъѣхали къ намъ, переговорили съ переводчикомъ ген. Скобелева и вернулись галопомъ назадъ. Они сообщили, что Османъ-паша лично явится вести переговоры о сдачѣ. Въ нашей группѣ послышались восклицанія: — „Къ намъ выѣзжаетъ самъ Османъ-паша!“ Дѣйствительно мы этого не ожидали. — „Во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ принять съ должнымъ уваженіемъ!“ замѣтилъ одинъ изъ русскихъ офицеровъ. — „Разумѣется, мы такъ и сдѣлаемъ“, сказалъ другой офицеръ. — „Мы все отдадимъ ему честь, а солдаты возьмутъ на караулъ“. — „Онъ безспорно славный вояка и оборонялся геройски“, замѣтилъ кто-то изъ нашей группы. — „Онъ величайшій изъ современныхъ полководцевъ, сказалъ Скобелевъ, — потому что онъ спасъ честь своей родины. Я скажу это Осману-пашѣ и пожму ему руку“. Все единогласно хвалили Османа-пашу. Факты убійства русскихъ раненыхъ турецкими плевненскими войсками, казалось, совершенно изгладилась у всѣхъ изъ памяти. „Вотъ онъ! ѣдетъ!“ послышались восклицанія. Я подался впередъ, ближе къ предмету общаго интереса. Къ намъ снова приближались двое всадниковъ съ бѣлымъ флагомъ. Тотъ, который держалъ его, очевидно былъ простой солдатъ. Онъ былъ въ фескѣ, въ длинномъ и грязномъ темномъ плащѣ и въ оборванныхъ сандаляхъ. На другомъ всадникѣ была ярко-красная феска и синій офицерскій плащъ; костюмъ его чистъ и щеголеватъ и завершался свѣжими перчатками. Это былъ молодой человекъ, съ круглымъ и свѣжимъ, гладко выбритымъ лицомъ, съ свѣтлыми усами, прямымъ носомъ и голубыми глазами. По наружности ему нельзя было дать болѣе 35 лѣтъ. — „Это не можетъ быть Османъ-паша!“ былъ общій возгласъ. Дѣйствительно, это былъ не Османъ, а начальникъ его штаба, Тевфизъ-бей. Трудно было вѣрить, что это юношеское лицо принадлежало человѣку, служившему правой рукою плевненскаго главнокомандующаго и игравшаго такую вліятельную роль въ организаціи его арміи, въ поддержаніи мужественной обороны Плевны. Турки не боятся поручать значительныя посты въ арміи молодымъ людямъ. Я почти не видалъ между плѣнными офицерами сѣдъ власыхъ стариковъ. Когда Тевфизъ-бей приблизился, все наши офицеры и солдаты отдали ему честь. Онъ

остановилъ лошадь, съ минуту помолчалъ и потомъ произнесъ довольно чистымъ французскимъ акцентомъ, но медленно, какъ-бы обдумывая каждое слово: „Османъ-паша... (пауза на 10 секундъ) раненъ“. Это было первымъ извѣстіемъ, полученнымъ нами о ранѣ турецкаго главнокомандующаго. Всѣ выразили сожалѣніе.—„Не тяжело, надѣмся?“ отозвался ген. Скобелевъ.—„Этого я не знаю“, произнесъ съ разстановкой турецкій офицеръ.—„Гдѣ-же находится его превосходительство?“—„Тамъ“, отвѣчалъ Тевфикъ-бей, указавъ рукою на маленькій домъ, смотрѣвшій на дорогу изъ-за моста. Затѣмъ послѣдовало молчаніе, впродолженіи котораго мы разсматривали нашего страннаго посѣтителя, а онъ, съ своей стороны, разсматривалъ насъ, стоя передъ нами съ невозмутимымъ хладнобровіемъ, но съ явнымъ любопытствомъ. Молчаніе сдѣлалось, наконецъ, недолгимъ. Турокъ не торопился начинать разговора, русскіе же, изъ деликатности, не рѣшались спросить, для того-ли онъ пріѣхалъ чтобы сдать. Къ тому-же въ нашей группѣ не было офицера, уполномоченнаго для переговоровъ о сдачѣ. Положеніе дѣлалось критическимъ, хотя оно и имѣло свою забавную сторону. Обѣ арміи смотрѣли на насъ, стоя другъ отъ друга на разстояніи какихъ-нибудь 500 шаговъ и держа въ рукахъ оружіе. На вопросы Скобелева: „Не желаете-ли вы видѣть кого-нибудь? Съ кѣмъ вы желали-бы переговорить? Что можно сдѣлать?“—паша ничего не отвѣчалъ.—„Да какого чорта ему нужно? Отчего онъ не говоритъ?“ сказалъ Скобелевъ по-англійски, обращаясь ко мнѣ. Тевфикъ-бей остался невозмутимъ. Я много разъ видѣлъ его послѣ того и убѣдился, что онъ вообще очень молчаливъ, но мнѣ кажется, что при этомъ случаѣ причиною его страннаго молчанія было отчасти волненіе, которое онъ старался замаскировать своимъ твердымъ, невозмутимымъ видомъ. „Войсками командуетъ здѣсь генераль Ганецкій. Если вамъ угодно съ нимъ поговорить, онъ сейчасъ-же будетъ сюда къ вашимъ услугамъ“, замѣтилъ въ заключеніе Скобелевъ. Тевфикъ-бей въ отвѣтъ на это только утвердительно кивнулъ головой. „Гази-Османъ оборонялся блестящимъ образомъ и распоряжался своимп войсками, что-называется, на славу, сказалъ одинъ изъ офицеровъ.—Мы относимся съ полнымъ уваженіемъ къ его воинскимъ качествамъ“. Турокъ смотрѣлъ прямо передъ собою въ пространство и какъ-будто даже не слышалъ, что ему говорятъ. „Мы считаемъ Османа-пашу превосходнымъ полководцемъ“, сказалъ другой офицеръ, но также не получилъ никакого отвѣта. Турокъ по-прежнему молча смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ находилась Софія, какъ-будто ожидая, что вотъ-вотъ въ послѣднюю рѣшительную минуту подойдутъ оттуда войска Мегемета-Али-паши. Очевидно было, что съ нимъ не разговоришься, а потому его и



оставили въ покоѣ. Къ счастью, вскорѣ прибылъ ген. Струковъ съ полномочіями на подписаніе капитуляціи. Онъ освѣдомился, имѣеть-ли Тевфикъ-бей, съ своей стороны, необходимыя полномочія. Повидимому, у Тевфикъ-бея этихъ полномочій не было. Я не могъ разобрать, что именно говорилъ онъ со Струковымъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что Тевфикъ-бей раскланялся съ нами, повернулъ коня и помчался галопомъ черезъ мостъ въ Плевну. Мы оставались все еще на прежнемъ мѣстѣ“.

Сказавъ далѣе, что турецкая армія сдалась и раненый Османъ-паша въ коляскѣ пріѣхалъ въ нашъ лагерь, корреспондентъ продолжаетъ:

„Протискавшись въ первые ряды, я дѣйствительно увидѣлъ Османа-пашу, который, узнавъ, что ѣдетъ великій князь главнокомандующій, отправился въ коляскѣ къ нему на-встрѣчу. При Османъ-пашѣ былъ конвой изъ 50 казаковъ, за нимъ слѣдовало человѣкъ 20 или 25 офицеровъ на маленькихъ турецкихъ лошадакахъ. Всѣ они были, за немногими исключеніями, очень молодые люди; повидимому, никому не было болѣе 30 лѣтъ. Нѣкоторые походили скорѣе на студентовъ, чѣмъ на воиновъ. Главнокомандующій подѣхалъ къ коляскѣ. Впродолженіи нѣсколькихъ секундъ оба полководца смотрѣли молча другъ на друга. Затѣмъ великій князь дружески подаль Осману-пашѣ руку и сказалъ: „Поздравляю васъ съ славной защитой Плевны. Она останется однимъ изъ наиболѣе блестящихъ подвиговъ въ лѣтописяхъ исторіи“.

Османъ-паша грустно улыбнулся и съ видимымъ усліемъ, не смотря на свою рану, всталъ, сказалъ нѣсколько словъ, которыя я не разслышалъ, и затѣмъ снова сѣлъ. Русскіе офицеры съ уваженіемъ отдавали честь Осману-пашѣ и кричали ему „браво!“.

Всѣ они смотрѣли на турецкаго плевненскаго героя съ величайшимъ почтеніемъ и симпатіей. Румынскій князь Карлъ, подѣхавшій также къ коляскѣ, привѣтствовалъ Османа-пашу почти въ тѣхъ-же словахъ, какъ и великій князь, и также пожалъ ему руку. Османъ-паша въ отвѣтъ всталъ съ своего мѣста и молча поклонился. Онъ былъ одѣтъ въ широкій синій плащъ, на которомъ не было никакого знака, по которому можно было-бы узнать въ немъ главнокомандующаго, и въ красную феску. Гази-Османъ большого роста и крѣпкаго сложенія; въ короткой окладистой черной бородѣ его незамѣтно ни одной сѣдинки. У него большой римскій носъ и черные глаза. Всѣ черты его лица выражаютъ рѣшимость и энергію, но въ то-же время чрезвычайную усталость. „У него дѣйствительно лицо великаго человѣка!“ воскликнулъ французскій военный уполномоченный г. Гальяръ. „У него лицо великаго полководца; я радъ, что видѣлъ его, замѣтилъ ген. Скобе-

левъ.—Гази-Османъ—Османъ побѣдоносный, такимъ и останется, несмотря на сдачу“. Быть можетъ, уваженіе русскихъ къ Осману-пашѣ нѣсколько преувеличено. Это разсудить исторія. Но подъ впечатлѣніемъ только-что совершившагося великаго военнаго событія — славной капитуляціи послѣ блистательной обороны — ни одинъ изъ насъ не могъ не откликнуться на слова Скобелева. Необходимо пояснить, что Османа-пашу нельзя судить по обыкновеннымъ военнымъ законамъ, такъ-какъ у него не было регулярной арміи; съ строго-военной точки зрѣнія, у него вовсе не было арміи, а былъ только сбродъ вооруженныхъ людей, почти безъ всякой организаціи и дисциплины, крѣмъ врожденной пассивной покорности турецкаго крестьянина. Армія эта приобрѣла военное воспитаніе и опытность уже въ трапезяхъ и на боевыхъ поляхъ. По-истинѣ нужно быть великимъ полководцемъ, чтобы съ такою арміею покрыть славою себя и ее. Притомъ-же у Османа не было талантливыхъ и опытныхъ офицеровъ. Словомъ, онъ, какъ титанъ, держалъ на своихъ плечахъ всю трудность плевненской обороны“.

Османъ-паша представлялся Государю Императору и его Величество возвратилъ ему саблю, разрѣшивъ носить ее и въ Россіи. Свита Государя также аплодисментами выразила свое сочувствіе мужественному генералу.

Да, смотря издали и обсуждая хладнокровно плевненскую оборону, непременно скажешь, что Османъ-паша сдѣлалъ даже болѣе, чѣмъ можно требовать отъ генерала, отрѣзаннаго отъ другихъ частей своей арміи. Можетъ быть, скажутъ, что Османъ-паша самъ создалъ себѣ такое положеніе. Едва-ли это будетъ вѣрно. Движеніе виддинскаго корпуса къ Плевнѣ, очевидно, было частью общаго плана дѣйствій турецкой арміи. Если планъ этотъ не осуществился, то не по винѣ Османа-паши, который превосходно исполнилъ возложенное на него порученіе. Русская армія, относясь восторженно къ его мужеству и таланту, отдаетъ ему должное, и въ ея дѣйствіи не слѣдуетъ видѣть ничего чрезвычайнаго. Въ нашей арміи всегда была и остается присущая ей черта: умѣнье достойно цѣнить своихъ противниковъ. Достаточно припомнить взаимныя любезности русскихъ и французовъ въ прошлую восточную войну, подъ Севастополемъ.

Взятію нами Плевны предшествовали успѣшныя дѣйствія въ Балканахъ съ цѣлью не допустить Мехмеда-Али-пашу подать помощь своему товарищу. Разбитый у Иравеца передовой отрядъ дивизіи Шакира-паши не рискнулъ удерживаться въ Орханіе и отступилъ къ Врачешу. Колонна ген. Дандевила, занимавшая Этрополь, направилась въ обходъ турецкой позиціи и 16 ноября овладѣла греотскою высотой, лежащею верстахъ въ 4 къ востоку отъ

пути отступленія турокъ, что и заставило ихъ поспѣшно очистить Врачешъ. За ними двинулся ген. Эллисъ изъ Правеца и, перейдя переваль черезъ Балканы, занялъ 19 ноября позицію у Арабконака. 20 числа была поднята на гору артилерія, а 21, турки, силою въ 12 таборовъ, атаковали нашу позицію, но были отбиты съ большимъ урономъ. Къ вечеру этого дня ген. Эллисъ соединился съ ген. Дандевилемъ; затѣмъ наша арабконакская позиція была укрѣплена. 23 ноября турки снова атаковали ее, но безуспѣшно

Дѣйствія въ этой части Балканъ сопровождались для насъ и чисто-матеріальными успѣхами: при поспѣшномъ оставленіи Орханіе турки отдали въ наши руки большіе склады оружія, патроновъ, теплой одежды, продовольствія и фуража; кромѣ того мы завладѣли полнымъ понтоннымъ паркомъ изъ 25 желѣзныхъ понтоновъ со всѣми принадлежностями.

При овладѣніи этой частью Балканъ нашимъ войскамъ пришлось бороться съ непрерывными физическими препятствіями. Какъ бы здѣсь дороги, можно судить по корреспонденціи г. Пузыревскаго, напечатанной въ „Рус. Инв.“, изъ которой позволимъ себѣ заимствовать слѣдующія любопытныя описанія: „Дорога, говоритъ г. Пузыревскій,—шла сначала по лѣвому берегу Малаго Исвера, потомъ переходила на правый и вилась узенькой лентой надъ пропастями, до облачной высоты. Перебѣгая съ одного хребта на другой, обходя глубокія ущелья и лощины, лѣплась почти по отвѣснымъ уступамъ горъ, дорога представляла крутые, длинные, часто около версты протяженія подъемы и спуски. Нерѣдко полотно дороги состояло изъ сплошного камня, поднимавшагося въ видѣ лѣстницы со ступеньками около одного фута высотой, или же загоразивалась на половину каменнымъ уступомъ, такъ что при движеніи повозка нагибалась къ сторонѣ пропасти и одно колесо значительно подымалось выше. Въ иныхъ мѣстахъ дорога имѣла видъ корыта, вымощеннаго большими плитами, которыя, какъ будто сильно всколебленныя, принимали самое разнообразное положеніе. Въ двухъ-трехъ пунктахъ часть полотна была сорвана горными потоками и колесное движеніе окончательно прерывалось. Надо къ этому прибавить, что передъ деревнею Калугерово и за нею до д. Лаковицы дорога нѣсколько разъ пересѣкала Малый Искеръ и ручей Правецъ, которыя, какъ и всѣ горныя рѣки, текутъ стремительно, имѣютъ каменистое ложе и глубокія впадины, незамѣтныя подъ водою. Несмотря на всѣ указанныя неудобства дороги, рѣшено было воспользоваться ею, такъ-какъ мѣстныя жители не могли указать другого обходнаго пути, удобнаго въ стратегическомъ смыслѣ. Для приспособленія же дороги къ движенію и возможнаго улучшенія ея придана была къ колоннѣ команда

Саперъ; вромѣ того, всѣ люди могли быть употреблены для работъ, а операція поручена была генераль-маіору Рауху, приобрѣтшему уже достаточную опытность въ движеніяхъ подобнаго рода участіемъ въ лѣтнемъ забалканскомъ походѣ, когда совершено былъ знаменитый переходъ черезъ Ханкюйскій переваль, считавшійся турками недоступнымъ“.

„Въ глубокой тишинѣ, пишетъ далѣе корреспондентъ,—при слабомъ лунномъ освѣщеніи, отрядъ началъ движеніе; рабочіе уже были разставлены и успѣли разработать часть пути. Несмотря на относительно значительный составъ отряда, движеніе происходило въ глубокой тишинѣ; только грохотъ орудій изрѣдка эхомъ раздавался по ущельямъ дикихъ предгорій Балкановъ. Крутые, почти отвѣсныя склоны высотъ покрыты на всемъ указанномъ протяженіи дубовыми порослями или рѣдкимъ лѣсомъ; въ чащахъ этихъ лѣсовъ, по обѣимъ сторонамъ Малаго Искера, разбросано нѣсколько болгарскихъ калибовъ (хуторовъ), жители которыхъ не убѣжали передъ турецкимъ нашествіемъ, благодаря только неприступности своихъ убѣжищъ. Болгары повсюду встрѣчали насъ съ величайшимъ любопытствомъ и радушіемъ и охотно служили намъ проводниками, не требуя за это никакого вознагражденія. Скоро отрядъ растянулся на значительное разстояніе: дорога позволила идти только рядами, а торчащіе камни, промоины и косогоры заставили даже вытягиваться гуськомъ. Артилерія уже съ первыхъ шаговъ требовала помощи пѣхоты; особенно осторожно приходилось двигаться на крутыхъ поворотахъ, такъ-какъ утесы, загнувъ по дугѣ, вытягивались потомъ по прямой линіи и, такимъ образомъ, орудіе могло быть сорвано въ пропасть. Потребовались величайшія усилія людей, поддерживавшихъ орудія руками и на лялкахъ, чтобы удерживать ихъ на полотнѣ дороги. Послѣ перваго перехода на правый берегъ Искера отрядъ почти сразу началъ подыматься по нависшей надъ пропастью дорогѣ до высоты облаковъ, которыя и скрыли его въ своемъ мракѣ. Горныя орудія двигались достаточно свободно; четырехфунтовыя конныя на всѣхъ подъемахъ и поворотахъ требовали помощи пѣхоты; что-же касается зарядныхъ ящиковъ, то они составляли истинное мученіе для отряда, очевидно, конструкція ихъ отвѣчаетъ только дѣйствіямъ въ культурныхъ, равнинныхъ странахъ, притомъ, если лошади достаточно сбережены и сохранили свои силы. При отсутствіи одного изъ указанныхъ условий, четырехколесный зарядный ящикъ является лишь тяжелой обузой для войскъ, и всякій расчетъ скорости движенія оказывается рѣшительно невозможнымъ. Иногда переходъ въ пять — шесть верстъ исполняется втеченіи 10 — 12 часовъ, такъ-какъ на всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ подъемахъ

приходится большую часть пути нести ящики на плечах пѣхоты“.

Отрядъ свернулъ въ обходъ на д. Лаковице, но тутъ начались новыя испытанія.

„Представшіе передъ нами, съ первыхъ-же шаговъ, крутые подъемы на ногомъ пути, говорить г. Пузыревскій, — заставили болѣзненно сжаться сердце, и невольно рождалось сомнѣніе, что въ тотъ день уже не удастся атаковать турокъ. Стянувши въ Лаковицахъ колонну, генераль Раухъ двинулся далѣе. Былъ уже шестой часъ пополудни, когда мы прошли версты полторы отъ Лаковицы. Лошади находились въ работѣ и безъ клочка сѣна съ 12 часовъ дня 9-го числа, т. е. тридцать часовъ; люди сдѣлали ночной переходъ отъ Яблонины въ 27—28 верстъ, безъ сна, безъ отдыха, безъ горячей пищи и неся на своихъ плечахъ артилерію, а между тѣмъ дорога перебѣгала съ одной кручи на другую, суживаясь въ иныхъ мѣстахъ до ширины тропинки, т. е. требуя на каждомъ шагу разработки и громаднхъ усилій для перевозки артилеріи. Оставалось еще до турецкихъ позицій верстъ шесть, т. е. можно было разсчитывать прибыть къ мѣсту назначенія лишь далеко за полночь, ввязаться въ ночное дѣло и, пожалуй, вести совершенно изолированный бой, такъ-какъ демонстративная канонада уже прекратилась. Въ такихъ обстоятельствахъ генераль Раухъ рѣшился остановиться на ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня продолжать движеніе въ обходъ турокъ.

„Бивакъ пришлось выбрать на хребтѣ, окруженномъ громадными, мрачными, поросшими дубомъ высотами, имѣя путь отступленія на лѣвомъ флангѣ, обезпеченномъ до нѣкоторой степени семеновскимъ баталіономъ, оставленнымъ у д. Лаковицы. Такъ-какъ противникъ могъ атаковать отрядъ почти по всѣмъ направленіямъ, то бивакъ охранялся круговою цѣбью аванпостовъ, съ резервами и пикетами кавалеріи, расположенными на отдаленныхъ командующихъ высотахъ. Отрядъ сталъ постепенно становиться посреди наступавшей темноты. Костры, разумѣется, были воспрещены, и не прошло болѣе полчаса, какъ весь бивакъ, освѣщаемый слабымъ луннымъ свѣтомъ, пробивавшимся сквозь облака и туманъ, погрузился въ мертвую тишину. Кто гдѣ стоялъ — тутъ и повалился, какъ спопъ; только часовые медленно прохаживались на своихъ мѣстахъ, и въ дежурныхъ частяхъ изрѣдка перешептывались. Заморенныя лошади тоже повалились, безъ корму“.

На противоположной сторонѣ занятыхъ нами Балканъ, у еленскаго прохода, мы потерпѣли пораженіе. Проходъ этотъ на позиціи у Мареня оборонялся двумя пѣхотными полками. 22 ноября

Сулейманъ-паша двинулъ противъ нихъ 20,000 человекъ. Наши войска, тѣснимыя турками, отошли къ Еленѣ. Здѣсь, выдерживая нападеніе съ трехъ сторонъ, они защищались нѣсколько часовъ, но были вынуждены отступить на яковицкую укрѣпленную позицію, въ 5 верстахъ отъ Елены по дорогѣ въ Тырново. Одновременно съ этой атакой турки вытѣснили нашъ отдѣльный отрядъ съ златарицкой позиціи (въ 18 верстахъ къ сѣверу отъ Елены). 23 ноября бой возобновился; обѣ стороны остались на занятыхъ ими наканунѣ позиціяхъ. 24 ноября къ защитникамъ елененскаго прохода подошли подрѣзленія, а посланный изъ Тырнова отрядъ выгналъ турокъ изъ Златарицы и, преслѣдуя ихъ, двинулся по направленію къ Беброву. Это движеніе заставило Сулеймана-пашу прекратить начатую имъ атаку на яковицкую позицію. Наши потери въ этихъ бояхъ были значительны: 50 офицеровъ и 1,800 ниж. чин. убиты и ранены, а также 11 орудій, изъ нихъ 4 подбиты, а 7 достались неприятелю. Сдача Шлевы необходимо должна была отразиться на дѣйствіяхъ турокъ противъ елененскаго прохода. 2 декабря турки оставили гор. Елену, предавъ его пламени, и отступили къ с. Ахмедли, верстахъ въ 22 къ востоку отъ Елены. Вслѣдъ за этимъ наши войска заняли свои прежнія позиціи.

30 ноября Сулейманъ-паша снова сдѣлалъ попытку атаковать наши позиціи у Дуная по нижнему теченію Лома. Переправившись на лѣвый берегъ рѣки подлѣ сѣл. Красны (въ 12 верстахъ къ югу отъ Рушчука), турки, въ числѣ до 60,000 человекъ, атаковали 12-й корпусъ великаго князя Владиміра Александровича, направивъ главный ударъ на Мечку, центръ и лѣвый флангъ нашихъ позицій. Нѣсколько разъ повторенныя атаки были отбиты. Когда-же, послѣ полудня, прибыла на поле сраженія свѣжая бригада, вышедшая противъ лѣваго фланга турокъ, весь 12-й корпусъ перешелъ въ наступленіе и настойчиво преслѣдовалъ отбитаго неприятеля до Красны. Турки бросили на полѣ сраженія своихъ раненыхъ. Мы потеряли 25 офицеровъ и 700 ниж. чин. убитыми и ранеными.

Въ малой Азіи отрядъ ген. Комарова 5 декабря занялъ съ боя г. Арданучъ на половинѣ пути между Ардаганомъ и Батумомъ. Занятіе этого города указываетъ на начало серьезныхъ операцій противъ Батума и съ южной стороны по долину Чороха. Турецкихъ войскъ въ Батумѣ осталось теперь не болѣе 10,000 человекъ, и главныя препятствія, которыя могутъ встрѣтить наши войска, заключаются въ трудно-проходимыхъ путяхъ.

9 декабря войска, стоящія подъ Эрзерумомъ, заняли нѣсколько

окрестныхъ селеній, что говорить о намѣреніи начать блокаду этой рѣпости.

Наши моряки совершили новый подвижъ, о которомъ сообщаютъ слѣдующія двѣ телеграммы отъ главнаго командира черноморскаго флота:

„1) Получивъ телеграмму отъ командира парохода „Россія“, флигель-адъютанта Баранова, честь имѣю донести слѣдующія подробности: пароходъ „Россія“, на пути отъ Босфора къ Пендераклии (Пендерекли), ночью приблизился къ ней, имѣя въ виду рано утромъ произвести атаку, но, съ разсвѣтомъ, замѣтивъ въ морѣ дымъ, значительность котораго указывала большое судно, измѣнилъ свой курсъ, взявъ нѣсколько мористѣе, чтобы въ случаѣ встрѣчи съ болѣе сильнымъ противникомъ сохранить за собою свободу дѣйствій и не быть прижатымъ къ берегу. Въ 8 часовъ утра, 13-го декабря, ясно обозначился корпусъ трехмачтоваго винтового судна, шедшаго на пароходъ „Россія“, который, поднявъ свой флагъ и подойдя ближе, сдѣлалъ выстрѣлъ по носу встрѣченнаго судна. Судно это, не поднимая флага, измѣнило свой курсъ и бросилось къ берегу. Съ „Россіи“ данъ былъ выстрѣлъ и затѣмъ она стала прижимать пароходъ въ бухту, послѣ чего на турецкомъ пароходѣ, на нѣсколько мгновеній, былъ поднятъ трехъ-полосный флагъ. Опасаясь продлить погоню до Пендераклии, командиръ рѣшилъ кончить съ этимъ пароходомъ и, приблизившись еще, послалъ въ него 8-ми-дюймовую бомбу, которая легла вплотную и заставила его остановитъ ходъ. Послѣ этого „Россія“ стала еще болѣе приближаться къ нему и командиръ послалъ на паровомъ катерѣ лейтенанта Зарина сдѣлать осмотръ парохода и его бумагъ, имѣя въ виду, въ случаѣ сопротивленія, сосредоточеннымъ залпомъ уничтожить его. Черезъ нѣсколько минутъ на пароходѣ взвился турецкій флагъ, тотчасъ замѣненный русскимъ, подъ которымъ поднятъ былъ турецкій. Овладевъ, такимъ образомъ, пароходомъ и приблизительно приведа въ извѣстность находящееся на немъ, оказалось, что, кромѣ команды, взяты цѣлый наборъ анатолійскаго низама, съ командиромъ, штабъ-офицеромъ, 10 оберъ-офицерами и 700 человекъ плѣнныхъ. Временнымъ командиромъ приза назначенъ старшій офицеръ, капитанъ 2-го ранга Сутковой, и „Россія“, взявъ пароходъ на буксиръ, повела его въ Севастополь. Въ моментъ выхода изъ бухты по правому траверзу было хорошо видно большое паровое судно, шедшее въ Пендераклию, которое, однако, не рѣшилось преслѣдовать „Россію“. На слѣдующій день, утромъ, пароходъ „Россія“, вмѣстѣ со взятымъ имъ призомъ, прибылъ въ Севастополь и, сдавъ тамъ плѣнныхъ и оставивъ призь, отправился по назначенію“.

„2) По дополнительнымъ свѣденіямъ, полученнымъ мною съ контръ-адмирала Понандопуло и флигель-адъютанта Баранова, оказывается, что на взятомъ пароходѣ находилось: нижнихъ чиновъ 785, штабъ-офицеровъ четыре, оберъ-офицеровъ девять, морской лейтенантъ одинъ, двѣ кавалерійскія лошади, 12 женщинъ съ дѣтьми, много провіанта и много казенныхъ денегъ. По приказанію моему, назначена портовая комисія для приведенія всего въ извѣстность. Всѣ плѣнные сданы въ Севастополь, изъ нихъ 58 поступили въ сухопутный лазаретъ; 14 офицеровъ, 103 унтеръ-офицера и 12 женщинъ съ дѣтьми командиръ взялъ съ собою на „Россію“, для доставленія въ Одессу. По показанію турецкихъ офицеровъ оказывается, что взятый винтовой пароходъ былъ одинъ изъ трехъ, конвоированныхъ двумя броненосцами“.

---



## Г. МИКЪШИНЪ — НЕ ВЪ СВОИХЪ САНЯХЪ.

Недавно и совершенно случайно попался мнѣ въ руки № 37 „Пчелы“, гдѣ помѣщено „Объясненіе съ журналомъ „Дѣло“. Объясненіе это—едва-ли не единственное произведеніе г. Микѣшина—принадлежитъ ему самому, и если-бы подъ нимъ не стояло полного имени его, то все-таки мы были-бы увѣрены, что оно никому другому и не можетъ принадлежать, какъ г. Микѣшину; только такою извѣстный мастеръ монументальныхъ дѣлъ, или, какъ угодно называть себя г. Микѣшину, художникъ, могъ написать такъ художественно и даже гениально. Въ этомъ отношеніи г. Микѣшинъ, до сихъ поръ неизвѣстный на литературномъ поприщѣ и восплаившій желаніемъ „человѣка, посвятившагося (такъ изящно-грамматически пишетъ г. Микѣшинъ!) обществу дѣлу“ — восплаившій именно съ тѣхъ поръ, какъ всѣ ростовщички и лабазнички восплаивали журнальной похотью,—ничего подобнаго себѣ не имѣлъ, развѣ кромѣ г. Кашпирева. Что за возвышенный тонъ объясненія! Что за остроуміе и блескъ ума! Что за грамматика! И вѣдь какъ легко можно ошибаться въ наше время насчетъ великихъ талантовъ. Кто-бы могъ думать, что въ г. Микѣшинѣ, украшавшемъ доселѣ наши площади бронзовыми и чугунными памятниками, вдругъ откроется такая блестящая умственная сила! Эта сила прежде всего проявилась въ его редакціонномъ талантѣ. Если не ошибаемся, „Литературное Домино“, желая подшутить надъ простодушнымъ художникомъ, посылаетъ г. Микѣшину слѣдующіе стихи:

Рѣшаются всѣ безъ особыхъ усилій  
На поприще чуждое имъ выступать:  
Картины рисуетъ Самойловъ Василій,  
*Микѣшинъ беретъ журналъ издавать* \*)

и г. Микѣшинъ преспокойно печатаетъ эти стихи въ своей художественной „Пчелѣ“, заявляя торжественно тѣмъ передъ своими подпис-

\*) См. № 13 «Пчелы» за 1877 годъ.

чиками, что онъ, дѣйствительно, залѣзъ не въ свои сани, что онъ издаетъ журналъ... ну, хоть по ошибкѣ. Этотъ литературный курьезъ въ свое время смутилъ многихъ поклонниковъ микъшинскаго гениа: одни объяснили это тѣмъ, что г. Микъшинъ еще только начинаетъ читать по складамъ, и потому легко могъ просмотрѣть или не понять, что „Литературное Домино“ говоритъ ни о комъ другомъ, какъ о г. Микъшинѣ; другіе утверждали, что это былъ благороднѣйшій порывъ откровеннаго признанія или, точнѣе, самооплеванія; наконецъ, третьи говорили, что это просто вслоухость, столь свойственная людямъ, не получившимъ аттестата зрѣлости. Но какъ-бы тамъ ни было, а я, которому г. Микъшинъ угрожаетъ судомъ, какъ его обличителю и клеветнику, не безъ удовольствія заручился этимъ печатнымъ документомъ въ свое оправданіе. Развѣ я не то-же самое говорю о г. Микъшинѣ, что онъ самъ гораздо раньше говорилъ о себѣ? Рѣшительно то-же самое, и ни одинъ шеманинъ судъ въ мірѣ не обвинитъ меня за то, что я думаю о г. Микъшинѣ точно такъ-же, какъ онъ думаетъ самъ о себѣ. Въ статьѣ „Эпизодъ изъ литературнаго самооплеванія“ („Дѣло“, № 8) я назвалъ г. Микъшина журнальнымъ спекуляторомъ и притомъ крайне недалекимъ. Но я вась спрашиваю, какъ-же я долженъ назвать того, кто самъ признается, и притомъ печатно, что онъ затесался въ несвойственную ему роль, взялся за дѣло, которое совершенно чуждо ему, однимъ словомъ, усѣлся въ чужія сани? Какъ-бы назвалъ самъ г. Микъшинъ меня, если-бы я, не умѣя растграть красокъ, взялся-бы копировать „Страшный судъ“ Микель-Анджело или Мадонну Рафаэля? Не было-ли-бы это такимъ-же наглымъ и глупымъ шарлатанствомъ, какъ если-бы совершенный неучъ, неумѣющій прочитатъ и понять рукописи, представляемой на его благоусмотрѣніе, усѣлся-бы на редакторское кресло и сталъ-бы давать тонъ и направленіе литературному органу и образованнымъ своимъ сотрудникамъ? Чего мы должны ожидать отъ подобнаго органа и каково должно быть положеніе тѣхъ литературныхъ паріевъ, которые находятся подъ командой такого принципала? Надѣюсь, что и г. Микъшинъ пойметъ, что первое условіе чловѣческой добросовѣстности, за которую онъ такъ рыцарски ратуетъ, состоитъ именно въ томъ, чтобы не братья не за свое дѣло. Къ сожалѣнію, редакторы-издатели, подобные г. Микъшину, совершенно игнорируютъ эту элементарную истину, и не только не конфузятся своихъ павлиньихъ перьевъ на вороньемъ остовѣ, но еще имѣютъ смѣлость кричатъ: „а вотъ смотрите — каковы мы!“ Если-бы вы, г. Микъшинъ, росписывали стѣны выѣсками и издавали изъ вашихъ художественно-маларныхъ эскизовъ альбомы, то мы не имѣ-

ли-бы никакого права относить васъ къ числу спекуляторовъ и шарлатановъ, — тамъ вы были-бы на своемъ мѣстѣ. Но „Пчела“ не просто художественно-малыринный альбомъ, а журналъ, какъ вы заявляете на обложкѣ, — искусствъ, литературы, политики и общественной жизни. Шутка сказать, г. Микъшинъ — руководитель органа литературы, политики и общественной жизни! Это поща по части вашей добросовѣстности, а теперь посмотримъ на степень вашей сообразительности.

Обозвавъ меня „наглецомъ и клеветникомъ“ (это за то, что повторилъ о г. Микъшинѣ его собственное мнѣніе о немъ), онъ обличаетъ меня въ томъ, что я пишу „неуклюже и безграмотно“. Что касается неуклюжести, то я спорить съ такимъ знаменитымъ художникомъ, какъ г. Микъшинъ, не смѣю—ему и книги въ руки; ну, а относительно безграмотности готовъ поспорить. Пусть г. Микъшинъ укажетъ мнѣ въ моей статьѣ хоть одно безграмотное слово или фразу; а я сейчасъ приведу образчикъ безграмотности самого г. Микъшина, изъ первой-же строки его объясненія со мной: „Для человѣка, *посвятившагося* какому-нибудь общественному дѣлу“ и т. д., такъ начинается свою реплику г. Микъшинъ. Хорошо это *посвятившагося* у редактора-издателя, обличающаго другихъ въ безграмотности! Неужели вы, г. Микъшинъ, не понимаете, что нельзя сказать грамматически *посвятившійся*, на томъ-же основаніи, какъ нельзя сказать — *самооплевавшійся*? Спросите объ этомъ вашего корректора, сочиняющаго вамъ *политику на обложкѣ*, и онъ растолкуетъ вамъ, почему это безграмотно. А вы сами изъ какого класса гимназіи изволили ретироваться, г. художникъ? И не стыдно вамъ обличать другихъ въ безграмотности, когда вы не умѣете справиться съ обыкновеннымъ русскимъ глаголомъ? Точно такимъ-же блескомъ невѣжества вы озадачиваете вашихъ читателей и по части географіи. Желая извиниться передъ вашими подписчиками за невысылку имъ обѣщанной преміи, заказанной въ Парижѣ, вы вдругъ ни съ того, ни съ сего стали увѣрять, что причиной этого замедленія была мобилизація войска. Судя по тому, какъ вы далеки въ русской грамматикѣ, мы въ правѣ предположить, что вы не дальше ушли и въ географіи, серьезно полагая, что Парижъ находится на Дунаѣ или около Карса; но это-бы еще ничего, какъ вы сами думаете, но вы хотите увѣрять въ этомъ и вашихъ читателей... Иначе, какимъ-бы это чудомъ могла тутъ замѣшаться мобилизація войска, происходившая, какъ извѣстно, въ совершенно противоположной сторонѣ отъ Парижа? Вѣдь невольно повторить:

И Микъшинъ беретъ журналъ издавать!

Еще курьезнѣе печатныя объясненія нашего художника съ его

сотрудниками. Вотъ одинъ изъ образчиковъ этихъ объясненій: „Редакцію „Пчелы“, говоритъ г. Микъшинъ,—окончательно одолѣли предложенія стихотвореній изъ провинціи. *Ни ласки, ни просьбы, ни угрозы*, помѣщаемыя имъ въ отвѣтъ въ почтовомъ ящикѣ, не дѣйствуютъ“ и т. д. (Обложка, № 39), — такъ и думаешь, что г. Микъшинъ вслѣдъ за этими *угрозами* швырнетъ своей палитрой въ бѣднаго провинціального стихотворца или испачкаетъ его акваринной. И такого рода объясненія печатаются въ якобы художественномъ органѣ, хотя имъ едва-ли дали-бы мѣсто и въ приказахъ пожарной команды. Положимъ, что такъ объясняется не самъ г. мастеръ монументальныхъ дѣлъ, а его корректоръ, но кто-же ихъ разберетъ тамъ, кто настоящій изъ нихъ редакторъ „Пчелы“; судя по всему, мы думаемъ, что корректоръ и есть дѣйствительный руководитель какъ самого г. Микъшина, такъ и его органа.

Эхъ, г. Микъшинъ, зачѣмъ вы оставили вашу скромную студию художника, гдѣ можно сотни лѣтъ пробавляться чужими идеями и фантазіями, воплощая ихъ въ полотно и бронзу безъ всякаго ущерба для своей репутаціи, и выступили на такое поприще, гдѣ никакъ нельзя скрыть ушей...

**По порученію Все того-же.**

## ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

**Происхожденіе человѣка и половой подборъ.** ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ., подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150 ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

**Теорія естественнаго подбора.** Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

**Популярная гигиена.** Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. КАРЛА РЕКЛАМА. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигиены“ д-ра М. С. Зелескаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

**Вопросы общественной гигиены.** В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

**Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода.** В. М. Флоринскаго. Ц. 50 к.; съ пер. 70 к.

**О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ.** Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моршеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

**Уроки элементарной физиологіи.** Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Л. П. Писарева. Изданіе третье. Ц. 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

**Комедія всемірной исторіи.** Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

**Исторія крестьянской войны въ Германіи.** Д-ра В. Циммермана, составл. по дѣлописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

**Избранныя рѣчи Джона Брайта.** Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

**Одинъ въ полѣ—не воинъ.** Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

**Девяносто третій годъ.** Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

**Современные политическіе дѣятели.** (Біографіи и характеристика) Э. Реклю (М. Трисе). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

**Испѣвъ старика.** Политическій романъ Пюльпа Ньюво, перев. съ итальянскаго В. А. Забцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

**О подчиненіи женщины.** Эж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

его безденежьи. — Невозможность удовлетворить потребностямъ Краснаго Креста одними благотворительными взносами. — Еще невозможнѣе удовлетворить личной помощью вдовъ и сиротъ убитыхъ военныхъ. — Первый шагъ къ обязательной помощи бѣднымъ, первая попытка къ налогу для бѣдныхъ.

16. ВОЕННАЯ ХРОНИКА. . . . .
17. Г. МИКЪШИНЪ — НЕ ВЪ СВОИХЪ САНЯХЪ. . . . . ПО ПОРУЧЕНІЮ „ВСЕ ТОГО-ЖЕ“.
18. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДЪЛО“ ВЪ 1878 ГОДУ.

---

Оставшіеся ПОЛНЫЕ экземпляры журнала „ДЪЛО“ за 1876 годъ продаются: а) для подписчиковъ на журналъ „ДЪЛО“ за 7 р. съ пересылкой; б) для не подписчиковъ — за 10 р. съ пересылкой.

---

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ  
ПРОДАЕТСЯ СЛѢДУЮЩАЯ КНИГА:

СОВРЕМЕННЫЕ  
ПОЛИТИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Э. РЕВЬЮ (М. ТРИГО.)

(Биографіи и характеристики). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 в.

При этомъ № прилагаются слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1878 г.; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“; 3) о журналѣ „Живоп. Обозр.“; 4) отъ музык. магазина І. и П. Юргенсона; 5) о газетѣ „Недѣля“; 6) о журн. „Народная Школа“; 7) о книгѣ А. П. Пятковского; 8) о журналѣ „Воспитаніе и Обученіе“; 9) о журналѣ „Пчела“; 10) о выходѣ въ свѣтъ „Стихотвореній И. З. Сурикова“; 11) о подпискѣ на „Русскія Вѣдомости“; 12) о журналѣ „Модныя Выкройки“; 13) о газетѣ „Новости“; 14) о газетѣ „Сынъ Отечества“.

При этомъ № разсылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: 1) объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива“; 2) отъ Картографическаго заведенія Ильинскаго. Только иногороднимъ подписчикамъ: 3) объявленіе о подпискѣ на журналъ „Сознаніе Иностранныхъ Романовъ“; 4) о подпискѣ на журналъ „Новый Русскій вѣстникъ“.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1878 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи  
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція будетъ считать себя отвѣтственной за исправную и своевременную  
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ,  
которые подпишутся по указанному выше адресу.

### ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“:

Безъ пересылки и доставки . . . . .	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. . . . .	15 „ 50 к.
Съ пересылкою и погороднымъ . . . . .	16 „
„ за-границу . . . . .	19 „

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за пору  
тельство г. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

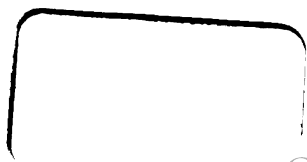












Widener Library



3 2044 079 302 352